АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН Археологический центр Псковской области Псковский археологический центр Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.)

Выпуск 29

Нестор-История Москва • Псков • Санкт-Петербург 2014

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-11-60501 г(р)

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия

П.Г. Гайдуков, Т.Ю. Закурина, Л.Я. Костючук, Э.В. Королёва, И.К. Лабутина, Н.В. Лопатин (ответственный редактор выпуска), Е.В. Салмина (ответственный секретарь), Вл.В. Седов, Б.Н. Харлашов, Е.А. Яковлева

А87 Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 59-го заседания. Вып. 29. — М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. — 504 с., ил. ISSN 2304-0076

ISSN 2304-0076 ISBN 978-5-4469-02992-7

Сборник содержит материалы научных исследований по археологии, истории, архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры народов лесной зоны Восточной Европы.

Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северо-Запада России и сопредельных стран.

УДК 902/903 ББК 63.4

ISBN 978-5-4469-0292-7

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2014
- © ГБУК «Археологический центр Псковской области», 2014
- © АНО «Псковский археологический центр», 2014
- © ГБУК «Псковский государственнный историкоархитектурный и художественный музей-заповедник», 2014
- © Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2014
- © Издательство «Нестор-История», 2014

Редактор *Е.Е. Сырнева*. Перевод резюме *С.Ф. Мацевич* Художники: *А.В. Голикова*, *Н.С. Сафронова* Выпускающий редактор *М.В. Беглецова* Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат $70\times100~^{1}/_{16}$ Бумага офсетная. Печать офсетная Усл.-печ. л. 40,6. Заказ № 3673. Тираж 350 экз.

Институт археологии РАН 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Издательство «Нестор-История» 197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86 e-mail: nestor_historia@list.ru. www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История» 191119 СПб., ул. Правды, д. 15. Тел. (812)622-01-23

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2012 г
Е.В. Салмина, С.А. Салмин, Р.Г. Подгорная. Планировка Нового Торга:
возможности реконструкции с учетом новых археологических данных
Л.В. Яворская. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические
исследования раскопа Лужский II в Пскове 4
С.В. Степанов. Исследования прибрежной части средневекового Полонища
Пскова (по материалам Георгиевского II раскопа 2012 г.)5
С.А. Салмин, Е.В. Салмина. Археологические раскопки
на Никольском IV раскопе (у «Солодёжни») в 2012 г
М.А. Васильев. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове
Ю.В. Колпакова. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых
музейных коллекциях
Н.В. Новосёлов. Храмы мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове
А.А. Гиппиус, Т.В. Круглова, Е.А. Яковлева. Запись Шестоднева 1374 г. как
источник по исторической топографии Пскова
М.Б. Бессуднова. Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. в свете
ливонских документов из иностранных архивов
ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ
Х. Валк. Каменные оборонительные сооружения Изборского городища:
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии   12   А. В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б. Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б.С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской   14
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011—2012 гг.   13   Б.С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17
взгляд из Эстонии
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б.С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18
ВЗГЛЯД ИЗ ЭСТОНИИ
ВЗГЛЯД ИЗ ЭСТОНИИ
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б. Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18   А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России   19   В.М. Рожиятовский. Принципы разметки каменных крестов   20
ВЗГЛЯД ИЗ ЭСТОНИИ   12   А. В. Яковлев, Н. В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011−2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б. Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А. В. Михайлов, Е. В. Салмина, Е. А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э. В. Королёва, Е. А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А. А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18   А.Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России   19   В. М. Рожнятовский. Принципы разметки каменных крестов   20   О. А. Тарабардина. Новгородский Великий мост в свете данных
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18   А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России   19   В.М. Рожнятовский. Принципы разметки каменных крестов   20   О.А. Тарабардина. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований   21
взгляд из Эстонии   12   А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18   А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России   19   В.М. Рожнятовский. Принципы разметки каменных крестов   20   О.А. Тарабардина. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований   21   О.М. Олейников. Археологические исследования в северной части Неревского
ВЗГЛЯД ИЗ ЭСТОНИИ   12   А. В. Яковлев, Н. В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011−2012 гг.   13   Б. С. Короткевич, Б. Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново   14   М.И. Кулакова, А. В. Михайлов, Е. В. Салмина, Е. А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.   16   Э.В. Королёва, Е. А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости   17   А.А. Михайлов. Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.   18   А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник. Каменные кресты в круге на северо-западе России   19   В.М. Рожнятовский. Принципы разметки каменных крестов   20   О.А. Тарабардина. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований   21   О. М. Олейников. Археологические исследования в северной части Неревского

4

Т. С. Дорофеева. Отдельные находки металлических привесок-амулетов	
на Новгородском (Рюриковом) Городище	. 245
С.И. Стеблин-Каменская. Руническая надпись на привеске-оселке: разбор	
сложностей, связанных с ее чтением и транслитерацией	. 259
П.П. Колосницын. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе:	
опыт классификации	. 266
А.М. Салимов, В.В. Данилов. Михаило-Архангельский собор Старицы	07/
по материалам последних исследований	. 274
u	
ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИ	ІКИ
А.А. Егорейченко. Хронология ранних городищ Браславского Поозерья	. 289
Б. С. Короткевич, М. В. Саблин. Фауна городища Анашкино	
(динамика культурно-хронологических изменений)	. 298
П.Е. Сорокин, М.А. Юшкова. Новые находки древностей культуры каменных	
могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности	. 312
<i>Е.Р. Михайлова</i> . К характеристике погребальной обрядности культуры	000
псковских длинных курганов	. 323
Беларуси	. 329
Р. Йонайтис. Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе	. 020
в 2012 г. (Не)ожиданные открытия	. 343
И. Каплунайте. Мусор в повседневной жизни жителей Католического района	
Вильнюса в XIV–XVI вв	. 349
С.В. Белецкий. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах	. 357
Н.А. Плавинский. Миниатюры Радзивиловской летописи	
как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса	. 388
Р. Спиргис. Средневековые бестиарии как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок	402
ливских зооморфных подвесок	
п.т. соколова. О повом спосоос фиксации археологического дерева	. 414
ИСТОРИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТ	И
Т.В. Круглова. Первый опыт научного хранения Спасо-Преображенского	
1 1 , ,	. 417
М.В. Медведева. Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-	
Петербургской губернии из собрания Императорской Археологической	40.4
комиссии. Случайные находки	. 424
В.Ю. Соболев. Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда	436
и.А. Федоров. Курганная группа Гатчина 1.	. 450
Новые архивно-картографические данные	451
<i>Е.В. Торопова.</i> Первые мероприятия по сохранению археологического наследия	. 101
на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг	. 455
С.В. Белецкий. Слово о друге	. 461
Сведения об авторах	
Список сокращений	
Иллюстрании	. 4//

Contents

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF PSKOV

E.A. Yakovleva. Archaeology in Pskov in 2012	7
E. V. Salmina, S.A. Salmin, R. G. Podgornaja. The New Torg planning:	0.4
reconstruction capabilities in response to new archaeological data	31
L. V. Yavorskaya. Meat trade or bone pavement?	40
Archaeozoological research of the Luzhsky II excavation site in Pskov S. V. Stepanov. The study of the coastal part of the medieval Polonishche of Pskov	
(on the data from Georgievsky II excavation site, 2012)	56
S.A. Salmin, E. V. Salmina. Archaeological excavation site Nikolsky IV	CZ
(at «Solodezhnya») in 2012	
M.A. Vasiliev. Leather bag from Petrovsky XI excavation site in Pskov	
N. V. Novoselov. The «Mirozhsky» type churches and the 12th-century Trinity	
Cathedral in Pskov	95
A.A. Gippius, T.V. Kruglova, E.A. Yakovleva. The Record of the Shestodhev	
(Hexaemeron) of 1374 as a Source of the 14 th century Pskov Historical Topography	105
M.B. Bessudnova. Pskov-Livonian negotiations of the 1472–1474	. 103
on the basis of the Livonian documents from foreign archives	. 116
PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS	
PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 125
H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	
H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137
H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137
H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective. A. V. Yakovlev, N. V. Lopatin. Archaeological fieldwork on Izborsk hillfort and suburb in 2011–2012. B. S. Korotkevich, B. N. Kharlashov. Results of the hillfort of Borokhnovo research. M. I. Kulakova, A. V. Mikhailov, E. V. Salmina, E. A. Yakovleva. Archaeological excavations in Velikie Luki in 2012. E. V. Koroleva, E. A. Yakovleva. The concept of museumification of the Velikie Luki fortress. A. A. Mikhailov. «Zatin guns» in gun parks of Pskov land fortresses in the 17th century. 	. 137 . 146 . 161 . 171
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161 . 171 . 183 . 192
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective. A. V. Yakovlev, N. V. Lopatin. Archaeological fieldwork on Izborsk hillfort and suburb in 2011–2012. B. S. Korotkevich, B. N. Kharlashov. Results of the hillfort of Borokhnovo research. M. I. Kulakova, A. V. Mikhailov, E. V. Salmina, E. A. Yakovleva. Archaeological excavations in Velikie Luki in 2012. E. V. Koroleva, E. A. Yakovleva. The concept of museumification of the Velikie Luki fortress. A. A. Mikhailov. «Zatin guns» in gun parks of Pskov land fortresses in the 17th century. 	. 137 . 146 . 161 . 171 . 183 . 192
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161 . 171 . 183 . 192 . 205
 H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective	. 137 . 146 . 161 . 171 . 183 . 192 . 205

6 Contens

M.I. Petrov. The estate complex of the early 13th century	
on the Nikolsky-2007 (Novgorod) excavations data	. 235
T.S. Dorofeyeva. Finds of metal pendants-amulets on the Novgorod (Rurikovo)	
Gorodishche	. 245
S.I. Steblin-Kamenskaya. Runic inscription on the pendant-touchstone: complexity	
associated with its reading and transliteration	. 259
P.P. Kolosnitsyn. Collection of medieval wooden tally sticks from Staraya Russa	
A.M. Salimov, V.V. Danilov. The Cathedral of Archangel Mikhail in Staritsa	
on the materials of recent research	. 274
	~
ARCHAEOLOGY OF EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STAT	ES
A.A. Egoreichenko. Chronology of the early hillforts of Braslav's Poozerye	. 289
B. S. Korotkevich, M. V. Sablin. The fauna of the Anashkino hillfort	
(dynamics of cultural and historical changes)	. 298
P.E. Sorokin, M.A. Yushkova. New finds of the Stone Tombs with Fences culture	
in the North-West of the Izhora Hills	. 312
E.R. Mikhailova. To the characteristics of funeral rites of Pskov long barrows culture.	
$V.A.$ Plavinsky. The crossbow in the $13^{\rm th}-14^{\rm th}$ cc. weapon complex	
on the territory of Belarus	. 329
R. Jonaitis. Studies in the «Civitas Rutenica» in Vilnius in 2012.	
(Un)expected discoveries	. 343
I. Kaplunayte. Garbage in the daily life of the inhabitants	
of the Catholic district of Vilnius, in the 14 th –16 th cc	. 349
S. V. Beletsky. Old Russian princely signs in pottery stamps	. 357
M.A. Plavinski. Radziwill Chronicle miniatures as a source of ancient weapons	
history: an introduction	. 388
R. Spirgis. Medieval bestiary as a source of Liv zoomorphic pendants interpretation	. 402
I. G. Sokolova. On a new method of archaeological wood fixation	. 414
HISTORY OF SCIENCE AND CULTURAL HERITAGE MANAGEME	NT
	111
T. V. Kruglova. The Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery First	
Scientific Preservation Experience (1908–1917)	. 417
M. V. Medvedeva. Materials on archaeology of the Gdov region of St. Petersburg	
Province from the collection of the Imperial Archaeological Commission.	
Incidental findings	. 424
V.Yu. Sobolev. Boris Koishevsky and Eugeny Ispolatov: to the biography of the	
Gdov region researchers	. 436
I.A. Fedorov. Kurgan group Gatchina 1. New archival cartographic data	. 451
E. V. Toropova. The first steps in conservation of archaeological heritage	
of the Novgorod region in the end of 1920-ies	. 455
S. V. Beletsky. The word about the friend	. 461
·	
List of Authors	
Abbreviations	
Figures	. 477

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

Е.А. Яковлева

Археология в Пскове в 2012 г.1

E.A. Yakovleva. Archaeology in Pskov in 2012

Abstract. The article presents an overview of the major activities of Pskov archaeologists in 2012. Fieldwork: rescue excavations and research (see Tab. 1), the area survey, archaeological sites of the Pskov region monitoring remained the main target of the professional efforts. The materials base on the data provided by the authors of projects and research and leaders of excavation and other archaeological activities.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, археология, охранные раскопки, археологические памятники, мониторинг, Изборск, Великие Луки

 ${f B}^{2012}$ г. псковскими археологами продолжена разноплановая деятельность, целью которой является всемерное содействие и непосредственное участие в сохранении, изучении и популяризации археологического наследия региона. Основными исполнителями работ оставались две организации: АНО «Псковский археологический центр» и ГБУК «Археологический центр Псковской области» (далее АНО и ГБУК соответственно).

По-прежнему основным направлением усилий сообщества было проведение полевых работ, приоритетно — спасательного характера. Раскопки велись в центральной части Пскова (6 раскопов: рис. 1 на вклейке), в Изборске (рис. 2 на вклейке): в крепости (11 раскопов), на Труворовом городище и посаде, а также в Великолукской крепости (рис. 1 к статье М. И. Кулаковой с соавторами в этом сборнике, на вклейке).

1. Образский III раскоп (рис. 1; 3; 4; табл. 1)

Руководитель — **Т.Е. Ершова**. Площадь — **225 м²**. Адрес: **ул. Первомайская, 28**. Спасательные раскопки на месте устройства ленточного фундамента нового здания

Раскопки велись в траншее замкнутого прямоугольного контура. К сожалению, несмотря на приложенные усилия археологов, центральная часть

 $^{^{1}}$ Статья основана на материалах, предоставленных авторами-руководителями раскопок, исследований, проектов.

Е А Яковлева 8

Таблица 1 Сволные данные о раскопках 2012 года

ва А.В., Яковлевой Е.А., ГБУК.

ОДЦП «Культурное наследие...»

	Сводные данные о раскопках 2012 года					
№ пп.	Раскопы, шурфы Адрес, объект	Руководитель, организация Заказчик, источник финансирования	Пло- щадь, м ²			
1	Образский X, г. Псков, ул. Первомайская, 28, ленточ- ный фундамент нового здания	Ершова Т.Е., АНО, ГБУК ОАО «Псковоблетрой»	225			
2	Никольский IV, г. Псков, ул. Воровского, 20	Салмин С.А., АНО ЗАО «РОСТЭК - Псков»	150			
3	Лужский II г. Псков, ул. Пушкина, 13, Псковский академический театр драмы	Салмина Е.В., ГБУК ОДЦП «Культурное наследие»	222			
4, 5	Лужский III, IV г. Псков, ул. Пушкина, 13, Псковский ака- демический театр драмы, коммуникации	Салмина Е.В., АНО ООО «Профиль»	32			
6	Георгиевский II: шурфы 1-6 г. Псков, наб. р. Великой, 16 Трасса водопровода, приемные колодцы	Степанов С.В., АНО ООО «ЭГЛЕ»	66,2			
7	Раскопы, Изборская крепость Псковская обл., Печорский р-н, д. Изборск, крепость	Степанов С.В., ГБУК, АНО ЗАО «БалтСтрой», ООО «Профиль»	488,6			
8	Шурфы,Труворово городище Псковская обл., Печорский р-н, д. Из- борск	Яковлев А.В., при участии Лопати- на Н.В., Михайлова А.В., ГБУК, АНО, ИА РАН Госзадание ГБУК	20			
9	Шурфы у Никольской церкви на городище Псковская обл., Печорский р-н, д. Изборск	Яковлев А.В., АНО ЗАО «БалтСтрой»	50			
10	Шурфы на посаде Псковская обл., Печорский р-н, д. Изборск	Харлашов Б.Н., АНО ЗАО «БалтСтрой»	20			
11	Великие Луки, крепость, хр. Воскресения Христова Псковская обл., г. В.Луки	Салмина Е.В. при участии Михайлова А.В., Яковлевой Е.А., ГБУК. ФЦП «Культура России»	40			
12	Великие Луки, крепость, территория	Кулакова М.И. при участии Михайло- ва А.В., Яковлевой Е.А., ГБУК.	16			

раскопа, располагавшаяся внутри контуров нового здания, осталась неисследованной из-за ограниченности финансовых возможностей заказчика. Мощность культурного слоя на исследованном участке Запсковья составляет от 1,8 до 2,8 м. Здесь, в нескольких десятках метров к югу от ц. Нерукотворного Образа, открыт участок деревянной мостовой (конца XV - XVII в.) (рис. 3), возможно связанный с летописной «Жабьей Лавицей» — улицей или переходом через топкое место. Ширина открытого фрагмента мощения, распространявшегося за пределы раскопа, — не менее 19 м. Прослежено несколько ярусов настила, лаги которого опирались на вертикальные столбы и большие гранитные валуны.

Под мостовой исследована часть территории усадьбы XII-XIII вв., с которой происходят ювелирные украшения, крест-энколпион, а также вислая свинцовая княжеская печать (рис. 4 на вклейке, a, δ). Печати такого типа русские князья использовали при личной переписке².

Псковская обл., г. В.Луки

² Имя князя до реставрации печати установить невозможно.

Рис. 3. Образский III раскоп. Общий вид

В предматериковом слое серой супеси продолжено изучение могильника XI в.³ Открыто 11 женских и мужских погребений. В четырех мужских погребениях найдены золотая и серебряная византийские монеты, а также денарии. Женские погребения сопровождали ожерелья из золотостеклянных, янтарных бус и бисера (рис. 4, в). В одно из ожерелий были включены три серебряных денария с изображением Кёльнского собора. Там же найдены браслеты, височные кольца и перстни из цветного металла.

2. Никольский IV раскоп⁴ (рис. 1; табл. 1)

Руководитель — C.A. Салмин. Площадь — 150 м². Адрес: ул. Воровского, 20. Спасательные раскопки на трассах инженерных коммуникаций

Раскопки велись на территории северо-восточной части Окольного города, траншеей, в непосредственной близости от памятника архитектуры XVII—XIX вв. «Солодёжня». Мощность культурных отложений на исследованном участке колеблется от 0,1 до 0,8 м, в ямах средневекового периода достигает 1,5-2,4 м. Особенностью формирования культурного слоя на этом участке является сравнительно позднее возникновение жилой застройки. Судя по расположению подвальных ям с материалами конца XVII — XVIII в. «в одну линию», планировка этого участка носила регулярный характер.

В результате работ открыты плитняковые основания неизвестной ранее северной пристройки к основному объему здания «Солодёжни» (рис. 5).

³ Могильник открыт А. В. Михайловым в 2008 г. на Образском II раскопе.

⁴ См. также статью С. А. Салмина и Е. В. Салминой в этом сборнике.

Светло-серый супесчаный горизонт мощностью от 15 до 30 см связан, вероятно, с этапом первоначального освоения. При планировочных работах конца 1940-х гг. был уничтожен основной массив позднесредневекового слоя. Среди находок преобладают предметы быта, печная керамика (изразцы, дуговые кирпичи) XVII—XVIII вв. Наибольший интерес представляют фрагменты изделий из резного стекла, янтарный крестик с гравированным изображением распятия, рукоять ножа из моржовой кости с остатками серебряной инкрустации.

3. Лужский II раскоп⁵ (рис. 1; 5; табл. 1)

Руководитель — **Е.В. Салмина.** Площадь — **222 м²**. Адрес: **ул. Пушкина, 13.** Спасательные раскопки на месте строительства костюмерно-производственного цеха Псковского академического театра драмы (ОКН Φ 3 «Дом народный им. А.С.Пушкина»)

Раскоп располагался в центральной части северо-западной границы Окольного города, в непосредственном предстенье Среднего города. Он являлся прирезкой к северной границе Лужского II раскопа 2011 г., основным результатом которого было открытие сооружений Нового Торга. Общая площадь раскопов двух лет превысила 1500 м². Мощность исследованных культурных отложений достигала 2–2,6 м, балластного слоя, снятого механизмами, — ок. 1,5 м.

Новый Торг занимал обширное пространство. Однако подробных письменных свидетельств и точных описаний его границ пока нет. Новые данные, полученные при раскопках 2011–2012 г., позволили получить новую информацию об этой крупнейшей торговой площадке средневековья.

В результате работ 2012 г. полностью изучено деревянное замощение (торговый ряд?), пересекавшее раскоп по оси запад — восток (рис. 5). В пределах изученной территории раскрыт участок настила длиной 22,5 м, ширина его составила 6-6,8 м. В восточной части прослежен небольшой отрезок трассы (ряда?), перпендикулярно пересекавшей основной ряд.

В предматериковых слоях раскрыт горизонт погребенной почвы времени первоначального освоения территории, содержавший индивидуальные находки и керамический материал древнерусского периода.

4, 5. Лужские III (шурф 6) и IV (шурф 7) раскопы (рис. 1; 6; табл. 1)⁶

Руководитель — **Е**.В. **Салмина**. Общая площадь — **32 м²** (по 16 м² каждый шурф). Адрес: **ул. Пушкина**, **д. 33**. Спасательные раскопки на трассах инженерных коммуникаций

Исследования велись в пределах площадки того же нового строительства, с которым был связан Лужский II раскоп. Однако III и IV раскопы (шурфы 6 и 7)

 $^{^5}$ См. также статьи Е.В. Салминой, С.А. Салмина и Р.Г. Подгорной, а также Л.В. Яворской в этом сборнике.

 $^{^6}$ Нумерация шурфов продолжает номера шурфов у ОКН ФЗ «Дом народный» 2011 г. (*Яковлева*, 2013. С. 9).

Рис. 5. Лужский II раскоп. Настилы Нового Торга. Вид с востока

Рис. 6. Лужский IV раскоп. Фасад стены 1374/75 г. Вид с северо-запада, «из города»

располагались на границе территории Среднего города, в непосредственной близости от стены 1374/75 г. Фрагмент «фасада» и основания внутренней стороны этого укрепления был раскрыт на высоту более 3 м в профиле восточной стены Лужского III раскопа (рис. 6). В основании кладки, на слое серой погребенной почвы (?) мощностью 10–15 см, лежат гранитные валуны (размером ок. 30 см в поперечнике). Облицовка стены сформирована известняковой плитой толщиной 6–12 см. Швы кладки заполнены желтоватым крупнозернистым известковым раствором. После завершения раскопок участок стены, верхние камни которого находятся на глубине ок. 1 м от современной поверхности, был законсервирован.

Находки из Лужского IV раскопа немногочисленны, в целом они датируются XV–XVIII вв., представлены традиционными для города предметами быта и деталями костюма.

6. Георгиевский II раскоп⁷ **(6 шурфов)** (рис. 1; табл. 1)

Руководитель — С.В. Степанов. Общая площадь — $66,2 \text{ м}^2$. Адрес: Набережная р. Великой, 16 (Дом спорта). Спасательные раскопки на месте устройства приемных котлованов для прокладки сетей водопровода методом наклонно-направленного бурения

В четырех шурфах, расположенных к югу и западу от Дома спорта, исследования показали полное разрушение культурных отложений на глубину от 2 до 3,5 м, что связано с существованием здесь в 1950–1960-е гг. авторемонтных мастерских, оборудованных подземными ямами. В двух других шурфах зафиксирован культурный слой мощностью ок. 0,8 м. Начальные отложения позволяют датировать первичное освоение этих участков XI — первой половиной XIII в. В шурфе, расположенном у северного торца Дома спорта, открыто каменное основание постройки, сложенной из известняковых плит и существовавшей в XVI–XVII вв. Постройка погибла в пожаре XVII в. В слое ее разрушения обнаружено значительное количество полихромных изразцов и декоративно-строительной керамики. Из находок, относящихся к более раннему периоду освоения этой территории, наиболее интересны железный ключ и коромысло бронзовых весов.

7. Исследования Изборской крепости (рис. 2; 7; 8; табл. 1)

Руководители работ — **С.В. Степанов, Т.Ю. Закурина.** Место проведения работ: **д. Изборск Печорского р-на.** Общая площадь раскопов — **488,6 м²**. Мощность культурного слоя — 0.5-3.5 м. Архитектурно-археологические исследования в рамках проектирования и реализации проекта реставрации крепости

В 2012 г. работы велись на 11 раскопах (№ 51–58, 52а, 53а, 58а), расположенных у башен Луковки, Вышки, Колокольной, в Никольском и Талавском захабах, у тайного хода к воде и Никольских ворот.

⁷ См. также статью С. В. Степанова в этом сборнике.

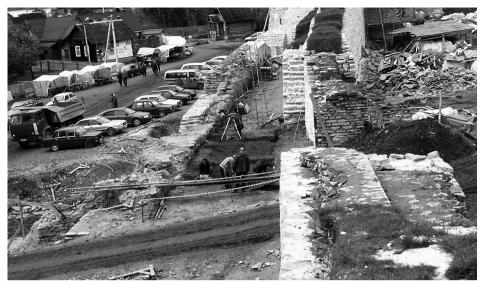

Рис. 7. Изборская крепость. Раскопки в Никольском захабе и у Плоской башни. Вид с востока

Завершилось исследование центральной части Никольского захаба. В его наружной стене открыты развалы семи печей хорошей сохранности. В отложениях культурного слоя времени первоначального строительства захаба (рубеж XIV–XV вв.) на его территории обнаружено второе⁸ детское захоронение — погребение младенца. Ценнейшим результатом раскопок является открытие подлинной кладки стен захаба, внутристенных ниш, печей и части Плоской башни (рис. 7).

Большинство раскопов этого года на территории крепости располагалось в восточной и северо-западной частях территории, на трассах инженерных коммуникаций, предусмотренных проектом благоустройства. Здесь на всех участках вскрытия в нижней части культурных отложений обнаружен слой серой гумусированной супеси, определяемый авторами раскопок как слой поселения XII—XIII вв., существовавшего до строительства крепости.

На участках раскопов, примыкавших к крепостным стенам, зафиксированы два периода их возведения. Первый относится ко времени первоначального строительства 30-х гг. XIV в. Второй период датируется концом XIV — началом XV в. Это период перестройки (или ремонта) старой крепостной стены. Он связан и со временем возведения башен крепости (Талавской, Рябиновки, Темной, Плоской, Колокольной) и Никольского захаба.

На южном участке крепостной стены (внутри крепости), у существующего въезда в районе деревянного дома, выявлен слой мощного пожара, предварительно датированный первой четвертью XV в. В составе слоя открыты

 $^{^{8}\,}$ В 2010 г. при исследовании отложений этого же периода было обнаружено парное погребение девочек-подростков.

остатки сгоревшего деревянного замощения, проходящего в сторону Никольской церкви.

В раскопе у башни Луковки обнаружено валунное основание постройки XIV–XV вв. Вероятно, сооружение имело невысокий подклет, на дне которого найдено большое количество обгорелого зерна. При раскопках зафиксированы частокольные канавки, указывающие на существование внутри крепости отдельных, огражденных, дворов.

Наиболее значительный по площади раскоп находился у Никольских ворот между башней Колокольной и Никольским собором. Здесь исследовалось прицерковное кладбище. В раскоп вошли 6 погребений, наиболее поздние из которых совершены в XVIII в. В центральной части, напротив входа в Колокольную башню, найдено большое количество железных наконечников арбалетных стрел, каменных ядер, деталей доспехов, залегавших в слое пожара второй половины XVI в., что позволяет связывать находки с событиями осады крепости Стефаном Баторием.

Коллекция индивидуальных находок, полученных в ходе исследований, насчитывает 535 предметов. Уникальным по представительности является собрание (более 80) серебряных и медных монет XVI–XVII вв. Среди находок Изборской крепости преобладают предметы вооружения и военного снаряжения (рис. 8 на вклейке): наконечники стрел, арбалетные болты, фрагменты и детали холодного и огнестрельного оружия, пули, детали доспехов, чугунные и каменные ядра. Значительную долю составляют предметы быта, ремесла, промыслов и торговли, характеризующих материальную культуру средневекового города-крепости.

8, 9. Труворово городище и посад древнего Изборска⁹ (рис. 2; 9; 10; табл. 1)

Руководитель работ — **А.В. Яковлев.** Общая площадь — **70 м²**. Место проведения работ: **д. Изборск Печорского р-на**

Работы велись по двум направлениям: определение границ территории ОКН ФЗ «Труворово городище» и спасательные архитектурно-археологические изыскания в рамках ремонтно-реставрационных работ на Никольской церкви.

Работы на Труворовом городище включали шурфовку на самом городище и на прилегающей к нему с юга территории — посаде (рис. 9).

На посаде древнего Изборска к югу от вала городища были заложены 5 шурфов. В четырех из них выявлен культурный слой мощностью до 20 см. Подтверждено существование посада Изборска XI–XIII вв. на площадке к югу и к западу от кладбища.

Раскопки на городище продолжали исследования 2011 г., направленные на информационное обеспечение проекта музеефикации (благоустройства) городища. Работы велись в двух шурфах. Первый из них (шурф 2) прорезал

⁹ См. также статью А. В. Яковлева и Н. В. Лопатина в этом сборнике.

Рис. 9. Посад Труворова городища. Шурф 2, к югу от кладбища. Руководитель работ А.В. Яковлев с группой волонтеров-школьников из Санкт-Петербурга

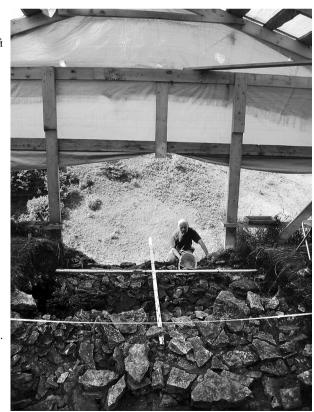

Рис. 10. Труворово городище. Шурф на западном прясле стены. Остатки каменных конструкций. Вид с площадки городища, с востока

участок руин каменной стены с целью исследования ее стратиграфии (рис. 10). В культурном слое под стеной обнаружена булавка с треугольным навершием VII—X вв. Шурф 4 находился у южной стены трапезной Никольской церкви. Культурный слой в этом шурфе представлен двумя горизонтами — прицерковного кладбища и сохранившимся над материком культурным слоем городища. В первом слое преобладали находки, связанные с погребальным инвентарем захоронений XVIII — начала XX в.: бронзовые нательные кресты, пуговицы, медные монеты. Кладбищенский слой также содержал находки из слоя городища: известняковую формочку для отливки крестиков-тельников, наконечники арбалетных стрел, пряслица из розового шифера и известняка, перстни разных типов. В нижнем слое примечательна находка серебряного денария императора Священной Римской империи Генриха II Святого (1002—1024). Из непотревоженного городищенского слоя происходят два известняковых пряслица. Одно из них — с прочерченным рисунком, изображающим четвероногое животное (?).

10. Изборск. Посад, купеческие усадьбы (табл. 1)

Руководитель работ — **Б. Н. Харлашов.** Общая площадь — **70 м²**. Место проведения работ: **д. Изборск Печорского р-на**

Задачей исследований являлось изучение стратиграфии и хронологии культурного слоя изборского посада вблизи западной и южной стен крепости, у ц. Сергия Радонежского, а также на территории купеческих усадеб Анисимова, Шведова и Белянина.

В 2011 г. на территории усадьбы Анисимова было выполнено 2 шурфа (1×1 м) и осуществлено наблюдение за строительными земляными работами на всех указанных усадьбах. В результате проведенных археологических работ установлено, что культурный слой толщиной 20–50 см на территории трех усадеб начал формироваться не ранее конца XIX в., т.е. после строительства новой шоссейной дороги Псков — Рига. Как ответвление от шоссе (дорога на Печоры) в это время сформировалась улица Печорская, на которой и возникли купеческие усадьбы. В ходе наблюдения за строительными работами на усадьбах в 2012 г. выводы 2011 г. подтвердились.

В 2012 г. было заложено 5 шурфов (2×2 м) в непосредственной близости от крепости 1330 г. Археологические работы показали, что здесь сохранился аморфный слабостратифицированный культурный слой, содержащий находки XIV–XVIII вв. Мощность культурного слоя зависит от особенностей первоначального рельефа и изменяется (по данным шурфовки) от 0,1 до 1,3 м.

При археологическом наблюдении за строительными работами по гидроизоляции фундамента ц. Сергия Радонежского выявлен переотложенный культурный слой, содержавший фрагменты гончарной керамики XVI—XVIII вв. и многочисленные кости животных. С южной стороны церкви в этом слое встречены отдельные кости человека из разрушенных прицерковных захоронений. Осмотр фундамента с западной стороны храма позволил установить, что порог первоначального входа в притвор находился значительно ниже современного.

11. Великолукская крепость ¹⁰ (рис. 11; табл. 1)

Руководители работ — **М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.А. Яковлева.** Общая площадь — 40 м^2 . Место проведения работ: **г. Великие Луки**

Осенью 2012 г. в рамках ФЦП «Культура России» и ОДЦП «Культурное наследие Псковской области (2011–2015 годы)» на территории ОКН ФЗ «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704–1708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII» проводились исследовательские полевые работы при определении границ территории ОКН, а также архитектурно-археологические исследования на месте разрушенного храма Воскресения Христова. Целью работ являлось получение информационных оснований для планирования мероприятий по сохранению остатков церкви Воскресения Христова, в том числе установление состояния и местоположения архитектурных остатков основания постройки; уточнение характеристик культурного слоя на участке разрушенного храма; получение дополнительных данных о планировке Великолукской крепости в целях информационного обеспечения Концепции музеефикации (благоустройства) крепости.

В пределах раскопа (рис. 11) зафиксирован культурный слой мощностью 0.5-0.8 м, содержащий средневековые находки, в том числе древнерусского времени.

Несмотря на небольшую исследованную площадь, установлены основные этапы развития изученной территории. Освоение территории в восточной части крепости началось в древнерусское время. Наиболее активно она использовалась в XV-XVI вв. В начале XVII в. (1626 г.) на участке строится первый, еще деревянный, Воскресенский собор, около которого появляется и начинает функционировать церковное кладбище. Кладбище существует на этом месте до конца XVII в., когда в 1692 г. появляется новый, каменный, храм. По всей видимости, деревянная церковь была меньшего размера, чем каменная, поскольку фундамент апсиды поставлен на слой кладбища. Целый ряд погребений оказались под фундаментом каменного храма. Церковное кладбище Воскресенского собора, возникнув в первой трети XVII в., прекращает свое существование в конце XVII в.: ни на одном из картографических источников XVIII-XIX вв. оно не показано. Погребальный инвентарь изученных погребений, особенно нумизматические находки, попадает в указанный хронологический интервал — 1626—1692 гг. Особо стоит отметить погребение 17, совершенное в склепе, сложенном из необожженного кирпича. Использование кирпича, схожего по своим параметрам с кирпичом, из которого был сооружен каменный храм, расположение погребения относительно апсиды нового храма, принадлежность погребения 17 к числу наиболее поздних на кладбище (по стратиграфическим наблюдениям), - все это позволяет предположить, что человек, похороненный в кирпичном склепе, был каким-то образом причастен к возведению каменного храма и, может быть, скончался в процессе его строительства.

 $^{^{10}\,}$ См. также статьи М. И. Кулаковой с соавторами, а также Э. В. Королёвой и Е. А. Яковлевой в этом сборнике.

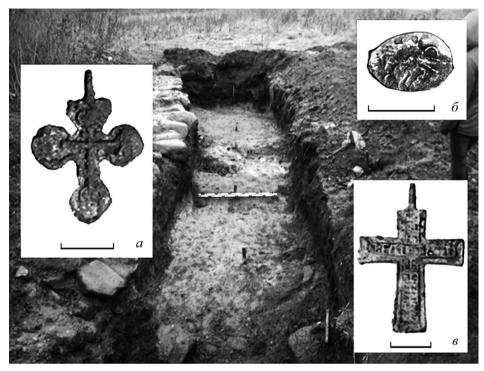

Рис. 11. Великолукская крепость. Раскопки на месте ц. Воскресения Находки: a, b — кресты нательные, цветной металл; b — монета серебряная

Важным результатом работ стало уточнение местоположения Воскресенского собора конца XVII в., выявление восточной стены апсиды и ее северо-восточного угла. Установлено, что алтарная часть храма полностью уничтожена в середине — второй половине XX в., а сохранившиеся валунные фундаменты покоятся на средневековом культурном слое мощностью от 0,4 до 0,7 м. Нижние части стен четверика засыпаны перемещенным культурным слоем. Храм Воскресения Христова, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении: необходимы раскрытие одного из фасадов основного объема с целью получения данных о состоянии кладки стен и фундаментных конструкций, выявление конструкции приделов храма и колокольни XIX в.

Целью работ, выполненных при определении границ территории ОКН, являлось уточнение пределов распространения и основных характеристик культурного слоя; получение дополнительных данных о планировке Великолукской крепости. Площадь раскопа, выполненного по этой программе, составила 16 м².

Одним из важнейших результатов проведенных полевых исследований стало подтверждение перспективности дальнейшего археологического изучения территории крепости внутри валов. Высказывавшиеся ранее предположения о том, что внутри валов средневековые культурные отложения полностью уничтожены, не подтвердились. Так, в пределах шурфа 10, в восточной части

территории укрепления, у подножия вала зафиксированы культурный слой и хозяйственные ямы, содержащие средневековые находки, в том числе древнерусского времени. Обнаруженные в основании культурного слоя участки серой супеси — первоначального погребенного дерна — также свидетельствуют о сохранности фрагментов древнейших отложений культурного слоя.

С напольной стороны, у подножия вала, на площадке крепости, средневековые культурные отложения (шурф 9) не зафиксированы. Обращает на себя внимание то, что в этих шурфах под почвенным горизонтом залегает моренная глина, тогда как на площадке крепости материк в основном представлен песком (по результатам предыдущих исследований).

Определенная информация о памятниках была получена при актировании нарушений законодательства в сфере сохранения ОАН:

- в мае зафиксировано нарушение целостности Покровского бастиона Псковской крепости в ходе работ по благоустройству набережной р. Великой (рис. 12);
- в мае на посаде Труворова городища в ходе земляных работ по прокладке электрокабеля и установке КТП на территории объекта археологического наследия регионального значения «Посад A XI—XIII вв.» разрушены средневековые культурные отложения на площади не менее $20 \, \mathrm{m}^2$ (рис. 13);
- в сентябре на территории памятника регионального значения могильника у часовни Флора и Лавра администрацией музея-заповедника «Изборск» были установлены каменные кресты из фондов музея, в результате чего нарушен исторический облик памятника;
- в октябре зафиксировано еще одно нарушение на территории объекта археологического наследия регионального значения «Посад А XI–XIII вв.»: для облегчения спуска техники к Труворову городищу бульдозером был срыт край рва и уничтожен слой посада на площади ок. 16 м². В стенках нарушения отчетливо прослеживается культурный слой и подстилающие его материковые отложения известняковая плита.

Помимо полевых работ продолжался мониторинг состояния сохранности памятников археологии Псковской обл. Работы осуществлялись за счет областного и федерального бюджетов, из средств гранта по программе приграничного сотрудничества и собственных ресурсов.

Фокусным объектом обследования в 2012 г. стали каменные кресты. Актуальность изучения состояния именно этой группы памятников обусловлена неоднократными сообщениями граждан об их исчезновении, перемещении и ухудшении сохранности. На территории Псковской обл. по разным источникам известен 171 пункт в 18 административных районах, а также в г. Пскове, где зафиксированы каменные кресты. В 2012 г. был проведен мониторинг местоположения и состояния 160 объектов¹¹ в Бежаницком, Гдовском, Дедови-

 $^{^{11}}$ Не считая объектов, обследованных в рамках мониторинга по федеральным и региональным целевым программам, мониторинга по проекту ELR «Археология, власть, общество».

Рис. 12. Восточный склон Покровского бастиона псковской земляной крепости. Нарушение поверхности склона насыпи

Рис. 13. КТП и следы прокладки электрокабеля у юго-западной оконечности рва Труворова городища. Вид с юга

ческом, Красногородском, Локнянском, Новоржевском, Опочецком, Островском, Палкинском, Печорском (рис. 14), Плюсском, Порховском, Псковском, Пустошкинском, Пушкиногорском, Пыталовском, Стругокрасненском р-нах и в г. Пскове.

В ходе обследования удалось обнаружить кресты лишь в 90 пунктах. Остальные памятники утрачены в силу различных причин, среди которых: незаконное перемещение объектов (в том числе кража), хозяйственная деятельность, вандализм.

Кроме крестов, по региональной программе обследовано 42 ОАН на территории Себежского (Томсинская, Дубровская, Идрицкая, Мостищенская, Красноармейская волости) и 37 памятников в границах Гдовского (Плесновская, Вейнская, Ремдовская волости) р-нов Псковской обл.

Особенностью *Себежского р-на* является высокая концентрация на его территории памятников археологии от эпохи неолита до позднего средневековья: на сегодняшний день известно более 300 памятников. Последний мониторинг состояния объектов археологического наследия на указанной территории проходил в 1992 г.

По результатам натурного обследования 2012 г. не удалось обнаружить следующие объекты:

— курганная группа 2 у д. Рубежник (отсутствуют точные привязки);

Рис. 14. Мониторинг состояния каменных крестов. Каменный крест в интерьере часовни у д. Замогилье Печорского р-на

— курганная группа 1 у д. Идрица (уничтожена при строительстве железной дороги во второй половине XX в.);

- каменный крест у д. Алатовичи;
- каменный крест у д. Верино;
- каменный крест у д. Дубровка;
- курганная группа у д. Волуево (возможно, разрушена при строительстве таможенного терминала).

Установлено, что курганные группы 1 и 2 у д. Пыжики в действительности являются одним памятником. Разделение на две группы стало следствием неточностей в привязках этого археологического объекта. Курганную группу у д. Старое Луково правильнее атрибутировать как курганно-жальничный могильник. Практически полностью уничтожена карьером курганная группа у д. Алатовичи, курганные группы 1 и 10 у д. Ильичино (Кохново), курганная группа у д. Пыжики в значительной степени разрушена в результате лесотехнических работ. Курганная группа 2 у д. Идрица практически полностью уничтожена просекой ЛЭП. Следы грабительских раскопок зафиксированы на курганных группах 8, 9, 14, 15 у д. Ильичино (Кохново).

По результатам обследований в $\Gamma \partial o b c k o m p$ -не не было обнаружено несколько памятников:

- каменный крест (д. Каменка, Плесновская волость);
- жальничный могильник с каменным крестом (д. Горка, Вейнская волость);
  - жальничный могильник (д. Горка, Ремдовская волость).

17 из 37 обследованных в Гдовском р-не объектов находятся в хорошем состоянии. На остальных отмечены различные нарушения (старые грабительские ямы, повреждения лесозащитными полосами, вырубками). Свежие грабительские ямы зафиксированы в насыпях курганной группы 4 Каменка (Плесновская волость) и курганной группы 2 Крапивно (Вейнская волость).

В рамках федеральной программы обследованы еще 15 памятников археологии, расположенных на территории Печорского р-на. Из них 3—в хорошем состоянии (городище и курганная группа у д. Лезги, курганно-жальничный могильник у д. Луки), 9 имеют удовлетворительное состояние (курганно-жальничный могильник у д. Изборск, грунтовый могильник у д. Куланово, могильник в д. Лесицы, городище у д. Лисье, курганно-жальничный могильник у д. Мотовилово, жальничный могильник у д. Новая, грунтово-жальничный могильник у д. Пыжово, курганная группа у д. Тайлово, грунтовый могильник у д. Тешевицы), один находится в аварийном состоянии (курганно-жальничный могильник у д. Калки), два разрушены (грунтовый могильник у д. Колосовка, курганно-жальничный могильник у д. Малы).

На 9 объектов из 15 в 1970-е гг. была составлена учетная документация (паспорта и учетные карточки), но сегодня требуется корректировка в соответствии с современным состоянием памятников и современными требованиями к заполнению паспортов.

8 памятников расположены на землях поселений (Изборск, Калки, Колосовка, Куланово, Лесицы, Луки, Пыжово, Тешевицы), 3 памятника— на землях

государственного лесного фонда (курганная группа и городище Лезги, Тайлово), 4 — на землях сельскохозяйственного назначения (Лисье, Малы, Мотовилово, Новая). Территория курганно-жальничного могильника у д. Калки в настоящее время разделена на 2 земельных участка, находящихся в частной собственности без обременений.

В 2012 г. в отношении 11 памятников выполнена работа по определению границ территорий $\mathbf{OAH^{12}}$.

- 1. «Труворово городище VI–IX вв. древнерусский город Изборск» (Печорский р-н, д. Изборск). Ответственные исполнители А. В. Яковлев, А. В. Михайлов.
- 2. «Городище и посад Камно» (Псковский р-н, п. Неёлово). Ответственный исполнитель Т. Ю. Закурина.
- 3. «Городище и посад Велье» (Пушкиногорский р-н, п. Велье) Ответственный исполнитель Е. В. Салмина.
- 4. «Культурный слой крепости» (г. Остров, на острове). Ответственный исполнитель М. И. Кулакова.
- 5. «Курган» второй половины I тыс. н.э. (Псковский р-н, д. Логозовичи). Ответственный исполнитель А. В. Михайлов.
- 6. «Курганная группа» XI–XII вв. (Печорский р-н, д. Изборск, на CB окраине деревни). Ответственный исполнитель Б. Н. Харлашов.
- 7, 8. «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704—1708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII» (г. Великие Луки, левый берег р. Ловать, к югу от ул. Розы Люксембург) и «Земляной вал "Крепость"» IX в. (г. Великие Луки, ул. Розы Люксембург, левый берег р. Ловать). Ответственные исполнители Е. А. Яковлева, А. В. Михайлов, М. И. Кулакова.
- 9. Первый этап работ для ОКН Φ 3 «Культурный слой древнего Пскова». Ответственные исполнители Э. В. Королёва, Е. А. Яковлева.
- 10. «Группа сопок Которск 1». Ответственный исполнитель В.Ю. Соболев.
- 11. «Средневековое поселение Которской погост (городище и посад)» в Плюсском р-не Псковской обл. Ответственный исполнитель В.Ю. Соболев.

В течение всего года сотрудники ГБУК принимали профильное участие в мероприятиях по газификации Псковской обл. Летом и осенью 2012 г. осуществлялось предварительное обследование трасс и археологическое наблюдение за прокладкой внутрипоселковых газопроводов в п. Старый Изборск, п. Середка, д. Ершово, д. Моглино, межпоселкового п. Ст. Изборск — Новый Изборск, газификацией храма Державной Божьей Матери на территории Гдовской крепости.

Большое внимание, как гарантии сохранности ОАН при планирующихся хозяйственных работах, уделялось подготовке разделов по сохранению объектов культурного наследия в проектную документацию строительства

 $^{^{12}}$ Утверждаемая часть Проектов границ территорий размещена на официальных правовых порталах «Гарант» и «Консультант».

следующих объектов: «Газопровод межпоселковый д. Лехово Невельского района — п. Усвяты Усвятского района Псковской области»; «Газопровод межпоселковый г. Остров — д. Заньково — д. Смоленка Островского района Псковской области»; «Газопровод межпоселковый г. Великие Луки — д. Борки с отводами на п. Дорожный; д. Булынино, д. Купуй, д. Поречье, д. Полибино Великолукского района Псковской области». Еще для 27 проектов нового строительства и Схем территориального планирования Бежаницкого, Красногородского, Плюсского, Усвятского, Локнянского, Новоржевского, Новосокольнического, Порховского р-нов, к Проектам Генеральных планов МО: «Красногородск», «Плюсса», «Дно», «Опочка», «Локня», «Новосокольники», «Порхов», в целях обеспечения сохранности ОАН, подготовлены специальные заключения.

В рамках Плана взаимодействия с органами УВД по вопросу противодействия и профилактики незаконной деятельности по добыче археологических предметов путем металлопоиска и грабительских раскопок весной 2012 г. ГБУК АЦПО осуществлены совместные с районными отделениями полиции рейды на 13 памятниках Печорского и Псковского р-нов. На восточном склоне Изборско-Мальской долины в районе деревень Вастцы и Брод остановлена деятельность группы, занимавшейся незаконным поиском древностей.

Помимо плановой деятельности в течение года постоянно приходилось оказывать консультационную помощь и проводить изыскания по неизвестным ранее объектам, так или иначе связанным с археологическим наследием.

В ноябре, по вызову Администрации МО «Пушкиногорье», проведены обследование и фиксация неизвестного ранее объекта, напоминающего тоннель, открытого при земляных работах на территории братского захоронения у подножия Синичьей горы, на которой располагается Святогорский монастырь. В ходе натурного обследования, фиксационных работ и архивно-библиографических изысканий установлена предварительная датировка и интерпретация объекта как канала дренажа (?), выполненного из гранитных валунов на крепком известково-цемяночном растворе, функционировавшего в Новое и Новейшее время¹³ (рис. 15).

В июле сотрудниками ГБУК АЦПО (директором Е. А. Яковлевой и начальником отдела полевых исследований А. В. Михайловым) по заданию Государственного комитета Псковской области по культуре, на основании обращения председателя клуба «Память» Ш. З. Окунчаева, по согласованию с Администрацией Бежаницкого р-на, был осуществлен выезд в с. Кудеверь. Поводом для обращения послужил поиск места захоронения генерала А. Н. Чеченского, по некоторым данным, находящегося на кладбище у руин ц. Великомученика Георгия, разрушенной в годы Великой Отечественной войны. Поиск активизировался в связи с установкой в Кунье в юбилейном году памятника известному герою войны 1812 г. В результате обследования

 $^{^{13}}$ Заключение по результатам работ направлено в Пушкинский музей-заповедник. Рекомендовано сохранять объект от разрушения.

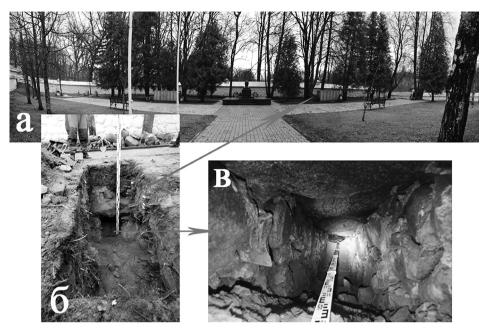

Рис. 15. Пушкинские горы. Канал у подножия Синичьей горы a — место обнаружения канала; δ — канал в стенке ямы; δ — «интерьеры» канала

территории, опроса местных жителей, обращения к материалам краеведческого и школьного музеев археологический поиск могилы был признан нецелесообразным. Администрации волости предложены меры по благоустройству территории старого кладбища и руин храма, с установкой памятной доски.

Собраны материалы и подготовлены заявления о выявлении объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия: культурные слои территории Снетогорского, Крыпецкого (рис. 16) и Елиазаровского монастырей, грунтового могильника «Труворов крест». Для всех указанных территорий в последнее время характерна активизация хозяйственного освоения.

В связи с запросом о возможности хозяйственного освоения земельного участка, оформляемого в собственность монастыря «Феофилова пустынь» (Стругокрасненский р-н), проведено натурное обследование территории, архивно-библиографические изыскания по истории монастыря. Установлены ориентировочные границы исторического некрополя, косвенно свидетельствующие о месте расположения раннего храма обители.

В д. Брод Печорского р-на участниками волонтерского лагеря, работавшего на раскопках посада Труворова городища, осуществлявшихся под руководством А.В. Яковлева, обнаружено каменное антропоморфное изваяние (рис. 17). Установлено, что камень раскрыт от дернового слоя «черными» копателями, которые осуществили вокруг него металлопоиск и, вероятно,

¹⁴ Не является объектом культурного наследия.

Рис. 16. Крыпецкий монастырь. Культурный слой в стенке траншеи

Рис. 17. Антропоморфное каменное изваяние, обнаруженное у д. Брод Печорского р-на. Восточный борт Изборско-Мальской долины, к северо-востоку от Труворова городища

извлекли какие-то артефакты. Произведена первичная консервация объекта. Объект требует дальнейшего изучения.

Из обращений граждан в связи с нахождением древних предметов наиболее интересна информация Ю.В. Ефимова о случайных находках предметов вооружения и фрагментов украшений на поле у д. Никола Синий Красногородского р-на (рис. 18). В наборе переданных предметов наиболее интересными представляются топор, наконечник дротика, обломки бронзовых браслетов и подвеска на проволочном колечке, выполненная из орнаментированного фрагмента перстня, загнутого в кольцо. Местонахождение, связанное, вероятно, с распахиваемым могильником, требует дополнительных обследований.

Продолжалась работа, направленная на развитие просветительской сферы деятельности, музеефикации археологического наследия региона. Коллективом авторов (Э. В. Королева, Е. А. Яковлева, Н. Л. Сергеева, Г. А. Бояркова) разработана концепция музеефикации Великолукской крепости (см. специальную статью в настоящем сборнике).

В апреле 2012 г. ГБУК и АНО создали сайт «Псковское археологическое общество», зарегистрированный на доменное имя ARHEOLOGPSKOV.RU. Сайт содержит информацию об истории археологического изучения Пскова, организациях, исследователях, основных событиях, находках и открытиях псковских археологов. На декабрь 2012 г. он привлек 4012 уникальных посетителей из более чем 30 стран мира (большинство — из Украины, Германии, Беларуси, Эстонии, Казахстана, Литвы, США, Латвии, Израиля). Сайт включен в информационную инфраструктуру действующего международного

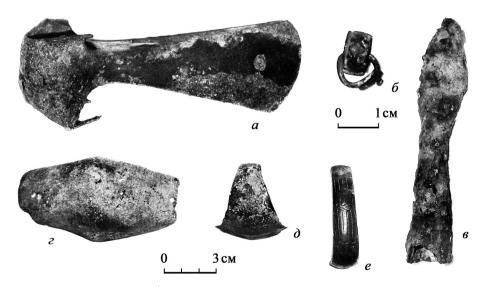

Рис. 18. Находки, обнаруженные на пахотном поле у д. Никола Синий Красногородского p-на

a — топор; δ — привеска из фрагмента орнаментированного перстня на проволочном колечке; s — наконечник дротика; ι — грузило; ∂ , e — фрагменты браслетов. (a, δ (колечко), s — железо; ι — глина; δ (привеска), ∂ , e — бронза?)

проекта «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия».

26—28 мая по инициативе Межрегионального общественного фонда «Центра Национальной славы России», при поддержке Государственного комитета Псковской обл. по молодежной политике, под руководством сотрудников указанных организаций, спланирован и проведен Межрегиональный слет молодежных археологических отрядов, посвященный 1150-летию российской государственности. На слете собрались участники волонтерского движения, музейные сотрудники, студенты, представители органов исполнительной власти из Санкт-Петербурга, Вологды, Владимира, Ростова, Ульяновска, Великого Новгорода, Выборга, Пскова.

Важнейшим событием 2012 г. стал старт первого археологического проекта программы приграничного сотрудничества «Эстония — Латвия — Россия» в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства 2007—2013 гг. — «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия». Инициатором проекта стала российская сторона (Королёва, 2011. С. 140–143). Проект направлен на сохранение археологического наследия в приграничном регионе, развитие профессионального сотрудничества и вовлечение общественности в этот процесс.

Проект реализуется под руководством Тартуского университета (Эстония) и объединяет 9 партнеров из трех стран: Эстония — Департамент охраны исторических памятников Министерства культуры Эстонии и некоммерческая организация «Археологический центр» (координатор проекта в целом и со стороны Эстонии — Хейки Валк); Латвия — Институт истории Латвии (ЛГУ), Лудзенский и Алуксненский муниципалитеты (координатор со стороны Латвии — Антония Вилцане); Россия — ГБУК «Археологический центр Псковской области» (координатор — Е. А. Яковлева), АНО «Псковский археологический центр» (координатор — О. К. Волочкова), ГБУК «Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (координатор деятельности от партнера и от России — Э. В. Королёва), и три ассоциированных участника: Государственный комитет Псковской области по культуре, Институт истории материальной культуры РАН (СПб.), Гдовский краеведческий музей. Проект является площадкой для широкого профессионального общения: многочисленные рабочие встречи (рис. 19), интенсивные информационные контакты, осуществление постоянного взаимодействия участников из разных стран для решения общих задач.

Общий бюджет проекта составляет 1 714515 евро (из них софинансирование программы — 1 520 731,16 евро).

Мероприятия, проводимые организациями-партнерами, синхронно проходят на территориях трех стран. Основная деятельность связана с обследованием приграничной территории в целях мониторинга состояния сохранности археологических памятников и выявления новых объектов археологического наследия. Также проводятся раскопки разрушающихся памятников археологии стран-участников.

Рис. 19. Участники проекта в ходе рабочей встречи у библиотеки Тартуского университета, 10 мая 2012 г. Слева направо: М. Буле (Латвия), Х. Валк (Эстония), М. Кулакова (Россия), Е. Яковлева (Россия), И. Прикуле (Латвия)

Особое внимание в проекте уделяется улучшению условий хранения, реставрации и экспонирования археологических коллекций. Важная составляющая проекта — проведение цикла информационных мероприятий для муниципалитетов, средних и высших образовательных учреждений, а также реализация широкой общественной программы популяризации наследия в средствах массовой информации. Одним из результатов проекта станет представление новых туристических маршрутов с привлечением археологических памятников.

В ходе реализации этих планов будет создана международная общественная организация с функциями информационно-ресурсного центра — «Трансграничное сообщество по сохранению археологического наследия». Создание такого центра позволит объединить усилия профессиональных сообществ и всех заинтересованных лиц, а также создаст условия для разработки новых проектов.

В 2012 г. партнерскими организациями начато создание 4 тематических баз данных: археологические памятники, полевые отчеты, библиография, археологические коллекции. Общей информационной площадкой стал сайт проекта — http://www.aac-project.eu/. Вышли в свет первые научно-популярные публикации в СМИ, организованы первые информационные археологические дни.

Сотрудники Археологического центра Псковской обл. провели обследование Печорского р-на (подробнее см. соответствующую часть статьи — о мониторинге), Псковского археологического центра — Пыталовского, Палкинского и Красногородского р-нов. В сентябре 2012 г. состоялась первая совместная российско-эстонская археологическая инспекция состояния археологических памятников нескольких регионов Эстонии.

Псковский музей-заповедник (как и Тартуский университет с Институтом истории Латвии) организовал в рамках проекта масштабную оценку состояния сохранности археологических коллекций с целью определения объемов необходимой реставрации и этапов ее проведения в дальнейшем. Наиболее срочные реставрационные работы будут выполнены псковскими реставраторами в ходе реализации проекта, часть работ потребует привлечения внешних специалистов.

На средства проекта в 2012 г. псковскими Археологическими центрами приобретено оборудование для проведения полевых работ, Псковский музей провел первый этап ремонтных работ в помещениях нового хранения фондов археологии в главном здании музея на ул. Некрасова, 7.

Одним из наиболее важных событий проекта в октябре 2012 г. стало проведение первого российско-эстонского семинара «Сотрудничество молодых археологов Эстонии и России в изучении археологического наследия приграничных территорий».

Деятельность по проекту запланирована до 31 декабря 2014 г.

Литература

Королёва Э.В., 2011. Перспективы и задачи приграничного сотрудничества в сфере охраны археологического наследия // АИППЗ: Мат. 56 заседания (2010).

Яковлева Е.А., 2013. Археология в Пскове в 2011 году // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).

Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных¹

E. V. Salmina, S.A. Salmin, R. G. Podgornaja. The New Torg planning: reconstruction capabilities in response to new archaeological data

Abstract. The New Torg is one of the most important elements of the topographic system of Pskov in the $16^{\rm th}-18^{\rm th}$ centuries. Archaeological study of this part of the city starts in the middle of the $20^{\rm th}$ century. In 2011–2013 new excavations were conducted on a large area. The rows of trading stalls and inter-row pavement were fixed. With the use of the data from the scribes book of the $16^{\rm th}$ century and the historical 1740 plan of Pskov we've managed to interpret the complex as «Meat Trade Polonissky Row» and show that the comparison of new data with the earlier ones allows to return to the Torg general topography issues.

Ключевые слова: Новый Торг Пскова, торговые ряды, мясные ряды.

В 2011–2013 гг. в Пскове были проведены археологические раскопки на площади более 1600 м² на территории Нового Торга Пскова — одного из важнейших элементов топографической системы города XVI–XVIII вв. Важнейшим результатом этих работ стало раскрытие большого участка хорошо сохранившихся сооружений Нового Торга, а также фиксация участков стены 1374–1375 гг. Предварительный обзор результатов представлен в публикациях (Подгорная, Салмина, 2012. С. 127–149; 2013. С. 24–35). В настоящей статье мы представляем результаты начального этапа работ по интерпретации открытого при раскопках комплекса деревянных сооружений на участке Нового Торга близ стены.

Описание Нового Торга содержит «Подлинная писцовая книга № 355», составленная в 1585–1587 гг. (СМАМЮ, 1913. С. 12–73). Работы, посвященные псковскому Новому Торгу, во многом базируются на этом источнике. Согласно выводам историков, Новый Торг локализуется в северо-восточной части Окольного города, в микрорайоне современных улиц Пушкина, Маркса, Свердлова, Некрасова; с двух сторон его границами являлись стены Среднего и Окольного города, на юго-западе площади Торга распространялись до Трупеховской улицы, южную границу Торга, возможно, следует искать в районе Михайловской улицы. На Новом Торгу исследователями реконструируется около пятидесяти специализированных торговых рядов, включавших в себя более 1300 лавок (Колосова, 1994. С. 42–45; Чистякова, 1950. С. 198–235).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-11-60005 а (р) «Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников».

Обращаясь к писцовой книге №355, невозможно не признать, что при всей подробности описаний этот источник не содержит топографической картины Торга. В книге собраны данные о суммах оброка с лавок, клетей и амбаров на Новом Торгу, названы имена и «адреса» многочисленных владельцев. При этом информация о взаиморасположении и длине торговых рядов, о размерах «церковных мест», о местоположении проходящих через Торг улиц носит только косвенный характер. Интерпретация многих микротопонимов остается спорной, многие топографические термины, примененные дьякамисоставителями, неоднозначны в толковании.

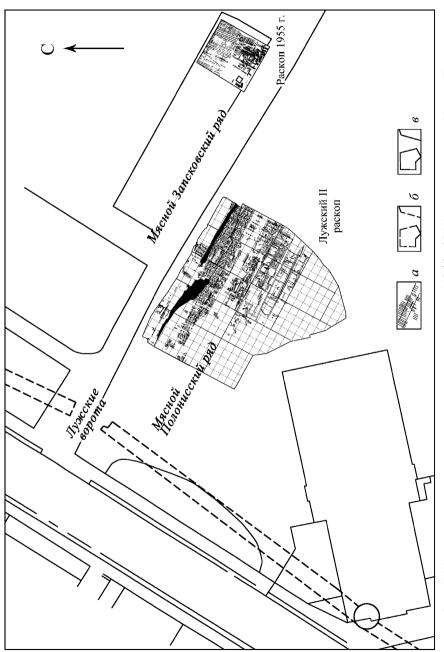
Как правило, с описанием из писцовой книги 1585–1587 гг. сопоставляется городской план 1740 г. (*Окулич-Казарин*, 1915; *Ушаков*, 1901). Однако время составления таксационной описи Торга в писцовой книге и время появления наиболее подробного из исторических планов Пскова отстоят одно от другого более чем на 150 лет, и картина, которую характеризуют эти два памятника, несколько различна. Определенные опорные точки, облегчающие сопоставление источников, в таком случае может предоставить археология.

Археологические исследования участка Нового Торга Пскова начаты еще в середине XX в. (краткий обзор см.: *Подгорная, Салмина*, 2013. С. 24–27). Ближе всего (менее чем в 30 м) от пятна раскопа 2011–2013 гг. расположен самый первый раскоп на Новом Торгу — раскоп Г. П. Гроздилова 1955 г. (*Гроздилов*, 1962. С. 38–42), и открытые на обоих раскопах сооружения могут рассматриваться в едином комплексе.

В раскопы вошли остатки двух торговых рядов и замощения двух междурядных проходов (рис. 1).

Максимальные промеры всего пятна, занятого в Лужском II раскопе 2011-2012 гг. остатками сооружений торгового ряда, — до 26×14 м в пределах раскопа (рис. 2; см. также: Подгорная, Салмина, 2013. С. 26–27. Рис. 2, 3). Блок сооружений образован массивными бревнами, уложенными на перпендикулярно ориентированные подкладки таким образом, что вся конструкция образует единую «сетку», состоящую из прямоугольных ячеек. Длина продольных, ориентированных по оси 3-В, бревен достигает 14,5 м; максимальный диаметр бревен 50-60 см. Длина поперечных бревен — от 2 до 4 м. Не вызывает сомнений единство планировки комплекса. «Клетки-отсеки» имеют почти типовой размер: «поперечник» в среднем тяготеет к 1,8 м, «длинник» — к 2,35 м, т. е. усредненные промеры «клетки» — маховая сажень на косую сажень. «Стандартизация размеров» сооружений Торга известна, например, для московского Торга XVII в., однако столичные лавки имели почти вдвое больший размер (Шокарев, 2012. С. 320, 321). Важно подчеркнуть, что мы не можем точно сказать, что именно представляет собой одна «клетка» из комплекса Лужского II раскопа, является ли она местом для одной лавки, клети и т.п.

Факт осуществления общей разметки торговых рядов при переносе Торга известен для Новгорода, где при переустройстве 1507—1508 гг. великий князь Василий III Иванович велел боярину Василию Бобру «урядити в Новегороде торги, ряды и улицы розмерити по Московскии» (Н4Л, список Дубровского,

a- выявленные в раскопах мостовые и конструкции торговых рядов; b-объекты плана 1740 г.; b-современные здания Рис. 1. Мостовые и конструкции торговых рядов в раскопах 1955 и 2011 гг. на территории Нового Торга

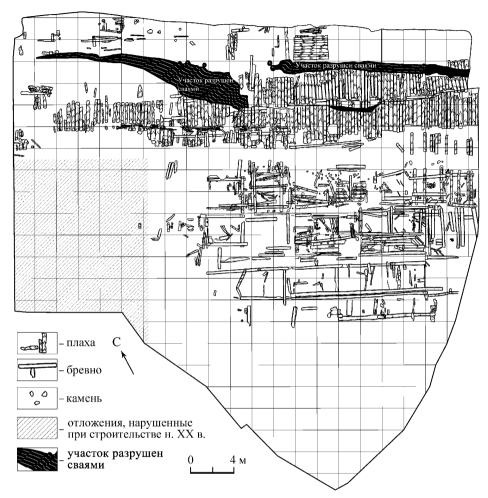

Рис. 2. Деревянные конструкции торговых рядов в Лужском II раскопе 2011–2012 гг.

2000. С. 536), что и было сделано: «ряды торговые переведе по своему обычаю не яко прежде было» (Н4Л, список Никольского, 2000. С. 612).

К северной границе массива остатков сооружений торгового ряда на Лужском II раскопе 2011–2012 гг. примыкает мостовая (рис. 3). Длина раскрытого участка межрядного замощения составляет более 40 м, ширина — 8,5–9 м. Зафиксирован также небольшой отрезок перпендикулярного замощенного проулка (длина в пределах раскопа 2,4 м, ширина 3,2—3,3 м) (рис. 4). Покрытие составлено плахами шириной до 30 см, толщиной до 22 см. Подтесанные сверху плахи уложены плотно одна к другой, практически без зазора, на массивные лаги. В плахах с нижней стороны вырублены специальные пазы для плотного соединения с лагами. Лаги под плахами мостовой представляют собой массивные бревна сплошной длиной до 20,5 м и диаметром до 60 см. В конструкции были использованы также вспомогательные плахи-подкладки, песчаная подсыпка.

Рис. 3. Мостовая у северной границы Лужского II раскопа 2011 г. Вид с востока

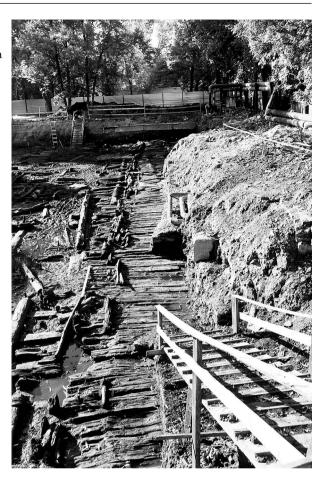

Рис. 4. Проулок в центральной части Лужского II раскопа 2011 г. Вид с севера

Две мощеные трассы — выявленные в 2011/12 и в 1955 г. — разделяет расстояние около 15,5 м (рис. 1). Г. П. Гроздилов характеризует открытую им мостовую таким образом: «Ширина настила Нового Торга 6 м²... Настил прослеживался на всем протяжении котлована, т.е. на участке длиной 60 м, в 3—В направлении³... Для устройства сначала прокладывали в продольном направлении 3 ряда бревен, достигавших 12 м каждое, при диаметре до 30 см, а на них укладывались подтесанные сверху и тщательно подогнанные друг к другу бревна диаметром до 40 см. На нижней стороне бревен вырубались зарубки для связи с лагами». Второй участок трассы, раскрытый в раскопе 1955 г., пересекается с охарактеризованным под прямым углом. Единственная постройка, исследованная в 1955 г., была каркасно-столбовой конструкцией, от которой сохранился «дощатый помост, обуглившийся от пожара, и основания вертикальных столбов, стоявших на углах. Размеры... 4,2×6 м» (Гроздилов, 1962. С. 38–40. Рис. 29).

Именно Г. П. Гроздилов впервые написал о том, что «раскопки на Новом Торге дают возможность установить расположение лавок мясного ряда», интерпретируя найденную столбовую постройку как мясную лавку на основании «находки нескольких тысяч коровьих челюстей и осколков костей» (Там же. С. 39). Подобная картина огромного скопления костей наблюдалась и при раскопках 2011–2012 гг. на Лужском II раскопе (рис. 5; см. также: *Подгорная*, Салмина, 2013. С. 30. Рис. 7). В слое под охарактеризованной выше мостовой и на ее поверхности (в меньшем количестве) в довольно плотном грунте также были собраны несколько сотен тысяч челюстей крупного рогатого скота. Мощность монолитного массива челюстей в слое составляет не менее 60 см, еще на протяжении трех нижележащих пластов (60 см) челюстные кости залегают немного более разреженно. Формирование массива выглядит результатом целенаправленной деятельности. Одновременно с этим нельзя не заметить, что челюсти располагались в уплотненном, практически спрессованном, слое бессистемно, «не-горизонтально», не образуя единой прослойки с выраженными границами, которые могли бы быть, например, зафиксированы в разрезе в стенках раскопа. Более того, интенсивные включения челюстей присутствуют и на значительной площади за пределами мостовой — на территории построек торгового ряда.

Аналогичные новгородские комплексы с территории Торга охарактеризованы в работах А.В. Арциховского (1949. С. 160), позднее также на другом участке Новгорода их обнаруживает В.Н. Гусаков (1990. С. 18–21). Комплексы костей интерпретированы как целенаправленное замощение, род «строительного покрытия». Г.П. Гроздилов не согласился с этим предположением

² Настил, открытый Г.П. Гроздиловым, продолжается за северной границей раскопа (*Гроздилов*, 1962. С. 30. Рис. 29). Возможно, ширина мостовой несколько больше 6 м.

 $^{^3}$ Котлован для строительства здания значительно превышал по площади участок, на котором Г.П. Гроздилову удалось провести раскопки. Вероятно, на 60 м деревянная мостовая наблюдалась, однако длина археологически зафиксированного участка мостовой составляет, к сожалению, только около 12 м (Там же).

и высказал версию о том, что эти массивы челюстей — отходы мясной торговли. Он соглашается также с суждением А.А. Строкова и В.И. Богусевича (1939. С. 14), связавших эти костные отходы с варкой клея.

Выводы Л. В. Яворской, сделанные на основании археозоологического анализа материалов раскопок на Ярославовом Дворище в Великом Новгороде (2008 г.) и на территории Нового Торга на Лужском II раскопе в Пскове (2011 г.) объединяют версии Арциховского и Гроздилова. Автор полагает, что «костные вымостки» действительно использовались для благоустройства территории (в виде уплотняющей подсыпки под деревянные мостовые) в общественно значимых местах. Одновременно с этим, установив, что в анализируемых материалах присутствуют только те части, на которых практически

Рис. 5. Челюстные кости КРС в грунте над мостовой на Лужском II раскопе 2011 г. Вид с востока

нет мяса, Л.В. Яворская пришла к выводу, что «такие костные отбросы могли оставаться на мясном торге после продажи мясных частей... в городские усадьбы». Второсортные части туш могли использоваться для приготовления бульона в «харчевных избушках». В результате кости обеззараживались, накапливались и использовались впоследствии в качестве подсыпки при мощении (Яворская, 2013. С. 1179—1189; см. также статью Л.В. Яворской в данном сборнике).

Основания для того, чтобы интерпретировать комплексы деревянных сооружений, открытые при раскопках 2011−2012 гг. и 1955 г., как конструкции мясных рядов, дает и анализ текста писцовой книги № 355.

Мясной Полонисский ряд, согласно писцовой книге, начинается у Лужских (Луцких) ворот: «отъ Середнево города от Луцкихъ воротъ идучи къ Болшому ряду к Гостинымъ дворомъ на правой стороне...», «отъ Середнева города идучи къ Оксинье святой, по левой стороне...». На время составления писцовой книги здесь (на правой стороне от прохода, где и располагаются открытые в 2011–2012 гг. остатки сооружений) «записаны» 21 владелец 29 амбаров и лавок, названы места их проживания в городе, суммы оброков и т.д. (СМАМЮ, 1913. С. 27).

Лужские II, III, IV раскопы получили название именно по Лужским воротам крепостной стены 1374/1375 г., являющимся ближайшим историческим фортификационным объектом. При совмещении плана 1740 г. с современной топоосновой можно видеть, что возле западной границы Лужского II раскопа на историческом плане обозначен свободный проход (пролом?), и открытая в раскопе мостовая довольно точно соотносится с ним.

Одновременно с этим при археологическом наблюдении за заменой труб теплосети в 2012 г. (извлекались трубы 1960–1970-х гг. и в пределах тех же траншей заменялись на новые) в этой локации было отмечено отсутствие каких бы то ни было поврежденных, нарушенных каменных сооружений в месте реконструируемого пересечения стены 1375 г. Это позволяет высказать предположение, что трасса теплосети в 1960-е гг. удачно⁴ прошла через Лужские ворота.

Кроме того, при раскопках 2011 г. в западном профиле раскопа были зафиксированы деревянные остатки, входившие в конструкции, которые можно с осторожностью интерпретировать как род «моста через ров» (Подгорная, Салмина, 2013. С. 36). В центре раскрытого в раскопе фрагмента края рва (?) были зафиксированы восточные концы нескольких плах и бревен (диаметр 28–33 см, в раскоп вошли не более чем на 45–80 см), ориентированных параллельно мостовой. В северо-западном углу раскопа, фактически в стене котлована, были раскрыты два массивных столба (диаметром более 50 см), находящихся на расстоянии 2,2 м один от другого. Однако в раскоп характеризуемые сооружения вошли слишком малым фрагментом, чтобы можно было уверенно говорить об интерпретации.

Открытая в раскопе 2011—2012 гг. мостовая достаточно точно ориентирована на ворота и векторно направлена на безымянную улицу на плане 1740 г., ведущую от Лужских ворот в глубь территории Нового Торга. Интересно, что точно так же описывается в летописи «пустая улица», по которой определяется новое место для Торга: «за Средним городом, против Лужских ворот... <где> церковь постави князь великий, преподобную Ксению, в которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине в саднике Хлебникова, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было» (П1Л, 2003. С. 96). Этот факт также дает нам возможность еще одной версии интерпретации раскрытой нами мостовой, не исключающей, впрочем, предыдущую, — «пустая улица» в процессе устройства Торга могла быть задействована как замощенный междурядный проход.

Храм св. Ксении, разрушенный при пожаре 1590 г., затем вторично отстроенный, но просуществовавший недолго, неоднократно упоминается в качестве одного из ориентиров Торга в писцовой книге 1585—1587 гг. Местоположение храма локализуется на достаточно большом участке — на территории нынешнего Кутузовского парка (*Окулич-Казарин*, 2001. С. 142). Нам представляется, что открытая в раскопе мостовая вместе с улицей с плана 1740 г.

 $^{^4~}$ Удачно в том смысле, что, по меньшей мере, эти действия не привели к разрушению крепостных сооружений.

достаточно точно указывает вектор, ведущий к церкви св. Ксении. Заманчиво было бы попытаться реконструировать расстояние от Лужских ворот до храма св. Ксении — по количеству названных в писцовой книге лавок и по среднему их размеру, определенному в результате раскопок 2011–2012 гг. Однако мы считаем правильным воздержаться от этого вычисления — до получения результатов дендрохронологического анализа, которые либо позволят соотнести открытые в 2011–2012 гг. сооружения с временем составления писцовой книги, либо отнесут «ряды» к более позднему периоду существования Нового Торга.

В описании Торга за перечислением гостиных дворов следует раздел, условно определяемый как «Большой Торг» («Торгъ болшей») (СМАМЮ, 1913. С. 15). Если мы признаем порядок перечисления рядов «Большого Торга» от юго-западной границы (от Трупеховской улицы) регулярным, то «Мясной Полонисский ряд» назван там пятым по счету, а сразу за ним назван «другой Мясной Запсковский ряд»⁵. Представляется резонным признать, что постройки и настил, открытые в раскопе Гроздилова в 1955 г., являются именно этим «другим рядом».

Помимо названных, приведем еще один аргумент в пользу интерпретации открытых сооружений. К тому, что это именно Мясные Полонисский и Запсковский ряды мы приходим также, анализируя некоторые детали их описания в писцовой книге и сопоставляя их с тем, что фактически открыто в раскопах. Для торговых рядов в районе Лужских ворот только в одном-единственном случае упомянуты два переулка, разделяющие ряд (во всех остальных случаях — по одному переулку). Именно Мясной Запсковский ряд пересекают два переулка. Первый — меж лавками «пречистенского попа зъ Завеличья Михаила Михайлова» и «ямщика Марка Иванова», второй — переулок у лавки «Панкратка Иванова яблочника» (СМАМЮ, 1913. С. 28, 29). С этим описанием можно сопоставить два зафиксированных в раскопах нешироких проулка, перпендикулярных основным мостовым, — в раскопе Г. П. Гроздилова 1955 г. и в Лужском II раскопе 2011—2012 гг. (рис. 1).

Коллекция находок, полученных при раскопках «мясных рядов» в 2011—2012 гг., многочисленна и оригинальна по составу. На сегодняшний день работа с коллекцией далеко не закончена, однако некоторые яркие черты коллекции уже могут быть выделены. Мы уже отмечали в предыдущей публикации, что состав коллекции в целом говорит об отсутствии на исследованной территории заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства, что культурный слой на участке торгового ряда содержит значительное количество «мелких» находок, и аналогии этому явлению известны и по раскопках торговых площадей в других городах (Подгорная, Салмина, 2013. С. 34, 35).

 $^{^5}$ Топонимы Полонище и Запсковье в названиях торговых рядов, возможно, отражают места проживания (таксационной приписки и пр.) хозяев торговых и складских мест в этих рядах.

Довольно нетрадиционный комплекс находок мы можем связывать со спецификой «материальной культуры мясного ряда». Сюда входят железные ножи и их обломки (более 70 ед.), многочисленные оселки с явными следами использования (более 90) и специфическая категория предметов, также многочисленных и распространенных в мясном ряду, — палочки и прутья, заостренные с двух концов (их найдено около 100), а также специфические крючья (рис. 6). И палочки-распорки (так называемые «мясницкие спицы», «спички», «шпильки»), и деревянные крючки используются при краткосрочном хранении, краткосрочном складировании, разделке, вялении, вывешивании на продажу мясных туш. Типологически и функционально сходные предметы применялись и применяются в этнографической современности или в недавнем прошлом в охотничьем быту и в рыночной торговле, однако определение древности этой традиции пока затруднено.

В настоящей публикации отражен начальный этап работы по введению в научный оборот новых археологических материалов, связанных с историей псковского Нового Торга. Нам представляется, что результаты исследований 2011—2013 гг. на территории Нового Торга должны послужить побудительным мотивом к возвращению к загадкам внутренней топографии Нового Торга, остававшимся неразрешимыми при прежнем объеме данных.

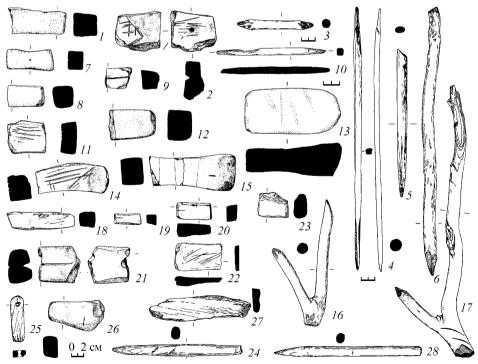

Рис. 6. Находки с территории «Мясного ряда» на Лужском II раскопе 2011–2012 гг. 1–2, 7–9, 11–23, 25–27 — оселки; 3–6, 10, 24, 28 — «мясницкие спицы»; 16, 17 — «мясницкие крючки» (1–2, 7–9, 11–23, 25–27 — камень; 3–6, 10, 16–17, 24, 28 — дерево)

Литература

- *Арицховский А.В.*, 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М. (МИА. № 11).
- Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Гусаков В.Н., 1990. Исследования в Новгородском кремле в 1989 г. // ННЗ. Вып. 3.
- Колосова И.О., 1994. По историческим местам Пскова (XIV начало XVIII вв.) // Псков через века. СПб.
- ${
  m H4Л},\ {
  m cписок}\ {
  m Дубровского}\ -\ {
  m Hoвгородская}\ {
  m 4-я}\ {
  m летопись:}\ {
  m Список}\ {
  m Дубровского}\ //\ {
  m ПСРЛ}.\ {
  m M.,}\ 2000.\ {
  m T.}\ {
  m IV.}\ {
  m 4.}\ {
  m 1}.$
- Н4Л, список Никольского Новгородская 4-я летопись: Список Никольского // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1.
- *Окулич-Казарин Н.Ф.*, 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Тр. ПАО. Псков. Вып. 11.
- Окулич-Казарин Н.Ф., 2001. Спутник по древнему Пскову. Псков.
- Подгорная Р.Г., Салмина Е.В., 2012. Раскопки Нового Торга в Пскове в 2011 году (предварительные обобщения) // ННЗ. Вып. 26: Мат. науч. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности.
- Подгорная Р.Г., Салмина Е.В., 2013. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- $\Pi 1 \Pi \Pi$ сковская 1-я летопись // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1.
- СМАМЮ, 1913 Подлинная писцовая книга № 355 // СМАМЮ. Т. V.
- *Строков А., Богусевич В.*, 1939. Археологическое исследование Новгорода. Новгород.
- *Чистякова Е.В.*, 1950. Псковский Торг в середине XVII в. // Исторические записки. М. Т. 34.
- Ушаков Ф.Л., 1901. Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков.
- Шокарев С.Ю., 2012. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.
- Яворская Л.В., 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «Анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. Т. 92. № 9.

Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове¹

L. V. Yavorskaya. Meat trade or bone pavement? Archaeozoological research of the Luzhsky II excavation site in Pskov

Abstract. Large accumulations of bones in the medieval layers of trading areas of Novgorod and Pskov were interpreted in two ways: either as a special filling for a swampy soil, or as remains of meat trade. Archaeozoological study of the Luzhsky excavation site materials revealed that the lower layers of the site comprised the cultural layer common to an ancient Russian town: animal bones there are the «kitchen residues». In the upper layers powerful agglomerations of bones, consisting mainly of cattle heads' fragments which are leftovers from the meat trade, are fixed. These numerous fragments were used for the Novy Torg (New Marketplace) area organization, for leveling the surface, wood flooring and trade closets so as to firm them.

 Knovee ые слова: археозоология, костные вымостки, мясная торговля, Новый Торг

Три исследовании Лужского II раскопа в 2011 г. археологи столкнулись $oldsymbol{1}$ $oldsymbol{1}$ с удивительным феноменом — некоторая часть культурных напластований была плотно заполнена костями животных, среди которых угадывались преимущественно фрагменты челюстей, а также обломки черепов и рогов крупного рогатого скота. Похожее заполнение культурного слоя, получившее название «костные вымостки», известно из работ в Великом Новгороде на территории Ярославова дворища (Строков, Богусевич, 1939; Арциховский, 1949). Исследователи Новгорода, и в частности А. В. Арциховский, полагали, что кости животных в огромном количестве служат заполнением, насыпанным под новгородские мостовые для предохранения их деревянного покрытия от пагубного воздействия влаги и грязи (Арциховский, 1949). В Пскове такое необычное заполнение культурных напластований тоже встретилось не впервые. В 1952 г. Г.П. Гроздилов, проводивший работы на территории Нового Торга, в 50 м от нынешнего Лужского II раскопа, обнаружил слой с челюстями КРС и высказал иную, чем у исследователей Новгорода, версию: такое огромное количество костей связано с торговлей мясом на данном участке средневекового города (*Гроздилов*, 1962).

В связи с археологическими работами на раскопе Лужский II в 2011 г. появилась возможность проверки обеих версий при помощи археозоологического

 $^{^1}$ Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ №13-06-12023 ОФИ-м и РГНФ № 14-11-60005 а (р).

исследования, которое было проведено по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Антипина*, 2004).

Общий размер коллекции костных остатков с этого раскопа согласно полевой описи составил более 300 тыс. фрагментов. Обработка специалистом такой коллекции заняла бы несколько лет. Поэтому для археозоологического исследования были отобраны полные выборки костных фрагментов с четырех примерно одинаковых по площади участков — «А», «З», «Л», «М», расположенных в разных частях раскопа.

Общие параметры археозоологических коллекций с участков

В низинной части раскопа (материк на глубине -370/-410 см) расположены участки А, Б, В, Г, Д; археозоологическому исследованию подверглись материалы участка А. Здесь из средневекового культурного слоя выбрано, помимо других находок, 26 тыс. фрагментов костей животных, общим объемом около 2000 дм³. При сопоставлении археозоологических материалов из девяти пластов культурного слоя участка А по основным параметрам выделились две их группы, которые мы обозначили как «верхние пласты», т.е. кости из пластов 11–15, и «нижние пласты» — из пластов 16–19. Общее количество костных фрагментов в выборках из «верхних» пластов исчислялось в пределах от 2 до 9 тыс., их объемы очень велики — от 125 до 750 дм ^{3} (табл. 1). Количество костей в выборках из нижних пластов существенно меньше — лишь в пласте 16 оно приближается к 1000, а в остальных близко к 100, а объемы, за исключением пласта 16 (28 дм³), не превышают 5 дм³ (рис. 1) Определимость костей в «верхней» части коллекции оказалась очень высокой — свыше 90 %, в «нижней» — существенно ниже. Среди неопределимых преобладают кости крупных млекопитающих в обеих частях коллекции участка А, немногочисленные обломки костей средних млекопитающих фиксируются лишь в пластах

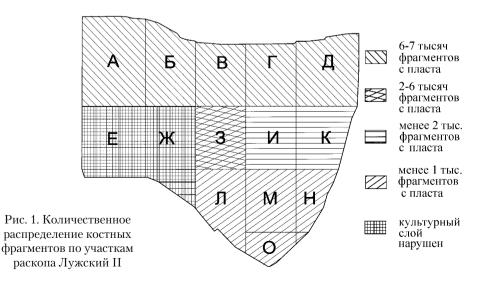

 Таблица 1

 Общие параметры археозоологической коллекции участка «А»

 раскопа Лужский II

		ر د	He	определим	иые (шт.		. 4		
Объект	Всего (шт.)	Доля опре- делимых (%)	Крупн. млеко- пита- ющих	Средн. млеко- пита- ющих	Птиц	Рыб	Объем (дм³)	Индекс раздроб- ленности	Сохран- ность
		Ве	ерхние пл	асты					
Пласт 11	2235	94,0	133				125	17,9	4
Пласт 12	4508	95,5	204		2		345	13,1	4
Пласт 13	9470	94,4	535		7	6	750	12,6	4
Пласт 14	6335	93,3	423		5	1	485	13,1	4
Пласт 15	2380	91,8	188	6	3		236	10,1	4
Всего/ среднее по пластам	24928	93,8	1483	6	17	7	1941	13,4	4
		H	ижние пл	асты					
Пласт 16	927	77,5	150	59	11		28	33,1	3-4
Пласт 17	135	87,4	17		2		4,9	27,6	3-4
Пласт 18	109	73,4	29		2		4,3	25,3	3-4
Пласт 18-19	66	100,0			1		2	33	3-4
Всего/ среднее по пластам	1237	79,3	196	59	16	0	39,2	29,8	3-4
		Ямн	ы 16–19 п	ластов					
Яма 52	8	100,0			1		0,3	26,7	3
Яма 63	37	56,8	14	2			1	37	2-3
Яма 68	23	100,0					1	23	3
Яма 73	15	80,0	3				0,7	21,4	3-4
Яма 77	7	85,7	1				0,3	23,3	3-4
Яма 81	22	81,8	3	1			1	22	3
Яма 83	6	16,7	1	4			0,3	20	3
Яма 84	31	71,0	3	6			0,8	38,8	3
Яма 85	3	100,0					0,1	30	3
Яма 105	7	71,4	2		1		0,3	23,3	3
Яма 108	1	100,0					0,05	20	3
Яма 116	14	57,1	6		1		0,6	23,3	2-3
Яма 118	1	100,0					0,04	25	3
Яма 129	24	83,3	4			1	1	24	3
Яма 133	57	78,9	8	4	1		2,5	22,8	3
Яма 144	12	100,0			1		0,6	20	3
Пятно глины, кв. 35, пл. 15	47	97,9	1				2	23,5	4
Всего по ямам	315						12,6		
Bcero	26480	93,2	1725	82	38	9	1992,79	13,3	

15 и 16. Необычно выглядит раздробленность костей в исследуемой выборке. В «нижних» пластах индекс раздробленности составляет 25–33 фрагмента в 1дм³, и он находится в пределах обычной «кухонной» раздробленности (от 10 до 70 фрагментов в 1дм³: *Антипина, Моралес*, 2006), характерной для древнерусских городов. В «верхних» пластах индекс существенно ниже — от 10 до 18 фрагментов в 1дм³, т.е. в культурном слое залегали довольно крупные

обломки костей (табл. 1). Материалы из ям хронологически соответствовали «нижним» пластам. Количество костных фрагментов в них несоизмеримо меньше, чем в пластах, потому даже совокупную выборку фрагментов из материковых ям сравнивать с выборками из пластов невозможно. Следует указать еще на два отличия материалов из «верхних» и «нижних» пластов. Во-первых, сохранность костных фрагментов, которая оценивается по пятибалльной шкале, в «нижних» пластах и ямах — в среднем 3 балла, т.е. ниже, чем в «верхних» пластах, где она составляет преимущественно 4 балла. Кроме этого, на костях из «верхних» пластов отмечены многочисленные серые пятна, образовавшиеся вследствие воздействия золы. Эти следы отмечаются примерно на 30% всей совокупности фрагментов из «верхних» пластов, но таких пятен совсем не видно на костях из «нижних» пластов и ям. Таким образом, в культурных напластованиях участка А кости животных распределены весьма неравномерно, их общее количество с пласта постепенно снижается при приближении к материковому слою, отличаются не только объемы костных фрагментов из «нижних» и «верхних» напластований, но и степень их раздробленности, сохранность, следы искусственного воздействия.

В следующем ряду участков (3, И, К), расположенных выше по рельефу местности (отметка материка от -260 до -360 см), исследован участок 3, содержавший уже около 4000 фрагментов, которые заполнили бы объем уже меньший, чем на участке A, -200 дм³. Из 7 пластов культурных напластований данного участка в пласте 17 костных фрагментов вообще не обнаружено, нижние пласты 15 и 16 заполнены меньше, чем верхние. В них, а также в ямах, почти не встречены костные фрагменты, окрашенные золой. Поскольку предматериковые пласты заполнены костями весьма слабо, иных сравнений сделать не удалось и, соответственно, не удалось выявить отличий верхних и нижних пластов. Определимость костей выше 15 пласта, как и на участке A, высокая (86–95%), индекс раздробленности варьирует от 13 до 28 фрагментов в 1 дм³, среди неопределимых фрагментов преобладают остатки крупных млекопитающих (табл. 2).

Еще выше по рельефу местности расположены участки Л, М, Н, О. Культурные напластования участка Л составляют 2 пласта (11 и 12), а участка М — 1 пласт (11). Костные фрагменты из пластов и ям данных участков весьма немногочисленны (около 300 и около 200 фрагментов соответственно), однако, насколько возможно судить, демонстрируют те же параметры, что и предшествующие материалы с участков А и 3, — высокую определимость (86–95%) и очень невысокую раздробленность в пластах (индекс от 15 до 19 фрагментов в 1дм^3) (табл. 3).

Исследуемая часть Нового Торга имела специфичный рельеф. Участки, расположенные на разной высоте, содержали более или менее мощные культурные напластования, по-разному заполненные костями животных. В низинной части на участке A и несколько выше расположенном участке 3 культурные слои были более мощными. В верхних пластах эти участки были необычно плотно заполнены крупными костными фрагментами (6–10 тыс. фрагментов с пласта — участки A, Б, В, Γ , Д; 4–6 тыс. фрагментов с пласта — участок 3;

Таблица 2 Общие параметры археозоологической коллекции участка «З» раскопа Лужский II

		гре- ых	Heo	пределимы		Кс 56-	H-		
Объект	Всего (шт.)	Доля опре- делимых (%)	Крупн. млекопи- тающих	Средн. млекопи- тающих	Птиц	Рыб	Объем (дм³)	Индекс раздроб- ленности	Сохран- ность
Пласты									
Пласт 11	828	91,1	74				30	28	4
Пласт 12	2063	98,2	37			1	98	21	4
Пласт 13	760	86,6	35	7	3	1	60	13	4
Пласт 14	302	92,7	22		2		12	25	4
Пласт 15	47	95,7	1	1			2	24	4
Пласт 16	3	33,3	2				0,1	30	4
Всего/ среднее по пластам	4003	92,8	171	8	5	2	202,1	23	4
		иК	ны пластов	15-17					
Яма 3	9	66,7	3				0,5	18	2-3
Яма 58	1	100,0					0,05	20	3
Яма 59	4		3	1			0,2	20	4
Яма 60	1	100,0					0,05	20	4
Яма 95	7	100,0					0,4	18	4
Яма 96	22	100,0					1,1	20	4
ВСЕГО по участку 3	4045	93,9	237	9	5	2	214,4	19	4

рис.1). Ими же был заполнен небольшой культурный слой участков Л и М, расположенных в возвышенной части данной местности (менее 1000 фрагментов с пласта — участки Π , M, H, O; рис. 1). Лишь в нижних, предматериковых, пластах тех участков, которые расположены в низине, т.е. участков А и, возможно, 3, выявлены слои с другим заполнением костями животных, значительно менее плотным. Костные фрагменты в них оказались более раздробленными, сохранность несколько ниже, совсем не фиксируются следы золистых сбросов, что характерно для заполнения верхних пластов. Если учесть, что до начала раскопок на данной местности не было видно перепадов рельефа, можно выдвинуть предположение, что для выравнивания местности в этой части средневекового города специально использовали подсыпку, состоящую из костей. У такой подсыпки могло быть и другое предназначение. Напомним, что А.В. Арциховский, исследуя раскопы Ярославова Дворища в Великом Новгороде, предположил, что громадное количество костей использовалось как уплотняющая подсыпка для устройства мостовых, предохраняя дерево от влаги и гниения. Археологический контекст Лужского II раскопа подтверждает это предположение: на участках А, Б, В, Г, Д между 12 и 13 пластами обнаружен настил-мостовая очень хорошей сохранности, а на участках 3, И, К в верхних их пластах исследованы остатки торговых сооружений — клетей (см. рис. 1 к ст. Е. В. Салминой, С. А. Салмина и Р. Г. Подгорной). Становится важным понять, из каких именно костей и каких животных состояло это специфичное заполнение.

 $\label{eq:Tabnuya} \begin{tabular}{l} \it Tabnuya & \it 3 \\ \it Obщие параметры археозоологической коллекции участков «Л» и «М» \\ \it packona Лужский II \\ \end{tabular}$

	Bcero		Неопр	еделимые (шт.)	0.4	Индекс				
Объект	(шт.)	определи- мых (%)	Крупн. млеко- питающих	Средн. млеко- питающих	Птиц	Объем (дм³)	раздроб- ленности	Сохранность		
			Пл	асты участка Л						
Пласт 11	84	86,9	7	4		4,4	19	4		
Пласт 12	49	95,9	2			2,7	18,1	4		
Ямы										
Яма 11	14	100,0				0,5	29,8	4		
Яма 12	10	100,0				0,4	23,8	3		
Яма 15	65	87,7	6		1	2,3	28,3	4		
Яма 29а	22	54,5	3	5	2	0,8	27,5	2-3		
Яма 40	1	100,0				0,04	25	3		
Яма 41	55	78,2	11	1		1,9	28,9	4		
Яма 45	1	100,0				0,04	25	4		
Яма 47	4	100,0				0,2	26,7	4		
ВСЕГО	305	85,9	29	10	3	11,7	26			
			Пла	асты участка М						
Пласт 11	126	88,1	9	5	1	8,3	15,2			
				Ямы						
Яма 7	45	75,6	7	4		1,2	37,5			
Яма 14	6	100,0				0,2	30			
Яма 30	24	100,0				0,7	34,3			
Яма 36	29	62,1	4	6	1	0,9	32,2			
Всего	230	85,2	20	15	2	11,3	20,4			

Таксономический состав и анатомические особенности

В видовом наборе домашних млекопитающих всех участков фиксируются остатки четырех видов мясных животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, а также двух немясных — собак и кошек. Из диких животных обнаружены весьма немногочисленные кости лисы, дикого кабана, зайца — в совокупности 7 фрагментов (табл. 4; 5; 6; 7). Кроме млекопитающих в материалах данного раскопа зафиксированы остатки птиц (48 фрагментов) и рыб (11) (табл. 1; 2; 3). Такой таксономический набор соответствует обычному в древнерусском городе. Однако обнаружились существенные отличия в количественных соотношениях наиболее многочисленных для города видов. В остеологических спектрах древнерусских городов традиционно доминируют остатки крупного рогатого скота, доля которого исчисляется в пределах 62-68%, а для позднесредневековых слоев Пскова — примерно 78% (Антипина, 2005). На Лужском II раскопе на всех участках в верхних пластах (от 11 до 15) доля этих остатков существенно выше — в пределах 90-98% (рис. 2). То есть, в заполнении культурных напластований всех участков данного раскопа доля костей крупного рогатого скота намного превышает обычную.

 ${\it Ta6\pi uu_4 \ 4}$ Таксономический состав и остеологические спектры участка «А» раскопа Лужский II

	КРС	Лошадь	MPC	Свинья	Собака	Кошка	Лиса	Кабан	Заяц	Всего	%
				Rapyu	 ие пласть	T		дикий			
Пласт 11	2069		31	2	ие пласте	»	1	I		2102	
Пласт 12	4228	8	53	11	2					4302	
Пласт 13	8670	14	186	45	2	2			3	8922	
Пласт 14	5588	11	248	53	5	2			1	5906	
Пласт 15	2009	13	98	56	7				1	2183	
Всего по верхним пластам	22564	46	616	167	16	2			4	23415	95,0
%	96,4	0,2	2,6	0,7	0,07	0,01			0,02	100,0	
				Нижн	ие пластн	ы					
Пласт 16	541	6	67	91	2					707	
Пласт 17	78	2	12	22		1			1	116	
Пласт 18	54		14	10						78	
Пласт 18-19	50	4	5	2	3		1			65	
Всего по ниж- ним пластам	723	12	98	125	5	1	1		1	966	4,0
%	74,8	1,2	10,1	12,9	0,5	0,1	0,1		0,1	100,0	
				Ямы 16-	–19 пласт	ов					
Яма 52	6			1						7	
Яма 63	16		3		2					21	
Яма 68	11		1	10	1					23	
Яма 73	8		1	3						12	
Яма 77	5		1							6	
Яма 81	8			1	9					18	
Яма 83				1						1	
Яма 84	14		1	7						22	
Яма 85	2			1						3	
Яма 105			1	2						3	
Яма 108			1							1	
Яма 116	7									7	
Яма 118	1									1	
Яма 129	12	1	2	4						19	
Яма 144	11									11	
Пятно глины кв. 35, пл. 15	33	2	1	6		4				46	
Всего по ямам	134	3	12	36	12	4	0	0		201	1,0
%	66,7	1,5	6,0	17,9	6,0	2,0	0,0	0,0		100,0	
Всего по участку А	23449	62	731	334	36	7	1	1	5	24673	100,0

	КРС	Лошадь	MPC	Свинья	Собака	ВСЕГО по объектам
Пласт 11	747			5		752
Пласт 12	1961			3		1964
Пласт 13	648			22		670
Пласт 14	253	1	13	8	3	278
Пласт 15	37		5	3		45
Пласт 16				1		1
Всего по пластам	3646	1	18	42	3	3710
%	98,3	0,03	0,5	1,1	0,1	100,0
Всего по ямам	34	1		2		37
%	91,9	2,7		5,4		100,0
Всего по видам	3680	2	18	44	3	3747
%	98,2	0,05	0,5	1,2	0,1	100,0

Таблица 6
Таксономический состав и остеологические спектры участка «Л»
раскопа Лужский II

puckonu /1/ Mekiiii 11											
	KPC	MPC	Свинья	Собака	Кошка	Заяц	Грызуны	Всего			
Пласт 11	60	3	8			1	1	73			
Пласт 12	47							47			
Всего по пластам	107	3	8			1	1	120			
% по пластам	82,2	4,1	11			1,4	1,4	100,0			
Всего по ямам	96	31	12	3	1			143			
% по ямам	67,1	21,7	8,4	2,1	0,7			100,0			
Всего по участку	203	34	20	3	1	1	1	263			
%	77,2	12,9	7,6	1,1	0,4	0,4	0,4	100,0			

Для анализа остеологических спектров из нижних предматериковых пластов лишь выборка с участка А является достаточно представительной, составляя около 1000 фрагментов. В пластах 16–19 этого участка остеологический спектр домашних копытных становится иным: остатки крупного рогатого скота составляют уже около 74%, на втором месте остатки

Таксономический состав и остеологические спектры участка «М» раскопа Лужский II

Таблица 7

	KPC	Лошадь	MPC	Свинья	Всего
Пласт 11 уч. М	101		6	4	111
% по пласту	91		5,4	3,6	100
Всего по ямам	56	2	16	8	82
% по ямам	68,3	2,4	19,5	9,8	100
Всего по участку	157	2	22	12	193
%	81,3	1	11,4	6,2	100

свиньи — почти 13%, на третьем — мелкий рогатый скот, доля которого 10%, доля лошади 1,2%. Это соответствует спектрам мясных домашних видов обычного древнерусского города, за исключением доли лошади, которая в усредненном спектре древнерусских городов составляет около 6% (рис. 3).

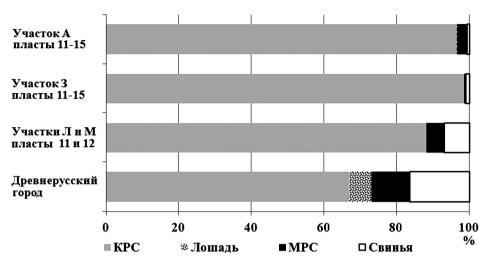

Рис. 2. Остеологические спектры участков ЛужскогоII раскопа в Пскове и усредненный по древнерусским городам

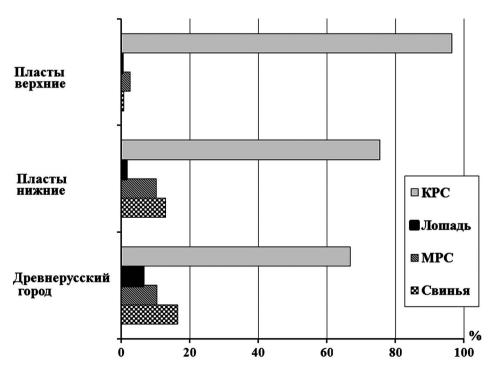

Рис. 3. Остеологические спектры «верхних» и «нижних» пластов участка А раскопа Лужский II и усредненный по древнерусскому городу

Анализ анатомического набора костей наиболее многочисленного вида — крупного рогатого скота — выявил определенную специфику.

Сравнительный анализ анатомического набора из верхних пластов участка А и набора, представляющего обычные кухонные остатки (график «кухонные»), показывает, что в исследуемом анатомическом наборе доля костей черепа невероятно завышена, в то время как доли всех других частей скелета животного оказались значительно ниже обычных для кухонных остатков (рис. 4).

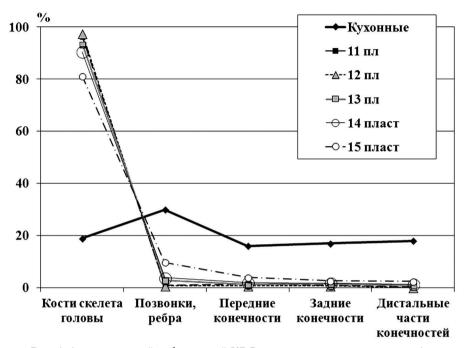

Рис. 4. Анатомический набор костей КРС из верхних пластов участка «А» (Псков-2011, раскоп Лужский-II)

Заполнение нижних пластов участка А остатками КРС выглядит совершенно иначе, чем верхних. Для материалов пласта 16 доля костей черепа еще достаточно высока, что указывает на «переходный» характер его заполнения. Материалы остальных «нижних» пластов по анатомическому набору очень близки к обычным кухонным остаткам (рис. 5). Таким образом, на участке А удалось выявить отчетливые различия в заполнении верхних и нижних пластов костями КРС: в верхних это преимущественно части голов, а в нижних — обычный «кухонный» набор остатков от всех частей туши животного.

Диаграммы на рис. 6 и 7 отчетливо показывают, что анатомический набор костей КРС всех остальных участков скорее похож на набор верхних пластов участка A и не соответствует обычным кухонным остаткам, как в нижних пластах участка A.

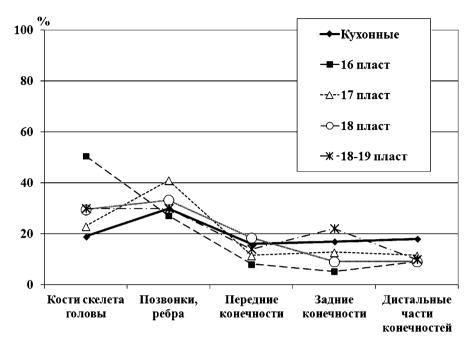

Рис. 5. Анатомический набор костей КРС из нижних пластов участка «А» (Псков-2011, раскоп Лужский-II)

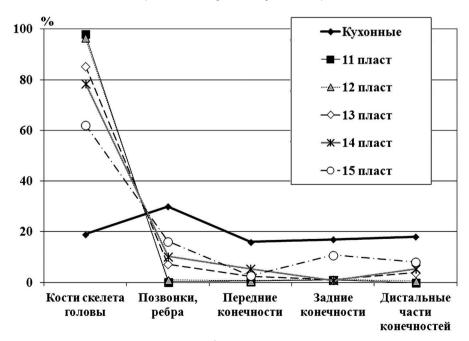

Рис. 6. Анатомический набор костей КРС пластов участка 3 (Псков-2011, раскоп Лужский-II)

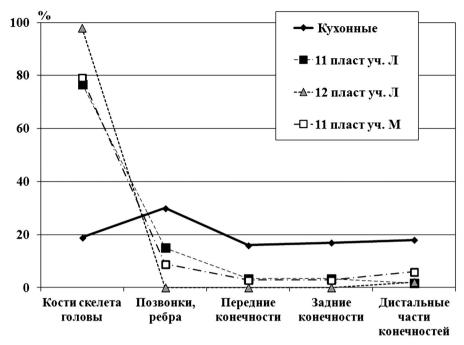

Рис. 7. Анатомический набор костей КРС участков Л и М (Псков-2011, раскоп Лужский-II)

Получается, что верхние пласты участка А и практически все пласты остальных участков заполнены преимущественно остатками коровьих голов. Набор фрагментов голов также специфичен: разломанные лобные кости, междурожье и рога, а также зубные части верхних и нижних челюстей, аккуратно отрубленные. Это те части скелета головы, на которых практически нет ни мяса, ни желатина. И все эти фрагменты несут на себе следы специальной, стандартизированной мясной разделки (Яворская, 2013).

Такой анатомический набор костей КРС мог образоваться исключительно при торговле мясом: аккуратно выделялись из туши все части, на которых есть мясо или содержащие желатин. Эти части туш продавались в городские усадьбы, а непосредственно вблизи торгового места оставались и могли накапливаться именно те части голов, которые не покупались (Там же), и именно они заполняют собой верхние напластования участка А и все слои остальных участков.

Заключение

Итогом археозоологического исследования материалов раскопа Лужский II становится выявление и отчетливая фиксация особенностей заполнения культурных напластований данного участка Псковского Нового Торга.

Л.В. Яворская

Нижние слои заполнены «кухонными» остатками костей животных. Их сохранность, раздробленность, видовой состав и анатомический набор наиболее многочисленного вида — КРС, точно соответствуют обычному для древнерусского города заполнению культурных напластований. Такое заполнение выявлено в «нижних» слоях участка А и так же были заполнены нижние слои участков Б, В, Г, Д. Подобное заполнение можно предположить и для предматериковых слоев участка З и прилегающих к нему участков И, К, но отчетливо это выявить не удалось из-за малочисленности выборки из нижних пластов этих участков. То есть, в низине данного района средневекового Пскова в какой-то период до устройства здесь Нового Торга можно предположить наличие обычной жилой застройки с соответствующим заполнением культурных напластований костями животных в виде «кухонных» остатков. Материалы из материковых ям не противоречат этому предположению.

Верхние пласты участка А заполнены костными фрагментами совершенно иначе. Это плотное заполнение из многочисленных остатков разломанных и разделанных коровьих голов. Точно так же заполнены верхние пласты всех остальных участков, и, как нам удалось выяснить, это специфичное заполнение служило уплотняющей подсыпкой под деревянные конструкции и сглаживало неровности рельефа на данном участке средневекового Пскова. Пласты с таким заполнением хронологически соответствуют функционированию Нового Торга, для благоустройства территории которого, по-видимому, остроумно была использована уплотняющая подсыпка из костей. Специфичный анатомический набор от непродающихся частей коровьих голов, а также стандартный характер их разделки отчетливо свидетельствуют о возможности накопления подобных остатков лишь при торговле мясом. Их громадное количество, исчисляемое в тысячах фрагментов в той части, которая вошла в зону Лужского II раскопа, позволяет сделать предположение, что на данном участке Нового Торга как раз и происходила мясная торговля, располагались мясные ряды.

Таким образом, оказываются верными обе исследовательские версии заполнения многочисленными костями животных культурных слоев торгов в Новгороде и Пскове. Одна из версий отражает *происхождение* многочисленных костных остатков, связанное с торговлей мясом, как и утверждал Г.П. Гроздилов. Однако при анализе археозоологических материалов Лужского II раскопа в строгом соответствии с археологическим контекстом находит подтверждение и другая версия, А.В. Арциховского, предположившего *использование* костей как специальной уплотняющей подсыпки для благоустройства территории.

Литература

Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. М. Т. III. Гл. 7. Антипина Е.Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.

- Антипина Е.Е., Моралес А., 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: Кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. Новосибирск. № 3 (27).
- *Арциховский А.В.*, 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. № 11
- *Гроздилов Г.П.*, 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4: Славянские древности.
- Строков А., Богусевич В., 1939. Археологическое исследование Новгорода. Новгород. Яворская Л.В., 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. Т. 92. № 9.

Исследования прибрежной части средневекового Полонища Пскова (по материалам Георгиевского II раскопа 2012 г.)

S. V. Stepanov. The study of the coastal part of the medieval Polonishche of Pskov (on the data from Georgievsky II excavation site, 2012)

Abstract. Research area is located between nowadays streets Detskaya, Kalinina and Georgievskaya, along the Velikaya River. In the 15th century it was the coastal part of territories of the medieval «Polonishche». In archaeological terms, this area has remained largely unexplored until now.

In 2012, 6 pits ranging from 9 to 16 m^2 were laid here, on the plot of about 150 m long. Medieval cultural layer was found in two pits.

The Southern pit showed presence of cultural deposits of the period from the first half of the 12th to the first half of the 13th century. This is the most southern point of development of the coastal area of the Velikaya River. From the second half of the 13th century, and almost the whole of the 14th century, there is a chronological gap. Resettlement of the site dates to the late 14th — the early 15th century, and is probably connected with the construction of the monastery of St. Nicholas on the Ascent (1403/04).

In the Northern pit there were found undisturbed sediments of the Middle Ages beginning from the $11^{\rm th}$ century. This can clearly be seen in the sequence of ceramic forms. It is the most southern point, where traces of continuous activity during the middle of the $13^{\rm th}$ and the second half of the $14^{\rm th}$ century on the right bank of the Velikaya River were fixed. It was the time when most of previously settled territory in other parts of the city was abandoned.

Ключевые слова: Псков, Полонище, посад, освоение прибрежной зоны реки Великой, керамика

Виюне 2012 г. отрядом АНО «Псковский археологический центр» выполнены охранные археологические исследования, необходимость которых была связана с реконструкцией инженерных сетей водопровода у Дома спорта. Прокладка труб проводилась методом подземного бурения с устройством бетонных колодцев в местах постановки которых и выполнялись раскопки (рис. 1 на вклейке; см. также пункт 5 на рис. 1 к статье Е. А. Яковлевой в этом сборнике, на вклейке).

Зона исследований на карте современного города расположена в квартале улиц Детской, Калинина, Георгиевской, набережной р. Великой. На исторических планах города 1740, 1792, 1857, 1889, 1895, 1930 гг. эта территория традиционно лишена застройки. В археологическом плане этот район до настоящего времени остается практически неизученным.

Согласно исторической топографии города XV в., участок раскопок накладывался на территорию средневекового «Полонища», распространявшуюся к югу от крепостной стены 1374/1375 г. и защищенную деревянными укреплениями 1465 г. (Лабутина, 2011. С. 140). Находившийся на правом берегу р. Великой участок шурфовки имел следующие средневековые ориентиры: с севера ограничивался церковью Преполовения Пятидесятницы, с востока — средневековой улицей Великой, с юга — церковью Георгия со Взвоза, дата строительства которой определяется 1493–1494 гг. Вместе с тем, топоним «Взвоз» впервые упоминается в псковских летописях под 1403/04 г. и связан со строительством монастырской церкви Николы, стоявшей ранее невдалеке к ЮЗ от церкви Георгия. Занимаясь изучением исторической топографии города XIV-XV вв., И.К. Лабутина высказала мнение, что, учитывая удаленность Никольского монастыря от крепостной стены 1374/1375 г., развитого посада вокруг монастыря в начале XV в. еще не существовало (Там же. С. 222). Улица Великая (ныне Советская), ограничивающая территорию исследований с востока, — одна из основных средневековых магистралей, связывающая Псков с южными землями. Принято считать, что трасса средневековой улицы Великой в целом соответствует современной линии Советской ул., идущей в направлении Троицкого собора. Возможно, что древнейшее из известных летописных упоминаний уличной (дорожной) сети города в XIV в. (1337 г.) относится именно к Великой улице: «путь... положиша пространен к святей Троицы на город» (Псковские летописи, 1941. С. 17). В летописных известиях под 1417/1418 гг. говорится о замощении Великой улицы за пределами крепостной стены 1375 г., что свидетельствует о развитии посада на подъезде к городу. Это подтверждается исследованиями, проводившимися на Васильевских раскопах 1990, 1996, 2004-2005 гг. и Нововознесенском раскопе 1995 г. (раскопы 77, 122, 132, 193, 205 на рис. 1 к статье Е. А. Яковлевой в настоящем сборнике). Здесь в нижней части культурных отложений были зафиксированы остатки хорошо сохранившейся сплошной деревянной застройки с уличной сетью, которая начинает активно формироваться с рубежа XIV-XV вв.

Раскопки на территории Полонища в прибрежной зоне р. Великой проводились в местах, приближенных к линии крепостной стены 1374/75 гг. Они показали сильное разрушение культурных отложений разновременными перекопами, в основном с уровня XVIII−XX вв. (раскопы 1974, 1983, 1988, 2003 гг., № 24, 50, 73, 178 на рис. 1 к статье Е. А. Яковлевой). Вместе с тем, по результатам раскопок время первоначального освоения территории определяется XI−XII вв., о чем свидетельствует значительное количество находок этого времени, обнаруженных как в предматериковых слоях, так и в составе комплексов более позднего времени (рис. 2). Вероятно, «верхняя граница» этого периода определяется в рамках первой половины XIII в. (*Ершова, Степанов*, 1990. С. 97).

В большинстве раскопов почти полностью отсутствует материал второй половины XIII в. и почти всего XIV в. Эта хронологическая лакуна фиксируется на ранее освоенной территории всех районов города, за исключением его центральной части, близкой к линии прохождения крепостной стены посадника

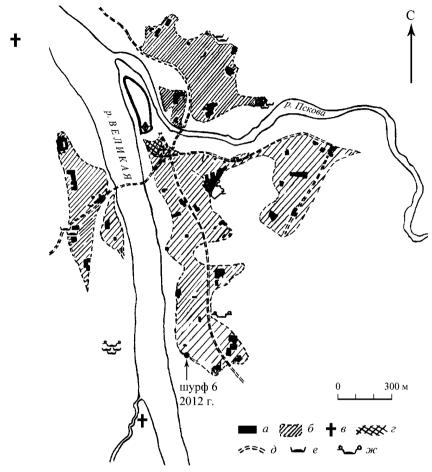

Рис. 2. Схема распространения культурного слоя XI — 1-й пол. XIII в. Условные обозначения: a — раскопы; δ — культурный слой; s — монастыри, церкви; ϵ — торг; δ — трассы дорог; e — грунтовый могильник; κ — жальничный могильник

Бориса (1309 г.) и прибрежных участков Запсковья в районе современного Троицкого моста. Территория торгово-ремесленного посада города и примыкающих к ней окологородских поселений сокращается более чем в три раза (рис. 3). Этот факт исследователи объясняют обострением военно-политической ситуации в большинстве Русских земель этого времени. Исключение составляет Мстиславский раскоп 2003 г., который отмечает наиболее южную точку прибрежной зоны и где фиксируется непрерывная деятельность начиная с XI в.

Повторное освоение определяется рубежом XIV–XV вв. (*Фролов*, 1985. С. 73; *Овсянников*, *Царькова*, 1983. С. 131). Подобная датировка кажется вполне логичной в свете результатов Васильевских раскопов, о которых речь шла выше. Однако в отличие от них, застройка прибрежных участков этого времени представляется более «разреженной» и определяется по отдельным материковым ямам, среди которых есть подвальные. Проведя исследования

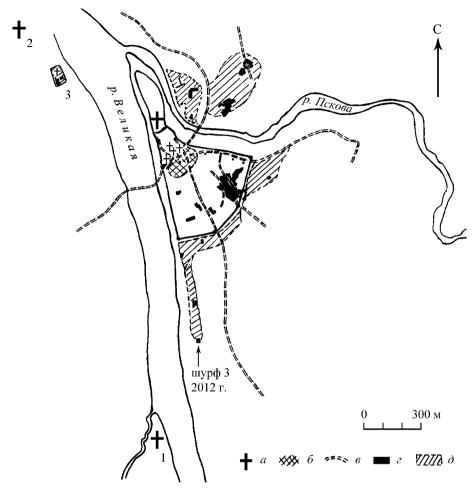

Рис. 3. Схема распространения культурного слоя 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV в. Условные обозначения: a — монастыри (1 — Мирожский; 2 — Ивановский); δ — торг; s — трассы дорог; s — раскопы (3 — Ольгинские V, VI); δ — культурный слой за пределами крепостных стен

на Мстиславском раскопе 2003 г., Е.В. Салмина предположила, что из-за близости к трассе крепостной стены 1374/1375 гг. этот участок был почти свободен от застройки, формирование которой отнесено к XVI–XVII вв. (*Салмина*, 2006. С. 27). На территории расположения раскопов 1974 и 1988 гг. (24, 73 на рис. 1 к статье Е.А. Яковлевой) время появления первых жилищно-хозяйственных комплексов определяется не ранее середины — второй половины XV в. (*Овсянников*, *Царькова*, 1983.; *Ершова*, *Степанов*, 1990)¹.

 $^{^{1}}$ В статье О.В. Овсянникова и Л.А. Царьковой время первоначального освоения участка определяется рубежом XIII—XIV вв. Вероятно, это ошибка. Положенный в основу датировки керамический комплекс (*Овсянников*, *Царькова*, 1983. С. 130. Рис. 4, 1, 8, 9), не может выходить за рамки XI— начала XIII в.

В 1990 г. проводились исследования на Георгиевском І раскопе, который находился в 15 м к югу от Дома спорта (рис. 1). Общая мощность антропогенных накоплений достигала здесь 3 м при толщине балластного слоя до 2,5 м. Культурные отложения на исследованном участке аморфные и в значительной степени нарушенные. Слой сухой, плохо сохраняющий органику. Датировка отложений основывается на керамических комплексах, взятых из-под песчаных и глинистых пятен. Верхний ярус пятен датирован XVI–XVII вв. Нижний отнесен к середине — второй половине XV в. Этим же временем датируются и отдельные материковые ямы, в составе заполнения которых встречен железный шлак. На основе сопоставительного анализа находок сделан вывод, что во время освоения участка в XV в. были разрушены отложения более раннего времени, о существовании которых свидетельствуют находки фрагмента костяной пластины с циркульным орнаментом и многочисленных обломков керамики, датированных в рамках XII — первой половины XIII в. (в нижнем пласте слоя керамика этого времени составляла 75%). Находки второй половины XIII — начала XV в. отсутствуют, что подтверждает мнение И.К. Лабутиной об отсутствии до начала XV в. развитого посада в районе Никольского монастыря.

В ходе работ 2012 г. были заложены 6 шурфов площадью от 9 до 16 м², которые были объединены под названием «Геогиевского II» раскопа — по церкви Георгия со Взвоза, рядом с которой располагался один из шурфов. Нумерация раскопа продолжала принятую в 1990 г. Результаты этих работ неоднозначны. Из 6 шурфов 4 (рис. 1, № 1, 2, 4, 5) показали мощный слой «балластных» накоплений, датированных в рамках середины — третьей четверти XX в.; в соответствии с договорными условиями, раскопки здесь были остановлены. В шурфе 2, расположенном в 25 м от края коренного берега р. Великой, мощность балласта превышала 2,4 м, а находящийся с ним на одной линии в 64 м к югу шурф 1 показал полное разрушение культурных отложений средневекового времени на глубину до 3,5 м. Вместе с тем, зафиксированная здесь стратиграфическая ситуация несомненно будет являться отправной точкой для дальнейших исследований (рис. 4).

Средневековый культурный слой был обнаружен в двух шурфах, из которых шурф 6 маркировал южную границу территории исследований, а шурф 3 находился в северной ее части. Расстояние между шурфами около 150 м. Во всех случаях слой сухой, плохо сохраняющий органические остатки.

IОжная граница территории исследований (шурф 6). Общая мощность антропогенных накоплений составила 1,25–1,35 м при толщине балластного слоя XX в. до 0,6 м. Мощность культурных отложений достигает 0,75 м (рис. 5, a).

По итогам раскопок, первоначальное освоение этой территории относится к первой половине XII в. и охватывает период в рамках XII — первой половины XIII в., что подтверждается наличием в нижней части культурных отложений «чистого» керамического комплекса этого времени (рис. 6, формы 1–15). В материалах раскопа полностью отсутствуют находки второй половины XIII в. и почти всего XIV в., что отмечает хронологическую лакуну — время

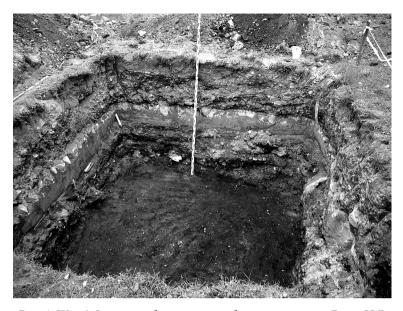
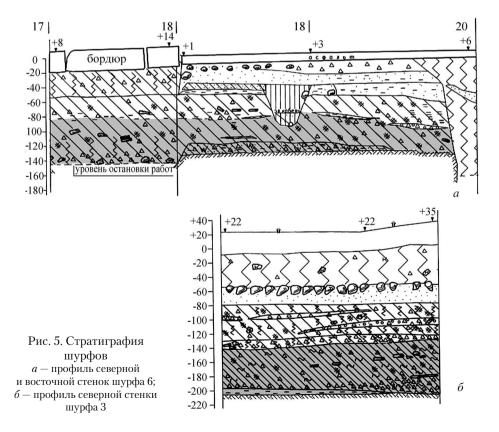
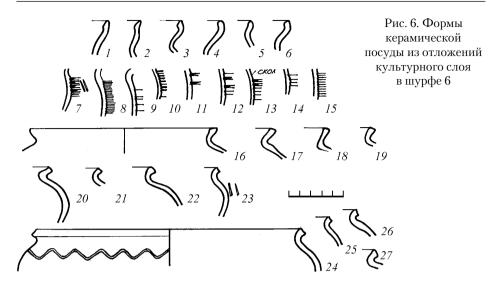

Рис. 4. Шурф 2 в ходе работ по снятию балластного слоя. Вид с ЮВ

запустения ранее освоенных земель. Повторное освоение участка может быть датировано концом XIV — началом XV в. Однако этот период представлен лишь единичными находками, которые, скорее всего, могут соотноситься с Никольским со Взвоза монастырем (1403/04 гг.), стоявшим ранее невдалеке к ЮЗ от церкви Георгия (рис. 6, формы 16-19). Значительно полнее в материалах раскопа представлен период второй половины XV — XVI в., что вполне закономерно. В 1493/94 гг. здесь возводится приходская церковь Георгия со Взвоза (рис. 6, формы 20-27).

Верхний горизонт культурных отложений, суммарно датируемый в рамках XVII–XVIII вв., имеет значительные нарушения в ходе перепланировок города 70–80-х гг. XVIII в. и последующей строительной деятельности.

Северная граница территории исследований (шурф 3). Зафиксированная здесь толщина накоплений слоя достигает 2,4 м, из которых 0,9 м — балласт ХХ в. Мощность непотревоженных отложений культурного слоя средневекового времени достигает 0.8 м (рис. 5, δ). Раскопки показали, что формирование начальных отложений происходит на этой территории с XI в. и продолжается на протяжении всего Средневековья, Нового и Новейшего времени. Начальная дата освоения участка определяется нахождением в нижней части слоя, а также в материковых ямах, керамических форм, характеризующихся высоким, почти прямым венчиком, образующим раструб устья горшка (рис. 7, 1-9). В оформлении используется многорядная волна, перекрывающая череду сплошных линий, линейные, линейно-зонные орнаменты, нанесенные на большую часть высоты тулова сосуда (рис. 7, 5, 10-14, 19-22). Подобные формы характерны для керамики, соотнесенной с 12 и 13 ярусами застройки раскопов на пл. Ленина, суммарно датированных серединой — второй половиной XI в., а также обнаружены в составе слоя 14 строительного яруса раскопа X конца X — первой половины XI в. (Степанов, 2010). Надо отметить, что непрерывность процесса формирования культурных отложений довольно четко

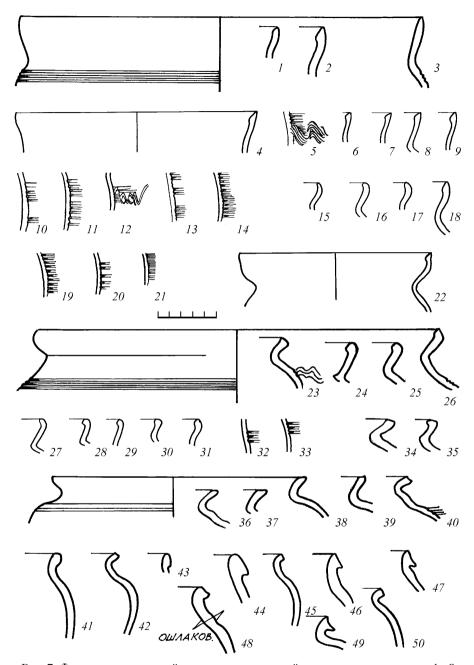

Рис. 7. Формы керамической посуды из отложений культурного слоя в шурфе 3

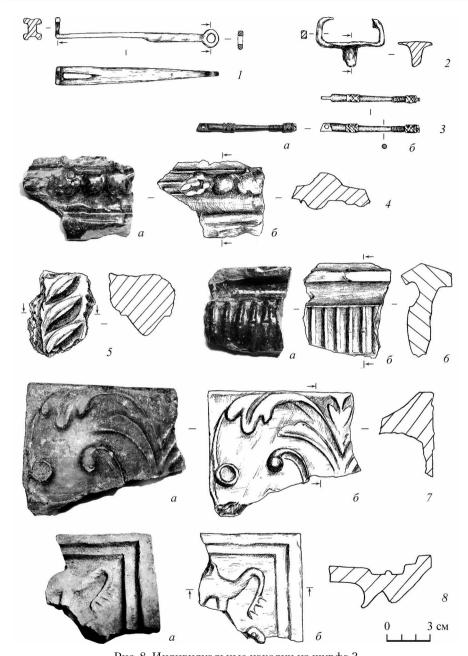

Рис. 8. Индивидуальные находки из шурфа 3 1 — ключ (кв. 10, гл.-150, пол. № 1, оп. № 1); 2 — шип ледоходный (кв. 10, гл.-170, пол. № 2, оп. № 13); 3 — коромысло весов (кв. 12, яма 1а, гл.-210, пол. № 1, оп. № 15); 4 — изразца карнизного ф-т (кв. 12, гл.-158, пол. № 6, оп. № 6); 5 — колонки изразцовой разделительной ф-т (кв. 9, гл.-148, пол. № 8, оп. № 8); 6 — изразца карнизного ф-т (кв. 11, гл.-143, пол. № 9, оп. № 9); 7 — изразца ф-т (кв. 11, гл.-153, пол. № 1, оп. № 11); 8 — изразца ф-т (кв. 12, гл.-151, пол. № 5, оп. № 5). (1, 2 — железо; 3 — бронза; 4—8 — глина, полива)

прослеживается в последовательной смене форм керамического набора, представленного в достаточном для выводов количестве и охватывающего время с XI по первую четверть XV в. (рис. 7, 1–40). В этих слоях обнаружены 3 находки — бронзовое коромысло весов, ледоходный шип и железный ключ типа «В», по Б. А. Колчину (рис. 8, 1–3).

В материалах раскопа почти полностью отсутствуют находки середины — второй половины XV - XVI в., что может быть связано с появлением здесь в конце XVI в. постройки, зафиксированной по каменным фундаментам, при строительстве которой, вероятно, и были срезаны слои этого времени. В зону раскопок вошел лишь северо-восточный угол постройки и составляющие его участки стен, ориентированных строго по сторонам света. Высота сохранившейся кладки 0.66-0.88 м. Фундаменты опущены в материковую яму глубиной до 0.38 м (рис. 9). Керамический набор, обнаруженный внутри фундаментов, определяет датировку в рамках XVII-XVIII вв., что подтверждается находками значительного количества печных изразцов, происходящих из перемешанного с известняковым щебнем, углем и обожженной глиной слоя, маркирующего горизонт разрушения постройки (рис. 7.41-50; 8.4-8).

Подводя итоги работ на Георгиевских раскопах, отмечу, что шурфом 6 была зафиксирована пока наиболее южная точка зоны освоения прибрежной территории р. Великой на период первой половины XII — первой половины XIII в. включительно (рис. 2). За пределами крепостной стены 1309 г. она определяется раскопами Печерским (2000–2001 гг.), Мстиславским (2003 г.),

Рис. 9. Шурф 3. Фундаментная кладка постройки 1 на уровне пятен ям в материке. Вид с ЮЮВ

Георгиевским I (1990 г.) и шурфом 3 Георгиевского II раскопа. Характер освоения отдаленных участков пока остается неясным. Возможно, это отдельные прибрежные поселения, формирующиеся в единый городской посад. Повторное освоение исследуемой территории, по результатам Георгиевского I раскопа 1990 г. и шурфа 3 2012 г., относится ко времени не ранее начала — первой половины XV в.

В шурфе 3 обнаружены непотревоженные отложения культурного слоя, датированного в рамках всего средневековья начиная с XI в. На настоящий момент это самая южная точка, фиксирующая следы непрерывной деятельности в период с середины XIII по вторую половину XIV в. на правобережье р. Великой, в то время как большая часть территории ранее освоенных земель в других частях города была оставлена (рис. 3). Остается вопрос: являются ли открытые в шурфе 3 отложения XIII—XIV вв. единым слоем поселения, вливающегося в торгово-ремесленный посад города и зафиксированного на Печерском и Мстиславском раскопах, или же это какой-то отдельный участок? Ответ возможен лишь при более качественной характеристике итогов всех вышеупомянутых раскопов и при расширении источниковедческой базы исследований.

Литература

Ершова Т.Е., Степанов С.В., 1990. Некоторые итоги археологических раскопок на ул. Детской // АИППЗ: Тез. докл... [засед. 27, 28 (1989)].

Лабутина И.К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Овсянников О.В., Царькова Л.А., 1983. Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.

Псковские летописи / Под ред. А. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. І.

Салмина Е.В., 2006. Мстиславский раскоп 2003 г. в Пскове // АИППЗ: Мат. 51 заседания (2005).

Степанов С.В., 2010. Керамический комплекс XI–XII вв. из Изборского XII раскопа (проблемы хронологи и датировок) // АИППЗ: Мат. 55 заседания (2009).

Фролов В.П., 1985. Раскопки в Пскове на ул. Детской в 1983 г. // АИППЗ: Краткие тез. докл... [засед. 13–15 (1985)].

Археологические раскопки на Никольском IV раскопе (у «Солодёжни») в 2012 г.

Авторы посвящают публикацию светлой памяти искусствоведа Ольги Владимировны Емелиной, ушедшей от нас в 2012 году

S.A. Salmin, E. V. Salmina. Archaeological excavation site Nikolsky IV (at «Solodezhnya») in 2012

Abstract. Archaeological excavations were carried out on the territory of the Okolny Gorod of Pskov, close to the «Solodezhnya», the federal monument of architecture of the $17^{\rm th}$ — the $19^{\rm th}$ cc. Three $18^{\rm th}$ -century constructions representing basement pits of the buildings were revealed; they were filled with the collapsed ground parts and fragments of the upper structures during a fire. Alignment of the basement pits which contained the materials of the late $17^{\rm th}$ — the $18^{\rm th}$ c. is the evidence of the regular city development and arrangement of the buildings along the street shown in historical plan of Pskov in 1740. The northern part of the building «Solodezhnya» hitherto not known to researchers was also revealed. The data obtained allow to see the general plan of the «Solodezhnya» somewhat differently than before.

Ключевые слова: «Солодёжня», постройки XVII–XVIII вв.

 ${f B}^{2012}$ г. в Пскове на территории Окольного города, в непосредственной близости от памятника архитектуры XVII–XIX вв. федерального значения «Солодёжня», производились археологические раскопки, связанные с прокладкой новых коммуникаций (рис. 1).

«Солодёжня» получила свое название в XIX в., когда здание использовалось как мастерская для производства солода, первоначально же это были жилые палаты. По мнению Ю. П. Спегальского, особенности здания позволяют отнести его к первой половине XVII в. Строительная история здания практически неизвестна. Последним его владельцем был купец Лапин, от которого «Солодёжня» перешла в собственность Псковского археологического общества; в здании были размещены фонды музея ПАО (Емелина, 1994. С. 248; Рыльский, 1915. С. 37–53; Спегальский, 1968. С. 182–184; 1963. С. 31–40).

Раскоп представлял собой траншею шириной 2–2,4 м. На основной части площади экскаватором был снят 70–80-сантиметровый слой отложений XX в., сформированных в процессе послевоенного благоустройства территории. При снятии верхних напластований в восточной части траншеи практически сразу

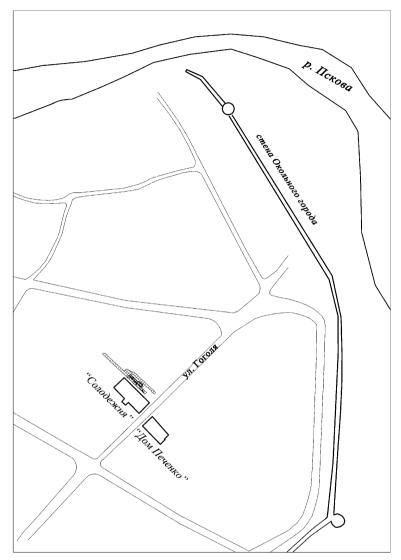

Рис. 1. Местоположение раскопа Никольский IV у памятника архитектуры XVII— XIX вв. федерального значения «Солодёжня»

же начали раскрываться каменные конструкции. В результате балластные отложения снимались вручную, причем на некоторых участках как мусорный слой разбиралось не более 0,2 м грунта, составленного щебнем, битым плитняком и строительным глинистым раствором.

После обнаружения руин каменной постройки — видимо, северной части «Солодёжни» — было принято решение о раскрытии полного контура конструкции с последующим внесением изменений в проект и переносе существенной части новой трассы к северу, «в обход» раскрываемой части памятника.

Общая площадь раскопа составила 284 м². Еще на 150 м² работы были проведены только в пределах отложений конца XIX — начала XX в., в рамках расчистки каменных конструкций для определения полного контура здания.

Открытая в результате произведенных работ северная часть здания «Солодёжни» (рис. 1; 2; 3) до настоящего времени не была известна исследователям. Полученные данные позволяют представить себе общий план «Солодёжни» несколько иначе, чем ранее.

Была обнаружена заглубленная в культурные отложения и в материк конструкция, сложенная из известняковых плит на известково-глинистом растворе. Сохранность стен довольно хорошая, за исключением участка внутренней стены. Площадь открытого сооружения (с учетом расстояния до видимой стены Солодёжни) — около 100 м². Максимальные промеры по оси 3–В составляют 15,25 м, по оси С–Ю — 2,1 м. Толщина внешних стен 0,9–1,2 м.

Сооружение представляет собой прямоугольный объем, заглубленный ниже материковых отложений более чем на 1,8 м (внутри раскрытой части здания был заложен разведочный шурф, однако вскоре продолжение работ стало опасным из-за угрозы обрушения стен шурфа, образованных щебневой засыпкой памятника).

Объем разделен на две камеры внутренней капитальной стеною, проходящей по оси С-Ю, толщиной около 0,8 м. Большая (западная) камера имеет во вскрытой части габариты $9,2\times1,5$ м; меньшая (восточная) — $3,4\times2$ м. В обе камеры существуют независимые входы, с остатками оснований крылец и дверных проемов. Западное крыльцо имеет размеры $1,4\times0,8$ м и, вероятно, связано с хозяйственным помещением, восточное значительно больше — $5,3\times3,5$ м. С востока к стене новооткрытой части «Солодёжни» примыкает нерегулярная известняковая вымостка.

Подчеркнем, что стены новооткрытой конструкции находятся в створе стенных швов

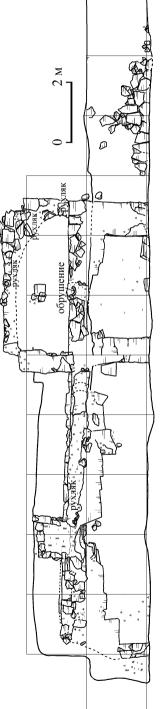

Рис. 2. Северная часть здания, раскрытая при раскопках 2012 г. Общий план

Рис. 3. Северная часть здания, раскрытая при раскопках 2012 г. Вид с северо-востока

основного здания Солодёжни, хорошо читающихся на побелке из-за почернения, вызванного плесневыми грибками (рис. 4). Это позволяет считать, что северный объем не является более поздней пристройкой, а возведен одновременно со всем зданием.

После выявления полного контура конструкции была проведена триангуляционная привязка объекта к современному плану, выполнена необходимая чертежная и фотографическая фиксация. Затем новооткрытый объект был засыпан песчано-гравийной смесью— в целях консервации.

Основной массив культурного слоя на раскопе был представлен темно-коричневым, местами темно-серым, грунтом, умеренно увлажненным,

с включениями мелкого щебня, песка, частиц сырой глины, вероятно сформированным при использовании территории «под огороды» в XIX в. Возможно, этот горизонт сохранился не на полную мощность, был «срезан» в верхней части при нивелировках поверхности в конце 1940-х гг. В значительной мере особенности формирования культурного слоя на этом участке обуславливались близостью к крепостным сооружениям и, соответственно, сравнительно поздним возникновением жилой застройки не ранее второй половины XVII - начала XVIII в. Предмате риковый горизонт был составлен серым супесчаным грунтом, практически без включений, мощностью от 0.09 до 0.35 м. Важным представляется подчеркнуть отсутствие следов распашки на уровне материковых отложений.

Помимо каменного строения, представляющего собой часть «Солодёжни», в пятне раскопа были раскрыты три постройки, вошедшие в раскоп не полной площадью. Расстояние между постройками -4-6,5 м. Все они прорезают предматериковые отложения и заглублены в материк на 1,8-2,6 м. Вероятнее всего, это подвальные ямы зданий XVIII в., заполнение которых отчасти сформировано при обрушении наземной части при пожаре (пожарах). Промеры построек в плане в пределах раскопа — от $1,9\times3,3$ до 7,2×2 м. В двух из них присутствуют развалы изразцовых печей (с кирпичным основанием?), скорее всего провалившихся в подвалы при разрушении конструкций полов. В тех случаях, когда стены подвальных ям попадали в пределы раскопа, фиксировалась их ступенча-

Рис. 4. Стена новооткрытой конструкции и стенной шов основного здания Солодёжни. Вид с северо-запада

тость. Одна из стен фиксируется по массиву, составленному оранжевато-бурой плотной прокаленной глиной и битым плитняком, — вполне возможно, что это оплывшая стена собственно подвального помещения. Остальные вошедшие в раскоп участки стен подвалов никак не оформлены — скорее всего,

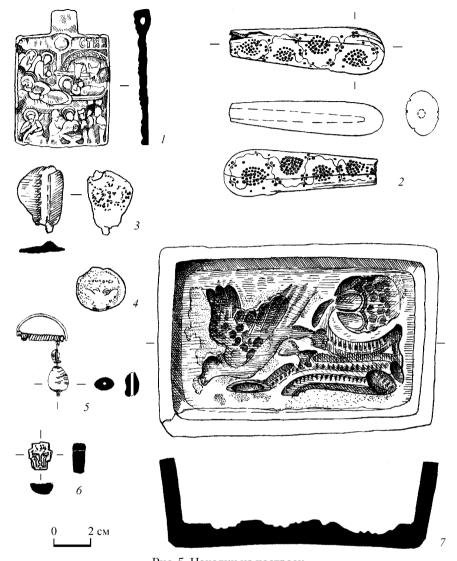

Рис. 5. Находки из построек 1 — нагрудная икона «Рождество Христово»; 2 — рукоять ножа; 3, 4 — пломбы; 5 — серьга; 6 —

крест; 7 — форма кулинарная. (1 — бронза; 2 — моржовый клык, серебро; 3, 4 — свинец; 5 — бронза, стекло; 6 — янтарь; 7 — керамика, зеленая глазурь)

это были необлицованные стены, сформированные довольно плотным материковым суглинком.

Судя по расположению подвальных ям с материалами конца XVII—XVIII вв. «в линию», городская застройка участка имела регулярный характер и тяготела к улице, показанной на плане 1740 г. Возможно, малое расстояние между подвальными ямами объясняется тем, что в этих домах проживали «казенные люди», не ведущие самостоятельного хозяйства, например, офицерство

и чиновничество низших рангов. Однако документальных оснований для подтверждения такой интерпретации пока нет.

Большую часть находок из построек составляют фрагменты зеленополивной посуды, в числе которых есть обломки фляги и кулинарная форма (рис. 5, 7), оконных стекол с ретушью и закраиной, «голландских» курительных трубок, строительной керамики — дуговых кирпичей и изразцов. Формы полихромных и зеленополивных изразцов классические, датируются, по московским аналогиям, концом XVII — первой половиной XVIII в. (*Баранова*,

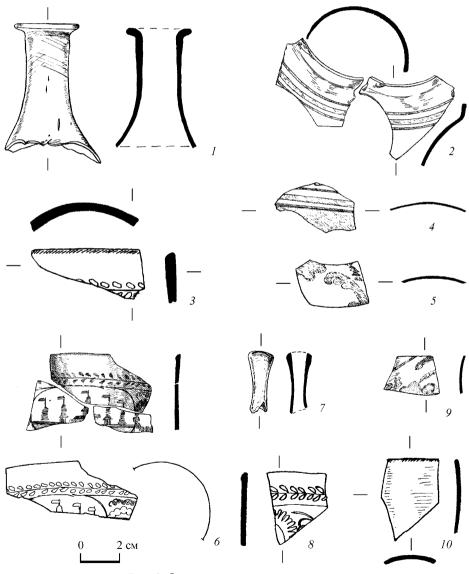

Рис. 6. Фрагменты стеклянных сосудов

2013), широко распространены в Пскове в рассматриваемый период. В одной из построек найдена часть набора сетевой оснастки — 10 сетевых известняковых грузил. Нумизматический материал — медные монеты небольшого номинала — относится к XVIII в. Интересны фрагменты стеклянных сосудов (рис. 6), янтарный крестик с гравированным изображением распятия (рис. 5, 6), миниатюрная бронзовая икона с сюжетом «Рождество Христово» (рис. 5, 1), серьга с бусиной (рис. 1, 1), рукоять ножа из моржовой кости с остатками серебряной инкрустации (рис. 1, 1), свинцовые товарные пломбы (рис. 1, 1, 1).

В заключение подчеркнем, что археологические работы 2012 г. у «Солодёжни» стали еще одним примером цивилизованной реакции застройщика на обнаружение памятника в результате охранных раскопок — внесения необходимых изменений в проект нового строительства.

Литература

Баранова С.И., 2013. Московский архитектурный изразец XVII в. М.

Емелина О.В., 1994. Солодежня (дом Лапина). Краткий свод памятников истории и культуры Пскова // Псков через века. Памятники Пскова сегодня. Археология, история, архитектура.

Рыльский И.В., 1915. Гражданское зодчество в Пскове // Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Имп. Московском археол. о-ве. Т. VI. М.

Спегальский Ю.П., 1963. Псковские каменные жилые здания XVII в. (МИА. № 119). *Спегальский Ю.П.*, 1968. Псков. М.

Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове

M.A. Vasiliev. Leather bag from Petrovsky XI excavation site in Pskov

Abstract. The leather bag, found in 2010 at the Petrovsky XI excavation site in Pskov, refers to leather multi-purpose bins. The closest analogues — based on morphological and technological features — are among findings from Novgorod, Latvia and Lithuania. Similar bags are dated to the 15th—16th centuries. The Pskov find may has local origin as evidenced by the discovery of a mold for making accessories to bags of this type during excavations on the territory of Pskov.

Ключевые слова: кожевенное дело, сумка, Псков.

Впубликации рассматривается кожаная сумка, найденная при раскопках в Пскове. Изделие было обнаружено в ходе работ на Петровском XI раскопе в 2010 г. (руководитель раскопа Е.В. Салмина). Находка атрибутирована автором раскопок, как «детали кожаной сумки» (рис. 1).

Петровский XI раскоп располагался в районе пересечения улиц Карла Маркса и Гоголя, на территории Петровского конца Окольного города Пскова. Древнейшие находки из раскопа могут быть датированы XV в. Регулярная

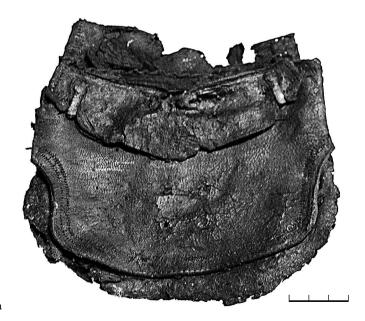

Рис. 1. Сумка из Пскова

76 М.А. Васильев

застройка участка, согласно дендрохронологическим датам, возникает не ранее первой четверти XVI в. В раскопе изучены усадьбы псковичей XVI–XVIII вв.

Обнаружены остатки жилых срубных построек (с развалами печей, конструкциями пола и крыльца), дворовые настилы, гидротехнические устройства (колодцы и дренажи). В хозяйственный комплекс усадеб входили и производственные сооружения — ямы для вымачивания льна, настилы для хранения и сортировки железных шлаков.

Пласт, в котором обнаружена находка, на основе дендрохронологического анализа датирован первой половиной XVII в. Находка происходит из места скопления мусора, поэтому можно предполагать, что рассматриваемое изделие — выброшенная вещь.

Исходя из морфологических и технологических особенностей, можно выделить ближайшие аналогии. Прежде всего, это большая сумка с клапаном и бронзовым замком из фонда Новгородского музея (рис. 2, 1), относящаяся к случайным находкам (*Матехина*, 2009. С. 114). К псковской находке близки также сумки, происходящие с территории современной Литвы (*Rickevičiūtė*, 2003. С. 161–228; *Svetikas*, 2003. С. 241–266; *Mačiulis*, 2010. С. 288) (рис. 2, 3), некоторые находки с территории современной Латвии (*Берга*, 2001. С. 421–430).

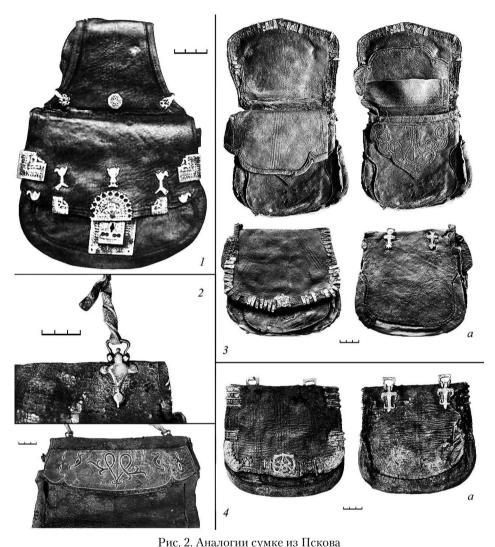
Вместилище — детально кроенное, с отдельно выкроенным дном. Передняя стенка вместилища, образующая внешний карман, имеет отделку кантом по краю: полоска кожи сложена вдоль пополам и соединена с краем изделия наружным тачным швом, второй край загнут внутрь и пришит швом «через край».

Для соединения деталей сумки использовано нитяное сшивное соединение, соединительный материал не сохранился. Лицевые детали сшиты наружным тачным швом (передняя и задняя стенки, малый клапан), дно также пришито наружным тачным швом. Само дно не сохранилось, остались следы на сохранившихся деталях. Внутренние детали сшиты швом «через край».

Форма тулова подквадратная, расширяющаяся книзу, нижняя часть скруглена. Размеры сохранившейся части: ширина 14 см, высота 13,5 см. Внутри сумки — несколько отделений и потайной кармашек с узорчато вырезанным клапаном (2 детали — внутренняя стенка, 1 деталь — парная часть внешней стенки, 1 деталь — стенка, прикрывающая потайной карман). Стенки отделений и клапан сшиты из парных деталей, сложенных друг с другом бахтармой (внутренней стороной кожи).

Для изготовления вместилища использована кожа различной выделки. Внешние стенки изготовлены из более плотной кожи (сохранилась лучше всего). Такая же кожа использована для накладки на внешнюю сторону клапана. Для внутренних деталей использована кожа более тонкой выделки (сохранилась значительно хуже).

Детали устья утрачены, но имеются следы пришивания этих деталей. Большой клапан, закрывавший сумку, не сохранился. Однако одна из деталей имеет небольшой выступ, подвернутый в сторону закрывания клапана.

1— сумка из фонда Новгородского музея (по: *Матехина (Варфоломеева)*, 2007);
3— сумка из погребения в Лабанорасе (по: *Маčiulis*, 2010. Р. 288. Fig. 5); а— литые накладки.
2— литые накладки сумки Кирилла Белозерского (по: Кожаная сумка... Эл. ресурс);
4— сумка из Литвы (по: Gerai Išlikusios... Эл. ресурс); а— литые накладки

На выступе имеется ряд часто расположенных отверстий (возможно — декоративная прорезь или след от декоративной вышивки). В данном случае мы можем обратиться к аналогиям. У сумок, происходящих с территории современной Литвы, имеются два больших клапана и один малый (узорчато вырезанный, часто украшенный богатой вышивкой). Внешний (больший по длине) часто совпадает по размерам с границей пришивания дна (рис. 2, 3, 4). Используя эту аналогию, можно предположительно восстановить очертания и размер несохранившегося клапана псковской сумки.

78 М.А. Васильев

Возможны два варианта крепления сумок к поясу:

— при помощи литых металлических накладок, как у сумок из Литвы (рис. 2, *3a*, *4a*; *Mačiulis*, 2010. С. 288; Gerai Išlikusios... Эл. ресурс) или как у калиты Кирилла Белозерского (рис. 2, *2*; *Романенко*, 2002. С. 279);

- при помощи кожаной петли, как у сумки из Новгорода (рис. 2, 1; *Матехина*, 2009. С. 114).

На одной из деталей (передней стенке) имеются четыре отверстия от крепления детали затворного механизма (рис. 3, 2). Можно предполагать, что схема затворного механизма аналогична латвийскому экземпляру (рис. 4).

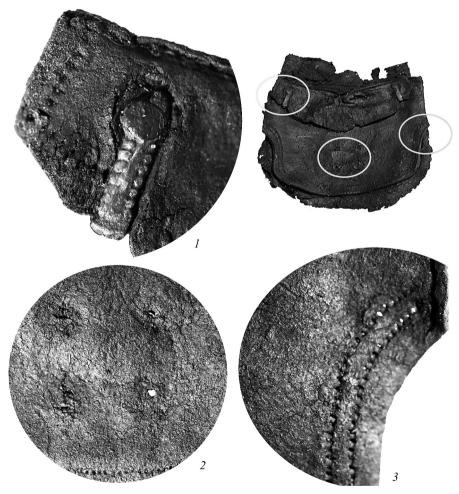

Рис. 3. Следы от крепления детали запорного механизма и приемы декорирования сумки из Петровского XI раскопа.

1- металлическая фурнитура; 2- следы от крепления детали запорного механизма; 3- вышивка и сложный фигурный крой деталей

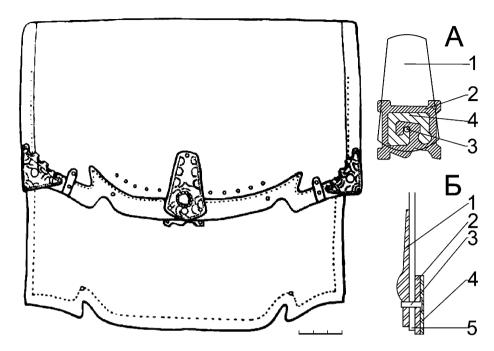

Рис. 4. Схема затворного механизма (A, B) по находкам из Августинишки. Реконструкция кошелька из погребения 118 (по: *Берга*, 2001. С. 426. Рис. 6) 1— бронзовая пластинка верхней части затвора; 2— квадрат нижней части затвора, в центре его отверстие в виде крючка; 3— заклепка с круглой шляпкой; 4— тонкая бронзовая пластинка; 5— коша крышечки кошелька

Можно выделить три приема декорирования, использованные для украшения псковской сумки:

- металлическая фурнитура (рис. 3, 1). Сохранившийся клапан украшен двумя металлическими скобками с орнаментом, края скобы скреплены между собой заклепкой, продетой через деталь. Такие детали характерны для аналогичных сумок, происходящих с территории современной Литвы (рис. 2, 3, 4);
- вышивка и декоративный шов (рис. 3, 3). На передней стенке сохранились следы от вышивки две параллельные линии отверстий, повторяющие изгиб нижнего края детали. На узорчато вырезанном клапане имеются два участка с частыми мелкими отверстиями (возможно, следы декоративного шва). Такие же следы есть на небольшом фрагменте одной из деталей (возможно, это часть внешнего клапана);
- сложный фигурный крой деталей (рис. 3) вышеупомянутого фигурнокроенного клапана потайного кармана и сложнокроенных внешних стенок.

По качеству изготовления и сложности конструкции псковскую находку можно отнести к изделиям профессионального уровня.

По типологии, предложенной Т.С. Матехиной, данное изделие относится к вместилищам универсального назначения— «поясным сумкам с клапаном». По внешнему виду сумка относится к симметричным, плоским, неизменяемой

80 М.А. Васильев

Рис. 5. Литейная форма из Новоторговского X раскопа

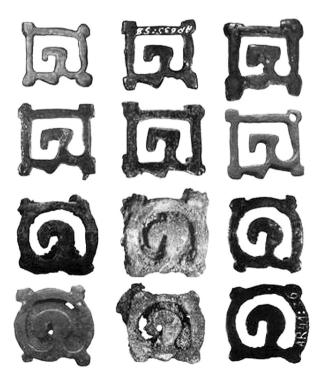

Рис. 6. Детали запорного механизма сумок (по: Svetikas, 2009. Pav. 444–446)

формы. По конструктивным особенностям ее можно отнести к закрываемым вместилищам с клапаном. Датируются подобные сумки XV–XVI вв. В основном датировка получена по монетам, найденным внутри сумок (Gerai Išlikusios... Эл. ресурс; *Mačiulis*, 2010).

Остается открытым вопрос происхождения данной сумки — является ли она предметом торгового обмена или же это местное производство? В пользу утверждения о возможном местном происхождении данной сумки свидетельствует находка литейной формы для отливки части запорного механизма (рис. 5) на Новоторговском X раскопе 2011 г. (руководитель Т. Е. Ершова). Первоначально находка была атрибутирована как «литейная форма с буквицей». Однако опубликованные материалы (рис. 6) позволили уточнить интерпретацию.

Литература

- Берга Т., 2001. Литовские элементы в кладбищах Августинишки и Слутишки XIV начала XVII века // Lietuvos archeologija. T. 21.
- Кожаная сумка преп. Кирилла Белозерского. 14 век [Электронный ресурс] // Тоже Форум [Интернет-сайт]. URL: http://www.tforum.info/forum/index. php?showtopic=34187&st=20 (дата обращения:12.03.2013)
- *Матехина (Варфоломеева) Т.С.*, 2007. Сума, калита и лагальце: Кожа древнего Новгорода // Родина. № 6.
- *Матехина Т.С.*, 2009. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Романенко Е.В., 2002. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.
- Gerai Išlikusios: Puošnios XVI amžiaus odinės rankinės iš karmėlavos kapinyno [Электронный ресурс] // Lietuvos muziejų [Офиц. сайт] URL: http://www.muziejai.lt/prev_vers/kaunas/16a_odines_rankines.htm (дата обращения: 12.03.2013).
- Mačiulis M., 2010. Labanoro bažnyčios šventorius// Archeologiniai Tyrinėjimai Lietuvoje.
  Rickevičiūtė K., 2003. Karmelavos senkapis (1998–2000 m. tyrinėjimai) // Lietuvos archeologija. T. 24.
- Svetikas E., 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. T. 24.
- $\it Svetikas$ E., 2009. Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab. XV a. Vilnius.

Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях¹

Yu.V. Kolpakova. Dornik-pendants in Pskov archaeological and museum collections

Abstract. There are nine $14^{\rm th}-17^{\rm th}$ cc. pendants with the relief image of the Golgotha Cross in Pskov collections. The paper resumes the results of the research of their archaeological context, iconography and analogues from the territory of Russia and neighbouring lands (there are 24 objects analyzed: from Pskov, Veliky Novgorod, Tver Land, Ivangorod, Zvenigorod, Karelia). The results of multi-elemental X-ray fluorescence analysis of several artifacts are presented. Pros and cons of attribution of these pendants as stamps for prosphoras — «dorniks» are analyzed.

The research has shown that only several of pendants have inverse inscriptions, typical for seals. At least, four of the pendants bear inverse inscriptions «ПЕЧАТЬ» («seal») on the reverse side, sometimes completed by the image of a bird.

Ключевые слова: Псков, образок с изображением Голгофы, дорник, просфора, проскурница, рентгенофлуоресцентный анализ, Стоглав.

Вархеологических и вещевых коллекциях Псковского музея-заповедника имеется ряд похожих на иконки подвесок со схематическим образом креста на Голгофе. Подвески объединены изображением, которое характерно для обширной группы предметов личного благочестия позднего средневековья и Нового времени, преимущественно — нательных крестов.

В научной литературе эти подвески были классифицированы как иконки и образки (*Колпакова*, 2007), «тельники круглой и сердцевидной формы с изображением пятиконечного креста на подножии», «шейные образки-печати», «крестики в виде сердечка» (*Покровский*, 1909; *Романченко*, 1928).

Категория данных находок представлена в Пскове девятью небольшими подвесками круглой и сердцевидной формы, как найденными при археологических раскопках, так и неизвестного происхождения.

Три подвески, хранящиеся в вещевом фонде Псковского музея-заповедника, попали в музейные фонды, видимо, от населения. Шесть подвесок с аналогичной иконографией найдены при раскопках в Пскове, однако основания для датировки дает археологический контекст лишь четырех из них.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-11-60002 а (р) «Комплексное датирование псковской средневековой культовой металлопластики с надписями».

Среди подвесок с Голгофой выделяется группа почти идентичных друг другу привесок сердцевидной формы, близкой к округлой, и три индивидуальных изделия, иконография и пропорции которых имеет своеобразные черты.

Первая подвеска данного типа, деформированная, с разорванным ушком, происходит из раскопок на Запсковье (раскоп на ул. Первомайской 1979 г. — ППМ-79, ПГОИАХМЗ, колл. 13551, № 276). Найдена в составе производственного литейного комплекса XVII—XVIII вв., к которому относилась яма с тиглями и ломом цветного металла (*Кильдюшевский*, 1979. С. 19). В элементном составе подвески преобладает медь (более 91%; см. табл. 1, 1), сплав может быть охарактеризован как многокомпонентная латунь. Подвеска имеет сердцевидную форму, несет на лицевой стороне круговую надпись (не зеркальную) «КРЄСТУ ТВОЄМУ ПОКЛОНАЄМСЯ ХС ІС» и рельефное изображение Голгофы с крестом и монограммами IC XC под титлами. Размеры щитка 22×22×1 мм, общие размеры (с ушком) — 28×22 мм (рис. 1, 1).

Ее аналог, с круговой не инвертированной надписью, найден при раскопках на месте Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова (Ольгинский V раскоп, ПГОИАХМЗ, №97). Подвеска очень хорошей сохранности, размеры около 23×16 мм (с ушком). Щиток подвески 16×16×2 мм. Ушко граненое. Относится к массиву находок, в целом условно датируемому XVI—XVIII вв. и происходящему из горизонта с нарушениями слоя (Салмин, Салмина, 2011. С. 61. Рис. 17, а) (рис. 1, 2).

Аналогичная односторонняя подвеска с не инвертированной надписью, диаметром щитка около 17 мм, происходит из отложений, связанных с сооружениями псковского Нового Торга (Лужский II раскоп, 2011, № 223: *Салмина*, *Подгорная*, 2013. С. 32. Рис. 9, 6) (рис. 1, 7).

Двусторонняя подвеска таких же формы и пропорций обнаружена на Ольгинском I раскопе (Салмина, Салмин, 2008. С. 49. Рис. 19, 6) в слое городского поселения. Находка может быть отнесена, по сопутствующему керамическому материалу, к XVI в. или, возможно, связана с нарушенным более поздними вторжениями слоем (Салмина, 2007. С. 35–36, 41). На лицевой стороне предмета — изображение креста с Т-образной верхней перекладиной, на прямоугольном подножии. По бокам от креста — монограммы IC XC под титлами (в прямом

Таблица 1 Элементный состав предметов личного благочестия с надписями*

Образец	Элементный состав, %											
	Cu	Sn	Zn	Pb	Ag	Sb	Fe	Ni	Bi	As	Ti	Nb
1. ППМ-79, № 276	91,3	1,4	3,2	3,0	0,2	0,4		0,2		0,2		0,1
2. ΠΓ-79, № 32	8,7	62,1		17,7			11,1		0,4			
3. ПВОГ-79, № 28	71,4	3,3	8,7	12,7	0,1	0,2	3,0	0,3		0,4	0,1	
4. ПГОИАХМЗ, колл. № 7362	60,0	24,6		10,9	0,3	1,2	2,3	0,1		0,4	0,1	

^{*} Определение состава проведено зам. декана факультета физической и квантовой электроники Московского физико-технического института к.ф.-м.н. А.В. Заблоцким на оборудовании Центра коллективного пользования уникальным научным оборудованием в области нанотехнологий МФТИ методом рентгенофлуоресцентного анализа с использованием переносного прибора X-MET 5100.

Ю.В. Колпакова

Рис. 1. Подвески-дорники

1 — Псков, ПГОИАХМЗ, колл. 13551, № 276; ППМ-79, уч. Ж, кв. 350 (яма с тиглями); 2 — Псков, Ольгинский V раскоп, № 97, В-11 (-207) — 66, № п. 1; 3 — Псков, ПГОИАХМЗ, колл.
№ 10333 (1); 4 — Старица, Тверская земля, хран.: Государственный Русский музей (Романченко, 1928. Рис. 1. № 8); 5 — Старица, Тверская земля, хран.: Государственный Русский музей (Романченко, 1928. Рис. № 9)»; 6 — Псков, Ольгинский I раскоп, №557, Ж-5 (— 90) — 274, № п. 4; 7 — Псков, ПГОИАХМЗ, колл. № 7362; 8 — Псков, Лужский II раскоп 2011, № 223, К-11 (—219) — 188, № п. 82; 9 — Великий Новгород, НАЭ-2008, Дв-ХІХ, 12а—22/16 №139.

отображении). По периметру подвески, окантованная с двух сторон выпуклым бортиком, идет зеркальная надпись «**КРЄСТУ ТВОЕМУ ПОКЛОНАЄМОМ IG XG TN**». На обороте подвески — изображение птички в рамке и в верхней левой части подвески — зеркальная надпись «**ПЄУАТЬ**» (рис. 1, 6).

Полностью идентична этой подвеске по размерам, иконографии, содержанию, направлению и палеографии надписей, за исключением композиции

на обороте, случайная находка (ПГОИАХМЗ, колл. 7362), находившаяся ранее в экспозиции музея. Подвеска изготовлена из оловянистой бронзы (состав: 60 % меди, свыше 24 % олова, свыше 10 % свинца; см. табл. 1, 4) (рис. 1, 8).

Остатки зеркальной надписи по периметру («**КР6СТ**8...**IC XG**») имеются и на похожей на печать подвеске из вещевого фонда Псковского музея-заповедника (ПГОИАХМЗ, колл. 10333, № 1). Форму подвески — круглую или сердцевидную — окончательно установить невозможно из-за плохой сохранности предмета. Ушко также не сохранилось. На обороте — крестовидная композиция (рис. 1, 3).

Иные псковские подвески с изображением Голгофы слегка отличаются от вышеописанных. Назовем их условно, в отличие от однотипных подвесок первой группы, подвесками второй группы.

Это круглая (диаметр 25 мм) односторонняя подвеска с рельефным изображением Голгофы и монограммами IC XC (с титлами) в ромбической с вогнутыми сторонами рамке и расположенными вокруг нее, по периметру подвески, надписями ЧРЫСЛА|НИ|КА (с титлами). Щиток окантован выпуклым бортиком, на ушке — циркульный орнамент (рис. 2, 3; ПГОИАХМЗ, вещевой фонд, колл. 2126, № 951).

К той же группе подвесок-печаток тяготеет и круглая подвеска (рис. 2, 2) с низкорельефными изображением Голгофы, орудий страстей и с группой из шести монограмм, расположенных по бокам от креста (раскопки в Окольном городе 1979 г. — ПВОГ-79, ПГОИАХМЗ, колл. 11288, № 28). Бортик подвески окантован тройной рамкой с поперечными насечками и выступающими бортиками. Ушко прямоугольное, верхние углы чуть скошены. Подвеска сравнительно небольшая, но массивная по пропорциям. Диаметр щитка около 26,5 мм, толщина 3 мм, высота подвески с ушком — 33,5 мм. Датировать находку по археологическому контексту затруднительно (*Волочкова*, 1979. С. 1, 3). Подвеска изготовлена из бронзы (преобладающие компоненты: медь — 71,4%, свинец — 12,7%; см. табл. 1, 3).

Интересна своей богатой иконографией двусторонняя подвеска сердцевидной формы, вытянутых пропорций, с композицией Голгофы на одной стороне и образом святого в рамке с надписью — на другой (рис. 2, 1; раскоп на ул. Герцена 1979 г. — ПГ-79, ПГОИАХМЗ, колл. 18132, № 32). Голгофский крест показан с Т-образной верхней перекладиной и дополнительной косой перекладиной внизу, горка изображена с черепом Адама внутри и с двумя «отрогами» снаружи, поддерживающими орудия страстей: копье и трость. В средокрестии креста — терновый венец, изображен в технике «жемчужницы». За крестом ломаной линией, возможно, символически показаны очертания города. В верхней части композиции по бокам от верхней лопасти креста — надпись ЧР-Ь. В средней, под поперечной, перекладиной — надписи, прочтение которых спорно: ХС (ІС-?) ХС, ОО (?), ТР (?), КР-СТ (?).

На другой стороне подвески изображен святой с короткой бородой, в крестчатых ризах. По бокам от фигуры — надпись, от которой сохранились только читаемая «О» и спорно читаемая следующая буква справа — «Л», «І» (?). Есть основания предполагать, что изображен св. Николай

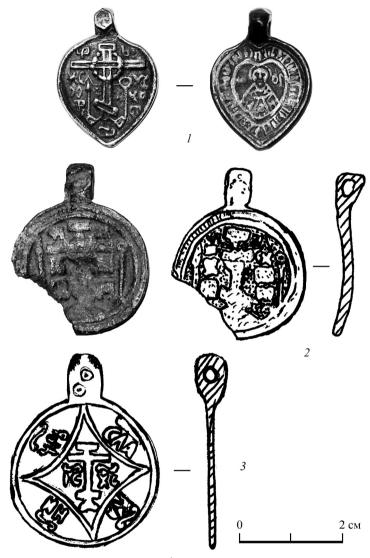

Рис. 2. Подвески с изображением креста на Голгофе 1 — Псков, ПГ-79, Е-111—16, № пол. 6, ПГОИАХМЗ, колл. 18132, № 32; 2 — Псков, ПВОГ-79, Б-36/1, № пол. 12, ПГОИАХМЗ, колл. 11288, № 28; 3 — Псков, ПГОИАХМЗ, вещевой фонд, колл. № 2126/951

(надпись — отрывок из НИК $\mid$ ОЛА), либо, если надпись считать зеркальной — Иоанн Креститель (IO $\mid$ АН). Иконография образа, насколько можно судить по низкорельефному литью на столь маленькой подвеске, больше указывает на св. Николая. Подвеска найдена в слое XIV—XV вв. в Окольном городе средневекового Пскова (*Сергина*, 1983. С. 100). Размеры ее 18×27 мм с ушком. Подвеска изготовлена из свинцово-оловянистого сплава (олово — 62,1 %, свинец — 17,7 %; см. табл. 1, 2).

Аналогией псковской подвеске-печати с погрудным образом святого служат как находки из Старицы (*Романченко*, 1928), так и листовидная и сердцевидная привески с изображением Голгофы из Ивановского краеведческого музея. На обороте одной — изображение Никиты Бесогона, другой — текст тропаря «Да воскреснет Бог» (*Воробъева*, 1993. С. 296, 297. Илл. 1).

В «Сборнике снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках» Н. Чернев опубликовал круглую, сравнительно крупную подвеску с изображением Распятия с предстоящими и характерной надписью по кругу, что позволило отнести ее к кругу отдаленных аналогий псковским подвескам (Леопардов, Чернев, 1891. Сер. II. Табл. III, 4).

Несмотря на некоторую несхожесть псковских подвесок первой и второй групп, в целом эти предметы объединяют:

- конструкция: это плоские подвески с выступающим ушком;
- набор изображений: крест с T-образным верхом и иногда нижней косой перекладиной, на ступенчатом подножии;
  - сокращения IC XC с титлами по бокам от креста в центре;
- в двух случаях изображение орудий страстей копия и трости по бокам от креста;
- круговая надпись, в тех случаях, когда она поддается расшифровке: «кресту твоему поклоняемся IC XC». Надпись встречается как в прямом, так и в инвертированном варианте.

Функционал их как предметов культа не вполне ясен, поскольку иконографически они находятся между образком и нательным крестом. В своей работе протоирей В.И. Мансветов (1916) атрибутировал круглые привески с изображением Голгофы как дореформенные печати, которые просвирницы прикладывали к верхней части хлебов для проскомидии (т.е. жертвоприношения во время Литургии) и Евхаристии — причащения, перед их выпечкой.

Дорники упоминаются в Стоглаве, в главе 8 которого регламентируется возраст и семейное положение проскурниц (просвирниц): «быти чистым вдовам единобрачным, а не второбрачным... от четырехдесяти лет и от пятидесяти лет. Сущая же вдовица по апостолу штидесяти лет» (Стоглав, 1984. С. 280).

Стоглав определяет функции проскурниц в церковном штате и набор действий и молитв, творимых ими над просфорами: им предписывалось «по благословению святительскому или иерейскому дорником на просвирах святый крест воображати с молитвою Исусовою», строго запрещалось входить в жертвенник и алтарь, разрешалось произносить только Иисусову молитву и более никаких посторонних слов (что, возможно, связано с распространением суеверий и примитивной магии). Устанавливается запрет: «а черницам у мирских церквей в проскурницах не быти, а жити черницам в девичих монастырех» (Стоглав, 1984. С. 280).

Таким образом, о форме и иконографии дорника, как, впрочем, и о форме нательного креста, на Стоглавом соборе никаких решений принято не было.

Изменение облика просфоры произошло в ходе реформ Никона 50–60-х гг. XVII в. Наглядно разница в иконографии печатей до и после

реформы отражена в известном старообрядческом лубке второй половины XIX в. из фондов ГИМ «Сравнительное изображение некоторых атрибутов обрядности и символики, принятых у старообрядцев и в официальной православной церкви...» (Русский рисованный лубок... 1992). Фрагменты изображений приведены нами (рис. 3, 2, 3).

Модифицировались не только форма печати и изображение на ней, серьезно изменился набор и порядок священнодействий с просфорами в ходе Литургии. Поэтому данную составляющую реформы можно назвать одной из значительных.

«Никонианскую» иконографию имеет и современный канонический дорник, за исключением печатей некоторых монастырей и крупных храмов, которым разрешается изготовление печатей с изображением престольных святых или праздников, а также особой печати для богородичной просфоры.

Встречаются, разумеется, и неканонические дорники, которые являются продуктом творчества их производителей, но фантазийные печати в большинстве случаев официальной церковью осуждаются.

По данным В. И. Мансветова, после реформы Никона было проведено массовое изъятие печатей старого образца, возможно, с уничтожением их на месте, с требованием использовать новые, четырехчастные. Этим объясняется связь этих находок в слое не только с постройками церковного характера, но и с бронзолитейными комплексами, где сломанные печатки могли находиться как сырье.

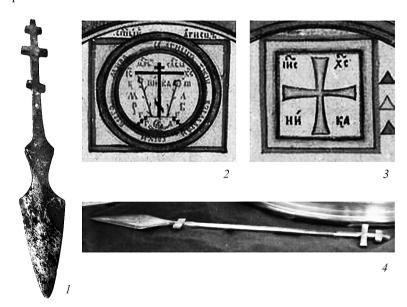

Рис. З. Изображения на просфорах и копия.

1 — копие XVI в. из Череповецкого краеведческого музея (*Пархоменко*. Эл. ресурс);

2 — просфора старообрядческая (фрагмент старообрядческого лубка. По: Русский рисованный лубок...);

3 — просфора пореформенная (Там же);

4 — копие в г. Александров, дар царевны Марии Алексеевны (*Прокудин-Горский*. Эл. ресурс)

Период возникновения и первоначального распространения подвесок данного типа в Пскове представляется возможным датировать концом XIV—XV в. на основании стратиграфии комплекса, в котором обнаружена находка на Запсковье, и аналогий из Старицы Тверской обл. Выход их из употребления логично связать с церковной реформой Никона, а позднюю дату отдельных подвесок объяснить их бытованием в старообрядческой среде.

В целом модель развития данного типа имеет много общего с историей нательных крестов с аналогичной иконографией. Эти привески также напоминают вислые свинцовые печати с изображением крестов, известные в Пскове с XIV в. (Шорин, 1964. С. 256–267; Круглова, 2001; Колосова, 1991. С. 91, 92).

На рождение их иконографии могла повлиять масса исторических факторов, выделять среди которых преобладающий не представляется корректным.

Во-первых, в данный период происходило постепенное распространение монастырской модели благочестия на светское общество, сельские и городские церковные приходы. Это могло повлечь перенос декора монашеского одеяния с изображением Голгофы (или сначала вида монастырских просфор) на иконографию просфор в приходских церквях. Унификации облика просфор могла предшествовать унификация вышивки на антиминсах, имеющей аналогичный сюжет — Голгофа с орудиями страстей.

Во-вторых, в иконографии предметов личного благочестия в целом, что особенно заметно по нательным крестам, начинает доминировать погребальная эстетика. Происходит перенос изображения Голгофского креста с надгробных плит и керамид на повседневные предметы.

В-третьих, развитие местных иконописных школ приводит к появлению икон с сюжетом Распятия, изобилующих подробностями, описывающими Страсти Христовы. В искусствоведческой литературе часто отмечают случаи переноса иконографии с произведений религиозной живописи на предметы личного благочестия: резные и литые иконки, нательные кресты. Так могло произойти и в данном случае.

Связан с этим фактором и аспект взаимосвязи каменных и меднолитых иконок, подготовка первыми почвы для развития сюжетов на вторых. В своде Т.В. Николаевой встречаем ранние каменные резные иконки, основным или одним из основных сюжетов которых является собственно крест: Южнорусская группа, Киев — XII и XIII в. (*Николаева*, 1983. Табл. 2. Рис. 5, 8), Южнорусская группа, Княжа Гора, XII—XIII вв. (Там же. Табл. 4. Рис. 7), Херсонес XII в. (Там же. Табл. 7. Рис. 4, собр. ГЭ), Южнорусская группа, Изяславль, XIII в. (Там же. Табл. 12. Рис. 5). Прямой преемственности здесь уловить нельзя, но можно отметить, что сюжет в мелкой пластике возникает не на пустом месте.

В-четвертых, в тесной взаимосвязи находится иконография панагий для хранения богородичного хлеба и самих просфор. Однако здесь направление заимствования могло быть обратным: от просфор — к панагиям. Наиболее ранние из известных металлических панагий русской работы относятся к XIV в., особое распространение они получили в XV–XVI вв. (*Гнутова*, 1993. С 17). См., например: створки «панагии XVIII в. по иконографии XVI в.»

Ю.В. Колпакова

(Гнутова, Зотова, 2000. № 195); трехстворчатые складни (Там же. № 220–222); складни с круглыми композициями в декоре, в том числе с Голгофой (Там же. № 222, 224, 225, 226). Особо следует отметить, что этой композицией украшена наружная створка, служащая трехстворчатому складню фактически «обложкой». Эту особенность позиционирования на предметах культа образа Голгофы прослеживает и Э. П. Винокурова в своей классификации складней XVII — начала XX в. «Деисус с предстоящими» (Винокурова, 2001. С. 217, 218. Табл. I; II).

Обращает на себя внимание и схожесть с дорниками композиции некоторых змеевиков (см., напр.: Жизневский, 1888. С. 115. № 488). Надпись на змеевике с изображением Голгофы была прочитана А. Н. Жизневским как «агиос, агиос» и дана в прорисовке, в то время как она может оказаться и началом фразы «агнец, взявший грехи мира, сохрани...», тем более что в конце надписи на опубликованном изображении явно читается «СОХРАН». Однако надпись на змеевике и не должна вписываться в какие-либо каноны и может быть набором из частей любых молитвословий и магических формул.

Наибольшее количество аналогий псковским подвескам происходит из Новгорода и Тверской земли.

Самой близкой аналогией псковской находке из Ольгинского I раскопа является подвеска из раскопок 2008 г. в Великом Новгороде на Ярославовом Дворище (НАЭ-2008, Дв-XIX, 12а-22/16 №139; благодарю Д.В. Пежемского за предоставленную информацию и изображение). Не будучи полностью идентичной псковской, она обладает такой же иконографией лицевой стороны и изображением птички с неоконченной надписью «ПЄΥАТЬ...» на обороте (рис. 1, 9).

Из Новгорода же происходят опубликованные Н.В. Покровским вещи из музея Санкт-Петербургской духовной академии — «Просвирная печать медная с изображением восьмиконечного креста с Голгофой и с надписью: агнечь божій вземляй грехъ вс [его мира]» и «крест медный в виде сердечка». Согласно мнению исследователя, «печать» датируется первой половиной XVII в. (Покровский, 1909. С. 25, № 19), как и приведенная им аналогия из Русского музея (музея Александра III). На лицевой стороне «креста в форме сердечка» — восьмиконечный крест с тростию, копием и надписью «кресту твоему покланяемся Владыко». На задней стороне — «оригинальные надписи и изображения: всевидящее око в виде треугольника, Адамова голова ...Господь явися съ нами вчера и днесь. Азъ язвы Господа на тѣлъ моем ношу» (Там же. С. 15, №75).

Односторонняя круглая подвеска с изображением креста на прямоугольном подножии, по бокам от которого — монограммы IC XC с титлами, надписью (не зеркальной) «КОСТУТВОЄМОУПОКЛОНАЄМОСМ...» (согласно прорисовке), происходит из Хенномяки (*Седов*, 1984. С. 33. Рис. 2, 3).

Фрагмент дорника без ушка, но со штифтом для ручки, найден в окрестностях Звенигорода (*Станюкович*, 2001. С. 181. Рис. 2). Надпись на нем зеркальная: + СЕ АГНЕЦ БОЖІЙ [ВЗЕМЛЯЙ ГРЕХИ ВСЕ]ГО МИРА, согласно расшифровке А. К. Станюковича, хотя качество публикации не позволяет это проверить. Автор датирует его XVI—XVII вв.

Множество аналогичных подвесок, хранившихся в собрании Русского музея, происходят из Старицы Тверской земли. По нумизматическим данным Н.Ф. Романченко датировал погребения, откуда происходят предметы христианского благочестия, периодом с конца XIV (1394 г.) по XV (1486 г.) в. (Романченко, 1928. С. 38). Среди них: «тельники сердцевидной формы. В середине их пятиконечный крест на подножии. По сторонам креста буквы *IC XC*. По краю тельника между двух линий надпись КРЕСТУ ТВОЕМУ ПО-КЛАНЯЕМСЯ ІС ХС. Размер 0,026 м. с ушком» (Там же. Рис. 1, № 8), «такие же сердцевидные тельнички, но поменьше размером 0,019 м. и с более острой формой сердечка» (Там же. Рис. № 9)», киотообразный образок с Голгофской композицией в круге (Там же. Рис. № 7). Интересно, что два основных размера щитков, указанных Н.Ф. Романченко, — 26 мм и 19 мм диаметром — находят аналогии в псковских древностях. Мы сочли уместным привести их изображение в данной публикации для сравнения (рис. 1, 4, 5).

Кроме вышеописанных подвесок Н. Ф. Романченко публикует без изображения такие предметы, как:

- «Медная печать сердцевидной формы с граненым ушком. На лицевой стороне рельефом в центре пятиконечный крест на подножии, по сторонам его буквы *IC XC*. По ободку между двумя линиями надпись КРЕСТУ ТВОЕМУ ПОКЛАНЯЕМСЯ IC XC. На обороте углубление: в середине стоящий воин в остроконечной шапке с копьем в левой руке и щитом в правой, как на серебряных монетах Бориса Александровича. По ободку между двумя линиями надпись ПЕЧАТЬ и дальше свободное место, оставленное для имени, но незаполненное» (*Романченко*, 1928. С. 38–39);
- «Серебряная круглая литая печать-тельник с граненым ушком с изображением высоким рельефом Георгия Победоносца... по борту между двумя ободками надпись **П6ЧАТЬ ОНДР *** GMONOBA**** (Там же. С. 39, VI).

Также автор упоминает «шейную массивную печать сердцевидной формы без священных изображений, найденную... также в Старице. Надпись на ней в четыре строки **П6ЧА** | **ТЬ GTAP** | **ЦАВАСТЬ** | **АНА**». «Кто это был за старец Севастьян и какого он монастыря... неизвестно. Быть может, она принадлежала старцу Успенского Старицкого монастыря, основанного в начале XVI в.», — предполагает автор публикации (Там же. С. 39).

Данные предметы из Старицы показывают, что находки из Пскова и Новгорода с надписью «печать» являются незаконченными изделиями, на которых не была сделана гравированная владельческая надпись. Удивляет тот факт, что проскурницами, по Стоглаву, должны быть женщины, в то время как на двух печатях — мужские имена. Это может указывать только на проскурников мужских монастырей.

Аналогии из Тверской земли имеются и изображению птицы на обороте псковской и новгородской подвесок: без изображения опубликованы «две печати сердцевидной формы с изображением Нерукотворного Спаса, а на обороте выпуклые птички, как на Тверских пулах» (*Романченко*, 1928. С. 39, III–IV).

Надо признать, что изображение птички на псковской «печати» вызывало вопросы: следует ли его атрибутировать как изображение Духа Святого

либо приравнять к светской картинке «се птица на зеркале голубь» (надпись на крышке коробочки — оправе зеркала, найденного на Новоторговском раскопе в Π скове в 2011 г.).

Старицкие печатки с птичками становятся недостающим звеном в поиске источника изображения, выводя к тверской геральдике. Вероятно, тот факт, что наибольшее количество круглых и сердцевидных подвесок с изображением Голгофы происходит из Тверской земли, не случаен. Помещение на негосударственную печать геральдического знака могло служить аллюзией к образу законной власти в целом.

Таким образом, по публикациям удалось насчитать 24 подвески, которые могут быть определены как «дорники», найденные в России и на сопредельных территориях. Несмотря на авторитетное мнение В. И. Мансветова, сомнения в атрибуции данных подвесок есть. В первую очередь, вопросы вызывает сердцевидная форма многих подвесок, не соответствующая круглой форме просфор, а также наличие выступающего ушка, которое мешает оттиску.

В пользу атрибуции В.И. Мансветова однозначно свидетельствует зеркальная надпись «печать», находящаяся на обороте подвесок с Ольгинского I раскопа 2006 г. (Псков), Дворищенского XIX раскопа (Великий Новгород), Старицы (из публикации Н.Ф. Романченко).

Против атрибуции подвесок как печатей для просфор — тот факт, что лишь на половине подвесок круговая надпись является зеркальной, а на прочих — нет. Монограммы IC XC не встречаются в зеркальном виде ни на одной подвеске. Следовательно, в качестве полноправных печатей эти предметы выступать не могут. Можно предположить, что сохранившиеся предметы являются бракованной продукцией, ошибкой литейщика.

На наш взгляд, данные подвески являются либо матрицами/образцами для деревянных/костяных печатей, либо нагрудными знаками просвирниц, а возможно, и тем и другим одновременно. Что не противоречит тому факту, что псевдо-печатки, как и настоящие печати, носят название дорников. Представляется адекватным именование их «подвесками-дорниками» при археологической атрибуции в дальнейшем.

Отсутствие деревянных/костяных дорников, которыми непосредственно осуществляли оттиск на просфорах, в средневековом культурном слое объяснимо: их, по христианскому канону, сжигают, когда они изнашиваются. Лишь редкие предметы, которые сохраняются в краеведческих и этнографических музеях под названием «просфорник» (напр. экспонат Этнографического музея в Созополе, см.: Этнографический музей... Эл. ресурс), избежали этой участи в XX в. Редкая находка — костяной штамп для богородичной просфоры — обнаружена в Витебске в 1993 г. Т. С. Бубенько (Археологическое наследие Беларуси, 2012. С. 147).

В самой ранней русской литургической практике штампы на просфорах могли не использоваться, рисунок креста, возможно, наносили обычным ножом. Причащение хлебом и вином было воспринято русской церковью изначально, поэтому искать вещи, связанные с просфорами в более древнем пласте материальной культуры — оправданно.

В завершение следует заметить, что тема дорников как элемента церковной материальной культуры выходит за пределы рассмотрения подвесок с изображением Голгофы и круговой надписью.

Второе значение термина «дорник» — острое копье для вынимания частиц просфор и осуществления надреза на «агнце» в ходе проскомидии, чаще именуемое в литургической практике «копием» (внешний вид см.: рис. $3,\ 1,\ 4$). Подобные находки в археологических коллекциях не выделяются. Представляется странным, что печатки, напоминающие о дореформенном облике просфор, при археологических раскопках найдены, а второй инструмент, связанный с просфорами, — нет.

Между тем, лезвие копья-дорника, если его рукоятка деревянная либо костяная, трудно отличить от плохо сохранившегося наконечника стрелы или фрагмента ножа. Возможно, атрибуция части подобных предметов, если они были обнаружены в археологическом контексте культовых построек, требует пересмотра.

Литература

Археологическое наследие Беларуси. Минск, 2012.

Винокурова Э.П., 2001. Медные литые складни конца XVII— начала XX века «Деисус с предстоящими»: типологический ряд // Художественный металл России. М.

Волочкова О.К., 1979. Отчет об археологических раскопках на улице Первомайской у церкви Нерукотворного образа на Запсковье в 1979 году // Архив ИА. Р-1. № 7913

Воробьева Т.Ю., 1993. Коллекция нательных металлических крестов из фондов Ивановского историко-краеведческого музея // Русское медное литье. М. Вып. 1.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни: Медное художественное литье XI — начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Альбом. М.

Гнутова С.В., 1993. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье. М. Вып. 1.

Жизневский А.Н., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел А.К. Жизневского с прим. гр. А.С. Уварова. М.

Кильдошевский В.И., 1979. Отчет об археологических раскопках в Пскове в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 9908, 9908а.

Колосова И.О., 1991. ...И посадникам доложить Господина Пскова на вече...: Краткий очерк социально-политической истории Псковской феодальной республики // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.

Колпакова Ю.В., 2007. Псковские нательные иконки из металла // АИППЗ: Мат. 52 заседания (2006).

Круглова Т.В., 2001. Церковь и духовенство средневекового Пскова // Махаон. № 13–15.

Леопардов Н.А., *Чернев Н.П.*, 1891. Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в городе Киеве в частных руках. Киев. Вып. 1.

Мансветов В.И., 1916. Дорники — печати для просфор. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XIII вв. (САИ. Вып. Е1-60).

Пархоменко, Константин. Фотогалерея // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/ (дата обращения: 01.07.2012).

- Покровский Н.В., 1909. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.
- Прокудин-Горский С.М. Сосуды. Дар царевны Марии Алексеевны. Альбом «Район Волги», № альбома 10341, № отпечатка 711. URL: http://www.prokudin-gorsky. ru/images/PG_TBN/01419v.JPG // Полная база данных цветных изображений С.М. Прокудина-Горского (1902 фотографии) [Электронный ресурс] URL: http://www.prokudin-gorsky.ru (дата обращения: 01.07.2012).
- *Романченко Н.Ф.*, 1928 Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству, Л. Т. 1.
- Русский рисованный лубок XVIII начала XX в. из собрания Государственного исторического музея / Сост. и автор текста Е. И. Иткина. М., 1992.
- Салмин С.А., Салмина Е.В., 2011. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Псков. Вып. 2.
- Салмина Е.В., 2007. Отчет о работах на Ольгинском I–III раскопах на ул. Горького в Пскове в 2006 году. Псков.
- Салмина Е.В., Подгорная Р.Г., 2013. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- *Салмина Е.В., Салмин С.А.*, 2008. Ольгинские I–III раскопы 2006 г. на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ: Мат. 53 заседания (2007).
- Седов В.В., 1984. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. Вып. 179.
- *Сергина Т.В.*, 1983. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 // Археологическое изучение Пскова. М.
- Станокович А.К., 2001. Археологические заметки о русской христианской металлопластике // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М.
- Стоглав // Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков в 9 тт. Т. 2: Период образования и развития централизованного государства. М., 1984.
- Шорин П.А., 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // СА. № 3.
- Этнографический музей в Созополе [Электронный ресурс] URL: http://bulgarclub.ru/photo/places/sozopol-ethno/ (дата обращения: 01.07.2012).

Храмы мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове

N. V. Novoselov. The «Mirozhsky» type churches and the 12th-century Trinity Cathedral in Pskov

Abstract. The article discusses the architecture of ancient churches, structurally similar to the Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery in Pskov. Among these churches are the Church of St. Clement and St. George in Ladoga and the Trinity Cathedral of pre-Mongol period in Pskov. Constructive similarities of the churches of the «Mirozhsky» group and Kiev-Pereiaslav tradition allow us to make a conclusion about the manifestation of the same trends (possibly related to innovations in liturgical practice), which are reflected in the churches of the South and the North of Russia in the 12th century.

Ключевые слова: Мирожский монастырь, Спасо-Преображенский собор, Троицкий собор домонгольского времени

Архитектурные особенности Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, резко отличающие этот памятник от других построек новгородского зодчества XII в., всегда привлекали внимание исследователей. Составной частью историко-архитектурного изучения этого памятника традиционно становилось выявление круга построек, близких по своей архитектуре храму Мирожского монастыря.

Исследователи давно отмечали близость Мирожского храма и церкви Климента в Старой Ладоге (*Воронин*, 1952. С. 283; *Алферова*, 1958. С. 24; *Рап-попорт*, 1962. С. 73; *Максимов*, 1966. С. 651). После раскопок церкви Климента в 1979 — 1980-е гг. Л. Н. Большаковым и П. А. Раппопортом (1985. С. 115) эта точка зрения становится хрестоматийной.

Относительно недавно в этот круг построек был включен еще один памятник. В ходе исследований и реставрации староладожской церкви Георгия, проводившихся в 1990-е гг. под руководством С.В. Лалазарова, было установлено, что существующий храм стоит на фундаментах, которые изначально предназначались для храма с иным объемно-пространственным решением (Лалазаров, 2002. С. 298–306). В этом варианте, который, как считает исследователь, остался неосуществленным, церковь Георгия оказывалась близка собору Мирожского монастыря и церкви Климента (Там же. С. 306).

Таким образом, выводы С.В. Лалазарова позволили говорить уже о некоторой «серийности» построек данного типа (рис. 1). Это существенным образом усложняло схему развития новгородской архитектуры, предложенную П.А. Раппопортом. Теперь в эволюционном ряду между собором

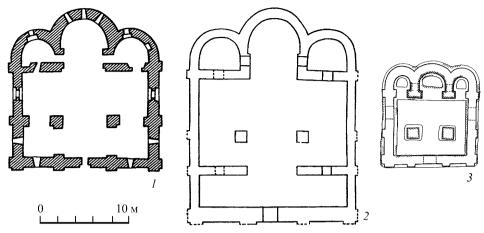

Рис. 1. Храмы мирожского типа

1 — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (по П.А. Раппопорту); 2 — церковь Климента в Старой Ладоге (по Л.Н. Большакову и П.А. Раппопорту); 3 — церковь Георгия в Старой Ладоге первого строительного периода (по С.В. Лалазарову)

Мирожского монастыря и группой ладожских храмов помимо церкви Климента необходимо было поставить и церковь Георгия. При этом нужно было учитывать и очевидный консерватизм построек этой группы, поскольку архитектура Георгиевского храма (в неосуществленном варианте) не дает основания говорить о каком-либо развитии форм в сторону храмов «новгородского типа».

Храмы, относящиеся к этой типологической группе, имеют центричную объемную композицию. Их отличительной чертой является архитектурно подчеркнутый пространственный крест, вписывающийся в квадрат основного объема. Другая отличительная черта построек этой группы — отсутствие крайних восточных лопаток на северном и южном фасадах. Данная особенность позволяет предположить, что боковые апсиды у всех храмов этой группы были пониженными (как у собора Мирожского монастыря).

На мой взгляд, круг построек, представленный собором Мирожского монастыря, церковью Климента и церковью Георгия, условно названных мной в заглавии статьи храмами «мирожского» типа, может быть расширен. К постройкам этой группы можно отнести еще один храм — Троицкий собор в Пскове.

Этот памятник не сохранился до наших дней. Единственным материальным свидетельством его существования являются упавшие блоки кладки, обнаруженные при раскопках у стен собора в 1981 г. (*Белецкий*, 1982. С. 6).

О существовании Троицкого собора в XII в. свидетельствуют две группы летописных известий. Одна из них сообщает о погребении в 1138 г. в Троицком соборе князя Всеволода Мстиславича (ЛЛ, 2001. Стб. 305; ИЛ, 2001. Стб. 301; П1Л, 2003. С. 10; П2Л, 2003. С. 19). Другая группа известий, восходящая к житийной традиции, сообщает о перенесении мощей Всеволода Мстиславича из церкви Дмитрия в Троицкий собор в 1192 г. (П2Л, 2003. С. 77; СтК, 2008. С. 200, 201) и, таким образом, ставит под сомнение сообщение первой группы.

Троицкий собор домонгольского времени был перестроен в 1365—1367 гг. В 1689 г. собор XIV в. был разобран, а на его месте к 1699 гг. выстроен новый храм, существующий в настоящее время.

В 1936 г. А.И. Некрасов опубликовал рисунок Троицкого собора (копия XIX в. с рисунка кон. XVII в.), на котором был изображен храм 1365–1367 гг. в том виде, в котором он дошел до конца XVII в. (*Некрасов*, 1936. С. 167. Рис. 104) (рис. 2). Комментируя рисунок, А.И. Некрасов сделал предположение о сходстве изображенного храма с памятниками полоцко-смоленского зодчества конца XII— начала XIII в. (Там же. С. 166).

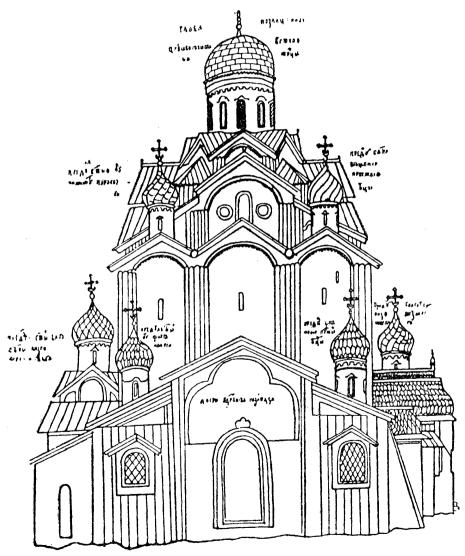

Рис. 2. Троицкий собор во Пскове. Западный фасад. Рисунок конца XVII в.

Н.В. Новосёлов

Позднее этот же рисунок был подробно проанализирован Н. Н. Ворониным. Им был сделан вывод о том, что при перестройке Троицкого собора в 1365–1367 гг. значительные участки стен домонгольского здания были сохранены. Реконструируя на основании рисунка облик Троицкого собора домонгольского времени, Н. Н. Воронин пришел к выводу о его близости памятникам смоленской архитектуры рубежа XII–XIII вв. и датировал его временем около 1192 г. (Воронин, 1952. С. 282–299).

Значительно позднее рисунка Троицкого собора в научный оборот был введен обмерный план храма 1365-1367 гг., выполненный, как и рисунок, в конце XVII в. (рис. 3). На основании этого плана А. А. Тиц реконструировал собор 1365-1367 гг. (Tuu, 1976. С. 336-343).

На сегодняшний день рисунок и обмерный план собора 1365—1367 гг., созданные в конце XVII в., являются основными (и практически единственными) источниками для реконструкции и датировки Троицкого собора домонгольского времени. Вопрос о том, насколько в ходе перестройки 1365—1367 гг. были использованы части домнгольского здания, является предметом дискуссий. Летописи упоминают, что новый храм был создан «на старой основе». Это дает основание полагать, что, по крайней мере, план собора домонгольского времени был сохранен.

До недавнего времени большинство исследователей, рассматривавших в своих работах Троицкий собор XII в., относили его, вслед за А.И. Некрасовым и Н.Н. Ворониным, к постройкам смоленской архитектурной школы и датировали концом XII в. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 369–371; Комеч, 2003. С. 66, 67; Мильчик, 2002. С. 291). П. А. Раппопорт при этом не исключал, что Троицкий собор мог быть основан в 30–40-е гг. XII в., а в конце XII в. перестроен (Раппопорт, 1986. С. 73). Такого же мнения придерживался и Г.М. Штендер (2008. С. 578).

Эта устоявшаяся и авторитетная точка зрения была пересмотрена Вл.В. Седовым. На основании тех же материалов он пришел к совершенно иному выводу: по его мнению, план Троицкого собора на обмерном чертеже близок планам новгородских храмов 30-х гг. XII в., что позволяет отнести его к серии построек Всеволода Мстиславича (Седов, 1984. С. 15; 1992а. С. 71).

С предложенной Вл. В. Седовым интерпретацией обмерного плана Троицкого собора и датировкой первоначального храма согласился Вал. А. Булкин. По мнению Вал. А. Булкина, строительство Троицкого собора могло произойти в те временные интервалы, когда в самом Новгороде строительство не велось: в период между 1122/23 и 1127 гг. или между 1130 и 1135 гг. (Булкин, 1993. С. 7–10; 1996. С. 98, 99).

К сожалению, ни Вл. В. Седов, ни Вал. А. Булкин не приводили каких-либо аргументов в пользу своей позиции, кроме, пожалуй, трехапсидности Троицкого собора и общих представлений о том, что первой каменной постройкой в древнерусских городах обычно являлся главный городской храм.

На мой взгляд, Троицкий собор, скорее, может быть отнесен не к постройкам Всеволода Мстилавича, а к памятникам мирожского типа.

¹ Упоминания об этих чертежах содержатся в статье Н. Н. Воронина (1952. С. 293).

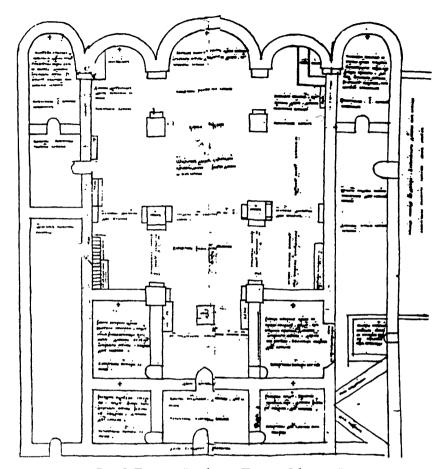

Рис. 3. Троицкий собор во Пскове. Обмерный план

Троицкий собор, запечатленный на плане конца XVII в., имеет такой же пропорциональный строй, что и памятники мирожского типа. Пространственный крест вписан в квадрат основного объема, а не в прямоугольник, как в более ранних новгородских храмах или в постройках конца XII в. Общие пропорции здания (соотношение длины и ширины, отношение размеров подкупольного квадрата к ширине боковых нефов, небольшая глубина полукружий апсид) также близки храмам этой группы (табл. 1).

О форме столбов и о наличии лопаток на основании чертежа судить сложно. Лопатки на чертеже выглядят пристроенными объемами. Кроме того, на чертеже не отмечены лопатки напротив восточных столбов, где они кажутся наиболее необходимыми. По мнению А.И. Комеча, Троицкий собор XII и XIV вв. имел крестчатые столбы. Такую форму столбов исследователь объяснял влиянием смоленской архитектуры конца XII в. (Комеч, 2003. С. 112). Напротив, А.А Тиц и Вл. В. Седов предполагали наличие в Троицком соборе XII и XIV вв. квадратных столбов (Тиц, 1976. С. 340, рис.; Седов, 1992а. С. 70). Это

Та блица 1 Соотношения основных элементов плановой структуры храмов мирожского типа и Троицкого собора во Пскове (по чертежу конца XVII в.)

Соотношения основных элементов	Собор Мирожского монастыря (по П. А. Раппо- порту)	Церковь Климента в Ст. Ладоге (по Л. Н. Больша- кову и П.А. Раппо- порту)	Церковь Геогия в Ст. Ладоге (по С.В. Лалазарову)	Троицкий собор в Пскове (по обмерному чертежу XVII в.)
Длина (без нартекса) / ширина	1,08	1	1,09	1,11
Ширина подкупольного квадрата / ширина боковых нефов	1,42	1,39	1,85	1,48
Ширина подкупольного квадрата / ширина западной трети наоса	1,39	2,12	1,52	1,26
Ширина подкупольного квадрата / глубина центральной апсиды	1,21	1,33	2,05	2,03

предположение кажется особенно интересным, если вспомнить, что квадратные столбы имели церкви Климента и Георгия в Старой Ладоге.

Пожалуй, еще больше общих черт между изображениями Троицкого собора и реконструкцией плана церкви Климента в Старой Ладоге, выполненной в конце XIX в. первым исследователем этого памятника — Д. А. Сабанеевым (рис. 4;5).

Материалы Д. А. Сабанеева в ряде докладов и публикаций были прокомментированы Б. Г. Васильевым. Анализируя результаты исследований разных лет (данные Д. А. Сабанеева, Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса и последние исследования Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта), Б.Г Васильев пришел к выводу о том, что, несмотря на кажущуюся изученность, многие вопросы планового и пространственного решения храма остаются спорными. Это касается, главным образом, западной части храма.

Исходя из этих чертежей (*Сабанеев*, 1886. Фиг. 4), можно предположить наличие у церкви северного притвора, а специально отмеченное несовпадение ширины нартекса и основного объема храма дает основание рассматривать крайнее западное членение не как нартекс, а скорее как широкий притвор (*Васильев*, 1999. С. 85). Заслуживает внимания и еще одна деталь на чертеже Д. А. Сабанеева, которая Б. Г. Васильевым почему-то не была отмечена: западные подкупольные столбы соединены со стеной, отделяющей нартекс (или притвор) от основного объема храма.

Низкий свод западной части церкви на чертеже Д.А. Сабанеева (1886. Фиг. 5), по мнению Б.Г. Васильева, может объясняться «определенным решением объема этой части церкви» (Васильев, 1999. С. 85). К такому же выводу исследователь приходит, исходя из анализа чертежа упавшей западной стены, раскрытой в 1939 г. В.И. Равдоникасом. Особенности контура западной стены, по мнению Б.Г. Васильева, могут свидетельствовать о том, что своды угловых частей нартекса были пониженными (Там же. С. 81, 85).

РЕСТАВРАЦІЯ ЦЕРК. СВ КЛИМЕНТА

Кладка существующая видимая.

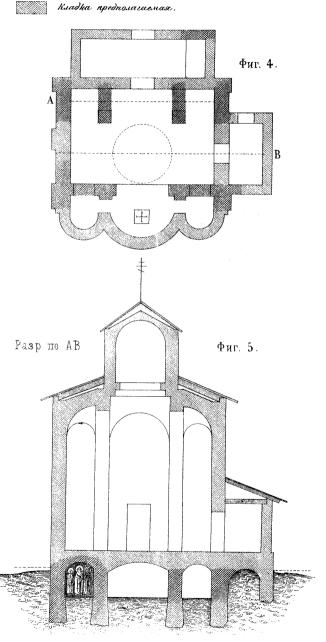

Рис. 4. Церковь Климента в Старой Ладоге. Реконструкция Д.А. Сабанеева. 1886 г.

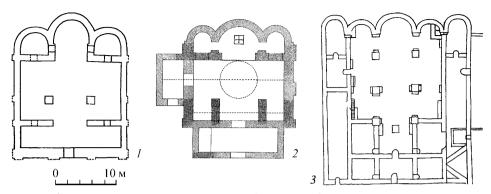

Рис. 5. Варианты реконструкции церкви Климента в Старой Ладоге и Троицкий собор во Пскове

1 — церковь Климента в Старой Ладоге (по Л.Н. Большакову и П.А. Раппопорту);
 2 — церковь Климента в Старой Ладоге (по Д.А. Сабанееву);
 3 — Троицкий собор во Пскове (по чертежу конца XVII в.)

Б. Г. Васильев отметил и спорность выводов Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта о наличии внуртистенной лестницы в толще западной стены, поскольку лестница не была зафиксирована ни Д. А. Сабанеевым, ни Н. И. Репниковым (Там же. С. 85). На момент раскопок Н. И. Репникова кладка южной части западной стены (где обычно и располагалась лестница) сохранилась на высоту около 2 м. Не заметить лестницу, если она здесь существовала, было невозможно. Н. И. Репников подробно описывает ниши в западной стене и специально отмечает, что следов лестницы нет (*Репников*, 1948. С. 56).

На рисунке конца XVII в. Троицкий собор имеет пониженный относительно основного объема нартекс. Таким обычно и реконструируется нартекс в соборах XII и XIV вв. (*Спегальский*,1963. С. 20. Рис. 6; *Тиц*, 1976. С. 341, рис.) (рис. 6). Храмы с пониженным нартексом в новгородской архитектуре неизвестны. Единственным памятником, напоминающим Троицкий собор «необычностью», «нестандартностью» решения западной части, может быть церковь Климента.

Судя по плану конца XVII в., в Троицком соборе не было внутристенной лестницы, а подъем на хоры осуществлялся по лестнице, расположенной в северо-западной части наоса. Мы знаем, что внутристенная лестница отсутствовала в Мирожском соборе, не планировалось ее создание и в церкви Георгия, а наличие внутристенной лестницы в церкви Климента в настоящее время нельзя считать абсолютно доказанным.

Таким образом, Троицкий собор, на мой взгляд, может быть отнесен к тому же кругу построек, что и собор Мирожского монастыря, церковь Климента и церковь Георгия. При этом наибольшее сходство Троицкий собор обнаруживает с церковью Климента. Возможно, это объясняется одинаковым назначением обоих храмов. Троицкий собор являлся главным городским храмом Пскова; на роль главного городского храма претендовала и церковь Климента в Старой Ладоге.

Архитектурные особенности построек этой группы, столь отчетливо диссонирующие с более ранними памятниками новгородского круга, ставят вопрос об их происхождении.

Троицкий собор никогда не рассматривался исследователями как храм, относящийся к этой группе построек, поэтому наиболее ранним в этом ряду памятников признавался Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Архитектурный тип этого храма обычно объяснялся участием в его строительстве византийского зодчего (Мильчик, Штендер, 1988. С. 93; Рапполорт, 1993. С. 58; Комеч, 2003. С. 43).

Несколько иная точка зрения была высказана Вл. В. Седовым. По его мнению, Спасо-Преображенский собор связан с византийской архитектурой не напрямую, а опосредованно; непосредственное же влияние на происхождение архитектурного типа собора оказали центричные постройки переяславской архитектурной школы (*Седов*, 1992б. С. 16, 17). Относительно недавно точка зрения Вл. В. Седова была поддержана О. М. Иоаннисяном (2008. С. 187–190).

В ряде докладов и публикаций мной высказывалась мысль о близости памятников этой группы постройкам киево-переяславского круга — церкви на пл. Воссоединения в Переяславле, большому храму Зарубского монастыря и церкви в усадьбе Художественного института в Киеве (*Новоселов*, 2007. С. 29, 35, прим. 8; 2008. С. 202, 203). Особенности плана восточных частей этих храмов позволяют предположить, что боковые апсиды построек в интерьере были изолированы от основного пространства храма и, вероятно, имели пониженный объем.

В то же время, у нас нет оснований напрямую связывать группу киево-переяславских памятников и группу памятников мирожского типа, т.е. предполагать участие в их создании одних и тех же зодчих и строителей. Сходство композиционного решения восточных частей этих храмов логичнее объяснить проявлением одних и тех же тенденций (возможно, связанных с какими-то новациями в богослужебной практике), нашедших отражение в постройках Юга и Севера Руси (Новоселов, 2008. С. 205–207).

В таком контексте собор Мирожского монастыря уже не выглядит одинокой постройкой в ряду других памятников древнерусского зодчества, и вопрос об участии византийских мастеров в создании памятников группы Мирожа утрачивает свою остроту. Кроме того, если в эту группу добавить и Троицкий собор, собор Мирожского монастыря нельзя, вероятно, считать и наиболее ранним храмом среди этих построек.

Литература

- *Алферова Г.В.*, 1958. Собор Спасо-Мирожского монастыря // Архитектурное наследство. М. Вып. 10.
- *Белецкий В.Д.*, 1982. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // AO 1981 г. М.
- *Большаков Л.Н., Раппопорт П.А.*, 1985. Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- *Булкин Вал. А.*, 1993. Архитектура Пскова XII века (вопросы датировки) // Программа «Храм»: Сб. мат. СПб.
- *Булкин Вал. А.*, 1996. Троицкий собор XII века во Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб.

Васильев Б.Г., 1999. Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладоге. Ч. 1: История храма и технико-технологические особенности фресок // Староладожский сборник: Мат. VII конф. «Северо-Западная Русь: Междисциплинарные исследования». Старая Ладога; СПб.

Воронин Н.Н., 1952. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. 2-е изд. М., 2001.

Иоаннисян О.М., 2008. Зодчество древнего Переяславля XI–XII веков и его место в общей картине развития зодчества Древней Руси // Наукові записки з української історії: Зб. наук. ст. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький.

Комеч А.И., 2003. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI века. 2-е изд. М.

Лалазаров С.В., 2002. Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. І. 2-е изд. М., 2001.

Максимов П.Н., 1966. Архитектура Новгородской земли XII — начала XIII в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.; Л.

Мильчик М.И., 2002. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.

Мильчик М.И., Штендер Г.М., 1988. Западные камеры собора Мирожского монастыря в Пскове (К вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. М.

Некрасов А.И., 1936. Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII века. М.

Новоселов Н.В., 2007. Первые попытки разработки нового типа здания: к проблеме появления храмов с башнеобразной композицией // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб. (Тр. ГЭ. Т. XXXIV.)

Новоселов Н.В., 2008. Общие тенденции в архитектуре Севера и Юга Руси во второй трети XII в. // Наукові записки з української історії: Зб. наук. ст. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький.

П1Л — Псковская первая летопись // Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003.

 $\Pi 2\Pi - \Pi$ сковская вторая летопись // Π сковские летописи. Вып. 2. М., 2003.

Раппопорт П.А., 1962. Археологические исследования памятников русского зодчества XI–XII вв. // СА. № 2.

Раппопорт П.А., 1986. Зодчество Древней Руси. Л.

Раппопорт П.А., 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Репников Н.И., 1948. Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога. Л.

Сабанеев Д.А., 1886. Заметка о древней Климентовской церкви // ЗРАО. Т. 1.

Седов Вл.В., 1984. Происхождение и становление псковской архитектурной традиции: Автореф. дис. ... канд. искусств. М.

Седов Вл.В., 1992а. Псковская архитектура XIV—XV веков. Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. М. Вып. III.

Седов Вл.В., 19926. Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. М. Вып. І.

Спегальский Ю.П., 1963. Псков. Л.; М.

СтК — Степенная книга // ПСРЛ. Т. ХХІ. Ч. 1. СПб., 2008.

Тиц А.А., 1976. Обмерные и проектные чертежи XVII в. Троицкого собора в Пскове // Средневековая Русь. М.

Штендер Г.М., 2008. Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв.: Очерки // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области: Каталог. СПб.

Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова*

A.A. Gippius, T.V. Kruglova, E.A. Yakovleva. The Record of the Shestodhev (Hexaemeron) of 1374 as a Source of the 14th century Pskov Historical Topography

Abstract. On the basis of historical, linguistic and paleogeographic analysis the authors propose what they consider to be the only possible interpretation of the much-disputed phrase from the scribe Savva's record in the manuscript of Shestodnev (Hexaemeron) written in Pskov in 1374. The phrase refers to the Pskovites' public discussion of a change in the route of a new stone wall as compared to the old wooden one. The changes concerned the section of the wall near the New Ascension female Monastery. The pragmatic approach not involving additional costs took over. The monastery remained outside the city walls on the Posad.

Ключевые слова: Социальная топография, Псковский Кром, Шестоднев 1374 г., Ново-Вознесенский монастырь, записи писцов, палеогеография

Большое значение для изучения истории средневекового Пскова имеют записи на рукописных книгах, выполненные псковскими писцами. Они не только содержат сведения, хорошо известные из псковских летописей, но и нередко дополняют их новыми фактами. Одним из наиболее известных кодексов, содержащих такие записи, является Изборный октоих, или Шестоднев 1374 г., доставленный в Москву из псковского Середкина монастыря в 1679 г. и ныне хранящийся в собрании рукописей Синодальной типографии РГАДА (Ф. 381. № 67). Писец этой рукописи, священник Савва, оставил на ее полях 16 записей «дневникового» содержания, неоднократно привлекавших внимание исследователей. Последняя публикация этого комплекса была осуществлена Л. В. Столяровой (2000). Предметом настоящей статьи является запись исторического содержания, сделанная писцом на л. 95 и имеющая следующий вид:

Въ лѣт(о) 6000-ное 800-тное 82. Сего же лѣm(а) Кюрилъ с(вя)тыи свършишь, и вл(а)д(ы)ка Wлексеи въ Пьсковѣ былъ, и пьсковици гадаютъ гра ∂ (а) Пьскова примти на Новое Възнешение, а писалъ Сава попъ (*Столярова*, 2000. С. 307).

Запись сохранилась без утрат и повреждений. По псковским летописям уверенно идентифицируются исторические факты, названные в ее первой части: завершение строительства церкви св. Кирилла и приезд в Псков архиепископа Алексея. Впрочем, датировка этих фактов, а вместе с ними и самого

^{*} Доклад на 58-м заседании семинара в апреле 2012 г.

кодекса, вызвала небольшую дискуссию, причиной которой стали расхождения в изложении событий между Псковской 1-й и Псковской 2-й летописями. Ср.:

П1Л: В лѣто 6881 (1373). Поставиша церковь святого апостола Петра и Павла на другом мѣсте камену; а свящалъ архиепископъ Алексѣи съ своим клиросом, въ свои приѣздъ. Того же лѣта поставлена бысть церковь святого Власия камена на другом мѣстѣ. А на другое лѣто сам мастер церковный Кирил поставил церковь в свое имя, святыи Кирил, у Смердя моста над греблею. Въ то же лѣто поставлена бысть церковь камена святого Тимофѣя, Доманта князя (ПЛ, 1941. С. 23)¹.

П2Л: В лѣто 6881 (1373). Поставиша камену церковь на другом мѣсте святых апостол Петра и Павла; и освяща ю самъ Алексии архиепископъ въ свои приѣздъ. Того же лѣта поставлена бысть церковь камена святого Власия на другом мѣстѣ.

В лѣто 6882 (1374). Мастеръ церковный Кирилъ постави церковь камену въ свое имя святого Кирила архиепископа иерусалимскаго. Въ то же лѣто поставлена бысть церковь камена святого Тимофѣя (ПЛ, 1955. С. 28).

Л.В. Столярова, исходя из того, что владычный приезд отмечен в летописи под 6881, а не под 6882 г., предположила, что дата выходной записи Шестоднева является ультрамартовской и соответствует 6881 (1372/73) мартовскому году (Столярова, 2000. С. 308). С ней не согласился А.Е. Мусин: «Л.В. Столярова считает, что завершение Петропавловской и Кирилловской церквей относится к одному году и соответственно они были освящены в один приезд Алексия между 1 марта и 31 декабря 1373 г. Однако Кирилловская церковь была все-таки закончена позднее, "на другое лето" после освящения Петропавловского храма, т.е. согласно П2Л не в 6881, а в 6882 г., что и соответствует датировке исторической записи»². Сделав это абсолютно верное замечание, А. Е. Мусин, однако, не остановился на нем, но предположил, что архиепископ Алексей в течение двух лет дважды приезжал в Псков: на освящение церкви свв. Петра и Павла в 1373 г. и на освящение церкви св. Кирилла в 1374 г.; первый приезд был отмечен летописью, о втором сообщается в записи (Мусин, 2010. С. 280). Такое объяснение следует признать ошибочным. Как справедливо заметила Л.В. Столярова, новгородские владыки «бывали в Пскове согласно летописям не чаще одного раза в четыре года» (Столярова, 1999. С. 109). Действительно, очередность и сроки подъездных посещений новгородским архиепископом Пскова строго регламентировались псковичами, т.к. были сопряжены с большими материальными издержками. Повторное посещение Пскова на следующий год было невозможно, т.к. не соответствовало «старине». С другой стороны, летописный текст не дает ровно никаких оснований предполагать двукратное посещение Пскова архиепископом Алексеем

 $^{^1}$ Практически идентичный текст содержит и Псковская 3-я летопись (ПЛ, 1955. С. 105).

 $^{^2}$ В пользу традиционной датировки записи в Изборном Октоихе высказывается и И.К. Лабутина (2011. С. 295).

в 1373—1374 гг. Причина затянувшегося недоразумения кроется в текстологическом соотношении известий двух летописей: события, о которых П1Л сообщает в одной статье 6881 г., в П2Л помещены под двумя годами. При этом первоначальным, несомненно, следует признать текст П1Л, представляющий собой ретроспективно сделанную запись о событиях двух лет. Известие об освящении архиепископом Алексеем церкви Петра и Павла «в свой приезд» следует относить к 6882 мартовскому году, когда владыка освящал церковь св. Кирилла; тогда же, на следующий год после окончания строительства, им была освящена и Петропавловская церковь. Составитель П2Л разбил статью 6881 своего источника на две статьи, в результате чего известие о приезде архиепископа получило дату, на год опережающую реальную³.

Действительно сложную проблему представляет интерпретация третьей фразы записи: «и пьсковици гадають град(а) Пьскова примти на Новое Възнешение». Существуют три варианта ее толкования, предложенные А. А. Покровским, Л. В. Столяровой и А. Е. Мусиным.

А. А. Покровский, комментируя запись, писал: «Здесь речь идет о псковской церкви Новое Вознесение, которая была построена в 1467 г.; вероятно, в 1373 г. псковичи могли "гадать", т.е. думать о построении этой церкви» (Покровский, 1916. С. 65). Курьезность растянувшегося почти на столетия «намерения» псковичей возвести новый Вознесенский храм была справедливо отмечена Л.В. Столяровой, которая также обратила внимание на приведенные Л. А. Твороговым (1963) свидетельства того, что Ново-Вознесенский монастырь существовал уже во второй четверти XIV в. «Таким образом, — заключает исследовательница, — в 1373 г. псковичи не могли гадать о постройке монастыря Новое Вознесение, так как он, вероятно, к этому времени уже действовал» (Столярова, 2000. С. 309)⁴. В поисках альтернативного толкования Л.В. Столярова обращается к семантике глагола прияти и, остановившись на значении «прэинять, принимать (т.е. встречать)», высказывает следующее предположение: «В первой части записи, интерпретация которой не вызывает сомнений, идет речь о постройке церкви св. Кирилла и о приезде в Псков владыки Алексия. Не является ли вторая часть записи указанием на намерение псковичей встретить владыку в Ново-Вознесенском монастыре?» (Там же). Заметим сразу, что содержательно это предложение выглядит не меньшим курьезом, чем трактовка Покровского: «гадать» о том, где встречать владыку, вряд ли имело смысл после того, как тот уже побывал в Пскове (о чем недвусмысленно сообщает запись). Неприемлемо оно и в лингвистическом отношении, оставляя непонятным синтаксический статус формы родительного падежа града Пскова, управляемой глаголом прияти; что же касается предлога

 $^{^{\}rm 3}$ О редактировании составителем Н2Л своего источника см.: *Насонов*, 2003. С. 33, 34.

 $^{^4}$ И. К. Лабутина справедливо заметила, что дата 1467 г. «как время закладки каменной церкви в Нововознесенском монастыре, иногда присутствующая в литературе, ошибочна: под этой датой ПЗЛ отмечает закладку, а Π 1Л — совершение церкви Воскресения на Полонище» (*Лабутина*, 2011. С. 235, 236).

на («на Новое Възнешение»), который, по мысли Столяровой, «является указанием места и соответствует предлогам "в" или "у"» (Там же), то он в сочетании с винительным падежом может обозначать только направление, но никак не место.

Третья интерпретация, недавно предложенная А. Е. Мусиным, опирается на уже упомянутое предположение исследователя о двух приездах архиепископа Алексея в Псков. «В этой связи приобретает смысл и загадочная фраза той же записи, которую стоит рассматривать в контексте владычных подъездов: "И владыка Алексий в Пскове был, и псковичи гадают града Пскова приятии на Новое Вознесение". <...>. Мы предлагаем понимать эту фразу следующим образом: псковичи, впечатленные фактом частых приездов новгородского архиепископа на освящение храмов — Петропавловского в 1373 г. и Кирилловского в 1374 г., теперь ожидают ("гадают"), что Алексий приедет во "Град Псков" и на освящение Нового Вознесения, строительство или перестройка которого соответственно могут быть датированы серединой — второй половиной 1370-х гг.» (*Мусин*, 2010. С. 280). К сожалению, и эта трактовка заключает в себе элемент курьеза: удивляет необычайная «впечатлительность» псковичей, полагающих — вопреки прочно установившейся практике, — что зачастивший в город владыка будет теперь наезжать туда постоянно. С другой стороны, как уже было сказано, ретроспективный характер статьи 6881 г. П1Л делает допущение двух приездов архиепископа, в 1373 и 1374 гг., совершенно излишним. Наконец, предполагаемый А. Е. Мусиным смысл никак не выводится из структуры фразы, заставляя прибегать к ничем не подтверждаемой и малоправдоподобной конъектуре: «(архиепископа) града Пскова».

Сочетание сомнительного смысла с насилием над грамматикой — верный признак ошибочности толкования. В нашем случае оно в равной степени характеризует все три разобранные трактовки. Можно поэтому с полной уверенностью утверждать, что адекватной интерпретации записи до сих пор предложено не было. Между тем, грамматически корректное понимание загадочной фразы не только возможно, но и позволяет приписать ей смысл, идеально вписывающийся в исторический контекст.

Слова «пьсковици гадають град(а) Пьскова приæти на Новое Възнешение» означают, на наш взгляд, следующее: 'Псковичи думают расширить крепость Пскова в направлении Нового Вознесения' (или 'до Нового Вознесения').

Поясним этот перевод, рассмотрев сначала его лингвистические основания. Значение 'расширить, увеличить территорию' не засвидетельствовано словарями для глагола *прияти* в древнерусских текстах. Очевидна, однако, его семантическая близость таким значениям этого глагола, как 'присвоить, захватить', с одной стороны, и 'охватить, объять' — с другой (см.: Словарь...

⁵ Быть может, фразу можно реконструировать следующим образом: «И псковичи гадают [архиепископа] града Пскова прияти на Новое Вознесение» (прим. А. Е. Мусина).

2008. С. 653-664). Ср., напр., следующий контекст из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку: «По двою же лъту Синеусъ умре и братъ его Труворъ и прия власть Рюрикъ» (ПСРЛ, 1962. Стб. 20). Рюрик обладал властью и до смерти Синеуса и Трувора, после которой он лишь расширил ее за счет властных полномочий своих умерших братьев. Значение 'получить' возникает у прияти на основе значения 'присоединить, прибавить'. Структурно, прияти составляет такую же пару с прибавити, какую y(n)яти образует с синонимичным ему убавити. С учетом этой семантической пропорции чрезвычайно показательным представляется следующее известие статьи 1391 г. Никоновской летописи, сообщающее об очередном этапе крепостного строительства в Городце: «Того же лъта князь великыи Михайло Александрович прибавил Новаго городка на Волзъ съ приступа, и ровъ около копали» (ПСРЛ, 1897. С. 125). С нашей записью этот контекст сближает не только содержание, но и общая модель глагольного управления: как и в нашем случае, обозначение расширяемого объекта (крепости) стоит здесь в родительном падеже, выражающем значение неполного охвата объекта действием или «неопределенного количества» ^{6} .

Что же касается сочетания $\it градъ Псковъ$, то оно, как хорошо известно, выступает в текстах этого времени именно как обозначение псковской крепости — Крома (см.: $\it Лабутина$, 2011. С. 67).

Итак, предметом публичного обсуждения псковичей в 1374 г., в разгар работы писца Саввы над его манускриптом, был вопрос об увеличении городской укрепленной территории дополнительным участком, простиравшимся до (или в направлении) «Нового Вознесения» (это понятие выступает в данном случае как географический объект). В такой трактовке загадочная фраза в записи Псковского Шестоднева однозначно соотносится с событием, о котором Псковская 2-я и 3-я летописи сообщают под следующим, 1375 (6883) г., а Псковская 1-я (явно вследствие хронологического сбоя — см.: *Лабутина*, 2011. С. 62) — под 1380 (6888) г. Этим событием стало строительство четвертой городской стены, Среднего города. Ср.:

П1Л: Въ лѣто 6888. При велицѣмъ князѣ Дмитреи, и при псковском князи Матфѣи, и посадницѣ Григорьи Остафьевиче, псковичи заложиша 4-ю стѣну камену, от Псковы рекы до Великои рѣкы, по старои стенкы, что была ту стѣнка со дубом мало выше мужа, около всего посада» (ПЛ, 1941. С. 23);

ПЗЛ: Въ лѣто 6883. При велицемъ князи Дмитреи, а при псковскомъ князи Матфеи, и посадниче Григорьи Остафьевиче, псковичи заложиша четвертую стѣну плитяну, от Псковы рѣки до Великои рѣки, подле старои стенке, что была стѣнка с дубомъ, мало выше мужа, около всего посада» (ПЛ, 1955. С. 105);

⁶ О более широком, сравнительно с современным русским литературным языком, употреблении в древне- и среднерусских текстах объектного генитива, в том числе в указанном значении, см.: *Малышева*, 2010.

П2Л: Въ лѣто 6883. В лѣта великого князя Дмитриа и псковского князя Матфѣя и посадника Григория Остафьинича псковичи заложиша 4-ю стѣну камену, от Псковы до Великыа рѣкы, по старои стѣнѣ, поне же была старая стѣнка здѣлана з дубомъ, мало оузвышь мужа, около всего посада» (ПЛ, 1955. С. 28, 29)⁷.

Как и крепость в Городце, псковский Кром был в 1375 г. в очередной раз расширен «с приступа», и Ново-Вознесенский монастырь как нельзя лучше подходил для указания вектора этого расширения. В отличие от летописи, запись в Псковском Шестодневе отразила не сам акт строительства, но предшествовавшие ему обсуждения. Писец Савва, любивший сообщать в маргиналиях о собственных планах («Шести ужинать», «Поити на вечернюю», «Поехати пить в Зряковици» и др.), не изменил своему обыкновению и на этот раз, реализовав его, однако, на ином, более высоком уровне.

При том, что связь между записью кодекса и строительством крепостной стены в 1375 г. устанавливается со всей непреложностью (в этом смысле мы утверждаем, что предлагаемая трактовка спорной фразы не просто лучше других, но является единственно верной), вопрос о том, какой именно план расширения Крома обсуждался псковичами в 1374 г., нуждается в дополнительном рассмотрении.

Дополнительные подтверждения именно такому объяснению анализируемой рукописной реплики, на наш взгляд, дает анализ особенностей начальных природных условий местоположения Ново-Вознесенского монастыря. Эта территория находится в центре исторической части междуречья Псковы и Великой, примерно в 200 м к востоку от трассы главной улицы древнего города — Великой, в ближайшем предстенье линии укреплений 1374/75 г., на участке между ее Великими и Трупеховскими воротами. Ныне здесь располагается Детский парк. Пространство свободно от застройки и частично сохранило черты своего первоначального рельефа. На интересующем нас

⁷ Обращает на себя внимание то, что в общем тексте П1Л и П3Л имеются различия в обозначении двух типов фортификационных сооружений: старая дубовая стена дважды названа уменьшительным словом «стенка» («подле старой стенки», что была стенка с дубом»), т.к. была немного выше человеческого роста; новая плитяная называется «стеной», т.к. это более капитальное строение. В П2Л уменьшительное обозначение «стенка» сохранилось только в одном месте, что является следствием более позднего редактирования. Подобного рода различия носят принципиальный характер, имеются в этом сообщении и больше нигде не встречаются. Другие редакторские различия не менее интересны: в П1Л и П2Л новая стена называется каменной, в П3Л более точное определение материала — «плитяная». В ПЗЛ новая плитяная стена заложена «подле» старой стены, в П1Л и П2Л - «по старой стене», т.е. по трассе старой стены. Эти разночтения также очень важны. При закладке фундаментов каменной стены («заложиша») вокруг всего посада старая дубовая стена еще сохранялась на случай возможного вражеского нападения. Ко времени редактирования текста П2Л (может быть, ПЗЛ?) дубовые укрепления были, видимо, разобраны, а возведенная каменная стена стояла вдоль всего посада. При редактировании эти технологические детали потеряли свое смысловое значение.

участке находятся два значительных природных ориентира: Васильева и Романова горки. Название первой, небольшой по площади локальной возвышенности, связано с одноименным храмом, первое каменное здание которого было построено «перед 1376/77 г.» (Лабутина, 2011. С. 280). Позднее здесь же появилась Васильевская башня. Время возникновения второго оронима точно не устанавливается. Впервые он упоминается псковскими летописями в связи со строительством церкви Похвалы Богородицы в 1442 г. (П1Л, П3Л), но, несомненно, что и при строительстве стены, и ранее Романиха служила важным топографическим ориентиром и выделялась в природно-культурном ландшафте. Возвышенность представляет собой значительную по площади, вытянутую почти на 0,5 км по оси СВ-ЮЗ гряду. Нововознесенский монастырь располагался в ее северо-восточной части, примерно в 30-50 м от бровки склона, в 150 м к юго-востоку от реконструируемой по плану 1740 г. линии древней стены в районе церкви Василия на Горке. Реконструируемые абсолютные высотные отметки палеоповерхности вершины Васильевой и соответствующей, противостоящей части Романовой возвышенностей дают значения: первой — ок. +44,00, второй — ок. +48,00.

И ту, и другую горки можно считать «горами» лишь относительно пониженных участков, окружающих и разделяющих их. Вероятно⁸, в обоих случаях всхолмления являются останцами палеоповерхности, сформировавшимися в результате активности послеледниковых вод. Возвышенности разделены природной низиной, ориентированной на рассматриваемом участке вдоль подножия Романихи. Уровень дна низменности корректно определить как «ниже +40,00». Низина наследует местоположение предстенного укрепления, заложенного в свое время на основании русла стока из понижения, упоминаемого источниками как «Лужища», и долины ручья, берущего свое начало в церкви Покрова от Торга. Реликты ручья в составе средневекового рва известны по документам XVIII—XIX вв. как речка Зрачка, засыпанная и помещенная в трубы на большей части своей протяженности.

Сосредоточение на относительно небольшом участке таких ярко выраженных, противоположных по значению элементов рельефа не могло не учитываться при строительстве оборонительной линии третьей четверти XIV в.

Использование защитных свойств рельефа в крепостном строительстве — одно из общих мест. Оно характерно для ранних этапов развития фортификационного зодчества и неоднократно отмечалось многими исследователями.

Моделирование погребенного рельефа территории средневекового Пскова позволило установить достаточно прочные взаимосвязи между рельефом местности и развитием основных элементов планировочной структуры поселения. В частности, достоверно определяется приуроченность напольных линий укреплений в междуречье Псковы и Великой к значительным природным линейным понижениям, ставшим основой для устройства предстенных рвов.

⁸ По мнению одного из авторов — Е. А. Яковлевой. В отношении Васильевой горки не исключается связь ее происхождения (или более выраженного оформление рельефа) с работами по строительству фортификаций на конкретном участке.

Ориентировка этих низин, в свою очередь, оказалась обусловленной направлениями планетарной трещиноватости, развитой в коренных породах региона (*Татарников*, *Вязкова*, *Яковлева*, 2003; *Яковлева*, *Татарников*, 2011).

Анализ особенностей рельефа трассы стены 1374/75 г., особенно в ее центральной и юго-западной частях, показал, что основной причиной устройства этой оборонительной линии по ее исторической трассе было наличие значительного природного основания — протяженных линейных понижений, обводненных или переувлажненных на некоторых участках. В формировании рва линии укреплений Среднего города, вероятно, «приняли участие» участки летописной Лужи (Лужищи) и ручей, берущий начало в районе церкви Покрова Богородицы на территории Нового Торга, трансформированный затем в р. Зрачку, и овраг (или балка) бокового вреза в склоне надпойменной террасы в районе Мстиславской башни. Анализ особенностей рельефа в районе напольной границы Среднего города показывает, что иных вариантов прохождения линии укреплений у строителей фактически не было.

Несомненно, что развитие псковской крепости периода средневековья, прежде всего, было связано с ростом посада. При этом планирование конкретных трасс возведения укреплений помимо рельефа местности учитывало еще целый ряд факторов. Роль каждого из них имела различное значение как на отдельных пространственно-топографических отрезках, так и для времени возведения фортификаций.

Например, при рассмотрении линии более поздних укреплений Окольного города центральной части Пскова обращает на себя внимание то, что подавляющая часть некогда пригородных монастырей оказалась включенной в охраняемые городские пределы. При этом совпали обстоятельства того, что монастыри, как правило, изначально создавались на повышенных местах, к которым впоследствии тяготела и крепостная стена. Поскольку возвышенности и низины территории древнего Пскова имели взаимоотносительный характер, то у основания возвышенностей существовали пониженные участки рельефа, становившиеся основой предстенных рвов.

Помимо стремления, вероятно целенаправленного, взять пригородные монастыри под защиту крепостных стен, уже имел значение и другой фактор. С наступлением эпохи огнестрельного оружия фортификаторы не только использовали оборонительные свойства рельефа для повышения неприступности своих крепостей, но и более внимательно относились к условиям, в которых должен был оказаться потенциальный противник, подошедший под стены города. Крайне неблагоприятным обстоятельством являлось наличие возвышенностей, с которых неприятель мог бы вести огонь по участкам, открывавшимся из-за стен, или просто наблюдать за жизнью крепости. Свидетельства внимания, которое уделялось рельефным особенностям не только местоположения самой крепости, но и территориям ее окружения в связи с развитием огнестрельного оружия, мы находим в материалах XVII в., связанных с модернизацией Можайского Кремля (Сергеева-Козина, 1952. С. 347—362). Московское правительство, контролировавшее усовершенствование крепости, требовало от руководителя работ Б. М. Лыкова, помимо исполнения всего плана

в целом, предоставить детальный ответ, в какой мере и откуда видна внутренняя площадь новой крепости. Этому был посвящен целый раздел в отчетной росписи: «Роспись горам, с которых видеть в город и через которую городовую стену и в скольких саженях» (Там же. С. 359). Для минимизации опасности со стороны потенциального противника в таких случаях производились специальные работы: вертикальная планировка «проблемных» участков местности, увеличение высоты и толщины стен и др.

Вероятно, для строителей стены Среднего города «доартиллерийской эпохи» эти проблемы еще были не столь актуальны, с учетом господствовавшей тактики осады крепостей. Хотя следует отметить, что «в город» были взяты и Васильева и Незнанова горки, на которых несколько позднее появились одноименные башни.

В крепостях конца XIII — XIV в. особое внимание уделялось приступным стенам, перед которыми всегда существовали естественные или устраивались искусственные преграды (*Косточкин*, 1962. С. 182), затрудняющие использование осадной техники. В нашем случае такой преградой служили низина и примыкающая к ней возвышенность (Романиха), которая затрудняла монтаж и использование стенобитной техники перед фронтом стены 1374/75 г.

Итак, основными причинами создания новой напольной стены древнерусской псковской крепости являлись рост посада и, вероятно, необходимость развития системы обороны городского ядра — Крома — через расширение укрепленных территорий, служащих дополнительными преградами в случае прорыва врага за внешние городские стены. Ярко выраженным естественным основанием для строительства новой напольной линии стала система пониженных и обводненных участков природного рельефа. Помимо этого, на участке в районе Романовой горки требовал учета еще один фактор — Ново-Вознесенский монастырь. Эту особенность расположения монастыря первой отметила И. К. Лабутина — он самый приближенный к центру Пскова из монастырей Полоница (*Лабутина*, 1985. С. 235). На момент строительства каменной стены в конце третьей четверти XIV в., вероятно, это была единственная пригородная обитель, вопрос о включении которой в укрепленные пределы посада мог рассматриваться как реальность.

Если мы соглашаемся с предложенной трактовкой записи в Шестодневе, то можно предположить, что у строителей каменной стены было два выбора, имевших различные последствия:

- 1) отклониться от уже существовавшей деревянной линии укреплений, взяв монастырь под защиту городских стен;
- 2) проложить новую каменную ограду посада вдоль старой деревянной стены, оставив Новое Вознесение на незащищенной территории, в непосредственной близости от защищенных городских пределов.

Так почему же псковичи не взяли Новое Вознесение в пределы города?

В первом случае имелось слишком мало природных оснований в рельефе для отклонения от очень удобного для устройства фортификаций линиамента «Зрачка» и строительства оборонительной линии на территориях, находящихся к юго-востоку от рва стены 1374/75 г. Если бы стена «взобралась» на Романову горку, пришлось бы вручную рыть предстенные укрепления. В псковской практике строительства крепостей всегда максимально использовались широко распространенные на территории города существующие природные низины. Летописи Пскова, в отличие от Новгорода, ничего не сообщают о «рытье» рвов, а лишь констатируют их наличие.

Строительство «с учетом монастыря» стало бы значительно более трудоемким и затратным. К тому же стена значительно «опередила» бы внешние границы роста посада, в чем, вероятно не было необходимости. Локальное отклонение линии стены от относительно прямой трассы, некий выступ для «охвата» монастыря, также был невозможен. Городские фортификации этого времени строились по кратчайшей траектории.

При втором решении максимально использовались оборонительные свойства рельефа, значительно экономились ресурсы и время. Братия монастыря в случае опасности, несомненно, находила защиту в стенах города, а может быть, и сам монастырь переносился в город на время осады, на специально отведенные участки, как это было в XVI в. с Сергиевской с Залужья (Киселев, 1999. С. 105) или св. Духа со Усохи и Иоанна Милостивого (Лабутина, 2011. С. 248) обителями.

Таким образом, вопрос о котором «гадали» псковичи, действительно был важным и неоднозначным, с учетом всех приведенных наблюдений. Победил более прагматичный подход, связанный с наименьшими временными, финансовыми и ресурсными затратами.

Литература

Киселев Ю.Н., 1999. Хозяйственная деятельность Сергиевского монастыря с Залужья // Древности Пскова: Археология, история, архитектура. Псков.

Косточкин В.В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII— начала XVI веков. М. *Лабутина И.К.*, 1985. Историческая топография Пскова XIV–XV вв. М.

Лабутина И.К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М.

Малышева А.В., 2010. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М.

Мусин А.Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.

Насонов А.Н., 2003. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М. Т. V. Вып. 1.

 Π Л, 1941 — Псковские летописи / Публикация А. Н. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. І.

ПЛ, 1955 — Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. II.

Покровский А.А., 1916. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.

ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.

ПСРЛ, 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.

Сергеева-Козина Т.Н., 1952. Можайский Кремль 1624–1626 гг. (опыт реконструкции) // МИА. № 31: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. М.

- Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). М., 2008. Т. VIII.
- *Столярова Л.В.*, 1999. Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI–XVII вв.). М.
- Столярова Л.В., 2000. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.
- Татарников О.М., Вязкова О.Е., Яковлева Е.А., 2003. Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова // Псков в российской и европейской истории. М.
- *Творогов Л.А.*, 1963. О датировке двух памятников псковского зодчества // Архитектурное наследство. М. Т. 16.
- Яковлева Е.А., Татарников О.М., 2011. Природные условия древнего Пскова и их влияние на развитие средневекового города (по археологическим данным) // Тр. III (XIX) Всерос. АС (Великий Новгород Старая Русса). СПб.; М., Великий Новгород. Т. II.

Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. в свете ливонских документов из иностранных архивов

M.B. Bessudnova. Pskov-Livonian negotiations of the 1472–1474 on the basis of the Livonian documents from foreign archives

Abstract. Russian-Livonian negotiations of the 1472–1474 were aimed to prolong the peace treaty and took place in conditions of sharp deterioration in the political situation in Livonia, caused by the conflict between the Livonian Order and the local bishops. In order to gain concessions from Pskov, supported by the Grand Duke of Moscow Ivan III, Master Berndt von der Borch intended to demonstrate the unity and fighting capacity of the Livonian states, but the bishops who did not wish the Order strengthening, did not accept this program and started separate negotiations that led to the signing of the peace treaty disadvantageous for Livonia.

Ключевые слова: русско-ливонские отношения, Ливонский орден, Псков.

В 1472 г. возобновились русско-ганзейские переговоры о подписании очередного торгового мира, прерванные в 1468 г. Ганзейцы ожидали, что русская сторона будет затягивать подписание нового торгового мира, поскольку русские купцы и без него имели возможность торговать с Западной Европой при посредничестве Нарвы и шведских городов, а также некоторых городов «заморской» Ганзы. Подобные действия вызывали у ливонских бюргеров, терявших доходы от посреднической торговли, чувство глубокого недовольства, и они настойчиво рекомендовали руководству Ганзы пресекать их, чтобы «можно было наилучшим и скорейшим образом прийти к подписанию мира с русскими» (НR, 1890. № 583).

Нескрываемую заинтересованность в возобновлении торгового мира с Ганзой проявлял Великий Новгород, обеспокоенный длительным перерывом в деятельности Немецкого подворья, пустовавшего с 1468 г., поскольку это грозило перемещением основного русско-ганзейского грузопотока из Новгорода в другие населенные пункты, в частности Псков. В начале весны 1472 г. новгородцы направили «великое посольство» («mercklike bodeschop») к ливонскому магистру (1471−1483) Берндту фон дер Борху с предложением мира («se fredes begerende syn») и просьбой о посредничестве в переговорах Новгорода с Ганзой. Такое же обращение они адресовали дерптскому епископу, которого посетили в конце апреля 1472 г. Магистрат Дерпта со своей стороны поддержал идею мира, но лишь на условиях сохранения «Нибурова мира» 1392 г., в то время как Новгород стремился возобновить последнее «крестоцелование» 1466 г. (НR, 1890. № 583−585).

Обращение новгородцев к ливонским государям имело смысл. В 1473 г. истекал срок действия 25-летнего мирного договора, заключенного в 1448 г. между Новгородом и Псковом с одной стороны, Ливонским орденом и епископом Дерпта — с другой, и его предстоящая пролонгация вынуждала заинтересованных в ней ландсгерров принять позицию новгородцев в «делах торговли» (которые, к слову сказать, ни магистра, ни дерптского епископа напрямую не касались). Нет сомнения, что новгородцы предполагали в ходе предстоящих переговоров объединить обсуждение дел государственных или «земских» («van allen lant zacken») и вопросов, связанных с торговлей («van allen sacken unde dingen der coppenschop»), но, судя по отсутствию дальнейших упоминаний, никакого конструктивного решения по этому поводу принято не было.

Отсутствие официальных соглашений в «делах торговых» хоть и провоцировало напряженность, но торгового обмена не прекращало. В «делах земских» же невозобновление мирных соглашений в любой момент грозило обернуться межгосударственным конфликтом и даже войной. По истечении 25-летнего перемирия с Новгородом и Псковом в августе 1473 г. Ливония могла оказаться в таком положении. Малая результативность новгородско-ганзейских переговоров 1472 г. делала необходимым участие ландсгерров, в ведении которых находились «земские дела», и особенно магистра Ливонского ордена, который как главнокомандующий вооруженных сил Ливонии располагал правом решающего голоса в вопросах войны и мира.

По свидетельству 3-й Псковской летописи, обсуждение условий мирного договора предполагалось начать 8 сентября 1472 г., однако магистр Берндт фон дер Борх сорвал переговоры, отказавшись прислать в Псков своих представителей: «прислал князь местерь съ ответом посла своего въ Псковъ, что ныне князю местеру недосоугь, на съездъ не быти, ни людеи своихъ так же не слати» (ПЗЛ, 1955. С. 188, 189). Псковичи сочли это оскорблением, а потому посланцев, доставивших им эту весть, бросили в тюрьму. Оттуда их освободили за выкуп ливонские послы, прибывшие в Псков на Пасху 1473 г. (Там же. С. 193). Этот эпизод, как и весь последующий ход русско-ливонских переговоров 1472–1474 гг., о которых российские исследователи знают главным образом из летописных свидетельств, существенным образом проясняет ливонская документация из ряда зарубежных архивных собраний — Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине (GStA РК), Таллинского городского архива (TLA), Латвийского государственного исторического архива (LVVA) и Гданьского государственного архива (APG). С зарубежным материалом, касающимся русско-ливонских отношений 70-х-80-х гг. XV в., в настоящее время успешно работает магистрант берлинского Свободного университета А. Баранов (2013), наблюдения которого мы постараемся дополнить новыми смысловыми нюансами.

Знакомство с орденской документацией позволяет объяснить поведение магистра осенью 1472 г.: ему и впрямь было «недосуг» заниматься псковскими делами, поскольку тогда он вплотную занимался урегулированием противоречий с Великим княжеством Литовским (ВКЛ) по поводу размежевания ливонско-литовской границы, которое увенчалось подписанием «вечного»

(бессрочного) мира с Литвой 7 июля 1473 г. (*Dogiel*, 1759. № 82. S. 142). Помимо этого, начиная с осени 1472 г. Борх готовился к решающей схватке с рижским архиепископом Сильвестром Штодевешером (1448–1479), который активно противодействовал его планам, направленным на установление зависимости ливонского епископата от ордена (*Kröger*, 1930. S. 227). Надо отметить, что подобная перестройка политической структуры Ливонии была невозможна без санкции Рима, а потому Борх должен был заблаговременно озаботиться легитимацией своих властных претензий и, в частности, обоснованием прав ордена на рижскую епархию. Для подобных целей, как свидетельствует ситуация конца 1470-х гг., магистр использовал ссылку на угрозу со стороны «русских схизматиков», которым потворствует архиепископ Сильвестр, и на готовность Ливонского ордена в случае поддержки со стороны римской курии содействовать их обращению к истинной вере (*Neitmann*, 1991. S. 112–114). Возможно, в процессе оформления этого концепта определенную роль сыграла надежда на скорый переход московского «короля» Ивана III (1462–1505) в католичество, которая появилась у папы Сикста IV (1471–1484) в связи с замужеством Зои Палеолог, в 1472 г. торжественно препровожденной через Ливонию в Москву. К тому же «крестоносный» флёр, в который облекалась внутренняя политика Борха, сулил ордену еще и финансовые выгоды, поскольку позволял претендовать на папское «отпущение» («applaß») и процент от продаж «крестоносных» индульгенций, дабы орден мог, говоря словами магистра, «вновь проповедовать крест против русских и всех прочих, которые совершают нападения на орден» (GStA PK. XX. HA. OBA № 16422).

В целом «русский вопрос», помещенный в контекст ливонских реалий 1472-1473 гг., обещал принести Ливонскому ордену неплохие дивиденды и содействовать повышению его авторитета внутри страны и за ее пределами, но переходить к вооруженной конфронтации с русскими землями магистр тогда вряд ли собирался. Уладив дела с Литвой, он приступил к переговорам о продлении мира с Новгородом и Псковом. Переговоры предполагалось начать в середине июля 1473 г.: «а о земли и о воде, еще и обо иныхъ обидныхъ делех, срокъ съ Псковом от князя местера положилъ, что о всем томъ сьездоу быти на обе половине за 2 недели по Петрове дни разговенье» (ПЗЛ, 1955. С. 193). Однако положение дел в самой Ливонии вновь внесло коррективы в эти планы. 20 июля магистр встретился с архиепископом Сильвестром в Трейдене (Турайде) для обсуждения взаимных претензий, а также для заключения соглашения о совместных действиях на случай неудачи переговоров с русскими и начала войны с Псковом. В тот же день архиепископ писал в Ригу: «Не сомневаемся, что вам хорошо известно о том, что перемирием между этими (ливонскими) землями и отступившими от святой христианской веры русскими, а именно псковичами (*«Pleszkaweren»*), в скором времени истекает. Нам известно, что эти псковичи усиливаются день ото дня, вознамерясь напасть на эту страну Ливонию, разорить ее и погубить. А потому мы с высокочтимым господином магистром Немецкого ордена в Ливонии и некоторыми его гебитигерами договорились в Трейдене, что одна часть <страны> окажет поддержку и помощь другой в том случае, если, не приведи Господь, эти самые псковичи не захотят и на некоторое время продлить и дальше соблюдать указанное перемирие. А потому мы написали нашему капитулу, всем нашим людям (*«manschop»*), должностным лицам, вассалам и подданным, чтобы каждый с кнехтами, вооружением, лошадьми и всем, что необходимо в походе, был готов, когда мы ему *после первого послания напишем*, отправиться туда, куда мы решим и прикажем, чтобы следовать за нами или за тем, кому мы вверим наш город <Pury>» (LVVA. 223. F. 1. Apr. 21. l. № 46).

Обращает на себя внимание нарушение старинной традиции, согласно которой приказ о созыве ополчения, или «малёвы» («malwea», «malawe», «malowe», «malwe»), в случае угрозы внешнего нападения отдавал не архиепископ, а магистр Ливонского ордена, который затем отправлялся в поход, как тогда говорили, «со всею землею Ливонской» («cum tota terra Livoniae»). Служба в ополчении считалась государственной повинностью и, подобно налогам, начислялась с земельных держаний, вследствие чего подавляющее число военнообязанных составляли вассалы ландстерров и жившие на их землях крестьяне из числа «не-немцев», снаряжавшиеся землевладельцем. Мобилизация осуществлялась в два этапа: сначала появлялось «первое послание» магистра, служившее сигналом к всеобщей боевой готовности. Получив его, все военнообязанные должны были вооружиться и прибыть в место сбора. «Второе послание» означало начало боевых действий (Sennig, 1932. S. 42, 43).

Обращение Сильвестра к рижанам по сути своей подменяло «первое послание», а также противоречило духу Кирххольмского договора 1452 г., согласно которому Рига подпадала под совместное правление архиепископа и ордена. Заключительная часть письма не оставляет сомнения в том, что предполагаемая война с Псковом была использована архиепископом для демонстрации себя в роли истинного ландсгерра Риги: «В силу того, что вы находитесь на территории нашего княжества и ваши предки со времен начала этой земли и до сих пор всегда следовали в походах за моими предшественниками, честными, истинными и естественными <вашими> государями, а также <в силу того, что вы являетесь> честными подданными святой Римской и нашей Рижской церквей, и как упомянутый господин магистр написал и сообщил нам, и вы высказали то же самое, что вы сохранили наши и нашей церкви права в том соглашении и письменном обязательстве, которое вы заключили, подписали и скрепили печатями с вышеупомянутым господином магистром и его орденом, мы, князь Священной империи, земли Ливонии и т.д. и ваш естественный истинный государь, призываем и требуем, повелеваем и просим, чтобы вы или некоторые из вас, по мере сил и возможностей, служили <нам> и отправились в поход вместе с кнехтами, лошадьми, доспехами и одеждами, если мы вам сообщим и напишем о том, что вы должны следовать <за нами> в готовности и порядке под нашим, нашего княжества и этой земли знаменем, как от начала этой земли поступали ваши предки, защищая христианскую веру» (LVVA. 223. F. 1. Apr. 21. l. № 46).

Множественность демагогических приемов, рассчитанных не на внешнего противника, а на ливонцев, позволяет увидеть в послании архиепископа продукт ливонской внутриполитической борьбы, хотя одновременно его

содержание отражает и крайнюю напряженность хода русско-ливонских переговоров летом 1473 г. Камнем преткновения, без сомнения, являлись «земля, вода и рыбные ловли», перешедшие Пскову по условиям мирного договора 1463 г., которые ливонские ландсгерры считали незаконно аннексированными. Г. Козак предположил также, что магистр Борх добивался заключения с Псковом не временного перемирия, а «вечного» мира, подобного тому, что он заключил с ВКЛ (*Cosack*, 1914. S. 205). Возможно, именно это имел в виду псковский летописец, когда писал, что «князь местеръ с Псковом и перемирья не емлеть *по срочныхъ летехъ*» (ПЗЛ, 1955. С. 193). Н. А. Казакова, заметим, усмотрела в том «прямой отказ посла магистра возобновить мир» (*Казакова*, 1975. С. 148).

В реальности же серьезность положения Ливонии в конце лета 1473 г., возникшая в связи с мятежом братьев фон Херзе, которых поддержали фогт Нарвы Вальгартен и датский правитель Готланда Ивар Аксельссон (Баранов, 2013. С. 139–141), отнюдь не благоприятствовала началу внешней войны, а потому магистр, приняв меры на случай вооруженного конфликта с Псковом, еще раз попытался возобновить мирные переговоры. По его просьбе в конце лета 1473 г. епископ Дерпта Иоганн Бертков направил в Псков некоего Ганса Харпена, но вести, которые тот доставил по возвращении, оказались крайне тревожными: «Они (псковичи) хотят придерживаться (мира) еще четыре недели, которые истекают через восемь дней в следующее воскресенье (12 сентября), а затем не желают больше с нами никакого мира» (TLA. 230. BB 24 III. Fol. 56). Получив это известие, магистр принял его всерьез и поспешил созвать в Трейдене ландтаг для его обсуждения. 1 сентября послание псковичей было оглашено, после чего магистр заявил, что воспринимает его как объявление войны («apenbar orlege»). К великому сожалению, мы не располагаем русским текстом псковского послания, а потому не можем с уверенностью говорить об объективности подобной оценки. Однако единодушие, с которым участники совещания, включая явно не симпатизировавшего Борху архиепископа Сильвестра, восприняли его слова, может служить косвенным доказательством ее обоснованности.

Делегаты Ревеля в этой связи писали, что имели с магистром разговор о предстоящей кампании и предложили ему по причине осенней распутицы перебросить войска из Северной Эстонии к псковской границе через Чудское озеро («Peybes»). Магистр ничего определенного не ответил, но ратманы Дерпта («heren van Darpte») поддержали эту идею, заверив ревельцев, что «хотят предоставить нам для нашего войска столько судов, сколько бы нам ни понадобилось». За 10 дней до истечения срока перемирия (2 сентября) магистр, ссылаясь на отказ псковичей возобновить мир и на вероятность их нападения на Ливонию, объявил в стране полную боевую готовность: «Мы усиленно желаем, чтобы вы, особо любезные и верные <подданные>, были бы готовы со всем снаряжением для конного похода («reisigem tuge»), чтобы, как только мы вам вновь напишем, вы могли бы оказать нам и этой стране действенную и спешную помощь и оказать сопротивление <врагу>» (TLA. 230. ВВ 24 III. Fol. 56). Это было «первое послание», пролог к надвигавшейся войне.

Перспектива близкой войны, таким образом, обозначилась в сознании ливонцев совершенно отчетливо.

В Пскове, думается, царили подобные же настроения. В августе 1473 г. местные власти обратились за военной помощью к великому князю Московскому Ивану III, но их просьба осталась без ответа. На повторную просьбу московский государь ответил, что пошлет Пскову войска, но только в том случае, если первыми нападение произведут ливонцы («аже васъ почнуть Немцы») (ПЗЛ, 1955. С. 193, 194). Создается впечатление, что псковичи, после того как их переговоры с ливонскими ландсгеррами зашли в тупик, сделали ставку на помощь Москвы, получив, скорее всего, тому какие-то гарантии. Во всяком случае, ультимативный тон, который они избрали для общения с ливонцами в конце лета 1473 г., заставляет предполагать наличие у них серьезного козыря. Какой же шок они должны были испытать при известии об отсутствии помощи из Москвы, которое было получено, когда механизм уже был запущен и на ливонской стороне полным ходом шли военные приготовления. Псковичам ничего не оставалось, как снова припадать к стопам великого князя и молить его о милости, ибо иного варианта спасения у них не было. Что и говорить — являться миру в образе вершителя судеб Державный любил! Если же вспомнить о его «профессиональном цинизме» (Борисов, 2006. С. 266), позволявшем ему легко отказываться от своих слов, то представленная выше ситуация (прямо скажем, имплицитная), вполне могла иметь место. Логика во всем этом была поистине «державная»: Господину Пскову нужно было учиться сгибаться в раболенном поклоне и усваивать мысль, что без московского государя он не может за себя постоять.

Так или иначе, но в начале осени отношения ливонцев с Псковом накалились до предела. Помощи в организации отпора врагу просила Нарва, где почти не было солдат («van volke gantz swack in unser stadt»), и ратманам пришлось просить у Ревеля разрешения мобилизовать ревельских купцов, чьи товары складировались в Нарве (TLA. 230. BD 8 II. Fol. 1). Неизвестно, было ли дано такое распоряжение, но пушки Ревель Нарве прислал (Ibid. Fol. 2). Ходатайство ратманов поддержал нарвский фогт Вальгартен, уточнивший, что гарнизон крепости нуждается в пополнении 50–60 солдатами, которых ревельцы должны были содержать за свой счет (TLA. 230. BB 52 I. Fol. 55), и ревельский комтур направил в Нарву испрошенное подкрепление (TLA. 230. BB 52 IX. Fol. 25). Небезынтересно в этой связи отметить, что фогт Нарвы Вальгартен, при всей своей неприязни к магистру Борху, признавал его заслуги в деле укрепления орденских замков в зоне русско-ливонского порубежья (TLA. 230. BB 52 I. Fol. 55).

Впрочем, далеко не у всех ливонцев активность магистра вызывала одобрение. Особую позицию занял Дерпт и его епископ: «Когда господин магистр указанным образом со всей своей орденской землей и своими гебитигерами находился в состоянии боевой готовности против русских и находился в большой заботе по поводу обороны страны, и когда всех объединяла мысль о походе на Псков, в городе Дерпте появилась и стала распространяться о том выдумка (*gedichtede*), лживая сплетня, будто господин магистр и орден намереваются

напасть на них и отвоевать у них город. Они взяли свои пушки и все вооружение (*«geretschop»*) со своих шнеков, на которых должны были плыть в Пейпус против русских, и расположили их на своих башнях и стенах против господина магистра, в намерениях которого, однако, в то время только было желание производить с них взимания на войско, что в конце концов шло во благо христианству, его ордену и дерптской церкви, чтобы, не щадя жизни и имущества, вернуть обратно землю его ордена, воду и рыбные ловли, отторгнутые у него русскими. Злобные, ложные выдумки такого рода, которые только попустительством Божьим можно было принять за правду, обернулись для господина магистра нехваткой денег и военной силы, а потому потребовал <возмещения> ущерба своего ордена с города Дерпта» (АРG. 300 D 9. № 240. S. 3).

В начале октября власти Пскова снова снарядили посольство в Москву и убедительно просили Ивана III, чтобы «князь великои любо сам на конь оуссель, любо сына послаль за домъ святыа Троица» (ПЗЛ, 1955. С. 194), и на этот раз великий князь послал в Псков свои полки. Это была внушительная сила, в составе которой находились отряды из 22 русских городов — Ростова, Дмитрова, Юрьева Польского, Мурома, Костромы, Коломны, Переславля и др. Главным воеводой был назначен выдающийся русский полководец князь Даниил Дмитриевич Холмский. Начало похода ожидалось с наступлением первых морозов, которые должны были сковать льдом разбухшие от осенней слякоти дороги и обеспечить передвижение войск. Однако теплая погода сорвала эти планы: «И как приехала сила великого князя, Богъ поусти тепло, и снегь съиде, и вода розлися по болотом и по роучьемь <...>. И не бе лже никако поити великого князя силе, ни Псковоу в Немецкоую землю: ни себе, ни конемъ не оумети кормоу провадити никако» (ПЗЛ, 1955. С. 195, 196).

Появление в Пскове большого войска всерьез испугало дерптского епископа Иоганна Берткова, владениям которого готовящееся русское наступление угрожало в первую очередь, и он начал склоняться к мысли о необходимости скорейшего заключения мира с псковичами. В этом он нашел поддержку рижского архиепископа Сильвестра, который вновь начал интриговать против Ливонского ордена, в то время как магистр Борх «находился в сильно затруднительном положении из-за Пскова». В декабре 1473 г. на очередном ландтаге архиепископ настаивал на необходимости скорейшего подписания мира с русскими (APG. 300 D 9. №. 240. S. 3), в чем его поддержал посланец верховного магистра Рихтенберга Эберхард фон Ментцинген. В своем обращении к собранию последний обрисовал положение Ливонии следующим образом: «Я пересек верхом эту страну вдоль и поперек и хорошо рассмотрел, что она настолько ослаблена и, к сожалению, как всюду в стране, так и вокруг, мы имеем врагов, русских и датчан (*«Denen»*), и я озабочен тем, что положение настолько тяжелое, что ей, вероятно, не под силу направить в поход и 400 всадников ($*ob\ ir$ muchtet 400 pferdt ins felt brengen»)» (GStA PK. XX. HA. OBA № 16522). Далее следовала рекомендация магистру «обсудить с вашим советом, как с русскими, которые намереваются пойти против вас войной здесь в стране, можно было бы заключить перемирие». Та же мысль содержалась в послании Рихтенберга Борху (Ibid. № 16450). «Сословия» приняли сторону дерптского епископа

и решили, «что надо быть готовыми подписать соглашение с русскими от имени всей страны (*«myt der macht des gantzen landes»*)» (APG. 300. D 9. № 53). Борх, который собирался сопровождать переговоры демонстрацией военной силы, не был доволен принятым решением (Ibid. № 240. S. 3).

Между тем архиепископ Сильвестр, чтобы сдержать не в меру активизировавшегося магистра, склонил дерптского епископа Иоганна к сепаратным переговорам с Псковом. 24 декабря его послы появились в Пскове с предложением мира. «И когда господин князь и начальники Пскова спросили дерптских послов, являются ли господин (епископ) Дерпта и господин магистр друзьями и действуют ли заодно, послы ответили, что те не имеют между собой ничего общего и что господин магистр действует сам по себе, так же как и господин (епископ) Дерпта. И они хотели заключить с Псковом особый мир, и русские очень обрадовались, когда услышали, что Дерпт полностью отделил себя от ордена» (Ibid. № 53).

Впоследствии Борх напишет, что при известии о том он испытал страх и направил к епископу Дерпта своего переводчика Генриха Фогелера, «чтобы самым дружеским образом просить и предложить ему, если тот пребывает в желании заключить мир с русскими, сперва соизволил благожелательно размыслить о том, все ли обещания, содержащиеся в более ранних договорах с ним (магистром) и с его орденом, тем самым получат подкрепление etc., и воздержаться от этого (сепаратного мира) на длительное время» (Ibid. № 240. S. 3). Магистр был убежден, что решение о посольстве в Псков и заключение мира должны производиться «с согласия всей страны», поскольку «решение о заключении мира той или иной (ливонской) землей или о войне с русскими одним голосом не принимается», но епископ ответил, что он, как подобает пастырю, действует в интересах своих подданных, которым он обещал направить посольство в Псков. Действительно, в одном из посланий дерптского магистрата говорится, что «решение (о начале переговоров) было принято единогласно советом и обеими гильдиями, с которым мы промеж себя полностью согласны, как и наш почтенный господин (епископ) Дерпта, и высокоуважаемый господин магистр не должен ничего делать». Епископ, правда, заверил магистра в том, что считает свою миссию лишь началом переговорного процесса, а потому будет «готов все это предоставить под начало господину магистру и его гебитигерам, согласно воле господина рижского архиепископа, чтобы уже названное посольство в Псков могло бы добиться продолжения переговоров от имени всей страны» (APG. 300 D 9. № 240. S. 3).

Борху, таким образом, не оставалось ничего другого, как смириться с утратой роли политического лидера, представлявшего интересы всей Ливонии на переговорах с русскими государствами, и следовать путем, предложенным его политическими соперниками. 2 января 1474 г. его представители, в свою очередь, явились в Псков, имея указание заключить мир на тех условиях, которые им будут предложены псковичами. Спустя всего пять дней, 7 января, договор о сохранении 20-летнего мира между Псковом и Ливонским орденом, названный в честь Даниила Холмского «Данильевым миром», был утвержден «на всей воле Псковской» (ПЗЛ, 1955. С. 196).

Литература

- Баранов А., 2013. Магистр Ливонского ордена Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутриполитических отношений (1471–1474) // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- Борисов Н.С., 2006. Иван III. М.
- *Казакова Н.А.*, 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV начало XVI в. Л.
- $\Pi 3 \Pi$, $\Pi 2 \Pi$ Псковские 3-я и 2-я летописи // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
- Cosack H., 1914. Zur Geschichte der auswärtigen Verwirklichungen des Ordens in Livland 1478–1483 // Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Riga.
- Dogiel M., 1759. Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae. Vilnae. Bd. 5.
- HR Hanserecesse, 1890. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 2. Bd. 6. München [u. a.].
- *Kröger G.*, 1930. Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 24.
- Neitmann K., 1991. Um die Einheit Livlands: Der Griff des Ordensmeisters Berndt von dem Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 // Deutsche im Nordosten Europas. Köln.
- Sennig A., 1932. Beiträge zur Heeresverfassung und Kriegsführung Altlivlands zur Zeit seines Untergangs. Jena.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Х. Валк

Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии

H. Valk. Stone fortifications of Izborsk hillfort: from the Estonian perspective

Abstract. The article discusses the limestone fortifications of Izborsk hillfort (the $7/8^{\rm th}-13^{\rm th}$ cc.) against the background of contemporaneous hillforts of Estonia, presenting parallels in terms of changes in the size of fortifications, as well as in the using of dry wall techniques — for building ramparts, gates and hidden passages. Enclosing the hillfort plateau of Izborsk at ca. 1100 AD by a stone rampart fits timely well with the reconstruction of Estonian strongholds with such fortifications. The fortification traditions of Izborsk hillfort represent those of the limestone area of the Baltic Sea region.

Ключевые слова: городища, терминология, оборонительные сооружения, коммуникация, Изборск, Эстония.

Городище Изборск, расположенное в зоне контактов между разными этносами, — крайне важный памятник в контексте археологии как России, так и Эстонии. По размерам и мощности культурного слоя с ним в одну «весовую категорию» в радиусе 120 км входят лишь городища Отепя и Тарту на территории Эстонии и городище Алуксне на территории Латвии. На территории России к группе «больших близких» относится только Псковское городище, которое расположено на более выгодной позиции, в системе путей дальней коммуникации.

Исходной точкой для настоящей статьи стал возникший вопрос, почему в сборнике «Setumaa» слову «стена» в контексте каменных оборонительных сооружений Изборского городища (рис. 1) автор публикации предпочел слово «вал» (Valk, 2009. Jn/Puc. 6). Этот вопрос привел к терминологической дискуссии с коллегами, а также к рассмотрению городища Изборска на широком фоне городищ Эстонии.

Прежде всего определим термины. В археологической терминологии, используемой в Эстонии, слово «стена» в контексте каменных оборонительных сооружений сухой кладки обозначает ограду, строительная технология которой основана не на засыпке материала, а на кладке камней. Точные пропорции ширины и высоты не определены, однако высота «стены» значительно больше ее ширины. «Стена» (эст. *müür*) может быть построена с применением известкового раствора, а также сухой кладкой (*kuivmüür*).

Слово «vall» обозначает сооружение, состоящие в основном из засыпки — земли, щебня, песка, гравия, булыжников или кусков плитняка. Чтобы избежать распада и увеличить угол стены, т.е. прибавить вертикальность, вал может

126 X. Валк

Рис. 1. Оборонительное сооружение Изборского городища (*Седов*, 2007. Рис. 154). Стена или вал?

быть облицован с обеих сторон либо деревянной стеной, либо каменной кладкой. Там, где распространен известняк, такие обкладки обычно делали из плитняка — доступного и легко обрабатываемого материала. Содержание терминов «vall» и «вал», таким образом, одинаковое. Разница возникает, если вал имеет облицовку. В таком случае в русской терминологии «вал» становится «стеной», даже «крепостной стеной» (Седов, 2007). В настоящей статье автор использует термины в привычном для него смысле. Предпочтение слову «вал» в местах, где, может быть, привычнее видеть слово «стена», никак не претендует на «деградирование» оборонительных сооружений определенного типа, а основано на стремлении заполнить термины конкретно определенным содержанием.

* * *

В общем контексте древнерусских городищ каменные оборонительные сооружения Изборска имеют довольно редкий характер. Так как Изборск расположен в ареале, где геологическую основу составляет известняк, они сооружены из плитняка. В Эстонии, где известняк выходит в северной и западной частях страны (рис. 2, 7), являясь в этих ареалах доступным строительным материалом, городища с плитняковыми оборонительными сооружениями многочисленны¹. Характер строительного материала, а также факт, что низовья р. Великой и большая часть Печорского края / Сетумаа связаны с побережьем Северной и Западной Эстонии посредством большого водного пути по Чуд-

¹ Общий обзор городищ Эстонии представлен в диссертации Эвалда Тыниссона (1987; 1988) и в его монографии (*Tōnisson*, 2008). Приложением к этой книге является каталог городищ вместе с библиографией.

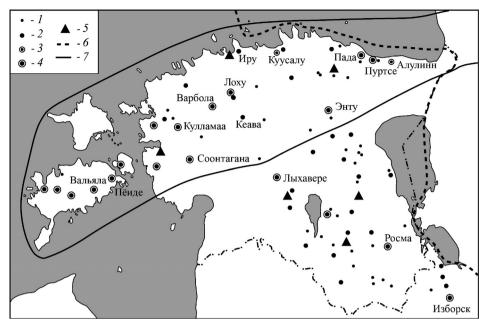

Рис. 2. Городища Эстонии конца I — начала II тыс.

1 — городище эпохи викингов; 2 — городище XII—XIII вв.; 3 — городище эпохи викингов с кольцевым валом; 4 — городище XII—XIII вв., с кольцевым валом; 5 — городище XII—XIII вв., уничтоженное замком, предположительно с кольцевым валом; 6 — водный путь центрального значения; 7 — ареал выходов известняка. Городища, упомянутые в тексте, поименованы.

скому и Псковскому озерам, р. Нарве и Финскому заливу (рис. 2, 6), дают достаточные основания рассматривать плитняковые оборонительные сооружения Изборска в контексте городищ Эстонии.

Из городищ Эстонии конца I — начала II тыс. (рис. 2) научные раскопки известняковых оборонительных сооружений проводились в Куусалу (XI в.) (Schmiedehelm, 1939), Соонтагана (в основном XI–XIII вв.), Иру (IX–XI вв.) (Lang, 1987; 1996. Lk. 56–71), Лоху (XII–XIII вв.) (Тыниссон, 1977), Кеава (IX–XIII вв.) (Lang, 2012. Рр. 14–24), Варбола (XI/XII–XIV вв.) (Тамла, Тыниссон, 1986; 1988), Пуртсе (IX–XIII вв.) (Мяесалу, Тамла, 1983) и на малом (VI–VIII вв.) (Тамла, 1978; 1980. С. 378–380) и большом (XII–XIII вв.) (Тамла, 1980. С. 380, 381; 1984; 1986) городище Пада. Раскопы на городищах Вальяла и Пёиде (оба на о. Сааремаа) расположены поблизости от валов, частично под развалом. Итоги работ на северо-востоке Эстонии подведены в обобщающей статье (Тамла, 1987).

Расположение, объемы и конструкция валов

Изборское городище расположено на остроконечном мысе. Территория городища защищена с напольной стороны мощным валом, высотой ок. 6 м от материка, построенным в четыре этапа (*Седов*, 2007. С. 165–193). В ходе раскопок выявлено, что в конце XI — начале XII в. площадь городища была

128 X. Валк

окружена новым каменным валом (рис. 1), расположенным, в том числе, и на вершине напольного земляного вала (Там же. С. 147–160). Этот каменный вал («крепостная стена»), который состоял из рваного плитняка и щебня и был облицован крупными плитняковыми блоками, до раскопок не был виден. Первоначальная высота ограды, ширина которой в основании от 2,5 до 3–3,2 м, а на вершине большого напольного вала 4 м, неизвестна. Весьма вероятно, что часть материала взята для постройки Изборской каменной крепости на Жеравьей горе, которая основана в 1330 г. (Седов, 2007. С. 147).

Общая планировка городищ Эстонии зависит от рельефа местности. На плоских ландшафтах Западной Эстонии площадь городища окружена кольцевым валом. Если ландшафт позволяет, в известняковом ареале городища расположены на природных возвышениях. Хотя городища с кольцевым валом существовали в Западной Эстонии в эпоху викингов и в более ранние времена (рис. 2, 3), в XII в. кольцевой вал является признаком многих городищ Эстонии большого размера (*Tõnisson*, 2008. Lk. 77–96, 112) (рис. 2, 4). На плоских землях Западной Эстонии объемы кольцевых валов особенно большие. Их высота даже в настоящее время, после разрушения верхней части, достигает 6-7 м. Например, высота большого вала городища Изборск -6 м, высота валов Варбола -7-10 м, на большом городище Лоху -6-9 м, Вальяла -4-7 м. По объему напольные оборонительные сооружения Изборска можно сравнивать с укреплениями западно-эстонских больших городищ с кольцевым валом. По внешнему виду Изборск и эстонские городища могут быть довольно похожими (рис. 3). Из раскопанных городищ Западной Эстонии кольцевой вал Варбола основан, судя по остаткам столба от воротного прохода, не ранее середины XI в. (845±35 BP)², однако культурный слой свидетельствует об интенсивной жизнедеятельности на городище лишь начиная с XII в.

Кольцевые валы появляются с XI—XII вв. и на городищах, расположенных на холмах. В Южной Эстонии конструктивной основой кольцевых валов являются деревянные оградки, заполненные песком, иногда камнями; бревна оградок могут служить и облицовкой вала. В известняковых ареалах валы сооружены из плитняка (иногда и земли). Плитняковые валы могут иметь либо деревянную ограду (Кеава, Соонтагана), либо обкладку из плитняка (см. ниже).

Кольцевой каменный вал высотой до 2,5 м (*Седов*, 2007. С. 150) по периметру Изборского городища напоминает по объему валы поздних «холмовых» городищ Эстонии (Пада, Пуртсе, Варангу, Энту, Росма). Наиболее близкими из городищ известнякового ареала прибережной зоны Финского залива к Изборскому городищу являются большое городище Пада (*Тамла*, 1984; 1986) и городище Пуртсе (*Мяэсалу, Тамла*, 1983). На этих городищах плитняковый вал — в Пада с напольной стороны более высокий и широкий — тоже окружает плато холма. По разрезу вала и по объему развалившейся почвы большого городища Пада (рис. 4) можно судить, что первоначальная высота вала

 $^{^2}$ Основы всех калибровок — OxCal 4.2., IntCal 13 Curve (*Bronk Ramsey*, 2009). Вследствие развития программ калибровки некоторые результаты отличаются от ранее опубликованных.

Рис. 3. Общий вид двух городищ XIII в. Если исключить особенности ландшафта и поздние антропогенные факторы — какое из них Изборск, а какое Вальяла (о. Сааремаа)?

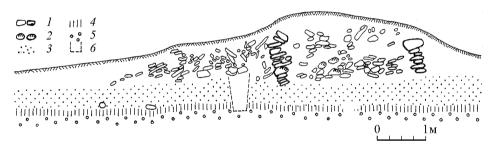

Рис. 4. Разрез кольцевого вала большого городища Пада ($\mathit{Тамлa}$, 1987. Рис. 4) 1- плитняк; 2- гранит; 3- песок; 4- темный культурный слой; 5- чистый песок; 6- столбовая яма.

не превышала 2 м при ширине ок. 3 м в нижней части. Вал построен не ранее конца XI — начала XII в. (калиброванная датировка деревянных конструкций вала — 1045–1285 н.э. (815±60 ВР)). На городище Пуртсе плато окружено кольцевым валом с известняковой обкладкой на обеих сторонах, высотой в настоящее время 1,5–2 м, возведенным, вероятно, во второй половине XII в. Остатки от построек, расположенных за валом и связанных с этим этапом, дали датировку в промежутке 1161–1298 гг. (770±50 ВР). Близко к этим памятникам по общему характеру и городище Кайболово, расположенное в Ингерманландии, ок. 110 км к востоку от Пуртсе, и основанное в середине XII в. Здесь площадь ограждена с напольной стороны валом длиной ок. 180 м и высотой 2–3 м (*Рябинин*, 2001. С. 128–136). Приведенные выше данные намекают на то, что объемы оборонительных сооружений увеличиваются после середины XI, а особенно с XII в.

130 X. Валк

В контексте этой статьи нет разницы, от какого сооружения происходят остатки кольцевого каменного вала Изборского городища — от довольно высокого или от уже первоначально низкого цоколя для деревянных укреплений. Существование такой возможности отмечено как Н.В. Лопатиным (2012. С. 125–127), так и С.В. Белецким³. Так как часть материала, очевидно, убрана, на этот вопрос ответить невозможно. Однако совсем не важно, имеет ли кольцевой вал Изборска параллели в низких кольцевых валах холмовых городищ Эстонии или в более высоких кольцевых валах западноэстонских городищ, имеем ли мы дело с валом или цоколем. Важно то, что параллели из Эстонии имеются из того же временного контекста. В целом эпоха Изборска с «крепостной стеной», т.е. кольцевым каменным валом, соответствует городищам «новой волны» XI—XIII вв. Эстонии — представленным такими мощными укрепленными центрами с кольцевыми валами, как Варбола и большое городище Лоху в Харьюмаа, Вальяла и Муху на Сааремаа, Пада и Пуртсе в Вирумаа.

Во второй половине І тыс. оборонительные сооружения, как в Изборске, так и на городищах Эстонии, еще довольно незначительные. На городищах мысового расположения валом защищена лишь напольная, наиболее уязвимая сторона. Это можно проследить в Изборске, в Иру, в Пуртсе и на малом городище Пада. Общей тенденцией является постепенное увеличение валов в ширину и в высоту. Ширина первого этапа напольного вала Изборского городища -4 м, его высота -0.9 м. На нем построена первая «крепостная стена» шириной 2,6 м, сооруженная из глины и щебня и облицованная с обеих сторон плитняком. Это оборонительное сооружение относится ко времени «догородского поселения», культурный слой которого стал формироваться не позднее VII в. (*Седов*, 2007. С. 73–74, 116). В Иру ширина древнейших песчаных валов неопределима, ширина первых каменных валов (ок. 950-1000 гг.) -2,4и 3,1 м. В Пуртсе древнейший вал имеет ширину 4-5 м. На малом городище Пада ширина древнейшего вала (песок, плитняковая облицовка на внешней стороне; кал. датировка 581–768 / 1370±50 BP) не более 5 м, высота — 1,5-2 м. В І тыс. облицовка вала состоит, как в Изборске (Седов, 2007. Рис. 193), так и на эстонских городищах, из более тонких плит, чем у валов XII-XIII вв. Вал малого городища Лоху с датировкой XII-XIII вв. (1047-1378 / 810±60 BP, $1045-1288 / 790\pm60$ BP) представляет уже более развитую стадию: ширина основы -6-7 м, высота -3-3.5 м, с двухсторонней обкладкой. Таким образом, в ареале известняковых оборонительных сооружений можно проследить общий ритм в изменении объемов.

Плитняковые валы Изборска и городищ Эстонии по характеру разреза, т.е. конструкции, также полностью сходны: заполнение вала из камней или камней и грунта (земли / щебня / песка и т.д.) облицовано обкладкой из выбранных кусков плитняка (рис. 5; 6). Такая же двухсторонняя облицовка, какая встречается в Изборске, в ходе раскопок раскрыта на малом

 $^{^3\,}$ С. В. Белецкий поднял вопрос в 2013 г. на Псковском семинаре, в ходе дискуссии по поводу моего доклада, который является основой этой статьи.

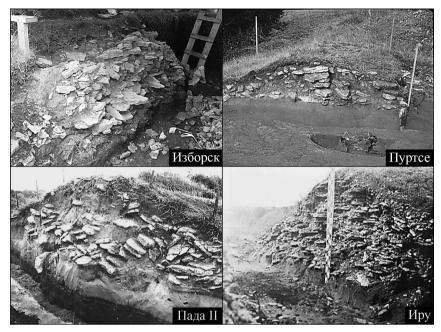

Рис. 5. Разрезы валов городищ XII-XIII вв.

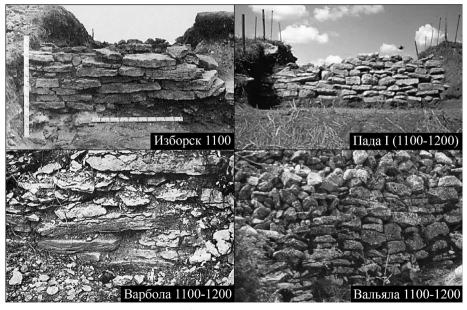

Рис. 6. Каменная облицовка валов городищ XII–XIII вв.

132 X. Валк

городище Лоху, на большом городище Пада, в Варбола, Иру, Куусалу и Пуртсе. Облицовку можно наблюдать в вычищенном виде и в Вальяла и Алулинн (рис. 2).

Из каменных валов, облицованных сухой кладкой, на городищах Эстонии древнейшим является вал городища Койла (Вирумаа) (Тамла, 1987. С. 173–175), где находки из культурного слоя относятся к первой половине І тыс. н.э. На малом городище Пада (Тамла, 1978; 1980) вал, насыпанный из песка, но содержащий много камней, облицован сухой кладкой лишь с внешней стороны. Первый этап вала можно датировать радиоуглеродным способом VI–VIII вв. Ко второй половине І тыс. н.э., вероятно к VIII–IX вв., относится древнейшая, расположенная с напольной стороны и облицованная с обеих сторон сухой кладкой, часть вала городища Пуртсе (Мяесалу, Тамла, 1983). В Иру средний вал из известняка, основанный на остатках более раннего песчаного вала и облицованный плитняковой стеной с обеих сторон, датируется 950–1000/1050 (Lang, 1996. Lk. 70). На болотном городище Куусалу XI в. (Schmiedehelm, 1939) низкий кольцевой вал из валунов (первоначальная высота ок. 1,5 м, ширина ок. 4 м) имеет двухстороннюю плитняковую обкладку.

Общей чертой Изборска и эстонских городищ является и наличие остатков деревянных конструкций внутри плитнякового вала. Они обнаружены как в Изборске (*Седов*, 2007. С. 153, 195), так и в Варбола (*Тамла*, *Тыниссон*, 1986. С. 375) и других городищах Эстонии (*Tõnisson*, 2008. Lk. 96).

Ворота и проходы

Конструктивное сходство имеют и раскопанные воротные проходы городищ известнякового ареала. На Изборском городище ($Ce\partial o B$, 2007. С. 193—199) ширина юго-западного воротного прохода, облицованного с обеих сторон плитняковой кладкой, 2-2.5 м. Длина кладки прохода — 5 м. Столбовых ям две. Их диаметр 0.45-0.55 м, и они расположены во внешнем конце воротного прохода — вероятно, для ворот. Предполагается, что каменный воротный коридор сооружен во время возведения каменного вала («крепостной стены»), и функционирование въезда с каменным коридором относится к XI–XIII вв., включая XIII в. лишь частично ($Ce\partial o B$, 2007. С. 199).

В Эстонии воротные проходы раскрыты на городищах Иру, Варбола, Пада и Лыхавере. В Иру воротный проход, шириной 3,1 м, последнего периода городища (ок. 950–1000/1050) облицован с обеих сторон плитняковой стеной. В ходе своего существования вал у прохода расширен и проход продлен под углом 45°. После этих работ длина прохода достигла 7,6 м (*Lang*, 1996. Lk. 61. Jn 19). В Пада и Варбола воротные проходы относятся к последнему этапу существования городищ — соответственно, к первой половине XIII в. и к XIII — первой половине XIV в. Оба прохода фактически идентичные, несмотря на разделяющее эти городища расстояние ок. 140 км. Ширина прохода в Варбола 2,2–2,4 м (на предыдущем этапе застройки — 1,3–1,4 м), в Пада — 2 м; ширина валов вместе с проходами (длина прохода на поверхности

земли) — соответственно, не менее 8 и 8,5 м. Стены обоих проходов облицованы плитняком. В обоих случаях на сторонах воротного прохода имеются в нишах четырехугольного сечения парные столбовые ямы. В Пада их 6 пар, в Варбола — 7. Диаметр столбов в Варбола более 30 см, в Пада — 20—30 см, однако одна пара из них немного больше, чем в Изборске (ок. 60 см). В Лыхавере, на городище, расположенном вне ареала выходов известняка, стены большого воротного прохода также облицованы плитняком. На сторонах прохода длиной ок. 7—9 м и шириной до 1,8 м сохранились две пары столбов ($T\tilde{o}nisson$, 2008. Lk. 97—100).

Таким образом, воротный проход в Изборске имеет сходство с воротным проходом на городище Иру периода ок. 950–1000 гг. н.э. — из того же временного контекста. Проходы в Варбола и Пада представляют уже более поздний этап развития.

Следует также отметить наличие предворотных оборонительных сооружений типа захаба у городищ Варбола и Пада, обнаруженных в ходе раскопок. На большом городище Пада (Tamna, 1986; $T\tilde{o}nisson$, 2008. Jn 61; 62) ширина захаба 4–5 м, толщина его наружной стены 1–1,5 м, захаб открыт на протяжении 22 м. В Варбола (Tamna, Tuhuccoh, 1988. C. 351; $T\tilde{o}nisson$, 2008. Fig. 56–60; 95) ширина захаба — 3 м, длина — 6 м. У места окончания захаба на дороге в горо-

дище обнаружен уступ высотой ок. 0,8 м, врубленный в известняковую скалу. Так как на Изборском городище дорога к юго-западным воротам проходила по краю площади, между очень крутым склоном в обрыв и отрогом вала, захаба здесь, вероятно, не было. Захабообразный проход длиной ок. 10 м и шириной ок. 3 м имеется, однако, у юго-восточных ворот городища (Седов, 2007. С. 153. Рис. 161). Предворотный захаб обнаружен и перед Талавскими воротами каменной крепости Изборска, основанной в 1330 г. Там внешняя стена захаба относится к первому этапу строительных работ (Гофман, Закурина, 2004. С. 225–230).

Общей деталью для Изборска и североэстонских городищ является и наличие тайного вылаза. На Изборском городище (рис. 7, верхний) он обнаружен при раскопках башни на мысу (Седов, 2007. С. 165. Рис. 168). Ширина прохода — 0,8 м,

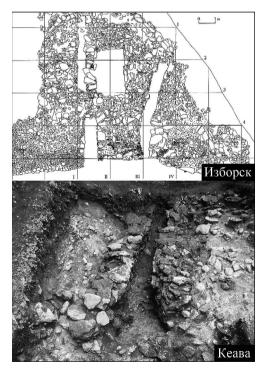

Рис. 7. Тайные выходы из башни Изборского городища (*Седов*, 2007. Рис. 169) и из-под вала городища Кеава (*Lang*, 2012. Рис. 1, 8)

длина — ок. 6 м, высота — ок. 1 м. В Эстонии тайные вылазы обнаружены в Иру и Кеава. В Иру проход относится к эпохе каменного вала, т.е. к 950—1000/1050 гг. Ход шириной 0,6—1 м (в месте выхода — меньше) облицован с обеих сторон плитняком (Lang, 1996. Lk. 67. Jn 15). Длина хода в Кеава (рис. 7, нижний) — не менее 7 м (выход был уничтожен), ширина 65—70 см, высота — 1,2—1,3 м (Lang, 2012. Рр. 21—24). Так как днище хода находилось на 1,6—1,8 м ниже уровня площади городища, ход проходил не насквозь, а из-под вала. История хода включает несколько этапов. Самый ранний из них можно датировать, вероятно, уже X—XI вв. Последний этап с каменной облицовкой относится к концу XII — началу XIII в.

Истоки и более широкий контекст

Каменные оборонительные сооружения Изборского городища — результат применения конкретной строительной техники: сухой кладки. Основы этой техники следует искать в известняковых ареалах бассейна Балтийского моря — либо в северной и западной Эстонии, либо на «известняковых» островах Балтийского моря — Готланда, Эланда и Борнхолма. На территории Эстонии плитняковая сухая кладка впервые зафиксирована в кольцевых обкладках каменных могильников с ящиками, древнейшие датировки которых — XII—XI вв. до н.э. (*Lang*, 2007. Рр. 161–162; *Laneman*, *Lang*, 2013). Эта техника часто применялась также в могильниках с оградками (V в. до н.э. — V в. н.э.) (*Lang*, 2007. Рр. 170–206).

В оборонительных сооружениях сухая кладка впервые наблюдается на Готланде и Эланде, где городища с плитняковым валом возникли уже в раннем железном веке. На о. Эланд три городища основаны уже в 200 г. до н.э. — 200 г. н.э., однако большинство из них относится к периоду 300—650 гг. н.э., в основном к эпохе Великого переселения народов — 400—550 гг. н.э. (*Andrén*, 2014. Р. 77). Первый этап городища Торсбурген на Готланде датирован поздней римской эпохой (*Engström*, 1984. S. 22—25).

Усиление фортификаций начиная с середины XI-XII в. — это не только отражение развития местных традиций, но и часть более общего процесса. Новый этап фортификации наблюдается также на островах Готланд и Эланд, где с XII в. возрождают некоторые старые городища, брошенные после эпохи переселения. В Финляндии и Карелии большинство городищ относятся к XI-XIV вв. (*Taavitsainen*, 1990. S. 127–133). Очевидно, развитие фортификационных сооружений в бассейне Балтийского моря происходило в общем ритме. Вероятно, самые близкие в географическом отношении параллели каменным укреплениям Изборского городища можно найти в Пскове, расположенном также в известняковом ареале, хотя укрепления в технике сухой кладки там пока не изучены.

В контексте скандинавских и эстонских городищ заслуживает внимания и вопрос применения известкового раствора при постройке каменного вала («крепостной стены») на Изборском городище ($Ce\partial os$, 2007. С. 147, 150, 168). Опыт изучения городищ северной Европы показывает, что каменные валы имели деревянные конструкции, при горении которых известняк разлагался,

приобретая вид, похожий на известковый раствор (эксперимент сжигания реконструированных оборонительных сооружений проведен на городище Торсбурген, о. Готланд) (*Engström*, 1984. Р. 4–53). Остатки сильно разложившегося в огне известняка обнаружены и на городищах Эстонии (напр., Варбола, Энту). Можно предположить, что такого же происхождения и предполагаемый «известковый раствор», обнаруженный при раскопках вала Изборского городища.

Совпадения в строительных приемах и традициях городищ Изборска и известняковых ареалов Эстонии, а также увеличение объемов оборонительных сооружений с течением времени, являются не случайными явлениями, а отражением процесса общего характера. В них выражается принадлежность к единому, более обширному ареалу коммуникации. Единство основано на водных путях, которые на протяжении столетий связывали округу Изборска и Пскова, а также бассейн р. Великой, с Финским заливом и берегами Балтийского моря. В этом же контексте нужно констатировать, что Изборск расположен в контактной зоне заселения прибалтийско-финских и славянских этносов (Седов, 2007. С. 395–396; Valk, 2009. Lk. 154–164).

Заключение

Место Изборска среди городищ известнякового ареала Северо-Запада России пока определить трудно — из-за малой изученности других памятников. Неизвестно, насколько возможно выделить региональные строительные приемы, присущие только городищам с известняковыми конструкциями Северо-Запада Руси. До появления таких данных имеются достаточные основания рассматривать оборонительные сооружения Изборского городища скорее в рамках фортификационных традиций, присущих известняковому ареалу бассейна Балтийского моря. Если называть Изборск каменной крепостью, вполне обоснованным будет говорить и о каменных крепостях Эстонии во время до немецко-датского завоевания.

Изборское городище — одно из многих в «известняковом» регионе. Оно замечательно не уникальностью фортификационных сооружений, а выдающимся значением находившегося здесь города.

Литература

Гофман Г.С., Закурина Т.Ю., 2004. Исследование Талавского захаба Изборской крепости (к вопросу о периодизации строительства) // АИППЗ: Мат. 50 научного семинара (2003).

Лопатин Н.В., 2012. Изборск // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама. М.; Вологла.

Мяэсалу А., Тамла Т., 1983. Об оборонительных сооружениях городища Пуртсе // ИАНЭ. № 4.

Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.

Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

Тамла Т., 1978. Исследование городища и поселения в Пада // ИАНЭ. № 27: 4.

136 X. Валк

Тамла Т., 1980. Предварительные результаты Падаской экспедиции в 1978–1979 гг. // ИАНЭ. № 29: 4.

- *Тамла Т.*, 1984. Первое городище и хронология комплекса археологических памятников в Пада // ИАНЭ. № 33: 4.
- Тамла Т., 1986. Уникальная оборонительная конструкция на первом городище Пада // ИАНЭ. № 35: 4.
- *Тамла Т.*, 1987. Оборонительные сооружения городищ Северо-Восточной Эстонии // ИАНЭ. № 36: 2.
- *Тамла Ю., Тыниссон Э.*, 1986. Исследования на городище Варбола-Яанилинн // ИАНЭ. № 35: 4.
- *Тамла Ю., Тыниссон Э.*, 1988. Варболаская экспедиция в 1986–1987 гг. // ИАНЭ. № 37: 4.
- Тыниссон Э., 1977. Оборонительные сооружения городища Лоху // ИАНЭ. № 26: 1.
- *Andrén A.*, 2014. Tracing Old Norse cosmology: The world tree, middle earth, and the sun in archaeological perspectives // Vägar till midgård. 16. Lund.
- *Bronk Ramsey, C.* 2009. Dealing with outliers and offsets in radiocarbon dating. Radiocarbon 51: 1023–45.
- Engström J., 1984. Torsburgen. Tolkning av en gotländsk fornborg. Aun. 6. Uppsala.
- *Laneman M., Lang V.*, 2013. New radiocarbon dates for two stone-cist graves at Muuksi, northern Estonia // Estonian Journal of Archaeology. № 17: 2.
- Lang V., 1987. Über die Konstruktion des Mittelwalls auf dem Burgberg Iru // ИАНЭ. № 36: 4.
- Lang V., 1996. Muistne Rävala, 1 // Muinasaja Teadus. 4. Tallinn.
- Lang V., 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia // Estonian Archaeology. 3. Tartu.
- Lang V., 2012. Building remains at the hill fort of Keava // Keava the Hand of the Sun. Tallinn. (Estonian Journal of Archaeology, Suppl. Ser. Vol. 1.)
- Schmiedehelm M., 1939. Kuusalu Pajulinn // Muistse Eesti linnused. Tartu.
- Taavitsainen J.-P., 1990. Ancient hillforts of Finland: problems of analysis, chronology and interpretation with special reference to the hillfort of Kuhmoinen // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 94. Helsinki.
- Tõnisson E., 2008. Eesti muinaslinnad // Muinasaja Teadus. 20. Tartu.
- Valk H., 2009. Hilisrauaaeg (1000/1050–1225) // Setomaa, 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu.

Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.

A. V. Yakovlev, N. V. Lopatin. Archaeological fieldwork on Izborsk hillfort and suburb in 2011–2012

Abstract. 4 exploration pits on Izborsk hillfort (Truvor Gorodishche) and 5 pits on the territory of adjoining Posad (suburb) have been studied. Some of them were taken out within the development of the concept of archaeological park «Truvor Gorodishche». In the pit 2 the section of ruins of the limestone defensive wall was made which allowed to obtain new data on structure and chronology of this construction. The pit 4 ensured restoration of St. Nicholas Church (16th –18th cent.) at the hillfort, but the early-medieval materials were also found. In the exploration pits on the Posad territiory the borders and chronology of this part of the medieval city were studied.

Ключевые слова: Изборск, Труворово городище, посад, шурфы

После 20-летнего перерыва возобновились полевые работы на Труворовом городище и, что особенно важно, на примыкающем к нему посаде, который до сих пор изучен крайне слабо. Общее руководство всеми работами осуществлял А.В. Яковлев, раскопками шурфа 2 на городище руководил Н.В. Лопатин.

В декабре 2011 г. в рамках разработки проекта археологического парка «Труворово городище» на памятнике были заложены шурфы 1–3 (см. рис. 2 к ст. Е. А. Яковлевой на вклейке) в пределах раскопов В. В. Седова 1974—1978 гг. Работы преследовали три основные цели:

- 1) Получить новые, более точные координаты недвижимых объектов в раскопах 1970-х гг. для точной привязки всей сетки раскопов к местности. Эта задача решалась **шурфами 1 и 3**, где были повторно вскрыты соответственно большой гранитный валун, интерпретированный автором раскопок В. В. Седовым как культовый камень (*Седов*, 2007. С. 147), и прямоугольный проем в крепостной стене, в районе мысовой башни. Вскрытые в шурфах объекты были измерены с помощью геодезического комплекса Leica 1230. В процессе съемки была уточнена существующая система координат городища, что позволит в будущем произвести точную реконструкцию контуров стен и других археологических объектов при музеефикации памятника.
- 2) Подготовить место для возможного создания «археологических окон» в рамках проектирования археологического парка «Труворово городище».
- 3) В **шурфе 2** уточнить данные о конструкции и строительной истории каменных укреплений, руины которых были исследованы в 1974—1978 гг.

и после раскопок законсервированы. Конкретной задачей здесь было определено уточнение плана сооружения, поскольку по границе раскопов 1974 г. и 1977—1978 гг. на сводном плане имелась нестыковка линии внутреннего фасада стены (*Седов*, 2007. Рис. Х: кв. Н-21, Н-22). В результате раскопок выяснено, что искажение прямой линии внутреннего фасада стены на общем плане произошло в результате особенностей фиксации сооружения в сезонах 1974 и 1978 гг.

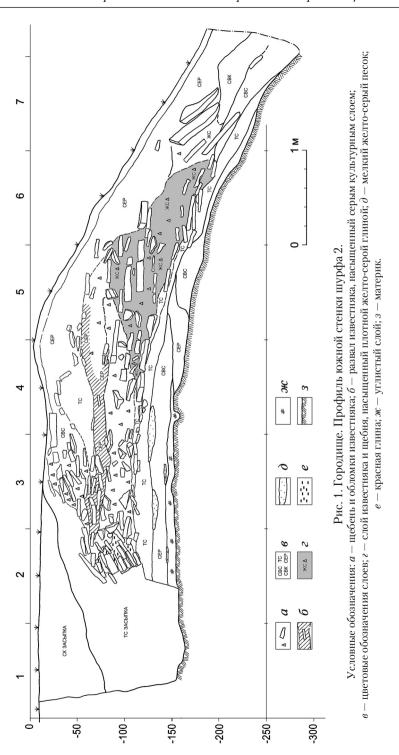
Шурф 2 размерами 3×4 м был заложен у западного края площадки городища. Позднее (летом 2012 г.) его длина увеличена вниз по склону площадки до 7 м. Исходя из поставленных задач было решено осуществить прорезку руин каменной стены узкой поперечной траншеей с повторной фиксацией верхнего горизонта развала (см. рис. 10 к статье Е. А. Яковлевой), а также полным документированием всех нижележащих горизонтов развала стены и подстилающего культурного слоя (см. рис. 5, *левый верхний*, к статье Х. Валка). Ширина траншеи у материка составила 0,8–1,3 м. Неравномерность ширины обусловлена присутствием в ее пределах многочисленных обломков известняка разных размеров и формы.

Выявлено четыре основных горизонта, не считая засыпки раскопа 1974–1978 гг. (рис. 1).

Горизонт 1. Под дерном залегал беспорядочный слой развала известняка, подстилавшийся, в районе перегиба к склону, аморфным серым и темносерым слоем с включениями щебня и известняковых обломков. Очевидно, весь этот разнородный горизонт представляет собой руинированные остатки оборонительного сооружения последнего периода. В нижней части этого развала, на краю площадки, выявлено два небольших скопления известкового строительного раствора (определение Вл.В. Седова, В.Е. Никитина и Г.С. Гофман). Судя по стратиграфическому положению, остатки раствора происходят из уровня стены позднего периода, который практически не сохранился на данном участке.

Горизонт 2. Ниже залегала более плотная часть того же развала. Она отличалась от вышележащего горизонта тем, что камни здесь в большей мере сохранили первоначальное, хотя и хаотичное, расположение. Этот горизонт представлял собой полосу шириной 2,8—3,0 м, вытянутую вдоль края площадки. Между камнями имелись включения культурного слоя темного серо-коричневого цвета, в котором содержалось небольшое количество мелких фрагментов круговой керамики конца XII — XIII в. и костей. Этот горизонт имел толщину от 20 до 30 см и обозначен в профиле штриховкой. Вдоль внутреннего (восточного) края стены выявлен ряд небольших камней, составлявших почти прямую линию. Все камни этой линии отличаются горизонтальным положением от нижележащих сильно покосившихся камней фасада первого периода. Возможно, эта линия камней являлась разметкой основания фасада стены второго периода.

Горизонт 3. Остатки цоколя стены первого периода состояли из нескольких конструктивных элементов. Строительство цоколя можно представить следующим образом. На полого понижающуюся поверхность культурного

слоя насыпан слой мелких и средних известняковых камней. На этой поверхности по внутренней намеченной линии выстроена лицевая кладка на красной глине с вертикальным фасадом, шириной у основания до 0,5-0,6 м, а по верху -0.2-0.3 м (в сохранившейся части, на высоте около 0.5 м от основания). По внешней линии, проходившей от внутренней в 3,6 м к западу и на 0,7 м ниже по склону, уложена валообразная нерегулярная кладка из известняка на плотной желто-серой глине с щебнем, высотой не менее 0,8 м (в профиле обозначена серой заливкой). В заполнении встречены мелкие фрагменты лепной керамики. Была ли здесь лицевая кладка с вертикальным фасадом, неизвестно. Но предшествующий культурный слой был вдоль склона подрезан и укреплен подпорной стенкой, основание которой находилось на глубине -180 (кв. 6), на 1 м ниже верхней отметки массива желто-серой глины. После этого в образовавшееся между внутренней кладкой и внешним валом ложе засыпана забутовка из чистого щебня с пустотами. Наибольшая ширина всей конструкции -4.3 м, а за вычетом возможного расползания по склону - около 4 м.

Лицевая кладка стены, обращенная к площадке, сильно наклонена в сторону площадки в результате проседания в культурный слой, произошедшего в древности. Между камнями лицевой кладки находится красная глина, которая использовалась при строительстве для выравнивания и скрепления камней — в качестве связующего раствора. Между камнями лицевой кладки, в том числе непосредственно в глине, встречаются фрагменты керамики (рис. 2 на вклейке, 1–3). Это круговая керамика, датируемая первой половиной XI в. Здесь же встречены мелкие фрагменты лепной керамики. Таким образом, если В. В. Седов датировал строительство первоначальной стены концом XI — началом XII в. (Седов, 2007. С. 147), то наши находки позволяют предложительно удревнить это событие.

Горизонт 4 — культурный слой, подстилающий цоколь стены. Состоял из нескольких прослоек серого цвета разной интенсивности общей мощностью около 0,4 м. Верхний уровень, непосредственно подстилавший руины стены, имел темно-серую окраску. В нем обнаружено большое количество обломков обожженных мелких валунов, местами составляющих беспорядочные скопления. Слой насыщен фрагментами лепной керамики (рис. 2, 4-6), рыбыми костями, отдельными фрагментами костей животных. Найдены 3 известняковых пряслица (два целых — рис. 2, 13, 14 — и фрагмент), обломок плитки из сланца. Из нижележащего более светлого серого слоя происходит аналогичная керамика (рис. 2, 7-10) и бронзовая рогатая булавка-цепедержатель (рис. 2, 11). Ниже серого слоя залегает тонкий слой красной, местами обожженной, глины, перекрывавшей углистый слой «пожарища». Последний лежал на материковой красноватой глине.

Шурф 4 размерами 4×3 м был заложен летом 2012 г. у южной стены трапезной Никольской церкви (рис. 2 к статье Е. А. Яковлевой). Необходимость шурфовки в этом месте была вызвана тем, что в южной стене подклета трапезной, по-видимому, еще в XIX в., образовался большой провал, через который грунт прицерковного кладбища обрушился в подклет. Проект реставрации церкви, разработанный архитектором-реставратором В. Е. Никитиным, предусматривал полную вычинку этого участка и укрепление фундамента трапезной — как изнутри, так и снаружи стены.

Дневная поверхность в пределах шурфа на момент начала раскопок значительно понижалась с востока на запад — от -80 см в ЮЗ части шурфа до -200 см по его западной границе. Стратиграфию шурфа 4 составляют следующие основные напластования:

Слой 1 — верхний, наиболее мощный, толщиной от 105 до 220 см. Слой серый, кладбищенский, насыщенный разрозненными человеческими костями, известняковым щебнем, мелкими и средними валунами. Слой 1 содержал ярусы погребений XVIII—XX вв. В нем обнаружено множество фрагментов керамики XII—XIII вв. (рис. 3 на вклейке, 9-12). Керамика более позднего времени представлена единичными фрагментами. Помимо керамики находки бытового мусора также единичны. Отметим лишь несколько фрагментов оконного стекла с ретушью. В массовом количестве представлены железные гробовые гвозди. В кладбищенском слое зафиксированы на разных уровнях 32 погребения, полностью или частично сохранивших анатомическое расположение. Многие из них содержали инвентарь: бронзовые нательные кресты, пуговицы, мелкие медные монеты. Всего найдено 26 монет, из них 12 связаны с сохранившимися погребениями, остальные происходят из переотложенных. По царствованиям монеты распределяются так: Александр II — 2, Николай I — 4, Александр I — 15, Павел I — 4, Елизавета Петровна — 1.

Большинство выявленных погребений ориентировано под углом 255–260 градусов по отношению к оси С–Ю, в соответствии с длинной осью существующей церкви. Однако 4 наиболее ранние погребения ориентированы несколько иначе — под углом 220–225 градусов, что, вероятно, отражает направление длинной оси более ранней деревянной церкви. К сожалению, все четыре ранних погребения безынвентарны.

Обнаружено несколько индивидуальных находок, связанных с отложениями городища, предшествующими возникновению кладбища. Это пряслица из розового шифера и местного известняка, бронзовый спиральный перстень с насечками по краям (IX–XIII вв., рис. 3, 4), бронзовый ложновитой перстень с несомкнутыми концами (XI–XIV вв., рис. 3, 3), щитковосрединный перстень из свинцово-оловянистого сплава с изображением креста на щитке (кон. XII — XIII в., рис. 3, 2), известняковая формочка для отливки крестиков-тельников с округлыми завершениями лопастей (XI–XIII вв., рис. 3, 5), 2 железных наконечника втульчатых арбалетных стрел (рис. 3, 6, 7).

Слой 2 — пестрый светло-коричневый суглинистый слой с включениями частиц обожженной глины, мелкого известнякового щебня, мелких и средних кусков известнякового плитняка, местами — мелких углей. Его мощность в ЮВ части шурфа достигает 43 см. В составе керамического материала около 1/3 составляет лепная керамика (рис. 3, 13). Среди круговой керамики есть только венчики XI–XII вв. (рис. 3, 14, 15). Часть керамики ошлакована. Человеческие кости не найдены. Наиболее замечательная находка слоя 2 — серебряный денарий императора Священной Римской империи Генриха II святого

(1002–1024), отчеканенный в Эсслингене (Баден-Вюртемберг) (рис. 3, 1). Две монеты такого типа известны в составе новгородского клада 1993 г. (Янин, Гайдуков, 1996. С. 151–153, 169). До сих пор было известно о находках на городище 11 раннесредневековых монет, в том числе двух денариев (Гайдуков, Фомин, 1986).

Слой 3 состоит из оранжево-красной глины с включениями мелкого и среднего известнякового щебня и кусков плитняка. Мощность слоя — от 4 до 24 см. Слой почти не содержал находок, за исключением нескольких фрагментов костей животных. В юго-восточной части шурфа слой 2 отделяла от слоя 3 углистая прослойка толщиной 2—3 см.

Слой 4 — темно-серый гумусированный суглинок с включениями известнякового щебня и мелких углей, лежащий на материке (девонская известняковая плита). Местами нижнюю часть слоя составлял коричневый слабогумусированный суглинок со щебнем. Из числа индивидуальных находок в слое 4 обнаружены 2 пряслица из местного известняка, одно из них с прочерченными граффити (рис. 3, 8). Как и в слое 2, в составе керамического материала около 1/3 составляет лепная керамика (рис. 3, 17, 18). Среди круговой керамики есть только венчики XI–XII вв. (рис. 3, 16) Немногочисленны кости животных.

В результате работ на шурфе 4 установлено, что слой кладбища у церкви насыщен городищенским материалом. Нижние ярусы культурных отложений (слои 2–4) сохранились в удовлетворительном состоянии. Эти отложения, по-видимому, связаны с перепланировкой городища и строительством новых укреплений в XI в. и на рубеже XI–XII вв.

Шурфовка посада

В 2012 г. в рамках региональной целевой программы «Наследие Псковской области 2011—2015» выполнены работы по уточнению границ посада Изборска в районе Труворова городища с целью постановки этого памятника археологии на государственный учет и охрану в качестве отдельного объекта историко-культурного наследия. Границы посада Изборска изучались А. Р. Артемьевым (Артемьев, 1998. С. 17, 23, табл. 1). В 1992 г. Б. Н. Харлашовым были определены границы распространения культурного слоя посада Изборска. При этом они были нанесены на план в соответствии с встречаемостью подъемного материала, шурфовка не проводилась. В результате значительные участки посада в районе городища — вдоль рва, Змеиной балки и ограды кладбища оказались на плане за пределами штриховки, обозначающей культурный слой (Харлашов, 2002. С. 47, рис. 3).

С целью уточнения границ распространения, мощности и датировки культурного слоя посада к югу от вала и рва городища были заложены 5 шурфов размерами 4×2 м каждый (см. рис. 2 к ст. E. А. Яковлевой на вклейке).

Шурф 1. Заложен в 4 м к югу от внешнего края рва городища, в 16,5 м к западу от ограды кладбища, напротив центральной части вала городища. Под дерном залегал темно-серый культурный слой мощностью от 7 до 18 см (без

ям) с включениями мелких углей и мелкого известнякового щебня, отдельных средних и мелких фрагментов известнякового плитняка. В слое обнаружены пять индивидуальных находок: нательный бронзовый крест (кон. XIX — нач. XX в.), пластинчатый незамкнутый орнаментированный бронзовый перстень (X—XIII вв.; рис. 4 на вклейке, 2), фрагмент браслетообразного завязанного височного кольца (IX—XII вв.; рис. 4, 3), черешковый ланцетовидный железный наконечник стрелы (IX — 1-я пол. XI в., рис. 4, 1), биконическое пряслице из розового шифера (IX — 1-я пол. XIII в.). Массовые находки разнообразны: от бутылочного стекла до мелких фрагментов лепной керамики.

Под культурным слоем на большей части площади шурфа выявлена известняковая материковая плита. По всей длине шурфа в плите фиксируется продолговатая канава, вероятно, частокольная, направленная перпендикулярно рву городища (рис. 5). Она вырублена в скальном материке на глубину 40–45 см, плотно забита щебнем и плитняком. Многие плиты в составе заполнения находились на ребре. Между камнями — серый слой с интенсивными включениями углей. Ширина канавы — от 60 до 80 см. В заполнении найдены

Рис. 5. Посад. Частокольная канава в шурфе. Вид с юга.

фрагменты круговой керамики, в том числе с волнистым и линенйным орнаментом, а также фрагменты венчиков XI–XII вв. (рис. 4, 4-8). Небольшое количество находок в заполнении канавы и интенсивные глинистые включения в ее нижней части говорит о том, что существование частокола было здесь кратковременным, и после XII в. он не возобновлялся.

Шурф 2. Располагался в 26,3 м к югу от угла ограды кладбища, в 200 м южнее рва городища (рис. 9 к статье Е.А. Яковлевой). Под дерном залегал темно-коричневый песчанистый гумусированный культурный слой мощностью до 12 см, с вкраплениями мелкого и среднего известнякового щебня. В нем обнаружены разновременные массовые находки, в том числе фрагменты лепной керамики и круговой XI—XIII вв. (рис. 4, 9, 10).

Материк — красноватый суглинок с обильными включениями мелких и средних валунов и разноразмерных обломков известняка. В северо-западной части шурфа между двумя большими валунами выявлено скопление обожженных булыжников, между которыми отмечены интенсивные включения углей. Это заполнение ямы 1. Яма заполнена гумусированным песком с интенсивными включениями углей, золы и обожженных камней. Размеры ямы в плане 75×80 см. Стенки ямы покатые, дно плоское. В заполнении найдены фрагменты круговой керамики XI–XII вв. и единично — лепной.

Шурф 3. Заложен в 40 м к CBB от шурфа 2, в 24,3 м к югу от ограды кладбища. Под дерном залегал темно-коричневый песчанистый гумусированный культурный слой мощностью до 12 см. В слое обнаружены разновременная керамика (рис. 4, 11-25), стекло, кости.

Материк — красноватый суглинок с обильными включениями мелких и средних валунов и мелких обломков известняка. В юго-восточной части шурфа выявлено пятно ямы 1, которое уходит в восточный борт шурфа. Яма заполнена гумусированным песком с интенсивными включениями углей, золы и обожженной глины. Размеры ямы в плане: $C-IO-120\,\mathrm{cm},\,3-B-90\,\mathrm{cm}.$ Стенки ямы выложены валунами и небольшими известняковыми плитами. Дно плоское. По-видимому, яма была отопительным устройством очажного типа. В заполнении ямы, помимо неопределимых фрагментов круговой керамики, костей животных и печины, найдено 5 фрагментов керамики XI-XII вв. и 3 фрагмента лепной керамики.

Шурф 4. Заложен в 136 м к югу от края рва городища, в 7 м к востоку от края Змеиной балки, в 1,6 м к западу от края проселочной дороги, ведущей к городищу. Под дерном залегал темно-коричневый песчанистый гумусированный культурный слой мощностью до 12 см. Среди разновременных массовых находок — керамика XI—XIII вв. (рис. 4, 26) и лепная, кости животных, металлургические (?) шлаки.

Материк — красноватый суглинок с обильными включениями мелких и средних валунов и мелких обломков известняка. Центральную часть шурфа занимала яма 1 размерами 190×122 см. Дно неровное, понижается к югу. В придонной части ямы фиксируется углистая прослойка мощностью до 3 см. В заполнении обнаружена круговая керамика (определимые фрагменты — XI— XIII вв.), кости животных, печина, металлургические (?) шлаки. Возможно,

яма использовалась при металлургическом производстве на средневековом посаде Изборска.

Шурф 5. Заложен в 100 м к ЮЮЗ от шурфа 4, на заброшенном поле. Под дерном прослежен темно-коричневый песчанистый пахотный слой. Среди разновременных массовых находок — фрагменты керамики XI–XIII вв. (рис. 4, 27, 28). Лепная керамика здесь не найдена.

Материк — желтая супесь с включениями красноватого суглинка, небольших валунных камней и галечника. Остатков антропогенных объектов не выявлено. Наличие небольшого количества раннесредневековой керамики в слое указывает на периферийный характер этого участка культурного слоя.

Литература

Артемьев, 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.

Гайдуков П.Г., Фомин А.В., 1986. Монетные находки Изборска // КСИА. Вып. 183. М. *Седов В.В.*, 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

Харлашов Б.Н., 2002. Изборский уезд и посад города в XVI в. // Изборск и его округа. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6–7 сентября 2001 г.). Псков.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1996. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М.

Итоги исследования городища Борохново

B. S. Korotkevich, B. N. Kharlashov.
Results of the hillfort of Borokhnovo research

Abstract. The hillfort of Borokhnovo occupies the residual outcrop (17–18 m high) near the Borokhnovo village, 20 km south of Izborsk. The site was discovered by I. K. Golunova in 1958 and studied by V. V. Sedov in 1970. Archaeological excavations were carried out by B. N. Kharlashov (20,5 m²) in 1981, and by B. S. Korotkevich in 2010-2012 (112 m²). Excavations on the site revealed the remains of an earth-timber defensive structure on the site edge, and a shallow ditch outside of it. The construction was destroyed by a fire as evidenced by numerous charred wood pieces and substantial baking of its earthen part. Characteristic molded ceramic findings allow to attribute the construction to the Long Barrows culture, probably, to its last stage. A bracelet fragment, a spiral ring and a trapeziform pendant were found in the fire layer as well. Calibrated radiocarbon dates give us the following interims: 660-890AD (95,4%); 660-900AD (94,4%). A heating stove found in the layer which overlapped the edge of the baked clay bank in the lower fire horizon refers to the second phase of the settlement functioning. Hand-made ceramics and biconic spindle whorl of clay found in this layer may also be correlated with the Long Barrows culture. In the first centuries of the 2nd millennium BC the settlement was used as a refuge for the rural district population.

Ключевые слова: культура длинных курганов, городище, оборонительные конструкции.

Городище Борохново расположено на высоком (17–18 м) останце близ Смолинского озера, в 350 м к северо-западу от д. Борохново, по правую сторону от шоссе из п. Палкино в г. Изборск (рис. 1 на вклейке). Большая часть городища свободна от деревьев, только северный склон порос мелкой ольхой и осиной. Площадка городища (около 1800 м²) ровная, без видимых остатков древних сооружений (рис. 2). Склоны ровные, крутые. Нижняя часть склона на высоту около 10 м от подножия — более пологая. В месте перегиба склона с юго-западной стороны городища проходит узкая терраса. На уровне террасы на западном и южном склонах вырыта траншея. Время сооружения траншеи неясно, однако по некоторым сведениям, она появилась в результате военных учений в 1970−1980-х гг. По южному склону с площадки городища в нее спущен ход сообщения. Еще одна траншея прорезает восточную часть площадки в направлении СЗ−ЮВ. Кроме того, поверхность площадки нарушена отдельными ямами неизвестного происхождения. В центре площадки располагался

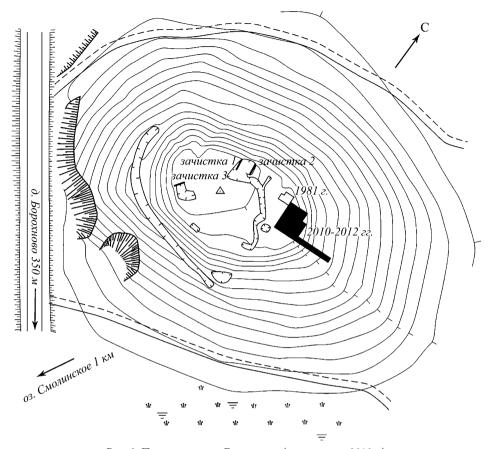

Рис. 2. План городища Борохново (топосъемка 2010 г.)

триангуляционный пункт, деревянная конструкция которого в настоящее время полностью разрушилась, но марка сохранилась.

Памятник был открыт в 1958 г. И. К. Голуновой (Лабутиной) при обследовании нижнего и среднего течения р. Кудебь (*Голунова*, 1958). Шурфовка, проведенная исследователем в южной части площадки городища, выявила на глубине 0,45—1 м «мощный слой обожженной глины и известкового раствора». Вскрытие культурного слоя было прекращено из-за неудобства ведения работ на малой площади. В шурфе 1 (1×1 м) до глубины 0,1 м встречались мелкие кусочки обожженной глины. На глубине 0,1—1 м — коричневый слой с включениями мелкого плитняка, железный шлак и печная обмазка. Из шурфов происходят мелкие фрагменты гончарной керамики, не подлежащие точной датировке, а также несколько обломков лепной посуды.

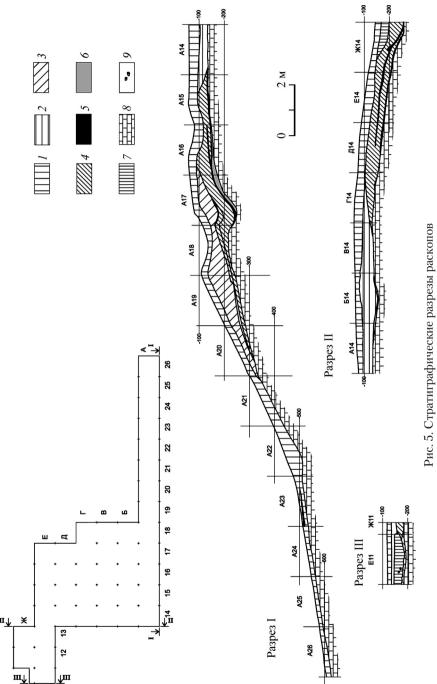
В 1970 г. Борохновское городище обследовалось в числе других псковских городищ В.В. Седовым (1970), который рассматривал памятник как один из пунктов обороны района расселения кривичей с центром в Изборске. Культурный слой не изучался.

Исследование Борохновского городища было продолжено в ходе разведочных работ в Палкинском р-не, проводившихся в 1981 г. Б. Н. Харлашовым (1981). Для выявления стратиграфии культурного слоя городища была сделана зачистка стенки одной из ям XX в. в северной части площадки. В восточной части площадки был заложен разведочный раскоп площадью 20,5 м². В ходе работ была открыта печь-каменка, относящаяся, вероятно, к концу І тыс. н.э. (рис. 3 на вклейке), и два более ранних слоя сгоревшего дерева, перекрытых слоями прокаленной глины (рис. 4 на вклейке). Встреченные в слое пожарища фрагменты глиняной посуды позволили ориентировочно отнести их к середине — второй половине І тыс. н.э. (*Харлашов*, 1990. С. 74–78).

Таким образом, в результате этих исследований было установлено, что на городище имеются культурные слои середины — конца I тыс. н.э., к которым относятся остатки оборонительных и жилых сооружений. Предположительно под разрушенными раннесредневековыми валами могли сохраниться и следы более раннего времени. С целью изучения древней фортификации и поиска культурного слоя раннего железного века в 2010 г. Верхнедвинской экспедицией Государственного Эрмитажа к востоку от раскопа Б. Н. Харлашова, на северовосточном краю площадки городища, был заложен раскоп общей площадью 112 м². Раскопки в его границах проводились в течение 2010–2012 гг. (*Корот*кевич, 2010; 2011; 2012). В результате на широкой площади вскрыты остатки оборонительной стены или вала, проходившие по краю площадки и представленные массивом прокаленной глины с остатками обуглившихся деревянных конструкций. Под ними обнаружен неглубокий и неширокий ров, располагавшийся также вдоль края площадки. Также в 2010 г. на склоне городища от площадки до террасы на середине высоты заложена траншея, позволившая исследовать стратиграфию культурных напластований в этой части памятника.

Перед началом раскопок поверхность городища была разбита на квадраты со стороной 2 м, нумерация которых начинается от марки триангуляционного пункта. Квадраты обозначены по юго-западным углам с юга на север — буквами, начиная с «А», с запада на восток — цифрами, начиная с «1». Марка триангуляционного пункта принята также за условный репер для высотных измерений. Раскоп 2010—2012 гг. занимал квадраты А—Е/14—17, А—Г/18. В этой системе координат раскоп 1981 г. приходится на квадраты Е—Ж/11—13. Современная дневная поверхность в пределах раскопов на площадке полого понижалась в северо-восточном направлении в районе отметок —80/—150 (здесь и далее глубины обозначены в см). В северо-восточном углу квадрата Е17 начинался склон, на котором нивелировочные отметки резко падали, до —247. У нижнего конца траншеи на террасе, также имевшей небольшой уклон, нивелировочные отметки лежали в районе —500/—600. Крутизна склона выше террасы составляла 25°. В кв. А—Б/15—18 культурный слой городища был нарушен тремя современными ямами неправильно округлой формы, глубиной около 0,5 м и диаметрами около 2 м. Вокруг ям на поверхности слабо читалась обваловка выброса.

Стратиграфия археологических слоев на площадке и склоне городища предельно проста (рис. 5). Верхняя часть культурных напластований в раскопе была представлена **почвенно-растительным слоем (дерн)**. Мощность слоя

1- почвенно-растительный слой; 2- серая слабо гумусированная супесь; 3- желто-красная глина; 4- красная прокаленная глина; 5- уголь; 6— темно-серая глина (погребенная почва); 7— темно-серая супесь с включениями угля и глины; 8 — материк; 9 — камни

составляла 0,2–0,3 м. К слою дерна относится значительная часть обнаруженных во время раскопок находок. Среди них — мелкие фрагменты лепной и гончарной керамики. Сразу под дерном через середину раскопа в направлении ЮЮВ–ССЗ проходила гряда **красной прокаленной глины** высотой 0,4–0,5 м. Она была сложена из прослоек красной глины разной степени прокаленности и содержала в своей толще остатки сгоревших деревянных конструкций. Северо-восточный край гряды спускался в неглубокий ров, составляя основную часть его заполнения. В юго-западной части раскопа склон гряды перекрывала **серая слабо гумусированная супесь** с включениями комочков глины, мощностью 0,3–0,35 м. В слое серой супеси найдены отдельные фрагменты лепных сосудов, а из раскопа 1981 г. происходят еще 3 фрагмента орнаментированной гончарной посуды плохого качества.

В квадратах $E-\mathcal{K}/11-12$ в слое серой супеси обнаружена печь-каменка (рис. 6). Остатки печи представляли собой развал мелких булыжников, в среднем имевших размеры 10×15 см. Развал высотой 0.4 м имел подквадратную

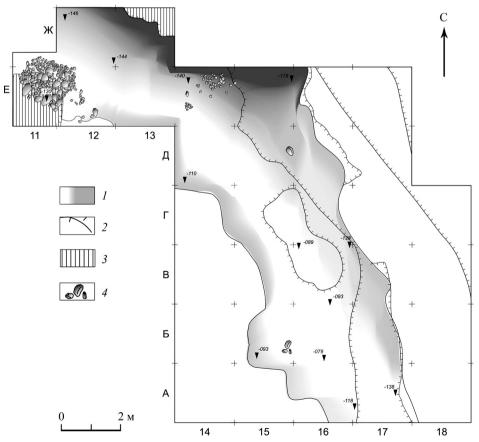

Рис. 6. План поверхности прокаленной глины с печью-каменкой 1 — красная прокаленная глина; 2 — рельеф поверхности; 3 — темно-серая супесь с включениями угля и глины; 4 — камни

в плане форму (1,6×1,5 м). В середине его размещались 5 крупных валунов размерами до 50×26 см, оконтуривавших под печи. Некоторые камни в районе топки были обожжены. При разборке печи обнаружена исключительно лепная керамика, среди которой встречен фрагмент подлощенного сосуда. С юго-запада со стороны пода к печи примыкало пятно темного слоя, маркирующее место жилища. В нем найдено биконическое глиняное пряслице и довольно большое количество фрагментов лепной посуды баночной и горшкообразной форм (рис. 7 на вклейке). Отсюда же происходят 9 фрагментов стенок со следами лощения на поверхности. Керамика подобных форм имеет аналогии в нижних слоях Изборского (Труворова) и Псковского городищ, а также на некоторых памятниках Юго-Восточной Эстонии (*Аун*, 1976. С. 351; *Седов*, 1978. С. 65; *Белецкий*, 1980. С. 6; *Лопатин*, 2007. С. 217–223; 2009. С. 31–33). Неподалеку от печи в перекрывающем ее слое найден точильный камень (рис. 7, 12).

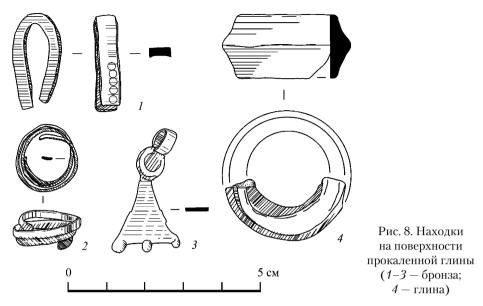
К востоку от печи, у северной границы раскопа, под слоем серой супеси обнаружено скопление частично расколотых пережженных камней размерами до 10 см в поперечнике. Скопление залегало на уровне отметок -120/-140, имело вытянутую с юго-запада на северо-восток форму размерами $0.8\times1,2$ м. Никаких находок в районе скопления не обнаружено. К северо-западу от него прослеживался край западины с темным гумусированым заполнением, возможно представлявшей собой котлован еще одного жилища.

На внешнем склоне гряды прокаленной глины лежал слой желто-красной глины. Уровень ее поверхности понижался в сторону склона, к северо-востоку. На краю площадки ее мощность составляла около 0,35 м, а на склоне городища уменьшалась до 0,15 м. Из слоя происходят находки, представленные, главным образом, мелкими фрагментами лепной керамики. Среди них — фрагмент венчика тонкостенного сосуда и фрагмент донца. Венчик короткий, вертикально поставленный, плавно переходящий в покатое плечико. Почти вся керамика красно-желтого цвета, плотная, с примесью песка в тесте. Исключение составляет мелкий фрагмент стенки сосуда с двусторонним лощением. Внешняя поверхность черепка — черная, внутренняя — серая. Некоторые фрагменты сильно перепеченные, вероятно, в результате пожара.

Из желто-красной глины происходят также находки бронзовых украшений: обломок браслета, спиральный перстень и трапециевидная подвеска (рис. 8, 1-3).

Обломок браслета согнут пополам. Он имеет прямоугольное сечение с вогнутой внутренней гранью. На внешней грани нанесен мелкий циркульный орнамент из цепочки кружков. Предмет носит следы пребывания в огне. Фрагментированность браслета затрудняет определение его типологической принадлежности. Браслет из четырехгранного массивного дрота, один из концов которого оформлен в виде звериной головы, был найден в слое IX в. в Изборске (Cedos, 2007. С. 97).

Спиральный перстень диаметром 1,5 см свернут в 3 оборота, сечение плоское, концы прямо обрублены. Перстни этого типа— нередкая находка в памятниках Юго-Восточной Прибалтики I тыс. н.э. Есть аналогичные находки

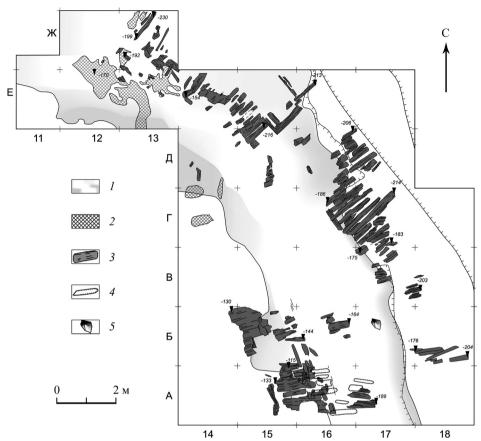
и на Изборском городище, где все же преобладают перстни, изготовленные из плоско-выпуклой пластины (*Седов*, 2007. С. 97, 98).

Трапециевидная подвеска, как и обломок браслета, побывала в огне. Подвеска плоская, вырезанная из бронзовой пластины. На вершине располагается широкое круглое ушко, в которое продето пластинчатое колечко для подвешивания. Основание декорировано тремя закругленными зубцами. Данная подвеска по ряду признаков отличается от массы пластинчатых трапециевидных подвесок, использовавшихся в составе шейных и нагрудных украшений народов Прибалтики, и скорее напоминает подвески типа «утиных лапок» в составе разнообразных шумящих зооморфных финно-угорских привесок. Точные аналогии борохновской находке авторам статьи не известны.

Возможно, к тому же слою относится и обломок ребристого биконического пряслица с широким отверстием, найденный в отвале (рис. 8, 4). Пряслице изготовлено из глины светло-желтого цвета без примесей. Внешний диаметр 3 см, внутренний 1,8 см.

Красная прокаленная глина залегала в виде гряды шириной до 6 м вдоль края площадки (рис. 9 на вклейке). Поверхность красной глины вдоль гребня гряды понижалась к ССЗ от отметок в районе -080 у южной границы раскопа до -146 в раскопе 1981 г. В кв. В/15 внутренний край гряды был нарушен круглой воронкой диаметром около 2,7 м, заглубленной в подстилающий материк на 0,5 м.

Основной массив красной глины был особенно сильно прокален и имел специфический кирпичный оттенок и комковатую структуру. От материка его отделяла прослойка менее прокаленной глины, имеющей гомогенную структуру. У поверхности и в основании слоя красной глины зафиксированы два слоя сгоревших деревянных конструкций. В верхнем слое фиксировались как фрагменты бревен, так и их следы в виде отпечатков в глине (рис. 10). Все

они, как и большинство фрагментов бревен, были ориентированы перпендикулярно гряде из красной глины. Отдельные фрагменты бревен лежали параллельно ей. Длина многих фрагментов достигала $2-2.5\,$ м, толщина $-0.3\,$ м. Ширина отпечатков составляла $0.15-0.3\,$ м, длина - до $1\,$ м. Заметное скопление обуглившихся бревен располагалось в кв. $\Gamma-D/16-17$, где они лежали в верхней части заполнения рва над его внешним бортом. В раскопе 1981 г. среди остатков деревянных конструкций находили отдельные фрагменты обгоревшей бересты. В слое обожженной глины какие-либо находки отсутствовали. В то же время, среди остатков обгоревшего дерева найдены фрагменты лепных баночных и горшковидных сосудов и несколько фрагментов лощеных сосудов (рис. $11\,$ на вклейке).

Нижний слой деревянных конструкций расчищен под слоем красной глины на дне и стенках рва и на его внутреннем крае (рис. 12 на вклейке). Обломки бревен длиной до 2 м лежали параллельно направлению рва (рис. 13).

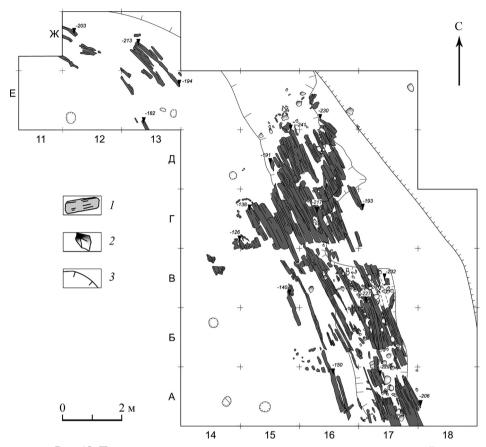

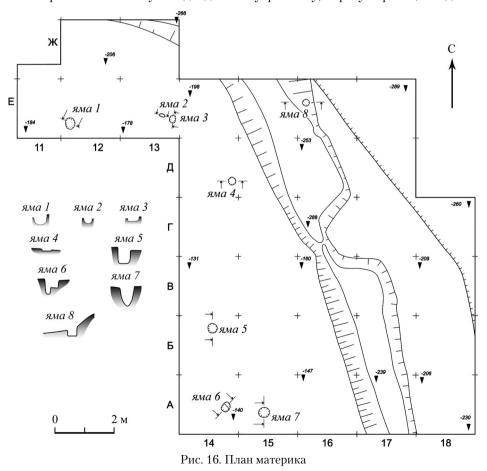
Рис. 13. План нижнего горизонта сгоревших деревянных конструкций 1- обуглившееся дерево; 2- камень; 3- рельеф поверхности

Со стороны площадки городища отдельные бревна зафиксированы на расстоянии до 2 м от края рва, на 0,1–0,2 м ниже верхнего слоя пожара. Почти все они ориентированы параллельно рву, только в двух местах — у южной границы квадратов Г/14,15 и в ЮЗ углу квадрата Б/16 — обнаружены короткие перпендикулярные фрагменты. Расстояние между ними составляло около 4 м. На дне рва бревна лежали плотно друг к другу, местами образуя единый массив, в котором довольно затруднительно было отделить фрагменты дерева друг от друга. Основная масса была сосредоточена в южной части раскопа, в квадратах А—В/16—17. В северной части бревна лежали значительно реже. Вместе с деревом на дне рва встречались отдельные валуны размером 0,05—0,25 м в поперечнике. Камни не образовывали заметных скоплений, их распределение по площади носило скорее случайный характер.

В ходе разборки нижнего слоя остатков деревянных конструкций найдено несколько фрагментов лепной глиняной посуды (рис. 14 на вклейке). Цвет черепков желто-красный. В качестве примеси к глине использован песок. Обжиг

хороший — черепки плотные, не крошатся. Один фрагмент, найденный непосредственно на материке на склоне внутреннего борта рва, особенно интересен (рис. 14, 4). Он принадлежит ребристому сосуду цилиндроконической формы. Край венчика горизонтально выровнен и чуть оттянут наружу, стенки в верхней части вертикальные, в нижней — резко суживающиеся к днищу. Поверхность сосуда слабо залощена. Подобная керамика встречена при раскопках поселений и могильников второй половины І тыс. н.э. в Эстонии, в том числе на городище Рыуге, в каменном могильнике Аласоо (*Шмидехельм*, 1959. С. 164. Табл. III, 5, 6; *Карро*, 2011. С. 186. Рис. 2, 3), а также в нижних слоях Труворова городища в Изборске, на городищах в Камно и Пскове (*Седов*, 2007. С. 81, 82).

Скрывавшийся под слоем обожженной глины ров расположен на краю площадки городища, в месте ее перехода в склон (рис. 15 на вклейке; 16). Ширина рва по верхнему краю постепенно увеличивается от 2 м у южной стенки раскопа до 3,5 м у северной стенки. Ширина дна рва составляет 0,4 м на юге и 1,2 м на севере. В районе квадрата $\Gamma/16$ ров имеет перемычку. Здесь его внешний борт почти вплотную подходит к внутреннему, образуя трапециевидный

в плане выступ. Ширина выступа составляет по верху 2,4 м у основания и 1,1 м на конце. Ширина рва напротив выступа сокращается до 0,7 м. Глубина рва от внутреннего края составляет 0,75-0,9 м, от внешнего — 0,3-0,4 м. Дно рва понижается в северном направлении от отметки -248 до -276. Изменяется и его профиль: в районе кв. A-B/17 он округлый, а далее к северу — прямой. Таким образом, на большей части раскопа ров в разрезе имеет трапециевидную форму, а на юге — ближе к клиновидной. Крутизна бортов рва в южной части составляет $35-40^{\circ}$, а в северной — $20-25^{\circ}$.

С внешней стороны рва под желто-красной глиной сохранился слой погребенной почвы, верхний горизонт которой представлен тонкой, интенсивно окрашенной углистой прослойкой, а нижний — светлой белесой глиной, лежащей непосредственно на материке из желтой глины. На площадке под слоем прокаленной глины также зафиксирована погребенная почва, спускающаяся на дно рва.

Поверхность материка на исследованном участке имела заметный пологий уклон в направлении к ССВ. С внутренней стороны рва она понижалась от отметки -130 до -206. С внешней стороны рва понижение продолжалось, переходя в более крутой склон. В материке зафиксированы несколько столбовых ям. Большинство из них располагались с внутренней стороны рва. В основном они имели прямые вертикальные стенки и плоское горизонтальное дно. Диаметр ям составлял 0,25-0,35 м. Глубина в тенденции увеличивалась с повышением уровня материка. Самые глубокие ямы -5 и 7 — располагались в южной части раскопа. Глубина их составляла 0,4 и 0,5 м. В северной части раскопа ямы 2 и 4 имели глубину всего 7 и 5 см. Заполнение ям состояло из серой гумусированной супеси, аналогичной перекрывающему их слою. Вероятнее всего, они относились к позднему этапу использования городища и были спущены с поверхности этого слоя.

Дополнительная информация о характере культурных отложений в других частях площадки городища получена в результате зачисток стенок окопов (рис. 2). Зачистка 1 была произведена в ходе работ 1981 г., две другие — в 2011 г. Стратиграфия зачисток практически полностью повторяет стратиграфию культурных напластований в границах раскопов. Это с очевидностью указывает на то, что сгоревшее сооружение из глины и дерева опоясывало площадку городища по всему периметру.

Зачистка 1 располагалась на северном краю площадки городища и на западной стенке северной оконечности траншеи. Длина зачистки 4 м. Под слоем дерна лежал слой выброса из траншеи мощностью 0,2–0,3 м. Под ним — слой серой супеси, содержащий мелкие фрагменты лепной керамики, мощностью 0,3–0,4 м. Из этого слоя происходит и 1 фрагмент стенки гончарного сосуда. Под серой супесью лежал слой прокаленной глины мощностью 0,1–0,6 м, увеличивающийся по направлению к краю площадки. Под ним — углистый слой толщиной 0,07–0,15 м, с включениями крупных фрагментов обожженного дерева. Под углистым слоем — снова слой прокаленной глины мощностью 0,15–0,2 м. Под прокаленной глиной непосредственно на материке лежала тонкая (2–4 см) углистая прослойка.

Зачистка 2 располагалась в 14 м к ССВ от марки триангуляционного пункта, на восточной стенке северной оконечности траншеи. Протяженность зачистки с севера на юг составила 5,8 м, глубина — 1,7 м. Современная дневная поверхность лежала на отметках в районе –30. Только у ее северной оконечности в районе склона городища она понижалась до -95. Верхнюю часть стратиграфии составлял почвенно-растительный слой мощностью 0,1-0,15 м. Ниже лежал слой переотложенного желтого материкового суглинка с многочисленными включениями гравия. Мощность слоя составляла около 0,5 м. В северной части зачистки в основании этого слоя зафиксирована линза желто-красной глины мощностью около 0,2 м. Под желтым суглинком лежал слой серой слабо гумусированной супеси мощностью 0,3 м. В южной половине зачистки ниже шел слой погребенной почвы, отделяющей ее от желтой глины материка. Здесь же зафиксирован разрез столбовой ямы диаметром 0,3 м, спущенной с поверхности погребенной почвы и заполненной глиной с включениями угля. В северной половине зачистки под серой супесью лежал слой красной глины мощностью до 0,4 м. Его подстилала тонкая (до 0,1 м) прослойка красной глины с включениями угля. Ниже следовал слой погребенной почвы и желтая материковая глина. В середине зачистки зафиксировалась западина, прорезающая погребенную почву и поверхность материка. Ширина западины составляла 1 м, глубина от поверхности погребенной почвы 0,5 м. На дне ее лежала красная глина, верхняя часть заполнения представлена серой супесью. Поверхность материка в южной части зачистки была горизонтальной и лежала на отметках в районе –125. В северной части зачистки материк понижался до –179 у ее северной границы.

Зачистка 3 располагалась в 16 м к ЗЮЗ от марки триангуляционного пункта, на северо-западной оконечности траншеи, в направлении юг-север. Протяженность зачистки составила 2,8 м, глубина 1,6 м. Современная дневная поверхность лежала на отметках +20/+32. Верхнюю часть стратиграфии составлял почвенно-растительный слой мощностью 0,3 м. Под ним в южной половине зачистки со стороны склона лежал переотложенный желтый материковый суглинок мощностью до 0,7 м. В середине зачистки он выклинивался. В северной части зачистки непосредственно под слоем почвы лежал слой желто-красной глины, уходящий вниз по склону под желтый суглинок. Здесь между ними вклинивается прослойка красной прокаленной глины мощностью до 0,15 м. Мощность слоя желто-красной глины составляла 0,65–0,95 м, уменьшаясь к югу. Структура слоя желто-красной глины неоднородна. Слой пронизывают тонкие прослойки угля, однако содержание отдельных линз и пластов не имеет видимых различий. Только в середине разреза выделяется линза глины, имеющая более светлую белесую окраску. В северной части разреза у нижней границы желто-красной глины зафиксировались срезы обуглившихся бревен диаметром 0,1–0,15 м. Желто-красную глину от материка отделяет слой погребенной почвы мощностью 0,15 м. Верхняя часть его представлена углистой прослойкой дерна, нижняя — светло-серой глиной. Ниже, на отметках -85/-126, следует желтая глина материка, поверхность которого понижается к югу.

Подводя итог исследованиям на городище Борохново, можно следующим образом реконструировать историю его использования. Первоначально на краю площадки городища была сооружена деревоземляная оборонительная конструкция, с внешней стороны которой был выкопан неглубокий ров. Стратиграфия напластований позволяет предположить, что все слои глины в восточной части раскопа являются остатками разрушенной стены и относятся фактически к одному археологическому слою. Разница оттенков цвета прослоек в насыпи связана с близостью к огню в момент разрушения (прокаленность) и условиями последующего залегания. В целом же все они сформированы из изначально однородной материковой глины. Сооружение погибло в результате пожара, о чем свидетельствуют многочисленные обгоревшие деревянные детали и сильный прокал его грунтовой части. Поскольку значительная часть деревянных деталей постройки была доступна для огня, следует предположить, что они не были скрыты насыпью. Они могли выполнять роль внешней облицовки, предохраняющей земляную насыпь от осыпания, или поддерживать стены и свод помещений, располагавшихся внутри насыпи¹. Для более подробной реконструкции исследованных в ходе раскопок сооружений данных пока недостаточно.

По культурной принадлежности сооружение на основании находок характерной лепной керамики можно отнести к культуре длинных курганов, вероятно, к последнему ее этапу накануне образования Древнерусского государства. На это время указывают радиоуглеродные датировки дерева из слоя пожара, полученные в изотопном центре Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Датированные образцы происходят из обоих горизонтов горелого дерева. Из верхнего горизонта получен образец SPb_555 (1245±50BP); из нижнего — SPb_595 (1229±50BP). Калиброванные даты дают следующие интервалы: 660–890AD (95,4%); 660–900AD (94,4%). Ближайшие к городищу могильники культуры длинных курганов известны на удалении 5–10 км от него, на р. Кудебь (Кузнеченки, Демеши, Бунгино, Медведково).

Слой серой супеси в западной части раскопа сформировался после разрушения стены в результате естественных процессов или более поздней перепланировки площадки. Из него происходят фрагменты лепной керамики и единичные фрагменты гончарной, в том числе орнаментированной. К сожалению, почти все находки керамики представлены мелкими фрагментами, вследствие чего практически невозможно было бы отличить лепную керамику культуры длинных курганов от древнерусской лепной керамики, если таковая присутствует на городище. Слой с печью-каменкой перекрывал край гряды прокаленной глины нижнего горизонта пожара. Таким образом, исходя из стратиграфических наблюдений, очевидно, что печь была сооружена после разрушения

¹ По результатам раскопок 1981 г. Б. Н. Харлашовым был сделан вывод о двух близких по времени периодах строительства оборонительных сооружений по периметру площадки городища, которые последовательно погибли при пожарах. Печь-каменка была отнесена ко второму периоду (*Харлашов*, 1990. С. 74–78).

первоначального деревоземляного укрепления и соответствует второму периоду использования городища. Керамика, происходящая из пятна темно-серой супеси перед каменкой, практически не отличается от находок в слое пожара, хотя здесь не встречено ребристых форм. Внешне она вполне может быть отнесена как к культуре длинных курганов, так и к древнерусской. Правда, наход-ка глиняного пряслица (рис. 7, 13) скорее указывает на древнерусский период.

Дальнейшие исследования на памятнике представляются перспективными для изучения всех деталей оборонительных сооружений городища VII—IX вв. н.э. На сегодняшний день подобные сооружения на территории культуры длинных курганов остаются практически неизученными. Ближайшей аналогией оборонительным конструкциям Борохновского городища являются сооружения по краю площадки городища у д. Ладыгино, расположенного в 52 км к востоку².

Городище у д. Борохново продолжало использоваться и в период средневековья. Подтверждением тому служат хотя и мелко фрагментированные, но многочисленные фрагменты гончарной керамики, найденные при раскопках 1981 и 2010−2012 гг. В начале II тыс. н.э. оно, вероятно, выполняло функции убежища для сельского населения. Косвенное подтверждение этому — упоминание в грамоте XV в. «городских Затвористых ворот», которые территориально могут быть отождествлены с городищем у д. Борохново (*Марасинова*, 1966. № 27. С. 65; *Харлашов*, 1990. С. 78).

Литература

- *Аун М.Э.*, 1976. Лепная керамика городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии во второй половине 1 тысячелетия н.э. // Изв. АН ЭССР. Таллин. Т. 25. № 4.
- *Белецкий С.В.*, 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.
- *Голунова И.К.*, 1958. Отчет о разведке в Палкинском районе Псковской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-І. № 1865.
- *Карро К.*, 2011. Каменные могильники Аласоо и Лахепера вблизи западного побережья Чудского озера // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).
- Короткевич Б.С., 2010. Отчет о работах в Псковской области в 2010 году // Архив ИА РАН.
- *Короткевич Б.С.*, 2011. Отчет о работах в Псковской области в 2011 году // Архив ИА РАН.
- *Короткевич Б.С.*, 2012. Отчет об археологических раскопках на городищах Анашкино и Борохново в Псковской области в 2012 году // Архив ИА РАН.
- *Лопатин Н.В.*, 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ: Мат. 52 заседания (2006).

 $^{^2}$ При обследовании городища в 1988 г. на краю площадки был заложен шурф (2×4 м) и выполнена зачистка стенки ямы, в которых выявлены 2 слоя пожара, перекрытые прокаленной глиной. Вещевые находки отсутствовали (*Харлашов*, 1988. С. 13–16). Две даты были получены в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН С. Г. Поповым: для верхнего слоя — ЛЕ-3211: 1490 $\pm$ 80 BP, Cal. 530–650 AD (57,3%);); для нижнего — ЛЕ-3212: 1690 $\pm$ 40 BP, Cal. 320–420AD (57,5%).

Лопатин Н.В., 2009. К соотношению керамики культуры длинных курганов и нижнего слоя Изборска // Stratum plus. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5.

Марасинова Л.М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.

Седов В.В., 1971. Разведки в Псковской земле // АО 1970 г.

Седов В.В., 1978. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155.

Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

Харлашов Б.Н., 1981. Отчет о разведке в бассейне р. Кудебь в Палкинском районе Псковской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8576.

Харлашов Б.Н., 1988. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в центральных и западных районах Псковской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12564.

Харлашов Б.Н., 1990. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // СА. № 1.

Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии: Тр. Прибалтийской объед. комплексной экспедиции. М.

М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева

Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.

M.I. Kulakova, A. V. Mikhailov, E. V. Salmina, E.A. Yakovleva. Archaeological excavations in Velikie Luki in 2012

Abstract. In 2012 experts of the «Archaeological Center of Pskov region» continued archaeological researches on the territory of the fortress in the city Velikie Luki. As part of identification of the boundaries of the cultural heritage object of federal importance «Earthen wall: The fortress of the 12th century» field survey of the site was undertaken, including collection of surface material, and exploration pits and outcrops stripping were made. In November 2012 architectural and archaeological researches on the site of the ruined Church of Resurrection was carried out. The aim of the researches was to obtain information on the conditions and location of architectural remains of the church, definition of the main characteristics of the cultural layer on the territory of the former Church of Resurrection, and to get additional data about the layout of the Velikie Luki fortress. The excavation area was of 40 m².

Ключевые слова: Великолукская крепость, дерево-земляные укрепления, земляной вал, собор Воскресения Христова, архитектурно-археологические исследования

В 2012 г. в историческом центре г. Великие Луки специалистами ГБУК «Археологический центр Псковской области» были продолжены исследования на территории Великолукской крепости и прилегающей к ней территории.

Объект культурного наследия расположен в центре г. Великие Луки (Великолукский р-н Псковской обл.), на левом берегу р. Ловать, напротив о. Дятлинка, в квартале, ограниченном улицами Р. Люксембург, Виноградова, Парковая, Крестьянская. Крепость XVIII в. была построена на месте устаревшей к тому времени более древней фортификационной системы. В составе оборонительного сооружения Петровского времени несомненно сохраняется археологическая информация как о начальных этапах освоения местности, так о и более позднем, губернском периоде развития этой части городской территории. Комплексный по своей природе памятник отчетливо выражен в рельефе и окружающем ландшафте. Крепость расположена на высоком обособленном всхолмлении, в окружении низин, рва и излучины р. Ловати.

Начало археологического изучения Великолукской крепости было положено в 1955 г. Я.В. Станкевич. Были осмотрены выходы культурного слоя внутри и за пределами крепости, у валов, распаханных под огороды. Среди фрагментов керамики, собранных в качестве подъемного материала,

обнаружены формы, относящиеся ко времени не ранее XIII—XIV вв. (Станкевич, 1955). В 1965 г. под руководством Л. В. Алексеева впервые были проведены раскопки на территории крепости: заложены шурфы 1, 3 и траншея 1 (рис. 1 на вклейке). Автор раскопок в своем отчете указывает, что культурный слой в крепости оказался значительно потревоженным мощными фундаментами зданий XVII—XX вв., завалами валунов, строительным мусором, мощность которых составляла от 0,3 до 1 м. Сам культурный слой имел мощность от 0,6 до 0,8 м. На глубине 1–1,6 м от уровня дневной поверхности был выявлен материк — слой крупного серо-желтого песка. В траншее в составе культурного слоя были раскрыты остатки двух средневековых построек очень плохой сохранности. Их ориентировка соответствовала направлению крепостного вала. Обнаруженные фрагменты керамики датируются временем не ранее XIII в. (Алексеев, 1965; 1966).

Раскопки в крепости возобновились в 1976 г. под руководством М. А. Миролюбова (рис. 1). Раскоп выявил потревоженный культурный слой (*Миролюбов*, 1976). В 1977 г. им же было заложено 8 шурфов в крепости, культурный слой в них выявлен не был (*Миролюбов*, 1977). В 1979 г. начато 11 шурфов, на 6 из которых работы были остановлены автором раскопок из-за появления грунтовых вод, в остальных культурный слой не зафиксирован (*Миролюбов*, 1978; 1979).

По результатам исследований прошлых лет, культурный слой в крепости имеет мощность 0,7–0,8 м и датируется XIII–XVII вв. Проведенные работы выявили его значительную потревоженность. Эта особенность, присущая в различной мере всем средневековым городам, определяется застройкой древней части города в XVIII–XIX вв., активными военными действиями на территории Великих Лук как в средневековье, так и в годы Великой Отечественной войны. Основываясь на результатах своих исследований, М. А. Миролюбов сделал вывод о нецелесообразности дальнейшего археологического исследования крепости. Это заключение представляется недостаточно обоснованным и преждевременным. Данные работ, проведенных Я. В. Станкевич и Л. В. Алексеевым, позволяют полагать, что культурный слой крепости не был разрушен полностью.

Отчетная документация перечисленных исследований полностью представлена в научно-отраслевом архиве ИА РАН. Часть отчетов и чертежей к ним хранится в Научном архиве Великолукского краеведческого музея. Коллекции находок сезонов 1976—1978 гг. (41 ед. хранения) и 1979 г. (49)

Коллекции находок сезонов 1976—1978 гг. (41 ед. хранения) и 1979 г. (49) находятся в фондах Великолукского краеведческого музея. Находки из раскопок 1955, 1965—1966 гг., согласно актам, были переданы в Великолукский краеведческий музей, но в фондах музея этих коллекций обнаружить не удалось: по-видимому, они были утрачены в 1950—1960-е гг. Доступные коллекции вещевых находок довольно малочисленны и бедны. Основной их объем составляет средневековая керамика, индивидуальные находки единичны (Юрасов, 1996. С. 28).

На основании проведенных в 1950–1980-х гг. исследований на территории Великолукской крепости и в ее окрестностях (Городок на Ловати) становится

возможным скорректировать хронологические рамки существования объекта археологического наследия. Результаты раскопок Городка на Ловати, предпринятые В. М. Горюновой в 1970-х гг., убедительно доказали существование в IX–XI вв. в 5 км выше по течению Ловати протогородского поселения — предшественника Великих Лук, пункта контроля на пути «из варяг в греки». Нижняя дата существования крепости на территории современных Великих Лук должна быть определена временем не ранее XI в. Верхняя дата памятника — XVIII в. — время сооружения земляных укреплений времен Северной войны.

За все время своего существования крепость неоднократно горела, подвергалась ремонтам и реконструкциям. В начале XVIII в. на территории крепости были проведены масштабные земляные работы, связанные с возведением новых — дерево-земляных — укреплений. В результате этих работ, по всей видимости, значительная часть средневековых культурных отложений была использована для строительства вала. В XVIII — первой половине XX в. на площадке, ограниченной валом, располагалось значительное количество каменных построек, в том числе Воскресенский собор. В годы Великой Отечественной войны крепость была превращена фашистами в оборонительный пункт и сильно пострадала при взятии города советскими войсками. Все перечисленные факторы оказали негативное влияние на сохранность культурного слоя, на некоторых участках он, судя по результатам раскопок, уничтожен полностью.

В рамках работ 2012 г. по определению границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Земляной вал. Крепость IX века» было проведено натурное обследование памятника, включавшее сбор подъемного материала, а также выполнены разведочные шурфы и зачистки обнажений (рис. 1 на вклейке).

Сбор подъемного материала производился на склонах земляного вала и у его подножия, а также на берегу р. Ловать, под крепостью, напротив о. Дятлинка, и на самом острове. Кроме керамики XV—XVII вв. и более позднего керамического материала, со склонов вала происходят единичные фрагменты лепной керамики и гончарной керамики древнерусского времени. Наибольшее количество подъемного материала обнаружено на восточном берегу о. Дятлинка, противоположном от крепости. Здесь встречены в том числе и фрагменты древнерусской круговой керамики.

В ходе натурного обследования территории памятника и сбора подъемного материала на склонах земляного вала XVII в. было установлено следующее:

- валы крепости сложены из культурного слоя, происходящего, вероятно, с площадки более древнего укрепленного поселения, располагавшегося здесь же. Культурный слой в валах темно-серого цвета, с частыми включениями угольков (что может быть связано и с событиями Великой Отечественной войны), отдельных фрагментированных костей животных, осколков красного кирпича;
- на поверхности оплывших земляных фортификаций лежит разнообразный керамический материал, в том числе средневековый;

- перспективным в плане дальнейшего исследования крепости представляется выполнение разрезов валов на нескольких участках: в тех местах, где предполагается существование подземных каменных галерей (восточный вал), и там, где валы полностью состоят из грунта;
- важно продолжить археологические изыскания в низине, окружающей крепость, на местах, где некогда существовали кварталы губернского города, которые могли наследовать более раннюю застройку.

Зачистки обнажений грунта, выполненные вдоль западного берега о. Дятлинка, показали, что этот участок берега неоднократно нивелировался путем подсыпок грунта в Новое и Новейшее время. Кроме того, отчетливо прослеживаются следы работ по укреплению береговой террасы от оползания: береговая линия укреплена системой из деревянных кольев и городней, заложенных валунами.

Для уточнения стратиграфии крепости, геоморфологической ситуации, границ распространения культурного слоя было выполнено 10 шурфов общей площадью $28 \, \mathrm{m}^2$. Шурфы $1 \, \mathrm{u} \, 2$ ($1 \, \mathrm{m}^2$ каждый) располагались с внешней стороны земляного вала — с запада и юга. Шурфы $3 \, \mathrm{u} \, 4$ ($1 \, \mathrm{m}^2$ каждый) были заложены к северо-западу от здания краеведческого музея. Шурфы 5-8 ($2 \, \mathrm{m}^2$ каждый) находились на западном коренном берегу низины, окружающей территорию крепости. Шурф $9 \, (8 \, \mathrm{m}^2)$ располагался у подножия северного фаса Тулубьева бастиона. Шурф $10 \, (8 \, \mathrm{m}^2)$ был заложен с внутренней стороны восточного вала крепости.

За пределами земляного вала, на площадке крепости, средневековые культурные отложения (шурфы 1, 2, 9) не зафиксированы. Обращает на себя внимание то, что в этих шурфах под почвенным горизонтом залегает моренная глина, тогда как на площадке крепости материк представлен песком (по результатам предыдущих исследований).

Шурфы 3 и 4 у здания краеведческого музея показали, что с севера к ложбине, отделяющей крепость, примыкал участок средневекового посада, что раньше не было известно.

В шурфах 5–8 выявлены следы нивелировки территории, относящиеся к послевоенному времени. Средневековые культурные отложения в них не зафиксированы.

В пределах шурфа 10 зафиксированы культурный слой и хозяйственные ямы, содержавшие средневековые находки, в том числе древнерусского времени — фрагмент браслета синего стекла (рис. 2 на вклейке, 13). Обнаруженные в основании культурного слоя участки серой супеси — первоначального погребенного дерна — также свидетельствуют о сохранности культурного слоя.

В ноябре 2012 г. проводились архитектурно-археологические исследования на территории разрушенного храма Воскресения Христова в границах объекта культурного наследия федерального значения «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704–1708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII» (г. Великие Луки Псковской обл.). Целью работ являлось получение информационных оснований для планирования мероприятий по сохранению остатков церкви Воскресения Христова, в том числе

установление состояния и местоположения архитектурных остатков церкви; определение основных характеристик культурного слоя на территории разрушенного храма Воскресения Христова в границах объекта культурного наследия федерального значения «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704—1708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII»; получение дополнительных данных о планировке Великолукской крепости. Площадь раскопа составила 40 м².

«Собор Воскресения Христова, что внутри города, с приделами преподобного Михаила Малеина и Рождества Пречистыя Богородицы» впервые упоминается в письменных источниках под 1626 г. в связи со строительством храма. Первоначальный собор был деревянным. В 1682–1692 гг. на месте деревянного собора был построен каменный (*Юрасов*, 1996. С. 79). В 1816 г. к собору был пристроен вместо прежнего теплый придел — во имя Рождества Богородицы, а в 1826 г. новый придел — во имя Владимирской иконы Божьей Матери. На первоначальной колокольне храма находились «боевые часы и вестовой колокол, прежде висевший на Воскресенской башне крепости». В 1776 г. колокольня «по ветхости» была разобрана, и на ее месте построили новую, двухъярусную. Длина храма вместе с колокольней составляла приблизительно 43 м, ширина — 10 м, высота — 19 м. Под собором находились погреба, в которых первоначально хранился порох, а впоследствии — церковное имущество (*Орлов*, 2012. С. 95—97).

В ходе боев за освобождение Великих Лук от немецко-фашистских захватчиков в январе 1943 г. собор был почти полностью разрушен. В конце 1990-х гг. на месте храма установлен памятный крест.

Раскоп был заложен у восточного подножия холма, традиционно атрибутируемого местными жителями как руинированные остатки Воскресенского собора, в юго-восточной части крепости, напротив северных (Воскресенских) ворот (рис. 1). Перед началом работ площадка раскопа была относительно ровной, хорошо задернованной. Прослеживалось небольшое повышение современной дневной поверхности к западу, в сторону остатков собора.

Общая площадь исследованной территории составила 40 м². Раскоп был разбит на 12 квадратов размерами 2×2 м. Конфигурация раскопа прямоугольная. Для получения дополнительной информации о конструктивных особенностях фундамента алтарной части Воскресенского собора было выполнено две прирезки (кв.1а и 7а).

Уже при снятии верхнего (балластного) слоя в западной части раскопа на 0,1–0,2 м ниже уровня современной дневной поверхности были выявлены остатки фундаментной конструкции (рис. 3). Фундамент раскрытого сооружения сложен из гранитных валунов диаметром от 0,2 до 0,7 м в поперечнике. Камни фундамента положены в один ряд. Исключение составляет ситуация, зафиксированная в южной части фундамента, где валуны более мелкого диаметра (0,2–0,4 м) сложены в два, а местами в три, яруса. Связано это, по всей видимости, с тем, что южная часть фундамента была сооружена над материковой ямой (яма 1). Основание фундамента покоится на культурном слое. Высота фундамента составляет 0,4–0,6 м. Сверху камни фундамента перекрыты

Рис. 3. Фундамент алтарной части Воскресенского собора

линзой битого кирпича на известковом растворе. Очевидно, что выявленный фундамент служил основанием стены, сложенной из кирпича.

Для уточнения параметров раскрытого сооружения были выполнены две прирезки к раскопу: к северу (кв.1а) — для фиксации угла сооружения, и к западу (кв.7а) — для определения ширины фундамента. В ходе работ было установлено, что ширина фундамента составляет ок. 2 м. На всем протяжении фундамента валуны перекрыты линзой битого кирпича на известковом растворе.

С большой долей вероятности можно говорить о том, что в раскопе выявлен фундамент восточной стены апсиды каменного Воскресенского собора, построенного в 1692 г. По имеющимся изобразительным источникам мы знаем, что апсида собора была подпрямоугольной. Реконструируемая протяженность фундамента восточной стены апсиды — 14 м, ширина — 2 м. Кирпичная стена апсиды, по всей видимости, была сильно разрушена в 1943 г. и полностью снесена в ходе работ по благоустройству территории крепости, которые были проведены в 1970-х гг. Об этом свидетельствуют как сообщения очевидцев, так

и стратиграфические наблюдения в ходе полевых работ. Остатки стен апсиды были перемещены землеройной техникой к основанию четверика.

При проведении археологических исследований на всей площади раскопа были встречены погребения, связанные с кладбищем Воскресенского собора. Часть погребений была разрушена в ходе земляных работ XIX-XX вв. Непотревоженные погребения залегают всего на 0.4-0.5 м ниже уровня современной дневной поверхности. Всего в пределах раскопа изучено 20 погребений, вошедших в пятно раскопа полностью или частично. Ямы наиболее ранних погребений опущены в материк — плотный желтоватый песок, ямы для более поздних погребений были выкопаны в культурном слое. Ориентировка погребенных традиционна — запад — восток. Большинство погребений достоверно было совершено в гробах, об этом свидетельствуют находки кованых гвоздей в заполнении могильных ям. В погребении 19 в области головы зафиксировано пятно древесного тлена, которое может быть атрибутировано как остатки погребальной «подушки», аналогии которым хорошо известны в русских позднесредневековых погребениях.

Из общего ряда изученных в раскопе захоронений устройством погребального сооружения выделяется погребение 17 (рис. 4). Погребальная конструкция выполнена из необожженных кирпичей (размеры кирпича $-30 \times 15 \times 6$ см). Она напоминает склеп, стенки которого сложены насухо из кирпичей, поставленных друг на друга в два ряда. В раскопе зафиксированы западная, северная и восточная стенки склепа. Высота стенок составляет 0,3 м. Между кирпичными стенками склепа и стенками могильной ямы были сложены кости потревоженных погребением 17 более ранних захоронений. У западной стенки были встречены преимущественно тазовые кости, у северной и южной — длинные кости конечностей.

Стенки поставлены на три поперечных ряда кирпичей, положенных без раствора плашмя (в западной части конструкции, в центральной части и в восточной). Поперечные ряды кирпичей также служили подкладками под гроб, от которого сохранилось несколько кованых гвоздей. Внутренние размеры склепа $-2 \times 0.6 - 0.75$ м.

Погребальная конструкция имела верхнее перекрытие, которое отчетливо фиксируется в восточном профиле раскопа в виде линзы красной необожженной глины длиной 1,3 м и шириной ок. 0,2 м. Возможно, к остаткам верхних перекрытий относится и пятно необожженной глины, выявленное в западной части склепа за головой погребенного.

Погребальный инвентарь встречен в 10 погребениях. Как правило, это нательные кресты характерных для позднего средневековья форм (рис. 2, 1-8). В погребении 8 обнаружена серебряная монета-«чешуйка» (рис. 2, 9), в погребении 17 — ременная пряжка. В погребении 19 в области головы прослеживались слабые следы головного убора (покрова?), расшитого металлизированными нитями. Указанный элемент погребального убранства сохранился в виде маленьких кусочков проволоки.

При устройстве кладбища были сильно повреждены более ранние культурные отложения, вплоть до уровня материка. Вместе с тем, в ряде случаев

Рис. 4. Погребение в кирпичном «склепе» (погребение 17)

между могильными ямами удалось зафиксировать участки серого супесчаного слоя — древнего почвенного горизонта. Из слоя серой супеси, в частности, происходит донце сосуда из желтоватого прозрачного стекла. Находки подобных стеклянных изделий хорошо известны в крупных центрах Древней Руси. Великолукский экземпляр, по аналогии с находками из Новгорода, может быть датирован второй половиной XII — серединой XIII в.

Коллекция индивидуальных находок, происходящих из раскопа, составляет 25 предметов. Наиболее многочисленными категориями находок являются нательные крестики и монеты (рис. 2, 1-8; 10-12). Крестики встречены не только в погребениях, но и в культурном слое. Кроме того, среди находок следует отметить ременные пряжки, пуговицы и разнообразные фрагменты изделий из цветного металла.

Архитектурно-археологические исследования, проведенные на территории Великолукской крепости в районе остатков разрушенного храма Воскресения Христова, позволили получить новые данные как о конструкции собора, так и об основных характеристиках средневековых культурных отложений в пределах крепости. Одним из важнейших результатов проведенных полевых исследований стало подтверждение перспективности дальнейшего археологического изучения Великих Лук и, в частности, территории крепости. Высказывавшиеся ранее предположения о том, что в пределах крепости средневековые культурные отложения полностью уничтожены, не подтвердились. В пределах раскопа зафиксирован культурный слой мощностью 0,5–0,8 м, содержащий средневековые находки, в том числе древнерусского времени. Обнаруженные в основании культурного слоя участки серой супеси — первоначального погребенного дерна — также свидетельствуют о сохранности культурного слоя.

Несмотря на небольшую исследованную площадь, этапы освоения изученной территории около руин Воскресенского собора представляются следующим образом. Освоение территории в восточной части крепости начинается в древнерусское время. Наиболее активно она используется в XV-XVI вв., о чем говорят частокольная (яма 4) и хозяйственные ямы (1, 7). В начале XVII в. (1626 г.) на участке строится первый, еще деревянный, Воскресенский собор, около которого появляется и начинает функционировать церковное кладбище. Кладбище существует на этом месте до конца XVII в., когда в 1692 г. появляется новый, каменный, храм. По всей видимости, деревянная церковь была меньшего размера, чем каменная, поскольку фундамент апсиды поставлен на слой кладбища, целый ряд погребений оказались под фундаментом каменного храма. Церковное кладбище Воскресенского собора, возникнув в первой трети XVII в., прекращает свое существование в конце XVII в.: ни на одном из картографических источников XVIII-XIX вв. около Воскресенского собора кладбище не показано, погребальный инвентарь изученных в ходе раскопок погребений, особенно нумизматические находки, попадает в указанный хронологический интервал — 1626–1692 гг. Особо стоит отметить погребение 17, совершенное в склепе, сложенном из необожженного кирпича. Использование кирпича, сходного по своим параметрам с кирпичом, из которого был сооружен каменный храм, расположение погребения относительно апсиды нового храма, принадлежность погребения 17 к числу наиболее поздних на кладбище (по стратиграфическим наблюдениям), — все это позволяет предположить, что человек, похороненный в кирпичном склепе, был каким-то образом причастен к возведению каменного храма и скончался в процессе его строительства.

Как уже отмечалось выше, каменный Воскресенский собор просуществовал на этом месте до 1943 г., когда был почти полностью разрушен во время боев за освобождение Великих Лук. Алтарная часть была практически полностью уничтожена. До начала 1970-х гг. на поверхности были видны стены основного объема храма с дверными и оконными проемами. В начале 1970-х гг., после того как закончилось расселение людей, живших в бараках

на территории крепости, было произведено масштабное благоустройство территории, в ходе которого остатки стен храма были обвалованы культурным слоем, взятым с прилегающей территории.

В ходе архитектурно-археологических исследований было уточнено местоположение Воскресенского собора конца XVII в., выявлены восточная стена апсиды и ее северо-восточный угол. Установлено, что алтарная часть храма полностью уничтожена в середине — второй половине XX в., сохранившиеся валунные фундаменты покоятся на средневековом культурном слое мощностью от 0,4 до 0,7 м. Сохранившиеся нижние части стен четверика засыпаны перемещенным культурным слоем. Храм Воскресения Христова, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении: необходимы раскрытие одного из фасадов основного объема с целью получения данных о состоянии кладки стен и фундаментных конструкций, выявление конструкции приделов храма и колокольни XIX в.

Литература

- *Алексеев Л.В.*, 1965. Отчет о разведках в Великих Луках // Архив ИА РАН. Р-1. № 3181, 3181а.
- Алексеев Л.В., 1966. Отчет о раскопках в Великих Луках летом 1966 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 3337, 3337a.
- Миролюбов М.А., 1976. Отчет о проделанной работе Великолукского археологического отряда Государственного Эрмитажа за 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6397, 6397а.
- *Миролюбов М.А.*, 1977. Отчет о работе Великолукского отряда Государственного Эрмитажа в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6657.
- Миролюбов М.А., 1978. Отчет о работе Великолукского отряда археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7277, 7277а.
- Миролюбов М.А., 1979. Отчет о работе Великолукского отряда археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8006, 8006а.
- *Орлов В.В.*, 2012. Окно в исчезнувший мир. Великие Луки: Экскурсии по городу. Великие Луки.
- *Станкевич Я.В.*, 1955. Отчет об археологических исследованиях в 1955 г. в Великолукской крепости // Архив ИА РАН. Р-1. № 1194.
- *Юрасов А.В.*, 1996. Великие Луки в XIII–XVII вв.: Историческая топография средневекового города. Псков.

Концепция музеефикации Великолукской крепости

E. V. Koroleva, E. A. Yakovleva.

The concept of museumification of the Velikie Luki fortress

Abstract. The concept of museumification of the Velikie Luki fortress was designed by a team of specialists commissioned by the Administration of the city of Velikie Luki. The document presents a complex of sites and monuments located on the territory of the planned museumification and constituting a single natural and cultural landscape. In the course of study it was found that in accordance with Russian legislation the complex typologically most closely falls under the concept of «the place of attraction». The authors propose a mechanism for the implementation of the concept through a new museum-reservation.

The concept consists of three main sections that cover the following trends: the fortress as a historical and urban dominant of the city; museumification as a form of preservation, use and promotion of a cultural heritage object, proposals of the concept of museumification implementation.

The concept is the initial step in the implementation of the project of museumification and improvement of the Velikie Luki fortress in future.

Ключевые слова: музеефикация, природно-культурный ландшафт, достопримечательное место, музей-заповедник, функциональное зонирование.

Разработка концепции музеефикации ОКН ФЗ «Земляной вал. Крепость», IX в. в г. Великие Луки Псковской обл. (ул. Розы Люксембург, левый берег р. Ловать)¹, была осуществлена в рамках муниципальной целевой программы «Наследие» по заказу Комитета культуры Администрации города.

Авторский коллектив по разработке концепции включал в себя специалистов различных организаций, связанных с сохранением историко-культурного наследия: Государственного комитета Псковской обл. по культуре (Н.Л. Сергеева, Г.А. Бояркова), Псковского государственного объединенного историкоархитектурного и художественного музея-заповедника (Э.В. Королёва), Археологического центра Псковской обл. (Е.А. Яковлева), Псковского филиала ФГУП Институт «Спецпроектреставрация» (И.Б. Голубева).

Цель разработки концепции — формирование идейно-методологических оснований для разработки проекта музеефикации и благоустройства территории ОКН ФЗ «Земляной вал. Крепость». В процессе научно-исследовательских

¹ Название концепции включает наименование памятника в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. №1327.

работ по подготовке концепции музеефикации была установлена неразрывная территориальная и содержательная связь следующих трех объектов культурного наследия, поставленных на государственную охрану ^{2} :

- 1) *памятник археологии федерального значения*: «Земляной вал. «Крепость», IX в., расположенный по адресу: Псковская обл., Великолукский р-н, г. Великие Луки, ул. Розы Люксембург, левый берег р. Ловать³;
- 2) памятник истории федерального значения: «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704–708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII», расположенный по адресу: Псковская обл., Великолукский р-н, г. Великие Луки, левый берег р. Ловать, ул. Розы Люксембург⁴;
- 3) *памятник археологии регионального значения:* культурный слой г. Великие Луки XII–XVIII вв., расположенный по адресу: г. Великие Луки, на левом берегу р. Ловать: набережная р. Рябики и в районе улиц Селина и Сергиевой слободы⁵.

Отметим, что в определенных проектом границах территории и, соответственно, на территории музеефикации, находится также памятник истории федерального значения «Могила Матросова А.М. (1924–1943)» и другие мемориальные объекты, связанные с событиями Великой Отечественной войны.

Упомянутые в документах как памятники истории и археологии крепости являются оборонительными сооружениями разных исторических периодов. Данные объекты культурного наследия, а также территории, функционально и исторически связанные с ними, составляют территориально единый историко-культурный комплекс, формирующий уникальный природно-культурный ландшафт центральной части Великих Лук.

В предложенной Концепции рассматривается именно этот **комплекс** с условным названием **«Великолукская крепость XII–XX вв.»** (далее — Великолукская крепость).

Территория самой крепости и неразрывно связанных с ней окрестностей (включая о. Дятлинка) достигает максимального размера в XVIII—XIX вв. Данное обстоятельство позволило считать границы территории, определенные для памятника истории «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704—708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII», правомерными для всех располагающихся в его границах объектов культурного наследия.

Таким образом, общая площадь территории музеефикации комплекса Великолукской крепости составляет 47,06 га (рис. 1 на вклейке).

Результаты научно-исследовательских работ, проведенных в рамках подготовки концепции музеефикации, показали, что типологически обозначенный

² Разработке концепции предшествовали работы по определению границ территории памятника, выполненные в 2012 г. ГБУК «Археологический центр Псковской области» (Проект границ территории ОКН ФЗ «Крепость земляная...», 2012).

³ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. №1327.

⁴ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. №1327.

⁵ Постановление ПОС депутатов от 30.01.1998 г. № 542.

⁶ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. №1327.

комплекс объектов культурного наследия «Великолукская крепость XII-XX вв.» соответствует понятию «достопримечательное место» ^{7} .

Комплексное градостроительное и памятникоохранительное осмысление данной территории в формате достопримечательного места в целях обеспечения условий для сохранения ценного историко-культурного и природного пространства центральной части Великих Лук позволяет говорить о необходимости создания здесь музея-заповедника «Великолукская крепость».

Положение о необходимости создания музея-заповедника в границах территории выявленного и поставленного на государственную охрану достопримечательного места «Великолукская крепость XII–XX вв.» являлось базисным при разработке концепции музеефикации территории Великолукской крепости.

В соответствии с этим была определена следующая структура Концепции, состоящая из трех разделов: 1. Крепость как историческая и градостроительная доминанта города Великие Луки; 2. Музеефикация как форма сохранения, использования и популяризации объекта культурного наследия; 3. Предложения по реализации концепции музеефикации.

В первом разделе «Крепость как историческая и градостроительная доминанта города Великие Луки» приведены результаты исследований, связанных с изучением истории развития территории музеефикации, очерки по начальным этапам истории формирования природно-культурного ландшафта, а также дана оценка современного состояния и использования территории музеефикации.

В материалы первого раздела также включен анализ потенциала и важности музеефикации Великолукской крепости для социально-экономического развития города Великие Луки и повышения его туристической привлекательности. Отметим, что из-за огромных утрат, которые понесло историко-культурное наследие города в годы Великой Отечественной войны, именно крепость имеет для Великих Лук первостепенное значение как средовой и градообразующий фактор, рекреационная территория, символ исторической памяти и гарант сохранения местной идентичности.

Второй раздел «Музеефикация как форма сохранения, использования и популяризации объекта культурного наследия» содержит обоснование целей и принципов музеефикации, функционального зонирования территории музеефикации и предлагаемой функциональной модели будущего музея-заповедника.

⁷ Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов (Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ, ст. 3).

Настоящая концепция музеефикации Великолукской крепости фактически рассматривает этот способ сохранения и популяризации культурного наследия как деятельность, направленную на регенерацию городской среды центральной части Великих Лук.

Функциональное зонирование территории музеефикации выполнено на основе культурно-ландшафтного анализа, положений проекта границ территории, с учетом сложившегося к настоящему времени характера использования пространства, необходимости реорганизации существующего муниципального Краеведческого музея и с привлечением предложений местного сообщества.

В соответствии с предлагаемой концепцией, оптимальной организационно-правовой формой для сохранения, изучения, популяризации и управления комплексным объектом наследия является историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Великолукская крепость», создаваемый на основе реорганизации Краеведческого музея города Великие Луки.

В третьем разделе предложения по реализации концепции музеефикации охарактеризованы с пространственной привязкой к карте-схеме территории музеефикации, обоснована очередность и содержание этапов реализации настоящей концепции.

В данной статье остановимся подробнее на основе практической составляющей предлагаемой концепции — функциональном зонировании (рис. 2 на вклейке).

Функциональное зонирование является неотъемлемой частью проектирования работ по музеефикации объектов культурного наследия. Важным обстоятельством, влияющим на планирование нового функционального зонирования в рамках разработки концепции музеефикации, является сложившийся характер функционального использования территории, который, в общих чертах, определяется как мемориально-рекреационный (парковая часть и набережные, мемориалы и памятники, связанные с Великой Отечественной войной, музейная территория, крепость, о. Дятлинка). Основной акцент в мемориальной составляющей территории сделан на событиях Великой Отечественной войны.

Предлагаемое в концепции зонирование в основном сохраняет характер использования территории Великолукской крепости. Оно призвано наполнить новым смысловым содержанием пространство планируемого музея-заповедника и территории предлагаемого достопримечательного места, обозначить актуальные смысловые акценты. Определение основных структурно-функциональных зон в границах музея-заповедника должно привести к повышению аттрактивности и вторичной аккультурации территории, стать практическим инструментом управления и использования земельного участка.

Базисным положением при выполнении функционального зонирования являлся следующий тезис: территория музеефикации представляет собой целостный историко-культурный и природный территориальный комплекс, существующий и управляемый в рамках тематического музея-заповедника «Великолукская крепость».

Сочетание природной и историко-культурной исключительности, ярко выраженная взаимосвязь природного и культурного разнообразия придают особую значимость территории музеефикации.

В настоящей концепции использован комплексный вид функционального зонирования территории музеефикации в границах территории объекта культурного наследия (памятникоохранного зонирования), в основе которого лежит пространственное или культурно-ландшафтное зонирование.

Соответственно, «природно-культурный ландшафт» является ключевым понятием при разработке предложений по функциональному зонированию территории музеефикации. Природно-культурный ландшафт должен стать единым объектом охраны и управления, а тактика работы с отдельными его фрагментами и структурами должна подчиняться целям его комплексного сохранения.

Избранный комплексный подход к зонированию территории при подготовке предложений по музеефикации позволил опираться в равной мере как на пространственную, так и на историческую информацию о развитии данной территории.

При выполнении функционального зонирования территории учитывались исторические функции культурного ландшафта, которые можно определить как *ассоциативные* и *мемориально-экспозиционные*.

Понятие **«функциональная зона»** в предлагаемой концепции — **это участок в границах территории ОКН (музея-заповедника)**, выделяющийся особенностями взаимосвязи его функционального использования и комплекса мероприятий по сохранению (музеефикации) памятника.

Границы сопредельных зонированных участков имеют достаточно условный характер, который объясняется видовым единством земель в границах территории ОКН (музея-заповедника) как земель историко-культурного назначения. При этом зонирование позволяет определить особенности функционально-структурного характера при использовании той или иной части территории ОКН в рамках предписанного общего правового режима.

Функциональные зоны находятся в «диффузной» связи между собой, их границы определены с некоторой долей условности. Так называемая «диффузная» связь означает, что в каждой зоне возможно присутствие локального участка из другой «зоны» — например, смотровой площадки, экспозиционного или инфраструктурного объекта и т.д.

Описание функциональных зон

Площадь территории ОКН $\Phi 3$ «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I...», определенная Проектом границ, — 47,06 га. В границах территории данного объекта культурного наследия и, соответственно, в границах территории музеефикации, настоящей концепцией предлагается выделить следующие функциональные зоны (рис. 2):

- I мемориальная и информационно-административная зона;
- ${f II}-$ зона музеефикации (экспозиция под открытым небом);
- III ландшафтно-рекреационная зона.

Функциональная зона I (мемориальная и информационно-административная зона) (рис. 2)

Oписание границ и территории функциональной зоны I

Функциональная зона 1 расположена в северной части территории музеефикации, ограничена с запада ул. Лизы Чайкиной, с севера — ул. Розы Люксембург, с юга линия ее границ совпадает с линией границы мемориального комплекса А. Матросова, в восточной части включает территорию комплекса Вечный огонь. Площадь функциональной зоны 1 составляет ок. 3 га.

Общее описание особенностей территории функциональной зоны І

Территория функциональной зоны I включает в себя парк Ветеранов, здание краеведческого музея г. Великие Луки (информационно-административная часть зоны), мемориальный комплекс А.М. Матросова — могилу и монументальный памятник Герою Советского Союза А.М. Матросову; мемориальный комплекс Вечный Огонь (мемориальная часть зоны).

В соответствии с Генеральным планом⁸ (лист «Схема ограничений с отображением результата анализа комплексной оценки территории»), участок с функциональной зоной I находится в пределах зоны историко-культурного значения, но археологический культурный слой здесь не обозначен. Однако археологические изыскания, проведенные в 2012 г. в рамках работ по определению границ территории ОКН в зеленой зоне у здания краеведческого музея, впервые показали наличие на этой территории одного из участков средневекового посада.

Предложения по функциональному использованию и проектированию в рамках музеефикации территории

Функциональная зона I (информационно-административная с прилегающей мемориальной) являются территорией, основные функции которой связаны с организацией управления и формированием восприятия нового музейного комплекса.

Предлагаемый настоящей концепцией музей-заповедник «Великолукская крепость» является своеобразным восприемником Краеведческого музея г. Великие Луки, принимающим на себя функции мемориального комплекса и роль центра патриотического воспитания. Несомненно, что мемориальный комплекс А. М. Матросова, расположенный в непосредственной близости от здания музея (информационно-административного центра нового музеязаповедника), останется одним из основных визуальных и смысловых образов, связанных с территорией музеефикации.

Расширение спектра деятельности музея-заповедника по сравнению с Краеведческим музеем, увеличение его территории и вовлечение в «функциональный оборот» нового комплексного объекта культурного наследия влекут

 $^{^8}$ Здесь и далее имеется в виду Генеральный план города Великие Луки, принятый решением Великолукской городской Думы от 27 сентября 2012 г. № 137

за собой изменения в позиционировании нового музея через использование новых образов и символов, связанных с Великолукской крепостью.

Важной задачей является придание музейной территории не только мемориальной и ассоциативной функций, связанных, в первую очередь, с событиями Великой Отечественной войны, но и организация ее восприятия как места хранения исторической памяти города Великие Луки.

Перечень мероприятий по созданию информационно-административной и мемориальной зоны следующий: 1) реконструкция существующего здания музея для оборудования новых экспозиционных пространств и информационного визит-центра; 2) строительство пристройки к зданию музея (с западной стороны) для фондохранилища музея и центра презентации научно-исследовательских работ, проводимых на территории музея-заповедника; 3) оборудование автомобильной парковки на участке к юго-западу от здания музея; 4) установка информационных щитов, указателей и туристических схем; 5) размещение инфраструктуры гостеприимства (туалеты, мобильные киоски, кассы и т.п.).

Функциональная зона I является не только информационно-административным центром самого музея-заповедника, но и центром туристической дестинации Великих Лук в целом.

Функциональная зона II— зона музеефикации (экспозиция под открытым небом) (рис. 2)

Описание границ и территории функциональной зоны ІІ

Функциональная зона II расположена в границах самого объекта ОКН «Земляная крепость, построенная по приказу Петра I в 1704–1708 гг.». Линия границы зоны проходит по нижней подошве возвышенности природно-антропогенного происхождения, на которой были возведены фортификационные укрепления. Площадь — 10.8 га.

Общее описание особенностей территории функциональной зоны II

В соответствии с Генеральным планом (лист «Схема ограничений с отображением результата анализа комплексной оценки территории»), участок с функциональной зоной ІІ (экспозиция под открытым небом) находится в зоне историко-культурного значения, в его пределах обозначена часть «культурного слоя в границах исторического центра и селищ».

По результатам археологических исследований прошлых лет, культурный слой в крепости имеет мощность 0,7–0,8 м и датируется XIII—XVII вв. Проведенные работы выявили его значительную потревоженность. На основании проведенных в 2012 г. археологических работ в рамках определения границ территории Великолукской крепости становится возможным говорить об удревнении датировки культурных отложений, по крайней мере, до XII в.

⁹ Туристическая дестинация — решающий элемент туристской системы. Ее можно охарактеризовать как центр (территорию) со всевозможными удобствами, средствами обслуживания и услугами для обеспечения нужд туристов.

На протяжении всей средневековой истории Великих Лук здесь размещалась укрепленная часть города. Конкретная топография крепостных сооружений, в частности размещение башен и ворот, определялась потребностями обороны и сложившейся планировкой. Территория в границах крепостных стен, а позднее — в границах земляных валов и бастионов, использовалась для размещения церковных, казенных и жилых зданий, была неоднократно перепланирована и, вероятно, снивелирована, поэтому современные отметки не везде отражают исторический уровень.

Военные действия времен Великой Отечественной войны практически полностью уничтожили вторичную по отношению к крепости застройку и планировку губернского периода. Сохранились два входа на территорию крепости. Северный вход в крепость расположен на месте ворот, датируемых концом XVIII в., западный устроен через подлинные крепостные ворота.

На северо-западном бастионе установлен танк Т-34 — памятник в честь воинов-танкистов. На северо-восточном — Обелиск Славы — памятник воинам, павшим в боях за город Великие Луки в декабре 1942 — январе 1943 г. На территории крепости имеются элементы благоустройства, оформляющие Обелиск Славы и танк Т-34: мощеные декоративной плиткой площадки вокруг памятников, цветники, лестничные всходы, устроенные по рельефу бастионов.

Предложения по функциональному использованию и проектированию в рамках музеефикации территории

Основное назначение функциональной зоны II — размещение в ней экспозиции под открытым небом. Перечень мероприятий по созданию такой экспозиции включает в себя: 1) консервационные и реставрационные работы на бастионах и валах крепостных укреплений 1704—1708 гг.; западных и северных воротах крепости; равелине (восстановление «геометрии» крепостных укреплений, воссоздание профилей земляного вала и бастионов, укрепление откосов по специально разработанной методике); 2) восстановление основных элементов оборонного узла юго-восточного бастиона и (в том числе деревоземляных и деревянных укреплений); 3) восстановление основных элементов западного оборонительного узла (западные ворота и равелин); 4) воссоздание элементов исторической планировочной структуры (устройство пешеходных дорожек на территории внутри крепости); 5) устройство пешеходной туристической инфраструктуры по крепостному валу и смотровых площадок на бастионах; 6) визуализация элементов планировки крепости XVII—XIX вв. основных историко-топографических объектов (маркирование на местности в плане основной застройки — церковных, казенных и жилых зданий; церкви Рождества Богородицы, Воскресенского и Никольского соборов; обозначение местонахождения Воскресенской и Спасской башен; по возможности, устройство «археологических окон»); 7) устройство интерактивного экспозиционного пространства в каменных сводчатых коридорах внутри валов и каменных сводчатых подвалах на территории крепости (на основе результатов архитектурно-археологических исследований); 8) выполнение плоскостной цветной

схемы основных элементов средневековой крепости в масштабе 1:10 на поверхности наружной восточной террасы с возможностью ее осмотра с вала и с самой террасы; 9) очистка пруда и благоустройство его «набережной» с возможностью подхода к воде (устройство мостков и т.д.); 10) реализация проекта благоустройства и ландшафтного дизайна (организация озеленения на основе дендрологического обследования); 11) установка информационных щитов, указателей и туристических схем; 12) создание пространства с «дополненной реальностью» (нанесение меток — QR-кодов¹⁰ на экспозиционные объекты)¹¹.

При выборе методов проведения работ по визуализации и воссозданию основных элементов планировочной структуры рекомендуется использовать методы ландшафтного дизайна, а также учитывать такое восприятие объекта как вид сверху.

Функциональная зона III (ландшафтно-рекреационная) (рис. 2)

Описание границ и территории функциональной зоны III

Функциональная зона III расположена на территории, непосредственно прилегающей к крепости (функциональной зоне II) и составляющей с ней исторически сложившееся целое. Линия границы функциональной зоны с запада, юга и востока совпадает с линией границы территории ОКН. С северозапада к ней примыкает территория функциональной зоны I. В северо-восточной части территория функциональной зоны III достигает линии границы территории ОКН. Площадь функциональной зоны III — ок. 33 га.

Общее описание особенностей территории функциональной зоны III

Прилегающая с севера, запада и юга к крепости территория представлена низинами искусственного происхождения— долинами небольших высохших озер Чистого и Тиноватого.

При работах по реконструкции крепости в 1704—1708 гг. для укрепления высокой земляной насыпи предположительно использовался грунт от подножья холма, от оборонительных рвов. Таким образом, старые крепостные рвы были превращены в локальные озера, а ложе котловины расширено. В период активной функции крепости озерам отводилась роль водных преград и защитных рвов на подступах к крепости. Внешние относительно крепости берега озер представляют собой откосы, снивелированные в процессе жизнедеятельности города. В целом, берега озер являются частью котловины, в центре которой, на возвышении, поставлена земляная крепость (выделенная в функциональную зону II).

¹⁰ Термином «дополненная реальность» обозначают возможность дополнять информацию о видимых нами трехмерных объектах созданными виртуальными двумерными и трехмерными объектами и элементами (мультимедиа, 3D модель, текстовый файл и т.д.) с помощью цифровой камеры и экрана.

 $^{^{11}}$ Авторы концепции благодарны старшему научному сотруднику ГБУК «Археологический центр Псковской области» Р.Г. Подгорной за подробную консультацию о возможности применения информационных технологий при музеефикации.

С востока возвышенность огибает р. Ловать. В подножье возвышенности река разделяется на два рукава, между которыми находится остров Дятлинка. К востоку от крепости подножие возвышенности огибает излучина рукава р. Ловать; в непосредственной близости от возвышенности находится остров Дятлинка, исторически и функционально связанный с крепостью.

Остров Дятлинка, отделенный от подножья крепости левой протокой р. Ловати, является неотъемлемой частью предкрепостного пространства. Территория острова неоднократно нивелирована и перепланирована, т. к. использовалась как жилая зона. Территория о. Дятлинка и сегодня застроена различными по функции зданиями. В южной части о. Дятлинка связан с побережьями реки мостами.

Материалы предварительных археологических исследований, проведенных в 1950–1970-х гг., а также исследования 2012 г., показали, что остров был заселен в XV–XVII вв., а, возможно, и в более раннее время (XII в.). Имеющиеся археологические данные фиксируют развитие посада к югу

Имеющиеся археологические данные фиксируют развитие посада к югу и юго-западу от крепости. Военные слободы (Стрелецкая, Пушкарская и Казачья) почти примыкали к предкрепостным рвам с юга, востока и севера; подступы с запада прикрывались возвышенностью. Планировка улиц обеспечивала оперативную связь с крепостью с защищенных сторон.

Когда крепость утратила военно-оборонительное значение, окружающие ее территории подвергались застройке, но локальные планировочные работы не смогли изменить сложившиеся пространственные характеристики ландшафта. Застройка, подчиняясь рельефу, в основном осваивала спуски котловины; более низкие участки были заняты огородами.

Так, к северу от крепости рельеф склонов нивелирован, а участок явля-

Так, к северу от крепости рельеф склонов нивелирован, а участок является продолжением парковой зоны с амфитеатром и искусственной дорожно-тропиночной сетью. В южной части характер склонов нивелирован площадками под новую застройку повышенной этажности. Восточное подножье возвышенности, до берега рукава р. Ловать, нивелировано устройством прогулочной набережной.

Ситуация вокруг крепости во многом сохранила планировку середины XVIII в. и нарезку огородных участков. В XIX–XX вв. перепланировка центра и территорий, окружающих крепость, была произведена к северу и западу от крепости, а также к югу, хотя и в меньшей степени. Судя по фрагментам фотографий конца XIX — начала XX в., застройка новой планировочной системы кварталов вне крепости оставалась в целом деревянной, с акцентами высоких церковных зданий и колоколен.

В ближайшем окружении крепости и на сегодняшний день почти не произошло планировочных изменений, за исключением развития дорожно-тропиночной сети, пересекающей сухие ложа бывших озер Чистого и Тиноватого и связывающей крепость с музейным комплексом с севера и с новым микрорайоном — с запада.

В северной и северо-восточной части функциональной зоны III находятся Аллея Славы и Вечный огонь, зона площадки для массовых зрелищ с летним амфитеатром, рекреационная зона организованного парка с выходом на набережную р. Ловать.

Организованное озеленение территории в целом отсутствует, представлены случайный древесный самосев, кустарник, сорная растительность.

Предложения по функциональному использованию и проектированию в рамках музеефикации территории

Функциональная зона III определена как парково-рекреационная. Мероприятия по созданию парково-рекреационной зоны музея-заповедника включают в себя: 1) устройство дорожно-тропиночной сети на основе исторически сложившихся трасс с учетом оборудования двух основных входов на территорию музея-заповедника: северного (от здания музея к северным воротам крепости) и южного (ведущего к равелину); 2) обозначение локальными водоемами местоположения озер Чистого и Тиноватого и обеспечение гидрологического режима в соответствии с задачами музеефикации; 3) реализация проекта благоустройства и ландшафтного дизайна (организация озеленения на основе дендрологического обследования) и возобновление питомника Д. Г. Карчевского¹²; **4)** на одном из повышенных участков низины (в парковой зоне) устройство площадок для проведения занятий по реконструктивному моделированию; 5) реконструкция летней эстрады — «Зеленого театра» — в существующих габаритах; **6)** установка информационных щитов, указателей и туристических схем; 7) благоустройство площадок для проведения исторических фестивалей реконструкторов (бытовой лагерь — на территории рядом с пляжем; площадь-сцена для мероприятий, зрительская зона, площадки для проведения мастер-классов — на территории западного рва); 8) оборудование нескольких музейных интерактивных площадок для посетителей различных возрастных групп; 9) оборудование мест отдыха на природе, парковка, мусоросборники и т.п. — юго-восточная часть территории музея-заповедника, рядом с пляжем; 10) регенерация территории северной части о. Дятлинка — воссоздание на о. Дятлинка фрагмента «стрелецкой слободы» нескольких деревянных усадеб с размещением в них сувенирного киоска; небольшого историко-этнографического кафе с национальной кухней; интерьерной экспозиции и рекреационной площадки для детей в стиле русского деревянного фортификационного зодчества; 11) размещение инфраструктуры гостеприимства (туалеты, мобильные киоски, кассы).

В ландшафтно-рекреационной зоне необходимо устроить смотровые площадки (например, на западной и юго-западной стороне котловины). По замыслу авторов концепции, посетитель должен получить возможность видового

 $^{^{12}}$ В начале XX в. известный великолукский краевед, фотограф и садовод Дмитрий Григорьевич Карчевский получил от городских властей участок земли на южном склоне котловины бывшего озера Тиноватого. Здесь Д. Г. Карчевский с помощью учеников Великолукского реального училища разбил питомник плодовых и декоративных деревьев и кустарников.

осмотра крепости со всех сторон. Соответственно, в проекте ландшафтного дизайна необходимо будет предусмотреть трассы визуальных связей.

Размещение инфраструктурных объектов музея должно по возможности соотноситься с исторической планировочной структурой территории.

Предлагаемая концепция является начальным этапом аналитического и практического решения комплекса проблем, связанных с сохранением и использованием культурного наследия города с учетом особенностей современных условий. Следует подчеркнуть, что сам факт разработки данной концепции является первым этапом и значительным основанием для благоприятного прогноза реализации проекта музеефикации Великолукской крепости, поскольку инициатива, проявленная муниципальной властью, сопровождается позитивными отношением и достаточно активным участием в проектировании общественности.

Литература

Генеральный план города Великие Луки. Принят решением Великолукской городской Думы от 27 сентября 2012 г. № 137.

Постановление Псковского областного Собрания депутатов от 30.01.1998 г. № 542 «Об утверждении государственного списка недвижимых памятников истории и культуры, подлежащих охране как памятники местного значения».

Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Проект границ территории ОКН $\Phi 3$ «Крепость земляная, построенная по приказу Петра I в 1704—1708 гг. в связи с опасностью вторжения войск короля Карла XII» / $\Gamma Б \mathcal{Y} K$ «Археологический центр Псковской области». Псков, 2012.

Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014).

Затинные пищали на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.

A.A. Mikhailov. «Zatin guns» in gun parks of Pskov land fortresses in the 17th century

Abstract. In the 17th century many of Russian cities, especially the border ones, had numerous and diverse artillery. Alongside with proper artillery guns which shot cannon balls of various caliber and case-shot («drob'»), a prominent role in the defense of fortresses played the so called «Zatin guns», which were long guns and possessed features inherent to both proper artillery guns and handguns.

Zatin guns were a very effective means in withstanding the enemy forces. During the military reforms of Peter the Great, they did not disappear, but were transformed into «Raskatnye fuzei» and «dubelgaki» with which the fortresses were armed long enough. In this paper, Zatin guns of Pskov and Pskov region fortresses (Gdov, Ostrov, Opochka, Izborsk, etc.) were described.

Ключевые слова: затинные пищали, крепостная артиллерия, русские крепости XVII в.

BXVII в. многие русские города, в особенности пограничные, обладали весьма многочисленной артиллерией. Вполне закономерно, что орудийные парки отдельных крепостей привлекали и продолжают привлекать сегодня интерес исследователей, о чем свидетельствуют публикации последних лет. Так, в монографии К. С. Носова рассмотрено артиллерийское вооружение нескольких крепостей, расположенных в различных районах страны, и особенно подробно — Тулы (*Носов*, 2009. С. 115–160). К. С. Носов также изучил состав «наряда» Смоленска в начале XVII в. (*Носов*, 2012)

В 2010–2013 гг. вышли работы, посвященные артиллерийскому вооружению юго-западных пограничных крепостей (*Карпов*, 2009), Пскова (*Михайлов*, 2013), крепостей Симбирско-Корсунской засечной черты (*Натаров*, 2010), Кузнецкой крепости (*Кауфман*, 2003) и др.

Однако наряду с целостной характеристикой артиллерийского вооружения той или иной крепости представляется не менее значимым и интересным рассмотреть определенный тип орудий, представленный в орудийных парках различных городов.

Данная работа посвящена затинным пищалям, причем особенности их конструкции и боевого применения рассмотрены на примере крепостей Псковской земли. Согласно устоявшейся традиции, в исторической литературе затинные пищали чаще всего определяются как «тяжелые крепостные ружья» (Кирпичников, 1959. С. 271; Маковская, 1992. С. 29). Современный

184 А.А. Михайлов

исследователь К.С. Носов, однако, небезосновательно добавляет и другое определение: «малокалиберные орудия, стрелявшие пулками» (*Носов*, 2009. С.156).

Важно подчеркнуть, что в русских документах XVII в. затинные пищали практически всегда четко отделялись от собственно артиллерийских орудий (включая малокалиберные). Нередко также затинщики отделялись от пушкарей (Опись городов, 1875. С. 234, 241).

Из документов также хорошо видно, что затинные пищали имели весьма широкое распространение и могли составлять значительную часть артиллерийского парка крепости. Согласно «Описной книге пушек и пищалей и военных снарядов», которая была составлена в 1626—1647 гг. и детально проанализирована А. Н. Кирпичниковым еще в 1959 г., в 93 городах находилось 2637 орудий, среди которых 1257 (47,7%) затинных пищалей (Кирпичников, 1959). Для сравнения стоит отметить, что орудий, стрелявших ядрами известного калибра (в широчайшем диапазоне от 1/30 до 26 гривенок), насчитывалось 983 ед. (37,3%). Остальные — это дробовые орудия и орудия, стрелявшие ядрами неизвестного калибра. При этом в «Описную книгу» не вошли данные о Новгороде Великом, Пскове с его пригородами и многих других крупных крепостях.

По данным «Росписного списка» 1633 г., в Псковской крепости, которая являлась одной из наиболее крупных в стране, имелось 111 артиллерийских орудий, стрелявших ядрами или дробом, и 287 затинных пищалей (Росписной список... 1914). На позиции было выведено 55 артиллерийских орудий. Еще 56 орудий и все без исключения затинные пищали находились на хранении, причем последние распределялись по двум «арсеналам»: 270 ед. «в Домантовой стене в палате», еще 17 ед. — под специальным навесом на Казенном дворе. В документе также есть упоминание о том, что 2 затинные пищали, вместе с крупнокалиберными орудиями «Скоропея» и «Свиток», были отправлены в Новгород (Там же. С. 51).

Каких-либо подробностей относительно конструкции, размеров или внешнего облика затинных пищалей в документе 1633 г. не содержится. В качестве боеприпаса к тем из них, которые хранились под навесом, указана железная дробь (Там же. С. 50).

По прошествии 45 лет, к 1678 г., численность орудий, стрелявших ядрами и дробом, в Пскове выросла почти вдвое и составила 201 ед. Напротив, численность затинных пищалей несколько уменьшилась: теперь их было 266 ед. (Опись городов... 1875. С. 308).

Место расположения орудий в документе не указано, но судя по его структуре, все затинные пищали оставались на хранении. При этом о 147 пищалях сказано, что они стояли «в станках», т.е. имели лафеты; 109 ед. охарактеризованы как *«стволы* (курсив мой. — A.M.) затинные» и, вероятно, лафетов не имели. Впрочем, 3 ствола из числа не имевших станков стояли на *«*соба-ках». Данным термином часто обозначался вертлюг или лафет с вертлюгом.

10 затинных пищалей названы в документе «колесными» (Опись городов... 1875. С. 309). Вероятно, они имели колесцовые замки, типичные для

ручного огнестрельного оружия (в первую очередь — пистолетов). То, что затинные пищали снабжали ружейными замками, сомнений не вызывает. Так, еще в 1614 г. царь Михаил Федорович приказывал «ковати на Туле и в Пашине сто пищалей затинных с свицкими замками и к ним сделать станки» (Колчин, 1949. С. 202). Здесь речь, однако, шла, скорее всего, о кремневых замках.

В «Сметном списке» Пскова за 1683 г. численность затинных пищалей, находившихся на хранении, также определена в 266 ед. (Сметный список... 1867. С. 427). Из них станки имели 157 ед., но состояние большей части лафетов оставляло желать много лучшего («и станки все у них погнили и переломаны» (Там же).

Интересно, однако, что станками были снабжены все 10 «колесных» пищалей. О 3 пищалях сказано, что они стоят «на вертлюгах»; скорее всего, именно их лафеты именовались в документе 1678 г. «собаками».

Значительный интерес представляют указанные в «Сметном списке» данные о длине ствола затинных пищалей (в документах 1633 и 1678 гг. длина орудий не указана). Большая часть затинных пищалей (45 ед.) имели стволы в «2 аршина без полувершка» т.е. примерно 142 см (все они стояли в станках) (Сметный список... 1867. С. 427). Следующими по численности (35 ед.) являлись практически идентичные им пищали со стволом в «2 аршина без вершка». Разница в полвершка (2 см) на баллистические показатели огня, естественно, никак не влияла. Таким образом, 80 затинных пищалей (треть от общей численности) имели практически одинаковую длину ствола, возможно, и произведены были серийно.

Еще 30 затинных пищалей имели стволы в «пол-два» (1,5) аршина — 108 см, т.е. были заметно короче. Самыми короткими были пищали в «аршин с вершком» (примерно 76 см). Таковых было всего 2 ед., и к обеим применено дополнительное определение «дробовые», станков у них не имелось. Самыми длинноствольными являлись 3 пищали в «2 аршина с четвертью» (162 см), все они стояли на лафетах с вертлюгами.

Помимо перечисленных выше, «затинной» названа одна из пищалей, выведенных на позиции (стояла на раскате на Плоских воротах Среднего города) (Сметный список... 1867. С. 421). В качестве боеприпаса к ней значились 100 железных пулек, длина ствола -2 аршина.

Наряду с затинными пищалями в Псковской крепости, по данным 1678 и 1683 гг., находились пищали, которые, хотя и носили иные наименования, но были явно близки к затинным функционально. Речь идет о пищалях, боеприпасом к которым служили пулки. Они находились не только на хранении, но и на позициях, причем играли в обороне крепости довольно заметную роль.

Так, по данным 1683 г., на различных участках обороны стояли 11 пулевых пищалей (при общей численности орудий на позициях — 69 ед.). 7 из них названы в документе «хвостушами». Так именовались орудия, имевшие для облегчения поворота металлический прилив или деревянный рычаг («хвост») у казенной части ствола (*Михайлов*, 2013. С. 114). Интересно, что 6 «хвостуш» были расположены в трех боевых башнях — Козмодемьянской (современное название — Гремячая), Ильинской и Быковской — попарно (Сметный

186 А.А. Михайлов

список... 1867. С. 424), вероятно, дабы обеспечить более высокий темп ведения огня. Стоит также отметить, что нередко пулевые пищали в Пскове устанавливались в средних и верхних ярусах башен или раскатов: видимо, они могли стрелять на значительное расстояние. Лафеты к «хвостушам», вероятно, были вертлюжными, в документе, как правило, именовались собаками.

О близости затинных пищалей и хвостуш свидетельствует то, что в «Годовой смете» Пскова, составленной в 1699 г., 2 пищали из числа выведенных на позиции названы «затинными железными хвостушами». Одна пищаль стояла на городской стене, между Власьевской и Плоской башнями «к Великой реке, где прежде был раскат», вторая рядом, «на раскате» (Годовая смета Пскова... 1894. С. 231). В качестве боеприпаса к этим пищалям было приписано по 300 и 100 свинцовых пулек соответственно. Интересно, что о затинной пищали на Плоских воротах в документе 1699 г. не сообщается, хотя медная полковая пищаль, стоявшая там по данным 1683 г., осталась на своем месте.

Подавляющее большинство затинных пищалей в 1699 г. по-прежнему оставались на хранении на Казенном дворе. Интересно, что сходный принцип действовал при организации обороны Новгородской крепости. Согласно «Отписке», составленной воеводой Ф. Хилковым в 1649 г., на позициях стояли 26 орудий, стрелявших ядрами разного калибра, и 26 дробовых тюфяков (Отписка новгородского воеводы... 1848). О затинных пищалях на позициях не сообщается, зато среди орудий, хранившихся на новгородском Пушечном дворе, значатся «34 пищали затинных, да 4 пищали хвостуши» (Там же. С. 180).

Помимо Пскова, затинные пищали находились также в составе орудийных парков практически всех крепостей Псковской земли. Так, на вооружении Гдовской крепости, по данным 1631 г., состояли 21 артиллерийское орудие и 7 затинных пищалей (Разрядная выписка... 1914. С. 314–317).

Практически все артиллерийские орудия (20 ед.) были выведены на позиции. Среди них 8 пищалей, стрелявших ядрами весом от 6 до 0,5 гривенки; 3 «верховые пищали» (мортиры) неизвестного калибра; 9 тюфяков (орудия с расширенной каморой, стрелявшие, согласно документу, «дробом»).

Все затинные пищали и 1 тюфяк находились на хранении под колокольней Дмитриевского собора. В документе отмечено, что затинные пищали имели «ложи», что явно сближает их с ручным огнестрельным орудием. В качестве боеприпаса к ним указаны «350 пулек железных, облиты свинцом» (Разрядная выписка... 1914. С. 315).

Стоит заметить, что укрепления Гдова, пострадавшие при захвате крепости шведами в 1614 г., еще находились не в лучшем состоянии и, по сообщениям местных воевод, требовали ремонта. По-видимому, их постоянные жалобы возымели действие: Гдовскую крепость привели в порядок, ее орудийный парк пополнялся. Численность затинных пищалей также несколько увеличилась, но все они по-прежнему, оставались на хранении. По данным 1683 г., «в казне» помещались «11 пищалей затинных с жаграми» (Годовая смета Гдова 1683... 1914. С. 361). Под последним термином может скрываться фитильный замок, что опять-таки, как и в случае с ложами, роднит затинные пищали с ручными.

Стоит отметить также, что все затинные пищали находились в очень плохом состоянии: «перержавели, стрелять нельзя из них» (Там же).

К 1698 г. в Гдове «в казне» хранились 10 затинных пищалей, по-прежнему испорченные и не пригодные к использованию (Годовая смета Гдова 1698... 1914. С. 364).

В Острове, по данным 1627 г., находились 20 артиллерийских орудий, стрелявшие ядрами, среди которых наиболее многочисленными были «сороковые пищали» (17 ед.), и 19 затинных пищалей (Годовая смета Острова... 1914. С. 459). К сожалению, в документе не указано, какие орудия были выведены на позиции, а какие находились на хранении.

Согласно «Отписке» островского воеводы Афанасия Хвостова, составленной в июне 1631 г., «...В башнях и в верхних, и в средних и в подошвенном боях и по городу и по стене в розных местах» стояли девятипядная пищаль калибром в 2,5 гривенки, волконея и 16 сороковых пищалей. О 19 затинных пищалях вполне определенно сказано, что они хранились «в государеве казне», вместе с ручными пищалями (Отписка островского воеводы... 1914. С. 461).

Боеприпасом к затинным пищалям в Острове служили не дроб или пулки, как в Пскове и Гдове, а 2800 железных ядер, некоторые из них «свинцом облиты» (Там же). Калибр этих ядер не указан, но, скорее всего, он был очень невелик. Стоит отметить, что в «Описной книге пушек и пищалей и военных снарядов» ядра в качестве боеприпасов к затинным пищалям упоминаются довольно часто, но почти всегда — без указания калибра. Редкое исключение составляет описание наряда Белева, в котором говорится, что к 13 затинным пищалям хранилось 280 ядер общим весом в 19 гривенок (Кирпичников, 1959. С. 271). Вес одного ядра, следовательно, составлял 0,067 гривенки, или около 27 грамм. Можно предположить, что столь же малым весом отличались и ядра к островским пищалям.

Согласно «Переписной книге» 1667 г., в Острове на позициях стояло 21 орудие малого калибра, в том числе 13 «пищалей медных сороковых» (очевидно из числа состоявших на вооружении в 1631 г.). Численность затинных пищалей не изменилась (19 ед.), и по-прежнему все они хранились «в казне». При этом составители документа отметили: «...замков у них (затинных пищалей. — A.M.) нет, оржавели и осыпались, и станки огнили» (Переписная книга Острова...1914. С. 464).

В 1698 г., по данным Годовой сметы, на позициях в Острове стояло всего 8 орудий, стрелявших ядрами в 2, 1,5 и 0,5 гривенок весом. 13 сороковых пищалей были убраны в «погреб в городовой стене». Там же, как и ранее, хранились 19 затинных пищалей, которые оставались не пригодными к стрельбе («замков и станков нет»).

Таким образом, в Гдовской и Островской крепостях затинные пищали, как и в Пскове, постоянно оставались на хранении, несмотря на все изменения в состоянии укреплений и орудийного парка. При этом конструктивно они явно имели общие черты с ручными пищалями («замки», «жагры»).

Выдающуюся роль играли затинные пищали в вооружении Опочецкой крепости. Согласно «Отписке опочецкого воеводы Василия Турова» **188** А.А. Михайлов

за 1631 г., в Верхнем городе (т.е. собственно Опочецкой крепости, располагавшейся на острове на р. Великой) на позициях стояли 16 орудий, стрелявших ядрами (самое крупное — в 6 гривенок), и 1 затинная пищаль. На хранении «в государеве казне» находились 93 затинные пищали «в станках» и 20 стволов без станков (Отписка опочецкого воеводы... 1914. С. 429). В арсенале также размещались 6 сороковых пищалей. К затинным пищалям в казне имелось «6 пуд дроби, железные гладкие и сеченые жеребьями» (Там же). Учитывая относительно небольшие размеры Опочецкой крепости, вывод почти сотни затинных пищалей на позиции обеспечивал чрезвычайно плотный огонь. Затинные пищали, видимо, было возможно также перевести в Острог, располагавшийся на берегу реки напротив крепости и не имевший артиллерийского вооружения.

Во время Русско-польской войны 1632—1634 гг. Опочка оказалась в зоне боевых действий. В 1633 г. воины ее гарнизона участвовали в походе к Себежу. В 1634 г. крепость сама подверглась нападению, но сумела отразить врага, что свидетельствует о ее боеспособности. В 1640—1650-е гг. укрепления Опочки были обновлены, а орудийный парк вырос, что позволило обеспечить артиллерийским вооружением Острог (Нижний город). Однако в октябре 1665 г. страшный пожар уничтожил Острог практически полностью (Отписка боярина князя Ивана Андреевича Хованского... 1914. С. 440—443). Поэтому размещенную в нем артиллерию пришлось переводить в небольшой по площади Верхний город. В 1668 г. здесь находились 45 артиллерийских орудий (43 стреляли ядрами и 2 — дробом) и 165 затинных пищалей (Годовая смета Опочки 1668... 1914. С. 446—447).

Такой же была численность затинных пищалей в 1683 г., при этом, как отмечено в документе, среди них находились и «старые опочецкие» пищали, и привезенные из Себежа, Красного Города, Борисоглебска (Динабурга), которые участвовали в Русско-польской войне 1654—1667 гг. (Годовая смета Опочки 1683... 1914. С. 449—451).

К 1698 г. численность затинных пищалей в Опочке еще увеличилась и составила 265 ед. Артиллерийских орудий к тому времени, напротив, стало меньше -24 ед. (20 стреляли ядрами, 4 — дробом).

Интересно, что в отдельную группу выделены 5 затинных пищалей, которые ранее находились на вооружении Нижнего Окольного города. Для них, в частности, указана длина ствола, индивидуальная для каждой пищали. Самой длинной была пищаль в 2 аршина и 2 вершка, самой короткой — в полтора аршина. В качестве боеприпаса для опочецких затинных пищалей указана «железная дробь» (14 пудов).

Таким образом, в Пскове, Гдове, Острове, Опочке, при всех больших различиях, присущих и самим этим крепостям, и их орудийным паркам, прослеживается общая закономерность. Затинные пищали полностью или преимущественно находятся на хранении. Видимо, на позициях они появлялись лишь в случае непосредственной угрозы вражеского нападения. Однако это правило все же не являлось абсолютным. В Печерской и Изборской крепостях затинные пищали стояли также и на позициях.

Нерегулярная Изборская крепость в рассматриваемое время явно устарела и никак не соответствовала уровню развития военной техники. Видимо, поэтому не имела она и сильной артиллерии, численность которой к концу века сократилась (*Михайлов*, 2011. С. 120–122). Так, в 1627 г. в Изборске находились 8 артиллерийских орудий и 22 затинные пищали. К 1683 г. в городе осталось всего 12 артиллерийских орудий (самой большой была единственная пищаль, стрелявшая ядрами в 6 гривенок), из которых 10 были выведены на позиции. Однако на позициях находились также 13 затинных пищалей. Большинство последних (9 ед.) были сосредоточены в одном узле обороны — Плоской башне, скорее всего, для защиты городских ворот от нападения живой силы противника.

В Печерской крепости, по данным отписки псковского воеводы Никиты Мезецкого за 1631 г., находились 16 артиллерийских орудий и 52 затинные пищали, все они стояли на позициях (Выписка из отписки псковского воеводы... 1914. С. 468–470). Затинные пищали распределялись следующим образом: в башне Святых ворот — 16 ед. (12 — в среднем бою, 4 — в третьем ярусе); в башне Нижних Ворот — 8 ед. (все в третьем, верхнем, ярусе); в Изборской воротной башне — 11 ед. (6 — в третьем, 5 — в четвертом ярусе); в Тайловской башне — 16 ед. (все в среднем ярусе).

Интересно, что затинные пищали были сосредоточены в верхних и средних ярусах башен. По всей видимости, учитывая расположение крепости, отсюда они могли наиболее эффективно бороться с живой силой противника.

Еще одна пищаль, названная в документе «затинной скорострельной», стояла на стене между Тюремной башней и Святыми воротами. «Скорострельными» в русских документах XVII в. часто именовали казнозарядные орудия. В «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленном в 1621 г. дьяком Онисимом Михайловым, говорится вполне определенно: «...Как тебе доведется из затинной и скорострельной пищали стреляти, и ты зри, что такие имеют свой обычай, что их с казны заряжают, також как и с переди, так и сзади заряжаются» (Устав ратных, пушечных и других дел... 1781. С. 94). Возможно, именно казнозарядной была и указанная пищаль.

Общая численность затинных пищалей оставалась стабильной на протяжении довольно долгого времени. В 1683 г. их в Печерской крепости попрежнему насчитывалось 52 ед. В качестве боеприпаса к ним хранились 4 пуда «дроби железной и свинцовой» (Годовая смета Печер 1693... 1914. С. 475, 476).

Итак, затинные пищали играли заметную роль в обеспечении обороны крепостей Псковской земли. В их конструкции сочетались черты, присущие как артиллерийским орудиям, так и ручному огнестрельному оружию. В частности, затинные пищали могли снабжаться ружейными замками: фитильными, колесцовыми, кремневыми. Прослеживается стремление создателей затинных пищалей повысить их маневренность, чему служило введение вертлюжных лафетов и удлиненных приливов в казенной части («хвостов»), а также скорострельность (казнозарядные модели). Указанные параметры были особенно важны для успешной борьбы с живой силой противника, каковая и являлась

190 А.А. Михайлов

назначением затинных пищалей. При этом в большинстве случаев в мирное время затинные пищали хранились в арсеналах. Относительно легкие, они без труда могли быть выведены на позиции в случае военной угрозы. В заключение стоит отметить, что имевшие широкое распространение в XVII в. затинные пищали в период кардинальных военных реформ первой четверти XVIII в. не исчезли, послужив прообразом раскатных фузей и дубельгаков, введенных в штаты крепостей правительственными распоряжениями 1724 и 1730 гг.

Литература

Выписка из отписки псковского воеводы Никиты Мезецкого с описанием Печерского монастыря // СМАМЮ. Т. 6. Кн. 2. 1914. С. 468–470.

Годовая смета Гдова [1683 г.] // Там же. С. 360, 361.

Годовая смета Гдова [1698 г.] // Там же. С. 362–364.

Годовая смета Опочки, составленная в Разряде [1668 г.] // Там же. С. 446–447.

Годовая смета Опочки [1683 г.] // Там же. С. 449-451.

Годовая смета Острова, составленная в Разряде 1627 г. // Там же.

Годовая смета Печер [1693 г.] // Там же. С. 475, 476.

Годовая смета Пскова [1699 г.] // Там же. С. 216–288.

Карпов Д.А., 2009. Артиллерийское вооружение юго-западных крепостей русского порубежья в 30-е годы XVII в. // Русский сборник. Брянск. Вып. 5.

 Kay рман А.О., 2003. Артиллерия Кузнецка XVII — первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк. Вып. 5.

Кирпичников А.Н., 1959. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии (к характеристике городового наряда Московского государства второй четверти XVII в.) // Сборник исследований Артиллерийского исторического музея. Л. Вып. IV.

Колчин Б.А.,1949. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. (МИА. № 12).

Маковская Л.К., 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — XVII веков: Определитель. М.

Михайлов А.А., 2011. Артиллерийское вооружение крепостей Псковской земли в XVII в. (на примере Гдовской, Изборской и Островской крепостей) // Вопросы истории фортификации. № 2.

Михайлов А.А., 2013. Орудия Псковской крепости XVII века: конструктивные особенности, классификация, обеспеченность боеприпасами // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).

Натаров А.И., 2010. Артиллерия Сибирско-корсунской засечной черты во второй половине XVII в. // Самарский земский сборник. № 1 (19).

Носов К.С., 2009. Русские крепости XV-XVII вв. СПб.

Носов К.С., 2012. Распределение людей и орудий по стенам и башням Смоленской крепости в 1609 г. // Вопросы истории фортификации. № 3.

Опись городов [1678 г.] // ДАИ. Т. IX. 1875.

Отписка боярина князя Ивана Андреевича Хованского о пожаре в Опочке с приложением сказки квартиместра Якова Спякина о причине пожара // СМАМЮ. 1914. Т. 6. Кн. 2.

Отписка новгородского воеводы князя Фёдора Хилкова об огнестрельных орудиях и запасах находящихся в Новгороде и роспись означенным орудиям и запасам // ДАИ. 1848. Т. III.

Отписка опочецкого воеводы Василия Турова. 1631 г. // СМАМЮ. 1914. Т. 6. Кн. 2. С. 428–430.

Отписка островского воеводы Афанасия Хвостова с описанием города и росписью пушечной, зелейной и свинцовой казны и хлеба. 1631 г. // Там же. С. 460, 461.

Переписная книга Острова [1667 г.] // Там же. С. 464.

Разрядная выписка из росписного списка Гдова. 1631 г. // СМАМЮ. Т. 6. Кн. 2. 1914. С. 312, 313.

Росписной список Пскова. [1633 г.] // Там же. С. 40-53.

Сметный список Пскова [1683 г.] // ДАИ. Т. Х. 1867.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1781. Ч. 2.

Каменные кресты в круге на северо-западе России

A.L. Potravnov, T.Y. Khmelnik. Stone crosses in circle in the North-West of Russia

Abstract. The article describes features of stone crosses in circle spreading both in northwestern Russia and in neighboring states — Latvia, Sweden, Estonia. The places of location of the survived stone crosses of this form are presented, brief characteristics and regional features are given. Key features for crosses in circle dating are proposed.

Ключевые слова: каменный крест, крест в круге, вкладные кресты.

I спользование символа «крест в круге» не является исключительной новгородской особенностью — это широко распространенный христианский символ. Крест в круге мы можем встретить в разных местах современной Европы и Малой Азии в разном исполнении — на фресках и в составе резных украшений, в качестве граффити на стенах, в виде нательных крестиков, деревянных крестов и пр. Крест в круге был известен в Ирландии и Англии уже в VIII−X вв., в то время как в других странах Европы этот символ получил распространение намного позже. Например, в Испании и Франции начиная со второй половины XIII в. крест в круге стал использоваться как изображение на могильных плитах. Затем, со второй половины XIV в., этот символ стал встречаться и на территории современной Германии, но широкого распространения не получил. По данным Р. Ucla (1990), из 4670 дисковых крестов (нем. Scheibenkreuze), зафиксированных в Европе, 4266 находятся на территории Франции, Испании и Португалии.

В отличие от плоских крестов, изображенных на камнях (в том числе и круглых), которые известны в разных странах Европы, существует и другая форма реализации этого символа — монументальные каменные кресты в круге. В этих памятниках главным объектом является объемный крест, выполненный из камня, лопасти которого соединены перемычками, в результате чего и получается образ креста в круге или овале. Именно такие монументальные памятники и стали достаточно популярны в Великом Новгороде в XIV—XVI вв. Задача данной статьи — дать описание, очертить ареал и наметить первичную хронологию новгородских (и псковских) каменных крестов, вписанных в круг, а также наметить диапазон возможных аналогий. Мы рассматриваем эту статью как начало большой работы по систематизации и комплексному исследованию средневековых каменных крестов Северо-Западной Руси.

Первые описания каменных крестов Великого Новгорода с попыткой выяснения причин их установки были предприняты еще в XIX в. Наибольший

интерес вызывали единичные образцы, имевшие датированные и пояснительные надписи. Форме каменных крестов в этих работах внимания либо не уделялось, либо ее характеристика носила исключительно описательный характер, как дополнительная, после указания размеров. В своей работе архимандрит Макарий (1860) указывает только сам факт наличия креста, без пояснения его формы. При этом он достаточно подробно описывает уникальный «молотковский» крест, но ошибается в определении материала объекта. Первым специалистом, который уделил пристальное внимание форме каменного креста, стал А. А. Спицын, выделивший кресты в круге в отдельную группу (Спицын, 1903. С. 203–234). Сравнивая эти кресты с западными аналогами (в Нарве и на Готланде), Спицын подверг сомнению казавшуюся логичной, и не только в то время, версию западного происхождения этой традиции на Новгородской земле. Эту тему продолжил И.А. Шляпкин (1906), который, сравнивая балканские и малоазиатские изображения с новгородскими граффити и каменными крестами, пришел к выводу о южнославянском происхождении этой традиции. Кроме вопросов происхождения, в данных работах рассматривался и вопрос предназначения каменных крестов в круге. На наш взгляд, все эти вопросы актуальны и поныне, и цель нашей статьи — сделать очередной шаг в изучении этих артефактов.

По состоянию на начало 2014 г. нам известно о существовании на территории северо-запада России более чем 140 каменных крестов в круге. Неточность количественной оценки связана с тем, что нами еще полностью не учтены кресты, которые находятся в фондах различных музеев (Эрмитаж, Кунсткамера, Российский этнографический музей, Новгородский музей-заповедник и др.). Некоторые экземпляры из этих музеев нам известны, но сводного и точного перечня у нас пока нет. Кроме того, в работе мы использовали фотографии и описания существовавших 20–30 лет назад крестов в круге, которые по ряду причин не были нами осмотрены, и нам неизвестна их сегодняшняя судьба.

Для начала определим, что мы понимаем под каменным крестом в круге объемный четырехконечный крест, изготовленный из цельного куска природного камня, в котором средокрестие и лопасти (либо их значительные части; рис. $1, \delta$) заключены в круг (овал) (рис. 1, a), либо сами лопасти изготовлены таким образом, что создают иллюзию круга (рис. $1, \epsilon$).

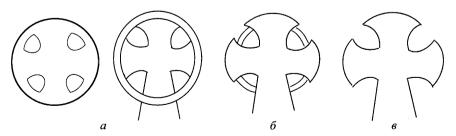

Рис. 1. Виды крестов в круге

a — средокрестие и все лопасти полностью вписаны в круг; δ — часть лопастей выходит за пределы круга; ϵ — формы лопастей создают иллюзию креста, вписанного в круг

Этот последний вид памятников (рис. 1, e) мы относим к крестам в круге по той причине, что они формируют зрительный образ креста в круге, а единственное отличие заключается в отсутствии небольших тонких перемычек, которые в отдельных случаях могли быть сломаны.

География распространения каменных крестов в круге Новгородская область

Достаточно большое количество каменных крестов в круге, собранных во время различных экспедиций, содержится в фондах Новгородского музея-заповедника (около 20 экз.). Большая часть учетных карточек в графе «происхождение» содержит пометку «неизвестно». Также в фондах хранятся и различные обломки крестов в круге — тоже неизвестного происхождения. К новгородским крестам также необходимо отнести четыре креста в круге из фондов Ростовского музея, купленные в 1910 г. хранителем музея у новгородского купца (Сборник статей... 1974. С. 107–110).

Наибольшее количество каменных крестов в круге в Великом Новгороде вмуровано в стены новгородских церквей (табл. 1). Всего в стенах новгородских церквей нами зафиксировано 83 существующих каменных креста в круге. К сожалению, у нас имеются сомнения в подлинности некоторых из них, поскольку они могут оказаться муляжами (как, например, в южном фасаде церкви Рождества на Красном поле или в южном фасаде Спасо-Преображенской церкви на Ильиной улице). Кроме того, возможно, что некоторая часть артефактов могла появиться в стенах церквей при их различных ремонтах и реставрациях, поскольку, сравнивая данный перечень с данными архимандрита

Таблица Кресты в круге (включая обломки) в стенах церквей Великого Новгорода

Наименование церкви	Кол- во	Наименование церкви	Кол- во
Преображенская церковь на Ильиной	10 (6)	Церковь 12 Апостолов на Пропастех	2
Церковь Сретенья в Антониевом монастыре	6	Церковь Рождества на Красном поле	2(1)
Церковь св. Федора Стратилата на Щирковой	6	Церковь св. Иоанна на Витке	2
Церковь свв. Бориса и Глеба в Плотниках	6	Церковь свв. Петра и Павла на Силь- нище	2
Церковь Петра и Павла в Кожевниках	7	Церковь св. Иоанна Милостивого на Мячине	2
Церковь Благовещения на Мячине (Аркажи)	5	Церковь Иоанна Богослова на Опоках	1
Церковь Покрова Зверина монастыря	4	Церковь Андрея Стратилата в Кремле	1
Церковь Рождества на Михалице	4	Церковь Ильи на Славне	1
Церковь Воскресения Христова на Мячине	4	Церковь Троицы на Редятиной	1
Церковь св. Филиппа на Нутной	4	Знаменский собор	1
Церковь свв. Петра и Павла на Славне	3	Колокольня Знаменского собора	1
Церковь Покрова Богородицы в Кремле	3	Колокольня церкви св. Никиты Муче- ника	1
Церковь св. Климента на Иворовой	2	Спасо-Преображенский собор Хутынс- кого монастыря	1

Макария, можно увидеть значительную разницу в количестве зафиксированных крестов в стенах новгородских храмов. Например, часть вкладных крестов из Спасо-Преображенской церкви была перемещена в новгородский музей еще в XIX в. На наш взгляд, выяснение данного вопроса выходит за рамки настоящей статьи и требует отдельного исследования.

Кроме каменных крестов в круге, вмурованных в стены церквей, в Великом Новгороде сохранились кресты и в других местах:

- в прясле стены (между Златоустовской башней и Воскресенской аркой)
   Новгородского кремля один крест;
- в стене Владимирской башни Новгородского кремля 1 крест в круге, а также знаменитый Алексеевский крест в Софийском соборе;
  - в стене Лихудова корпуса 2 креста;
- зимой 2013 г. из р. Волхов на месте Великого моста Айваром Степановым при проведении подводных археологических работ был поднят один каменный крест в круге;
- в стенах церкви Спаса Преображения на Ковалеве 1 настоящий крест и 3 предполагаемых муляжа.

Есть объекты и в Новгородской обл.:

- Любытино, каменный крест в коллекции местного краеведческого музея (происходит из д. Заозерье Хвойнинского p-на);
- Старая Русса вкладные кресты: Спасо-Преображенский собор 3, церковь Рождества Преображенского монастыря 1, церковь Мины 5.
- в Российском этнографическом музее находится крест в круге из д. Деделево Чудовского р-на;
- в Русском музее хранится крест, найденный в р. Мсте в черте г. Боровичи. Этот крест был внимательно изучен Н.Г. Порфиридовым (1963. С. 184–195).

Таким образом, общее количество каменных крестов в круге в Новгородской обл. составляет более 120.

Материал. Все кресты в круге, которые мы осмотрели, изготавливались из известняка. Исходя из особенностей этого материала, можно также определить места, где могли находиться мастерские, — например, в районе речек Тёсовка и Рыденка, а также на южном берегу Ильменя. Кроме известняка, в литературе в отдельных случаях указывается песчаник, но, по нашему мнению, это требует дополнительной проверки.

Размеры. Для новгородских крестов нет четко установленных размеров — диаметра, толщины креста, длины ножки. Все эти величины, судя по всему, зависели от пожеланий и возможностей заказчика и возможностей имевшегося материала. Диаметр внешнего круга у новгородских крестов находится в диапазоне от 27 до 124 см. Преобладающий диаметр — от 36 до 60 см.

Узор и надписи. Для крестов Великого Новгорода и Новгородской обл. характерны несколько основных типов узоров:

— выпуклый четырех-, шести- или восьмиконечный крест на голгофе, исполненная неровными выпуклыми буквами сакральная формула — от короткой ИС XC до более полной ЦРЬ СЛАВЫ ИС XC НИКА;

- небольшой выпуклый четырехконечный крестик в средокрестии и вырезанные на лопастях небольшие буквы сакральной формулы ЦРЬ СЛАВЫ ИС XC НИКА;
  - полное отсутствие выпуклых крестов в средокрестии.

Кроме того, существуют единичные образцы, которые имеют некоторые отличия от этих основных типов, — в кресте в средокрестии, в надписи, в наличии некоторых дополнительных узоров.

Карелия

В результате археологических работ на средневековом могильнике Кюлялахти (Лахденпохский р-н) были найдены обломки креста в круге, выполненного из известняка (рис. 2, 1) (Шахнович, Бельский, 2009. С. 176–185).

Недалеко от Кюлялахти, на п-ове Кильпола, в конце XIX в. этнографом Швиндтом был обнаружен крест в круге. В настоящее время он находится в Национальном музее Финляндии (*Schvindt*, 1893).

В олонецком селе Еройла в Спасской церкви находится относительно недавно обнаруженный в подвале местного дома каменный крест в круге. Судя

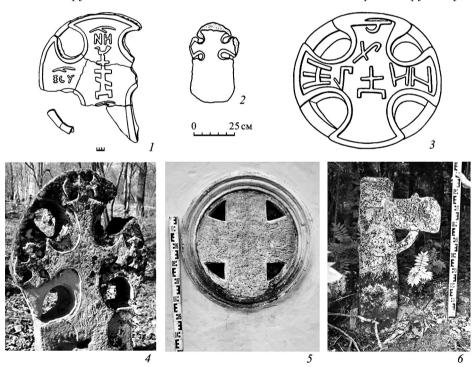

Рис. 2. Каменные кресты в круге Новгородской и Псковской земель 1- каменный крест из Кюлялахти (прорисовка по: *Шахнович, Бельский*, 2009); 2- крест из могильника Плещевицы (*Панченко*, 2009); 3- крест из стены церкви Спаса на Ильине (по: *Спицын*, 1903. С. 214, 219); 4- крест из д. Ястребино. На кресте вырезана надпись «Ильи Онциферова» (фото авторов); 5- крест в стене Никольской церкви на Изборском городище (фото авторов); 6- крест у д. Залесье (фото авторов)

по надписи на кресте, он упоминался П. Минорским в 1876 г. и находился издревле в местной часовне (Олонецкий сборник, 1886. С. 218). Надпись на кресте вокруг восьмиконечного креста на одноступенчатой голгофе читается: «ХЪ ІСЪ ИNКА ЦРЪ СЛАВЫ ХРСТЪ СВЯТОМУ ИNКОЛЕ ОСПО И СПА».

Исходя из этой надписи (молитва о спасении и упоминание св. Николы, покровителя моряков), можно предположить, что этот крест был поклонным, а не намогильным.

По своим внешним характеристикам кресты из Карелии практически идентичны новгородским каменным крестам, а известняк, из которого они изготовлены, на территории Карелии отсутствует.

Исходя из совокупности этих данных, мы считаем, что эти кресты привезены в Карелию из новгородских мастерских.

Ленинградская область

На территории Ленинградской обл. нам известно о существовании как минимум 15 каменных крестов в круге.

Крест в п. Оредеж ранее был зафиксирован на могильнике у д. Борщово.

Крест, который был найден в алтаре церкви в с. Осьмино при консервации храма. Местный священник в 2012 г. сообщил, что нынешняя судьба этого креста ему неизвестна.

Крест из д. Новоандреево на берегу р. Сясь (Тихвинский р-н) находится в частном доме; был обнаружен этнографической экспедицией под руководством Л. Корольковой.

Все вышеперечисленные экземпляры имеют сходство с крестами, которые находятся в фондах Новгородского музея-заповедника или в стенах новгородских храмов.

В д. Каменные Поляны сохранилось средокрестие с нижней частью (с шипом) каменного креста в круге.

Кроме того, на Ижорском плато и прилегающей территории к юго-западу нами зафиксировано не менее 9 четко выраженных крестов в круге. Эти кресты несколько отличаются от объектов, характерных для Великого Новгорода.

Кроме представленных и осмотренных авторами каменных крестов, необходимо учесть и каменный крест, найденный Е. А. Рябининым при раскопках могильника Плещевицы (Волосовский р-н) в 1971 г. (рис. 2, 2). Вероятная дата, по определению Ю. М. Лесмана, вторая половина XIII — первая половина XIV в. (Панченко, 2009).

Одно из главных отличий каменных крестов Ижорского плато — в изображении креста в центральной части. В отличие от новгородских, где изображены небольшого размера шести- и восьмиконечные кресты с голгофой, на ижорских представлены большие выпуклые четырехконечные кресты с крестообразными окончаниями на лопастях, повторяющими общую форму каменного креста, и нет выпуклых надписей сакральной формулы (рис. 2, 4)

Материал, из которого изготовлены эти кресты, — местный известняк Ижорской возвышенности, что позволяет говорить о локальных традициях изготовления каменных крестов. Причем отличия в узоре прослеживаются

в каменных крестах иных форм, общие черты которых имеют явное сходство с новгородскими образцами.

В музее Старой Ладоги находится крест в круге, вероятнее всего, найденный при раскопках на Ижорском плато.

Размеры крестов на территории Ленинградской обл. также варьируют в широком диапазоне — от 22 до 87 см в диаметре.

При этом кресты, найденные на р. Сясь и в Осьмине, выполнены в традиционной новгородской манере, отличной от крестов с Ижорской возвышенности.

Псковская область

В коллекции Псковского музея-заповедника (хранится в Мирожском монастыре) находятся пять каменных крестов в круге. Происхождение четырех крестов неизвестно, а один поступил в музей из псковской церкви Петра и Павла с Буя.

Четыре креста, находящихся в псковском музее, по всем признакам относятся к крестам в круге, изготовленным в новгородской традиции, — с рельефными буквами и изображением креста на голгофе в средокрестии. В то же время, один крест явно отличается от четырех других (изображен на рис. 3 к статье В. М. Рожнятовского в этом сборнике).

Одна из его отличительных особенностей— в форме лопастей креста, заключенного в круг. Верхние и нижние лопасти прямые, без расширения, боковые имеют расширение только с одной стороны, словно приподнятые. Такой тип крестов без круга хорошо известен на территории бывшей Псковской земли и не встречается в других местах Северо-Запада.

Вторая особенность заключается в том, что стандартная сакральная формула ЦРЬ СЛАВЫ IC ХСЪ NИКА выполнена также в традиционном для псковских крестов стиле — те же лигатуры, сама надпись вырезана, а в средокрестии вырезан семиконечный крест на одноступенчатой голгофе.

Эти особенности позволяют нам сделать вывод, что крест был изготовлен в мастерской, где уже изготавливались кресты других типов, характерных именно для Псковской земли.

Еще одним примером такого псковского креста в круге служит крест в стене Никольской церкви на Труворовом городище в Изборске (рис. 2, 5).

К сожалению, надпись на этом кресте, вероятнее всего, была сбита, однако форма лопастей также свидетельствует о псковском происхождении памятника.

Таким образом, из шести крестов в круге, которые находятся на территории Псковской обл., четыре можно отнести к новгородским, а два имеют признаки, характерные для каменных крестов именно этой местности.

Любопытен еще один каменный крест, из д. Залесье рядом с эстонской границей, который мы относим к группе крестов в круге (рис. 2, 6).

В данном случае, на наш взгляд, прослеживается смешение форм, характерных для Псковской земли и встречающихся на территории Эстонии.

Известны каменные кресты в круге и на территории Тверской обл.; в частности, в д. Подборовье Вышневолоцкого уезда (современный Лесной р-н) был

найден один такой памятник. В настоящее время этот крест находится в Тверском областном музее.

Общее количество сохранившихся каменных крестов в круге, относящихся к территории Северо-Запада РФ, составляет не менее **145**, а их распространение показано на карте (рис. 3).

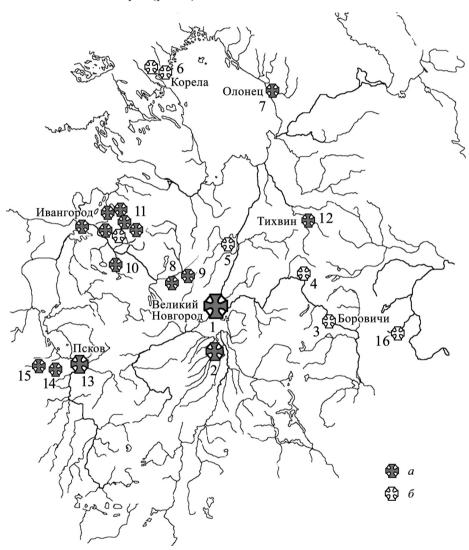

Рис. 3. Карта распространения каменных крестов в круге на северо-западе России. Условные обозначения: a — кресты, находящиеся на месте; b — кресты, перемещенные в музеи. 1 — Великий Новгород, 2 — Старая Русса, 3 —Боровичи, 4 — Любытино, 5 — Деделево, b — Кюлялахти и Кильпола, 7 — Еройла, b — Борщово, b — Каменные Поляны, b — Осьмино, b — Ижорское плато (Войносолово, Пумалицы, Липковицы, Домашковицы, Сырковицы, Ястребино, Плещевицы), b — Новоандреево, b — Псков, b — Изборск, b — Залесье, b — Подборовье

Временные рамки традиции крестов в круге на Северо-Западе России

Среди каменных крестов в круге существует только один, датировка которого может быть достоверно установлена в достаточно узком диапазоне — около 13 лет. Это Алексеевский крест из Софийского собора Новгородского кремля. К сожалению, фрагмент надписи, указывавший точную дату, оказался утрачен, но первая часть даты и упоминание архиепископа Алексия, жизнь которого достаточно хорошо известна, позволяют достоверно датировать этот крест в диапазоне 1375-1388 гг. Остальные каменные кресты не имеют достоверных датирующих признаков, но при этом имеются иные характеристики, а также исторические сведения, позволяющие нам предположить диапазоны датировок. Например, в результате раскопок Е. А. Рябининым курганно-жальничного могильника Плешевицы в 1971 г. в захоронении, датированном по отдельным признакам концом XIII — началом XIV в., был обнаружен каменный крест в круге. Учитывая, что в конце XIII в. на этой территории происходили серьезные изменения — строилась крепость Копорье, была отбита у шведов Корела, — такая находка вполне вписывается в исторический контекст развития православия в Водской пятине новгородской земли.

Другим примером датировки креста в круге служит работа Порфиридова, связанная с исследованием Боровичского креста, находящегося ныне в Русском музее. В отличие от И. А. Шляпкина и А. А. Спицына, которые этот крест относили к XV в., Порфиридов на основе анализа изображений датирует этот крест концом XIII — началом XIV в. ($\Pi op \phi upu \partial o \theta$, 1963. С. 184–195).

В некоторых работах (Соленикова, 1996; Пежемский, 2003. С. 105–113) встречается подход к датировке некоторых вкладных каменных крестов, основанный на дате построения церкви. На наш взгляд, это не совсем корректное решение сложного вопроса. Чтобы согласиться с такой трактовкой, необходимо принять за аксиому утверждение, что вкладные каменные кресты появлялись в стене непосредственно при строительстве и затем никогда не менялись. В связи с такой постановкой вопроса для начала необходимо выяснить предназначение вкладных крестов.

Существует несколько объяснений назначения вкладных крестов: их трактуют как поклонные, обетные и декоративные. Мы придерживаемся мнения архимандрита Макария: главное назначение каменных крестов, вложенных в стены храмов, было связано с поминовением усопших (*Архимандрит Макарий*, 1860. С. 30). Основными доказательствами этой версии служат:

- внешняя идентичность намогильным крестам по узору и надписям;
- наличие ножки с шипами для установки в подпятный камень;
- наличие захоронений в церквях;
- продолжение традиции в виде керамид и вкладных досок в церквях.

В то же время, на наш взгляд, существовали кресты, которые могли нести и иные функции, например, быть памятно-поклонными крестами

и крестами для поминовения погибших, но захороненных в других местах. Такие кресты могли быть выполнены рельефным способом из плиты или кирпича. Именно к такому типу относятся, на наш взгляд, кресты на стенах крепостей Изборск, Порхов, часть крестов в стенах Спасо-Преображенской церкви на Ильине.

Связь вкладных крестов с захоронениями объясняет наличие в стенах крестов, предназначенных для обычных захоронений. Поэтому объекты без ножек-шипов, которые изначально изготавливались для того, чтобы быть вложенными в стену храма, вторичны по отношению к аналогам, изготовленным с длинной ножкой.

Еще одним доводом в пользу того, что в стенах использовали намогильные кресты, служит наличие крестов, вмурованных в стену вместе с подпятными камнями (церковь Петра и Павла в Кожевниках, церковь Рождества на Михалице).

По нашему мнению, наиболее старыми каменными крестами в круге (конец XIII — конец XIV в.) следует считать кресты с ножкой, с написанием именем Иисуса как ICY, причем I с тремя черточками, а также без использования лигатур (*Рыбаков*, 1964; *Черепнин*, 1956. С. 154, 244, 252).

Затем написание сакральной формулы стало короче. Пример такого сокращения мы можем видеть на образцах, изъятых из стен Спасо-Преображенской церкви на Ильине, построенной в 1374 г. (рис. 2, 3).

Любопытно, что даже в 1860 г. архимандрит Макарий в своем описании не делал различия между крестами, выложенными на фасаде церкви из кирпича, и крестами в нишах на уровне земли (11 штук), называя их единым термином «каменные кресты» (Архимандрит Макарий, 1860. С. 304).

В качестве еще одного довода в пользу этой версии может служить каменный крест, найденный при раскопках в Кюлялашском погосте (рис. 2, 1) (*Шахнович, Бельский*, 2009. С. 176–185), поскольку его, по форме и написанию сакральной формулы, можно отнести к XIV в. Могильник, где был найден крест, датирован XIV — первой половиной XV в. Разрушение этого артефакта на мелкие куски могло быть связано с разорением погоста шведами в 1395 г., что зафиксировано как летописями, так и берестяными грамотами.

Следующим этапом развития сакральной формулы стало использование лигатур и написание ICЪ, где I уже используется без черточек. Вероятнее всего, это происходит уже в XV в.

Дальнейшее упрощение узора и изображения скорее связано с необходимостью удешевления и ускорения производства каменных крестов, поскольку изготовление выпуклых надписей было достаточно трудоемким делом. С другой стороны, возможно, это также было связано и с серьезными изменениями в политическом устройстве Великого Новгорода во второй половине XV в. В результате в этот период (или чуть раньше) появились каменные кресты либо вовсе без выпуклого изображения сакральной формулы, либо с небольшим выпуклым четырехконечным крестиком. Такие виды крестов, по нашему мнению, продолжали использоваться и в XVI в.

Кресты в круге в соседних странах

Для наиболее полного представления проблематики каменных крестов в круге на северо-западе России необходимо обратить внимание на ситуацию с подобными объектами на соседних территориях — в Швеции, землях бывшего Ливонского ордена, Великого княжества Литовского и т.д. Пожалуй, эта тема требует отдельного исследования в связи с тем, что на части территорий изготовление каменных крестов имеет достаточно устойчивые во времени традиции, на других встречаются единичные объекты, а на третьих следов этой традиции не обнаружено вовсе.

Эстония

На территории современной Эстонии каменные кресты в круге известны начиная с XVI в., при том что изображения крестов в круге на могильных плитах в западной части страны известны и с XIV в. Все эти кресты в круге относятся к намогильным крестам.

Наиболее старый крест в круге датируется 1521 г., он находится в Нарве, где был найден вмурованным в стену ныне разрушенного Спасо-Преображенского собора. Известная с XIV в. церковь Девы Марии затем была преобразована в протестантский собор Иоанна Иерусалимского, ставший, в свою очередь, православным собором только после 1704 г. Эстонские специалисты считают, что это был намогильный крест Пауля Ведде. О существовании других аналогичных крестов на территории Эстонии нам не известно.

Впоследствии, начиная с 1590-х гг., на территории стали использоваться кресты в круге простой формы, а с 1630-х гг. увеличилась вариативность средокрестий. Особую популярность получило средокрестие в виде процветшего ромба, известного как по изображениям на могильных плитах, так и по изображению на гербе Эзель-Викского (Сааре-Ляэнемааского) епископа Иоганна III Оргаса, умершего в 1515 г. (рис. 4, 2).

Рис. 4. Каменные кресты в круге из соседних стран (фото авторов) 1 — крест в Kalnanši (Латвия); 2 — кресты в Тüri (Эстония); 3 — крест в Persnäs (Öland, Швеция)

Общее количество крестов в круге, известных на территории Эстонии, — около 50. Территория их распространения — земли, которые контролировались шведами с 1561 по 1704 г. Все эти кресты выполнены из местного известняка, на многих указаны даты и имена погребенных, некоторые кресты вмурованы в стены церквей.

Латвия

На территории этой страны также есть несколько крестов в круге (*Caune*, 2008). По своему внешнему виду они тождественны крестам на территории Эстонии. Они также датируются XVII в. и расположены в пределах территорий, контролируемых шведами после 1629 г. (рис. 4, 1).

Дальше, за границей бывшей Лифляндии, — на территориях современной Латвии (юго-западной части), Литвы, восточной и центральной Польши, включая владения бывшего Тевтонского ордена, таких каменных крестов не зафиксировано.

Швеция

Достаточно «загадочной» оказывается ситуация с каменными крестами в круге на территории Швеции, особенно учитывая тот факт, что на территориях Эстонии и Латвии такие объекты стали популярны именно во времена шведского владения.

Оказывается, что на большей части Швеции традиции установки каменных крестов не существовало. Здесь основным поминальным символом до XII в. были рунические камни. Затем в качестве намогильных памятников использовали сложные надгробия различных форм, а также надгробные плиты разных модификаций (*Lundberg*, 1997. Р. 184). Каменные кресты локализуются в нескольких районах — на островах Эланд (Öland) и Готланд (Gotland), а также в Västergötland, в южных окрестностях оз. Венерн (Vänern). В районе оз. Венерн встречаются и наиболее древние для Швеции дисковые кресты (это круглый камень, на котором имеется изображение креста), датируемые XII—XIII вв.

Каменные кресты на островах Эланд (6 экз.) и Готланд (около 10) устанавливались не ранее XIII в. и порой имеют скорее датское, чем шведское, происхождение. Наиболее известны кресты:

- в Endre (Gotland), датируемый 1336 г.;
- в городе Visby (Gotland), датируемый 1361 г.;
- в Persnäs (Öland), датируемый началом XV в. (рис. 4, 3).

В пользу того, что в появлении каменных крестов на островах Готланд и Эланд повинно внешнее влияние, говорит ограниченное количество таких крестов при наличии большого числа местных рунных камней и надгробных плит. Кроме того, формы этих крестов довольно сильно различаются.

О существовании каменных крестов в круге на территории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (юго-западная часть Псковской обл., Белоруссия, южная часть Литвы и т.д.) нам неизвестно, и сведений в литературе мы не встречали.

Таким образом, можно говорить о том, что традиция каменных крестов на псковских и новгородских землях появилась раньше, чем на территориях стран современной Восточной Европы. При этом для орденских земель эта традиция не зафиксирована. Каменные кресты в круге на островах Готланд и Эланд имеют форму, достаточно отличающую их от новгородских, а датировка XIV–XV вв. также не позволяет признать их в качестве исходных образцов для традиции каменных крестов в круге на новгородских и псковских землях.

Литература

Архимандрит Макарий, 1860. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.

Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. № 2.

Панченко В.Б., 2009. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. № 5. 2005—2009: Русское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.

Пежемский Д.В., 2003. Новгородский Серапионов крест // Ставрографический сборник. М. Кн. 2.

Порфиридов Н.Г., 1963. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры (каменный крест из Боровичей) // Древнерусское искусство XV — начала XVI вв. М.

Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. Приложение 1.0. М. Сборник статей, посвященных 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974.

Соленикова Е.В., 1996. Закладные кресты в архитектуре северо-запада России. СПб.

Спицын А.А., 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА РАО. СПб. Т. 5. Вып. 1.

Черепнин Л.В., 1956. Русская палеография. М.

Шахнович М.М., Бельский С.В., 2009. «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 2: Эпоха бронзы — позднее средневековье.

Шляпкин И.А., 1906. Древние русские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.

Caune A., 2008. Rinka krusti Latvija. Riga.

Lundberg S., 1997. Gravmonument i sten från sen vikingatid och äldre medeltid i Västergötland // Uppsatser från Historiska institutionen i Göteborg. 7. Göteborg: Historiska institutionen, Göteborgs universitet.

Schvindt T., 1893. Tietoja Karjalan Rautakaudesta. Helsinki.

Ucla P., 1990. Atlas des steles discoidales. Paris.

Принципы разметки каменных крестов

V.M. Rozhnjatovsky. The principal rules for medieval stone crosses marking

Abstract. The detailed measurements of the Pskov stone crosses show a very punctual accommodation of dimensions in accordance with the rules of Historical Metrology. The research shows the binding in the same general size measurements between strong points of marking: stone forms and image in the middle cross, stone forms and letters in their lines, image in the middle cross and letters in their lines, letters and letters in their lines in different parts of the inscription. In case the stone forms, face-picture and letters have the size of general measurements, we see the harmoniously proportioned organization of the image regardless of the lop-sided and curvilinear separate parts of a cross.

Ключевые слова: каменные кресты, правила разметки, историческая метрология, средневековые меры длины

Форма древних каменных крестов весьма приблизительна по очертаниям, стороны их ветвей в большей части не совпадают по размерам, индивидуальные очертания букв и нюансы рисунка выразительны, но как раз своей несимметричностью и нарочитой случайностью. Однако заметим, что средневековый каменный крест с развитыми надписью и рисунком, вне зависимости от типологии, при очевидной кривизне отдельных частей и элементов изображения, — как цельный образ воспринимается удивительно гармоничным художественным произведением. Поскольку гармоничными мы определяем пропорции, соразмерные человеческому телу, а средневековые меры длины антропологичны, попытаемся понять логику разметки каменного креста мастером, проанализировав обмерные сведения и их метрологическую интерпретацию.

Обычных инвентарных обмеров габаритов креста при этом недостаточно, для метрологического анализа необходимы более подробные метрические сведения. Опорными точками для измерений считаем углы и грани очертаний каменного креста, а также характерные геометрические черты рисунка и надписей. Четкая геометрия начертаний букв облегчает задачу обмерного исследования, но при измерениях камня зачастую приходится реконструировать детали формы креста, поскольку редкий экземпляр имеет четкие грани, и, наоборот, как раз характерны потертости и скругления углов лопастей креста. Такие реконструкции исходят из уже определенных параметров: если обмеры габаритов креста неоднократно фиксируют параметры определенной

исторической метрологией меры, то соседние опорные точки выясняем из учета уже выявленной определенности. Так, крест из Псковского музейного собрания (№ 32520/18) имеет четкий размер нижних краев боковых лопастей в 11 см, ширина тулова креста равна 22 см: это четверть и половина локтя 44 см мерной сажени 176 см (рис. 1). Соответственно, высоту наклонных

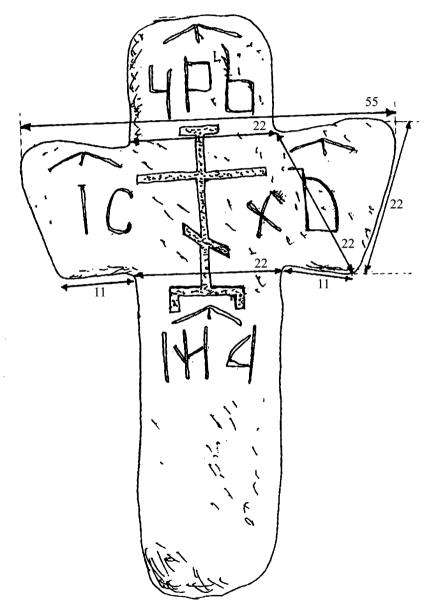

Рис. 1. Мерные соотнесения в разметке габаритов креста Псковского музейного собрания (№ 32520/18)

граней лопастей реконструируем исходя из наблюдений и определяем в 22 см. Итак, если для измерений по опорным точкам начертаний и рисунка допускаем поправку в пределах не более 1 см, то при обмерах габаритов камня допуск возможен до 3 см, что не должно отталкивать наблюдателя, ввиду специфики обработки материала — камня. При этом допуске исключительно важным становится понимание логики разметки — на что обращаем внимание специалистов. Методику обмеров дополнительно демонстрируем на достаточно представительном экземпляре: это каменный крест, обнаруженный в нартексе Снетогорского собора Рождества Богородицы в архитектурном обрамлении стены XVI в. (рис. 2, 1). Обмеры выявили многочастное проявление размеров мерной сажени с локтем 44 см, а также обильное совпадение размеров габаритов креста и его архитектурного обрамления — ниши с остатком фрески. Логику построения образа понимаем в связи общих форм ниши и непосредственно каменного креста внутри ниши: вверху 44 см, от углов ниши внизу к ширине противоположных ветвей 110 см (десять пядей этого же локтя). Ввиду полного преобладания здесь параметров мерной сажени 176 см, не принимаем за аршин единичные проявления размера около 72 см (рис. 2, 2), но считаем

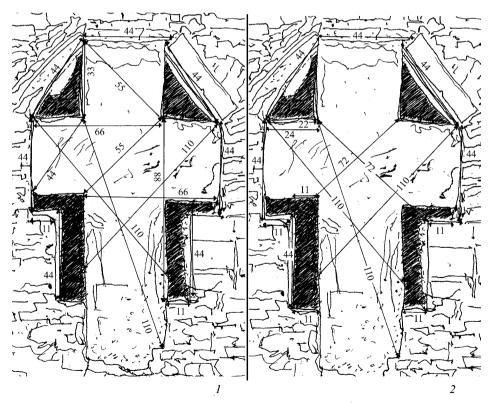

Рис. 2. Крест в нартексе Снетогорского собора.

1 — Мерные соотнесения в разметке креста и архитектурного обрамления; 2 — Дополнительные обмерные позиции разметки креста и архитектурного обрамления

погрешностью измерений, т.е. полагаем, что изначально размер между избранными нами опорными точками, скорее всего, был 71,5 см — это шесть с половиной пядей мерной сажени. По совокупности подобных наблюдений на разных крестах выявляем *первое принципиальное правило* разметки — избранная мастером сажень должна содержаться в отдельных размерах общих габаритов каменного креста¹.

Метрологический анализ крестов различной типологии (Спицын, 1903. С. 206, 215, 216; Шляпкин, 1906. С. 5–8, 27, 32, 33; Седов, 1976. С. 109; Харлашов, 1995. C. 7–9; *Рожнятовский*, 2000. C. 27–38) проявил схожие приемы разметки, из которых выводим общие правила; перечислим их на примере метрики одного экземпляра. Так, на примере обмеров креста из Псковского музейного собрания (№ 32520/8) отмечаем второе принципиальное правило первоначальной разметки мастера, состоящее, по нашему представлению, в том, что начертания отдельных букв в опорных точках соединены определенным размером одного мерного эталона друг с другом (рис. 3, 1). Далее замечаем, что буквы связаны одинаковым размером с опорными точками крестообразной формы тулова и краями лопастей камня (с его габаритами), более внятно это правило демонстрируется в следующих обмерах этого же креста (рис. 3, 2). Третье принципиальное правило состоит в том, что очертания букв (в опорных точках) привязаны к габаритам камня (в опорных точках), в указанном примере расстояния равны или кратны величине локтя в 44 см. По нашему представлению, четвертое принципиальное правило разметки состоит в привязке изображения креста на престоле (в опорных точках) к габаритам камня (в опорных точках), в примере расстояния кратны величине локтя в 44 см (рис. 3, 3). Пятое принципиальное правило разметки креста состоит в том, что письменные начертания в опорных точках привязаны к опорным точкам изображения креста на престоле, в примере расстояния кратны величине локтя в 44 см (рис. 3, 4).

Такие же принципиальные позиции разметки демонстрирует метрика еще одного экземпляра Псковской музейной коллекции (№ 32520/14): здесь габариты связаны с рамкой изображения и буквами, что размечено величинами локтя 44 см (рис. 4, 1). Начертания букв и рамка изображения и габариты камня в опорных точках связаны расстоянием в 11 см — пядь локтя 44 см

 $^{^1}$ Возможно, что наиболее ощутимая мера — сажени с локтем в 44 см — понималась как сакральная и зачастую определялась исследователями как происходящая от «меры Господней» (*Жерве*, 2000. С. 8–12; 2001.С.19–22; *Царевская*, 2000. С. 15, 16). Например, пропорции Гроба (лавицы) в исследовании А. Жерве определяются как 2:1:0,7–0,8, что в размерах соответствует 176×88×22 см (*Жерве*, 2000. С. 9). Г. Романова (1975. С. 71) считает, что локоть игумена Даниила не был официальной единицей локтя, но приводит различия обмеров Гроба Господня: одна мерная величина — у паломника Грефеньи (архимандрита Агрефеньи, хождения 1370 г.), его пядь равна 22–23 см, другая, с размерами пяди 18–19 см, — у паломника Трифона из текста «Хождения Трифона Коробейникова», 1594 г. (Романова, 1975. С. 90). Г. Романова соотносит размер 22 см с т.н. «малой пядью», а размер 18–19 см — с «большой пядью». Размер в 22 см, «малая пядь», как раз выявлена в соотношениях размеров псковского собрания крестов.

(рис. 4, 2). Рисунок связан с письменными знаками в опорных точках расстояниями, кратными локтю в 44 см (рис. 4, 3). Рисунок связан с рамкой изображения и письмом величинами локтя 44 см (рис. 4, 4).

Выявленные особенности метрической увязки подтверждаются также обмерами ряда других крестов разных типов из Псковского музейного собрания: (рис. 1; 5; 6).

Итак, подчеркиваем выявленные закономерности метрической организации художественного образа — каменного креста, — следуя которым мастер достигал гармонического единства произведения, и называем выявленные особенности как проявление *принципиальных правил разметки* средневековых каменных крестов:

- 1) габариты креста должны хотя бы минимально содержать величины избранной мастером меры;
- 2) изображение на камне креста на престоле в опорных точках привязано к опорным точкам габаритов формы камня;
- 3) изображения креста на престоле в опорных точках привязано теми же размерами к опорным точкам письменных начертаний;
- 4) письменные начертания отдельных знаков в опорных точках соединены друг с другом;
- 5) письменные начертания в опорных точках привязаны к опорным точкам габаритов камня.

Считаем, что применение указанных правил позволяло мастеру сообщать произведению гармоническое единство, невзирая на трудности и случайности, естественные при обработке камня. Если мастер увязывал уже имеющиеся после обработки камня габаритные опорные точки — углы креста, края лопастей и тулова — с расположением рисунка и букв с титлами, то в результате образуется столь необходимое и сегодня внятно воспринимаемое гармоническое равновесие образа в целом. Сегодня известно производственное название мастера, изготавливающего каменный крест, — крестечник (Николаева, 1971. С. 26, 27). Очевидно, что выявленная обмерами скрупулезная разметка каменного креста крестечником схожа с творчеством иконописца в его изначальном знаменовании образа рисунком, а в конце и надписью (Флоренский, 1994. С. 126-129, 215). Замечаем и сходство с приемами словописца — разметчика письма в произведениях лицевого шитья (Маясова, 1971. С. 6, 7). Скрупулезность в приемах разметки, безусловно, проявляет нам само понимание средневековым крестечником и его заказчиком создаваемого каменного креста как сакрального образа.

Исходя из обнаруженных закономерностей разметки, пробуем определить некоторые приемы, следуя которым мастер достигал, как нам представляется, искомой им гармонии при очевидной внешней несообразности кривых линий и углов каждой детали в отдельности.

Прием А. Линейное построение рисунка и надписи. Именно построением представляются особенности знаменования камней древнерусскими мастерами. Измерения показывают, что эти построения были не циркульными (что не исключает полуциркульной работы на элементах — шнуром),

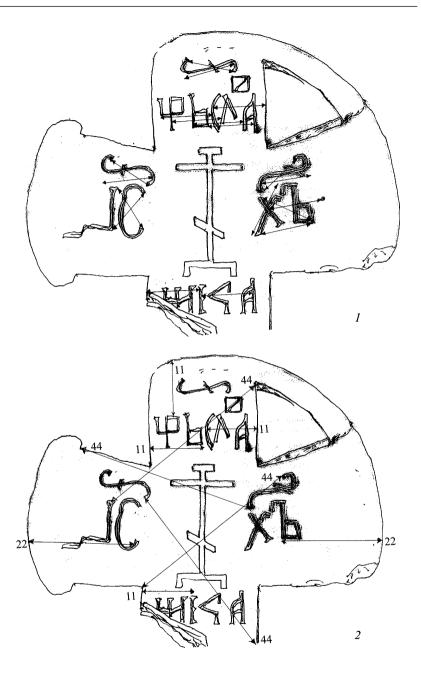
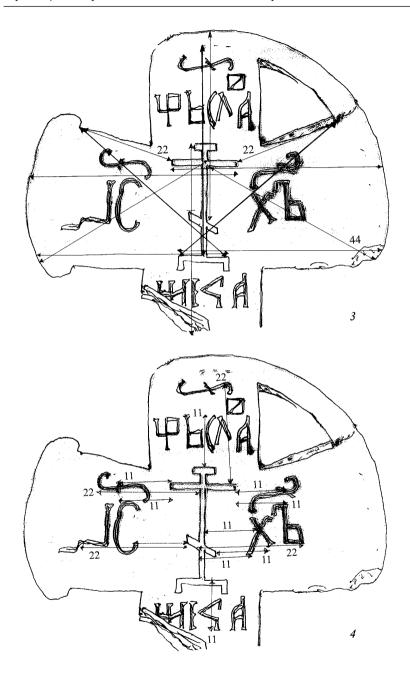

Рис. 3. Крест из Псковского музейного собрания (№ 32520/8). Мерные соотнесения в разметке начертания надписей (1), габаритов камня и надписей (2), рисунка и габаритов камня (3), очертания надписей и рисунка (4)

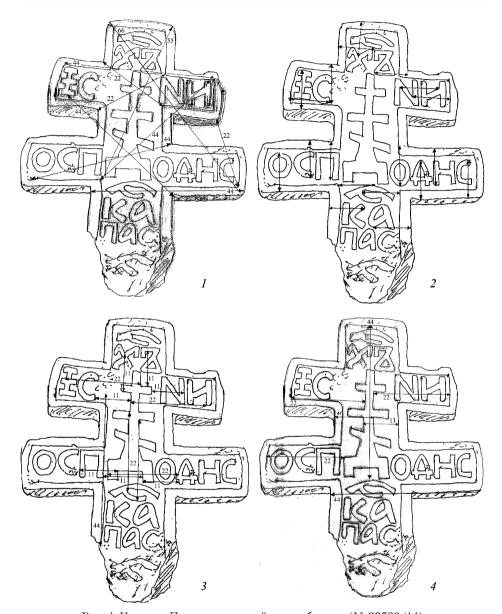

Рис. 4. Крест из Псковского музейного собрания (№ 32520/14). Мерные соотнесения в разметке очертаний надписей, рамки изображения и габаритов (1), очертаний надписей и габаритов камня (2), очертаний надписей и рисунка (3), дополнительные обмерные позиции мерного соотнесения очертаний надписей, рамки изображения и габаритов камня (4)

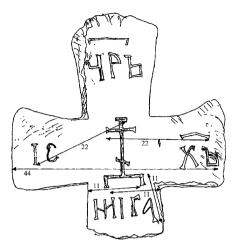

Рис. 5. Мерные соотнесения в разметке креста Псковского музейного собрания (№ 32520/16)

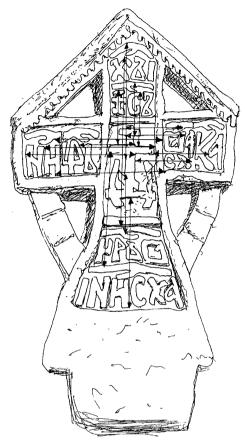

Рис. 6. Мерные соотнесения в разметке начертаний рисунка и надписей креста Псковского музейного собрания (№ 32520/5)

но *пинейными*: построения велись *по вертикали и горизонтали*. Создание изображения выступает именно как *строительство* — мастер создает изображение подобно средневековому зодчему, и кресты даже круглых очертаний в основе имеют линейное построение.

Прием Б. Определение (создание) модуля в габаритных очертаниях камня (модуль — раздел между микро- и макро-измерениями). Условием дальнейшего мерного продвижения разметки считаем наличие на каждой ветви каменного креста габаритного размера в модуль — в представленных примерах это 11 или 22 см (четверть и половина локтя 44 см). Мы наблюдаем, что при всей невольной, от материала зависящей, кривизне крестов каждая ветвь имеет как минимум один вертикальный и/или один горизонтальный модульный размер — как правило, это перпендикулярные тулову нижние горизонтальные скосы боковых ветвей или ширина либо высота верхней вертикальной ветви.

Прием В. Определение опорных точек разметки. Приемом увязки вертикальных и горизонтальных размещений букв и увязки их с рисунком является задействование опорных точек габаритов: как правило, углов сочленения лопастей с туловом каменного креста. Опорные точки мастера определяли и в рисунке, для продолжения разметочных операций, в частности обмерные данные свидетельствуют об использовании оконечностей изображаемого креста в средокрестии камня — его макушки и основания, краев перекладин, а также углов и окончаний линии изображаемого под крестом престола. Опорные точки определялись и в надписи, как правило, это окончания мачт и очертаний петель крайних в блоке букв: например, буквы I (верхний и нижний концы) левой ветви камня, и буквы Ъ (правый нижний угол петли) правой ветви камня. При этом измерения вышеназванных привязок производятся по диагонали вверх — вниз и вправо — влево.

Прием Г. Создание «линейки» на верхней ветви. Мы понимаем как прием построение букв на верхней ветви, подобное созданию линейки, по которой идет дальнейшее, более легкое, автоматическое, «скользящее» по мерным величинам, размечание. Именно созданием в «голове» креста линейки возможно объяснить и обязательное для крестов квадратное начертание элементов букв Ч, Ъ, Р на верхней ветви в противоположность различному иному начертанию этих же букв (главным образом Ъ) на одном и том же экземпляре. Создание «линейки» приводит к следствию: когда все размеры продвигаются скольжением, простым продвигом мерила мастера, по вертикали. Тогда все размеры оказываются связанными, как нити в экземплярах лицевого шитья «в раскол», когда последующий стежок выходит не от крайней точки предыдущего, но из середины предыдущего стежка. «Линейка» и упрощает дальнейшие измерения, и ускоряет работу.

Прием Д. Прием наложения измерений «внахлест» встречному замеру, к дальней точке ребра или сопрягаемой фигуры рисунка и буквы: измерения велись к дальней точки фигуры (буквы, рисунка), внахлест встречному размеру — подобно тому, как клались бревна сруба. Такой прием, во-первых, не принуждал дробить модуль, а во-вторых, гарантировал связь выбранным размером всей замеряемой площади: каждая новая точка начинала взаимодействовать с другими в модульном пространстве, что при трудностях обработки материала оказывалось важным «подстраховывающим» фактором. Этот прием измерения расстояния *«внахлест»* естествен при увязывании внешних (габариты) и внутренних (изображение букв, креста на престоле) — и имеет следствием соотнесение размеров дальних точек (внешних) с внутренними. Это касается также письма и рисунка: толщины мачт букв, ширины деталей изображения и даже выбранной полурельефом части рисунка — внешние, дальние точки соотносятся размерами с внутренними, ближними: например, буква будет привязана не к ближнему краю перекладины изображения креста, а к дальнему, так же размечались черты рисунка или букв относительно граней лопастей камня.

Прием Ж. Диагональные «пеленающие» измерения при разметке (Псковское музейное собрание, № 34215/2: рис. 7). Обнаружены диагональные соотношения, как бы обвязывающие, пеленающие крест — от углов верхней ветви камня крест-накрест к окончаниям начертанных букв ЧРЬ СЛАВА, от окончаний этих букв к перекладинам креста изображения. Затем от креста к престолу и габаритным углам камня, далее от изображения креста к нижней надписи

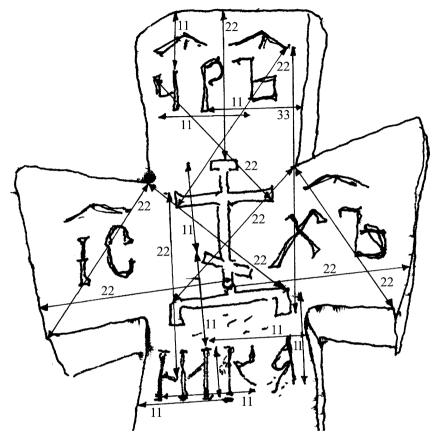

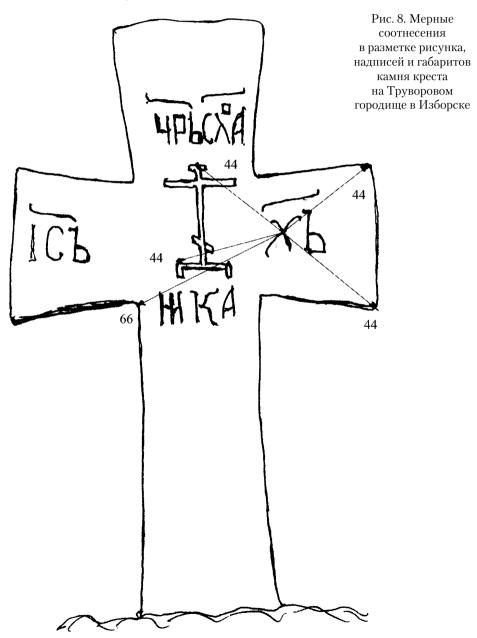
Рис. 7. Мерные соотнесения в разметке рисунка, надписей и габаритов камня креста Псковского музейного собрания (№ 34215/2)

НИКА. Размеры по горизонтали также уравнены диагонально, но чаще в соотношениях габаритов (диагональ к верхнему углу боковой ветви от изображения престола, к верхним углам боковых каменных ветвей от точек основания каменных разветвлений). Замечаем, что эта «пеленающая» разметка естественно продолжает начальную разметку каменной плиты (Pожиятов-ский, 2000. С. 35. Рис. 4, θ)².

Прием 3. Следующий прием мастера состоит θ увязке рисунка, надписи, титл и габаритов — одной буквой, именно буквой X, всегда изображенной очень

² Крестечник использовал прием размещения размеров «внахлест» (*Рожнятовский*, 2000. Рис.; *Николаева*, 1971. С. 278), подобно бревнам при строительстве дома. Этот прием измерений диагональных, «пеленающих», передает антропологическое значение: крестечник относится к камню будущего креста как к «туловищу», — реконструируя последовательность разметки, мы выявляем видение «среднего религиозного человека»: это видение скрытого во внешнем.

живо и не встраивающейся в логичный здесь горизонтальный ряд букв (Изборск, «Труворов» крест: рис. 8). Заметим, что особая разметка с этой буквой демонстрирует художественность осмысления мастером своего произведения в соответствии с пониманием картины мира: в статику композиции креста размещение особо вычерченной X вносит движение (Успенский, 1995. С. 253).

Предлагаем также реконструкцию общей последовательности использования приемов при разметке камня и знаменовании креста. Сначала избирается модульный размер габаритов камня и размечается изображаемый рисунком крест в середине камня. Вторым рубежом разметочного построения представляется отступ вверх от линии основания креста (престола) до края камня или до края верхнего среза букв или титла надписи вверху. Отмеряются такие же отступы модульной величины для блоков букв в стороны на боковые лопасти. Третьим рубежом последовательной разметки считаем «создание линейки» в голове камня, разметку ЧРЪ или ЧРЪ СЛАВА, а также уточнение верхней опорной точки в «голове» в мерно-пропорциональных связях с габаритами креста, как правило, с опорными точками лопастей. Четвертым рубежом разметки можно назвать «прокатывание» мерными отрезками сверху вниз, от «линейки», всего рисунка креста, и уточнение размеров надписи NIKA под крестом по отношению к кресту и к верхней, в голове, надписи с титлом. Пятым рубежом представляется разметка по горизонтали от вертикальной мачты рисунка креста на престоле. Шестым рубежом считаем уточнение модульных мерных связей между всеми углами камня, титлами и опорными буквами, крайними на ветвях и под изображением креста на престоле (мачта K в слове NIKA, центр X (XC), изгибы Ъ и др.). Седьмой, уравновешивающий, рубеж — привязка начертаний буквы Х к опорным точкам рисунка, букв и титлов и к углам габаритов креста.

Литература

Жерве А.Н., 2000. Мера святого Гроба Господня: Традиция перенесения святыни на Руси в XII–XVII вв. // София. Новгород. № 4. С. 8–12.

Жерве А.Н., 2001. Мера святого Гроба Господня: Традиция перенесения святыни на Руси в XII–XVII вв. // София. Новгород. № 2. С.19–22.

Маясова Н.А., 1971. Древнерусское лицевое шитье: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.

Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV— первой четверти XVI века. САИ. Вып. Е1-49.

Рожнятовский В.М., 2000. Псковское собрание каменных крестов // Археология. История. Архитектура Пскова. Псков. С. 27–38.

Романова Г.Я., 1975. Наименование мер длины в русском языке. М. С. 71.

Седов В.В., 1976. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М.

Спицын А.А., 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА РАО. СПб. Т. V. Вып.1.

Успенский Б.А., 1995. Семиотика иконы // Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М. Φ лоренский П.А., 1994. Иконостас. М.

Xарлашов Б.Н., 1995. Каменные намогильные кресты псковских погостов // Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Царевская Т.А., 2000. Царьградские дары новгородского паломника Добрыни Ядрейковича // София. Новгород. № 3. С. 15-16.

Шляпкин И.А., 1906. Древние русские кресты. СПб. 1: Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы.

Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований

O.A. Tarabardina. The Great Bridge of Novgorod on the results of dendrochronological research

Abstract. Underwater archaeological excavations at the bottom of the River Volkhov, aimed to discovering and studying the remains of the Great Bridge connected Sofia and Trade sides of Novgorod, were first undertaken in 2005, and still continue today. In the four pits there were discovered wooden structures: various pile groups, as well as horizontal beams and plates (scaffolds), presumably related to the diachronous structures of the bridge. Dendrochronological study of wooden structures, conducted in the laboratory of the archaeological center of the Novgorod Museum, allowed dating of several groups of the wooden parts. The dates reflect various stages of existence of the Novgorod Great Bridge in the 13th–19th centuries.

Ключевые слова: Великий мост, дендрохронологическое датирование.

 ${f H}$ а протяжении ряда лет, начиная с 2005 г., в Новгороде проводятся подводные археологические исследования на дне р. Волхов, целью которых является поиск и изучение остатков Великого моста, соединявшего в средневековье Софийскую и Торговую стороны города (Степанов, Трояновский, Хархордин, 2007. С. 319–339; Степанов, Трояновский, 2011а. С. 187–189; Филипnoga, 2007. С. 33–47). В ходе работ (руководитель — А. В. Степанов) в четырех шурфах, промытых на дне Волхова, обнаружены стратифицированные культурные напластования мощностью от 0,4 до 1,5 м. Комплекс находок очень разнообразен и датируется XIII — началом XIX в. В толще донных отложений на различной глубине обнаружены деревянные сооружения: разнородные группы свай, а также горизонтальные балки и пластины (плахи), предположительно относящиеся к разновременным конструкциям моста. Деревянные детали хорошо сохранились во влажной среде; это сделало возможным их дендрохронологическое исследование и датирование. Мы рассчитывали, что, сопоставив полученные дендродаты с определенными историческими событиями и этапами жизни Новгорода, сможем определить точное время строительства изучаемых объектов.

С деталей деревянных конструкций было сделано 36 поперечных спилов для дендрохронологического изучения и определения их возраста. Поскольку работы велись под водой, отбор образцов оказался достаточно сложной задачей: часть деталей пришлось поднять со дна реки на понтон, часть спилов делались непосредственно под водой. Эти дендрообразцы изучались в лаборатории дендрохронологии Центра археологических исследований НГОМЗ

по принятой методике (Тарабардина, 2007. С. 6, 7). В исследуемой выборке представлены образцы трех основных пород древесины, использовавшихся в строительстве Новгорода с эпохи средневековья до новейшего времени: сосны, ели и, в меньшей степени, дуба (рис. 1). Преобладают образцы хвойных пород (26 экз.): сосне (*Pinus silvestris*) принадлежит 22 экз. (61%), ели (*Picea* abies) — 4 экз. (11%). 10 образцов (28%) являются дубовыми (Quercus). Эта картина несколько необычна для раскопов Новгорода: как правило, доля дуба в выборках археологической древесины не превышает 2%. Отмеченное своеобразие — результат специального отбора материала для строительства моста: чтобы придать свайной конструкции большую устойчивость, строители использовали наиболее прочный материал — дубовые сваи. Следует отметить, что крупные сваи в верхнем горизонте донных отложений изготовлены преимущественно из хвойных — сосны и ели, а сваи в нижних горизонтах, из дуба. Преобладание сосновых образцов в выборке создает хорошие возможности для датировки, поскольку дендрохронологические шкалы (древеснокольцевые хронологии) Новгорода созданы главным образом на базе хвойных пород древесины (в основном сосны).

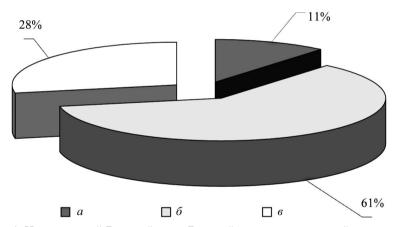

Рис. 1. Новгородский Великий мост. Видовой состав строительной древесины

Возраст образцов колеблется от 29 до 172 лет. В ходе дендрохронологических исследований принято подразделять изучаемую строительную древесину на возрастные группы в зависимости от количества годичных колец образцов (Черных, 1996. С. 36). К группе І относятся модели, насчитывающие до 50 годичных колец, ІІ — 51–100 колец, ІІІ — 101–150, ІV — 151–200 и т.д. В изучаемой выборке (рис. 2) наиболее многочисленна группа ІІ (20 экз., 56%). Многолетние деревья возрастом более 100 лет, являющиеся наилучшим материалом для дендрохронологического изучения, в совокупности составляют около 22% образцов. Это полностью соответствует общей тенденции, выявленной при изучении строительной древесины Новгорода (*Тарабардина*, 2005. С. 133–145; 2007) (рис. 3). Таким образом, значительная часть дендрообразцов конструкций Великого моста имеет достаточное количество годичных колец

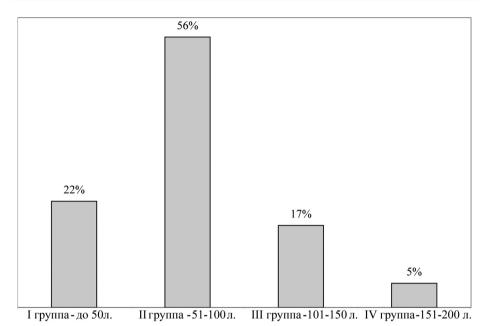

Рис. 2. Новгородский Великий мост. Возрастной состав строительной древесины

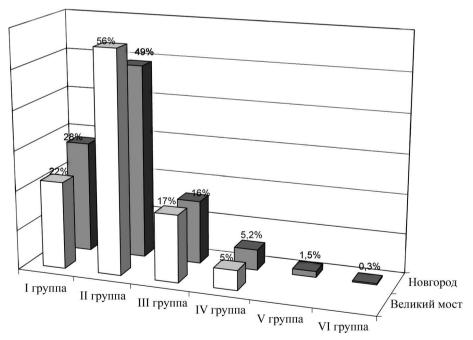

Рис. 3. Возрастной состав строительной древесины Великого моста и построек Новгорода (по материалам подводно-археологических исследований и археологических раскопок)

для убедительной синхронизации с эталонными моделями новгородских дендрохронологических шкал. Сохранность внешних колец, определяющих датировку образцов, в большинстве случаев удовлетворительная: заболонь утрачена лишь у сваи 05/18. У свай 05/3, 05/20, 08-5, 06/98, 06/101, 09/106, а также у плахи (пластины) 20 из конструкции 2, возможно, отсутствуют 1–3 внешних кольца, у остальных образцов зафиксированы сохранившиеся внешние кольца.

В результате проведенного дендрохронологического анализа, выполненного с использованием компьютерных программ DENDRO и CATRAS, датировку получили 12 сосновых образцов.

Датированные образцы относятся к различным хронологическим периодам. Крупные сваи в верхнем горизонте донных отложений обнаруживают убедительное сходство динамики погодичного прироста с эталонными образцами поздней части новгородской дендрошкалы (XVIII—XX вв.). В качестве эталонов использовались как живые деревья, так и датированные сооружения XVII—XX вв. из Новгорода и Старой Руссы, для сравнения привлекались и другие материалы, в частности, шкала юго-восточной Финляндии. Эти образцы подразделяются на две хронологические группы. К наиболее поздней группе относятся две сваи (08-5, 08-7), датируемые не ранее 1816 и 1818 г.

Образцы 05-18, 05-3, 05-20, 05-35, 05-10 составляют хронологически компактную группу: сваи 05-35 и 05-10 с сохранившимися внешними кольцами датируются 1782 г., 05-20 — не ранее 1781, 05-3 — не ранее 1778 г. У свай 05-20 и 05-3, как уже отмечалось выше, утрачены от одного до трех (но не более) внешних колец, следовательно, реальная дата рубки этих бревен должна быть на 1–3 года позже указанной даты младшего кольца. К той же группе и к тому же хронологическому периоду относится и свая 05-18, последнее сохранившееся годичное кольцо которой образовалось в 1729 г.; у образца отсутствует часть заболони (по нашим расчетам, около 50 колец), что позволяет определить вероятную дату рубки дерева также 1780-ми гг.

На основании полученных датировок мы можем отнести две поздние группы свай, исследованных на дне Волхова, к последней четверти XVIII в. (не ранее 1782 г.) и к началу XIX в. Мост, построенный около 1782 г., изображен на акварели М. М. Иванова «Новгород. Вид с мостом через Волхов», написанной в 1785 г., когда художник находился в свите Екатерины II во время ее путешествия по Вышневолоцкой системе (Капарулина, 2007. С. 55. Илл. 2). В выборке представлены также сваи, свидетельствующие о строительной активности более раннего времени: один образец (свая 09-91) датируется серединой XVIII в. — 1754 г., другой (свая 09-106) относится к началу XVII в. — не ранее 1619 г.

В нижнем горизонте шурфа 3 2006 г. были зафиксированы фрагменты двух однотипных конструкций из крупных сосновых плах, соединенных с помощью вырубок и дубовых нагелей. Удалось получить дендрохронологические датировки двух образцов. Плаха 06-6 из конструкции 1 датирована 1285 г., плаха 06-10 конструкции 2-1353 г. Принадлежность образцов

эпохе средневековья не вызывает сомнений: сходство с эталонной хронологией (хронологической шкалой) Новгорода NOVPIN характеризуется коэффициентом t=5.47 для образца № 6 и t=11.8 для образца № 10. Это доказывает средневековое происхождение обнаруженных деталей, хотя их назначение и связь с Великим мостом не ясны. Возможно, они действительно являлись частью раскосов, скреплявших сваи для придания конструкции устойчивости (Степанов, Трояновский, Хархордин, 2007. С. 336; Тарабардина, 2009. С. 544, 545). На изображении Великого моста на иконе XV-XVII вв. «Житие Варлаама Хутынского в чудесах и деяниях» из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря мы видим, что надводные части опор моста имеют решетчатую структуру (Филиппова, 2007. С. 42. Илл. 8). Возможно, обнаруженные детали являлись частью подобной структуры. Обращает на себя внимание то, что две разновременные конструкции совершенно однотипны. Если исследованные пластины являются частью конструкций моста и относятся к разным хронологическим периодам, это свидетельствует об определенной строительной традиции в сооружении моста во второй половине XIII — середине XIV в. Т.е. устройство моста в это время обязательно предполагало наличие тех деталей (откосов?), части которых обнаружены в ходе исследования.

К середине XIII в. относится деревянная деталь (плаха) 09-115, расчищенная под дубовыми конструкциями в ходе работ 2009 г. Она изготовлена из бревна, срубленного не ранее 1251 г. Следует отметить, что под 6759 (1251) г. Новгородская Первая летопись сообщает об очередном разрушении Великого моста: «...Того же лета наидоша дождеве велице... и великыи мость снесе на Волхове...» (НПЛ, 1950. С. 304, 305). Не исключено, что бревно, срубленное в 1251 г., использовалось в ходе ремонтных работ при восстановлении моста.

Часть найденных на дне Волхова свай изготовлены из дуба. Мы пока не располагаем возможностями датировки дубовых конструкций. На Северо-Западе России дуб в строительстве использовался достаточно редко, поэтому материал для создания дендрохронологической шкалы накапливается медленно. Но дендрохронологические исследования деталей из дуба в настоящее время ведутся в нескольких центрах, в том числе и в лаборатории археологического центра Новгородского музея. Дубовые сваи моста, выявленные в нижней части шурфа 2006 г., обнаруживают существенное сходство тенденций роста годичных колец с образцами дуба из новгородских построек XIV в. (такие постройки с дубовыми деталями встречаются на Никитинском, Посольском, Троицком раскопах). Можно предположить, что часть дубовых свай также относятся к XIV в. Это предположение подтверждено радиоуглеродным анализом этих конструкций, проведенным Г.И. Зайцевой в ИИМК РАН (Степанов, Трояновский, 2011б. С. 66). Две дубовые сваи из шурфа 2008 г. и два образца из раскопок 2009 г. имеют небольшое количество годичных колец (08/98-35 л., 08/101-48 л., 09/118-34 г., 09/116-38 л.), их сходство с образцами из шурфа 2006 г. и из культурного слоя Новгорода выражено слабо. В любом случае, говорить о точных датах дубовых свай еще несколько преждевременно: как уже отмечалось, исследования, направленные

на построение хронологии по дубу для средневекового Новгорода, далеки от завершения (*Тарабардина*, 2011. С. 192).

Таким образом, в результате дендрохронологического исследования деревянных конструкций на дне р. Волхов удалось получить дендродаты нескольких групп деревянных деталей (рис. 4). Сваи в верхней части культурных напластований относятся к 1810-м и 1780-м гг. Более ранний этап представлен отдельными сваями 1750-х и 1610-х гг. Наибольший интерес для исследователей средневекового Новгорода представляют остатки конструкций 1250-х, 1280-х и 1350-х гг. Полученные датировки отражают различные этапы функционирования новгородского Великого моста в XIII—XIX вв.

В целом выборка дендрообразцов, собранных в ходе подводно-археологических работ, демонстрирует примерно ту же закономерность в хронологическом распределении датированных образцов, что и большая часть новгородских раскопов. Наряду с образцами и сооружениями эпохи средневековья (в данном случае, XIII–XIV вв.), в ней представлены конструкции XVII–XIX вв., но полностью отсутствуют сооружения промежуточного периода — XV–XVI вв. Археологический материал также демонстрирует общее снижение торговой активности на Великом мосту в XVI в., что свидетельствует об общем экономическом упадке Новгорода в этот период. Впрочем, возможно, имеющиеся хронологические лакуны будут восполнены в ходе дальнейших подводных археологических исследований Великого моста, которые продолжаются и, несомненно, принесут еще много интересных открытий.

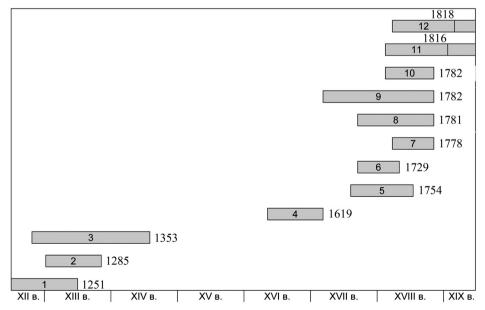

Рис. 4. Новгородский Великий мост. Датировка деревянных конструкций 1 — 09-115; 2 — 06-6; 3 — 06-10; 4 — 09-106; 5 — 09-91; 6 — 05-18; 7 — 05-3; 8 — 05-20; 9 — 05-35; 10 — 06-10; 11 — 08-5; 12 — 08-7

Литература

- *Капарулина О.А.*, 2007. Путешествие императрицы Екатерины II по Вышневолоцкой системе в 1785 г. в рисунках и акварелях М.М. Иванова // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород. Вып. 6.
- НПЛ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Степанов А.В., Трояновский СВ., Хархордин О.В., 2007. В поисках Великого моста: археологические исследования 2005—2006 гг. на дне р. Волхов // ННЗ. Вып. 21.
- Сти и культурогенеза: Тез. докл. междунар. науч. конф. М.
- *Степанов А.В., Трояновский С.В.,* 2011б. Новейшие подводно-археологические исследования новгородского Великого моста // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб.; М.; Великий Новгород. Т. II.
- *Тарабардина О.А.*, 2005. Строительная древесина в средневековом Новгороде (по материалам Троицких XI и XII раскопов) // ННЗ. Вып. 19.
- *Тарабардина О.А.*, 2007. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991−2005 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- *Тарабардина О.А.*, 2009. Динамика строительства в средневековом Новгороде в свете данных дендрохронологических исследований // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.
- *Тарабардина О.А.*, 2011. Новгород и Старая Русса: Дендрохронология средневековых городов Северо-Западной Руси // Тр. III (XIX) Всерос. АС. СПб.; М.; Великий Новгород. Т. II.
- *Филиппова Л.А.*, 2007. Великий мост в истории средневекового Новгорода // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород. Вып. 6.
- Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.
- Tarabardina O.A., 2007. Building timber in medieval Novgorod based on materials from the Troitsky XI and XII excavations // Wood Use in Medieval Novgorod / Eds. M. Brisbane, J. Hanter. Oxford.

Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланьский)

O.M. Oleynikov. Archaeological researches in the northern part of the Nerevsky End of Veliky Novgorod (the Doslansky excavation site)

Abstract. The Doslansky excavation site (750 m²) was located in the northern part of the Nerevsky End of Veliky Novgorod, 2–5 m west of the former Church of Dmitry Solynsky in Doslanya street. The cultural layer of the excavated site (ca. 1–1,5 m thick) is dated to the end of the $11^{\rm th}$ — the $20^{\rm th}$ centuries. At the end of the $11^{\rm th}$ century the territory on the Doslanya street was divided into plots for urban estates. 4 yards with structures that can be associated with ice houses were traced there. At the beginning of the $13^{\rm th}$ century the territory under study was abandoned. The estates revival happened in the $14^{\rm th}$ century. In the eastern part of the excavation site, the parish grounds with a cemetery of the $14^{\rm th}$ — $19^{\rm th}$ centuries, enclosed with a palisade, were traced.

Ключевые слова: Неревский конец, церковь Дмитрия Солунского, усадебная застройка

В2011 г. Новгородским хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции ИА РАН проводились исследования в относительно малоизученном районе средневекового Новгорода на окраине северной части Софийской стороны (рис. 1). В 1950–1980-х гг. здесь проводились лишь наблюдения за строительными работами, позволившие приблизительно выявить средневековую уличную сеть.

Раскоп Досланьский имел площадь 750 м², располагался по адресу: ул. Даньславля, д. 17, в 2–5 м к западу от бывшей церкви Дмитрия Солунского на Дослане улице (рис. 2). Улица Досланя (Даньславля) впервые упоминается в Новгородской Первой летописи под 6850 (1342) г. (НПЛ, 2000. С. 355). До конца XV в. улица называлась «Даньславля» (Там же. С. 370, 384, 386, 407). На ней находились церкви Мины и Дмитрия Солунского. По названию последней в некоторых источниках эта улица называлась Дмитриевской. В XVI в. на Дослане улице насчитывалось более 100 дворов. На северной стороне улицы располагались в основном усадьбы ремесленников-кожевников, инструменты которых обнаружены в постройках XV–XVI вв. (рис. 3, 1–4).

Церковь Дмитрия Солунского на Дослане улице впервые упоминается в Новгородской Первой летописи под 6898 (1390) г. как погибшая от пожара (НПЛ, 2000. С. 384). В дальнейшем она неоднократно горела и отстраивалась вновь. Ее местоположение определяется на основании письменных и картографических источников. В Семисоборной росписи и в Описи 1617 г.

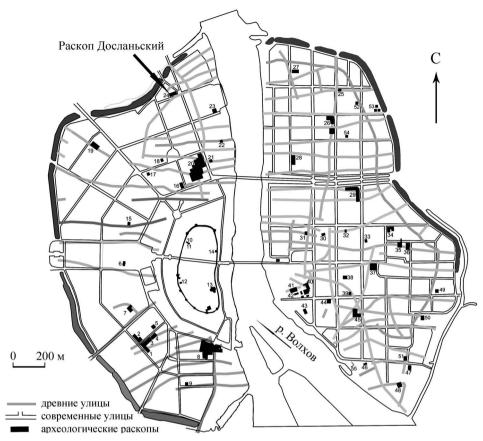

Рис. 1. Великий Новгород. Ситуационный план раскопа Досланьский

указывается, что она находилась в конце *Дослани улицы*, а Роспись 1615 г. помещает храм на Дмитриевскую улицу. Церковь Дмитрия Солунского показана на всех планах Новгорода XVIII— первой половины XIX в. В современной топографии города место церкви Дмитрия приходится на развилку улиц Великой и Бредова-Звериной.

В 1847 г. по указу Св. Синода ветхая церковь Дмитрия Солунского была разобрана. Ее материал использован на строительство часовни, сторожки и ограды у церкви Пантелеймона.

На исследуемом участке мощность культурного слоя составляла 1–1,5 м. Культурный слой представлен темно-коричневой и коричневой углистой супесью, сильно перемешанной в XIX–XX вв. огородами и планировочными работами. Непотревоженные слои сохранились на материке. Материк состоит из слоев песка и супеси. Почти вся поверхность материка прорезана хозяйственными и столбовыми ямами XII–XX вв. Вещевая коллекция раскопа насчитывает 621 индивидуальную находку из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Массовые находки представлены обширной

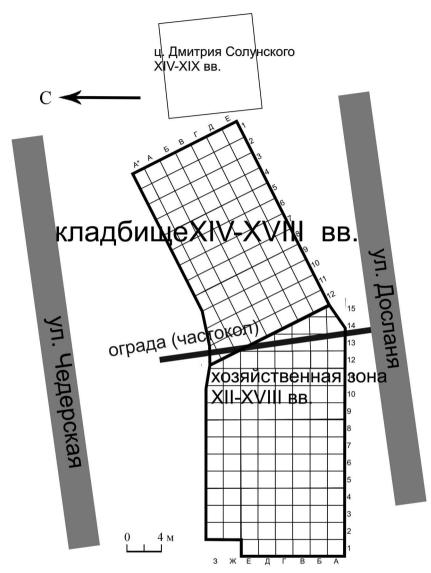

Рис. 2. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланьский. Ситуационный план с предположительным расположением улиц и церкви Дмитрия Солунского

коллекцией керамики (около 100 тыс. фрагментов), костей домашних и диких животных, птиц и рыб, обрезков кожи.

При относительно небольшом по масштабам Новгорода культурном слое, его изучение дало богатый материал о времени первоначального освоения, заселения и топографии этой части города с начала XII в. Благодаря всестороннему изучению культурного слоя ранний период освоения северной части Неревского конца средневекового Новгорода реконструируется следующим образом.

228 О.М. Олейников

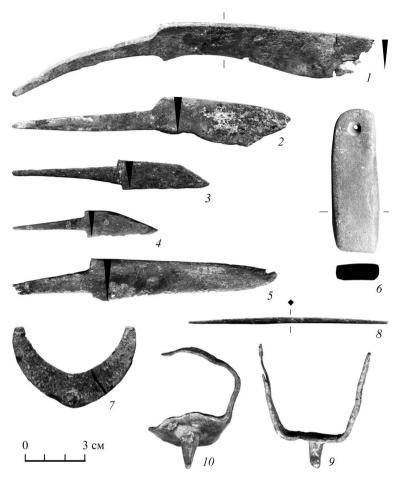
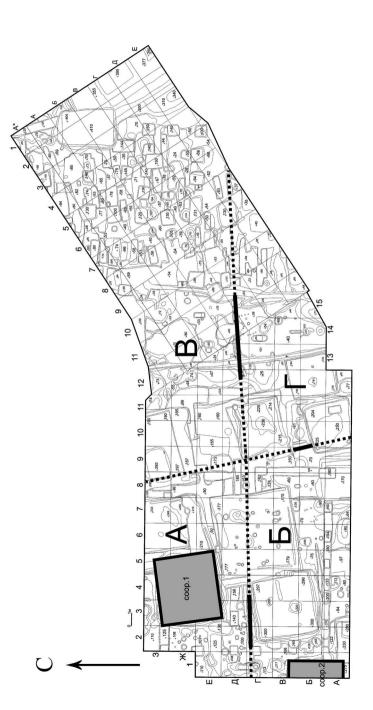

Рис. 3. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланьский. Находки из слоев XIV—XV вв. 1-4 — ножи сапожные (Досл-1-26; Досл-11-11; Досл-1-134; Досл-11-27); 5 — нож (Досл-11-16); 6 — оселок (Досл-12-2); 7 — подковка сапожная врезная с шипом (Досл-2-61); 8 — шило (Досл-12-25); 9-10 — шипы ледоходные сапожные (Досл-2-69; Досл-11-15). (1-5, 7-10 — железо; 6 — камень)

В начале XII в. исследуемая территория была поделена частоколом на усадьбы. Прослежены 4 усадьбы, две из которых («Б» и «Г») выходили на ул. Досланя (Даньславля) и имели площадь более 250 м². Усадьбы «А» и «В» примыкали к северной стороне усадеб «Б» и «Г» и имели примерно такие же размеры. По всей видимости, севернее раскопа проходила еще одна улица, предположительно Чедерская, которая шла параллельно ул. Дослане, располагаясь в 30 м от нее (рис. 1). Впервые Чедерская улица упоминается в письменных источниках в 1535/36 гг. В XVI в. вдоль улицы располагалось около 30 дворов, где жили в основном ремесленники-кожевники.

В западной части исследуемой территории на усадьбах «А» и «Б» были вырыты большие прямоугольные ямы, которые можно соотнести с ледниками (рис. 4). Площадь их превышала 25 м², они были углублены в материк

ул. Досланя

230 О.М. Олейников

на 1,7—2,5 м. Стены ледника были выложены плахами и укреплены столбами, расположенными в углах ямы. Эти хозяйственные ямы были вырыты в песке, который играл роль дренажа для влаги, образующейся от таяния льда в ледниках. На усадьбах «В» и « Γ » от построек XII — начала XIII в. сохранились только столбовые ямы.

Следует отметить, что исследуемый участок Неревского конца средневекового Новгорода является наиболее высоким и характеризуется отметкой 27 м БСВ, что на 10 м выше уровня воды в Волхове.

В предматериковых слоях и заполнении хозяйственных ям XII — начала XIII в. обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт жителей этого района средневекового Новгорода. Это фрагменты амфор «трапезундской» и «хиосской» групп¹, костяные двусторонние цельные и наборные гребни, ключи от навесных замков, пирофиллитовые пряслица, конические свинцовые грузики от вертикального ткацкого станка, пуговицы грушевидные бронзовые, ладейные заклепки, печать вислая малая свинцовая. На лицевой стороне (далее — л. с.) печати — изображение лика святого с усами, бородой и курчавыми волосами в точечном нимбе (св. Феодор?); на оборотной стороне (далее — о. с.) — 6-конечный крест в точечном ободке. К домонгольскому периоду следует отнести и крест-энколпион рельефно-черневый бронзовый. Завершение ветвей закругленное, с парными выступами-слезками: л. с. — Богоматерь (?); о. с. — 4-конечный крест, из средокрестия выходят лучи (рис. 5 на вклейке, 1).

В заполнении подвалов XII — начала XIII в. обнаружены предметы культа и украшения (рис. 5, 2-12). Среди них наперсная иконка с изображением св. Георгия (сооружение 1), отлитая из бронзы (Cu — 84%; Pb — 5,5%; Zn — 7,2%; Sn — 3,3%)². Иконка сохранилась в виде оплавленного фрагмента круглого медальона диаметром 4,3 см с рельефным изображением на лицевой стороне (рис. 5, 2). Оборотная сторона оплавлена, и на ней не прослеживается никаких признаков рельефной композиции. Лицевая сторона несет на себе иконографическое изображение «Чуда Георгия о змие».

Существуют два аналогичных предмета, описанных в научной литературе как амулеты-змеевики с изглаженной змеевидной композицией. Первый обнаружен в Великом Новгороде на Кировском раскопе в слое начала XII в. (1116–1134 гг.) (Седова, 1981. С. 66. Рис. 24). Второй, по сообщению М. Д. Полубояриновой, — на Болгарском городище (Николаева, Чернецов, 1991. С. 74). На лицевой стороне — конная фигура воина-победителя, едущего вправо. Воин с нимбом, безбородый, вонзает копье в пасть змея, лежащего у ног коня. Фигура Георгия большеголовая. Лицо воина обращено прямо к зрителю. Изображение всадника весьма умело вписано в окружность, обрамленную узким

¹ Определение фрагментов амфор произведено к.и.н. И.В. Волковым, в.н.с. Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

 $^{^2}$ Исследование состава металла проведено в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН на сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащенном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром Energy-450 (аналитик к. г.-м. н. H. B. Трубкин).

рельефным бортиком в виде жгута. По мнению исследователей, змеевидная композиция была намеренно уничтожена. А.В. Чернецов счел «негативное отношение к змеевидной композиции» единичным случаем (Николаева, Чернецов, 1991. С. 6). Факт избирательного уничтожения змеевидной композиции на трех змеевиках с изображением Георгия на лицевой стороне ставит под сомнение наличие на этих предметах змеевидной композиции. Скорее, данный тип памятников следует рассматривать не в числе амулетов-змеевиков, а среди круглых бронзовых иконок с изображением св. Георгия.

В заполнении сооружения 2 обнаружена иконка-вставка односторонняя круглая бронзовая с изображением креста (рис. 5, 3). К домонгольскому периоду относятся находки фрагментов ближневосточных стеклянных браслетов, стеклянных, янтарных и сердоликовых бусин (рис. 5, 6, 8–12). В нижней части заполнения сооружения 2 обнаружен фрагмент подвески-амулета «топорик» бронзового со шпорцей и круглым отверстием на лезвии II типа (*Макаров*, 1992. С. 44) (рис. 5, 7).

В начале XIII в. изучаемая территория запустела, на что указывает отсутствие в слоях находок, датируемых второй четвертью — концом XIII в. Можно предположить, что начало запустения связано с мором 1216 г. Лишь в начале XIV в. эта территория была поделена частоколами на участки. В западной части раскопа прослежены две усадьбы, примыкающие к ул. Дослане (усадьба «Б») и к ул. Чедерская (усадьба «А»), каждая площадью более 400 м². В восточную часть раскопа попала западная часть прицерковной территории, которая была огорожена мощным частоколом. Можно предположить, что уже в начале XIV в. это место было использовано под прицерковное кладбище. Проведенное радиоуглеродное датирование образцов дерева от гробов показало даты от середины XIV до начала XIX в. 3 Используя относительную хронологию погребений и датировку гробов, полученную с помощью радиоуглеродного датирования, удалось разделить обнаруженные 136 могил по векам, начиная с XIV в. (рис. 6). Были исследованы костные останки из этих погребений 4. По всем системам признаков наблюдаются существенные отличия между погребенными разных хронологических периодов, особенно резко выраженные между выборками XVI и XVII вв.

Следует также отметить, что пространство между церковной оградой и кладбищем было занято наземными постройками, принадлежавшими данной церкви. От этих сооружений, ширина которых не превышала 5 м, сохранились только хозяйственные и столбовые ямы.

В слоях и заполнении хозяйственных и могильных ям XIV-XV вв. обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт жителей этого района средневекового Новгорода. Собрана большая коллекция медных и серебряных монет этого периода; грузиков от вертикального ткацкого станка

³ Радиоуглеродное датирование деревянных и костных образцов выполнены в Киевской Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии НАНУ Н. Н. Ковалюхом.

⁴ Определение к.б.н. А.А. Евтеева, с.н.с. НИИ и Музея антропологии им. Д. Н. Анучина.

232 О.М. Олейников

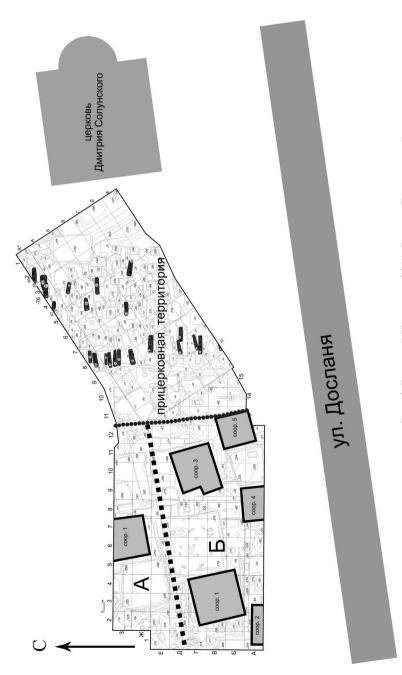

Рис. 6. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланьский. План материка с указанием погребений и сооружений XIV в.

каменных и конических свинцовых; пуговиц бронзовых шаровидных с петлей; перстней-печаток и предметов культа. Обнаружены две свинцовые вислые печати.

Одна печать относится к большому разряду анонимных печатей владычных наместников новгородского архиепископа (рис. 7 на вклейке, 1). Она оттиснута уже известными матрицами. По Своду древнерусских печатей получила № 499-7. На л. с. изображение сложного восьмиконечного креста на подножии; концы креста с копьевидными завершениями. На о. с. изображение Богоматери Оранты в полный рост. По сторонам буквы: $M - \Theta$. Размеры печати $2,55 \times 2,65$ см, толщина -0,25 см. Bec - 7 г (Досл-2-39)⁵.

Вторая печать оттиснута новыми, еще не описанными матрицами. Атрибутировать ее пока не удалось, но относить следует, вероятно, к сфере церковной сфрагистики (рис. 7, 2). На л. с. изображение архангела в полный рост, с жезлом в левой руке. На о. с. — неразборчивое изображение, вероятно, Вседержителя на престоле (?). Размеры печати $3\times2,8$ см, толщина — 0,3 см. Вес — 13,01 г (Досл-7-1)⁶.

В заполнении подполья дома XV в. обнаружены фрагменты двух бронзовых наперсных иконок с поясным изображением святителя Николая. Иконки имеют следы производственного брака.

Икона (Досл-2-100) имеет форму квадрата со сторонами 4,6 см при толщине 0,04–0,5 см (рис. 7, 5). На верхней грани — небольшая петля, расположенная перпендикулярно плоскости иконы. Икона отлита в односторонней форме по оттиску готовой модели. Поясной образ св. Николая, выполненный в высоком рельефе (изображение выступает из плоскости фона более чем на половину своего объема), занимает все поле лицевой стороны. Композиция заключена в плоскую орнаментированную рамку, повторяющую контуры иконки. Святитель предстает с непокрытой головой, благословляющим, с закрытым Евангелием. Левая рука, поддерживающая Евангелие, прикрыта омофором, что подчеркивает священное назначение книги, возлагаемой на престол в алтаре храмов. Черты лица, как и трактовка всего образа, переданы весьма реалистично. Лик святителя спокоен и аскетичен. Нимб — в виде широкой сплошной линии. По сторонам лика надписи «НИК» и «ОЛА», выполненные славянскими буквами.

Обнаружение в одной постройке XV в. двух бракованных наперсных иконок указывает на их местное изготовление по оттиску на глине готовой модели.

В траншее под газопровод, проходящей в 10 м к северу от раскопа, в слое с керамикой XV в. обнаружена иконка-вставка бронзовая киотчатой формы с изображением святого (рис. 7, 3).

Еще одна нательная иконка, круглая односторонняя с поясным изображением двух святых, бронзовая со следами производственного брака, обнаружена в заполнении хозяйственной ямы XV в (рис. 7, 4).

 $^{^{5}}$ Шифр находки означает: раскоп — номер участка — номер находки по полевой описи.

 $^{^6}$ Определение вислых печатей производилось чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуковым (ИА РАН).

Фрагмент бронзовой матрицы (конструктивно — щипцы?) с изображением соколиной охоты (рис. 7, 14) обнаружена в заполнении постройки XV в. (усадьба «Б», сооружение 2).

В заполнении построек XVI в. обнаружены отходы производства кирпича, размеры которых $4,5-5,5\times12-13\times24,5-26$ см.

Слои XVI–XVIII вв. на исследуемой территории сильно перемешаны огородами XVIII–XIX вв.

В восточной части раскопа в больших глубоких ямах XX в. было обнаружено большое количество перезахороненных человеческих костей. Эти кости были собраны в XX в. во время строительства новой дороги и прокладки городских коммуникаций на месте разобранной церкви Дмитрия Солунского и расположенного вокруг нее прицерковного кладбища XIV–XIX вв. Костный материал был изучен к.б.н. А.А. Евтеевым, с.н.с. НИИ и Музея антропологии им. Д. Н. Анучина.

Останки новгородцев, обнаруженные во время производства археологических работ, были перезахоронены по православному обычаю на Ермолинском городском кладбище. Инициаторами перезахоронения выступили археологи. Организацию перезахоронения взяла на себя новгородская строительная компания ЗАО «СУ-5» при содействии Администрации Великого Новгорода, Новгородской Епархии и Комитета культуры Новгородской области.

В результате проведенных исследований можно констатировать, что на изучаемой территории Великого Новгорода усадебная городская застройка появилась в самом начале XII в. В первой четверти XIII в. северная часть Неревского конца запустела, что можно связать с мором 1216 г. Возобновление усадеб произошло в XIV в. В это время на изучаемой территории Новгорода была построена церковь Дмитрия Солунского, вокруг которой образовалось кладбище, огороженное частоколом.

Литература

Макаров Н.А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

 ${
m H\Pi \Pi}$ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Усадебный комплекс начала XIII в. по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде

M.I. Petrov. The estate complex of the early 13th century on the Nikolsky-2007 (Novgorod) excavations data

Abstract. The article deals with the analysis of a city estate in the Slovensky End of medieval Novgorod dated back to the early 13th century which was studied by the Nikolsky-2007 excavation in Novgorod. Complex study of quantitative, qualitative and spatial characteristics of the estate complex allowed to obtain a detailed picture of medieval city estate life.

According to the analysis the estate could have been inhabited by the family of a jeweler and thus was the place of a jeweler' workshop. The finds and artifacts made of imported gems, rider's weapons and equipment testify to a high level of the estate-dwellers way of life.

Ключевые слова: археология, Новгород, средневековье, городская усадьба, ГИС, ювелирное ремесло, военное дело.

1 зучение средневековой городской усадьбы занимает в новгородских штудиях особое место: необходимость и важность этого направления очевидны, в то же время количество работ по теме невелико из-за сложности исследовательских процедур и недостаточной разработанности методик анализа. Настоящая статья представляет собой еще одну иллюстрацию разработанной автором методики анализа усадебного комплекса средствами географических информационных систем (подробнее см.: Петров, 2008; 2009; 2010; 2011; 2012). Коротко ее можно охарактеризовать следующим образом: за процедурами формирования и датировки яруса, соотнесения каждой индивидуальной находки с ярусом следует качественный, количественный и пространственный анализ как застройки, так и вещевого комплекса, при этом первичное внимание уделяется анализу аномальных количеств различных категорий находок.

Исследования на раскопе Никольский-2007 носили охранный характер и проводились на участке, отведенном под строительство индивидуального жилого дома по ул. Никольская, 57 (рис. 1). Среди выявленных в границах раскопа 9 усадебных комплексов хорошей сохранностью и значительным информационным потенциалом выделяется комплекс, возникающий на рубеже XII–XIII вв., обозначенный как «горизонт IV». Небольшая площадь раскопа (ок. 250 м²) не позволила исследовать усадьбу полностью, равно как и определить процент исследованной площади. Однако даже с учетом недостаточности информации исследование комплекса позволило получить интересные результаты.

236 М.И. Петров

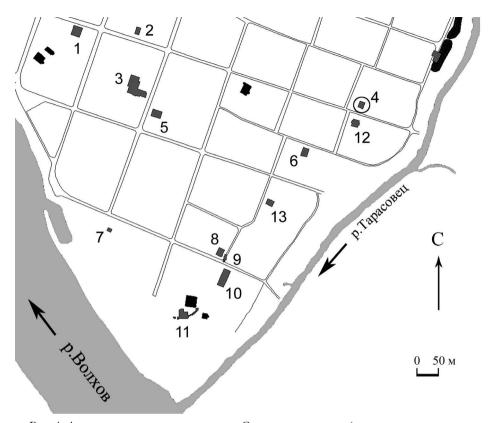

Рис. 1. Археологические исследования Славенского конца (центральная и южная части). Цифрами обозначены раскопы 1 — Михайловский (1970); 2 — Дубошин (1978); 3 — Нутный I—III (1980—1984); 4 — Никольский-2007; 5 — Нутный-IV (2011—); 6 — Ильменский-2009; 7 — Посольский-2006; 8 — Посольский-2008; 9 — Воскресенский (1937); 10 — Посольский-1999; 11 — раскопы на Славне (1932—1937); 12 — Никольский-2012; 13 — Воскресенский-2012

Застройка. Территория, занимаемая раскопом, осваивается в 60–70-х гг. XII в.¹. Усадебная застройка горизонта IV возникает в 1199–1202 гг., в то время как уличный настил, вероятно, появляется лишь в конце существования горизонта (порубочные даты — 1215–1219 гг.). Верхнюю хронологическую границу определить затруднительно, поскольку сохранность вышележащего яруса V усадебной застройки неудовлетворительна и получить образцы для дендрохронологического датирования не удалось. Ярус VI, в свою очередь, возникает во второй половине 30-х гг. XIII в. и характеризуется сменой усадебной структуры. Таким образом, IV и V ярусы, сохраняя внутреннюю структуру усадьбы, не имеют четкой рубежной даты. Однако ее можно гипотетически установить по косвенным данным.

 $^{^{\}rm 1}$ Дендрохронологический анализ построек раскопа выполнила к.и.н. О. А. Тарабардина.

Ярус мостовой М-4, соответствующий ярусу усадьбы VI, полностью состоит из вторичной древесины — остатков срубов с диапазоном порубочных дат 1214–1219 гг. Очевидно, что при строительстве мостовой использовались остатки сооружений более раннего времени. Этому же диапазону порубочных дат (1215–1219 гг.) соответствуют датированные образцы яруса мостовой М-5. Иными словами, в 1215–1219 гг. на исследуемой территории (как на усадьбе, так и на мостовой) обнаружена строительная активность, которая прослежена только на мостовой: непосредственно и во вторичном использовании. Среди событий первой трети XIII в. датированы два, оказавшие, как представляется, значительное влияние на состав населения Новгорода и, вероятно, на специфику застройки отдельных его частей: речь идет о голоде и эпидемии в 1215 и 1230/31 гг. (Петров, Тарабардина, 2011. С. 145, 146). Следует отметить близость этих летописных дат к хронологическим рубежам существования ярусов IV и V усадебной застройки. Плохая степень сохранности древесины яруса 5 может быть объяснена значительным (более 5 лет) сроком запустения усадьбы после голода 1230/31 гг. Соответственно, хронологические рамки яруса IV усадебной застройки можно определить как 1202-1219 гг.

Ярус усадебной застройки составляют сооружения 14, 15, 16 и 17 (рис. 2). При этом сооружения 14 и 17 вошли в раскоп фрагментарно, размерные характеристики сооружения 15 можно реконструировать, и лишь сооружение 16 исследовано полностью.

Сооружение 17 расположено в западной части раскопа и представляет собой сруб-пятистенок со стеной длиною 10,2 м. Сруб сохранился на 3 венца и, скорее всего, представлял собой жилой дом. Вплотную вдоль северной стены сруба расположен частокол, который, вероятно, служил дополнительной защитой от огня, поскольку частокол заканчивается у северо-восточного угла здания.

В северной части раскопа перед началом строительства была насыпана мощная (до 50 см) прослойка глины. Поверх этой прослойки расположены сооружения 14 и 15. Сооружение 14 представляет собой сруб, с длиной стены 515 см. В центре сооружения находится печь со срубным опечком размерами 160×70 см. Сооружение 15 расположено в восточной части усадьбы, около улицы, и представляет собой двойной сруб с реконструируемыми размерами ок. 3×3 м. Внутренний сруб, вероятно, является опечком, а внешний — остатками деревоземляной системы утепления печи (Бобринский, 1991. С. 70, 71). С западной стороны к сооружению примыкает небольшой настил из досок. К юго-западному углу примыкает короткий отрезок частокола. Конструктивные особенности указывают на производственный характер этих сооружений, связанный с нагревательными устройствами.

В восточной части усадьбы, примыкая к улице, расположено сооружение 16, представляющее собой сруб размерами 600×480 см. Внутри сруба выявлен наброс древесины, который мог образоваться как в результате разрушения сооружения, так и в процессе его строительства. Остатков печи в сооружении не обнаружено.

238 М.И. Петров

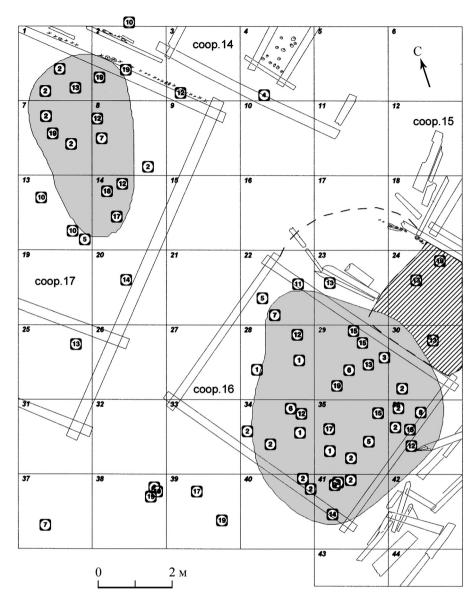

Рис. 2. Никольский-2007. Усадьба. Горизонт IV. Распределение находок из цветных металлов. Ядра концентрации с вероятностью 60% (штриховкой показана основная область расположения шлаков; пунктирной линией— ее максимальные размеры) 1— бусина; 2— бляшки/накладки нашивные; 3— браслет плетеный; 4— бубенчик; 5— булавка; 6— височные кольца и их детали; 7— выплески и куски цветных металлов; 8— гвоздь миниатюрный; 9— гирька весовая; 10— кольцо; 11— крест нательный; 12— детали поясной гарнитуры (накладки, пряжки, ременные наконечники); 13— перстень; 14— пластины и предметы; 15— привеска; 16— проволока; 17— пуговица; 18— сосуд; 19— пломба

Между сооружениями 15 и 16 прослежена прослойка шлаков мощностью до 40 см (показана штриховкой на схеме: рис. 2; 4), к которой изначально вела вымостка из досок. Постепенно производственные отходы засыпали проложенную дорожку. Максимально возможная площадь области производственных отходов — ок, $15 \, \mathrm{m}^2$.

Итак, характер застройки и особенности стратиграфии указывают на существование ремесленного комплекса, вероятно связанного с литейным делом.

Вещевая коллекция. Вещевая коллекция усадьбы насчитывает 288 индивидуальных находок, из которых 88 относятся к находкам размытой принадлежности (т.е. могут принадлежать и более раннему, и более позднему ярусам усадьбы). Средняя плотность находок составляет ок. 4 предметов на 1 м³, что схоже с более ранними и более поздними комплексами, изученными на раскопе Никольский-2007 (*Петров*, 2011. С. 144. Табл. 4), т.е. аномально активной жизнедеятельности на этой усадьбе не прослеживается.

Значение коэффициента ближайшего соседства ко всему массиву находок стремится к 1 (R=0,908), что показывает неравномерность пространственного распределения находок и стремление к образованию групп. Визуально концентрация находок выделяется в юго-западной части раскопа, за пределами построек. Аналогичным образом распределяется и массовый материал: области концентрации фрагментов керамики, обрезков и обрывков кожи и фрагментов костей животных расположены также в юго-западной части раскопа.

Среди функциональных групп количественно выделяются предметы и детали обуви (59 экз.), украшения (35), универсальные орудия труда (19). Следует также отметить значительное количество (66) мелких предметов из цветных металлов: детали костюма (нашивные накладки и фурнитура); детали поясов (пряжки и накладки); украшения (разнообразные подвески и привески, перстни, булавки, нательные кресты), фрагменты цветного металла, свинцовые товарные пломбы. Именно эти функциональные группы были подвергнуты пространственному анализу.

В вещевом комплексе усадьбы предметы из цветных металлов составляют абсолютное большинство. Следует также отметить, что значительное количество (134) подобных предметов обнаружено при проверке отвала металлодетектором. Найденные в слое усадьбы фрагменты представлены в основном изделиями из свинцово-оловянистого сплава (32 экз.) и сплавов на основе меди (23). Также обнаружены предметы из свинца (8) и серебра (3).

Пространственное распределение находок демонстрирует области концентрации, расположенные внутри сооружений 16 и 17 (рис. 2). В границах производственной зоны и вне сооружений количество находок невелико. Характер находок внутри этих двух областей концентрации практически идентичен.

Рассматривая номенклатуру находок, нельзя не отметить, что большинство предметов представлены обломками и фрагментами: булавки, нашивные и ременные бляшки, бусины (как отдельные, так и детали височных колец) и проч. При этом значительная часть вещей либо специально испорчена — продавлена клещами (рис. 3, 1), согнута (рис. 3, 2), — либо представляет собой

240 М.И. Петров

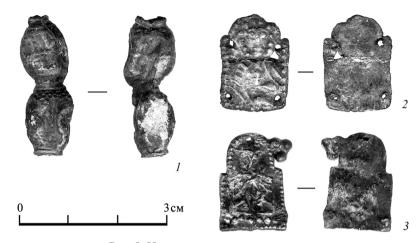

Рис. З. Находки из цветных металлов

1 — Бусина двухчастная. Бронза. 19-34-80. 2 — Бляшка нашивная с изображением святого. Свинцово-оловянистый сплав. 19-40-76. Фото после реставрации (бляшка была согнута приблизительно посредине). 3 — Бляшка нашивная с изображением святого. Свинцово-оловянистый сплав. 19-36-75

производственный брак — непроливки металла, сохранившийся облой и т.п. (рис. 3, 3). Однако нельзя однозначно сказать, были ли все эти находки бракованными изделиями или привезенным на усадьбу сырьем. Кроме того, убедительно определить предметы, использованные по непосредственному назначению, т.е. в качестве украшений, весьма затруднительно.

Таким образом, находки из цветных металлов подтверждают размещение на усадьбе литейного производства и дают дополнительную информацию о его характере: изготовление предметов из недорогих металлов. Размещение находок не позволяет убедительно выявить положения рабочего места мастера.

Необходимо отметить, что в границах раскопа не обнаружено фрагментов тиглей или иных инструментов литейщика. Единственным предметом, который может быть соотнесен с ювелирным делом, является весовая гирька из медного сплава (20-41-79), найденная внутри сооружения 16. Обнаруженные орудия труда относятся к универсальным — это ножи и их рукояти, оселки/точильные камни, проколки и один обломок топора. Предметы этой функциональной группы найдены преимущественно внутри жилого сооружения 17, отсутствуют внутри сооружения 16, а в производственной области встречены лишь 2 костяные проколки. Вероятно, универсальные орудия труда не связаны с ремесленным комплексом и представляют собой утраченные или выброшенные (все ножи характеризуются значительной выработанностью лезвий) предметы.

Второй значительной функциональной группой является **обувь и ее детали** (59 экз.). Область концентрации расположена вне сооружений в юго-западной части раскопа (рис. 4), практически полностью совпадая с областью концентрации массового материала. Вероятно, этот участок усадьбы следует

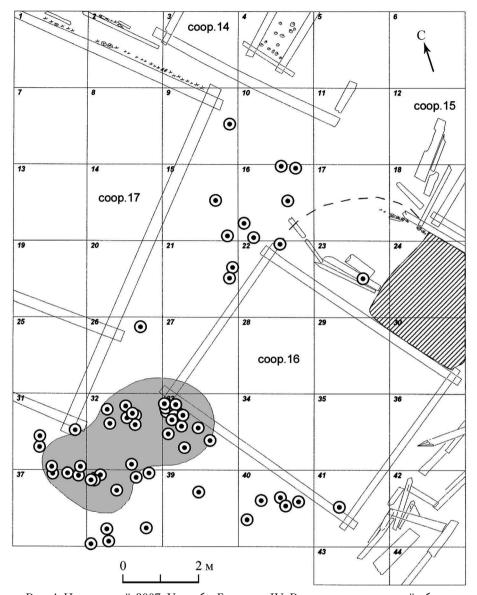

Рис. 4. Никольский-2007. Усадьба. Горизонт IV. Распределение деталей обуви. Ядро концентрации с вероятностью $60\,\%$

рассматривать как область расположения отходов. Любопытно, что на усадьбе ВЗ-II раскопа Посольский-2006 концентрация остатков обуви обнаружена внутри сруба и образовалась после его разрушения, вероятно, в результате разовой акции. Концентрация отходов вне сооружений на усадьбе Нкл07-IV указывает на продолжительный срок их отложения во время существования усадебного комплекса.

242 М.И. Петров

Номенклатурный состав коллекции обуви представлен преимущественно туфлями (31 экз.), но обнаружены и фрагменты сапог (3 экз.). Отдельные подошвы и детали составных подошв представлены в количестве 19, деталей обуви -4, также найдены 2 войлочные стельки.

Из 33 обнаруженных на усадьбе подошв и деталей для 11 предметов удалось определить размерные характеристики. При всей незначительности выборки и погрешностях измерений, получены ожидаемые результаты. На усадьбе обнаружена детская (2 шт., длина подошвы ок. 13 см), женская или подростковая (8 экз., длина подошвы 20–24 см) обувь и единственный экземпляр, вероятно, мужской обуви (длина подошвы 26 см).

Проживание детей на усадьбе также подтверждается находками игрушек. Характер находок однозначно указывает на мужской пол ребенка: обнаружены 2 рукояти деревянных игрушечных мечей, деревянное копьецо, а также фрагменты кожаных мячиков (3 шт.). Вероятно, обломки деревянных стрел (3 шт.) также следует рассматривать как остатки игрушек. Подавляющее большинство игрушек найдено за пределами сооружений.

Игрушки для мальчиков несколько неожиданным образом соотносятся с серией предметов взрослого инвентаря. На усадьбе обнаружены 3 наконечника стрел, обкладка сабельных ножен (19-33-79), лука седла (20-29-81) и шпора (20-22-3). Большинство предметов концентрируется внутри сооружения 16. Обнаружение комплекса предметов — оружия и снаряжения верхового коня и всадника — на территории одной усадьбы позволяет предполагать, что один из жителей усадьбы был их владельцем. На это указывает как собственно комплекс, а не единичные вещи, так и нахождение его внутри одного помещения, и, косвенным образом, характер детских игрушек.

Если элементы снаряжения коня и всадника и детские игрушки указывают на мужской пол их обладателей, то некоторое количество украшений дополняют свидетельства женского присутствия на усадьбе. Кроме широко представленных металлических украшений обнаружены также изделия из стекла: обломки браслетов и перстней, бусины. Компактная область их концентрации расположена внутри сооружения 16. Также найдена бусина из горного хрусталя (19-35-67), что, как и порфиритовый нательный крест (19-32-52), может указывать на нерядовой имущественный статус жителей усадьбы.

Характеризуя усадебный комплекс в целом, необходимо отметить следующее. Критерии выделения ювелирных мастерских, предложенные Э. В. Королёвой на материалах псковских исследований (Королёва, 1992. С. 28), практически полностью соответствуют материалам усадьбы Нкл2007-IV: наличие специальных производственных сооружений, наличие отходов производства (слой шлаков), наличие предметов, интерпретируемых как производственный брак или сырье. Особо необходимо подчеркнуть отсутствие специализированных инструментов и орудий труда (тигли, литейные формы, клещи и т.п.).

Комплекс снаряжения верхового коня и всадника, а также предметы из привозных материалов (хрустальная бусина и порфиритовый нательный крест) свидетельствуют в пользу высокого имущественного статуса жителей усадьбы.

В результате проведенного исследования можно предпринять попытку охарактеризовать жителей усадьбы. Найдены свидетельства присутствия на усадьбе мужчины (ремесленный комплекс, снаряжение коня и всадника, обувь), женщины (ребенок, украшения, обувь) и мальчика (игрушки, обувь). Наиболее экономным предположением будет семья как минимум из трех человек — родителей и ребенка-мальчика. Вероятно, глава семьи занимался изготовлением украшений; уровень его благосостояния позволял содержать верхового коня и, скорее всего, вооружение всадника. Наличие снаряжения верхового воина на усадьбе горожанина не представляется чем-то экстраординарным: участие ремесленников в новгородском ополчении подтверждается неоднократными летописными упоминаниями XII—XIII вв. (Лукин, 2011. С. 80—84). Поселившись на усадьбе на рубеже XII—XIII вв., семья переживает голод 1215 г., но продовольственный кризис 1229—1231 гг. для жителей усадьбы, вероятно, становится фатальным: планировка усадьбы, характер построек и находок радикально изменяется, что свидетельствует о появлении на усадьбе другого населения.

Подобная картина стала возможной только в результате всестороннего анализа усадебного комплекса (рис. 5). Очевидно, что при увеличении раскопанной площади результаты исследования могут радикальным образом измениться.

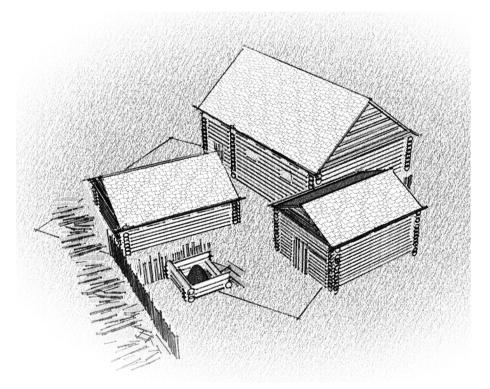

Рис. 5. Усадебный комплекс Нкл2007-IV. Вид с северо-запада. Реконструкция М.И. Петрова и М.А. Аксентьевой. Линией показана граница раскопа

Литература

- *Бобринский А.А.*, 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н.э.). М.
- *Королёва Э.В.*, 1992. К вопросу о ювелирных мастерских в средневековом Пскове (по материалам археологических раскопок в Среднем городе) // АИППЗ: Мат. симпозиума [заседания 32, 33] (1991).
- *Лукин П.В.*, 2011. Существовало ли в древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь. М. Вып. 9.
- Петров М.И., 2008. К вопросу о формировании яруса // ННЗ. Вып. 22.
- *Петров М.И.*, 2009. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // ННЗ. Вып. 23.
- Петров М.И., 2010. ГИС-технологии в изучении городской средневековой усадьбы (на примере раскопа Посольский-2006) // Археология и геоинформатика. Вып. 6. М. [Электронный ресурс: CD-ROM].
- *Петров М.И.*, 2011. Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // ННЗ. Вып. 25.
- Петров М.И., 2012. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. Вып. 226.
- *Петров М.И., Тарабардина О.А.*, 2011. Динамика изменений городской территории Новгорода в X–XIV вв. // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).

Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище¹

T. S. Dorofeyeva. Finds of metal pendants-amulets on the Novgorod (Rurikovo) Gorodishche

Abstract. The article presents an overview of metal pendants-amulets worn both independently and as a part of decoration sets found on the Novgorod (Rurikovo) Gorodishche. In Gorodishche collections they are presented in an amount of one to six copies. Of 26 published pendants 19 are connected with pagan ideas (8 — zoo-and ornithomorphic, and 11 — miniature copies of household items and weapons). The other seven may reflect fusion of pagan and Christian beliefs (three «ridges», two pendants with «birds at the tree», and two small fishes). Two pendants-axes and a bunch of three miniature copies of armaments (shield, sword and spear models) are relevant to the warlord's body-guard environment. The pendant with runic signs and a set of amulets of miniature armaments undoubtedly belong to the north group of antiquities. 13 finds are published for the first time.

 $\it Knoveeвые \, cnoвa$: Новгородское (Рюриково) Городище, металлические привески-амулеты.

На Новгородском Городище экспедиция ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова с 1975 по 2012 гг. собрала богатейший археологический материал; опубликована в монографиях лишь его часть, полученная до 1989 г. (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005). Обзоры находок, найденных до 1996 г. включительно и связанных с пребыванием на Городище скандинавов, сделаны в работах Т. А. Пушкиной (1988. С. 96–104) и И. Янссона (1999. С. 18–64). Часть культовых и магических предметов, таких как кольца-амулеты, посоховидные и кресаловидные привески, шейные гривны и молоточки Тора, уже рассмотрены в посвященных им статьях (Дорофеева, 2010а. С. 278–284; 2010б. С. 28–34; 2011а. С. 187–193; 2011б. С. 25–26; 2012а. С. 187–193; 2012б. С. 230–241; 2013). Шумящие привески были представлены в работе В. И. Поветкина (2007. С. 178–194). До сих пор за рамками публикаций оставались отдельные металлические привески-амулеты, которым и посвящена данная статья, продолжающая серию работ о культовых и магических предметах, в разные годы найденных на Новгородском Городище.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы фундаментальных исследований по секции истории «Нации и государство в мировой истории» (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

Зооморфные привески

Плоские зооморфные «коньки» (3 экз.). Все три привески представляют собой литые бронзовые пластинчатые изображения стилизованных животных с двумя согнутыми назад ногами, закрытой пастью и свернутым петлей хвостом, который образует в верхней части два сквозных отверстия.

- 1. Привеска (НОЭ-86, РГ-85; рис. 1, 1) найдена в раскопе на центральной площадке к югу от церкви Благовещения (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 58. Табл. 30, 15). Пасть и голова зверя переданы углубленными линиями, уши обозначены пластинчатым выступом. Высота фигурки 3 см, ширина 3,1 см, толщина 0,2 см.
- 2. Привеска (НОЭ-06, РГ-1037; рис. 1, 2) найдена на центральной площадке памятника к юго-востоку от церкви Благовещения. Изображение неорнаментированное, сомкнутая пасть передана углубленной линией. Привеска была обнаружена при разборке верхней части заполнения рва, засыпанного слоями темно-серого гумуса, в которых встречались разновременные материалы ($Hocos\ u\ \partial p$., 2007. Рис. 1, 1). Другие сделанные здесь же находки датируются в пределах XI–XII вв.
- 3. Случайная находка (РГ, п.м., 2002 г., Новгородский центр музыкальных древностей; рис. 1, 3). Отверстие для привешивания, образованное хвостом животного, сохранилось частично. На мордочке животного углублением обозначен глаз, а линией сомкнутая пасть. Углубления есть и на концах обеих ног фигурки (Поветкин, 2007. С. 181, 182. Рис. 2, 5).

Такие зооморфные изображения в археологической литературе называют «собачками» или «барсами», но чаще всего «коньками» (Рябинин, 1981. С. 29), и традиционно связывают их с языческими верованиями. Однако Р. Спиргис предложил иную трактовку этого образа. По мнению исследователя, такие «подвески появляются у смоленских кривичей и их соседей вместе с началом широкого распространения христианства в начале XI в. и символизируют мифического индийского хищника левкроту, которая, по сути, является стражем земного рая» (Спиргис, 2012. С. 216)². Интересно, что привеска, найденная на Городище в 1986 г. (рис. 1, 1), имеет большое иконографическое сходство с изображением льва (рис. 1, 1a) на ложке XIV в. из свинцово-оловянистого сплава с христианской символикой из Сен-Дени близ Парижа (Мусин, Степанов, 2007. С. 113, рис.). Рассматриваемые пластинчатые зооморфные привески Е. А. Рябинин относит к 1 варианту XIV типа, отмечая, что они были самой распространенной на Руси формой и «наиболее характерны для XI — первой половины XII в.» (Рябинин, 1981. С. 29-30). Н. П. Журжалина отмечает, что иногда на концах ног привесок-коньков имеются отверстия, к которым крепились подвески в виде бубенчика или когтя животного (Журжалина, 1961. С. 129).

Плоские зоо-антропоморфные привески (1 экз.).

4. Привеска (рис. 1, 4), выполненная из свинцово-оловянистого сплава, представляет собой шагающее четвероногое животное в профиль с сидящей

² См. также статью Р. Спиргиса в этом сборнике (*прим. ред.*)

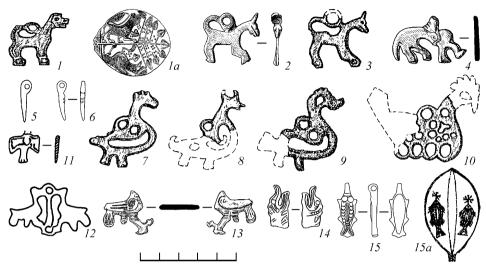

Рис. 1. Городище под Новгородом. Зооморфные привески-амулеты 1,2,3- плоские зооморфные «коньки»; 1a- изображение льва на ложке с христианской символикой из Сен-Дени близ Парижа; 4- зооантропоморфная; 5-6- миниатюрные копии клыков; 7-11- пластинчатые орнитоморфные; 12,13- две птицы у древа; 14,15- привескирыбки; 15a- изображение рыбки на ложке с христианской символикой, усадьба «Т» Троицкого XIV раскопа. (1-3,5-9,11,12,14,15- бронза; 1a,4,10,13,15a- свинцово-оловянистый сплав) 1- 160. С. 202. Табл. 161. Зо, 162. 163. 164. Рис. 165. 165. Рис. 165. 165. 166. Зо, 167. 167. 168. Рис. 169. 169. Зо, 169.

на нем верхом антропоморфной фигуркой (НГОМЗ КП 25402 A26/728; *Носов, Хвощинская*, 2004. С. 127. Рис. 1, 6). Изображение ориентировано вправо. Передняя часть животного чуть приподнята в движении. Верхние части фигурок всадника и животного отломаны. Высота сохранившейся части привески — 2,2 см, ширина — 2,2 см, толщина — 0,2 см. В. И. Поветкин отнес привеску к несерийным образцам, предположив ее частичное сходство с привеской-оленем из Залахтовского грунтового погребения, и датировал X—XII вв. (*Поветкин*, 2007. С. 181, 182. Рис. 2, 4). Е. А. Рябинин отмечает, что на территории Северной Руси подвески-всадники распространены в тех районах, которые в эпоху средневековья поддерживали культурные и торговые связи с Прикамьем (*Рябинин*, 1981. С. 27). По-видимому, рассматриваемая фигурка изображает «волшебного всадника на чудесном коне» — общеугорское божество, культурного героя и покровителя людей Мир-сусне-хума (*Белавин*, *Иванов*, *Крыласова*, 2009. С. 196—204). Изобразительные традиции, связанные с культом Небесного всадника, доживают до эпохи позднего средневековья (Там же. С. 190).

Привески в виде миниатюрного когтя (2 экз.). Две бронзовые литые привески, являющиеся случайными находками, копируют звериные когти в миниатюре.

5. Длина первой привески (НГМ КП 35043, 568; рис. 1, 5) — 2,3 см, диаметр в верхней части — 0,6 см, толщина петли — 0,2 см.

- 6. Вторая привеска (НОЭ-01, РГ, п.м., 46; рис. 1, 6) найдена на северном берегу Сиверсова канала. Длина декорированной по внутренней стороне насечками привески 2,1 см, ширина 0,1/0,3 см, ширина петли 0,53 см, а ее толщина 0,2 см.
- Л. А. Голубева отмечает, что привески в виде «когтя медведя» были найдены во Владимирских и Костромских курганах, а одна в слое первой половины XIII в. при раскопках Белоозера (Голубева, 1997. С. 163). Части тела животного (клочки шерсти, зубы и когти), символизирующие целого зверя или птицу, имели магическое значение и выполняли функцию оберега-амулета вплоть до позднего средневековья. Миниатюрные металлические имитации клыков и когтей также наделялись охранительной силой.

Пластинчатые изображения одноглавых птиц (5 экз.). Все привески этой группы являются случайными находками.

- 7. Плоская литая бронзовая привеска (НГОМЗ КП 25402 A26/15; рис. 1, 7) представляет собой прорезное изображение водоплавающей птицы (*Носов, Хвощинская*, 2004. С. 130. Рис. 3, 6). Высота фигурки 4,2 см, ширина 3,5 см, толщина 0,2 см. На голове птицы обозначен тройной хохолок. На тулове имеются две прорези продолговатая и круглая, а в верхней части продолговатая петля. Эти признаки позволяют отнести привеску к первой группе, тип I, вариант 3, по Е. А. Рябинину. В отличие от стандартной формы, у рассматриваемой птицы нет расширяющегося к концу хвоста со сквозным круглым отверстием. Е. А. Рябинин отмечал, что еще три подобные привески происходят из северо-западных районов Новгородской земли. Они найдены в комплексах, датирующихся не ранее XII в. (*Рябинин*, 1981. С. 16, 99. Табл. II, 9). Похожая привеска представлена в материалах комплекса Минино II (Археология севернорусской деревни... 2008. С. 133. Рис. 121, 4).
- 8. Привеска из бронзы представлена фрагментом (НГОМЗ КП 35043/446; рис. 1, 8). От фигурки сохранилась только верхняя часть с петлей для привешивания (Поветкин, 2007. С. 181, 182. Рис. 2, 2). На голове птицы показан хохолок в виде двух роговидных выступов, что позволяет отнести привеску к варианту 1 типа III, по Е. А. Рябинину, датировавшему такие привески XII в. (Рябинин, 1981. С. 16). Высота сохранившейся части 2,5 см, толщина 0,2 см.
- 9. Бронзовая привеска в виде водоплавающей птицы с загнутым клювом (НЦМД; рис. 1, 9) сохранилась не полностью, отломаны хвост и одна пластинчатая лапка. На голове продолговатая прорезь, на тулове круглая и продолговатая прорези, в верхней части фигурки полукруглая петля. В. И. Поветкин отнес привеску к несерийным отливкам І типа, по Е. А. Рябинину (Поветкин, 2007. С. 181, 182. Рис. 2, 3). По мнению Е. А. Рябинина, такие привески «появились в результате переработки ранних образцов в конце XI XII в.» (Рябинин, 1981. С. 16).

Водоплавающая птица (рис. 1, 7–9), чаще утка, была древнейшим культовым образом у племен Северо-Восточной Европы. Она являлась символом небесной влаги и плодородия, что и обусловило широкое распространение ее изображений в качестве оберега. А.В. Успенская отмечала, что ношение этих

амулетов было характерно для районов с финно-угорским населением: ареал привесок в виде водоплавающих птиц охватывает почти всю северо-западную и северо-восточную Русь. Период наибольшего распространения приходится на XI — первую половину XII в. (Успенская, 1967. С. 93).

- 10. Ажурная привеска из свинцово-оловянистого сплава (НГОМЗ КП 25402 A26/137; рис. 1, 10). Высота сохранившейся части 3,2 см, ширина 3,5 см, толщина 0,2 см (Носов, Хвощинская, 2004. С. 130. Рис. 3, 4). Голова и хвост птицы отсутствуют. Тулово покрыто небольшими сквозными отверстиями, по нижнему краю проходят четыре петлевидных выступа, к которым с помощью восьмеркообразных бронзовых цепочек могли крепиться лапчатые привески. По Е. А. Рябинину, эта привеска относится к IV типу, период бытования которого приходится на XII середину XIII в., «а наиболее вероятная их узкая датировка вторая половина XII первая половина XIII в.» (Рябинин, 1981. С. 18). Их ареал охватывает северо-восточные области Восточной Европы. По мнению Н. В. Хвощинской, привеска является производственным браком. На обеих сторонах «имеются многочисленные выщербины, получившиеся непосредственно при отливке изделия» (Носов, Хвощинская, 2004. С. 130).
- 11. Плоская литая бронзовая привеска (НИАМ 16244/34; рис. 1, 11) в виде хищной летящей птицы анфас с распахнутыми крыльями (Носов, Хвощинская, 2004. Рис. 1, 5. С. 131). Сохранившаяся высота фигурки 1,5 см, ширина 1,6 см, толщина 0,12 см. Голова птицы отломана.

Аналогичные привески, обнаруженные в курганных погребениях XI—XII вв. Северо-Восточной Руси, Е. А. Рябинин отнес к типу XVI группы IV (Рябинин, 1981. С. 32. Табл. XIII, 5, 6). По мнению А. М. Белавина, такие привески связаны с угорским миром (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 216). Н. В. Хвощинская подчеркивает, что «общий облик изделия и сама композиция характерны для Урала и Западной Сибири» (Носов, Хвощинская, 2004. С. 131). Изображения летящей птицы с антропоморфной личиной или фигурой на груди хорошо известны в памятниках Приуралья и Зауралья (Рябинин, 1981. С. 32; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 217, 251. Рис. 73). «Птицы с личиной на груди были распространены на обширной территории от Верхнего Приобья на востоке до Ветлужско-Вятского междуречья на западе» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 217). В археологической литературе эта композиция имеет множество толкований, в том числе — «душа-птица» человека; птицеподобный характер души шамана; ипостась богини-матери и ее сына Мир-сусуне-хума (Там же. С. 217–219).

Две птицы у мирового древа (2 экз.). Обе литые рельефные двусторонние привески являются случайными находками.

12. Бронзовая привеска, неудачная отливка (НГОМЗ НВ 21142/597; рис. 1, 12). Высота — 3,2 см, ширина — 4,5 см, толщина — 0,35 см.

В центре композиции схематично изображен ствол мирового древа, воплощающий универсальную концепцию мира (*Топоров*, 1987. С. 399, 400). Справа и слева от него головами друг к другу симметрично расположены две птицы, символизирующие верхнюю часть пространственной сферы — небесное царство. Относящийся к категории общекультурных и широко распространенный сюжет встречается в искусстве народов Древнего Востока и Греции. «В ритуальном плане эта пара птиц воплощает собой идею плодородия, благополучия, богатства» (*Иванов, Топоров*, 1988. С. 346). В христианской традиции изображение «двух птиц с деревом между ними» связано с темой рая и спасения души (*Уваров*, 1908. С. 135, 156). «Древневосточный мотив с двумя птицами, сопоставленными у древа, попал на Русь в византийской переработке» (*Рябцева*, 2005. С. 184). Он часто встречается в различных видах декоративно-прикладного искусства Древней Руси XII—XIII вв. — ювелирных изделиях, вышивке, резьбе и т.п.

Привески с двумя птицами, сопоставленными у древа, были найдены при раскопках детского погребения из кургана 74 могильника конца XI — XII в. у с. Филимоново (Леонтьев, 1994. С. 225, 226. Рис. 4, 11); жальничного могильника XII—XIV вв. Бор III (Фролов, Меснянкина, Торопов, 1995. С. 79; Мильков, 1995. С. 88. Рис. 3), а также в слое конца XI — середины XII в. на Лукинском 2 раскопе Великого Новгорода (Гайдуков, Олейников, 2013. С. 28. Рис. 12, 1)³. А. Е. Леонтьев отметил, что подобные привески, не имеющие аналогий в археологических материалах центральных районов Северо-Восточной Руси, «более характерны для окраинных новгородских и владимиро-суздальских земель и традиционно рассматриваются как субстратные, финские по происхождению элементы древнерусской бытовой культуры» (Леонтьев, 1994. С. 228). Не исключено, что появление металлических привесок «с двумя птицами у древа» связано с влиянием христианства.

13. Плоская привеска из свинцово-оловянистого сплава (НОЭ-2000, РГ, п.м. 3, северный берег Сиверсова канала; рис. 1, 13), сохранилась частично. Грудь птицы слегка выпуклая, на тулове обозначено сложенное крыло, перья имитированы с помощью насечек. Высота сохранившейся части — 2,2 см, ширина — 2 см, толщина — 0,4 см. Вероятно, это фрагмент привески «с двумя птицами у древа».

Привески-рыбки (2 экз.). Обе литые привески сделаны из бронзы.

- 14. Бронзовая литая двусторонняя рельефная привеска является случайной находкой (НГОМЗ, КП25402; A26-120; рис. 1, 14). От привески сохранилась только голова рыбы, по-видимому, осетровой породы. Длина сохранившейся части -2.3 см, ширина -1.2 см, толщина -0.4 см. Об этой находке сообщалось в докладе на 57-м заседании семинара им. академика В. В. Седова (Торопова, Торопов, 2011).
- 15. Бронзовая литая привеска в виде рыбки (НОЭ-12, РГ-733; рис. 1, 15) найдена в темно-сером мешаном слое при обследовании участка, выбранного для установки памятного знака «Княжий камень» в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения, на выходящем к Волхову крае холма. Длина привески 2,9 см, ширина 1 см. Рыбка изображена не в боковом развороте, а в проекции «сверху и снизу», петля для подвешивания соединена с головой рыбки. Фигурка выпуклая с внешней стороны и вогнутая с внутренней. Рельефными линиями обозначены глаза, ниже которых до самого хвоста изображен «позвоночник», а также хвост рыбки. Полусферы, идущие с обеих сторон

³ Благодарю С. Е. Торопова за помощь в поисках аналогий.

«позвоночника» от головы до хвоста, имитируют чешую на тулове. Изображенная рыба, по мнению сотрудницы Азовского НИИ рыбного хозяйства Н.Ю. Кем, относится к породе осетровых.

По классификации Е.А. Рябинина, такие привески относятся к группе рельефных амулетов с петлей для вертикального подвешивания (группа IV, вариант XV). В целом они датируются XII в. (Рябинин, 1981. С. 32). Многие исследователи отмечают, что данный тип привесок на Руси был мало распространен. Е. А. Рябинин в своем своде 1981 г. упоминал всего о трех привескахрыбках, встреченных в древнерусских погребениях (Там же). С. Е. Тороповым к 2011 г. учтено 12 экз. (Торопова, Торопов, 2011). В разных культурах и традициях рыба почиталась священной как символ плодородия, плодовитости и изобилия. Она также является символом христианского таинства евхаристии (Топоров, 1988б. С. 391–393). У ранних христиан рыба была символом Христа. А.С. Уваров писал, что христиане «выливали маленьких рыбок из бронзы и стекла, или точили их из горного хрусталя, перламутра, слоновой кости, или из других более или менее ценных веществ, и на шнуре носили их на шее» (Уваров, 1908. С. 141). Отметим, что целая городищенская привеска-рыбка иконографически очень близка изображению на ложке из свинцово-оловянистого сплава с христианской символикой (рис. 1, 15а), найденной на усадьбе «Т» Троицкого XIV раскопа (первая половина — середина XII в.) (*Мусин*, Степанов, 2007. С. 108. Рис. 1, 3). Вполне возможно, что появление привесокрыбок в наборах амулетов связано с распространением христианства на Руси. Интересно, что на найденной в кургане у с. Смялич (Брянская обл.) арочной подвеске изображение рыбы находится вместе с обычным «коньком» (Рябинин, 1981. С. 32; Голубева, 1997. С. 163), которого Р. Спиргис интерпретирует как мифического стража земного рая — «левкроту» (*Спиргис*, 2012. С. 216).

Привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия

Привески-ложки (6 экз.). Две миниатюрные бронзовые ложечки с продолговатыми очертаниями происходят из раскопов к юго-востоку от церкви Благовещения на центральной площадке Городища (рис. 2, 1, 2).

- 16. Привеска (НОЭ-07, РГ-210; рис. 2, 1) найдена в темно-сером мешаном слое до разборки комплексов. Ее длина 7 см, диаметр круглой рукоятки 0,3 см. Длина продолговатой ложечки 2,3 см, ширина 1,4 см. Прямая рукоятка слегка перевита, на конце имеется круглое отверстие для привешивания.
- 17. Вторая ложечка (НОЭ-09, РГ-515; рис. 2, 2), очень похожая на первую привеску по внешнему виду и размерам, обнаружена при разборке нижней части заполнения сооружения. Перевитая почти на всю длину прямая рукоятка повреждена, но круглое отверстие для подвешивания частично сохранилось. Длина привески $6,3\,\mathrm{cm}$.
- 18. Бракованная отливка привески (НГМ КП 25402, A26/334; рис. 2, 3) является случайной находкой. Она довольно грубо выполнена из свинцово-оловянистого сплава. На ручке имеется трещина и отсутствует отверстие для привешивания. Очертания ложечки округлые. Длина сохранившейся

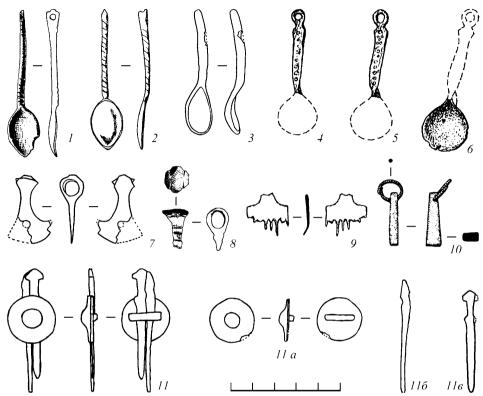

Рис. 2. Городище под Новгородом. Привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия

1-6 — ложечки; 7, 8 — топорики; 9 — гребешок; 10 — оселок или точильный камень; 11 — набор амулетов: щит, меч и копье. (1, 2, 4-6, 8-10 — бронза; 3 — свинцово-оловянистый сплав; 7, 11 — железо) 4-6 — Поветкин, 2007. С. 182. Рис. 2, 7-9; 7, 11 — прорисовка Г.С. Луговской; 10 — прорисовка И.В. Заботиной. Компьютерный дизайн В.Л. Полигаева

части — 5,8 см, ширина округлой ложечки — 1,2 см, диаметр слабоизогнутой ручки — 0,4—0,5 см.

19—21. Три бронзовые ложечки представлены фрагментами (рис. 2, 4—6) (Поветкин, 2007. С. 181, 182. Рис. 2, 7—9). От двух экземпляров сохранились лишь орнаментированные ручки с отверстиями для привешивания. НГОМЗ КП 18518 А90/14 (рис. 2, 4): длина плоской ручки — 3,7 см, ширина — 0,4/0,5 см, толщина — 0,2 см. НГОМЗ КП 18518 А90/113 (рис. 2, 5): длина плоской ручки — 3,8 см, ширина — 0,3/0,4 см, толщина — 0,15 см. От третьей привески (НГОМЗ КП 18518 А90/133; рис. 2, 6) уцелела только ложечка подовальной формы: длина — 2,4 см, ширина — 1,9 см.

В Новгороде привески-ложечки были найдены в слоях конца X — середины XII в. (Cedosa, 1981. С. 26). Такие ложечки являлись символом благосостояния, сытости. Они встречаются не только в наборах амулетов, но и как самостоятельные привески (Fonybesa, 1997. С. 156).

Привески-топорики (2 экз.).

22. Железный миниатюрный топорик (НОЭ-96, РГ-76; рис. 2, 7) в виде бородовидной секиры с двумя парами боковых щекавиц был найден в раскопе на северном берегу Сиверсова канала в темно-сером мешаном слое (Носов, 1997). Из-за сильной коррозии амулет плохо сохранился. У топорика массивное широкое лезвие и выемка с внутренней стороны. Длина топорика — 3,4 см, ширина шейки — 0,6 см, щекавицы — 1,1 см, ширина обуха — 1,2 см, диаметр частично сохранившегося отверстия — 0,4 см. Образцом для этой миниатюрной копии могли послужить боевые топоры, которые А. Н. Кирпичников относит к типу VI (конец X—XI в.), распространенному главным образом в средней и северной Руси (Кирпичников, 19666. С. 37).

23. Литая бронзовая привеска в виде миниатюрного топорика представлена фрагментом — обушком с тонкой узкой шейкой (НОЭ-2007, РГ-12; рис. 2, 8). На обушке есть мысовидные выступы. На сохранившейся части шейки две углубленные линии образуют небольшой рельефный валик, отмечающий переход от лезвия к обуху. Длина уцелевшего фрагмента привески — 1,9 см, длина мысов — 0,12 см, ширина обуха — 1 см, ширина шейки — 0,3 см. Привеска найдена на центральной площадке памятника к юго-востоку от церкви Благовещения при разборке осыпи стенок раскопа 2006 г. (*Носов*, 2008).

В Древней Руси известны железные, бронзовые, иногда свинцовые миниатюрные топорики-привески⁴. Назначение амулетов, символизирующих боевое оружие, и связанные с ними религиозные представления подробно рассмотрены в работах В.П. Даркевича (1961. С. 94–102) и Н.А. Макарова (1992. С. 41–56). Н.А. Макаров отметил связь миниатюрных топориков «с воинской средой и специфичными для нее верованиями и обрядами» (Макаров, 1992. С. 51). «Миниатюрные топорики принадлежат к тому кругу вещей — бытовых предметов, украшений и культовых символов, которые появились как инновации на волне мощного обновления материальной культуры восточных славян в XI в.» (Там же. С. 52). По предположению Л.А. Голубевой, производство этих привесок началось в X в. в Киеве, где в погребении середины X в. был найден миниатюрный железный топорик. В XI в. производство топориков-оберегов становится серийным (Голубева, 1997. С. 153).

Привеска-гребень (1 экз.).

24. Миниатюрный бронзовый гребень (НОЭ-06, РГ, п.м., 35, северный берег Сиверсова канала; рис. 2, 9) является случайной находкой. Литая неорнаментированная привеска сильно повреждена, но у нее частично сохранилось отверстие для привешивания. Высота гребешка — 2 см, ширина — 1,9 см, толщина — 0,15 см, диаметр отверстия — 0,25 см. Миниатюрные бронзовые гребешки, украшенные конскими головками, смотрящими в разные стороны, распространены на памятниках XI–XII вв. Такие привески часто встречаются в наборе с другими амулетами (Голубева, 1997. С. 161. Табл. 93, 14).

 $^{^4\,}$ Благодарю В.С. Соболева, С.С. Зозулю и С.Ю. Каинова за любезные консультации по вопросам оружия.

Привеска в виде оселка или точильного камня (1 экз.).

25. Литая четырехгранная привеска из низкооловянистой бронзы (НОЭ-11; РГ-651; рис. 2, *10*; рис. 1 к статье С.И. Стеблин-Каменской) найдена при обследовании участка, выбранного для установки памятного знака «Княжий камень», находящегося в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения, на выходящем к Волхову крае холма. Длина привески $-2.6\,\mathrm{cm}$, ширина верхней части -0.33×0.45 см, основания -0.44×0.73 см. У привески сохранилось колечко для крепления из рубчатой проволоки, концы которого слегка стесаны, заходят друг на друга, но примыкают не совсем плотно. Диаметр колечка — 1,2 см; толщина проволоки -0,17 см. Форма находки позволяет предположить, что она была выполнена в подражание янтарным привескам трапециевидной формы или каменным оселкам, известным по материалам погребений Бирки (Arbman, 1940. Taf. 103, 3; 188, 1–10, 16–18; Sundbergh, Arwidsson, 1989. S. 102-111). Амулет найден в заполнении постройки, вещевой комплекс которой датируется второй половиной IX - X в., а керамика — не позднее третьей четверти Х в. (Носов, 2012. С. 18; Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 159-175). Рунические знаки на привеске позволяют отнести амулет к северному кругу древностей. Описание рунических знаков приведено в статье Т.С. Дорофеевой и С.И. Стеблин-Каменской (2013. С. 159–175). По мнению С. И. Стеблин-Каменской, о возможности со временем интерпретировать надпись «свидетельствуют разделительные знаки на сторонах A, B и Γ , а также четкость надписи на *стороне* Г. На этой стороне руны не только особенно четко видны, но и образуют гармоничный ряд из согласных и гласных звуков, смысл которого, будем надеяться, со временем будет понят.

Сторона A очень многообещающе начинается комбинацией рун **ik**, которую можно интерпретировать как личное местоимение ek "я", но поскольку далее возникают сложности даже с чтением знаков, то придется пока оставить это толкование в стороне. Очень соблазнительно прочесть три последние руны на *стороне* A как **fik** с безлинейной руной **k** и, таким образом, увидеть в этой комбинации рун древнегерманский глагол $f\bar{a}$ "получить" в прошедшем времени единственного числа третьего лица fikk "[он, она] получил(а)", но поскольку между **ik** и **fik** три знака из четырех под сомнением, то надпись на этой стороне пока нечитаема.

Интересно отметить, что маленькие руны **risti** на *стороне* Γ , по всей видимости, содержат слово risti, которое является формой древне-германского глагола rista «резать» в прошедшем времени единственного числа третьего лица "[он или она] вырезал(а)" и в сослагательном наклонении настоящего времени единственного числа третьего лица "да вырежет [он или она]". Комбинация рун **is** тогда может пониматься как местоимение es "тот, который". Таким образом, можно даже получить предложение "Тот, который вырезал [руны]", но надо учитывать, что три руны из семи в этом предложении имеют неточное чтение. Обращает на себя внимание то, что $estimate{cmopona}$ Γ , возможно, начинается теми же рунами, что и надпись на Староладожском стержне: **ufir**. Этому сочетанию рун можно подобрать несколько разных интерпретаций, но сейчас мы ограничимся предположением, что в этих рунах может быть скрыт предлог

yfir "над". Все эти наблюдения позволяют надеяться, что надпись на привеске поддается интерпретации, и, возможно, в будущем будет предложено ее толкование» (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 168, 169).

В настоящем сборнике в отдельной статье С. И. Стеблин-Каменской приводится транслитерация знаков с комментариями.

Набор амулетов (1 экз.)

26. Набор амулетов (НОЭ-07, РГ-726; рис. 2, 11) в виде миниатюрных предметов вооружения: щита, меча и копья. Он был найден на центральной площадке Городища в черном слое Х в. при разборке заполнения древнего рва, являющегося «"археологически закрытым комплексом", в который попали остатки сооружений и вещи, характерные для IX-X вв.» (*Hocoв и др.*, 2011. С. 82). Все миниатюрные предметы выполнены из железа. Круглый неорнаментированный щит диаметром 2 см сделан из тонкой пластины. В центре щита — полусферическая выпуклость диаметром 0,7 см, имитирующая умбон, а с внутренней стороны прикреплена тонкая узкая полоска, копирующая скобу для ношения. Скобка плотно фиксирует миниатюрные меч и копье. Длина копья -5 см, двулезвийного сужающегося к острию меча -4.5 см. Рассматриваемый набор амулетов не имеет отверстия, кольца или петли для подвешивания. Возможно, что его носили в специальном мешочке или кошельке. Точный тип копья и меча, послуживших образцами, невозможно определить из-за миниатюрности предметов и определенной условности изображений. Прототипом копья мог быть тип III — наконечники с пером подтреугольной формы, по типологии А. Н. Кирпичникова, время бытования которых — IX — начало XI в. (Кирпичников, 1966б. Рис. 1). Образцами для модели меча могли служить мечи конца VIII — конца X в. с треугольной формой верхней части навершия — А, В, С, Н (Петерсен, 2005; Кирпичников, 1966а. Рис. 1).

Миниатюрные копии предметов вооружения известны в североевропейских древностях. Они встречены, например, в Швеции в наборах амулетов из бронзы или серебра (*Stenberger*, 1958. Abb. 41, *17*; *Arrhenius*, 1961. S. 142. Fig. 2–4). На территории России также известны миниатюрные щиты, мечи и копья или наконечники копий. В Гнездово они были найдены как в связках амулетов (*Новикова*, 1991. Рис. 4; 5, *3*, *4*), так и отдельно — например, железная привеска-меч длиной около 3 см (Там же. Рис. 5, *11*).

На Новгородском Городище в одном слое с набором амулетов был найден ряд вещей, распространенных на территории Восточной Скандинавии и Восточной Европы в IX—X вв., — глиняная форма, на которой имеются оттиски круглой привески скандинавского типа (вариант типа В, по классификации Ю. Калльмера) и широкорогая лунница; две бронзовые иглы от кольцевидных мужских булавок; фрагменты от двускорлупной овальной женской фибулы типа P-51, амулет с «миниатюрными посохами» (miniature staff) (*Носов и др.*, 2009. С. 29, 30; *Дорофеева*, 2010б. С. 30. Рис. 2, 15). Сопутствующие находки позволяют предположить, что набор из трех миниатюрных копий предметов вооружения также относится к северному кругу. Миниатюры, соединявшиеся в связку, «изображали атрибуты скандинавских богов или предметы, наделенные, по мнению викингов, магической силой» (*Новикова*, 1991. С. 193). Всегда

попадающее в цель волшебное копье Гунгнир, которое символически связано с воинской удачей, было атрибутом бога войны и военной дружины Одина, меч — атрибутом бога воинской доблести Тюра, культы которых были между собой тесно связаны (*Мелетинский*, 1987. С. 284–292). Г.Л. Новикова отмечает, что наборы амулетов изготовлялись по индивидуальным заказам (*Новикова*, 1991. С. 193). Состав городищенского набора амулетов свидетельствует о принадлежности его владельца к дружинной среде и определенной социальной группе.

Итак, из 26 рассмотренных в статье привесок-амулетов шесть находок происходят из темно-серого мешаного слоя, три — из заполнения комплексов, 17 являются случайными. Из бронзы выполнены 20 амулетов, четыре сделаны из свинцово-оловянистого сплава и два — из железа. 13 находок публикуются впервые (№ 5, 6, 11–17, 21–23, 25).

Время наибольшей популярности зооморфных привесок, а также амулетов в виде миниатюрных предметов быта и оружия, по мнению Н.П. Журжалиной и А.В. Успенской, приходится на XI — первую половину XII в. (Журжалина, 1961. С. 140; Успенская, 1967. С. 92, 93). А.В. Успенская связывает широкое распространение на Руси амулетов-оберегов со своеобразным проявлением протеста против интенсивного внедрения христианства, отмечая, что в период развитого язычества они не входили в состав женского убора (Успенская, 1967. С. 98). К языческим верованиям относятся 19 амулетов: восемь зоо- и орнитоморфных привесок, восемь миниатюрных копий предметов быта, три — предметов вооружения. Семь привесок могут отражать слияние языческих верований с распространившимся на Руси христианством: три «конька», две привески с «птицами, сопоставленными у древа» и две рыбки. Шесть амулетов имеют отношение к финно-угорской мифологии. Два миниатюрных топорика и набор амулетов, состоящий из моделей щита, меча, копья, характерны для идеологии военно-дружинной среды. Два амулета, несомненно, принадлежали скандинавам: модель точильного камня с руническими знаками и набор амулетов. Таким образом, найденные на Городище под Новгородом отдельные металлические привески-амулеты в какой-то мере характеризуют этносоциальную среду второй половины IX - XII в. на поселении.

Литература

Археология свернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М., 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа.

Гайдуков Г.П., Олейников О.М., 2013. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // ННЗ. Вып. 27: Мат. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского (Великий Новгород, 22—24 января 2013 г.).

Голубева Л.А., 1997. Амулеты // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология). *Даркевич В.П.*, 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4.

- Дорофеева Т.С., 2010а. Инталия с Городища под Новгородом // ННЗ. Вып. 24.
- Дорофеева Т.С., 2010б. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Дорофеева Т.С., 2011а. Скандинавская погремушка X в. с Городища под Новгородом // ННЗ. Вып. 25.
- Дорофеева Т.С., 20116. Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом // Тр. III (XIX) Всерос. АС (Великий Новгород Старая Русса, 24–29 октября 2011). СПб.; М.; Великий Новгород. Т. II.
- Дорофеева Т.С., 2012а. Новые находки кресаловидных привесок на Городище под Новгородом // ННЗ. Вып. 26.
- Дорофеева Т.С., 20126. Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.) // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- Дорофеева Т.С., 2013. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗ. Вып. 27: Мат. науч. конф., посвящ. 80-летию М.Х. Алешковского (Новгород, 22–24 января 2013 г.).
- Дорофеева Т.С., Стеблин-Каменская С.И., 2013. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // Археологические вести. СПб. № 19.
- Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. Иванов В.В., Топоров В.Н., 1988. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. Т. 2: K-Я.
- Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. Л. (САИ. Вып. E1-36).
- *Кирпичников А.Н.*, 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ. Вып. Е1-36).
- *Леонтьев А.Е.*, 1994. «Гора святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. 7.
- Макаров Н.А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.
- *Мелетинский Е.М.*, 1987. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. М. Т. 1: A-K.
- *Мильков В.В.*, 1995. Нетипичные элементы в средневековой погребальной обрядности Новгородской земли // ННЗ. Вып. 9.
- Мусин А.Е., Степанов А.М., 2007. Ложка или лжица? Находка 2005 г. на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции // ННЗ. Вып. 21.
- *Новикова Л.Г.*, 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. СПб.
- *Носов Е.Н.*, 1997. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1996 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
- Носов Е.Н., 2008. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 2007 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
- Носов Е.Н., 2012. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
- Носов Е.Н., Горгонова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: Новые материалы и исследования. СПб. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII.)
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвощинская Н.В., 2009. Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // ННЗ. Вып. 23: Мат. науч. конф., посвящ. 80-летию акад. РАН В.Л. Янина (Новгород, 27–29 января 2009).

- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвощинская Н.В., Юшкова М.А., 2007. Раскопки на городищенском холме // ННЗ. Вып. 21.
- Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 2004. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб.
- *Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Смирнов А.М., Дорофеева Т.С.*, 2011. Раскопки рва Рюрикова городища в 2010 г. // ННЗ. Вып. 25.
- Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов: Типохронологическое изучение оружия эпохи. СПб.
- Поветкин В.И., 2007. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археолог. сб.: Мат. междунар. науч. конф. (4–7 октября, 2005 г., Великий Новгород). СПб.
- *Пушкина Т.А.*, 1988. Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. Таллин. Вып. XXXI.
- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. (САИ. Вып. Е1-60). Рябцева С., 2005. Древнерусский ювелирный убор. СПб.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
- Спиргис Р., 2012. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5.
- *Топоров В.Н.*, 1987. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. Т. 1: A-K.
- Топоров В.Н., 1988. Рыба // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. Т. 2: К-Я.
- *Торопова Е.В., Торопов С.Е.*, 2011. Комплекс средневековых привесок-амулетов из Георгиевского I раскопа в Старой Руссе // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).
- Уваров А.С., 1908. Христианская символика. М.
- Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43.)
- Фролов А.А., Месиянкина С.В., Торопов С.Е., 1995. Некоторые итоги археологических исследований в районе дд. Заручевье Бор (Окуловский район Новгородской области) // ННЗ. Вып. 9.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln. Stockholm.
- Arrhenius B., 1961. Vikingatida miniatyrer // Tor. Stockholm; Göteborg; Uppsala. Vol. VII.
- Stenberger M., 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm. Bd. I: Text.
- Sundbergh K., Arwidsson G., 1989. Schleif- und Wetzsteine // Birka II: 3. Systematische Analyse der Gräberfunde. Stockhom.

Руническая надпись на привеске-оселке: разбор сложностей, связанных с ее чтением и транслитерацией

S.I. Steblin-Kamenskaya. Runic inscription on the pendant-touchstone: complexity associated with its reading and transliteration

Abstract. Tetrahedral metal pendant with runic inscriptions on every side, is perhaps one of the most exciting finds at the Rurikovo Gorodishche in recent years. Before the discovery of the runic inscriptions we were aware of only five reliably runic inscriptions from the Viking Age on the territory of modern Russia, but now we have the sixth. This publication provides a short and full transliterations of the runes on the pendant, the emphasis is laid on the discussion of the complexities arising while reading and runes classification.

Ключевые слова: рунические надписи, привеска, Рюриково городище

Металлическая четырехгранная привеска, имеющая на всех четырех сторонах рунические надписи (рис. 1), возможно, является одной из самых ярких находок на Рюриковом Городище за последние годы. До обнаружения этой рунической надписи нам было известно лишь о пяти достоверно рунических надписях эпохи викингов с территории современной России¹, теперь же у нас есть и шестая. О том, почему надпись на привеске можно считать рунической, как выглядят руны на ней, и какое им может быть предложено чтение, подробно написано в статье: (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 159—175). Данную работу можно считать небольшим дополнением к этой статье: здесь еще раз приводятся краткая и полная транслитерации рун на привеске, но акцент сделан на обсуждение сложностей, возникающих при чтении и определении рун.

Транслитерация рунической надписи на привеске-оселке в кратком виде (полная версия дана на рис. 2):

A:ik × ? a l t f i ? ? ? × B: n a r f s ? i r i a k t h B: f i × ? ? ? n a i b ? ? a ? ? × T: × u f u r i n i r b a b o b a ? i s r i s t i ×

¹ Две привески с рунами с Рюрикова Городища (найдены в 1983 г.), обломок кости с частью полноветвистого футарка с территории усадьбы на Неревском конце Новгорода (найден в 1958 г.), Староладожская привеска (найдена в 1975 г.) и Староладожский стержень (найден в 1950 г.) (*Мельникова*, 2001. С. 180–200, 202–206, 251).

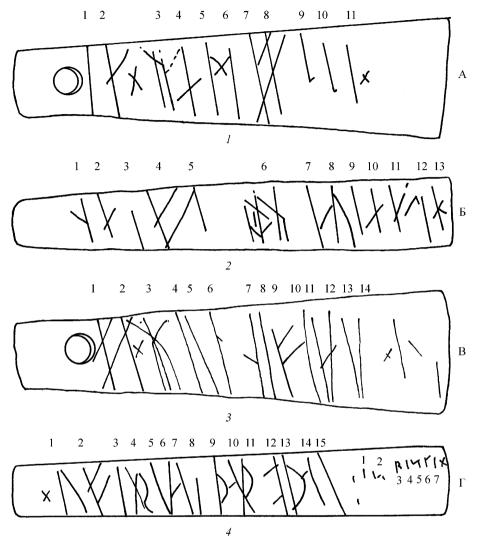

Рис. 1. Металлическая четырехгранная привеска в форме оселка с рунами на всех четырех сторонах. Стороны обозначены буквами А, Б, В и Г

Разбор сложностей, возникающих при определении знаков на привеске. Главной проблемой при определении некоторых знаков является широкая датировка привески — начало IX — конец X в.² Дело в том, что на привеске встречаются и полноветвистые, и коротковетвистые руны младшего футарка³. Из-за нижней границы датировки нельзя также исключить, что старшие руны

 $^{^{2}}$ О датировке предмета см.: (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 171, 172).

 $^{^3}$ Вся используемая в статье терминология объясняется в статье: (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 160, 161).

Ст	орон	a A	(Sic	le A	):										
1	2		3	3	4	5 6	7		9			11			
İ	k	>	( )	?	α	lt	f		i '	?	?	? ×			
	n		m	ì	n	la				k	S	þ			
	a					M				S					
Ст	орон	а Б	(Sid	le B)	):										
1	2		3	4	5	6	7 8	9	10	11	12	13			
n	α		R	f	S	?	iR	i	α	k	t	þ			
α	n				i		au	s	n	α	×R				
							nu			n	ar				
							ku								
Ст	орон	а В	(Sic	de C	):										
1	2		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
f	i	×	?	?	?	n	a	į	b	?	?	α	?	?	×
			m R	i	i	а	n		0	i	i	n			
Сто	рона	а Г	(Sid	e D)	:										
	1	2		3	4	5 6	7	8	9	10	11	12	13	14	
×	u	f		u	r	i n	i	R	þ	α	þ	0	þ	α	
				i		i a	i			n		b		n	
						ûn	i								
						m	i								
~		_							(C)	1 D	1				

Сторона Γ , в верхнем поле в правом углу (Side D, in the upper right corner):

Рис. 2. Полная транслитерация возможного чтения рун на привеске. Точками отмечены руны, чтение которых неточно, знаком вопроса — руны или знаки, которым трудно предложить чтение, дугой над рунами — лигатуры

м и н все еще могли использоваться как аллографы к рунам m и h эпохи викингов. На стороне A знаки 5 и 6 можно прочесть как две руны младшего футарка, а можно — как одну руну м из старшего футарка. Старшие руны в надписях младшими рунами все еще встречаются в начале IX в., например, на руническом камне из Спарлёса, Вестергётланд (Vg 119, PL: 91), который датируется началом IX в. и содержит в надписи младшую m (Y), но также и ее аллограф — старшую руну м (№).

На той же стороне А нашей привески последние три знака, возможно, не являются рунами вовсе, однако если допустить, что эти знаки принадлежат так называемому безлинейному младшему футарку, то им тоже можно предложить чтение. Безлинейные руны начинают использоваться в конце эпохи викингов, т.е. в конце X — начале XI в. За пределами Швеции они встречаются только один раз, а именно на деревянном стержне из Бергена, Норвегия, который датируется эпохой средневековья (Peterson, 1994. S. 244). Однако можно отметить, что уже на Староладожском стержне, который датируется серединой IX в., присутствует руна **r** без ствола (см.: *Кузьменко*, 2012. С. 254. Рис. 2): руна $\mathbf{r}$ на стержне выполнена только зигзагообразной линией $\overline{\cdot}$. Это особенно интересно, потому что отсутствие ствола и является главной чертой безлинейных рун⁴. Возможно, идея безлинейных рун могла существовать уже в начале IX в., и даже за пределами Скандинавии, хотя сама графематическая система с рунами без стволов еще не была разработана. Интересно также отметить, что надпись на камне из Спарлёсы, которая упоминалась выше в связи со старшими рунами в младших надписях, тоже имеет подобную руну **r** без ствола (Vg 119; см. также: Vg. Т. 2. Илл. 90, 91). Вероятно, еще один пример есть в надписи на камне из Гюрстена, Смоланд (Sm 144)⁵. Одним словом, встретить руны без ствола в надписях начала IX в. можно. В то же время, те безлинейные руны, которые можно было бы предположить для рассматриваемой привески (руны 9–11 на стороне А), так рано пока не встречались, поэтому в сокращенном варианте транслитерации вместо них поставлены знаки вопроса.

Кроме тех сложностей, которые возникают из-за широкой датировки привески, есть еще серьезная проблема с определением минимальных графематических пар для нашей надписи⁶. Дело в том, что некоторые коротковетвистые руны отличаются друг от друга только направлением ветвей. Например, руны **n** и **a** часто стоят в такой графематической оппозиции друг к другу: в большинстве надписей коротковетвистыми рунами у руны **n** ветвь направлена вправо вниз − ∤, а у руны **a** влево вниз − ∤. Но в некоторых случаях руна **n** может иметь форму ∤, т.е. состоять из ствола и ветви, направленной вправо вверх. На камне из Оклунда, Эстергётланд, Швеция (см.: *Gustavson*, 2003. S. 191), руна **n**, например, представлена двумя аллографами ∤ и ∤. И − наверное, чтобы все еще больше запутать, − некоторые резчики используют этот же аллограф ∤ для руны **a**. Около 15 надписей коротковетвистыми рунами имеют такую форму руны **a** (см.: *Johnsen*, 1968. S. 23). И, наконец, иногда руна **a** может иметь форму ⅓, т.е. состоять из ствола и ветви, направленной влево и вверх. Например, в надписи на каменном кресте из Германа, остров Мэн (*Olsen*, 1954. S. 199). Зато, кажется, руна **n** такой формы ∮ еще не встречалась,

 $^{^4}$ Безлинейные руны — это графематическая система рун, которая строится на том, что стволы рун убираются и остаются только ветви.

⁵ Это зависит от того, какое чтение рун предпочесть для данной надписи.

⁶ О графематической системе коротковетвистых рун и о минимальных парах можно прочитать в статье: (*Loman*, 1965. S. 1–60).

но полностью исключить существование такого аллографа пока нельзя. Все это более чем актуально для определения рун на металлической четырехгранной привеске, поскольку надпись на привеске не расшифрована, и поэтому мы не можем сказать наверняка, какие из коротковетвистых рун должны читаться как $\mathbf{n}$, а какие как $\mathbf{a}$ (ср., напр., на рис. 1 руны 1 и 2 на стороне $\mathbf{b}$, руны 6, 7 и 12 на стороне $\mathbf{b}$, и руны 6, 10 и 14 на стороне $\mathbf{b}$).

Те же сложности с определением минимальных графических пар являются актуальными и для коротковетвистых рун о и b. Дело в том, что руна b чаще всего имеет форму в или в, т.е. состоит из ствола и двух коротких ветвей, направленных либо вправо вверх, либо влево вниз. Руна о чаще всего выглядит как , т.е. состоит из ствола и двух ветвей, направленных вправо вниз⁷. В то же время, как минимум в десяти надписях коротковетвистыми рунами форма 🕯 обозначает руну **о** (см.: *Johnsen*, 1968. S. 28–30, а также Vg 6, 9, 11, 13, 16). Это обстоятельство усложняет определение руны 12 на стороне Г. Что же касается руны 9 на стороне В, то форма 🗜, как уже говорилось, характерна для коротковетвистой руны $\mathbf{b}$, но в то же время редкие коротковетвистые руны $\mathbf{o}$ с таким направлением ветвей направо вверх (р) встречаются, например, все в том же Вестергётланде (Vg 3). Можно также отметить, что в Вестергётланде попадается и руна f похожей формы: с двумя короткими ветвями направо вверх, которые крепятся к средне-верхней части ствола (см.: Vg. Т. 1. С. 39; Т. 2. Илл. 23). Но все-таки в нашем случае с руной 9 на стороне В нет сомнений: это не руна f, поскольку руна f в данной надписи имеет совсем другую форму (см. руну 4 на стороне B, 1 на стороне B и 2 на стороне Γ).

Формы № и № не встречаются на городищенской привеске, но все-таки можно отметить, что форма №, характерная для руны **о**, как минимум три раза встречается для руны **b** (см., напр., *Johnsen*, 1968. S. 29. Vr 3). Форма №, кажется, ни разу не встречается для руны **b**, но зато один или два раза — для руны **o**, опять же в Вестергётланде (см.: Vg. Т. 1. С. 39)⁸.

Следующей проблемой можно назвать неодинаковую длину ветвей и стволов у рун в нашей надписи. Ствол, который достигает и нижнего, и верхнего края плоскости, может быть без сомнения прочитан как руна **i**, но если он не достигает нижнего края, то это может быть коротковетвистая руна **s** (ср. напр., руны 5 и 9 на стороне Б: рис. 1; 2). Из-за длины ствола сложно также решить вопрос о знаке 6 на стороне А: является ли он коротковетвистой руной **t** с укороченным стволом или коротковетвистой руной **d** с высоко расположенной ветвью?

Что же касается длины ветвей, то тут возникают сложности с некоторыми размашистыми линиями резчика. Так, например, руна 2 на стороне А может

 $^{^7}$ В статье Дорофеевой и Стеблин-Каменской (2013. С. 168) в предложении «у коротковетвистой руны **о** ветви чаще всего расположены на правой стороне и направлены вверх» содержится ошибка: слово «вверх» следует читать как «вниз».

⁸ Разнообразие аллографов для руны **о** в Вестергётланде, по-видимому, можно объяснить как раз отсутствием там графематической оппозиции между рунами **о** и **b**, поскольку руна **b** в Вестергётланде никогда не встречается в своем коротковетвистом варианте, а только в полноветвистом — β , β , β , или β .

быть прочитана как полноветвистая руна $\mathbf{a}$, поскольку ветвь пересекает ствол и уходит вверх направо (†). Но скорее всего, ветвь пересекает ствол ненамеренно, а из-за размашистой резьбы резчика, поэтому руну, видимо, следует читать как $\mathbf{k}$ (Γ), хотя ее ветвь и не достигает верхнего края плоскости, как положено руне $\mathbf{k}$. То же самое относится и к руне 11 на стороне $\mathbf{b}$.

Из-за размашистого стиля резчика в некоторых случаях сложно решить, какая ветвь принадлежит какому стволу, что, естественно, затрудняет определение знаков на привеске. Так, например, знаки 7 и 8 на стороне Б могут быть прочитаны по-разному в зависимости от того, как решить эту проблему.

Можно также отметить такую сложность, как наличие лигатур и перевернутых рун в некоторых надписях эпохи викингов. Так, например, в надписи на камне из Стенбю, Эстергётланд (Ög 8) встречается лигатура **au** (1). На привеске-амулете из Сигтюны имеется лигатура **uf** (FV, 1933. S. 134). Перевернутая руна **t** есть, например, на кости из Сигтюны (NOR, 2000. S. 30). В то же время, перевернутые руны и лигатуры — явление редкое. Поэтому руну 3 на стороне В кажется более надежным обозначить знаком вопроса в краткой транслитерации, а в полной предложить вариант **m**. То же самое касается рун 5 и 6 на стороне Г: эти две руны можно прочесть как лигатуру **un**, если одновременно исходить из того, что руна **u** перевернута, что, однако, кажется весьма сомнительным.

И, наконец, последней сложностью можно назвать присутствие на предмете рез неизвестного происхождения и назначения. Некоторые из этих рез расположены параллельно стволам рун и поэтому могли бы быть прочитаны как руны **i**, но в то же время их характер отличается от линий надписи: они прорезаны более слабо и тонко. И все же, поскольку анализ надписи еще не окончен, подобные резы обозначаются знаками вопроса в краткой транслитерации, а в полной им также предлагается чтение.

Подытоживая, можно сказать, что при определении рун на привеске-оселке сложности возникли по следующим причинам:

- 1) из-за широкой датировки предмета;
- 2) из-за неясности, какие минимальные графематические пары входили в графематическую систему резчика;
  - 3) из-за размашистой резьбы резчика;
- 4) из-за неясности, следует ли ожидать лигатур или перевернутых рун в надписи;
  - 5) из-за не относящихся к надписи рез на предмете.

Подобные трудности могут возникнуть не только при прочтении рассматриваемой надписи. Они вполне характерны для многих рунических надписей эпохи викингов на небольших предметах. Определение знаков также нередко затрудняется коррозией или иными повреждениями материала, из которого выполнен предмет с надписью. В нашем случае коррозии на металле почти нет, но предмет покрыт резами, не относящимися к надписи. Поэтому местами очень сложно решить, какие резы являются частью надписи, а какие — случайны и ей не принадлежат. Некоторые из вышеперечисленных сложностей, возможно, преодолимы, другие, по-видимому, нет. Интерпретация же надписи

пока слишком затруднена большим количеством вариантов чтения. И, наверное, лучшее, что пока можно сделать для понимания данной надписи — это искать и находить все новые и новые надписи эпохи викингов, особенно на типологически близких нашей привеске предметах.

Литература

Дорофеева Т.С., Стеблин-Каменская С.И., 2013. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // Археологические вести. СПб. № 19.

Кузьменко Ю.К., 2012. Руническая надпись на деревянном стержне из Старой Ладоги // Именослов: История языка. История Культуры / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. *Мельникова Е.А.*, 2001. Скандинавские рунические надписи. М.

Gustavson H., 2003. Oklundainskriften sjuttio år efteråt // Runica — Germanica — Mediaevalia / W. Heizmann, A. van Nahl (Hrsg.). Berlin.

FV — Fornvännen: meddelanden från K. Vitterhets, Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm, 1906— (продолжающее издание).

Johnsen I.S., 1968. Stuttruner i vikingtidens innskrifter. Oslo.

Loman B., 1965. Rökrunorna som grafematiskt system // Arkiv för nordisk filologi. 80. Lund.
 Peterson L., 1994. The graphemic system of the staveless runes // Proceedings of the Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions (Gringaheim, Norway, 8–12 August 1990) / J. E. Knirk (ed.). Uppsala Universitet.

NOR — Nytt om runer. Oslo (продолжающееся издание).

Olsen M., 1954. Runic inscriptions in Great Britain, Ireland and the Isle of Man // Viking antiquities in Great Britain and Ireland. VI / H. Shetelig (ed.). Oslo.

SRI — Sveriges runinskrifter. Stockholm: Kungl. Vitterhets, Historie och Antikvitets Akademien. 1900— (продолжающееся издание).

Sm, Vg, Vr, Ög + номер — код провинции + номер по каталогу шведских рунических надписей (SRI).

Sm — Smålands runinskrifter.

Vg – Västergötlands runinskrifter.

Vr – Värmlands runinskrifter.

Ög — Östergötlands runinskrifter.

Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации

P.P. Kolosnitsyn. Collection of medieval wooden tally sticks from Staraya Russa

Abstract. The collection of medieval wooden tally sticks from the excavations in Staraya Russa (which consists of about 650 specimens) is one of the biggest. Its studying allowed to revise and make the information about this category of finds present classification more exact, identify the features of tally sticks making and using, and also to throw light upon some sides of everyday life of an Old Russian town.

Ключевые слова: археология, деревянные бирки, древнерусский город, средневековье, Старая Русса.

Первые деревянные бирки, представляющие собой палочки с зарубками, фиксируются на территории Европы еще с античности (Apostolou, Crumbley, 2008. Р. 60). В периоды Средневековья и Нового времени они получили повсеместное распространение и являлись одним из неотъемлемых элементов повседневной жизни. Несмотря на свою простоту, бирки выполняли множество важных функций: от способа записи простых подсчетов до аналога векселя. В течение XIX в. деревянные бирки постепенно выходят из широкого употребления, но в сельской местности и отдельных регионах используются вплоть до XX в.

Об использовании бирок на Руси свидетельствуют как упоминания их под названием жеребии или доски в письменных источниках (в Новгородской первой летописи под 1207 г., статьях Псковской судной грамоты конца XV в., новгородских берестяных грамотах, а также в более поздних документах), так и находки множества средневековых деревянных бирок при раскопках в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Торжке, Твери, Ростове, Белоозере и других средневековых русских городах. Наиболее представительные коллекции бирок происходят из раскопок Новгорода (более 630 экз. на 2006 г.: Ковалёв, 2009. С. 314) и Старой Руссы (на настоящий момент учтено 649 экз.; табл. 1).

До настоящего момента сколь-нибудь тщательному рассмотрению подвергались только коллекции из Великого Новгорода и Рюрикова Городища. Изучение коллекции средневековых деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе позволяет не только ввести в научный оборот новые материалы, но и предложить другие методики работы с этой категорией находок.

В качестве эталонной коллекции были использованы бирки, происходящие с Пятницкого I раскопа (ПТ). В 2002–2012 гг. на нем были изучены культурные

Таблица 1 Количество бирок, найденных на раскопах в Старой Руссе

na packonax B Grapon i yeec									
Раскоп	Бирки, экз.								
I	7								
VII	10								
VIII	1								
IX	7								
X	43								
XI	42								
XII	45								
XIII	40								
XIV	11								
XV	62								
Борисоглебский, XVI (БГ)	264								
Пятницкий (ПТ)	110								
Георгиевский I	3								
Георгиевский II	1								
Георгиевский III (ГР-III)	1								
Петропавловский I	1								
Шурф на ул. Ломоносова, д. 7	1								
ВСЕГО	649								

напластования XI-XV вв. мощностью около 6 м. В итоге впервые для Старой Руссы была получена полная дендрохронологическая колонка, что в сочетании с тщательной фиксацией стратиграфии открывает возможности для узкого датирования находок. Раскопками были исследованы территории двух усадеб, расположенных в историческом ядре города и не менявших границ на протяжении всего изученного периода. Характер застройки и комплекса материальной культуры свидетельствует о довольно высоком статусе, активной производственной и экономической деятельности их жителей. Другой важный для исследования массив происходит с Борисоглебского раскопа (БГ), где в слоях XI–XII вв. на территории двух усадеб зафиксировано 255 бирок.

Анализ немногочисленных публикаций, посвященных изучению средневековых счетных бирок, позволяет выделить два основных подхода к их классификации.

Историко-археологический метод представлен исследованиями Р.К. Ковалёва. Анализируя археологическую коллекцию Новгорода и привлекая широкий круг аналогий, он разработал оригинальную типологию бирок и классификацию систем счета зарубок (Ковалёв, 2002). Иной взгляд на данную проблему предлагают экономисты М.И. Кутер и А.В. Кузнецов, рассматривающие бирки не как категорию археологических находок, а как источник по истории становления бухгалтерского дела в России (Кутер, Кузнецов, 2009; 2010).

Уже на первом этапе исследования старорусских материалов было выявлено несовершенство существующих методик изучения. Основным недостатком классификации Р.К. Ковалёва является слабая обоснованность морфологических признаков трех выделенных им групп бирок. Если группы «А» — счетные, и «В» — кредитные (расколотые пополам), отделяются друг от друга очень легко, то группа «С» — бирки-этикетки — не так четко обособлена от счетных бирок. По мнению исследователя, основной признак бирок-этикеток — наличие одного заостренного конца (Ковалёв, 2002. С. 44).

На это есть ряд возражений. Во-первых, в качестве бирок использовали не только специально подготовленные палочки, но и совершенно разные предметы: мутовки, веретена (рис. 1, 5), игрушечный меч, стрелы (рис. 1, 6), ручку ковша, рукоять плетки и т.д. Соответственно, могли использоваться и случайно взятые колышки. Во-вторых, обломки бирок-«этикеток» неотличимы от счетных бирок. В-третьих, необязательно затачивать бирку, чтобы

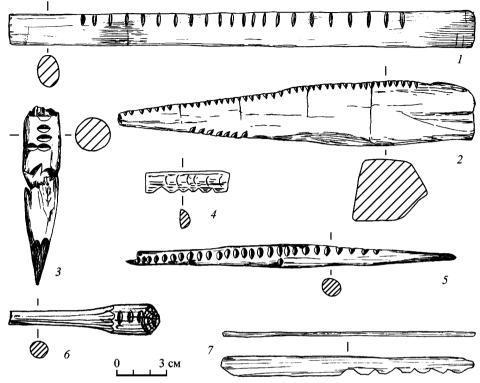

Рис. 1. Средневековые деревянные бирки из Старой Руссы

использовать ее в качестве «этикетки». Таким образом, несмотря на существующие аналогии, мы ничего не можем сказать об использовании бирок-этикеток в средневековом Новгороде, пока не получим дополнительных данных.

Неудачно выбраны и критерии выделения видов бирок. Судя по всему, в большинстве случаев форма сечения палочки не являлась сколь-нибудь значимой величиной при выборе материала для счетной бирки. Кроме того, сечение менялось в ходе работы, когда ряды зарубок срезались и наносились вновь. Соответственно, этот критерий не может быть использован как основной и, тем более, единственный. Похожие проблемы имеются и в выделении видов «долговых» бирок.

На наш взгляд, совершенно не подходит для археологического материала и классификация, предложенная М.И. Кутером и А.В. Кузнецовым (2010. С. 77, 78) и основанная, прежде всего, на функциональном назначении бирок. Авторы описали практически все возможные функции, но совершенно неверно выделили типы этих бирок в археологическом материале.

Например, из классификации выпал самый распространенный вид – простая счетная бирка. Выделенные исследователями калькуляционные бирки «отражают свершившуюся хозяйственную операцию, ее содержание и количественную оценку» и подразумевают наличие надписи. В качестве налоговых

бирок описаны цилиндры-пломбы, которые в действительности не являлись свидетельствами уплаты налогов. Также авторы повторяют ошибку Р.К. Ковалёва, определяя все заостренные бирки как инвентарные, «применявшиеся для указания параметров (длина, вес, цена и т.д.) товара, к которому они прикреплялись» (Кутер, Кузнецов, 2010. С. 78).

Таким образом, вышеописанные методы не подходят для классификации имеющегося археологического материала. Поэтому в ходе исследования был выработан новый подход к систематизации коллекции деревянных бирок.

Главный признак бирки — это наличие зарубок, которые представляют собой способ записи чисел в рамках единичной системы счисления. Такой способ записи чисел используется не только на бирках. Например, цилиндрыпломбы тоже нередко имеют зарубки как один из вариантов записи числа, используемый наравне с кириллическими цифрами (Янин, 2001. С. 93—150), бревна срубов помечены зарубками, обозначающими порядок их укладки, есть они и на ритуальных «посохах сватов» (Кардаш, 2010) и т.п.

Соответственно, счетные бирки — это предметы, которые содержат числа, записанные в системе единичного счисления с помощью зарубок или насечек, нанесенных в ходе или в результате выполнения различных математических действий. «Кредитные» (или расколотые) бирки, во многом сходные со счетными, служат для фиксации сумм и чисел между двумя «лицами» и этим функционально отличаются от счетных. Кроме того, существует ряд предметов, имеющих зарубки, но не являющихся бирками.

Счетные бирки отличаются большим внешним разнообразием. Нередко в качестве бирки вторично используется бытовой предмет или деталь (веретено, мутовка и т. д.) (рис 1, 5, 6). Исходя из морфологических признаков, из общей массы бирок можно выделить некоторые разновидности: бирки в виде палочек (рис. 1, 1), бирки-колышки с заостренным концом (рис. 1, 5), бирки в виде клина с зарубками, нанесенными на грани заостренной части (рис. 1, 2), а также бирки из предварительно обработанных четырехгранных стержней. Однако на настоящий момент невозможно определить, имели ли эти разновидности бирок строго ограниченные функции или служили для тех же целей, что и остальные.

Значительная часть коллекции была подвергнута анализу, позволившему установить породы древесины, применявшиеся для изготовления счетных бирок¹. Они весьма разнообразны, но большая часть была сделана из сосны, березы и ели (табл. 2). Вероятно, это связано с тем, что выбор материала не был целенаправленным и обуславливался доступным на месте сырьем.

Кредитных (расколотых) бирок в коллекции зафиксировано значительно меньше. Среди них выделяются две хорошо различающиеся группы: длинные бирки (длиной от 30 см), как правило, прямоугольного сечения, с зарубками, нанесенными на один конец и изготовленные преимущественно из сосны и ели,

¹ Анализ выполнен Э.К. Кубло и Л.В. Кокуцей в лаборатории реставрации и консервации мокрого археологического дерева Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

	тиолици
Породы дерева, примен	явшиеся
для изготовления счетн	ых бирок

Порода дерева	Пятницкий раскоп, экз.	Борисоглебский раскоп, экз.				
Береза	7	17				
Вяз	3	10				
Дуб	1	5				
Ель	14	10				
Жимолость	1	2				
Ива	4	7				
Клен	0	1				
Крушина	1	0				
Лещина	1	6				
Липа	8	4				
Можжевельник	4	1				
Ольха	4	10				
Осина	1	5				
Сосна	16	14				
Ясень	1	1				
Всего	66	93				

и короткие (рис. 1, 4) — длиной от 4 до 15 см, круглого сечения, изготовленные из веток деревьев лиственных пород (березы, ивы, крушины, липы). Характерной особенностью обеих групп является наличие зарубок двух размеров.

При обработке материала выделена еще одна категория находок — тонкие сосновые пластинки с зарубками (рис. 1, 7), встреченные на Пятницком раскопе в слоях второй половины XIII — XIV в. На настоящий момент они не могут быть однозначно интерпретированы как бирки, но полностью исключить такую вероятность мы не можем.

Счетные и кредитные бирки встречаются во всех изученных слоях с XI по XV в., при этом наибольшее их количество наблюдается в напластованиях XI – первой половины XII в.

Другая проблема — как и что считали с помощью деревянных бирок.

Р.К. Ковалёвым была предпринята попытка выделить системы подсчета зарубок на бирках из Новгорода. Однако использованные им методы представляются ненадежными. По мнению исследователя, основным критерием, свидетельствующим об использовании счетной системы, является наличие выделенных разделов. Например, к биркам, на которых фиксируется система счета тройками, отнесены те, на которых «имеется либо по 3 зарубки, либо отделы по 3 зарубки» (Ковалёв, 2002. С. 41). Всего автор насчитывает в новгородских материалах 7 таких бирок, причем только одна из них имеет выделенные отделы. На наш взгляд, этого слишком мало, чтобы уверенно говорить о существовании такой системы счета. Еще большее допущение делает А.А. Тихомирова, изучавшая бирки из раскопок поселений Верхнего Поволховья, Рюрикова Городища и привлекавшая в качестве иллюстраций материалы других памятников. Выделяя систему счисления на основании кратности общего числа зарубок числу основания, она, например, при описании материалов Старой Руссы «выявляет» использование систем счета по 8 и 12 на основании обнаружения бирок с 16 и 36 зарубками (Тихомирова, 2010. С. 49, 50).

Таким образом, встала необходимость разработки новой, более объективной, методики для выявления закономерностей подсчета.

Каждый ряд зарубок и (или) сумма зарубок на бирках представляет собой запись числа, полученного в ходе целенаправленных действий (прежде всего подсчета), и частота использования различных чисел может дать информацию о способах и единицах счета. Для ее извлечения был произведен статистический анализ частоты встречаемости тех или иных чисел на целых бирках и рядах зарубок.

Всего был изучен 591 экземпляр из 649 бирок, происходящих из Старой Руссы. Количество зарубок на целых бирках колеблется от 1 до 130. Зарубок в рядах насчитывается от 1 до 46, а количество рядов на бирке — от 1 до 8. Примерно на 15% бирок (90 экз.) ряды зарубок разделены на отделы (табл. 3), с помощью более длинной (двойной) зарубки либо промежутка. При этом на восьми бирках отделы выделены нерегулярно. Например, на одной чередуются 3 и 7, а на другой зафиксированы отделы по 8, 4 и 3 зарубки и т.п.

В результате статистического анализа были построены графики, отражающие частоту записи чисел на целых бирках (рис. 2) и на рядах зарубок (рис. 3). Представительность коллекции позволяет получить вполне объективные данные, которые устойчиво повторяются на разных множествах. Важно отметить,

Системы счета зарубок

Таблица 3

Количество						Ко	личес	гво би	рок						
зарубок	Раскопы													Всего бирок	
в отделе	БГ	XVI	ПТ	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	I	ГР-ІІ	onpok
25	1														1
12			1												1
11	1														1
10	21		10	4		3	3	4	2		1	2	1	1	52
9			2				1								3
7	1				1		1								3
6	4	1	1						1						7
5	2														2
3									1						1
Неизвестно	4			2	1		1	2	1						11
Нерегулярные	3					1	2			1		1			8
Всего бирок	255	9	110	62	11	40	45	42	43	7	1	10	7	1	

Рис. 2. График встречаемости чисел на целых бирках

Рис. 3. График встречаемости чисел на рядах зарубок

что частота использования чисел первого десятка показывает большую вариативность в зависимости от выбранного множества, а частота использования чисел больше десяти всегда показывает одну и ту же закономерность.

В большинстве случаев счет велся в рамках десятичной системы, широко распространенной на Руси. Это подтверждает наличие большого количества рядов зарубок, разделенных на отделы по 10. Более того, использование десятичной системы подтверждается пиками на графике (рис. 2; 3). Частая встречаемость чисел 9–11, 20, 28–30, 39–40, 50–51 в качестве суммы зарубок на бирках и в рядах объясняется закономерным стремлением при подсчете округлять и оперировать суммами кратными (или хотя бы близкими) основанию системы счисления. Таким образом, выявляется закономерность, дополняющая наши возможности выделения счетных систем.

Значительно меньше бирок (7 экз.) с разделами в шесть зарубок (5 из них датируются XI в., а 2-XIII-XIV вв.). При этом следует заметить, что числа, кратные 6 и 12, на бирках встречаются относительно редко. То есть, некие предметы считали по 6, но при этом не использовали шестерку (или дюжину) как меру счета или основание системы счисления. На настоящий момент трудно сказать, что могли считать таким образом, однако следует учесть, что в XI в. куна составляла 6 векш, а в XIV-XV вв. алтын равнялся 6 московским деньгам (Янин, 2009. С. 181).

Три бирки, обнаруженные в слоях XI в., имеют разделы по 7 зарубок. Кроме того, довольно часто встречаются бирки, содержащие кратные семи числа — 14 и 28. Зафиксировано также относительно большое количество бирок, содержащих числа 29 и 30. При этом 28 и 29 встречаются чаще, чем 30. Данная закономерность не наблюдается на других числах (приближенных к 20, например). Возможно, ответ кроется в том, что 28 и 29 — это число дней в месяце (лунном или календарном). Вероятно, бирки, содержащие числа, кратные семи, а также 29 и 30, использовались для календарных подсчетов или подсчета единиц продуктов, материалов, событий или действий, соответствующих числу дней в неделе или месяце. Косвенно это подтверждается этнографическими материалами, фиксирующими использование в сельской местности резных деревянных календарей в конце XIX — начале XX в. (Баранова, 2012)

Труднообъяснимо наличие относительно большого количества бирок с числом 16 и 17, при том, что эти числа никогда не используются в разделах. Возможно, это связано с тем, что с помощью бирок с таким количеством зарубок велся подсчет мер веса, сыпучих тел или мер жидкости. В системах таких мер нередко встречаются величины, кратные 16. Из поздних примеров можно привести четверик — 1/16 часть коробьи, и безмен — 1/16 часть пуда.

Остальные выделенные разделы следует считать либо ошибками (как 9 и 11), либо произвольно выбранными для проведения каких-либо математических операций: сложения, вычитания или деления (3, 5, 12, 25 и смешанные разделы).

Коллекция средневековых деревянных бирок из Старой Руссы является важнейшим источником для изучения экономической жизни средневекового города. В ходе ее исследования была разработана новая методика, позволяющая получить более объективные данные о функциях и значении деревянных бирок. Бирки применялись, вероятно, для подсчета предметов (десятками), денег (6), мер веса, сыпучих тел или объема (16), а также календарного счета и математических вычислений.

Литература

- *Баранова О.Г.*, 2012. Резные деревянные календари из Устюгского уезда Вологодской губернии // Музей. Традиции. Этничность. № 2. С. 37–50.
- *Кардаш О.В.*, 2010. Посох свата из Надымского городка XVII−XVIII веков // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (41). С. 61-70.
- Ковалёв Р.К., 2002. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. № 1.
- Ковалёв Р.К., 2009. Деревянная счетная бирка-сорочок второй половины XI века из Старой Руссы // Хорошие дни...: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб; М. С. 314–318.
- *Кутер М.И., Кузнецов А.В.*, 2009. Значение бирок в исследовании исторического развития бухгалтерского учета // Вестник СамГУПС. Т. 2, № 5. С. 48–53.
- *Кутер М.И., Кузнецов А.В.*, 2010. Европейская история бирок: взгляд с позиций современной теории бухгалтерского учета // Сибирская финансовая школа. №1 (78). С. 77–81.
- *Тихомирова А.А.*, 2010. Деревянные бирки на поселениях Верхнего Поволховья X—XV вв. // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб. С. 49, 50.
- *Янин В. Л.*, 2001. У истоков Новгородской государственности / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. С. 93–150.
- *Янии В.Л.*, 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы Средневекового Новгорода. М.
- *Apostolou N., Crumbley D.L.*, 2008. The Tally Stick: the First Internal Control? // The Forensic Examiner. Springfield. Vol. 17, $\mathbb{N}_2$ 1. P. 60–62.

Михаило-Архангельский собор Старицы по материалам последних исследований

A.M. Salimov, V. V. Danilov. The Cathedral of Archangel Mikhail in Staritsa on the materials of recent research

Abstract. The Cathedral of Archangel Mikhail (1386–1398) became the first stone church of the Staritsa Kremlin; it replaced the previous wooden temple burnt in 1395. The destruction of the stone building should be referred to the first half the middle of the 17th century. The excavations held in 2012-2013 at the site of the vanished church continued architectural archaeological investigations of the early — the middle of the $20^{\rm th}$ century. The latest works have considerably corrected our idea of the temple. We suppose that the cathedral was given a rather scarce facade decoration just like the Church of Nativity of Our Lady of the first half of the 15th century — the only preserved since Grand Principality of Tver times. In case such a style was typical for a large majority of medieval churches of Tver Land, the regional architecture of the $14^{th} - 15^{th}$ centuries should be placed in a kind of a lacunae between architectural schools of North-Western and North-Eastern Rus'. A massive addition of a white stone platform to the main bulk of the church in the middle of the 16th century should be treated as an important fact in the architectural biography of the cathedral. The construction could bear a gallery along the three sides of the church.

Ключевые слова: Михаило-Архангельский собор, архитектурно-археологические исследования

Несмотря на почтенный возраст, пожалуй, лишь крепостные валы напоминают нам сегодня о том, что некогда Старица была крупнейшим центром Тверского княжества (рис. 1). В настоящее время лишь посвященным в историю этого города известно, что в средневековье в структуре деревянной застройки Старицкого кремля находилось несколько каменных храмов, самый ранний из которых — Михаило-Архангельский собор — был возведен в конце XIV в.

Старица впервые отмечается источниками под 1297 г. в связи с созданием здесь деревянной крепости, которая появилась в период активного усиления Тверского княжества. По всей видимости, «новый городок на Волге» рассматривался Михаилом Ярославичем в качестве одного из основных форпостов тверских земель. Достаточно вспомнить, что строительство Старицы (в 1297 г.) приходится на следующий год после большого пожара в Твери (ПСРЛ, 1863. Стб. 407), который, вероятно, уничтожил и часть ее оборонительных сооружений. Таким образом, восстановление послепожарной Твери и создание крепости в Старице происходили практически одновременно.

Рис. 1. Древнее Старицкое городище. Фото 1950-х гг.

Существенное обновление Старицкого кремля во второй половине — конце XIV в. привело к тому, что к концу XIV в. Старица превратилась в одну из самых мощных крепостей, закреплявших «тверское господство на Верхней Волге» (Воронин, 1962. С. 374).

На рубеже XIV—XV вв. значение Старицы было подчеркнуто сооружением в ее кремле двух белокаменных храмов: Михаило-Архангельского и Никольского (ПСРЛ, 1922. Стб. 165; ПСРЛ, 1863. Стб. 470). Соборную Архангельскую церковь и небольшой Никольский храм возвели в центре детинца, сделав их основными градообразующими акцентами города.

Архангельский храм впервые был упомянут под 1395 г. в связи с пожаром, во время которого «погоре весь град и церковь святаго архистратига Михаила» (ПСРЛ, 1897. С. 157). О создании на следующий год в «городке Старице» каменного храма во имя Архангела Михаила свидетельствует Софийская Вторая летопись (ПСРЛ, 1853. С. 129)¹. Думается, что эта дата скорее фиксирует закладку церкви, нежели ее завершение, поскольку в иных летописных сводах говорится об окончании строительства под 1398 (ПСРЛ, 1897. С. 171) или 1399 г. (ПСРЛ, 1922. Стб. 165; ПСРЛ, 1863. Стб. 470). В первом случаем инициаторами создания собора названы Михаил Тверской и его сын Иван, во втором — только Михаил Александрович. В 1406—1407 гг. Архангельский собор в Старице был расписан (ПСРЛ, 1897. С. 193, 202).

Вторую каменную церковь во имя св. Николая выстроили в 1403 (или 1404) г. В отличие от Михайловского храма, для сооружения которого потребовалось, вероятно, 3-4 года (1396 — 1398/1399), Никольскую церковь, как свидетельствует Никоновская летопись, Иван Михайлович Тверской возвел за «единое лето» (ПСРЛ, 1897. С. 188).

По мнению Н.Н. Воронина, строительство этих каменных храмов могло быть обусловлено тем, что в тот период Старицкий кремль стал, по-видимому, «собственной резиденцией Ивана Михайловича». Здесь помимо церквей находился княжеский двор (*Воронин*, 1962. С. 376), где в 1405 г. умерла жена князя Ивана — Мария (ПСРЛ, 1897. С. 191).

Одним из основных городов Тверского княжества Старица оставалась и в последующее время. В начале XVI в., когда она досталась младшему сыну Ивана III Андрею, здесь, возможно, вновь велось каменное строительство. Вероятно, в это время была возведена значительных размеров двухъярусная палата (Шебякин, Крылов, 1906. С. 458, 459; Воронин, 1962. С. 385; Хворостова, Галашевич, 2001. С. 66–74). Не исключено, что тогда же или в течение последующих десятилетий (возможно, вплоть до конца XVI в.) на территории кремля могли возвести еще ряд каменных жилых и хозяйственных зданий (Крылов, 1914. С. 458).

В 1558—1561 гг. по инициативе Владимира Андреевича Старицкого выстроили новый главный храм города — Борисоглебский собор (*Салимов*, *Данилов*, *Салимова*, 2012. С. 60–76). Его поставили на самой кромке доминирующего в городском ландшафте кремлевского холма, к востоку от сложившегося на рубеже XIV—XV вв. соборного комплекса. Позже, когда Иван Грозный

¹ Н. Н. Воронин, ссылаясь на этот же источник, сообщает о «создании» этой церкви в 1386 г. (*Воронин*, 1962. С. 375). Однако под этим годом в Софийской Второй летописи не говорится о строительстве Архангельского храма в Старице. По-видимому, это опечатка, которая была допущена при подготовке монографии Воронина к изданию.

забрал Старицу у своего двоюродного брата, здесь находилась царская ставка, где в 1581 г. Грозный принимал папского посла Антонио Поссевино (*Поссевино*,1983. С. 10).

Серьезным испытанием стала для Старицы Смута начала XVII в. Захватившие в 1609 г. город польско-литовские отряды «пожгоша соборную церковь во имя архангела Михаила и протчие соборные же церкви каменные, во имя Николая чудотворца и святых мученик Бориса и Глеба разориша и в них множество людей посекоша» (История... 1891. С. 942). По-видимому, выстроенные в конце XIV – начале XV в. храмы пострадали в этот период в наибольшей степени, и к последней четверти XVII в. в кремле сохранилась только одна действующая церковь — Борисоглебский собор. Никольская церковь в писцовой книге 1686 г. значится в качестве разрушающегося сооружения (РГАДА. 1686. Л. 3 об.; 30 об.), а сведения об Архангельском соборе в этом источнике отсутствуют вовсе. Все эти данные позволяют усомниться в правомерности вывода М.А. Ильина, предполагавшего частичную разборку в середине XVII в. Борисоглебского собора. Опираясь на документальное свидетельство о разрушении в 1658 г. патриархом Никоном соборного храма в Старице, М. А. Ильин решил, что в источнике речь идет о частичной разборке Борисоглебского собора 1558-1561 гг., у которого отломали «прежде всего то, что легче поддавалось слому, то есть царское крыльцо, предполагаемую звонницу и своды гульбища» (*Ильин*, 1980. С. 86, 87). Однако документ, скорее всего, зафиксировал разборку Михаило-Архангельского собора конца XIV в., упоминания о котором отсутствуют в источниках второй половины XVII в. Эту версию подтверждают белокаменные блоки с фрагментами фресковой живописи, обнаруженные в фундаментах Никоновского скита в Ново-Иерусалимском монастыре. Надо полагать, что это те самые остатки Архангельского храма конца XIV в., что были вывезены по приказу Никона из Старицы в Подмосковье (Горячева, 2002. С. 27; 35, прим. 21).

Если Михаило-Архангельский храм стал «каменоломней» уже в середине XVII в., то Никольская церковь в качестве безымянного культового сооружения была отмечена еще планом первой четверти XVIII в. (*Салимов, Салимова*, 2010. С. 71). Однако позже и она превратилась в заросший растительностью холм.

Впервые постройки рубежа XIV–XV вв. были раскопаны в 1903 г. под руководством членов Тверской ученой архивной комиссии А.П. Шебякина и И.П. Крылова в рамках работы Второго областного археологического съезда (*Шебякин, Крылов*, 1906. С. 447–464). Достаточно широко и, по сути дела, варварски они вскрыли остатки трех храмов (Архангельского, Никольского и Борисоглебского), каменную палату и небольшую, по всей видимости, хозяйственную постройку. К их статье был приложен сводный план раскопок (рис. 2), выполненный землемером Л. Петровым (Там же. С. 447), а в отчет помимо плана было помещено несколько фотографий (РО НА ИИМК РАН).

Выявленная раскопками 1903 г. Михаило-Архангельская церковь оказалась достаточно крупным (31 ½ × 24 арш. $-22,4 \times 17$ м) трехапсидным, четырехстолпным сооружением, сложенным из белокаменных блоков, лицевая

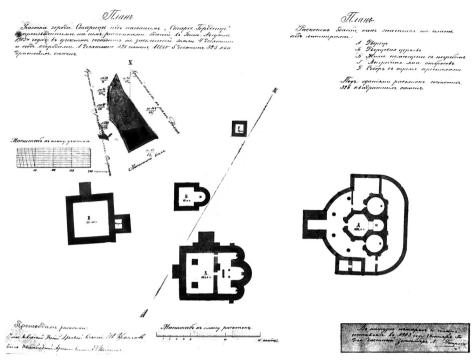

Рис. 2. Петров Л. План раскопок 1903 г. на Старом городище в Старице (по: *Шебякин, Крылов*, 1906. С. 447)

часть которых отличалась «чистотой», т.е. имела довольно хорошо обработанную поверхность.

В комплексе с восточными столбами исследователи раскрыли остатки алтарной преграды («внутренняя поперечная стенка») толщиной свыше 1 м. В ее структуре они выявили три дверных проема (ок. 1 м шириной), расположенных напротив каждой из апсид. Особое внимание Шебякин и Крылов уделили обнаруженному ими плиточному полу собора, состоящему из «ромбообразных кирпичей чернаго, краснаго и желтаго цветов» (Шебякин, Крылов, 1906. С. 447–449, 452, 453, 456).

Исследователям, работавшим на территории кремля в начале XX в., довелось иметь дело с руинированными остатками значительно лучшей сохранности, чем Н. Н. Воронину, изучавшему эти же сооружения в 1949 г. (рис. 3), поскольку оставленные в 1903 г. открытыми, «они разбирались местными жителями на материал, и, таким образом, исчезли не только детали, но и целые части зданий. Новый ущерб нанесли памятникам годы Великой Отечественной войны, когда вследствие различных разрытий особенно пострадал Архангельский собор» (Воронин, 1962. С. 377). Поэтому при рассмотрении этого памятника Воронин объединил результаты исследований 1903 и 1949 гг.

Детально познакомившийся с материалами И.П. Крылова и А.П. Шебякина, Н.Н. Воронин отметил крайне низкую методику раскопок 1903 г.

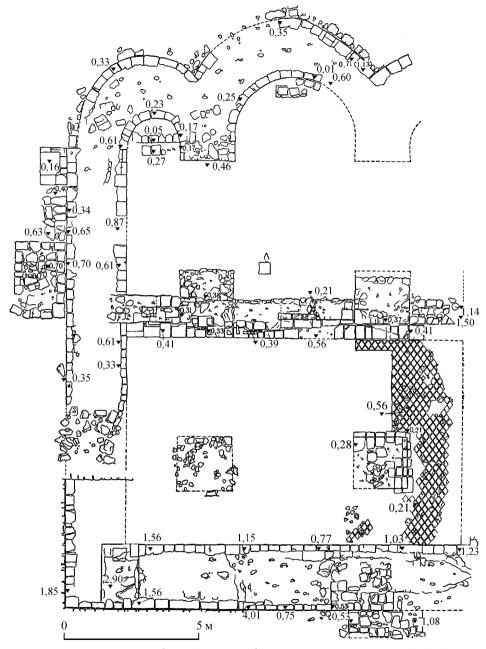

Рис. 3. Архангельский собор в Старице. Обмер 1949 г. (по: Воронин, 1962. С. 381)

и «очень невысокие исторические познания авторов о раскопанных ими памятниках». Любители древностей «даже не подозревали о наличии летописных сведений о строительстве в Старице XIV–XV вв. Открытый ими Архангельский собор И. П. Крылов считал "дворцом" князей Старицких или Ивана Грозного, а А. П. Шебякин — храмом XVI в. На датировку собора XVI в. повлияла находка на его стенах остатков фресок, изображавших завесы с "загадочными надписями", в которых видели сходство с грузинским шрифтом "хуцури". В связи с этим относили роспись, а с ней и собор, ко времени супружества Грозного с Марией Темрюковной, видя в Старице отражение "кавказских связей" этой поры» (Воронин, 1962. С. 376, 377).

После работ 1949 г. Н. Н. Воронин подчеркнул такую существенную особенность руинированных остатков Михайловского собора, а также расположенных на его территории и рядом с ним напластований, как отсутствие в их составе обломков кирпича. Он сделал вывод, что это была исключительно белокаменная постройка, сложенная в технике полубутовой кладки, где полость между наружной и внутренней верстами забучена обломками известняка и мелкого булыжника. Было отмечено, что блоки, входящие в лицевые плоскости, имеют хорошо отесанную поверхность. Правда, они разные по величине. Их длина колеблется от 20 до 54 см, высота от 16 до 42 см, а глубина от 20 до 47 см, поэтому в кладке блоки подчас подтесаны или подрублены.

Как в 1903, так и в 1949 г. было найдено несколько камней с фрагментами росписи, на одном из которых даже сохранился рисунок складок одежды, а также многочисленные кусочки фресок «пепельно-серого, серо-синего, розовато-коричневого, беловато-охристого, оливкового, светло-фиолетового, черно-серого и желтого тонов» (Воронин, 1962. С. 378, 383).

В значительной степени после 1903 г. от разборок пострадала юго-восточная часть храма. Так, например, в 1949 г. на месте южной апсиды, которая уже к началу XX в. была разрушена в большей степени (в этой части сохранился только фундамент), чем остальные две, Воронин обнаружил только котлован. Этот котлован во время Великой Отечественной войны связали ходом с блиндажом, устроенным между средней апсидой и восточными столбами. При создании блиндажа его стенки были обложены белокаменными блоками, выломанными из кладки храма. На одном из камней даже сохранился фрагмент фрески голубоватого тона.

Используя возникший после 1903 г. котлован, Воронин изучил здесь фундамент храма. Эта конструкция оказалась заложенной ниже уровня пола более чем на 2,5 м. «При этом фундамент не отличался по своей кладке от стены — он был также сложен в полубутовой технике с лицевыми стенками из тесаного камня; только блоки камня здесь были мощнее, равно как и забутка состояла из крупных рваных плит известняка с небольшой добавкой булыжника. Известь местами еще не затвердела и представляла сметанообразную массу» (Воронин, 1962. С. 377, 378).

Наиболее хорошо к началу раскопок под руководством Н. Н. Воронина сохранились остатки северной стены здания, точнее, ее восточной части, поскольку западная половина собора, да и срединная часть были разобраны

на достаточно значительную глубину. Поэтому в середине XX в. исчезло несколько прикладок, которые Воронин идентифицировал как базы лопаток. Сохранилась только лопатка у северо-восточного угла храма. Прикладка площадью 139×97 см, с хорошо обработанными вертикальными поверхностями, не была перевязана с основным объемом, тем не менее, исследователь предположил, что перевязь существовала, вероятно, выше (Там же. С. 382).

Рядом с алтарной преградой Н.Н. Воронин выявил несколько плиток пола, относящихся к первоначальному покрытию. Квадратные (12,5×12,5 см; 10,5×10,5 см), с желто-зеленой поливой плитки положили на известковом связующем прямо на белокаменное, вынесенное по отношению к предалтарной стенке, основание. При этом изначально квадратные поливные плитки не входили в настил наоса. Они размещались в алтаре и с запада перед преградой. А пол в основном пространстве для молящихся был выстлан белокаменными плитами.

В районе алтарной преграды, а также в западной половине южного нефа, выше майоликового пола на 18 см, Воронин обнаружил и более поздний пол (рис. 3), состоящий из ромбовидных неполивных плиток (сторона 18–19 см, длина 30 см, ширина 20 см, толщина 4,5 см) (Воронин, 1962. С. 380–386). Вероятно, именно об этом покрытии сообщали в начале XX в. А.П. Шебякин и И.П. Крылов. Правда, Н.Н. Воронин выяснил, что пол из ромбических плиток был уложен уже после разборки преграды. Его он застал лежащим «над кладкой простенка преграды». Этот факт дал основание исследователю высказать вполне убедительное предположение, что второй пол мог появиться в Архангельском храме в XVI в. в период строительства Борисоглебского собора (1558–1561 гг.) (Там же. С. 380–386). Этот вывод ученого получил подтверждение в начале XXI в., во время раскопок Борисоглебского храма, когда здесь было найдено немало ромбовидных плиток, а также небольшой участок пола in situ, выполненный из аналогичных плиток. В еще большей степени версию Воронина подтверждает факт обнаружения в 2005-2006 гг. в западной части Борисоглебского собора, в составе нивелировочной подсыпки, появившейся накануне строительства основного объема, довольно мощного слоя строительного мусора, насыщенного многочисленными фрагментами фресок. Эта монументальная живопись не относится к постройке 1558-1561 гг., и поэтому обнаруженные в составе нивелировочной подсыпки XVI в. фрески являются, по всей видимости, результатом реконструкции Михаило-Архангельского храма конца XIV в. Вероятно, накануне строительства Борисоглебского собора мог быть произведен капитальный ремонт постройки 1396–1398 гг., что повлекло за собой разборку алтарной преграды и еще какие-то строительные мероприятия, приведшие к уничтожению отдельных участков монументальной живописи начала XV в. В итоге строительный мусор, оставшийся после обновления древнего храма, стал частью нивелировочной подсыпки на территории нового собора. Заметим, что при исследовании в 2004–2006 гг. Борисоглебского храма середины XVI в. в строительном мусоре были найдены и квадратные плитки пола, близкие по характеру тем, что вошли в состав первоначального покрытия Михайловской церкви. Поэтому, как и фрески, они могут быть соотнесены с постройкой XIV в. (Салимов, Данилов, Салимова, 2012. С. 70, 73).

При изучении Архангельского храма Воронин обратил внимание на весьма любопытную техническую особенность фундаментной конструкции в разрушенных частях южной и западной стен — «обкладку фундамента с наружной стороны "рубашкой" в один ряд грубо обработанным камнем, слабо пролитым раствором». В отчете же он вообще указал на то, что «корсет» охватывает здание по всему периметру (*Воронин*, 1949. С. 30). Исследователь затруднился объяснить причину дополнительного укрепления «и без того очень мощного фундамента» (*Воронин*, 1962. С. 383, 385).

Другим не менее интересным предположением Н. Н. Воронина стало указание на возможное использование при строительстве Михаило-Архангельской церкви строительного материала от «какого-то более раннего и украшенного росписью здания». Так, например, в забутовке северной стены жертвенника был обнаружен дугообразной формы белокаменный блок, а в кладке стен удалось выявить «камни с подтесками и врубками, ненужными в данных местах кладки». Блоки с фрагментами фресок были найдены и в прикладке под лопатку западной стены. Аналогичные фрагменты росписи встретились в забутовке западной стены. В итоге Воронин предположил, «что в Старице до постройки в 1396–1398 гг. Архангельского собора был более ранний каменный храм (выделено Н. Н. Ворониным); может быть, это и была одноименная церковь Михаила Архангела, "погоревшая" в пожар 1395 года и разобранная для постройки новой». Далее исследователь высказал гипотезу, что среди десятка фундаментов, оставшихся, по свидетельству И.П. Крылова, после раскопок 1903 г. на территории древнего городища, возможно, есть как раз тот, что некогда относился к Михайловскому храму-предшественнику, выстроенному в XIV в. Воронин допускал его создание в 1360-е гг., связывая, вероятно, это событие с реконструкцией в 1366 г. оборонительных сооружений Старицкого кремля (Воронин, 1962. C. 385, 386, 442).

В 2012—2013 гг. во время нового архитектурно-археологического изучения памятника появилась возможность проверить версию Н. Н. Воронина². За эти годы удалось вскрыть восточную часть северной половины Архангельского храма, хотя внутри памятника раскоп дошел практически до северо-западного столба, а в северо-западной части раскопа были фрагментарно раскрыты конструкции, расположенные у западной половины северной стены основного объема церкви (рис. 4 на вклейке).

В ходе работ выяснилось, что наружная лицевая кладка стен сохранилась лишь в северо-восточной части храма. Это северная и отчасти центральная апсиды, а также небольшой отрезок северной стены основного объема. Хотя на близкую и даже более значительную высоту (до двух рядов) уцелела внутренняя верстовая кладка апсид. В еще большей степени сохранился забутовочный массив последних.

 $^{^2}$ Работы велись архитектурно-археологической экспедицией Тверского филиала Государственной академии славянской культуры при финансовой поддержке РГНФ (грант 12-04-00129).

Стены основного объема храма сложены исключительно из белого камня в полубутовой технике. Содержимое забутовки — это, как правило, грубооколотый белокаменный, некрупный по размеру бут, сложенный на известковом растворе.

Стеновые блоки в большинстве своем не отличаются четкой прямоугольной формой, поэтому ряды в кладке имеют слегка волнообразную поверхность. Нередко можно встретить блоки, где высота не только равна длине камня, но иногда превышает ее. Это отчетливо видно на примере центральной апсиды, где в нижнем стеновом ряду немало кубообразных блоков. Здесь же можно встретить подтески, нацеленные на придание горизонтальной поверхности следующему по высоте ряду. Блоки, входящие в лицевые плоскости, имеют достаточно хорошо отесанную поверхность. Их длина колеблется от 20 до 54 см, высота — от 16 до 42 см. Внутренний край блоков грубо околот. Сложены блоки на известково-песчаном связующем, которое в разных местах в большей или меньшей мере насыщено мелким песком.

С севера в забутовке северной апсиды был расчищен горизонтальный канал сечением 30×40 см, уходящий глубоко в кладку апсиды. Вероятно, это канал от выгнившей деревянной связи, которая была заведена в кладку на уровне нижнего стенового ряда.

По толщине стены центральной и северной апсид в целом равны. В срединной части она достигает 220-240 см, по краям — 210 см. Подобные колебания характерны и для северной стены. В восточной части, на стыке с апсидой, ее толщина равна 240 см, а западнее есть участок, где она составляет не более 215 см.

Особым элементом в структуре раскрытого памятника является алтарная преграда (рис. 5 на вклейке). Была раскрыта половина этой конструкции (7 м), расположенной в северной половине храма. В траншее, заложенной рядом с алтарной преградой, выявлен фундамент, однако связывать эту конструкцию с алтарной преградой, пожалуй, преждевременно. В большей мере этот фундамент (высотой 30–45 см) и лежащие на нем плиты (по западному краю алтарной преграды) могут быть соотнесены с солеей, а не с собственно алтарной преградой. Может быть, поэтому раскрытый с запада фундамент имеет небольшую глубину заложения. Очевидно, что лежащие по западному краю ленточной конструкции плиты не предназначались для несения алтарной преграды. Сама алтарная преграда находится на 50–60 см восточнее. В этом случае ширина ее фундаментной ленты становится равной 90–100 см, что вполне согласуется с подобными конструкциями, известными в других храмах.

Заметим, что при детальном изучении северо-восточного подкупольного столба выяснилось, что эта опора не встроена в алтарную преграду, а примыкает к ней с востока. Об этом свидетельствует шов между вышеупомянутыми конструкциями, обнаруженный в месте примыкания столба к алтарной преграде. Исследование же самого столба показали, что Н. Н. Воронин не раскрыл восточную треть подкупольной опоры, которая была на значительную глубину выбрана при устройстве во время войны блиндажа. В процесс исследований стало ясно, что с востока у столба отсутствует не только лицевая часть,

но и значительный участок забутовки. В итоге опора утратила с востока порядка 80-90 см своей кладки. Этот факт не был принят во внимание Ворониным, и северо-восточный столб на чертежах исследователя оказался не только смещен к востоку, но и «вмонтирован» в алтарную преграду так, что участки преграды стали примыкать к северной и южной плоскостям столба (рис. 3).

Аналогично Н. Н. Воронин «усек» межапсидную стенку, которая «потеряла» 150 см своей длины. Все это привело к тому, что и на обмерном чертеже (рис. 3), и на реконструкции в работе исследователя разрыв между восточными столбами и межапсидными стенками показан равным 4 м (рис. 6) (Воронин, 1962. С. 381, 441). На самом же деле это расстояние соответствовало 1,5 м. В итоге есть основание несколько скорректировать версию исследователя о чрезмерной смещенности подкупольного квадрата Архангельского собора в Старице к западу.

Отметим, что фундамент солеи лежит, по сути дела, на толстом слое строительного мусора, отложившегося во время строительства раскрытого нами храма. Ниже волнообразного по рисунку пласта строительного мусора идет выброс из фундаментных рвов и котлованов, который покоится на полу, сложенном из близких по площади к квадрату белокаменных плит (рис. 5). А поверх плит лежит тонкий пожарный слой, который, по всей видимости, следует связывать с пожаром 1395 г., во время которого сгорела церковь-предшественница храма, выстроенного в 1396—1398 гг. И поскольку во время раскопок не было найдено слоя разрушения той церкви, которой принадлежал этот белокаменный пол, есть основание утверждать, что в 1395 г. сгорел деревянный храм.

Строительство последнего можно было бы связать с городельческими мероприятиями Михаила Ярославича Тверского, т.е. с концом XIII в., но эту версию нельзя считать бесспорной по той причине, что пол лежит на толстом мешанном, скорее всего кладбищенском, слое. Следовательно, сгоревшая в 1395 г. церковь была поставлена на кладбище, которое сложилось при более

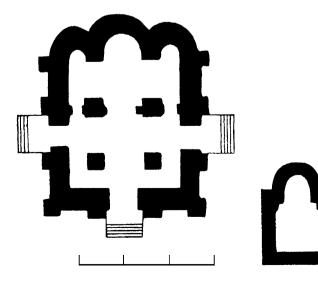

Рис. 6. Старица. Михайловский (1396— 1398 гг.) и Никольский (1404 г.) храмы. Реконструкция Н.Н. Воронина раннем храме. Том храме, который как раз и могли возвести около 1297 г. Если это так, то сооружение сгоревшей в 1395 г. постройки смещается в более позднее время. Например, в 1360-е гг., когда другой тверской князь — Михаил Александрович — занимался реконструкцией старицких укреплений.

Не исключена, правда, и иная гипотеза, допускающая существование на территории городища культового сооружения, выстроенного до 1297 г. Правда, кладбищенский слой мог быть связан с курганным могильником. Однако подтвердить или опровергнуть эти версии позволят только дальнейшие исследования.

В конце XIV в. плитяной пол, оставшийся от сгоревшего в 1395 г. храма, был обрублен с севера и отчасти с запада рвами и котлованами, откопанными перед закладкой фундаментов для нового каменного городского собора, строительство которого началось в 1396 г.

После вскрытия северо-восточной части Архангельского собора стало ясно, что белокаменная «рубашка», которую Воронин, по всей видимости, зафиксировал у всех стен храма, на самом деле является не однорядной прикладкой, а мощной белокаменной стенкой, которая только со стороны алтаря имела вынос около 2 м. С севера же ширина «обоймы» оказалась равной 350—390 см (рис. 4; 7). Основной массив этих кладок состоит из довольно крупных грубооколотых белокаменных блоков, лишь внешний край «обоймы» выложен блоками с относительно неплохо обработанной лицевой поверхностью, значительная часть которых была утрачена во время разборки храма. В отдельных местах поверх прикладки сохранились незначительные фрагменты известкового раствора, поэтому не исключено, что изначально верхний обрез «обоймы» был покрыт мощением.

Что касается датировки мощной белокаменной прикладки, то, учитывая наличие в составе «обоймы» фрагментов фресок (начала XV в.?), а в основании подошвы ее фундамента — деревянных свай, у нас есть основание связывать эту конструкцию с масштабными работами, проведенными на храме конца XIV в. в середине XVI в.

Пока сложно определиться с причинами, вызвавшими появление этой мощной обстройки. Первое и, вероятно, наиболее простое объяснение, напрашивающееся в таком случае, — это стремление укрепить начавший разрушаться храм. Однако в уцелевших стеновых конструкциях мы не увидим какихлибо деформаций, которые бы заставили принять такое решение. Поэтому допускаем, принимая во внимание значительный вынос прикладки, что это основание галереи (рис. 8), подобно той, что была устроена в 1560-е гг. у Благовещенского собора Московского кремля. И тогда «лопатку», обнаруженную у северо-восточного угла храма, не обязательно считать декоративным элементом постройки конца XIV в., поскольку она покоится на кладке XVI в. и, по сути дела, не вписывается в контекст архитектуры XIV в. своими размерами (148×97 см). В большей мере эта конструкция, а также, вероятно, другие подобные «лопатки», обнаруженные в 1903 и 1949 гг. у северной и других стен церкви, напоминают пилоны, несущие подпружные арки, устроенные в пространстве галереи.

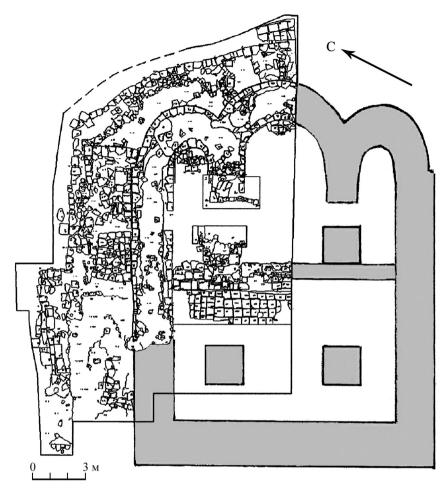
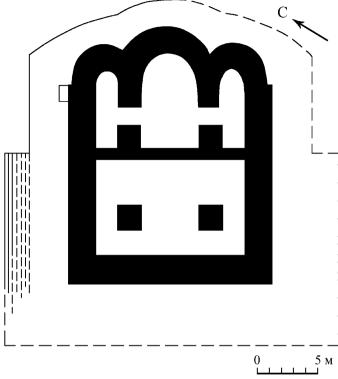

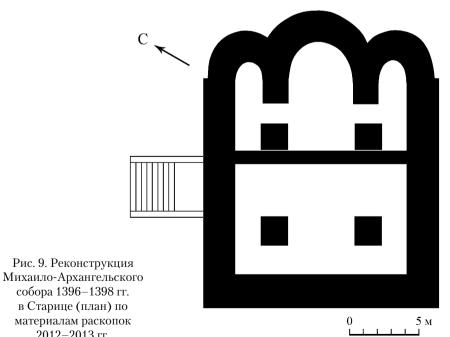
Рис. 7. Михайловский собор в Старице по материалам раскопок 2012-2013 гг.

Третье по счету раскрытие остатков старицкого Михаило-Архангельского собора подтвердило предложенную когда-то Н. Н. Ворониным датировку этого памятника — 1396—1398 гг. Тем не менее, следует внести некоторые коррективы в предложенную им реконструкцию плана здания. Очевидно, что нужно отказаться от варианта с достаточно большой алтарной частью и излишней смещенностью подкупольного квадрата к западу (рис. 9). В таком случае Михайловский храм конца XIVв. оказывается более органичен в контексте четырехстолпных построек Северо-Восточной Руси конца XIV — первой трети XVв., таких, к примеру, как собор Андроникова монастыря. Динамизм объемно-пространственной композиции московского памятника действительно мог быть свойствен старицкому храму. На такой облик, как наиболее предпочтительный, считал возможным ориентироваться Н. Н. Воронин, правда, он предлагал основным прототипом Михайловского храма в Старице считать

Рис. 8. Старица. Михайловский собор конца XIV в. с обстройкой середины XVI в. Реконструкция плана

2012-2013 гг.

тверской Спасо-Преображенский собор (Воронин, 1962. С. 386). Соглашаясь с концептуальной основой версии Воронина, отметим, что в деталях она требует корректировки, поскольку Михаило-Архангельский храм не имел цоколя «с широкими базами для настенных лопаток» (Там же). Обнаруженные «базы лопаток» принадлежали XVI в., что, вроде бы, вообще исключает вертикальные членения их фасадного декора. Однако наличие фрагмента незначительного по выносу полувала, что был зафиксирован в 1903 г. в состоянии in situ на остатках цокольной части здания (Там же. С. 380), позволяет, пока предварительно, предполагать и столь же скромные по облику лопатки. Они могли напоминать вертикальные членения более позднего тверского памятника церкви Рождества Богородицы в Городне. Хотя, принимая во внимание более изящную, нежели в Городне, архитектуру старицкого собора, можно предположить, что лопатки последнего были более качественно «прорисованы» на фасадах. В итоге, Михаило-Архангельский собор в Старице благодаря достаточно сдержанному декору может быть предварительно соотнесен с единственным сохранившимся культовым сооружением Тверского княжества церковью Рождества Богородицы в Городне первой половины XV в. И если такая особенность фасадного убранства была свойственна подавляющему большинству каменных храмов Верхневолжья, то тогда по своей стилистике региональное зодчество XIV-XV вв. может быть размещено в своеобразной «нише» между средневековыми архитектурными школами Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

Литература

Воронин Н.Н., 1949. Отчет о раскопках в Старице в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р. І. № 358.

Воронин Н.Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. М. Т. 2.

Горячева М.Ю., 2002. Отходная пустынь патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М.

Ильин М.А., 1980. Русское шатровое зодчество: Памятники середины XVI века. М.

История о первом патриархе Иове московском // РИБ. СПб., 1891. T. XIII.

Крылов И.П., 1914. Старица и ее достопримечательности. Старица.

Поссевино А., 1983. Исторические сочинения о России XVI в. М.

ПСРЛ, 1863 — Полное собрание русских летописей. СПб. Т. 15.

ПСРЛ, 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб. Т. 11.

ПСРЛ,1910 — Полное собрание русских летописей. СПб. Т. 20.

ПСРЛ, 1922 — Полное собрание русских летописей. Петроград. Т. 15.

ПСРЛ, 2001 — Полное собрание русских летописей. М. Т. 6. Вып. 2.

Салимов А.М., Салимова М.А., 2010. План города Старицы первой четверти XVIII века // Архитектурное наследство. М. Вып. 53.

Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., 2012. Старицкий Борисоглебский собор XVI века // Архитектурное наследство. М. Вып. 56.

Хворостова Е.Л., Галашевич А.А., 2001. Старицкая белокаменная палата XVI в. // Реставрация и исследования памятников культуры. М. Вып. IV.

Шебякин А.П., Крылов И.П., 1906. Раскопки в Старице // Тр. второго областного тверского АС. 1903 год. Тверь.

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

А.А. Егорейченко

Хронология ранних городищ Браславского Поозерья

A.A. Egoreichenko. Chronology of the early hillforts of Braslay's Poozerye

Abstract. Forts of mainly the hill type got spread in Braslav's Poozerye in the Late Bronze Age. The cultural layer of investigated hillforts contained strata of three archaeological cultures: the Dnieper-Dvina culture, the Early hatched pottery culture, and the Late hatched pottery culture. The material received allows to clarify the dating of the researched hillforts. The hillfort Tarilovo (Uklya) sprang up in the 1st millennium BC. The date is defined by a find of an iron buckle (fig. 2, 5), which was typical to the phase B2 in the Early Roman Iron Age (80-150 AD). The earliest date of hillfort Zazony is defined by a find of a bone pin (fig. 3, 7), which was an imitation of bronze pins belonging to Lusatian culture (1370–1150 BC). The bronze belt tip allows to attribute the last date of the hillfort to the phase B2-C1a (80-210 AD). The hillfort Ratjunki sprang up in the last quarter of the 2nd millennium BC. This date is based on the line of bronze and bone findings (figs. 3, 1-6, 8-17; 5, 1-3; 4). The last date is defined by a find of an iron buckle, which was typical for the phase B2 in the Early Roman Iron Age (80–160 AD). The settlement Podvarinka sprang up in the end of the 1st millennium BC and stopped its existence on the ground of a bimetal pin finding in the $2^{nd} - 3^{rd}$ centuries AD. The hillfort Nurvyany was established in the end of the 1st millennium BC. The terminal date was defined as the 2nd — 3rd centuries AD like in Podvarinka by a bimetal pin (fig. 2, 3) find.

Ключевые слова: Браславское Поозерье, городища, хронология, Тарилово, Зазоны, Ратюнки, Подваринка, Нурвяны.

Браславское Поозерье занимает северо-западную часть Беларуси. Для него характерны перемежающийся холмисто-равнинный рельеф, большое количество озер (свыше 200) и густая сеть преимущественно небольших рек. Начиная с эпохи поздней бронзы здесь получили распространение городища преимущественно холмового типа, реже — укрепленные поселения, расположенные на озовых грядах. В настоящее время в этом регионе известно 17 укрепленных поселений, локализованных преимущественно в северо-восточной части Браславщины (рис. 1).

Большая часть городищ этого региона известна еще с конца XIX в., сведения о них содержатся в археологических картах Ф. В. Покровского, подготовленных к IX и X Археологическим съездам (*Покровский*, 1893. С. 1–164; 1899. С. 1–161). Однако их раскопки вплоть до конца 1970-х гг. не проводились.

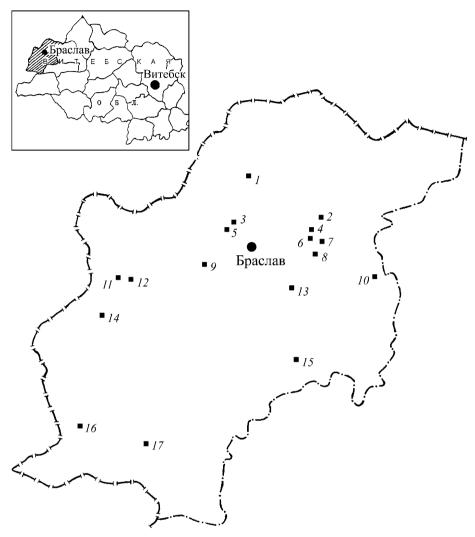

Рис. 1. Распространение городищ в Браславском Поозерье 1 — Лукши, 2 — Слободка, 3 — Пустошка, 4 — Масковичи, 5 — Зазоны, 6 — Шавуры, 7 — Ратюнки, 8 — Таоарлвщина, 9 — Майшули, 10 — Тарилово (Укля), 11 — Едагали, 12 — Жвирбли, 13 — Ахремовцы (Гурка), 14 — Нурвяны, 15 — Замошье, 16 — Подваринка, 17 — Богино

Начиная с 1992 г. целенаправленное изучение этих памятников ведет автор. За это время исследовано 4 городища. Как показали раскопки, большая часть их имеет напластования трех археологических культур: днепро-двинской, ранней и поздней культур штрихованной керамики. Лишь городище Зазоны не содержало отложений днепро-двинской культуры.

Многочисленный вещевой комплекс, обнаруженный на этих поселениях, позволяет не только охарактеризовать материальную культуру и хозяйственную деятельность населения, но и определить хронологические

рамки изученных городищ. Актуальность последнего вопроса определяется еще и тем, что в последние годы высказываются различные точки зрения, прежде всего относительно верхней хронологической границы поселений, имеющих штрихованную керамику. Так, А.М. Медведев настаивает на том, что практически все городища этой этнокультурной общности доживают до середины V в. н.э. (Медведев, 2011. С. 79). Иную позицию занимает А. Лухтанас. По его мнению, культура штрихованной керамики (поздней штрихованной керамики, по автору) прекращает свое существование уже в конце II — начале III в. н.э. (Лухтанас, 2001. С. 24). На близких позициях стоит и автор, с той лишь поправкой, что некоторые укрепленные поселения этой общности могли все же функционировать вплоть до конца IV — первой половины V в. н.э. (Егорейченко, 2006. С. 111). Учитывая подобные расхождения, есть смысл рассмотреть хронологические рамки городищ Браславского Поозерья.

Городище Тарилово (Укля) исследовалось в 1992–1994 гг. экспедицией Белгосуниверситета. Было изучено 120 м². В результате раскопок выяснено, что поселение основано носителями днепро-двинской культуры, а примерно на рубеже эр их сменили племена культуры поздней штрихованной керамики. К сожалению, дата возникновения городища из-за отсутствия узко датированных вещей в настоящее время неопределима. Находки каменных топоров, костяных кочедыков, проколок, амулетов позволяют лишь констатировать зарождение жизни на нем в І тыс. до н.э. Более определенно вырисовывается конечная дата этого поселения. Она определяется находкой круглой железной пряжки (рис. 2, 5). Подобные экземпляры были характерны для центральноевропейских культур фазы В2 раннеримского периода (80–150 гг. н.э.) (*Maduda-Legutko*, 1983. Tab. 1; 3).

Городище Зазоны изучалось в 1995—2000 гг. экспедицией Белгосуниверситета. За эти годы вскрыто 434 м² площадки поселения. Как уже отмечалось, это единственное «чистое» городище культур штрихованной керамики. Днепро-двинские материалы здесь не выявлены.

Начальную дату этого укрепленного поселения диагностирует костяная булавка с гвоздевидным навершием и ушком на игле (рис. 3, 7). Подобные изделия являются бесспорным подражанием бронзовым булавкам предлужицкой и лужицкой культур на территории Польши. Наиболее ранние экземпляры на коренной территории относятся к концу II-III периоду эпохи бронзы (1400-1200 гг. до н.э.), в соответствии с периодизацией Я. Домбровского. Однако они имеют очень большую, часто орнаментированную, шляпку. Более обоснованно связывать происхождение костяных булавок с бронзовыми лужицкой культуры, имеющими небольшую неорнаментированную шляпку и изогнутую иглу (Kłosińska, 1997. Ryc. 12). В III период эпохи бронзы (1370–1150 гг. до н.э.) они распространяются и в курганах Восточной Пруссии (*Šturms*, 1936. Taf. 15, *m*; 18, *c*; *Dąbrowski*, 1997. Ryc. 46, *b*), достигая в том числе ареала культуры ранней штрихованной керамики. Одна из таких классических бронзовых заколок обнаружена на Большом Наркунайском городище в Северо-Восточной Литве (Егорейченко, 2006. Табл. 38, 2). Таким образом, есть все основания относить костяные подражания лужицким булавкам

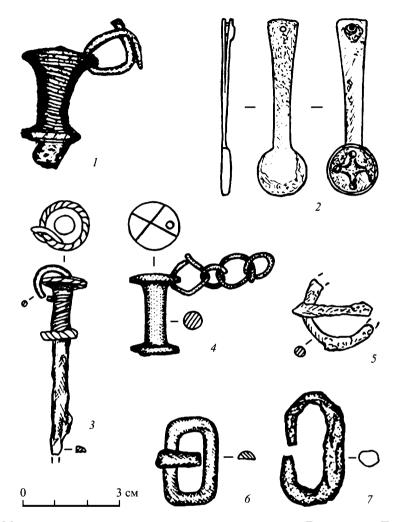

Рис. 2. Металлические украшения и детали одежды из городищ Браславского Поозерья 1- поселение Подваринка; 2- городище Зазоны; 3- городище Нурвяны; 4,6,7- городище Ратюнки; 5- городище Тарилово

к последней четверти II тыс. до н.э. Другие изделия из кости (наконечники стрел, гарпуны, орудия труда) Зазонского городища узких дат не имеют. Они были распространены на всем протяжении I тыс. до н.э.

Финальная дата этого укрепленного поселения определяется находкой уникального бронзового наконечника пояса с дисковидным навершием (рис. 2, 2). Экземпляры подобной формы часто встречаются в культурах провинциальноримского круга на территории Польши (пшеворская, вельбаркская, западнобалтийская) в фазах B2–C1a (80–210 гг. н.э.) (*Madyda*, 1977. S. 383; *Pietrzak*, 1997. Taf. LXXI, 5; LXXVII, 2; *Nowakowski*, 1998. Taf. 33, 174; *Godłowski*, 1992. Abb. 6, h; *Domański*, 1992. Abb. 5, j, k; 6, h; 2002. Tab. III, 5; *Skorupka*, 2001. Tab.

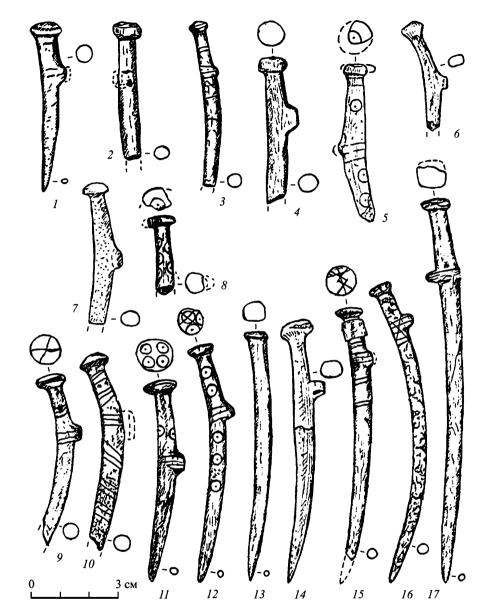

Рис. 3. Костяные булавки с грибовидным навершием 1–6, 8–17 — городище Ратюнки; 7 — городище Зазоны

65). Однако наконечник из Зазон отличается от них тем, что имеет в дисковидной части углубление в форме креста, концы которого завершались окружностями. В этом углублении прослеживались остатки эмали кирпичного цвета (рис. 2, 2). Как известно, изделия с эмалями были характерны для ряда культур второй четверти I тыс. н.э., в том числе и западнобалтийской, в которой

в основном встречаются подковообразные фибулы, типичные для фазы С1. На двух из них, происходящих из Барглува Дворного и Сарженая, имеются аналогичные крестовидные углубления с эмалями (*Okulicz*, 1973. Ryc. 201, *b*; *Michelbertas*, 1996. 1 раv.). Таким образом, зазонский наконечник пояса позволяет отнести угасание жизни на этом укрепленном поселении к началу — первой половине III в. н.э.

Городище Ратюнки. Первые раскопки на этом городище провела Л. В. Дучиц в 1978, 1979, 1981 гг. Ею были исследованы 252 м². В 2000–2007 гг. изучение памятника было продолжено экспедицией Белгосуниверситета. Общая изученная территория площадки поселения составила 1008 м². В результате раскопок выявлена последовательность смены культур. Так, основателями городища были носители днепро-двинской культуры, однако уже через непродолжительное время их сменяют племена культуры ранней штрихованной керамики. Именно с ними связана большая часть находок. В дальнейшем, в первых веках н. э., здесь проживали племена культуры поздней штрихованной керамики.

Время основания городища определяется рядом находок. В отличие от всех других исследовавшихся укрепленных поселений Браславского Поозерья, в Ратюнках имеются и изделия из бронзы, которые дают очень ранние даты. Одно из них — игла (рис. 4, 1), аналогии которой имеются в лужицкой культуре. Там сходные экземпляры относятся к фазе BB2—BC эпохи бронзы (1500—1300 гг. до н.э.), по Е. Клосиньской (Klosińska, 1997. Ryc. 12. Tab. XIV, 6; XVIII, 2). Еще одна находка представляет собой массивное кольцо с заходящими друг за друга концами (рис. 4, 2). На территории Польши подобные экземпляры имели длительное хождение: от 1600 до 600 г. до н.э. Однако большая часть подобных изделий имела максимум распространения в фазах BB2—BD эпохи бронзы (1500—1200 гг. до н.э.), по периодизации Е. Клосиньской. Большую серию на этом городище составляли костяные

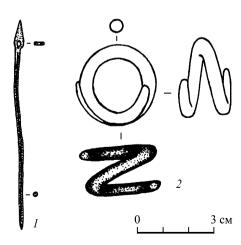

Рис. 4. Бронзовые изделия из городища Ратюнки

булавки с гвоздевидным навершием и ушком на игле (15). Часть из них орнаментирована циркульным и прочерченным орнаментом (рис. 3, 1-6, 8-17). Как уже отмечалось, в лужицкой культуре бронзовые прототипы имели хождение между 1370 и 1150 гг. до н.э. К числу ранних находок относится костяной наконечник втульчатого копья (рис. 5, 1). По-видимому, его прототипом послужили бронзовые копья предлужицкой и лужицкой культур, которые употреблялись между 1450 и 800 гг. до н.э. (Gedl, 1975. Tab. XIV, 6, 8; PZP, 1979. Ryc. 17, 6). Завершают серию ранних находок костяные сложнофигурные пуговицы (рис. 5, 2, 3). Нет никаких сомнений в том, что их прототипами послужили бронзовые застежки, которые известны в балтийском регионе в III-IV периодах эпохи бронзы (1370-900 гг. до н.э.). Ближайшим аналогом костяным поделкам из городища Ратюнки является бронзовая пуговица из кургана Алкникен в Калининградской обл. (Šturms, 1936. Taf. 14, g). По совокупности находок Я. Домбровский относил этот курган к III периоду эпохи бронзы (1370-1150 гг. до н.э.) (Dąbrowski, 1968. S. 107).

Заключительная фаза функционирования городища Ратюнки связана с носителями культуры поздней штрихованной керамики. Среди бесспорных находок этой этнокультурной группы имеется железная пряжка прямоугольной формы (рис. 2, 6) Подобные изделия характерны для пшеворской, вельбаркской и западнобалтийской культур фазы В2 (80-160 гг. н.э.). Вторая пряжка имела овальную форму с утолщенной передней частью (рис. 2, 7). Сходные экземпляры имели хождение в провинциальноримских культурах на территории Польши в фазе D эпохи великого переселения народов (350-450 гг. н.э.). Ранее я был скло-

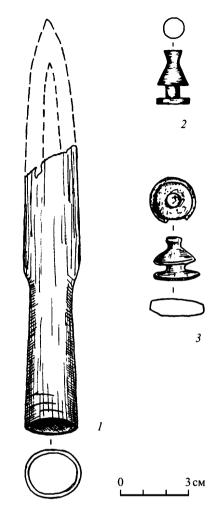

Рис. 5. Костяные изделия из городища Ратюнки

нен считать, что они связаны с носителями культуры поздней штрихованной керамики и диагностируют заключительную стадию этой общности (*Егорейченко*, 2006. С. 111). Однако в последнее время появляются определенные сомнения в правильности отнесения таких изделий к культуре поздней штрихованной керамики. Дело в том, что на селище Зазоны, исследованном мною в 1996—2000 гг., была обнаружена аналогичная пряжка. Материалов культуры поздней штрихованной керамики на этом поселении нет. И эта находка в числе прочих диагностировала его основание, связанное с балтской культурой конца IV — начала VII в. н.э. Аналогичные материалы выявлены и на городище Ратюнки, поэтому не факт, что овальная пряжка относится к культуре поздней штрихованной керамики.

Таким образом, вещевой комплекс городища Ратюнки дает возможность определить его хронологические рамки временем от второй половины II тыс. до н.э. до II в. н.э.

Поселение Подваринка занимало южную часть длинной озовой гряды. В 2009–2011 гг. исследовалось экспедицией Белгосуниверситета. Изучено 260 м². В результате раскопок выяснено, что поселение было основано носителями днепро-двинской культуры, но в основном использовалось носителями культуры поздней штрихованной керамики. Так, обломки ребристых горшков, принадлежавших этой культуре, составляли 73% от общего числа фрагментов посуды. Учитывая незначительность культурного слоя (до 0,3 м) и разновременный характер находок, можно предполагать, что это было убежище.

Что касается хронологии памятника, то наиболее проблемным является вопрос о его возникновении. Время основания первоначального поселка по имеющимся материалам пока не может быть точно определено ввиду отсутствия узко датированных вещей. Вместе с тем, ряд каменных и костяных находок позволяет предположить, что он был основан в конце I тыс. до н.э., возможно, носителями днепро-двинской культуры. Основной период функционирования поселения связан с племенами культуры поздней штрихованной керамики и датируется I—III вв. н.э. Конечная дата определена по бронзовой катушкообразной головке с прикрепленным к ней кольцом от биметаллической булавки (рис. 2, 1). Ближайшие аналогии этой находке имеются на городищах Восточной Литвы, где они датируются II—III вв. н.э. (LAA, 1978. Р. 69—71). Основная концентрация таких находок наблюдается в Центральной Литве, что свидетельствует о принадлежности их к костюму западных балтов (LAA, 1978. 41 раv.). Таким образом, поселение функционировало в конце I тыс. до н.э. — III в. н.э.

Городище Нурвяны. Сведения об этом укрепленном поселении впервые были введены в научный оборот в 1899 г. Ф. В. Покровским. В настоящее время оно не существует, поскольку почти целиком уничтожено карьером. Тем не менее, местным краеведам удалось собрать представительную коллекцию находок, позволяющих сделать определенные выводы о культурной принадлежности поселения и его хронологии. Вещевой комплекс показывает, что городище принадлежало носителям культур штрихованной керамики. Находки каменных сверленых и клиновидных топоров, костяных проколок, долота, при незначительном количестве ранней посуды, позволяют предположить, что укрепленное поселение было основано в конце I тыс. до н.э. Основной период его функционирования приходится на первые века н.э. и связан с носителями культуры поздней штрихованной керамики. Как и в Подваринке, его верхнюю границу определяет бронзовое катушкообразное навершие биметаллической булавки II—III вв. н.э. (рис. 2, 3).

Рассмотренные материалы показывают, что ранние городища Браславского Поозерья прошли длительный путь развития. Основанные большей частью в эпоху поздней бронзы, они завершают свое функционирование в поздний римский период, возможно, и в эпоху великого переселения народов.

Литература

Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.

Лухтанас А., 2001. К вопросу об исчезновении культуры штрихованной керамики в бассейне Нерис (городища и селища в Кярнаве) // Archaeologia Lituana. Vilnius.

Медведев А.М., 2011. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск.

Покровский Ф.В., 1893. Археологическая карта Виленской губернии // Тр. Виленского отд. Московского предварительного ком. по устройству в Вильно IX АС. Вильна.

Покровский Ф.В., 1899. Археологическая карта Ковенской губернии // Тр. X АС. Рига. Т. II.

Dąbrowski J., 1968. Zabytki metalowe epoki brązu między dolną Wislą a Niemnem. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Dąbrowski J., 1997. Epoka brązu w polnocno-wschodniej Polsce. Białystok.

Domański G., 1992. Die Frage des Zeithorizonts der Markomannen kriege in Barbaricum // Problem der relativen und absoluten chronologie ab Latènezeit. Kraków.

Domański G., 2002. Cmentarzysko w Bieczu, gm. Brody, pow. Żary // Varia Barbarica: Zenoni Wozniak ab amicis dicata. Warszawa; Lublin.

Gedl M., 1975. Kultura przedłużycka. Kraków.

Godłowski K., 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaizerzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit. Kraków.

Kłosińska E., 1997. Starszy okres epoki brązu w dorzeczu Warty. Wrocław.

LAA — Lietuvos TSR archeologijos atlasas. 5 t. Vilnius, 1978.

 $\it Madyda~R.$, 1977. Sprązki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // Materialy starozytne i wczesnośredniowieczne . Warszawa. T. IV.

Madyda-Legutko R., 1983. Metałowe cześci pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich // Wiadomości Archeologiczne. T. XI–XIII, Z. 1.

Michelbertas M., 1996. Centriné Lietuva — romeniškojo leikotarpio emaliutų dirbinių gamibos // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius.

Okulicz I., 1973. Pradzieje ziem pruskich od póżnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław.

Nowakowski W., 1998. Die funde der römischen Kaizerzeit und der völkerwanderungszeit in Mazuren. Berlin.

Pietrzak M., 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie — und Wielbark — Kultur in Ostpommern. Kraków.

PZP — Prahistoria ziem polskich. Wrocław, 1979. T. IV: Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego.

Skorupka T., 2001. Kowalewko 12 – cmentarzysko birytualne ludności kultury wielbarskiej (od połowy I w. n. e. do początku III w. n. e.) // System Gazociągów Tranzytowych Eu-RoPol Gaz. Poznan.

Šturms E., 1936. Die ältere Bronzezeit im Ostbalticum. Berlin.

Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений)

B. S. Korotkevich, M. V. Sablin. The fauna of the Anashkino hillfort (dynamics of cultural and historical changes)

Abstract. Archaeological excavations of the early Iron Age hillfort situated at the village Anashkino are accompanied by numerous finds of osteological remains of animals, birds and fish. The 1999–2006 excavation materials had been examined in accordance with their binding to the six cultural layers of the early Iron Age: the $2^{\rm nd}-1^{\rm st}$ cc. BC (layer 1), the $4^{\rm th}-3^{\rm rd}$ cc. BC (layer 2), $8^{\rm th}-5^{\rm th}$ cc. BC (layer 3), early horizon (layer 4), a layer of brown sand with charcoal (layer 5), the buried soil with large holes (layer 6). The horizon of the $9^{\rm th}-10^{\rm th}$ cc. is not considered in the article. During the study of faunal remains species material definition for 301 objects was carried out. The main source of raw materials in all horizons are large ungulates, with a clear preference for elk. Species composition changes and morphology of bone tools observation alongside with changes in the ratio of food skeletal remains indicate fundamental changes that occurred in the $2^{\rm nd}-1^{\rm st}$ cc. BC.

Ключевые слова: ранний железный век, городище, фауна.

Археологические исследования на городище раннего железного века против д. Анашкино (городище Анашкино) сопровождаются многочисленными находками костных остатков животных, птиц и рыб. Ранее были опубликованы результаты определений костей из раскопок 1999—2006 гг. Эти определения позволили сделать ряд выводов относительно изменений в хозяйственной деятельности обитателей городища в разные периоды его использования (Короткевич, Саблин, Сыромятникова, 2010). Городище Анашкино — многослойный памятник, содержащий культурные наслоения разных периодов. Материалы раскопок 1999—2006 гг. были рассмотрены в соответствии с их привязкой к трем выделенным на тот момент культурным слоям — II—I вв. до н. э. (слой 1), IV—III вв. до н. э. (слой 2) и первой половины I тыс. до н. э. (слой 3), — соответствующим трем периодам использования памятника. Итоговые выводы этого исследования сводятся к следующему.

Практически неизменно во всех горизонтах культурного слоя городища остатки диких животных преобладают над костями домашних. Вероятно, мясо бобра, зайца, медведя употреблялось в пищу наряду с мясом диких и домашних копытных. Нужно отметить, что охота ради пушнины велась преимущественно на куницу и бобра. В слое 1 к ним добавляется заяц. Более половины костей овец и коров принадлежало молодым особям, забитым на мясо. Все кости лошади, напротив, принадлежали взрослым животным, что указывает

на использование лошадей в качестве рабочего животного. Обращает на себя внимание крайне малое количество костей свиньи. Большой удельный вес охоты, особенно пушного промысла, и рыболовства, а также немногочисленность дикой и домашней свиньи являются локальными особенностями производящего хозяйства Анашкино и близких по культуре поселений Подгай, Михайловское, Городок. От 3 к 1 слою хорошо прослеживается постепенное снижение потребления рыбы, уменьшение добычи бобра, куницы, выдры, лося и, наоборот, увеличивается добыча зайца, лисицы. Параллельно от 3 к 1 слою увеличивается относительное количество костей овцы по сравнению с коровой. Такая эволюция фаунистического комплекса указывает на постепенную аридизацию местности, связанную с очередной регрессией уровня воды в водоемах юга Псковской области в конце раннего железного века, на рубеже климатических периодов Sa-1 и Sa-2.

Продолжение исследований на памятнике в последующие годы позволило внести значительные коррективы в представления о стратиграфии культурных напластований (*Короткевич*, 2013). В результате, условный слой 3 разделился на несколько культурно-хронологических периодов: горизонт оборонительной стены (верхний уровень нижнего слоя коричневого песка — слой 3 в настоящей статье), ранний горизонт (нижний уровень нижнего слоя коричневого песка — слой 4), слой коричневого песка с угольками (слой 5), погребенная почва (предматерик) с большими ямами. Слои IV–III вв. до н.э. и II–I вв. до н.э. остались неизменными. Кроме того, в ходе последних работ удалось зафиксировать слой селища IX–X вв. н.э. Связанные с ним материалы выделены в отдельную группу, не рассматриваемую в настоящей статье. Определение фаунистических остатков с привязкой к вновь выделенным горизонтам позволяет проследить более подробную динамику развития хозяйства населения городища (табл. 1).

Как видно из приведенных графиков (рис. 1), преобладание костей диких животных во всех горизонтах, кроме средневекового, связано с большим количеством пушных зверей — бобра и куницы. Однако если сравнивать количество костей «мясных» видов (лося, кабана, крупного и мелкого рогатого скота), то некоторое незначительное преобладание диких над домашними прослеживается только в ранних горизонтах — погребенной почвы и коричневого песка с угольками. Во всех более поздних слоях соотношение между дикими и домашними резко меняется в пользу домашних. Только в слое мастерской II—I вв. до н. э. наблюдается всплеск находок костей лося, что может быть связано с использованием их в качестве поделочного материала (об этом см. ниже).

Сделанные ранее выводы относительно соотношения количества костей разных видов домашних животных в свете новых исследований практически не изменились. Кости домашней свиньи встречены только в средневековом комплексе. Подтверждается изменение в соотношении костных остатков крупного и мелкого рогатого скота в пользу последнего в горизонте мастерской. В отношении диких животных динамика изменений соотношения видов несколько отличается от определенной ранее. Так, в материалах 2009—2011 гг. не наблюдается резкого увеличения количества костей зайца в верхнем

Таблица 1

Фауна городища Анашкино по материалам раскопок 2009-2011 гг.

Bux Marepu- konse and scrinte Поребениая пособ Коричневый пособ Коричневый пособ Сособ Кости кости Сособ Кости пособ Порисовительный постоб Кости гособ		•					•	•									
coofe кости сооби сооби <th< th=""><th>Вид</th><th>Матковыс</th><th>ери-</th><th>Погре</th><th>бенная</th><th>Коричн пес с уголь</th><th>невый ок ками</th><th>Рані</th><th>ний 30нт</th><th>Гори: сте: VIII— до н</th><th>зонт ны V вв.</th><th>Гори двухк ных по IV-Ш</th><th>зонт амер- строек I вв. г. э.</th><th>Горизонт мастерской II–I вв. до н. э.</th><th>зонт рской вв. до э.</th><th>Средне- вековый горизонт IX-X вв. н. э.</th><th>џне- вый зонт 7 вв. Э.</th></th<>	Вид	Матковыс	ери-	Погре	бенная	Коричн пес с уголь	невый ок ками	Рані	ний 30нт	Гори: сте: VIII— до н	зонт ны V вв.	Гори двухк ных по IV-Ш	зонт амер- строек I вв. г. э.	Горизонт мастерской II–I вв. до н. э.	зонт рской вв. до э.	Средне- вековый горизонт IX-X вв. н. э.	џне- вый зонт 7 вв. Э.
13 42 2 20 6 102 5 103 5 30 4 76 76 1 <td< th=""><th></th><th>особи</th><th></th><th>особи</th><th>_</th><th></th><th></th><th>особи</th><th>кости</th><th>особи</th><th>кости</th><th>особи</th><th>кости</th><th>особи</th><th>кости</th><th>особи</th><th>кости</th></td<>		особи		особи	_			особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости
torius) Lovius) Lov	Boóp (Castor fiber)	3	42	2	20	9	102	5	103	5	30	4	92	2	22	1	8
torius) 1 1 1 2 23 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 1 1 2 1 2 1 1 1 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 4 2 1 4 2 1 3 1 1 1 1 3 1 3 1 3 1 4 2 1 3 1 4 2 1 3 1 4 1 1 3 1 4 1 3 1 4 1 3 1 4 1 3 1 4 1 4 1 3 1 4 1 3 1 4 1 3 1 4 1 4 1 4<	Заяц (Lepus timidus)			1	8	1	2	1	9	1	1	1	3	1	2		
torius) 2 13 2 9 6 33 8 132 4 97 4 21 2 13 2 9 6 33 8 132 4 97 4 21 1 5 1 1 1 1 3 1 3 1 3 1 3 1 3 1 1 1 1 1	Лисица (Vulpes vulpes)					1	1	2	23	1	2	1	2			1	5
2 13 2 9 6 33 8 132 4 97 4 21 1 5 1 1 1 6 2 10 10 1 1 2 1 5 1 1 1 1 3 1 1 1 1 2 2 10 1 3 1 1 1 3 1 1 1 1	Черный хорек (Mustela putorius)					1	1										
mestical 1 6 2 10 1 2 1 5 1 1 3 1 3 1 1 1 1 2 4 1 1 1 3 1	Куница (Martes martes)	2	13	2	6	9	33	8	132	4	97	4	21	1	2	1	6
amiliaris) 1 5 1 1 3 1 3 1 1 3 1 1 3 1 1 1 3 1 1 3 1 1 3 1 1 1 3 1 1 3 1 1 3 1 1 3 1 3 1 3 1 3 1 4 3 1 4 1 3 1 4 3 1 4 1 3 1 4 1 1 1 1 1 1 4 1 1 4 1 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4	Выдра (<i>Lutra lutra</i>)					1	9	2	10			1	2	1	2		
amiliaris) 1 3 1 3 1 2 13 2 19 1 3 1 2 1 2 13 2 19 1 3 1 2 1 2 13 1 2 1 4 1 1 1 1 2 1 4 1 1 1 1 1 2 1 4 1 1 4 1 2 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 2 1 4 1 4 1 2 1 4 1 4 1 2 1 4 1 4 1 4 1 2 1 4 1 2 3 4 3 3 3 3 3 4 3 3 4 3 4 4	Медведь (Ursus arctos)	1	5	1	1	1	3	1	3	1	1	1	2				
ameliaris) 1 6 1 1 2 13 2 19 1 3 1 2 familiaris) 8 69 8 43 21 174 23 321 14 150 14 113 familiaris) 1 1 1 1 1 1 2 1 4 113 1 2 1 4 113 1 4 1 1 4 1 1 4 1 1 4 1 1 4 1 4 1 4 1 4 1 2 1 4 1 2 1 4 1 4 1 4 1 4 1 2 3 8 4 8 4 3 2 2 3 2 2 3 8 4 8 2 3 4 1 1 1 1 1 1 <t< td=""><td>Pucb (Lynx lynx)</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td>1</td><td>3</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></t<>	Pucb (Lynx lynx)							1	3								
amiliaris) 4 2 13 1 22 1 16 1 5 amiliaris) 8 69 8 43 21 174 23 321 14 150 14 113 amiliaris) 1 1 1 1 1 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 4 1 1 4 1 2 1 4 1 1 4 1 2 2 8 4 82 2 23 2 2 2 8 5 43 2 2 2 2 2 4 8 5 4 9 6 6 6 6 6 5 8 4 8 1 1 1 1 1 1	Kaбaн (Sus scrofa)	1	9	1	1	2	13	2	19	1	3	1	2				
amiliaris) 8 43 21 174 23 321 14 150 14 113 amiliaris) 1 1 1 1 1 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 2 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 4 1 2 4 8 2 3 3 2 2 3 3 4 4 1 2 4 4 3 4 4 3 4 <	Лось (Alces alces)	1	3	1	4	2	13	1	22	1	16	1	5	1	10	1	13
amiliaris) 1 1 1 1 5 1 3 1 2 1 2 mestica) 1 1 1 1 4 1 1 4 1 2 runs) 1 3 1 4 2 8 4 82 2 37 2 32 e 3 8 4 9 6 25 11 139 6 6 58 e 3 8 4 9 6 25 11 139 6 6 58 e 3 8 4 9 6 25 11 139 6 6 58 e 1 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 1 f 1 1 3 450 20 480 940 940	Всего дикие животные	8	69	8	43	21	174	23	321	14	150	14	113	6	38	4	32
mestica) 1 1 1 4 1 1 4 1 2 arus) 1 3 1 4 2 8 4 82 2 37 2 32 e 3 4 1 2 8 5 43 2 23 2 22 e 3 8 4 9 6 25 11 139 6 66 6 58 e 1 7 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 1 f 1 7 1 34 450 2050 480 940 7 1 1 4				1	1	1	2	1	3	1	2	1	2			1	3
mestica) 1 3 1 4 2 8 4 82 2 37 2 32 ce 3 4 1 2 2 8 5 43 2 23 2 22 e 3 8 4 9 6 25 11 139 6 66 6 58 1 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 17 1 3 450 2050 480 940 2 1 1 2 2 2 3 2	Лошадь (Equus caballus)	1	1	1	2	1	4	1	11	1	4	1	2	1	1	1	2
us) 1 3 1 4 2 8 4 82 2 37 2 32 appa hircus) 1 4 1 2 2 8 5 43 2 23 2 22 appa hircus) 3 8 4 9 6 25 11 139 6 66 6 58 1 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 17 1 21 34 450 2050 480 940 1 3 450 5 480 940	Свинья домашняя (Sus domestica)															2	2
Agna hircus) 1 4 1 2 2 8 5 43 2 23 2 22 3 8 4 9 6 25 11 139 6 66 6 58 58 11 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 1 1 21 34 450 2050 480 940 20	Корова домашняя (Bostaurus)	1	3	_	4	2	∞	4	82	2	37	2	32	2	9	1	13
3 8 4 9 6 25 11 139 6 66 6 58 58 11 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 171 1 21 34 450 2050 480 940 940 1 1 5 5 2 2 2 2	Коза или овца (Ovis aries/ Capra hircus)	1	4	_	2	2	∞	rC	43	2	23	2	22	2	15	1	3
11 77 12 52 27 199 34 460 20 216 20 21 34 450 2050 480 1 3 450 5	Всего домашние животные	3	8	4	6	9	25	11	139	9	99	9	28	5	22	6	23
21 34 450 2050 480 1 1 5 80	Всего млекопитающих	11	77	12	52	27	199	34	460	20	216	20	171	11	9	10	75
1	Всего рыб		21		34		450		2050		480		940		31		1
	Всего птиц		1						5				2				
Неопределимые крупные фрагменты 66 41 81 360 130 230	Неопределимые крупные фрагменты		99		41		81		360		130		230		53		81
Неопределимые мелкие фрагменты 176 105 476 1390 498 540	Неопределимые мелкие фрагменты		176		105		476		1390		498		540		143		94
Всего неопределимых фрагментов 242 146 557 1750 628 770	Всего неопределимых фрагментов		242		146		257		1750		628		770		196		175

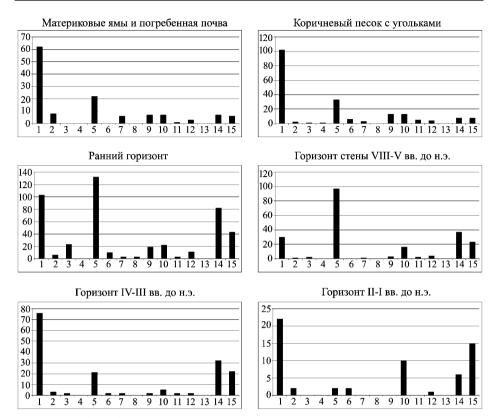

Рис. 1. Графики распределения видов по археологическим горизонтам 1-6обр; 2- заяц; 3- лисица; 4- черный хорек; 5- куница; 6- выдра; 7- медведь; 8- рысь; 9- кабан; 10- лось; 11- собака домашняя; 12- лошадь; 13- свинья домашняя; 14- корова домашняя; 15- коза или овца. По оси ординат отложено количество костей.

горизонте раннего железного века. Количество зайца в целом остается стабильным во всех слоях. Зато наблюдается отчетливая динамика в изменении доли кабана в составе фаунистических остатков. Во всех ранних слоях кабан присутствует в костных остатках наравне с лосем. Однако в горизонте мастерской его костей не найдено. В связи с этим, очевидно, нельзя говорить о религиозном запрете на употребление свинины до конца I тыс. до н. э. Скорее, в этот период отсутствие домашней свиньи связано с нецелесообразностью ее разведения или с отсутствием соответствующих навыков в культуре населения. Отсутствие костей кабана в горизонте II—I вв. до н. э. может быть также объяснено и сокращением или полным исчезновением популяции этого вида в регионе.

Интересна смена соотношения количества костей пушных зверей — бобра и куницы. В самых нижних горизонтах — погребенной почве и коричневом песке с угольками — наблюдается явное преимущество костей бобра. В последующих горизонтах, соотносящихся с нижним слоем коричневого песка, картина меняется на противоположную — куницы добывается больше. В слоях IV—I вв. до н.э. бобр снова выходит на первое место. Эти изменения могут

быть объяснены как сугубо субъективными предпочтениями населения в различные периоды, так и изменениями размеров популяций обоих видов.

Кость и рог во всех периодах существования городища использовались в качестве материала для изготовления различных орудий, предметов вооружения, украшений. В ходе изучения фаунистических остатков были проведены видовые определения материала для изготовления 301 предмета (изделий и заготовок) из кости и рога, происходящих из раскопок 1969 (раскопки Р.С. Минасяна) и 1991–2009 гг. Поскольку в процессе изготовления вещей были утрачены определяющие признаки, в 80 случаях оказалось невозможным определить видовую принадлежность использовавшихся в качестве сырья костей. Однако те случаи, когда это было возможно, позволяют сделать некоторые выводы, имеющие культурно-хронологическое значение. Большинство найденных изделий из кости и рога происходят из верхних горизонтов культурного слоя: сгоревшей стены, двухкамерных построек и мастерской (табл. 2). Основным источником сырья во всех горизонтах служат кость и рог крупных копытных. При этом явное предпочтение отдается лосю. Только в горизонте мастерской начинают использоваться кости мелкого рогатого скота. Для этого же периода характерно распространение изделий из птичьих костей:

 $Ta\, 6\pi\, u\, u\, a\, 2$ Использование кости и рога разных животных в качестве производственного сырья по слоям

Вид	Коричне- вый песок с уголь- ками	Ранний горизонт	Горизонт стены VIII-V вв. до н.э.	Горизонт двух- камерных построек IV- III вв. до н.э.	Горизонт мастерской II-I вв. до н. э.
Бобр (Castor fiber)				2	1
Заяц (Lepus timidus)					2
Лисица (Vulpes vulpes)					1
Черный хорек (Mustela putorius)	1			1	
Медведь (Ursus arctos)				4	2
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)					1
Kaбaн (Sus scrofa)	1		1		
Лось (Alces alces)	3	2	11	34	8
Всего дикие животные	5	2	12	41	15
Лошадь (Equus caballus)					1
Свинья домашняя (Sus domestica)					
Корова домашняя (Bos taurus)	1			2	2
Коза или овца (Ovis aries/ Capra hircus)			1	10	18
Всего домашние животные	1		1	12	21
Крупное копытное	1	4	25	23	11
Всего млекопитающих	7	6	38	76	47
Всего рыб			1	2	1
Всего птиц		1		7	7
Неопределимые	6		8	36	28

дудочек и пронизок. Возвращаясь к ранее сказанному, заметим, что для горизонта мастерской отмечается резкий рост доли костей лося в фаунистических остатках. Этот факт косвенно может свидетельствовать о производственном назначении памятника в этот период. Кости лося в данном случае присутствуют в качестве производственного сырья, а не пищевых остатков.

Так как трасологический анализ изделий из кости пока не произведен, преждевременно было бы с уверенностью говорить о функциональном назначении каждого предмета. Однако в тех случаях, когда оно бесспорно, также можно сделать ряд наблюдений (табл. 3). Основным материалом для изготовления рукояток ножей служил лосиный рог (рис. 2, 1–3). Несмотря на изменения в морфологии изделий, эта закономерность остается неизменной для всех культурно-хронологических горизонтов. Боковая метаподия лося использовалась в качестве остроконечного орудия (рис. 3, 7). Из костей крупных копытных, вероятнее всего лося, изготавливались гарпуны и наконечники стрел (рис. 3, 1–6). Ребра и лопатки лося использовались для изготовления крупных орудий с острым рабочим краем — стругов или скобелей (рис. 4). Из лосиного рога иногда изготавливали так называемые «грузики дьякова типа», характерные для горизонта II—I вв. до н.э. (рис. 2, 4).

Кости мелкого рогатого скота используются только в верхнем слое раннего железного века, в том числе для изготовления украшений — пронизок (рис. 2, 5). Основное же использование костных остатков овцы и козы связано, скорее всего, с металлургическим производством. Добавление в шихту

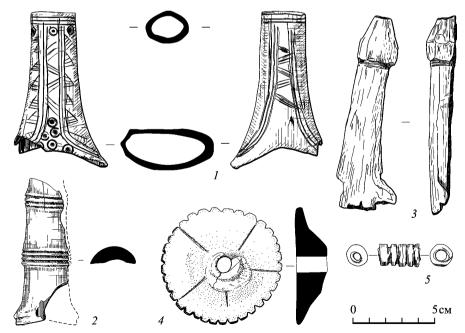

Рис. 2. Рукоятки ножей (1-3), «грузик дьякова типа» (4) и рифленая пронизка-трубочка (5) (1-4- por; 5- кость)

 ${\it Ta6\pi uua~3}$ Фаунистические определения сырья для изготовления изделий из кости и рога

Слой	Вид	Часть скелета	Название
	бобр	головка бедренной кости	эпифиз кости с отверстием
		дистальный эпифиз плечевой кости	фрагмент орудия с ушком
	заяц	фрагмент диафиза большой берцовой кости	фрагмент дудочки
		фрагмент диафиза метаподии	заготовка трубки
	корова	фрагмент диафиза метаподии	обломок овальной рукоятки, орнаментированной точками
	крупная хищная птица	когтевая фаланга	кость с отверстием
		фрагмент лопатки	струг
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	заготовка рукоятки
		фрагмент лопатки	лощило
	крупное копытное	фрагмент ребра	орудие (лощило)
		фрагмент ребра	лощило
		фрагмент ребра	лощило
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок заготовки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок кости со следами обработки и использования
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок кости со следами обработки и использования
1		фрагмент диафиза трубчатой кости	пластина с зубцами (шпатель или штамп гончара)
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок обработанной кости с зубцами
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок черешка наконечника стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	скол с зуба животного (обломок эмали?)
		фрагмент подъязычной кости	трапециевидная пластина
	лисица	метаподия	пронизка с рифленой поверхностью
		фрагмент рога	обломок рукоятки с врезным орнаментом
		фрагмент редуцированной боковой метаподии	обломок гарпуна
		фрагмент рога	обломок грузика «дьякова типа»
		редуцированная боковая метаподия	изделие (проколка)
	лось	редуцированная боковая метаподия	острие
	ЛОСЬ	копытная фаланга	острие
		фрагмент метаподии	струг
		фрагмент метаподии	обломок кости со следами использования
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент редуцированной боковой метаподии	обломок проколки
	пошат	резец	зуб с просверленным отверстием
	лошадь	грифельная	обломок (навершие) острия

Продолжение табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
		фрагмент клыка	подвеска
	медведь	боковой резец	клык животного с просверленным отверстием
		фрагмент большой берцовой кости	кость с обрезанным концом
		фрагмент метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза метаподии	пронизка
		фрагмент диафиза метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза метаподии	кость со следами обработки
		проксимальный эпифиз большой берцовой кости	кость со следами обработки
		фрагмент проксимального эпифиза метаподии	кость со следами обработки
		проксимальный эпифиз задней метаподии	кость со следами обработки
	овца	проксимальный эпифиз задней метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза метаподии	фрагмент обработанной кости (сопло?)
		фрагмент локтевой кости	обломок (навершие) острия
		фрагмент метаподии	заготовка изделия
1		фрагмент метаподии ?	орнаментированная кость
		фрагмент передней метаподии	фрагмент рукоятки, орнаментированной нарезками
		фрагмент диафиза метаподии	обломок изделия (пронизки?)
		фрагмент диафиза метаподии ?	пронизка-трубочка
		фрагмент диафиза метаподии	пронизка-трубочка рифленая
		задняя метаподия	заготовка изделия
	овца/	фрагмент диафиза лучевой кости	фрагмент заготовки
	овца/ свинья	фрагмент диафиза трубчатой кости	обрезок трубчатой кости
	<i>CD1111D11</i>	фрагмент диафиза трубчатой кости	проколка
		фрагмент кости крыла	дудочка
		фрагмент диафиза трубчатой кости	пронизка
		фрагмент диафиза трубчатой кости	дудочка
	птица	проксимальный эпифиз бедренной кости	кость со следами обработки
		проксимальный эпифиз бедренной кости	обрезок кости
		фрагмент диафиза трубчатой кости	обломок пронизки
	рыба	кость плавника/остистый отросток позвонка	игла
	рысь	клык правый верхний	зуб с отверстием
	бобр	фрагмент ребра	кость со следами обработки
	300P	фрагмент ребра	изделие
2	корова	фрагмент лучевой кости	заготовка рукоятки
2	корова	фрагмент диафиза метаподии	рукоять
	крупная хищная птица	когтевая фаланга	кость с отверстием

Продолжение табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	гарпун
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы одношипный
		фрагмент ребра	кость со следами обработки
		фрагмент проксимального эпифиза метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок остроконечного орудия
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	заготовка орудия
		фрагмент лопатки	струг
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	гарпун
	крупное копытное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	гарпун
		фрагмент ребра	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
2		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	острие
		фрагмент ребра	крючок
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент лопатки	обломок струга из лопатки животного
		фрагмент лопатки	орудие (кость со следами использования)
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок изделия
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник гарпуна (обломок заготовки)
		левая ветвь нижней челюсти с зубами	челюсть с отверстием
	куница	правая ветвь нижней челюсти с зу- бами	челюсть с отверстием
		фрагмент рога	рог со следами обработки
		редуцированная боковая метаподия	проколка
	лось	редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент рога	рукоятка
		редуцированная боковая метаподия	проколка

Продолжение табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент метаподии	скобель (обломок)
		редуцированная боковая метаподия	острие
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент метаподии	скобель (обломок)
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент рога	обломок грузика
		фрагмент метаподии	лощило
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент метаподии	скобель
		фрагмент ребра	лощило
		фрагмент метаподии	лощило
		редуцированная боковая метаподия	проколка
	лось	фрагмент метаподии	тесло
		фрагмент рога	заготовка изделия
		фрагмент рога	донышко колчана
		фрагмент рога	рог со следами обработки
		фрагмент рога	изделие
		фрагмент рога	орнаментированное изделие
		фрагмент рога	рукоятка
_		фрагмент рога	рукоятка
2		фрагмент метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент метаподии	струг
		редуцированная боковая метаподия	обломок (навершие) острия
		фрагмент рога	роговой рукояти фрагмент (половинка)
		фрагмент рога	рог со следами обработки
		фрагмент рога	обломок рукоятки
		фрагмент рога	обломок донышка колчана
		фрагмент рога	обломок рукоятки с врезным орнаментом
		клык правый нижний	подвеска
		клык правый верхний	клык с недосверленным отверстием
	медведь	фрагмент клыка	подвеска
		фрагмент клыка	обломок подвески
		фрагмент метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза метаподии	кость со следами обработки
	овца	фрагмент передней метаподии	заготовка
		фрагмент диафиза метаподии	трубка обработанная (4 фрагмента)
		фрагмент метаподии	пронизка
		проксимальный фрагмент лучевой кости	кость со следами обработки
	овца	дистальный фрагмент метаподии	заготовка
		фрагмент диафиза метаподии	кость со следами обработки
		фрагмент большой берцовой кости	кость со следами обработки

Продолжение табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
	овца/сви- нья	фрагмент диафиза трубчатой кости	рукоятка
		фрагмент диафиза трубчатой кости	дудочка
		фрагмент диафиза трубчатой кости	пронизка
		фрагмент диафиза трубчатой кости	кость со следами обработки
	птица	фрагмент диафиза трубчатой кости	пронизка
2		фрагмент диафиза трубчатой кости крыла	заготовка
		фрагмент диафиза трубчатой кости крыла	кость со следами обработки
	6.	кость плавника/ребро	игла
	рыба	кость плавника/ребро	игла
	хорек	клык левый верхний	подвеска
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	черенок наконечника стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	фрагмент рукоятки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обработанная кость
		фрагмент подъязычной кости	кость со следами обработки
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	черенок стрелы
	крупное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	черенок наконечника стрелы
3	копытное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обработанная кость
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент плоской кости	пластинка с отверстием
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обломок проколки
		фрагмент лопатки	шпатель
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы одношипный с плоским черешком
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник гарпуна
		фрагмент лопатки	скобель
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник гарпуна
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы

Продолжение табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
		фрагмент ребра	скобель из ребра животного
		фрагмент ребра	скобель из ребра животного
	крупное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы одношипный с пло- ским черешком
	копытное	фрагмент лопатки	обломок струга из лопатки животного
		фрагмент лопатки	фрагмент орудия (скобеля) из лопатки животного
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		редуцированная боковая метаподия	обломок проколки
		редуцированная боковая метаподия	проколка
		фрагмент рога	обломок рога с нарезанным орнаментом
3		фрагмент рога	обломок рукоятки
		редуцированная боковая метаподия	проколка
	лось	фрагмент лопатки	струг из лопатки животного
		фрагмент рога	фрагмент изделия с рельефным декором
		фрагмент рога	рукоятка ножа
		редуцированная боковая метаподия	кочедык
		фрагмент рога	фрагмент изделия
		фрагмент лопатки	струг
	овца	фрагмент метаподии	кость со следами обработки
	рыба	кость плавника/остистый отросток позвонка	игла
	свинья	фрагмент локтевой кости	обломки наконечника стрелы
		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
	крупное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	обработанная кость
	копытное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
4		фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
		редуцированная боковая метаподия	обломок проколки
	лось	фрагмент ребра	ребро животного со следами сработанности
	птица	фрагмент диафиза трубчатой кости	фрагмент изделия (рукоятки?) из трубчатой кости с нарезным орнаментом
	корова	фрагмент локтевой кости	обработанная кость
	крупное копытное	фрагмент плоской кости	обломки ножа
		фрагмент рога	обломок рукоятки
5	лось	фрагмент рога	обломок рукоятки
		фрагмент метаподии	обломок орудия
	свинья	резец из нижней челюсти	зуб со следами обработки
	черный хорек	левый верхний клык	подвеска из клыка зверя

Окончание табл. 3

Слой	Вид	Часть скелета	Название
		фрагмент ребра	лощило
не	крупное копытное	фрагмент диафиза трубчатой/ метаподии	наконечник стрелы
опре-		фрагмент лопатки	фрагмент рабочей части струга
лен	овца	фрагмент метаподии	кость со следами обработки
	овца/сви- нья	головка бедренной кости	кость с просверленным отверстием

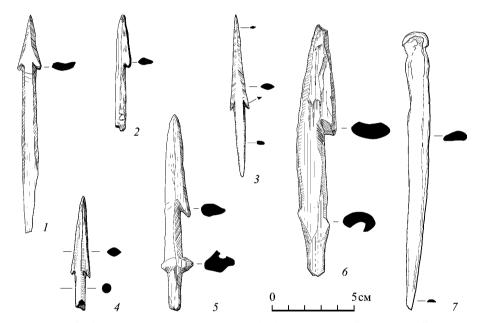

Рис. 3. Костяные наконечники стрел (1-4), гарпуны (5,6) и острие (7)

костей значительно снижало необходимую для восстановления из руды чистого железа температуру. Кости очень компактно залегали в разбросанных на площадке мастерской круглых в плане скоплениях диаметром около 30 см.

Кости животных остальных видов практически не использовались для производства орудий. Встречены единичные находки изделий из костей зайца. Медведь присутствует в коллекции только в виде просверленных клыков, использовавшихся, вероятно, как украшения.

Наблюдения за изменением видового состава остеологического сырья и морфологии костяных орудий наряду с изменениями в соотношении пищевых костных останков указывают на коренные изменения, произошедшие в верхнем горизонте раннего железного века. Эти изменения коснулись практически всех элементов материальной культуры. Если между более ранними горизонтами заметна определенная культурная близость, то верхний представляется абсолютно инородным по отношению к ним. Истоки его

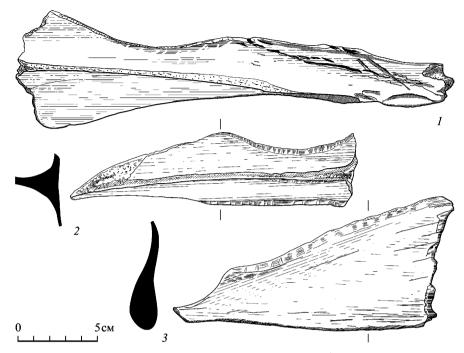

Рис. 4. Крупные костяные орудия с острым рабочим краем

формирования на сегодняшний день остаются невыясненными, исследование же фаунистических остатков Анашкинского городища еще раз обращает внимание на данную проблему.

Литература

Короткевич Б.С., 2013. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок $2009-2010~\text{гг.}\ //\ АИППЗ:$ Мат. 58 заседания (2012).

Короткевич Б.С., Саблин М.В., Сыромятникова Е.В., 2010. Фауна городища Анашкино по результатам раскопок 1999 — 2006 гг. // АСГЭ. Вып. 38.

Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности¹

P.E. Sorokin, M.A. Yushkova. New finds of the Stone Tombs with Fences culture in the North-West of the Izhora Hills

Abstract. The report is devoted to the review of new single finds of bronze objects of Roman time. They are 6 brooches and 2 pincers from two sites in the vicinity of the Kotly settlement (West Izhora Hills, Kingisepp district of the Leningrad region).

The nature of findings suggests that they are likely to come from broken burial tombs of the Stone Tombs with Fences culture. Several finds are dated to the early Roman period, which is well represented in the ancient sites of the Izhora Hills (mounds Kyorstovo I, Mally, etc.). Part of the finds belongs to the next chronological stage, which is practically not represented in the area under study. These findings fill a chronological gap between the time of the early Roman graves and the Merovingian era (the early 6th -7th cc.) known in the observed area.

Ключевые слова: каменные могильники с оградками, находки римского времени, фибула, пинцет.

Впоследние годы на Ижорской возвышенности обнаружено значительное число случайных находок, характерных для культуры каменных могильников с оградками. Они, вероятно, маркируют разрушенные могильники. Обнаружены и сами могильники этой культуры. На двух из них — Керстово 1 и Малли (Керстово 2) — в 2008–2011, 2013 гг. производились целенаправленные археологические раскопки, были изучены погребальные сооружения с оградками (*Юшкова*, 2010а; 2011; 2013; *Юшкова*, *Кулешов*, 2010; *Yushkova*, *Ки-lešov*, 2011). Также известны три монетных клада, которые можно отнести к этой культуре.

До недавнего времени были известны 11 пунктов находок рассматриваемых древностей — могильники Валговицы, Великино, Керстово 1, Малли (Керстово 2), Удосолово, местонахождения Ратчино, Ропша, клады 1-й и 2-й Копорский, Юрьевский, римская монета из клада в Шпаньково (*Рябинин*, 1987; Кулешов, 2005; Сорокин, 2008; Сорокин, Шаров, 2008; Юшкова, 2010б; Хаврин, Юшкова, Кулешов, 2011; Кулешов, Юшкова, 2012; Стасюк, 2011; 2012).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 13-31-01223 «Прибалтийско-финские племена на Северо-Западе России: процессы расселения и культурного взаимодействия в раннем железном веке и раннем средневековье».

Места единичных находок и могильники концентрируются на западе Ижорской возвышенности (рис. 1, 1-14).

В последние годы получены данные о находках древностей рассматриваемого типа из двух новых пунктов. Они расположены на северо-западной окрачие Ижорской возвышенности, вблизи п. Котлы. В этом же районе найдено погребальное сооружение рассматриваемой культуры.

Георгиевский. Единичные находки первой половины I тыс. обнаружены вблизи д. Георгиевский (рис. 2). Отсюда же происходят несколько средневековых предметов. Находки представлены четырьмя бронзовыми фибулами, железным пинцетом и бронзовым ременным наконечником. Три фибулы типа

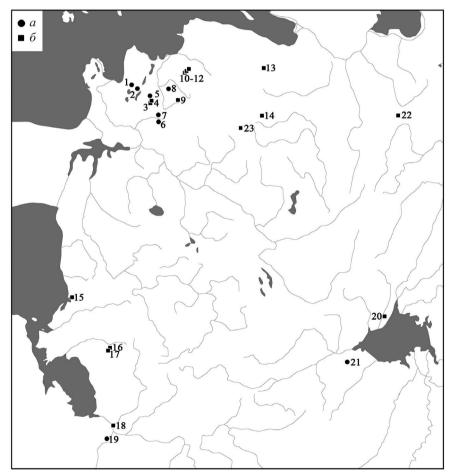

Рис. 1. Карта памятников, упоминаемых в работе (a- могильники, $\delta-$ единичные находки)

1 — Валговицы; 2 — Великино; 3 — Георгиевский; 4 — Войносолово; 5 — Котлы; 6 — Керстово 1; 7 — Малли (Керстово 2); 8 — Удосолово; 9 — Ратчино; 10-12 — клады 1-й и 2-й Копорские, Юрьевский; 13 — Ропша; 14 — Шпаньково; 15 — Залахтовье; 16 — Городня; 17 — Люботеж (?); 18 — Псков; 19 — Выбуты; 20 — Георгий; 21 — Солоницко; 22 — Васькины Нивы; 23 — Глумицы

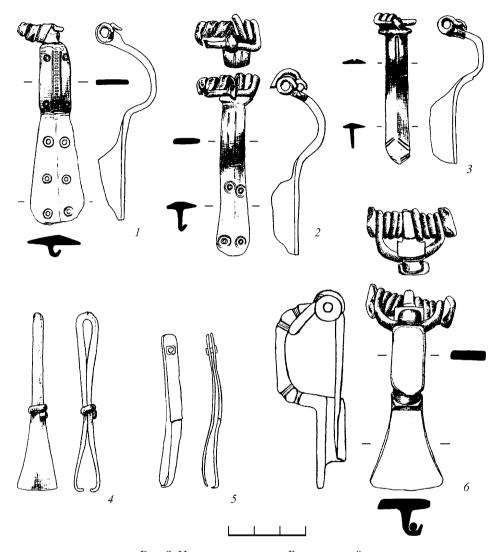

Рис. 2. Находки в округе д. Георгиевский

Альмгрен 57–61 являются глазчатыми фибулами прусской серии (рис. 2, 1–3). Они датируются периодами B2 — B2/C1–C1a римского времени, т.е. от последней трети I до рубежа II/III вв. н.э. (*Щукин*, 1994. Рис. 24; *Wołągiewicz*, 1995. S. 43, 44; *Nowakowski*, 1996. S. 49).

Четвертая фибула (рис. 2, 6) относится к более позднему хронологическому периоду. Она бронзовая, двучленная. со сплошным иглоприемником. Имеет массивную вертикальную стойку для крепления пружины. Пружина средней длины, с железной осью. У оснований дужки расположены орнаментированные валики и врезки, в центре дужки — плоская прямоугольная площадка, ножка подтреугольной формы.

Фибулы сходного облика известны в юго-восточной и восточной Прибалтике. Это фибулы со звездчатой, лопатовидной и треугольной ножкой. Происхождение и основная зона их концентрации связаны с Юго-Восточной Прибалтикой в начальные фазы эпохи великого переселения народов.

Подробный анализ фибул со звездчатой и лопатовидной ножкой предпринят А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wroblewska, 1986–1990). Наибольшее сходство с экземпляром из Георгиевского имеют фибулы типов II, III, VI, VII. Сходство наблюдается в оформлении дужки (на большинстве экземпляров имеется плоская площадка, встречаются сходные валики и врезки), а также в оформлении пружины и тетивы. Для данных фибул, так же как и для рассматриваемого экземпляра, характерна достаточно массивная стойка для крепления пружины, сходная ширина пружины, наличие боковых колец на краях пружины. Типы II и III распространены на территории Западной Литвы, Самбии и Натангии. Типы VI и VII концентрируются на территории Эстонии и юго-западной Финляндии. В целом данная категория находок датирована ранним этапом эпохи великого переселения народов — фазой D (последняя треть IV — первая половина V в.). Классический тип II датирован развитой фазой D, до начала фазы E, остальные, производные от него, - несколько более поздним временем. Типы VI и VII, характерные для культуры каменных могильников с оградками, определены в промежутке от развитой фазы D до начала фазы E (*Bitner-Wroblewska*, 1986–1990).

Согласно хронологической схеме развития культуры Долькайм-Коврово на территории Самбии и Натангии, разработанной В. Новаковским, фибулы со звездчатой ножкой характерны для фазы 5, датирующейся, в основном, концом фазы D, т.е. около 350–450 гг. (*Nowakowski*, 1996. Tab. XVI, *d*. Taf. 107. Karte 9).

На более удаленных территориях близких аналогий рассматриваемой фибуле не найдено. По классификации арбалетообразных фибул со сплошным иглоприемником М. Шульце точных аналогов нет. Некоторое сходство можно отметить с типами 140, 143, 144, 151, 154, датирующимися от III–IV до V–VI вв. н.э. (Schulze, 1977. Taf. 10; 11).

Войносолово. В округе д. Войносолово, расположенной в 2 км севернее д. Георгиевский, найдены три фибулы из бронзы, две из них относятся к раннеримскому времени (рис. 3, 1, 2). Одна фибула Альмгрен 57 — глазчатая прусской серии — выполнена из бронзы, в пружину вставлен железный стержень. Вторая фибула имеет небольшой щиток, валик у основания дужки и расширяющуюся ножку подтреугольной формы, является дериватом Альмгрен 100.

Третья фибула относится к более позднему периоду (рис. 3, 3). Она сохранилась не полностью: представлена верхняя часть корпуса, сохранившаяся часть ножки деформирована — подогнута. В держателе пружины видны следы железной оси. Это фрагмент двучленной прогнутой подвязной фибулы с шипом, являющейся дериватом Альмгрен 164. Фибулы этого типа широко распространены в материалах каменных могильников с оградками — на территории Эстонии найдено 137 экземпляров, причем половина из них происходит из ближайшего региона северо-восточной Эстонии (*Rohtla*, 2005. Р. 123,

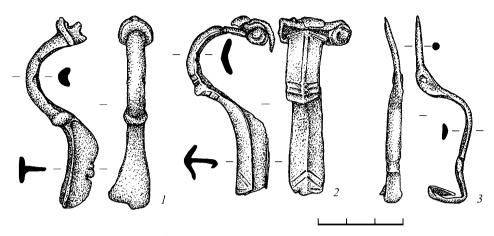

Рис. 3. Находки в районе д. Войносолово

124). По данным К. Годловского, подобные фибулы в западно-балтской культуре встречаются на позднем этапе позднеримского периода (*Godłowski*, 1970. Pl. XI, 3).

Третьим пунктом является недавно выявленный каменный могильник, расположенный в округе п. **Котлы** (*Федоров*, *Мурзенков*, 2012).

Среди материалов из Георгиевского и Войносолово отчетливо выделяются находки раннеримского периода — это глазчатые и щиткоголовая фибулы. Глазчатые фибулы являются одной из самых характерных находок для каменных могильников с оградками рассматриваемого периода. Фибулы Альмгрен 100 и дериваты известны из могильников Керстово 1 (2 экз. из подъемного материала), Удосолово (1 экз.) и из местонахождения Ратчино (1 экз.). Данный хронологический период хорошо представлен в материалах Ижорской возвышенности; к нему относятся: могильник Керстово 1, значительная часть материалов из могильников Малли (Керстово 2) и Удосолово, а также находки из Ратчино (подробнее о хронологических этапах см.: *Юшкова*, 2010б).

Для следующего хронологического периода развития культуры каменных могильников с оградками соседнего региона — северо-восточной Эстонии — характерны: украшения с эмалями (подковообразные и ажурные фибулы), гривны с грибовидными окончаниями, щиткоголовые фибулы с граненой выпукло-вогнутой дужкой, перекладчатые фибулы, фибулы типа Тюрсамяэ, пластинчатые браслеты с округлыми концами. Этот горизонт представлен несколькими находками в материалах могильников Удосолово и Малли (Керстово 2).

В следующем хронологическом периоде развития культуры каменных могильников фибулы, характерные для предшествующих этапов, больше не встречаются. Их сменяет только один тип — двучленные прогнутые подвязные фибулы с шипом, являющиеся дериватом Альмгрен 164. Это происходит в конце позднеримского времени. На Ижорской возвышенности этот период представлен теперь находкой из Войносолово. К следующему хронологическому периоду относится фибула из Георгиевского, которую можно датировать началом эпохи великого переселения народов, развитой фазой D.

Новые находки фибул из Георгиевского и Войносолово впервые представляют поздние этапы развития культуры каменных могильников с оградками на Ижорской возвышенности. Фибулы позднего этапа позднеримского времени и начальных этапов эпохи великого переселения народов заполняют хронологическую лакуну, которая имелась до настоящего времени между многочисленными материалами ранних этапов развития культуры каменных могильников с оградками Ижорской возвышенности и обнаруженными на этой же территории в могильнике Малли (Керстово 2) древностями последующего периода — третьей четверти I тыс. н.э. (Юшкова, 2013).

На северо-западе России известны еще несколько типичных для культуры каменных могильников с оградками фибул, датирующихся концом позднеримского времени и началом эпохи великого переселения народов. Они найдены на городищах Городня, Люботеж (?), Псков, к этому же кругу древностей может относиться находка из городища Георгий (*Tallgren*, 1938. S. 96, 97; *Белецкий*, 1980. C. 3, 11; *Носов, Плохов*, 2002. С. 168; *Сорокин, Шаров*, 2008).

Из Восточного Причудья происходят две фибулы — с городищ **Городня** на р. Черной и Люботеж на р. Лочкиной (*Tallgren*, 1938. S. 96, 97. Fig. 14). Известно изображение только первой из них — это фибула с подвязной ножкой и кольцевым декором (рис. 4, 1). Вторая находка, по свидетельству А. М. Тальгрена, имела сходный, но не идентичный облик. С. Γ . Попов, однако, указывает, что городище зафиксировано только в одном из двух этих пунктов — у д. Люботеж (*Попов*, 2013. C. 327).

В юго-восточной Прибалтике фибулы с кольцевым декором являются одним из основных признаков культуры Долькайм-Коврово позднеримского времени. Фибула из Городни оформлена одиночными кольцами, по типологии кольцевого декора О.А. Хомяковой, она относится к типу I (Хомякова, 2010). По наблюдениям О.А. Хомяковой, «большие арбалетовидные фибулы»

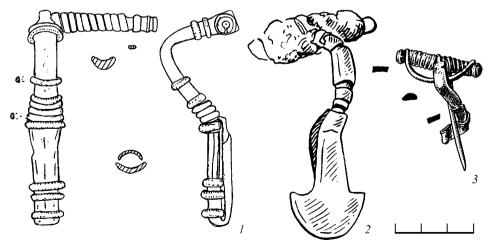

Рис. 4. Находки из городищ 1 — Городня (рис. И.О. Гавритухина, ГИМ № 48832); 2 — Псковское (по: *Белецкий*, 1980. Рис. 6, 5); 3 — Георгий (по: *Носов*, 2002)

с кольцевым декором первого типа появляются в период C1b. Но в ареале самбийско-натангийской культуры они наиболее широко распространяются в IV в., на других балтских территориях они также датируются IV–V вв. (Там же. С. 134). По хронологии культуры Долькайм-Коврово В. Новаковского, для рассматриваемых фибул предложена более ранняя датировка — они отнесены ко 2 и 3 фазам развития культуры, датирующимся периодами B2/C1–C2, т.е. около 150–300 гг. (*Nowakowski*, 1996. Tab. XVI, *d*. Taf. 107). М. М. Казанский относит фибулу из Городни к горизонту балтских вещей V–VI вв. н.э. (*Казанский*, 1999. С. 404).

Восточное Причудье не входит в ареал культуры каменных могильников с оградками, однако здесь расположен один пункт характерных для этой культуры находок. В одном из курганов средневекового могильника Залахтовье изучена впускная яма, в которой найдены три железных кельта, два ножа с плавно изогнутой спинкой и бронзовый перстень. Эти находки типичны для каменных могильников римского времени (*Кулешов*, 2005. С. 188, 189).

Из **Пскова** происходит фибула с лопатовидной ножкой (рис. 4, 2). Она найдена на Псковском городище в ходе раскопок в мысовой (северной) части. С. В. Белецкий относит ее, а также бляшку-скорлупку, булавку и фрагменты сетчатой керамики, к одному культурному комплексу «Псков А» (*Белецкий*, 1980. С. 3, 11. Рис. 6, 5). Рассматриваемая фибула отнесена А. Битнер-Врублевской к седьмому типу фибул со звездчатой и лопатовидной ножкой, распространенному на территории Эстонии и Финляндии (*Bitner-Wroblewska*, 1986–1990. Таb. VI, 10. Ryc. 6).

Нижнее Повеличье пока не входит в ареал культуры каменных могильников, однако здесь в могильнике Выбуты раскопано погребальное сооружение с типичными для этой культуры находками раннеримского периода и сходным погребальным обрядом (Яковлев, 1995; 1997; Яковлев и др., 1997; Белецкий, 1996. С. 36; Кулешов, 2005. С. 189, 190). Еще целый ряд случайных находок из Пскова, его окрестностей и бассейна верхнего течения р. Великой отнесены А. А. Александровым к римскому времени (Александров, 2011).

Фибулы рассматриваемых типов характерны для культуры каменных могильников с оградками в целом и соседнего региона северо-восточной Эстонии в частности. Фибулы со звездчатой ножкой, аналогичные находке из Пскова, а также фибулы с кольцевым декором, аналогичные находке из Городни, встречены практически на всех крупных могильниках северо-восточной Эстонии — Ябара В, Ябара Е, Пада, Кохтла-ярве, Тырма и др.

В Приильменье на средневековом городище Георгий была найдена двучленная прогнутая подвязная фибула, характерная для черняховской культуры (рис. 4, 3) (Носов, 2002; Носов, Плохов, 2002. С. 168). Она также может указывать на связи с Восточной Прибалтикой. Корпус, пружина и ось выполнены из бронзы. По типологии А. К. Амброза, она принадлежит к двучленным прогнутым подвязным фибулам с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси, датирующимся IV в. (I серия, варианты 2–3: Амброз, 1966. С. 62–64. Табл. 11). По типологии Е. Л. Гороховского, фибула относится к группе Б2б. Фибулы этого типа появляются в единичных экземплярах

на второй фазе развития черняховской культуры (около 270–330 гг.) и доминируют в ее третьей фазе — около 330–380 гг. (Гороховский, 1988). Фибулы сходного облика известны на позднем этапе позднеримского времени и в юговосточной Прибалтике (Godłowski, 1970. Pl. VII, 1; Nowakowski, 1996. Taf. 72; 103, 6, 7. Karte 15). И. О. Гавритухин и А. М. Воронцов (2008. С. 34) связывают данную находку, так же как и другие единичные фибулы черняховского круга из лесной зоны Восточной Европы, с поступлениями из расположенных южнее и западнее зон концентрации таких находок.

Западное Приильменье расположено на значительном удалении от восточной границы распространения могильников с каменными оградками, однако и здесь было исследовано погребальное сооружение — Солоницко, — по своему устройству и находкам напоминающее каменные могильники (*Alexandrov*, *Tallgren*, 1930; *Кулешов*, 2005. С. 184–186; *Сорокин*, *Шаров*, 2008. С. 176, 177).

Еще одна случайная навероятно связанная ходка, с рассматриваемым историческим периодом, — бронзовая шпора (рис. 5) — недавно обнаружена в Тосненском р-не Ленинградской обл. на возвышенном участке в районе Васькиных Нив. Длина шпоры -8.4 см, максимальное расширение щитка в центральной части — 1,5 см, размеры острия ромбовидной формы, со скругленным четырехгранным сечением: толщина 0,5 см, высота 2,7 см. Окончания шпоры имеют уплощенные завершения 0.6×0.2 см, заостренные с одной стороны и обломанные с другой.

В рассматриваемом регионе есть еще несколько находок, которые датированы М.Б. Щукиным второй поло-

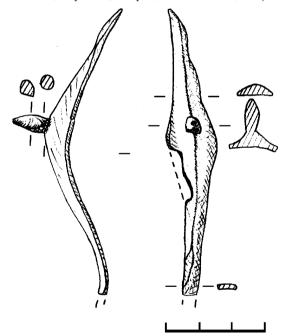

Рис. 5. Шпора, найденная в районе д. Васькины Нивы

виной IV — началом V в. (*Щукин*, 2005. С. 217–219). Это погребение в кургане 45 могильника Доложский Погост, где кремация сопровождалась умбоном типа Либенау, втульчатым копьем и кольчатыми удилами с трехчастными грызлами. М. М. Казанский датирует это погребение V в. и указывает на его литовские параллели (*Казанский*, 1999. С. 409–411). На южной окрачие Ижорской возвышенности был найден орнаментированный топор, интерпретированный как боевой метательный франциск (*Каргопольцев*, *Щукин*, 2001). М. Б. Шукин и Н. И. Платонова относят к рассматриваемому периоду

также находку боевого однолезвийного ножа с бронзовой рукоятью из Турово в Среднем Полужье (*Платонова*, *Щукин*, 2000). Однако, на наш взгляд, ее следует соотносить с горизонтом единичных находок эпохи бронзы на северо-западе России и связывать с бронзолитейными традициями ананьинской культурно-исторической общности (*Юшкова*, 2010в. С. 275).

Новые местонахождения Георгиевский и Войносолово расположены в ареале каменных могильников с оградками, образующих локальную группу на северо-западе Ижорской возвышенности (*Сорокин, Шаров, 2008; Юшкова, 2010а; 20106; 2011; Юшкова, Кулешов, 2010*). Находки фибул из городищ Городня, Псков и Георгий расположены восточнее основного ареала каменных могильников, в районах, где памятники первых веков н.э. практически не известны. Однако рядом с этими пунктами выявлены единичные погребальные древности, которые очень близки каменным могильникам по конструктивным особенностям и/или составу находок.

Находки фибул позднего этапа позднеримского времени и начальных этапов эпохи великого переселения народов из Георгиевского и Войносолово заполняют лакуну между многочисленными материалами раннеримского периода и древностями третьей четверти I тыс. н.э., что позволяет говорить о непрерывности заселения северо-запада Ижорской возвышенности от рубежа эр до третьей четверти I тыс. н.э.

Литература

Александров А.А., 2011. Провинциально-римские древности первых веков н.э. на территории Псковской земли // Европейская Сарматия: XIV чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова: Археологические данные к проблеме происхождения города // КСИА. Вып. 160.

Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология Черняховских могильников Лесостепной Украины // Тр. V междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. Секция 1. Киев.

Казанский М.М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. № 6.

Каргопольцев С.Ю., Щукин М.Б., 2001. О находках оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области // АИППЗ: Мат. науч. семинара [заседание 47] (2000).

Кулешов В.С., 2005. Памятники культуры tarandgräber на Северо-Западе Европейской части России // Альманах молодых археологов. СПб.

Кулешов В.С., Юшкова М.А., 2012. Могильников с каменными оградками культура // Большая Российская энциклопедия. М. Т. 20.

Носов Е.Н., 2002. О находке позднеримской фибулы в Ильменьском поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

- *Носов Е.Н., Плохов А.В.*, 2002. Новые исследования в Ильменьском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Платонова Н.И., Щукин М.Б., 2000. Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области // Археологические вести. СПб. Вып. 7.
- *Попов С.Г.*, 2013. Восточное Причудье в раннем железном веке и раннем средневековье // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- Рябинин Е.А., 1987. Об исследовании средневековых могильников Води в Ленинградской области // Изв. АН Эст. ССР. Таллин. № 36/4.
- Сорокин П.Е., 2008. Находки римского времени на Северо-Западе России // АИППЗ: Мат. 53 заседания (2007).
- Сорокин П.Е., Шаров О.В., 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2: Древности Ижорской земли.
- *Стасюк И.В.*, 2011. Заселение Ижорского плато в I начале II тыс. н.э. // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).
- *Стасюк И.В.*, 2012. Население Ижорской возвышенности в I начале II тыс. н.э. // Другая Русь: Чудь, Меря и инии языци. (Stratum plus. № 5.)
- Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., 2012. Новые исследования на западе Ижорского плато // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб.
- Хаврин С.В., Юшкова М.А., Кулешов В.С., 2011. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия: XIV чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Хомякова О.А., 2010. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.
- Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б., 2005. Готский путь. СПб.
- $Юшкова \ M.А., 2010a$. Могильник Керстово 1 уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. СПб. Сер. 2. Вып. 3.
- *Юшкова М.А.*, 2010б. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- *Юшкова М.А.*, 2010в. Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // Изв. Самарского науч. центра РАН. Самара. Т. 12 (34). № 2.
- *Юшкова М.А.*, 2011. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Юшкова М.А., 2013. Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // Актуальная археология: Археологические открытия и современные методы исследования. СПб.
- Юшкова М.А., Кулешов ВС., 2010. Кёрстово 1— новый могильник эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конф. 2. Тула. Ч. 1.
- *Яковлев А.В.*, 1995. Исследование кургана 3 в Выбутах // АИППЗ: Мат. науч. семинара [заседания 38, 39] (1994).
- Яковлев А.В., 1997. Новые раскопки могильника Выбуты близ Пскова // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. II.
- *Яковлев А.В., Степанов С.В., Салмин С.А.*, 1997. Исследование могильника Выбуты близ Пскова // AO 1996 г.

- Alexandrov B.V., Tallgren A.M., 1930. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. V.
- Bitner-Wroblewska A., 1986–1990. Zapinki z gwiaździstą i łopatkowatą nóżką z południowowschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne. Warszawa. T. LI. Z. 1.
- Godłowski K., 1970. The chronology of the late Roman and early Migration periods in Central Europe. Kraków.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa. (Veröffentlichung des Vorfeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10.)
- Rohtla M.L., 2005. Crossbow fibula as a reflection of social status and relations // Interarchaeologia. 1. Tartu; Riga; Vilnius.
- Schulze M., 1977. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2). Bonn.
- Tallgren A.M., 1938. The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XII.
- Wołągiewicz R., 1995. Lubowidz Monumenta archaeological Barbarica. Kraków. T. 1.
- Yushkova M.A., Kulešov V.S., 2011. Kyorstovo 1: A new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia // Archaeologia Lituana. Vilnius. T. 12.

К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов

E. R. Mikhailova. To the characteristics of funeral rites of Pskov long barrows culture

Abstract. The author made an attempt of an identification of most common elements of barrow mound structures with burial variants and tracked their distribution in certain regions (within the large river basins or shores of Pskov — Peipsi Lake). The analysis demonstrated the heterogeneity of Pskov long barrows culture. There is a clear trend of changes in the structure of the mounds and details of rituals from the west to the east, which, presumably, reflects the process of burial rite spreading and its interaction with the previous traditions.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, курганный обряд захоронения, географические различия.

На протяжении длительного времени наиболее распространенными видами погребения в лесной полосе Восточной Европы были различные типы грунтовых и поверхностных захоронений, в том числе такая их разновидность, как домики мертвых.

На этом фоне курганный погребальный обряд выглядит привнесенной новацией и вплоть до конца I тыс. остается достаточно редким явлением. Единственная общность, где погребения в курганных насыпях стали основным типом погребения уже в середине I тыс. н.э., — это культура псковских длинных курганов (КПДК).

Памятники КПДК многочисленны и распространены на значительной территории. Уже сама географическая протяженность культуры позволяет предположить ее неоднородность. О том же говорят выделившиеся локальные варианты вещевого и керамического комплексов (*Лопатин*, 2003; *Михай-лова*, 2012).

Раскопки памятников культуры длинных курганов велись географически очень неравномерно, наиболее изученные конкретными исследователями участки к тому же, как правило, вписаны в границы современных административных единиц.

Чтобы несколько сгладить эту неравномерность, территория КПДК для настоящего исследования была разделена на более-менее «естественные» регионы в пределах бассейнов крупных рек или различных берегов Псковско-Чудского озера:

— западная часть бассейна Псковско-Чудского озера (раскопки Х. Моора, М. Шмидехельм, С. Лаул, М. Аун и других исследователей);

Е.Р. Михайлова

- южная часть бассейна Псковско-Чудского озера (раскопки В. Н. Крейтона, С. А. Таракановой, Г. П. Гроздилова, Л. Е. Грушиной, Н. В. Лопатина и др.);
- бассейн Великой (раскопки В.Н. Глазова, В.В. Гольмстен, В.В. Седова и др.);
- восточная часть бассейна Псковско-Чудского озера (раскопки К. В. Кудряшова, Н.Н. Чернягина, Н. В. Хвощинской, С.Г. Попова и др.);
- бассейн Плюссы (раскопки Н. В. Хвощинской, С.Г. Попова, С.Л. Кузьмина, Е.Р. Михайловой и др.);
- бассейн Луги (раскопки С. С. Гамченко, Г. С. Лебедева, Ю. М. Лесмана, Н. И. Платоновой, С. Л. Кузьмина, Е.Р. Михайловой и др.);
- бассейн Западной Двины (раскопки В.Н. Глазова, Я.В. Станкевич, Г.В. Штыхова и др.);
- бассейн Ловати (раскопки В. Н. Глазова, С. А. Таракановой, Я.В. Станкевич, Г. В. Штыхова и др.);
- бассейн Мсты (раскопки В.Н. Глазова, Н.К. Рериха, А.В. Тищенко, М.В. Фехнер, С.Н. Орлова, В.В. Милькова, Е.Н. Носова, В.Я. Конецкого, В.А. Бурова, И.В. Ислановой, И.Н. Черных и др.);
- бассейн Мологи (раскопки Г.Н. Пронина, В.В. Милькова, А.Н. Башенькина, Н.И. Петрова и др.);
- верхнее течение Волги (раскопки М.В.Фехнер, И.В.Ислановой, О.М. Олейникова, И.Н. Черных и др.)¹.

Выделенные регионы в целом сопоставимы друг с другом, хотя, возможно, со временем некоторые из них можно будет разбить на меньшие (например, отделить течение Мологи от ее тяготеющих к Белозерью притоков — Кобожи и Чагодощи).

Из рассмотрения здесь выпали течения двух крупных рек — Шелони и Полы. Бассейн Шелони в основном находится за пределами распространения памятников КПДК, и раскопок здесь не велось (за исключением работ Н.К. Рериха в Малой Каменке).

В бассейне Полы, наоборот, раскопаны несколько ярких памятников (курганы у деревень Обрыня, Липицы, Хозюпино и др.), и сама река, безусловно, играла важную роль в системе древних речных путей. Но для того чтобы рассматривать ее памятники как отдельный регион, статистического материала оказалось недостаточно.

Были проанализированы сведения о внутренней структуре и некоторых чертах погребальной обрядности в 502 раскопанных курганах, содержавших в общей сложности 918 погребений. Они распределились следующим образом (табл. 1).

Не по каждому исследованному кургану имеются полноценные подробные сведения (в особенности это касается материалов раскопок XIX — нача-

¹ Поскольку библиография по этому сюжету чрезвычайно обширна, я позволю себе сослаться на собственную работу, где перечислены основные источники и публикации о раскопках псковских длинных курганов (*Михайлова*, 2011).

ла XX в.), поэтому итоговые суммы в приведенных ниже таблицах могут различаться по строкам или столбпам.

Рассмотрим сведения о структуре насыпей по перечисленным выше регионам

Наиболее яркая черта КПДК — наличие в составе могильников удлиненных и валообразных насыпей, однако уловить какую-либо явную закономерность в ориентации таких насыпей не удалось. Дело здесь, повидимому, не только в малом количестве раскопанных длинных курганов, но и в том, что в большинстве случаев направление продольной оси длинных насыпей определяется топографическими особенностями конкрет-

Таблица 1
Общее число проанализированных насыпей и погребений

Регион	Количество насыпей	Количество погребений	
Западное Причудье	60	147	
Восточное Причудье	61	147	
Бассейн Плюссы	48	106	
Южное Причудье	20	35	
Бассейн Великой	42	68	
Бассейн Луги	34	43	
Бассейн Зап. Двины	30	57	
Бассейн Ловати	50	56	
Бассейн Мсты	104	178	
Бассейн Мологи	37	62	
Верхневолжье	16	19	

ной местности (направлением озовых гряд, берегов рек и озер и т.п.).

В строении же насыпей и в особенностях погребального обряда можно проследить отчетливые различия (табл. 2).

Из данных, приведенных в табл. 2, можно сделать несколько важных выводов.

В направлении в целом с запада на восток и юго-восток уменьшается среднее количество захоронений в одной насыпи. В том же направлении, хотя и не так отчетливо, сокращается количество этапов «строительной истории» раскопанных курганов: чем далее к востоку, тем большую долю составляют курганы, сооруженные в один прием.

Таблица 2 **Структура насыпей КПДК в различных регионах**

Регион	Среднее коли- чество захоронений в одной насыпи	Количество этапов сооружения насыпи				Доля погребений с находками, %	Доля погребений с остатками	
		1	2	3	4	с находками, /о	костра, %	
Западное Причудье	2,45	28	8	3	3	26	14	
Восточное Причудье	2,41	41	13	5	2	30	15	
бассейн Плюссы	2,2	24	12	8	2	24	20	
Южное Причудье	1,75	14	3	0	0	13	42	
Бассейн Великой	1,6	30	9	3	0	43	25	
Бассейн Луги	1,3	25	7	1	0	40	30	
Бассейн Зап. Двины	1,9	24	3	0	0	38	22	
Бассейн Ловати	1,1	36	14	0	1	41	20	
Бассейн Мсты	1,7	88	14	1	1	49	32	
Бассейн Мологи	1,7	30	4	1	1	72	33	
Верхневолжье	1,2	15	0	1	0	58	37	

326 Е.Р. Михайлова

Количество находок в погребениях, напротив, в направлении с запада на восток и северо-восток возрастает. В категорию находок здесь объединены как вещи, так и керамика (урны, поставленные в погребения сосуды и отдельные черепки), — иными словами, все предметы, помещенные в погребение и зафиксированные при раскопках.

Доля погребений, в которых пережженные кости помещены вместе с остатками погребального костра (углями и сажей), также увеличивается с запада на восток. На общем фоне довольно плавного возрастания доли погребений с углями и сажей в восточном направлении аномалией выглядят курганы Южного Причудья, где неожиданно велика доля погребений с углями и сажей, но здесь есть сведения всего о 31 погребении, так что высокая доля таких погребений может оказаться случайностью.

Такое изменение курганного обряда — от сложных по своей структуре насыпей со многими захоронениями на западе к более простым, но с большим количеством вещей в погребениях, на востоке — отчасти корреспондирует с распространением импортов в наиболее ранних погребальных памятниках КПДК, относящихся ко времени появления и распространения курганного обряда.

Большинство ранних импортов в культуре псковских длинных курганов связывается с центральноевропейскими древностями, довольно быстро распространившимися по всей территории формирующейся культуры (*Михайлова*, 2011. С. 528–530). Значительная часть этих вещей находит ближайшие аналогии в древностях балтского круга, для которого как раз и характерен курганный обряд захоронения (подробнее см.: *Михайлова*. В печати).

Если действительно появление и распространение курганного обряда на этих территориях связано с импульсом с юго-запада, от балтских культур, то естественными «воротами» в пространство восточноевропейской лесной зоны оказываются белорусское Подвинье и верховья Великой. Отсюда погребальный обряд, видоизменяясь, распространяется в нескольких направлениях.

Сходную точку зрения на несколько ином материале сформулировал В.И. Шадыро (2009). По его мнению, длинные курганы появились на правобережье Западной Двины в результате внешнего импульса с территории Центральной Европы. Он реконструирует движение «венедских племен» из бассейна Вислы в Понеманье и далее через Западную Двину на север и северо-восток.

На крайнем северо-востоке «длиннокурганного» мира, в бассейне Мологи, выявлена серия погребений, вещи из которых соотносятся с восточнофинским миром (Куреваниха III, Степаново III и др.). Эти могильники не изолированы от других памятников КПДК: здесь же встречены типично «длиннокурганные» вещи. С другой стороны, такие находки, как, например, объемные шумящие привески, распространяются вплоть до Средней Мсты (они встречены, в частности, в погребениях на озере Крюково).

На притоках Мологи Кобоже и Чагоде раскопками А. Н. Башенькина открыты курганные могильники, хронологически предшествующие появлению КПДК (Чагода 1, Усть-Белая 1) (*Башенькин*, 1995. С. 12–19). Для этих курганов характерны сходные черты: несложная (в большинстве случаев) структура

насыпи, обилие металлических вещей в захоронениях. Наиболее ранние погребения относятся, видимо, ко II в. В середине I тыс. эта традиция на притоках Мологи сменяется памятниками КПДК, но северо-восточнее, на р. Суде, она продолжает развиваться.

Вернемся к культуре длинных курганов.

Другая группа закономерностей выявляется при анализе расположения погребений в насыпи. Вообще, вариантов расположения погребений в кургане немного. Они могут помещаться:

- в основании кургана: 1) в материковой ямке, 2) на поверхности погребенной почвы;
- в насыпи: 3) в ямке, впущенной в насыпь, 4) россыпью на поверхности насыпи.

При раскопках фиксируются также: 5) захоронения, совершенные в процессе сооружения насыпи, и 6) захоронения в ровиках, окружающих курганы. Захоронения этих двух вариантов редки.

K последнему условному варианту — 7) «неопределенные» — отнесены погребения, описанные неполно или нечетко (в основном это материалы дореволюционных раскопок).

Разумеется, количество изученных в разных регионах погребений довольно сильно различается, поэтому была подсчитана доля погребений разных типов (табл. 3). Можно отметить определенную группировку регионов внутри культуры.

В большинстве регионов КПДК преобладающим типом погребения в курганах оказывается помещение кремации в ямку, впущенную в насыпь.

На общем фоне выделяются несколько регионов.

Памятники Псковско-Чудского бассейна. Здесь, в отличие от ближайших к Причудью Плюссы и Луги, велика доля погребений, приуроченных

 ${\it Ta\,6}\,{\it nu\,u\,a}\ \ \, 3$ Распределение различных вариантов расположения погребений

	Варианты расположения погребений в кургане, %								
Регион	1) в материковой ямке	2) на поверх- ности погре- бенной почвы	3) в ямке, впущенной в насыпь	4) рос- сыпью на поверх- ности насыпи	5) совер- шенные в процессе сооружения насыпи	6) в ро- виках	7) «неопре- делен- ные»		
Западное Причудье	19	14	24	0,5	0,5	1	41		
Восточное Причудье	23	26	34	14	0	1	2		
Бассейн Плюссы	14	5	58	10	5	1	7		
Южное Причудье	20	20	31	9	0	0	11		
Бассейн Великой	6	20	37	22	3	3	9		
Бассейн Луги	26	5	60	9	0	0	0		
Бассейн Зап. Двины	21	13	31	4	2	0	29		
Бассейн Ловати	7	12	70	4	0	0	0		
Бассейн Мсты	13	12	61	10	1	1	2		
Бассейн Мологи	17	24	35	18	0	0	6		
Верхневолжье	5	32	47	11	5	0	0		

к основанию насыпи («основных», по терминологии М. Аун — см., напр.: Aун, 1981), — их почти половина. Может показаться, что для территории Эстонии это не так, но среди погребений, попавших в категорию «неопределенных», больше половины составляют именно «основные» погребения, описанные в публикациях суммарно (напр.: «всего в кургане выявлено 9 захоронений на погребенной почве и в материковых ямках»).

Если вспомнить, что и в вещевом комплексе Западного и Восточного Причудья много общих черт, отличающих их вместе от восточных соседей, и что на территории Эстонии пока неизвестны памятники наиболее ранней фазы КПДК, можно предположить, что распространение курганной традиции на территорию нынешней Восточной Эстонии происходило с противоположного берега Псковско-Чудского озера.

Интересно, что похожее распределение вариантов погребений мы видим на северо-востоке, в бассейне Мологи. Здесь высокая доля погребений в основании насыпи вновь напоминает о предшествующей курганной традиции.

По-видимому, еще одна группа — это **памятники Великой и Западной Двины**. На Великой обращает на себя внимание большая доля погребений россыпью (как в основании насыпи, так и на ее поверхности). В курганах Подвинья, к сожалению, вновь высока доля погребений «неопределенного» варианта, но мы можем предполагать близость обряда в двух соседних регионах.

В целом приведенные выше несложные подсчеты продемонстрировали явную неоднородность территории псковских длинных курганов, а получив-шаяся картина требует дальнейшего изучения и обоснования.

Литература

- Ayn M., 1981. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры // КСИА. Вып. 166.
- *Башенькин А.Н.*, 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб. (Славяно-русские древности. Вып. 3)
- *Лопатин Н.В.*, 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214.
- Михайлова Е.Р., 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф: Послание от Марка. СПб.; Кишинев. (Библиотека «Stratum»)
- *Михайлова Е.Р.*, 2012. Локальные варианты вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VIII. Мінск.
- *Михайлова Е.Р.* В печати. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи.
- Шадыро В.И., 2009. Локальные изменения в материальной культуре населения белорусского Подвинья в эпоху великого переселения народов // Древняя история Восточной Европы: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загорульского. Минск.

Арбалет в комплексе вооружения XIII–XV вв. на территории Беларуси

 $\it V.A.$ Plavinsky. The crossbow in the $13^{\rm th}-15^{\rm th}$ cc. weapon complex on the territory of Belarus

Abstract. The crossbow got into the set of weapons on the territory of Belarus as a result of contacts with the Crusaders. The first to get acquainted with the new weapons were the citizens of the West Belarusian Podvinye in the second half of the $13^{\rm th}$ century. The region most saturated with crossbow weapon was the upper Ponemonie, the inhabitants of which had more contacts with the Crusaders. However, the crossbow did not become widespread in Belarus, the local population passed from its traditional archery weapons immediately to firearms, and the local warriors in the $14^{\rm th}-15^{\rm th}$ centuries remained archaically armed, despite some minor manifestations of west European trends. Most of crossbow bolts finds in Belarus can be dated to the $14^{\rm th}$ century — the time of active contacts of local population with the Crusaders.

Ключевые слова: вооружение, оружие дальнего боя, арбалет, стрелы, болты, крестоносцы.

Вопрос о месте арбалета в комплексе вооружения XIII–XV вв., как на территории Беларуси, так и на территории многих пограничных регионов, остается открытым и малоизученным.

За годы раскопок на территории Беларуси обнаружено более двухсот арбалетных болтов. В данной работе упоминаются не все находки, т. к. привести все известные наконечники весьма проблематично (значительная часть материалов хранится в фондах музеев и вводится в оборот постепенно).

Для типологической интерпретации наконечников используются две наиболее популярные типологии арбалетных болтов — А.Ф. Медведева и Г. Рацкявичюса, построенная на основании находок с территории Литвы. В связи с отсутствием некоторых типов, выделенных А.Ф. Медведевым, в типологии Г. Рацкявичюса, и наоборот, в данной работе используются обе типологии.

По способу насада арбалетные болты подразделяются на втульчатые и черешковые (типы приводятся по А.Ф. Медведеву, значком * помечены типы по Γ . Рацкявичюсу).

Втульчатые наконечники

Тип 1 (1*) — втульчатые пирамидальные болты квадратного сечения с шейкой (7 экз.; рис. 1, 1, 2).

В большом количестве подобные болты встречаются в напластованиях поселений, жители которых сталкивались с деятельностью крестоносцев.

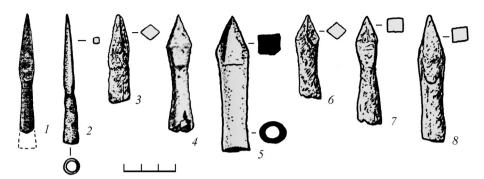

Рис. 1. Втульчатые арбалетные болты с территории Беларуси (1, 2 - тип 1; 3 - тип 2; 4 - 8 - тип 4)

1 — городище Прудники; 2 — городище Гольшаны (Зверуго, 1989. Рис. 32, 6); 3, 6–8 — Минск, замчище (Заяц, 1996. Рис. 27); 4 — Гродно (Воронин, 1954. Рис. 88, 8); 5 — Лидский замок (Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч, 1987. Рис. 2, 5)

Согласно Г. Рацкявичюсу, находки с территории Литвы датируются XIII в. (*Rackevičius*, 2002. S. 69, 70).

На територии Беларуси подобный наконечник найден на городище Прудники (Миорский р-н), в напластованиях конструкций вала. Экземпляр может датироваться второй половиной XIII — первой половиной XIV в. (*Плавинский*, 2011. Рис. 2, 1). Еще один болт типа 1 происходит из раскопок городища Гольшаны (Ошмянский р-н). Среди находок множество артефактов XIII—XIV вв., в том числе предметов вооружения этого времени (Зверуго, 1989. С. 61. Рис. 32, 6). Пять наконечников найдены на Замковой горе в Новогрудке (Гурэвіч, 2003. С. 171).

Тип 2 (2*) — пирамидальные болты квадратного сечения без шейки (8 экз.; рис. 1, 3).

А. Ф. Медведев на основании находок в Смоленске, Изяславле, Поднепровье датирует тип XIII–XIV вв. (*Медведев*, 1966. С. 94). Г. Рацкявичюс выделяет тип в границах второй половины XIV — первой четверти XV в., возможно, до первой половины XVI в. (*Rackevičius*, 2002. S. 283). География находок болтов типа 2 широка, связываются они зачастую с деятельностью орденцев.

На территории Беларуси один экземпляр происходит из раскопок городища Турейск (Шучинский р-н), несколько экземпляров найдены в Новогрудке на Замковой горе (*Гурэвіч*, 2003. С. 171). Два болта из Минска происходят из напластований второй половины XIV — XVI в. (*Загорульский*, 1982. С. 218. Табл. VIII, *21*; *Заяц*, 1996. С. 69. Рис. 27, *32*). Три схожих по форме и пропорциям наконечника найдены в Бресте, в статиграфическом горизонте второй половины XIV — первой половины XV в. (*Лысенко*, 1985. С. 220, 222, 223. Рис. 160, *21*, *22*, *26*).

Тип 4 (3*) — пирамидальные с ромбовидной (?) головкой квадратного сечения (4 экз., рис. 1, 4–8).

А.Ф. Медведев подобные наконечники датирует XIII—XIV вв. (Meдве-deв, 1966. С. 94). Г. Рацкявичюс выделяет два варианта типа, различающиеся массивностью боевой головки, и датирует подобные болты второй половиной XIII— первой половиной XVI в.

Один из широко распространенных типов арбалетных болтов, в большом количестве встречается на территории Литвы, Латвии, Польши, на памятниках, связанных с деятельностью орденцев (*Rackevičius*, 2002. S. 81, 82). Подобные болты из раскопок Изборска, Орешка, Новгорода датируются XIV—XV вв. (*Кильдюшевский*, 1999. С. 64–66; *Медведев*, 1966. С. 94).

Три наконечника типа 4 (3*) найдены в раскопах Лидского замка, датируются XIV в. (*Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч*, 1987. С. 77, 81. Рис. 2, 5, 6, 15). Еще один экземпляр происходит из напластований XIV в. Нижнего замка в Гродно (*Воронин*, 1954. С. 166. Рис. 88, 8).

Тип 6 (4*) — пирамидальные квадратного сечения с лавролистной гранью (1 экз.).

А. Ф. Медведевым тип датирован XIII—XV вв. (*Медведев*, 1966. С. 94). Аналогично предыдущим типам, данные болты широко представлены в материалах с территории Литвы и Латвии, где датируются XIII—XIV вв. (*Rackevičius*, 2002. S. 83).

Один болт типа 6 найден в Бресте, происходит из напластований позднего стратиграфического горизонта второй половины XIV — первой половины XV в. ($\mathit{Лысенкo}$, 1985. C. 221. Рис. 150, 24).

Тип 8 (7*) — лавролистные ромбического сечения (12 экз., рис. 2, 1-4).

Один из наиболее распростроненных типов втульчатых болтов. А. Ф. Медведев выделил два варианта — ранний, датирующийся XII—XIII вв., и поздний — XIV—XV вв. Поздние отличаются наибольшим расширением пера у острия (*Медведев*, 1966. С. 94, 95). Г. Рацкявичюсом тип датируется второй половиной XIV — первой четвертью XV в.; встречается до первой половины XVI в. (*Rackevičius*, 2002. S. 86). Аналогично большинству предыдущих типов, многочисленные находки наконечников типа 8 на территории Литвы, Латвии, Польши связывается с деятельностью орденцев.

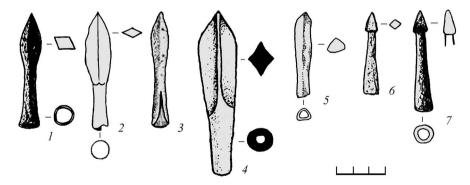

Рис. 2. Втульчатые арбалетные болты с территории Беларуси (1-4- тип 8; 5- тип 9; 6, 7- тип 10*)

1— городище Прудники; 2— Полоцк, Верхний замок (*Штыхов*, 1975. Рис. 30, 4); 3— Гродно (*Воронин*, 1954. С. 166. Рис. 88, 7); 4— Лидский замок (*Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч*, 1987. Рис. 2, t); 5— Полоцк, городище (Дук, 2007. Рис. 7, 2); 8— Минск, замчище (Заяц, 1996. С. 69. Рис. 27, 28); 9— Заславль, замок (Заяц, 1995. С. 64. Рис. 40, 4)

Один болт типа 8 найден на городище Прудники, в напластованиях конструкций вала второй половины XIII — первой половины XIV в., относится к первой разновидности (Плавинский, 2011. Рис. 2, 2). По одному подобному наконечнику найдено в слоях XIV в. Лидского замка (Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч, 1987. С. 77, 81), Нижнего замка в Гродно (Воронин, 1954. С. 166. Рис. 88, 7). Проблемны датировки болтов из раскопов Друцка (Медведев, 1966. С. 94), Верхнего замка Полоцка (Штыхов, 1975. Рис. 30, 4). Два наконечника происходят из слоев с валовыми конструкциями Минского замчища, содержащих материалы XV—XVI вв. (Заяц, 1996. С. 69. Рис. 27, 29, 31). Три наконечника найдены в Бресте, в пластах XIV—XV в. (Лысенко, 1985. С. 223. Рис. 150, 23, 25). Несколько подобных болтов найдены в Кревском замке, при раскопках О.И. Дерновича 2012 г.

Тип 9 — конические круглого сечения (1 экз.; рис. 2, 5).

Один болт этого типа найден на городище в Полоцке. В тех же раскопах обнаружен ряд наконечников стрел лука (Дук, 2007. Рис. 7, 2). Стратиграфия раскопа не позволяет достоверно датировать находки.

Тип 10*— втульчатые с пирамидальной головкой треугольного сечения (2 экз., рис. 2, 6, 7).

Подобные наконечники также называются генуэзскими болтами — такими стрелами пользовались знаменитые арбалетчики из Генуи. Подобные болты найденные в Литве датируются Γ . Рацкявичюсом второй половиной XIV — первой четвертью XV в. (*Rackevičius*, 2002. S. 90, 91).

Две находки с территории Беларуси напоминают по форме и пропорциям болты типа 10*, однако имеют значительное отличие — головки ромбического сечения. Один болт найден в переотложенном слое вала Минского замчища (Заяц, 1996. С. 69. Рис. 27, 28), второй — в напластованиях Заславского замка (Заяц, 1995. С. 64. Рис. 40, 4).

Черешковые наконечники

Тип 14 (15*) — квадратного сечения с ромбовидной гранью (38 экз.; рис. 3). Один из самых распространенных типов арбалетных болтов, датируется концом XII — XV в. (Медведев, 1966. С. 95). Г. Рацкявичюс выделяет две разновидности типа, которые отличаются массивностью, пропорциями и резкостью углов боевой головки. Аналогии имеют широкие географические и хронологические границы. Болты этого типа широко применялись крестоносцами. Множество подобных наконечников происходит из раскопок городищ и замков Литвы, где датируются XIII — первой половиной XVI в. Многочисленные наконечники с территории Латвии, Эстонии, Польши датируются в большинстве своем XIV—XVI вв. (Rackevičius, 2002. S. 95–110)

Тип 14— самый распространенный тип арбалетных болтов и на территории Беларуси. Множество наконечников типа 14 найдено в Подвинье. Девять болтов найдены на городище Прудники (Миорский р-н), причем все без исключения— в раскопах с конструкциями вала. По одному найдено на городищах Замковая гора в Браславе и Масковичи (Браславский р-н).

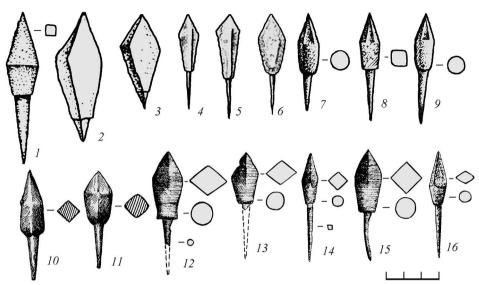

Рис. З. Черешковые арбалетные болты (тип 14) с территории Беларуси 1— Волковыск (Зверуго, 1989. Рис. 89, 3); 2, 3— Лидский замок (Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч, 1987. Рис. 2, 7, 16); 4—9— Гродно (Воронин, 1964. Рис. 88, 4—6; Трусаў, Собаль, Здановіч, 1993. Рис. 57, 3—5); 10, 11— Полоцк (Клімаў, 2010. Рис 2, 5, 6); 12—16— Прудники, городище и селише

Вероятная их датировка — вторая половина XIII — первая половина XIV в. (Плавинский, 2011. С. 213–215). Концом XIII — XIV в. могут датироваться единичные находки в Полоцке (Клімаў, 2010. Рис. 2, 5, 6), Лукомле (Штыхов, 1978. Рис. 17, 4), Витебске (Левко, 1984. С. 44), Друцке.

Не менее пяти наконечников типа 14 найдено в Новогрудке, в слоях XIII—XIV вв. (*Гуревич*, 1981. Рис. 81, *5*; *Гурэвіч*, 2003. С. 171). Не менее шести — в Гродно (*Воронин*, 1964. С. 167. Рис. 88, *4*–*6*; *Трусаў*, *Собаль*, *Здановіч*, 1993. С. 59. Рис. 57, *3*–*5*). По два — в Волковыске (*Зверуго*, 1975. С. 111) и в Лидском замке (*Трусаў*, *Краўцэвіч*, *Сагановіч*, 1987. Рис. 2, *7*, *16*). Найдены подобные болты и при раскопках А. И. Дерновича на территории Кревского замка в 2012 г.

Два болта типа 14 обнаружены в пластах XV–XVI вв. Бреста (*Лысенко*, 1985. С. 223. Рис. 150, *16*, *19*, *20*). Два наконечника найдены на территории Минского замчища (*Загорульский*, 1982. Табл. X, *3*; *Заяц*, 1996. С. 67. Рис. 27, *34*).

Тип 15 (14*) — квадратного сечения, с ромбовидной гранью и срезанными углами (31 экз.; рис. 4).

По всем параметрам, географии и времени распространения схож с типом 14~(15*).

Больше половины имеющихся экземпляров с территории Беларуси (18) происходят из раскопок археологического комплекса Прудники (*Плавинский*, 2011. С. 211). Один подобный болт найден в напластованиях XIV в. Верхнего замка Полоцка (*Штыхов*, 1975. Рис. 30, 7), один — на территории Друцкого детинца, вместе с материалами XIII—XIV вв. (*Алексеев*, 1966. С. 73). Несколько

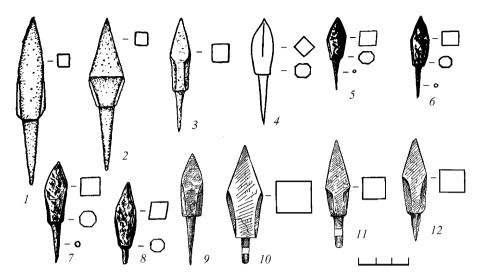

Рис. 4. Черешковые арбалетные болты (тип 15) с территории Беларуси 1, 2 — Волковыск (Зверуго, 1989. Рис. 89, 1, 3); 3 — Минск, замчище (Заяц, 1996. Рис. 27, 33); 4 — Друцк; 5 — Прудники, городище и селище

наконечников найдено в Витебске, один — на городище Лукомль (*Штыхов*, 1978. Рис. 45, 27)

Наконечники типа 15 (14*) присутствуют на территории Белорусского Понеманья на тех же памятниках, что и болты типа 14 (15*). Два экземпляра найдены в Волковыске, несколько единиц в Гродно и Новогрудке (Зверуго, 1989. С. 186; Гуревіч, 2003. С. 172).

Два наконечника этого типа найдены в напластованиях XV–XVI вв. Заславского замка (3аяц, 1995. С. 64. Рис. 40, 16), один — в валовых конструкциях Минского замчища (3аяц, 1996. С. 67. Рис. 27, 33). Два экземпляра в Бресте происходят из напластований XV–XVI вв. (Лысенко, 1985. С. 223. Рис. 150, 16).

Тип 16 (18*) — ромбического сечения, с ромбоподобной гранью и срезанными углами (11 экз., рис. 5, 1-5).

Отличается от типа 15 сечением, схож по территории и времени распространения.

Шесть болтов типа 16 (18*) найдены в Подвинье — три в напластаваниях ахеологического комплекса Прудники, два — на городище Масковичи (*Плавинский*, 2011. С. 211), один — в слабо датированных слоях Нижнего замка в Витебске. Один наконечник из раскопок городища Лукомль относится ко второй половине XIV в. (*Штыхов*, 1978. Рис. 45, 27).

В Верхнем Понеманье три экземпляра найдены на Замковой горе в Новогрудке (*Гурэвіч*, 2003. С. 171), один — на городище Шведская гора в Волковыске (*Зверуго*, 1989. Рис. 89, 4).

Тип 16* — бипирамидальные квадратного сечения, с квадратной шейкой (9 экз.; рис. 5, 6-12).

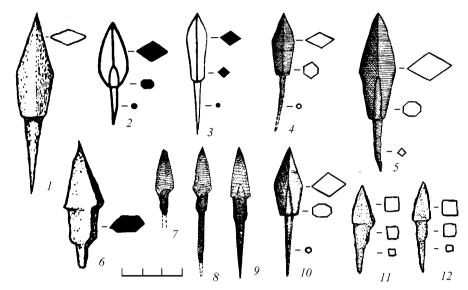

Рис. 5. Черешковые арбалетные болты с территории Беларуси (1-5-тип 16; 6-12-тип 16*)

1 — Волковыск (Зверуго, 1989. Рис. 89, 1, 4); 2, 3 — городище Масковичи; 4, 5, 7–12 — Прудники, городище и селище; 6 — Лидский замок (Трисай, Крайцэвіч, Сагановіч, 1987. Рис. 2, 4)

В типологии А. Ф. Медведева не отмечены. Соответствуют типам 14, 15 и 16 по периоду и территории распространения. Пять экземпляров найдены на селище Прудники (Плавинский, 2011. С. 211), по одному — на городище Замковая гора в Браславе, на территории детинца Друцка, на городище Замок в Лукомле (Штыхов, 1978. С. 47), в Витебске, два — в Лидском замке (Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч, 1987. Рис. 2, 4, 9).

Таким образом, на территории Беларуси найдено не менее 130 (в реальности не менее 200) арбалетных болтов одиннадцати из двадцати восьми типов, выделенных А.Ф. Медведевым и Г. Рацкявичюсом. Из них — семь типов втульчатых (примерно 30% болтов) и четыре типа черешковых.

Относительно узкая датировка имеющихся наконечников проблематична по нескольким причинам. Во-первых, изученность материалов XIV–XV вв. на памятниках, из напластований которых происходят находки, крайне слаба. Во-вторых, только незначительная часть находок имеет надежную стратиграфическую привязку. В-третьих, за немногими исключениями, на всех изученных памятниках отсутствуют сколько-нибудь крупные серии арбалетных болтов. В связи с этим необходимо искать другие подходы к датировкам широко распространенных типов для территории Беларуси.

Для начала подробнее рассмотрим топографию находок. Выделяются два региона с наибольшим количеством находок болтов — Белорусское Подвинье и Верхнее Понеманье.

За годы исследований на территории **Белорусского Подвинья** найдено не менее 70 арбалетных болтов второй половины XIII-XV в.

Абсолютное большинство наконечников с территории Белорусского Подвинья (55) относятся к типам 14–16.

Большинство болтов (46) происходят из региона Браславского Поозерья на западе Белорусского Подвинья — территории, которая на протяжении нескольких столетий являлась западным пограничьем Полоцкого княжества. Этим материалам посвящена отдельная публикация автора (Плавинский, 2011. С. 210–224). Обилием находок выделяется археологический комплекс Прудники (Миорский р-н) — городище и селище, из напластований которых происходят находки 41 болта, 39 из которых относятся к типам 14, 15, 16 и 16*; они обнаружены преимущественно в раскопах валовых конструкций, имеют деформации. Эта однородная коллекция арбалетных наконечников является самой крупной на территории Беларуси. Вероятно, стрелы попали в культурный слой поселения в результате нападения на него отряда, в составе которого были орденцы. Вероятное время этого нападения — вторая половина XIII — первая половина XIV в. Подробный анализ коллекции из Прудников приведен в вышеупомянутой статье автора.

 $\dot{X}$ арактерно, что имеющиеся в нашем распоряжении арбалетные болты, за исключением находок из Браславского Поозерья, представлены единичными экземплярами из напластований крупнейших центров региона — Полоцка, Витебска, Друцка, Лукомля.

Два арбалетных болта типа 14 найдены М.В. Климовым на Заполоцком посаде. Напластования раскопов содержат материалы XI–XIII вв. и, среди прочих, пять наконечников стрел для лука. Автором раскопок отмечены следы пожарища, которые связываются с военным нападением и разорением западной части Заполоцкого посада в первой половине XIII в. (Клімаў, 2010. Рис 2, 5, 6). Однако и стратиграфия культурных напластований, и сами материалы не позволяют уверенно говорить о такой узкой датировке отмеченных событий и могут быть отнесены как к концу XIII в., так и к более позднему времени

Один болт типа 9 найден на городище в Полоцке в раскопах Д. В. Дука (2007. Рис. 7, 2). Кроме арбалетного болта, здесь обнаружены несколько наконечников стрел, пластины доспеха, инструменты кузнечного производства. Стратиграфия раскопа не позволяет установить узкую хронологию находок. Широко представлены материалы XII–XIV вв. Вероятно, болт данного типа следует связывать с последним этапом функционирования городища. Еще два наконечника происходят из плохо датированных слоев южных раскопов Г. В. Штыхова на Верхнем Замке (*Штыхов*, 1975. Рис. 30, 7, 18).

Три болта найдены на городище в Лукомле. Один — в шурфе 1966 г., заложенном Г. В. Штыховым у края площадки городища, во втором пласте, с фрагментами керамики поздних типов (*Штыхов*, 1978. С. 78). Хронисты Ян Длугош и Матей Стрыйковский сообщали, что в 1386 г. Лукомльский замок подвергся штурму со стороны отряда князя Андрея Полоцкого. В состав отряда входили рыцари ордена, которые после захвата остались в замке.

Несколько болтов из Нижнего Замка в Витебске не имеют стратиграфической привязки (*Левко*, 1984. С. 44). Проблематична и датировка трех болтов из раскопок Л. В. Алексеева в Друцке.

Единичность находок в крупнейших центрах, жители которых непосредственно сталкивались с крестоносцами, изобилие арбалетных наконечников на западе Белорусского Подвинья, отсутствие таких болтов в напластованиях других памятников Подвинья, — все это свидетельствует о нешироком распространении арбалета в рассматриваемом регионе.

Имеющиеся источники сообщают о конфликтах орденцев и полочан на территории Белорусского Подвинья уже в середине XIII в., однако активизация походов вглубь Полоцкой земли приходится на начало XIV в. Имеются сведения о регулярных конфликтах полочан и орденцев в 1307, 1323, 1333, 1334 гг. (Варонін, 2009. С. 30; Сагановіч, 2009. С. 147).

В случае принятия тезиса о прямой связи между распространением арбалетных болтов в напластованиях памятников Белорусского Подвинья и конфликтами с орденцами становится объяснимой география находок и состав коллекций наконечников стрел. Этими конфликтами может объясняться изобилие болтов на западе Белорусского Подвинья и малое количество находок арбалетных наконечников в соотношении с наконечниками стрел лука XIV—XV вв. в крупнейших центрах региона.

На фоне невозможности узкого датирования имеющихся находок на основании археологических контекстов, отсутствия сколько-нибудь значительных серий арбалетных стрел в напластованиях памятников региона (за исключением археологического комплекса Прудники), невозможности датировки единичных находок по морфологическим признакам связь находок болтов с деятельностью орденцев позволяет датировать распространение болтов временем конфликтов с крестоносцами, от второй половины XIII в. (на западе Белорусского Подвинья) до конца XIV в. Очевидно, что широкого распространения в регионе данное оружие не получило, хотя и могло использоваться отдельными воинами.

С территории **Верхнего Понеманья** происходит вторая по численности коллекция арбалетных болтов с территории Беларуси. Общее количество находок — более 60 единиц шести типов в восьми пунктах.

Самая представительная коллекция оружия дальнего боя не только с территории Верхнего Понеманья, но и со всей территории Беларуси, происходит из раскопок Волковыска. Общее количество находок — около 300. Среди них 10 массивных черешковых арбалетных болтов типов 14–16 (Зверуго, 1975. С. 111). Особенность волковысской коллекции — значительное количество втульчатых наконечников стрел для лука. Из них более 50 — двухшипные экземпляры (Там же. С. 105). Такое преобладание втульчатых наконечников зачастую объяснялось размещением города на западных границах Руси. Однако подобный тезис может вызвать сомнения: на территории Польши и Литвы втульчатые наконечники не являются доминирующими. Значительную часть втульчатых наконечников из раскопок замков Литвы Г. Рацкявичюс относит к арбалетным болтам с короткими шипами (тип 11*) и к

массивным с длинными шипами (тип 12*) (*Rackevičius*, 2002. S. 91, 92). Отличие их от подобных наконечников лучных стрел — в размерах, массивности втулки и шипов. Некоторые находки из Волковыска можно отнести к этим типам арбалетных стрел. Не исключено, что местные жители после знакомства с механизированным оружием адаптировали хорошо известные им типы наконечников лучных стрел к новым потребностям.

Из раскопок в Гродно происходят 12 болтов — 8 из посада и 4 из Старого замка. 10 из них относятся к типам 14–15. Находки наконечников стрел лука немногочисленны, на период XIII–XIV вв. их насчитывается не более двух десятков (*Воронин*, 1954. С. 166, 167; *Трусаў*, *Собаль*, *Здановіч*, 1993. С. 59). Кроме болтов, при раскопках в Гродно обнаружен костяной орех — спусковое колесо арбалета, — датирующийся XIV в. (*Бохан*, 2002. С. 176).

Из раскопок Новогрудка происходят 12 болтов, девять — из напластований Замковой горы, центра средневекового города (*Гуревич*, 2003. С. 2003. С. 171). С датированием новогрудских материалов также существуют проблемы, главная из которых — слабая изученность материалов детинца XIV—XV вв. Судя по составу коллекции (пять наконечников втульчатые, восемь — черешковые, массивные), относится она ко времени не раньше рубежа XIII—XIV вв.

Особенный интерес представляет находка с городища Индура (Гродненский р-н), которая интерпретируется как заготовка арбалетного болта. Заготовка небольших размеров — длина ее 51 мм, будущий наконечник мог быть стрелой квадратного сечения типа 14 (Зверуго, 1989. Рис. 50, 4). Материальная культура городища очень схожа с Гродненской, верхние напластования памятника датируются концом XIII — первой половиной XIV в.

Коллекция арбалетных болтов происходит из Лидского замка. Считается, что замок был построен в начале XIV в. и входил в линию противоорденской обороны Новогрудок — Крево — Медники — Троки. Общее количество найденных наконечников — 10 экземпляров, относящихся к типам 4, 8, 14, 15, 16 и 16*. Происходят они из напластований XIV—XV вв. Рядом с арбалетными болтами найден десяток наконечников стрел для лука, характерных для XIV—XV вв. (*Трусаў, Краўцэвіч, Сагановіч*, 1987. С. 81, 82). Кроме того, при раскопках Лидского замка обнаружен натяжной крюк, который имеет раздвоенную основу и два отверстия для крепления на поясе. Датируются подобные крюки XIV в. (*Краўцэвіч*, 1991. Рис. 36, 20).

Особенный интерес представляют находки из Кревского замка 2012 г. (раскопки О.И. Дерновича). Первоначальные постройки замка были возведены в начале XIV в. (возможно, и ранее), был он одним из центров линии защиты Новогрудок — Крево — Медники — Троки. При этом в письменных источниках нет сведений о нападениях на замок со стороны орденцев. Общее количество найденных болтов — более 10 (на момент написания статьи они находились в процессе расчистки, некоторые экземпляры нельзя атрибутировать достоверно). Особенность наконечников — нахождение их в одном месте. Почти все болты черешковые, при этом черешки их не гнутые, все наконечники обгоревшие. Вероятно, в боевом использовании стрелы не побывали, а могли сгореть при пожаре в замке

Очевидно, что находки большого количества арбалетных болтов в Верхнем Понеманье не случайны и так же, как и в Подвинье, объясняются контактами с орденцами. После покорения Пруссии в 1283 г. орден направил свою мощь на земли Понеманья. В 1284 г. был совершен первый поход на Гродно (Краўцэвіч, 2000. С. 173). Большой поход одновременно из Пруссии и Ливонии, ход которого остался неизвестным, готовился на рубеже 1291 и 1292 гг. В 1295 г. вновь был совершен поход на Гродно. С конца 90-х г. XIII в. до 1315 г. было совершено около 20 походов, по преимуществу направленных на Гродно. Во время этих походов крестоносцы доходили до Новогрудка (Краўцэвіч, 2000. С. 173–176). Всего за XIV в. крестоносцы совершили более 80 походов на территорию Верхнего Понеманья. Характерно, что почти все населенные пункты, в напластованиях которых найдены арбалетные болты, упоминаются в связи с походами крестоносцев. Новогрудок начиная с 1295 г. штурмовали около десяти раз, Лидский замок четыре раза — в 1384, 1392, 1994, 1404 гг. В 1410 г. рыцари Тевтонского ордена захватили и сожгли Волковыск. Не зафиксировано крупномасштабных нападений со стороны рыцарей только на Кревский замок, который был одним из ключевых центров линии противоорденской обороны.

Как отмечает Г. Рацкявичюс, при раскопках литовских замков сложно определить точно, кому принадлежали арбалетные наконечники: и орденцы, и великокняжеские воины использовали одни и те же типы, к тому же нередко подбирали стрелы после боя (*Rackevičius*, 2002. S. 272). Очевидно, что на вооружении гарнизонов городов и замков понеманской линии противоорденской обороны арбалет имелся. Однако малое количество находок — в среднем не более 10—15 единиц в самых крупных центрах, которые не раз подвергались орденским осадам, — свидетельствует о непопулярности этого оружия у местных воинов. При этом значительное количество наконечников, найденных при раскопках оборонительных сооружений, имеют деформации, которые свидетельствуют о попадании в культурный слой болта в ходе боевых действий. Если сравнить количество болтов в комплексе находок оружия дальнего боя XIV—XV вв. на конкретных памятниках, станет очевидно, что наконечники стрел для лука являются доминирующими.

Таким образом, Верхнее Понеманье — наиболее насыщенный арбалетным вооружением регион Беларуси, жители которого наиболее ощутимо столкнулись с западными влияниями. Местные гарнизоны пользовались самострелом, хотя и значительно реже, чем луком. Наиболее ранние находки болтов из Гродно, Новогрудка, Волковыска могут датироваться временем не ранее конца XIII в. На городищах, которые были крупными центрами в конце XIII в. и прекратили функционирование в это время (Кульбачино, Щучинский р-н), арбалетных болтов не найдено. Не найдено их и при раскопках замков, построенных в конце XV — XVI в. (например, при раскопках на территории Мирского замка встречаются находки наконечников стрел для лука и предметы, связанные с огнестрельным оружием, но не найдено ни одного болта). Как и в ситуации с Белорусским Подвиньем, находки арбалетных болтов из напластований памятников Верхнего Понеманья, при условии невозможности

датировок на основании археологических контекстов и их морфологических особенностей, в общей тенденции могут датироваться на основании контактов с орденцами.

В таком случае, большая часть болтов относится к XIV в. Находки, имеющие относительно точную стратиграфическую привязку, подтверждают предлагаемую датировку.

Еще один центр, при раскопках которого обнаружено значительное количество арбалетных болтов, — город Брест. Из раскопок детинца Бреста происходит не менее 11 наконечников — 7 втульчатых и 4 черешковых. Найдены они в слоях, датируемых второй половиной XIV — XV в., судя по составу коллекции, болты относятся именно к этому времени (*Лысенко*, 1985. С. 222—224). Кроме того, в Бресте обнаружены два ореха и накладка на ложе арбалета второй половины XIV — начала XV в. (*Бохан*, 2002. С. 176). Коллекция из восьми болтов второй половины XIV — XV в. происходит из раскопок Минского замчища, в первую очередь из раскопов валов (*Загорульский*, 1982. С. 218; *Заяц*, 1995. С. 69).

В других регионах Беларуси не зафиксировано ни одной значительной коллекции арбалетных болтов (рис. 6).

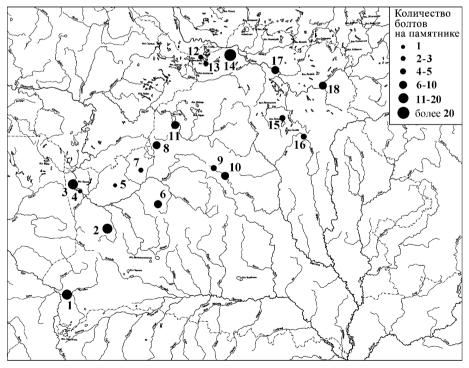

Рис. 6. Находки арбалетных болтов на территории Беларуси 1—Брест; 2— Волковыск; 3— Гродно; 4— городище Индура; 5— городище Турейск; 6— Новогрудок; 7— Лидский замок; 8— городище Гольшаны; 9— Заславль, замок; 10— Минск; 11— Кревский замок; 12— Браслав, городище; 13— городище Маскавичи; 14— городище и селище Прудники; 15— городище Лукомль; 16— Друцк; 17— Полоцк; 18— Витебск

Таким образом, складывается следующая картина. Арбалетное вооружение появляется на территории Беларуси в итоге контактов с крестоносцами в конце XIII в. Нигде, кроме Верхнего Понеманья, где западные влияния были наиболее сильными, рассматриваемое оружие сколько-нибудь широкого распространения не получило. Наибольшее количество находок в Понеманье приходится на XIV в. – время активности орденцев в регионе. При этом в общих соотношениях в комплексе оружия дальнего боя арбалет значительно уступал луку (единичные исключения — Лидский и Кревский замки, построенные в первой половине XIV в. как центры линии противоорденской обороны). В условиях отсутствия в рассматриваемых регионах, за единичными исключениями, крупных коллекций болтов, невозможности датировки находок на основании стратиграфического положения, хронологическая интерпретация арбалетных стрел в контексте контактов с северо- и западноевропейскими рыцарями представляется возможной. Более узкая датировка типов болтов для территории Беларуси вряд ли возможна, лишь в отдельных случаях можно опираться на морфологические особенности наконечников (массивность, приземистость) и состав коллекций (доминирование втульчатых болтов зачастую может быть признаком более поздних коллекций).

В итоге всего вышесказанного становится очевидным, что арбалет не получил на территории Беларуси широкого распространения, местное население перешло от своего традиционного лучного вооружения сразу к огнестрельному оружию, оставаясь в XIV–XV вв. в большинстве своем архаично вооруженным, несмотря на незначительные проявления западноевропейских тенденций.

Литература

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX— XIII вв. М.

Бохан Ю.М., 2002. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. М.

Варонін В.А., 2009. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк.

Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно // МИА. № 31: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III.

Гурэвіч Ф.Д., 2003. Летапісны Навагрудак. СПб.; Навагрудак.

Дук Д.У., 2011. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. Вып. 21.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Заяц Ю.А., 1996. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. Минск.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск.

Кильдюшевский В.И., 1999. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.

Клімаў М.В., 2010. Новыя звесткі аб раскопках запалоцкага пасада г. Полацка (па выніках раскопак 2008 г.) // Віцебскія старажытнасці. Мінск.

Краўцэвіч А.К., 1991. Гарады и замкі Беларускага Панямоння XIV—XVIII ст.ст. Мінск. *Краўцэвіч А.А.*, 2000. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Ржэшув.

Левко О.Н., 1984. Витебск XIV–XVII вв.: Стратиграфия, хронология, социал.-ист. то-пография и технология пр-в. Минск.

Лысенко $\Pi.\Phi.$, 1985. Берестье. Минск.

 $Medeedee A.\Phi$., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII— XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Плавинский В.А., 2011. О времени появления арбалета на западе Белорусского Подвинья // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).

Сагановіч Г.М., 2009. Полацк і Нямецкі ордэн: ад вайны да васалітэта і саюза // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк.

Трусаў А.А., Здановіч Н.І., Собаль В.Е., 1993. Стары замак у Гродне XI–XVIII стст. Мінск.

Трусаў А.А., Краўцэвіч А.К., Сагановіч Г.М., 1987. Металічныя вырабы з раскопак Лідскага і Мірскага замкаў (XIV–XVIII стст.) // Весці Акадэміі навук БССР. Мінск. Т. 4.

Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк (IX-XIII вв.). Минск.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Rackevičius G., 2002. Arbaletas ir lankas Lietuvoe XIII–XVI a. Vilnius.

Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе в 2012 г. (Не)ожиданные открытия

R. Jonaitis. Studies in the «Civitas Rutenica» in Vilnius in 2012. (Un)expected discoveries

Abstract. The research in the «Civitas Rutenica» in Vilnius was continued in 2012. This year, four excavations were started. The excavations revealed (un)expected facts. The southern and eastern boundaries of the burial ground were specified, the total number of burials with the chaplets was substantially increased. The findings directly associated with Christianity — a necklace with an amber cross and an ancient Russian encolpion of the $12^{\rm th}$ c. — were revealed.

With the support of the Science Council of Lithuania, the selection of 27 samples of bone material for dating by ¹⁴C was done. New data allow a refreshed look at the formation of the «Civitas Rutenica» in particular, and Vilnius as a whole.

Ключевые слова: «Civitas Rutenica», Вильнюс, грунтовый могильник

В2012 г. экспедиция Института истории Литвы продолжила археологические исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе, на участке по адресу ул. Бокшто, 6. О предыдущих результатах раскопок автор неоднократно сообщал на Псковском семинаре (Йонайтис, 2009; 2011a; 20116; 2013).

В 2012 г. были заложены 4 раскопа (№ 29–32) общей площадью 404 м²: раскоп 29 (190 м²) в южной части западного двора комплекса, раскоп 30 (75 м²) в центральной части западного двора, раскоп 31 (60 м²) в северо-восточном углу западного двора, раскоп 32 (85 м²) во внутреннем дворике между корпусами 1 и 4 (рис. 1)¹. Общая площадь раскопок начиная с 2006 г. составила 4730 м².

Раскоп 29. Почти по всей площади раскопа под асфальтом сохранилась каменная мостовая середины XX в. Эта мостовая под асфальтом фиксировалась во всем западном дворе комплекса. Камни мостовой были средних размеров, лоточков на мостовой не обнаружено. На глубине 70–90 см обнаружены фрагменты каменного фундамента, вероятно, деревянной постройки. Фундамент имел форму прямоугольника. Камни фундамента не были связаны между собой. Рядом с фундаментом в западной части раскопа обнаружены два фрагмента фундамента из кирпича. Большая часть кирпича была вторичного использования. Эти два фрагмента прямоугольной формы — вероятно, основания каких-то колонн. Фундамент датируется серединой XVII в. По итогом

¹ Иллюстрации к статье см. на вклейке.

344 Р. Йонайтис

этого и предыдущих сезонов можно говорить о застройке обоих дворов комплекса небольшими деревянными постройками в XVII в. Фундаменты этих построек были неуглубленные или углублены незначительно, что способствовало сохранению могильника, расположенного ниже фундаментов.

После зачистки раскопа до материка по всей площади погребений не было обнаружено. Однако было выявлено несколько хозяйственных ям. Глубина одной из ям, судя по раскопкам 2009–2010 гг. достигала 5 м. Все ямы в этом раскопе датируются XVII–XVIII вв.

Раскоп 30. Раскоп был разделен на 3 самостоятельных участка — западный (3), центральный (Ц) и восточный (В). Такая методика была выбрана, чтобы не перекопать проезд в северную часть двора — параллельно с раскопками в корпусах проводились и строительные работы. Сначала был исследован участок 3. На глубине 80–90 см от поверхности земли, как и ожидалось, была обнаружена каменная мостовая XVII в. Эта мостовая прослеживается во всей северной части западного двора. На данном участке мостовая была повреждена при прокладке газопровода. На глубине 2,5–2,6 м выявлен материк. На материке обнаружены пятна — вероятно, остатки деревянных строений.

Кроме этих четко выраженных пятен, на материке зафиксировано и несколько расплывчатых бесформенных пятен. Так как у нас уже был опыт работы на этом объекте, мы знали, чего ожидать, поэтому было решено углубляться в материк на 0,5 м по всей площади участка. Наши ожидания подтвердились — на глубине около 3 м от поверхности было выявлено 5 погребений. Немного смущало то, что на всех костяках были обнаружены камни разных размеров — до этого погребения с камнями в этой части могильника не были выявлены. Данный раскоп расширил ареал таких погребений — они обнаружены почти по всей площади могильника. На этом участке все погребения концентрировались в северо-восточной его части, и это навело на мысль, что мы обнаружили отрезок южной границы могильника. Здесь были захоронены двое мужчин, две женщины и один младенец. Все погребения были без погребального инвентаря.

На следующем этапе был исследован восточный участок. Как и на предыдущем участке, здесь, на глубине 0,7–0,8 см, была обнаружена каменная мостовая XVII в. Здесь она тоже была повреждена, только при прокладке не газопровода, а теплотрассы. Зафиксировав и разобрав мостовую и углубившись еще на 1,7–1,8 м, мы достигли материка. Как и в других раскопах на территории могильника, на материке были обнаружены пятна черной земли — некоторые из них явно принадлежали могильным ямам, другие — деревянным постройкам. После углубления в материк на 0,5 см было выявлено 8 погребений. Некоторые умершие были погребены в деревянных конструкциях, напоминающих гробы. Здесь были погребены трое мужчин, три женщины, один ребенок и один младенец. Во всех женских погребениях обнаружен погребальный инвентарь. Также погребальный инвентарь присутствовал в могиле ребенка и в одном погребении мужчины.

В погребении ребенка № 423 (рис. 2) обнаружены два бронзовых пластинчатых браслета — по одному на каждой руке. Также на каждой руке умершего

было по одному перстню с плетеным щитком. Один перстень был серебряный, другой — бронзовый. В области шеи обнаружены два медных бубенчика — остатки ожерелья. Рядом с погребенным был положен фрагмент фальшивой литовской гривны, изготовленной из медного сплава. В погребении 424 на черепе погребенной был обнаружен венчик из серебряных бляшек прямоугольной формы. Бусинами была общита по периметру не только каждая бляшка по отдельности, но и весь венчик в целом. К сожалению, пока трудно сказать, из какого материала сделаны эти бусины. В погребении 428 на черепе умершей обнаружен похожий венчик. Бляшки были прямоугольной формы, бусинками были обшиты как каждая бляшка, так и весь венчик (рис. 3). В погребении 430 при выемке костяка под черепом погребенной обнаружено несколько бляшек прямоугольной формы — от распавшегося венчика. В земле выявлено несколько бусинок — вероятно, ими был общит сам венчик. В погребении мужчины рядом с бедренной костью обнаружены остатки, по всей вероятности, кожаной сумки. На данный момент сумка находится на реставрации. Остальные погребения были без погребального инвентаря.

После окончания работ на восточном участке были начаты исследования в центральной части раскопа. Так как в 2010 г. раскопки уже проводились к северу от данного участка, форма раскопа напоминала ров — из-за нестабильности насыпного грунта северная стенка участка была пологой. Как и на других участках раскопа, в центральной его части на глубине 0,7-0,8 м обнаружен фрагмент каменной мостовой XVII в. Мостовая была разрушена при проводке газопровода. На поверхности материка прорисовывались несколько темных пятен, некоторые из них явно принадлежали могильным ямам. Кроме могильных ям, на материке выявлена еще одна яма, заполнение которой темная земля с угольками. По всей видимости, это остатки кострища. На этом участке обнаружены два погребения, в каждом из которых присутствовал погребальный инвентарь. В женском погребении 431 на черепе умершей был венчик из бляшек прямоугольной формы, а возле правой ноги — железный нож. В другом женском погребении 432 обнаружены разрушенный и просевший в глазницы венчик из прямоугольных бляшек и одна серебряная кольцевидная серьга. Исследования на этом раскопе были завершены после выборки костяков.

Раскоп 31 с северной стороны вплотную подходил к корпусу 1, с восточной — к каменному забору. Специфика данного раскопа состоит в том, что с южной и западной сторон раскопки уже проводились в 2009—2011 гг. Чтобы зафиксировать хотя бы два разреза, перед раскопками экскаватором была выкопана траншея шириной 3 м вокруг южной и западной частей раскопа. Тем самым раскоп был как бы «поднят». В результате стало возможным зафиксировать два разреза и культурные напластования снимать послойно.

До материка в данном раскопе никаких структур не выявлено, тем более что в северной части раскопа была проложена канализация. Как и по всей территории могильника, на материке обнаружены темные пятна разных очертаний — часть из них, вероятно, принадлежала каким-то строениям, часть — могильным ямам. На глубине 0,5 м от поверхности материка обнаружены

346 Р. Йонайтис

22 погребения: 8 мужских, 7 женских, в 3 были похоронены дети, еще в 3 — младенцы, принадлежность одного погребения установить не удалось. Только в двух погребениях обнаружен погребальный инвентарь. В погребении ребенка № 404 в области груди обнаружено ожерелье из стеклянных бусинок зеленого и желтого цветов, одной медной спиральки и янтарного крестика (рис. 4, 1). У крестика сломана нижняя лопасть, но и без нее четко видно, что это христианский символ. В погребении 414, где похоронена пожилая женщина, предположительно был обнаружен перстень. К сожалению, изделие было очень плохой сохранности, рассыпалось на месте. Сейчас изделие находится на реставрации, может быть, реставраторам удастся сказать, к какому типу принадлежал этот перстень.

Раскоп 32. Как уже упоминалось выше, раскоп был заложен во внутреннем дворике, который до сезона 2012 г. оставался белым пятном на археологической карте исследуемого комплекса. На этот раскоп возлагались большие надежды, и, к счастью, они оправдались. Перед началом работ раскоп был разделен на два участка— южный и северный. Работы были начаты с первого. Уже на глубине 0,9–1 м были обнаружены первые погребения — только в западной части участка. Так был определен участок восточной границы могильника. Сама граница совпала с краем террасы. Восточнее террасы был крутой обрыв (до 1,5 м ниже самого могильника). За террасой погребений не обнаружено. По всей видимости, раньше терраса обваливалась так, что некоторые погребения обрушивались вместе с ней. Так, было обнаружено одно погребение почти в вертикальном положении. Возле края террасы, в предматериковом слое, обнаружена очень редкая для Вильнюса в частности и для всей Литвы в целом находка — верхняя часть древнерусского энколпиона (рис. 4, 2). По каталогу Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой, данный энколпион по типу датируется XII в., сделан из медного сплава (Корзухина, Пескова, 2003). Вероятно, этот энколпион мог находиться в погребении. Эта находка еще больше подкрепила наши доводы о том, что в обнаруженном могильнике похоронены православные.

Северный участок нас тоже удивил, но не в хорошем смысле этого слова. На нем, кроме коммуникаций, находился каменный колодец, занимавший всю северную часть участка. Все культурные напластования здесь были уничтожены. К счастью, край террасы не попадал в этот участок — он находился уже внутри здания, и погребений на этом участке не было. Также не обнаружено каких-либо находок из ранних культурных напластований. На этом этапе полевые исследования на этом объекте были закончены. Подводя итоги, можно сказать, что сезон 2012 г. дал много интересного материала: значительно увеличилось число погребений с венчиками (на данный момент их 19); обнаружена часть южной и часть восточной границ могильника; в культурном слое обнаружена редкая для Литвы находка — древнерусский энколпион. Все это позволяет более уверенно говорить как о границах могильника, так и о конфессиональной принадлежности погребенных.

Полевыми исследованиями работа над ценным археологическим материалом не закончилась. Осенью 2012 г. институт истории Литвы получил грант на научные исследования, которые до этого финансировались частными

лицами. Таким образом, из охранных раскопок удалось получить максимальную научную информацию.

Из антропологического материала могильника были отобраны 27 образцов для исследования по ¹⁴С. Мы старались брать образцы из тех погребений, которые могли бы дать максимальную информацию, — 27 образцов это немало, однако весь комплекс включает в себя 500 исследованных погребений. Образцы взяты из тех погребений, в которых обнаружен погребальный инвентарь; из парных погребений, когда умерших старались хоронить в одну и ту же яму; из погребений в центральной части могильника и на периферии. Датировку проводила Познанская лаборатория (Польша) под руководством профессора Томаша Гослара.

Результаты нас немного удивили, поскольку были получены немного более ранние даты, чем мы предполагали ранее. Сузив полученные рамки дат до 25–35 лет, мы получили следующую картину: 12 образцов дали середину — конец XIII в., 7 образцов — конец XIII — рубеж XIV–XV вв., 7 образцов — XIV в., и один образец — XVI в. Интересно то, что из 12 образцов, отнесенных к XIII в., 5, дающих самый широкий диапазон, все равно попадают в XIII в. Единственное погребение, датируемое XVI в., выпадает из общего контекста могильника не только своей датировкой, но и самим обрядом погребения — умершая женщина была похоронена на животе (рис. 5).

Полученные данные позволили по-новому посмотреть не только на развитие самого могильника и образование Вильнюса, но и на столь проблематичную до сих пор датировку ювелирных украшений XIII–XIV вв.

На самом раннем этапе развития могильника умерших начали хоронить не компактно в центре, как мы предполагали прежде, а сразу на всей территории. Это позволяет предполагать, что жителями сразу было отведено место для будущего могильника. Память о ранее существовавшем могильнике была жива вплоть до XVI в., т.к. еще тогда здесь хоронили умерших. Другой вопрос — почему на животе? Этот вопрос еще ждет своего ответа.

Немаловажное открытие состоит в том, что часть ювелирных изделий (христианских символов) носилась уже во второй половине XIII в. — еще за 100 лет до официального католического крещения Литвы. Эти новые данные позволяют говорить о самом раннем этапе развития Вильнюса как о времени функционирования одного из дворов Тройдяня. У этого князя в этнической Литве были два таких двора — Кярнаве и Вильнюс. Кярнаве была его вотчиной, там сосредотачивался экономический потенциал — ремесла и торговля. В Вильнюсе дела обстояли иначе — раскопки северного подножья горы Гядимина и новейшие открытия в исследуемом нами могильнике на ул. Бокшто позволяют говорить о сосредоточении здесь военного потенциала. И в Кярнаве, и в Вильнюсе этот потенциал по преимуществу составляло новое население — прибывшие образованные люди, христиане. В данном случае речь идет о православном населении: в Кярнаве — купцы и ремесленники, в Вильнюсе — дружинники.

В 2014 г. планируется возобновить исследования на этом, по сути, уникальном объекте. Надеемся, что удастся исследовать всю территорию могильника и более точно определить его границы. **348** Р. Йонайтис

Литература

- *Йонайтис Р.*, 2009. Новейшие раскопки на территории «CIVITAS RUTENICA» в Вильнюсе: предварительный анализ результатов // АИППЗ: Мат. 54 заседания (2008).
- *Йонайтис Р.*, 2011а. Община «Русского города» XIII—XIV веков в Вильнюсе в свете новейших археологических открытий // АИППЗ: Мат. 56 заседания (2010).
- *Йонайтис Р.*, 20116. Раскопки на территории «CIVITAS RUTENICA»: Продолжение исследования // АИППЗ: Мат. 57 заседания (2011).
- *Йонайтис Р.*, 2013. Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г.: Проверка теорий // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).
- *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.*, 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X-XIII вв. СПб.

Мусор в повседневной жизни жителей Католического района Вильнюса в XIV–XVI вв.

I. Kaplūnaitė. Garbage in the daily life of the inhabitants of the Catholic district of Vilnius, in the 14th–16th cc.

Abstract. Rubbish is an integral part of archeology. Despite this, it's still paid too little attention to this source of knowledge. Especially, when it comes to trash of the medieval city. In this case, archaeology can increase understanding about litter and its role in the daily life of a medieval city.

This article, based on archaeological data, considers «trash culture» of the Catholic district that existed in Vilnius in the $14^{\rm th}$ — the beginning of the $16^{\rm th}$ century. We'll discuss varieties of debris, the possibilities of getting rid of it, refuse pits (simple and furnished), their distribution, the impact on the urban landscape, a reflection of everyday life.

Ключевые слова: мусор, мусорные ямы, утилизация мусора, католический район Вильнюса.

Мусоре является неотъемлемой частью археологии. Археологи роются в мусоре с того времени, когда археология стала профессией (*Rathje, Murphy*, 2001. Р. 10). Несмотря на это, этому источнику познания все еще уделяется недостаточно внимания, особенно если говорить о мусоре в средневековом городе. О мусоре больше пишут историки, уделяя основное внимание не самому мусору, а условиям жизни средневековых горожан, санитарии, правилам по уходу за мусором. Но письменные источники редко говорят о том, что люди выбрасывали, как и куда. В данном случае археология может расширить понимание места и роли мусора в повседневной жизни средневекового города.

Обычно средневековый город представляется как грязное и вонючее место, где мусор мог быть выброшен прямо прохожим на голову. В этом представлении есть доля истины. Например, в Париже до XIV в. разрешалось выбрасывать мусор прямо через окна (*Melosi*, 2005. Р. 5). Горы мусора достигали 3–4 м в высоту и перегораживали улочки (*Evans*, 2010. Р. 268). По мере роста городов предпринимались меры по уборке мусора и грязи. Так, в конце XIII в. в некоторых городах началось мощение улиц, иногда организовывалась их чистка (*Dyer*, 1989. Р. 191). В Англии в конце XIV в. парламент запретил выбрасывать отходы в общественные водоемы и рвы (*Melosi*, 2005. Р. 6). Больше всего усилий прилагалось к урегулированию порядка удаления вредных отходов. Так, мясникам отводились специальные места для отходов, за несоблюдение порядка налагались штрафы (*Dyer*, 1989. Р. 191). Однако даже

при введении различных правил по уборке мусора, ответственность за уборку вплоть до XIX в. оставалась личным делом горожан (*Melosi*, 2005. P. 6).

Избавление от мусора производилось несколькими способами. Мусор выбрасывался через окна, на улицу, в водоемы, в оборонительные рвы, в общественные места, во двор к соседу, или в любые неиспользуемые ямы. Некоторые ямы выкапывались специально для мусора, другие оставались после выборки строительных грунтов (глины, песка или гравия). Ямы для мусора часто бывали оборудованы в каждом домовладении, непосредственно за домом или в пределах сада. Ямы для бытовых отходов обычно указывали на границы владения, тем самым сами дома были освобождены от мусора (*Gilchrist*, 2012. Р. 18). Часть таких помойных ям была многоразового использования. Хозяйственный, чаще всего пищевой мусор в таких ямах отстаивался, позже выгребался и разбрасывался по почве в качестве удобрения (*Jervis*, 2012). Надо не забывать, что в средневековье была очень распространена переработка и вторичное использование (*Hoffmann*, 2007. Р. 310). Поэтому даже мусор не всегда выбрасывался окончательно. Об окончательном избавлении от мусора можно говорить лишь тогда, когда он сбрасывался в воду.

Заметим, что во время археологических раскопок мусор редко обнаруживается в своем первичном местоположении. Чаще всего мусор фиксируется уже как собранный и выброшенный в отведенное для этого место. Нередко находки трудно идентифицировать как мусор, сложно отличить случайно потерянные вещи от выброшенных за ненадобностью. Археологов больше всего должны интересовать те места утилизации мусора, которые можно зафиксировать во время исследований — то есть, специально устроенные ямы. В основном можно говорить о двух группах мусорных ям. По мнению Сары Тарлоу (*Tarlow*, 2007. Р. 186), первая группа — это простые, необустроенные ямы, обычно одноразового использования, куда мусор высыпался без цели последующей переработки. Вторая группа — тщательно обустроенные ямы многоразового использования, которые периодически выгребались. Стены таких ям облицовывались камнями, кирпичом, укреплялись досками.

Исследуемый объект — католический район, существовавший в Вильнюсе в XIV—XVI вв. (подробнее см.: *Каплунайте*, 2013. С. 384—388). Территория была заселена во второй половине XIV в. прибывшими католиками (духовенством, купцами, ремесленниками). После крещения Литвы в 1387 г. здесь поселялись и местные неофиты. В XV в. территория района выросла до 30 га. Район как отдельное образование просуществовал до начала XVI в. В XVI в. ситуация меняется — построенная оборонительная стена объединяет все районы, стирается граница между католическим и православным районами, район язычников исчезает (по крайней мере, официально их не остается), формируется территория еврейского гетто.

Письменных данных о мусоре и его уборке в Вильнюсе XIV–XVI вв. нет. Поэтому в нашем случае самыми главными становятся археологические данные.

То, что мусор сбрасывался в воду, а именно в речку Вингре, со всею очевидностью показывает археологический материал. В бывшем русле и на её

берегах собран обширный материал XIV—XVII вв. (Skardžius, 1995). Загрязнённость способствовала тому, что уже в XVI в. вода Вингре была непригодна для питья. Еще одним общественным местом для утилизации мусора были естественные и искусственные рвы. Например, при раскопках по адресу улица Игното 6, обнаружен, как предполагается, оборонительный ров, заполненный черной землей, песком, перегнившим гумусом, древесным тленом и фрагментами керамики (Girlevičius, 2007а). Подчеркнем, что время заполнения рва мусором — XV в., время, когда до Вильнюса уже не доходят крестоносцы, и городские оборонительные сооружения не имеют прежнего значения.

Конечно, может быть, что большая часть мусора выбрасывалась прямо на улицу, а также в неиспользуемые постройки. Так, при раскопках по адресу улица Клайпедос 7, была обнаружена яма, предназначенная для приготовления извести (*Lisanka*, 1990). Дно ямы было вымощено камнем, стенки облицованы обломками кирпича и камнями на глинистом растворе (*Lisanka*, 1990. Psl. 22). Для приготовления извести яма использовалась в XV—XVI вв., затем была засыпана мусором — фрагментами керамики и стекла. Можно предположить, что мусор в яму сбрасывался до XVII в., т. к. в ней обнаружены находки, датируемые XVI и XVII вв.

Разного рода мусор ждала разная судьба. Например, большая часть строительных отходов, особенно кирпич, использовались вторично. Если этого не происходило, то утилизация происходила несколькими способами. Например, мусор вывозился и вываливался на пустыри. Во время раскопок нередко фиксируются мощные слои строительного мусора. Формирование таких слоев особенно заметно в XVII в., когда Вильнюс сильно страдал от войн и пожаров. Чаще строительные отходы оставались на месте и засыпались грунтом, что также преследовало цель выравнивания земляной поверхности. Мусор мог также сбрасываться в руины зданий и в неиспользуемые заглублённые в землю сооружения.

Так, на углу пересечения улиц Рудининку и Пилимо, был обнаружен предположительно колодец, в который во время строительства оборонительной стены в XVI в. сбрасывался разный мусор (*Sarcevičius*, 1998). Кроме строительных отходов здесь обнаружены фрагменты бытовой керамики, кожи, куски глины, кости животных. То есть яма для строительных отходов использовалась и для бытового мусора.

Другой тип мусора — это производственные отходы. Исследование такого типа мусора очень важно, потому что он обычно концентрируется вокруг территории, населенной ремесленниками. В XVI в. один из таких производственных кварталов располагался возле дворца епископа. Здесь обнаружены отходы обработки металла, шлак, зола, роговые и костяные заготовки для изделий из рога и кости (*Luchtanienė*, 1996). При этом мусор разбросан на обширной территории, не выявлено каких-то специальных ям, тем более обустроенных.

Похожая ситуация наблюдалась при раскопах по адресу ул. Игното, 9, на территории, где исследован производственный комплекс по обработке железа. Здесь найдены широко разбросанные отходы — шлак, зола, а также керамика XV в. (*Luchtanienė*, 2003). Одновременно с этим рядом с печью для

обработки железа была обнаружена обустроенная яма, заполненная фрагментами керамики и костями животных. Видимо, эта яма заполнялась бытовым мусором в период работы производственного комплекса. Похоже, что часть мусора находится в своем первичном положении — просто выброшена. Другая часть мусора, связанного с производством, могла быть переработана или вывезена за пределы комплекса.

Несколько другая ситуация наблюдалась при исследованиях железообрабатывающего комплекса, действовавшем в XVI в. возле нынешнего костела Святой Екатерины (*Daminaitis*, 1987). Производственные отходы были разбросаны по всей территории, но вместе с этим зафиксирована и специальная яма для них. В яме обнаружено более 260 фрагментов тиглей, а также производственные отходы (*Daminaitis*, 1987. Psl. 27). Стены этой ямы были укреплены камнем и досками.

Все-таки можно предположить, что чаще всего отходы, связанные с производством и ремеслами, фиксируются не в специально выкопанных ямах, а разбросаны в слое вместе с другими находками. Может быть, «опасные» отходы вывозились с территории, другим же уделялось меньшее внимание. Наибольшее внимание уделялось устранению бытового мусора, вероятно из санитарно-гигиенических соображений (например, из-за запаха).

Бытовые отходы составляют основную часть городского мусора. Рассмотрим объекты, которые определенно можно назвать местами утилизации бытового мусора. Использовались как специально оборудованные, так и просто выкопанные ямы. Специально оборудованных ям обнаружено немного, гораздо больше зафиксировано простых, необустроенных мусорных ям. Какиелибо специфические признаки у ям для бытового мусора отсутствуют, они имеют различную форму, размер, глубину и структуру заполнения. Как уже упоминалось, для мусора годились любые ямы.

Мусорные ямы для бытовых отходов были распространены по всей территории католического района. Наибольшая их концентрация отмечена при раскопках в районе улиц Гаоно и Стиклю. Здесь было выявлено более 10 разных ям (Daminaitis, 1998; Girlevičius, 2006; Poška, 2001), датируемых XV—XVII вв., часть из них была специально обустроена. Все упомянутые ямы были в основном заполнены бытовым мусором, но в них встречались также изразцы, шлак, угольки, навоз. Основной составляющей заполнения была черная и темно серая земля, что характерно для ям, предназначенных для сбора бытовых, особенно для органических отходов. Подчеркнем, что разновременные ямы на протяжении всего исследуемого периода располагались вдоль западной границы квартала, на небольшом расстоянии от улицы, во дворах. Такое расположение подтверждает типичную практику горожан средневекового города, когда мусорные ямы устраивались внутри своего двора.

Разнообразие способов утилизации отражают ямы, сконцентрированные в 62 квартале, неподалеку от костела Святого Николая. Этот квартал заселен рано, уже в конце XIV в. Здесь обнаружены следы самой ранней деревянной застройки (Jankauskas, 1981a; 1981b). Предположительно, эти более ранние постройки в XV в. использовались для сброса мусора. Одна из ям

использовалась неоднократно, бытовые отходы (кости животных, древесина, керамика), пересыпались песком (*Daminaitis*, 2001). Выявлены три такие изоляционные прослойки из песка.

То, что ямы засыпались изоляционным слоем, показывают и другие примеры. При раскопках по адресу ул. Вильняус, 41 обнаружены несколько мусорных ям XIV–XVI вв., засыпанных песком (*Gendrénas*, 1980; *Girlevičius*, 2010). Схожая ситуация наблюдалась и при раскопках на улице Диджёи, 25 — была обнаружена яма с небольшим количеством керамики (*Vaicekauskas*, 2004), в которой четко прослеживаются два изолирующих слоя песка.

Еще одно большое скопление мусорных ям наблюдается на пересечении улиц Пилимо — Лидос — Кедайню. Помимо обычных мусорных ям, относящихся к XIV–XVII вв., обнаружена мусорная яма, выложена древесиной по краям, заполненная черным грунтом с органикой и фрагментами посуды. Ее устройство и заполнение бытовыми отходами связано с прокладкой здесь же в XVI в. конструкций водоснабжения (*Stankevičius*, 1990).

Тот факт, что мусорные ямы могли быть оборудованы на месте ранее использованных, иллюстрирует пример из раскопок на ул. Траку, 8. Здесь над ямой XV в. была оборудована другая, датируемая концом XV— началом XVI в. (*Girlevičius*, 2007b).

Обнаруженные во время исследования объекты позволяют говорить еще об одном способе избавления от мусора — часть мусора сжигалась. Так, при раскопках на углу улиц Ашмянос и Месиню было обнаружено темное пятно диаметром в полтора метра (предположительно, кострище), в котором были обнаружены фрагменты бытовой керамики, датируемые XV–XVI вв. (*Patkauskas*, 1988). По адресу ул. Траку, 2 также была зафиксирована яма, в которой, по предположению автора раскопок, сжигался мусор (*Girlevičius*, 2005. Psl. 21). Яма датируется XIV в., вероятно, в ней была устроена специальная облицовка — кроме остатков керамики в ней обнаружена глина, перегоревшие камни. Интересно, что в эту яму впоследствии была вкопана еще одна хозяйственная яма (*Girlevičius*, 2005). Похожая яма, обрамленная слоем пепла, в заполнении которой обнаружены камни, пепел, керамика, обнаружена при раскопках на ул. Клайпедос 7 (*Žukovskis*, 2009). Керамика, обнаруженная в данной яме, датируется концом XIV — началом XVв.

«Культура мусора» была похожей для разных социальных групп. Так, мусорная яма, заполнение которой составили серая земля, пепел, камни и большое количество фрагментов керамики, была обнаружена во внутреннем дворе францисканского монастыря (*Vaitkevičius*, 1987). Яма датируется XIV — первой половиной XV в. Скопление мусорных ям было также выявлено возле доминиканского монастыря, во дворе, возле ранней готической застройки участка (*Grišinas*, 1988; 1990). По конструкции и заполнению эти ямы не отличались от других, охарактеризованных выше.

Мусорная яма с материалом, датируемым XIV–XV вв., была обнаружена напротив дворца епископа (*Luchtanienė*, 1996) и может быть связанна с отходами именно из этого дома. В насыщенном черном грунте обнаружен строительный мусор, глиняная штукатурка, фрагменты бытовой керамики (*Luchtanienė*,

1996). Содержимое ямы повествует также и о составе пищи — обнаружены кости крупного рогатого скота и свиней, чешуя окуня, скорлупа ореха, один рог косули.

Находки из католического района конца XIV — начала XVI в., отражают «культуру мусора», существовавшую в средневековом городе. Отходы сбрасывались в любые всевозможные пустоты, однако, можно заметить и попытки поддерживать чистоту — специально выкопанные во дворах ямы. Ямы для мусора выкапывались и в других, обычно пустующих частях квартала, они были как простыми, так и обустроенные, иногда — многоразового использования, пересыпаемые изоляционными слоями, что должно было уменьшить распространение нежелательных запахов. Заметно постоянство, с которым мусорные ямы разного времени, оборудовались на том же самом месте или поблизости. С XIV по XVI в. преобладают простые ямы, обычно несложно оборудованные, облицованные досками, в редких случаях камнем и кирпичом. Судя по количеству и характеру находок, можно предположить, что в Вильнюсе широко применялось вторичное использование материалов, а нежелательные или вредные отходы вывозились за пределы города. Сортировка мусора не выявлена — строительные, бытовые и производственные отходы сбрасывались в одну и ту же мусорную яму. Так же не наблюдаются различия в содержимом простых и обустроенных ям. Характерный признак расположения ям — концентрация их во дворах, вдоль улиц и в пределах жилых кварталов.

Вероятно, в Вильнюсе применялась практика очистки помойных ям, их содержание использовать в качестве удобрения. При раскопках по адресу ул. Клайпедос, 7 (*Daminaitis*, 1989) и на ул. Лигонинес (*Jučienė*, 1983) зафиксированы интенсивные слои черного грунта — предполагаемого места бывших огородов, в которых обнаружена широко разбросанная бытовая керамика.

Таким образом, мы видим, что исследование мусорных ям дает дополнительную информацию о повседневной жизни горожан. В будущем исследованию таких ям должно уделяться больше внимания.

Литература

Каплунайте И., 2013. Археологические исследования «Немецкого города» в Вильнюсе // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).

Daminaitis V., 1987. Buv. Šv. Kotrynos bažnyčios, Vilnius, L. Giros 30, archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-1436.

Daminaitis V., 1989. Sklypo vaikų lopšeliui — darželiui Klaipėdos g. Nr. 7 archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-1652.

 $Daminaitis\ V.,\ 1998.\ 1997\ m.$ Vilniuje, Gaono g. 4 vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-2850.

Daminaitis V., 2001. 2001 m. Vilniuje, Šv. Mikalojaus gt. Nr. 5/15 sklype atliktų archeologijos tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-3806.

Dyer Ch., 1989. Standards of Living in the Later Middle Ages: Social Change in England c. 1200-1520. Cambridge.

Evans H. D., 2010. A good riddance of bad rubbish? Scatological musings on rubbish disposal and the handling of «filth» in medieval and early post-medieval towns // Exchanging

- Medieval Material Culture. Studies on archaeology and history presented to Frans Verhaeghe. Brussel.
- Gendrėnas G., 1980. Vilnius. L. Giros g-vė Nr. 41. Kastų geologinių šurfų archeologinės priežiūros ataskaita. Vilnius. LII 1-835.
- Gilchrist R., 2012. Medieval Life: Archaeology and the Life Course. Woodbridge.
- Girlevičius L., 2005. Archeologinių tyrinėjimų ir žvalgymų, vykdytų Trakų g. 2, Vilniuje, 2004–2005 m., ataskaita. Vilnius. LII 1-4313.
- Girlevičius L., 2006. Gaono g. 8, Vilniuje, 2005 m. atliktų archeologinių tyrinėjimų ir žvalgymų ataskaita. Vilnius. LII 1-4465.
- Girlevičius L., 2007a. Šv. Ignoto g. 6, Vilniuje, 2007 m. atliktų archeologinių tyrinėjimų ataskaita. LII 1-4915.
- Girlevičius L., 2007b. Trakų g. 8, Vilniuje, 2007 m. atliktų archeologinių žvalgomųjų tyrinėjimų ataskaita. Vilnius. LII 1-4803.
- Girlevičius L., 2010. Vilniaus g. 41, Vilniaus mieste, 2009 metais atliktų archeologinių tyrinėjimų ataskaita. Vilnius. LII 1-5194.
- Grišinas V., 1988. Vilnius, Garelio g. 4. Archeologinių tyrimų ataskaita. I tomas. Vilnius. LII 1-1357.
- Grišinas V., 1990. Vilnius, 1989. Archeologiniai tyrimai Dominikonų (Garelio) g. 4 pastato išplėtimui. Paruošiamieji darbai Šv. Ignoto (Giedrio) g. 7 archeologiniams tyrimams. Ataskaita. I tomas. Vilnius. LII 1-1701.
- Hoffmann C.R., 2007. Footprint metaphor and metabolic realities: Environmental impacts of medieval European cities // Natures Past: The Environment and Human History / Ed. P. Squatriti. Michigan.
- Jankauskas A., 1981a. 1979 m. Vilniaus m. Žemaitijos g. Nr. 8/11 vykdytų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-833.
- Jankauskas A., 1981b. 1980 m. Vilniaus m. Žemaitijos 8/11 vykdytų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-834.
- Jervis B., 2012, in http://www.academia.edu/1669987/Dealing_with_Rubbish_in_a_ Medieval Town
- Jučienė I., 1983. Vilniaus senamiesčio 58 kvartalo žvalgomųjų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-885.
- Lisanka A., 1990. Sklypo vaikų lopšeliui darželiui Klaipėdos g. Nr. 7 archeologinių tyrimų ataskaita. Tekstas T. 1. 1-1653.
- Luchtanienė D., 1996. Menininkų rūmų kompleksas (S.Daukanto a. 3/8, Universiteto g. 6, Totorių g. 28) Vilniuje. Žvalgomųjų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-2450.
- Luchtanienė D., 2003. Vilniaus senojo miesto vietos (1610 K1), Šv. Ignoto g. 9 Vilniaus mieste archeologinių tyrinėjimų 2002 metais ataskaita. Vilnius. LII 1-3972.
- Melosi V. M., 2005. Garbage in the Cities: Refuse, Reform, and the Environment. University of Pittsburgh Press.
- *Patkauskas S.*, 1998. Archeologinės priežiūros ir tyrimo darbų Vilniuje, 61 kvartalo skvere, esančiame Ašmenos Mėsinių gatvių kampe, ataskaita. Vilnius. LII 1-1526.
- Poška T., 2001. Archeologijos tyrinėjimai Vilniuje, Stiklių g. 7, 7a 2001 m. Ataskaita. Vilnius. LII 1-3716.
- Rathje W., Murphy C., 2001. Rubbish! The archaeology of garbage. The University of Arizona Press.
- Sarcevičius S., 1998. Vilniuje 1998 m. Pylimo Rūdninkų gt. kampe vykdytų archeologinių tyrimų ataskaita. Vilnius. LII 1-3182.
- Skardžius E., 1995. 1993 1994 m. Vilniaus senamiesčio 15 kvartalo kap. remontui restauracijai vykdytų žemės darbų archeologinės priežiūros fiksacijos ir žvalgomųjų tyrimų ataskaita. II dalis, Vilnius. LII 1-2428.

- Stankevičius G., 1990. Sklypo Pylimo, Lydos, Kėdainių gatvių kampe, Vilniaus senamiesčio 29 kvartale, archeologinių tyrimų ataskaita. II etapas, II dalis (brėžiniai). Vilnius. LII 1-1663.
- Tarlow S., 2007. The Archaeology of Improvement in Britain, 1750–1850. Cambridge.
- Vaicekauskas A., 2004. 2004 m. Vilniaus senamiestyje, Didžiojoje g. 25 14, 16 atliktų archeologinių tyrinėjimų ataskaita. LII 1-4418.
- Vaitkevičius G., 1987. Buv. pranciškonų vienuolyno Vilniuje, Kretingos 3/6, Trakų 9/1, Kėdainiu 8/4 teritorijos archeologiniai tyrimai. Ataskaita. Vilnius. LII 1-1420.
- *Žukovskis R.*, 2009. Klaipėdos g. 7, Vilniuje, 2008 metais atliktų žvalgomųjų archeologinių tyrinėjimų ataskaita. Vilnius. LII 1-5184.

Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах

S. V. Beletsky. Old Russian princely signs in pottery stamps

Abstract. Pottery stamps with the princely symbolic signs is the second (after the monuments of sphragistics) in representativeness among the series of heraldic monuments of ancient Rus'. The signs composition in the stamps manifests the tendency of correspondence to the sphragistic monuments signs composition: the obvious bidents predominance (over 73%), significantly fewer tridents (just over 20%), and other marks (doubled tridents, half-dents, tridents with shortened central tooth) comprising from 1 to 4%. At the same time marks on the sphragistic monuments typological composition and that in the vessels stamps varies considerably. Apparently, the formation of the body of princely signs preserved, on the one hand, on sphragistic monuments, and on the other hand, in pottery stamps, went different ways.

Ключевые слова: знаки Рюриковичей, геральдические знаки, гончарные клейма

Юрий Михайлович Лесман (1954—2013) не раз выговаривал мне за то, что я не публикую свои картотеки древнерусских княжеских знаков. В конце 2012 г., когда я в очередной раз отговаривался тем, что не готов комментировать большую часть знаков, он, хмыкнув, сказал: «Да кому нужны комментарии. Ты опубликуй собранные материалы. Ну, хоть так, как ты опубликовал десять лет назад свод знаков на пломбах. Чего там у тебя больше всего? Гончарных клейм? Вот с них и начни». Я пообещал Лесману подготовить такую публикацию.

Пончарные клейма в виде княжеских знаков в последнее время стали называть в литературе «геральдическими клеймами» (Кадиева, 2007. С. 130—138). Однако в число «геральдических клейм» часто включают изобразительные символы, не имеющие отношения к древнерусской геральдике, так что понятие оказывается размытым. Поэтому применительно к изображенным в клеймах двузубцам и трезубцам, а также производным от них формам, я предпочитаю использовать традиционное обозначение «княжеские знаки», или «знаки Рюриковичей».

В настоящее время известно не менее 298 клейм, несущих изображения княжеских знаков¹. Они происходят не менее чем из 59 пунктов — от Ладоги

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить О.А. Щеглову (СПб), Е.А. Шинакова (Брянск), Н.В. Лопатина и А.С. Фролова (Москва), В.П. Коваленко (Чернигов) и С.П. Щавёлева (Курск), сообщивших мне ряд неопубликованных гончарных клейм.

358 С.В. Белецкий

на севере до низовьев Дона на юге и от Дрогичина на западе до Болгара на востоке. Из большинства пунктов происходит от одной до трех находок. От 4 до 9 клейм найдено в одиннадцати пунктах. И только в двух пунктах — Киеве и Владимире — зафиксированы массовые находки гончарных клейм с изображениями княжеских знаков: во Владимире их найдено 67², а в Киеве — 91 (рис. 1).

К X–XI вв. могут быть более или менее определенно отнесены 9 знаков. Из Плеснеска (*Кучера*, 1960. С. 121. Рис. 3, 11; 1961. С. 144. Рис. 1, 6) происходит клеймо с изображением двузубца (рис. 2, 1). Двузубец или трезубец (рис. 2, 2) помещен в клейме из Пскова (*Горюнова*, *Малышева*, 2013. Табл. XXII, 2; LXX, 3a). Трезубцы с усложненной вершиной центрального зубца (рис. 2, 3, 4, 6–9) зафиксированы в клеймах из Берестья (*Лысенко*, 1985. С. 334. Рис. 236, второй ряд снизу, левый), Вышгорода (*Строкова*, 2000. С. 163. Рис. 6, 5), Киева (Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 68. Рис. 16, 20–21), Суздаля (*Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 54) и Владимира (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 2, 13), а трезубец с усложненной вершиной не только центрального, но и одного из боковых зубцов (рис. 2, 5) происходит из Могилева (*Марзалюк*, 1998. С. 210. Рис. 26, 1).

Кроме перечисленных находок известны также клейма в виде простого трезубца. Однако отличить по публикациям знаки на днищах сосудов X-XI от таковых XII-XIII вв. достаточно сложно. К числу ранних знаков можно отнести трезубцы (рис. 2, 10-14) в клеймах из нижнего слоя поселения на Менке (Загорульский, 1982. С. 38. Рис. 9, 21-25), поскольку отложения древнерусского слоя позднее XI в. здесь, как будто бы, отсутствуют³ (Там же. С. 34–63).

Вероятно, ранним временем следует датировать два клейма (рис. 2, 15, 16), найденные при раскопках поселения Рыловщина (Заяц, 1994. С. 140. Рис. 3, 6-7). Правда, одно из этих клейм (рис. 2, 15) найдено в заполнении котлована постройки 8 вместе с керамикой X — начала XII в. (Заяц, 1994. С. 134), что, строго говоря, не исключает его датировку началом XII в. Однако другое клеймо (рис. 2, 16) происходит из котлована постройки 9, в заполнении которого найдена керамика X — первой половины XI в. (Там же).

Возможно, к раннему временем относится клеймо (рис. 2, 17) из Листвина (*Чайка*, 2009. С. 180. Рис. 44, 13), которое «було выявлене в наземній споруді на дытынці» и отнесено «до раннього періоду виникнення цих клейм, тобто до X ст.» (Там же. С. 61).

Трезубец из Могилева (рис. 2, 18) И. Марзалюк атрибуировал Владимиру Святославичу (${\it Mapsanok}$, 1998. С. 19–20, 210. Рис. 26, ${\it 3}$) — т.е. датировал клеймо концом X — началом XI в. Комментируя в статье 2000 г. этот трезубец, я напомнил об изображениях подобных трезубцев на пломбах и не исключал,

² Некоторые клейма из Владимира, опубликованные в разных работах, являются, вероятнее всего, одними и теми же предметами. Однако различия между прорисовками из разных публикаций заставляют учитывать большинство опубликованных предметов как разные находки.

 $^{^3}$ На поселении найдены материалы XIV–XV вв. и более позднего времени, но между ними и слоем X–XI вв. фиксируется хронологическая лакуна (*Загорульский*, 1982. С. 47, 48, 56).

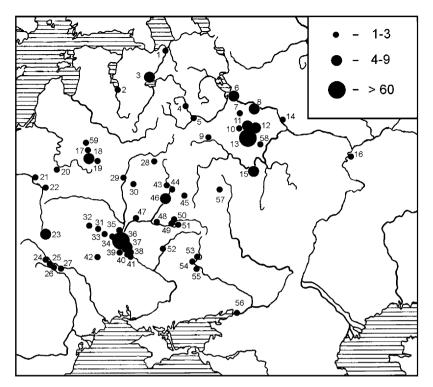

Рис. 1. Карта распространения древнерусских княжеских знаков в гончарных клеймах 1—Ладога; 2— Псков; 3— Новгород; 4— Торжок; 5— Тверь; 6— Усть-Шексна; 7— Ростов; 8— Плес; 9— Звенигород; 10— Семьинское; 11— Суздаль; 12— Ярополч; 13— Владимир; 14— Городец; 15— Рязань; 16— Болгар; 17— Изяславль; 18— поселение на Менке; 19— Дружба (Рыловщина); 20— Волковыск; 21— Дрогичин; 22— Берестъе; 23— Плеснеск; 24— Онут; 25— Черновка; 26— Ленковцы; 27— Галица; 28— Осовик; 29— Могилев; 30— Гомель; 31— Дорогобуж; 32— Листвин; 33— Колодяжин; 34— Белгород; 35— Вышгород; 36— Киев; 37— Григоровка; 38— Липлява; 39— Яблоновка; 40— Канев; 41— Ревутово; 42— Губинское городище; 43— Вщиж; 44— Скрябино; 45— Титово-Мотыка; 46— Трубчевск; 47— Шестовица; 48— Батурин; 49— Путивль; 50— Капыстичи; 51— Вырь; 52— Полтава; 53— Донецкое городище; 54— Кочеток; 55— Царино городище; 56— Казачий Ерик; 57— Новиково; 58— Заколпский могильник; 59— Новоселки

что знак в клейме из Могилева может быть датирован XII в. (*Белецкий*, 2000. С. 342). Однако в настоящее время это предположение должно быть пересмотрено. Из трех могилевских гончарных клейм одно (рис. 2, 5) определенно относится к концу X или самому началу XI в., а еще одно (рис. 14, 6) — ко времени не ранее XIII в. Город Могилев возник в середине XIII в., так что первое из двух названных клейм, скорее всего, связано с одним из предшествовавших городу сельских поселений, а второе могло происходить из культурного слоя уже собственно города Могилева. Датировка клейма в виде простого трезубца (рис. 2, 18) серединой — второй половиной XIII в. представляется мне маловероятной, так что решусь связать эту находку с одним из догородских поселений X–XI вв.

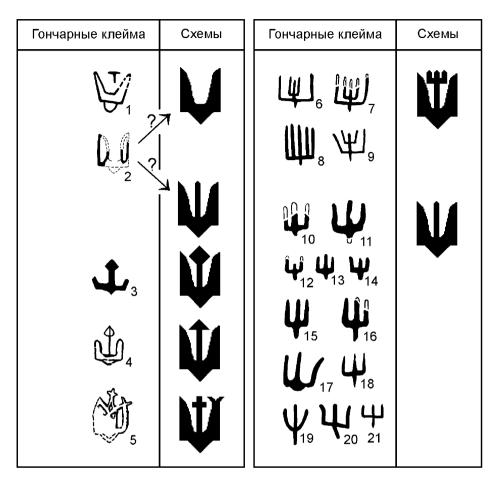

Рис. 2. Знаки X–XI вв. в гончарных клеймах 1, 21 — Плеснеск; 2 — Псков; 3 — Берестье; 4 — Вышгород; 5, 18 — Могилев; 6, 7 — Киев; 8 — Суздаль; 9 — Владимир; 10–14 — поселение на Менке; 15, 16 — Рыловщина; 17 — Листвин; 19, 20 — Шестовица; 21 — Новгород

Определенно к раннему времени можно отнести два клейма-трезубца из Шестовицкого могильника. Одно из них (рис. 2, 19) зафиксировано на днище сосуда из кургана 21 (*Бліфельд*, 1977. С. 122, 194. Табл. V, 12; *Орлов*, 1994. С. 168, 170. Рис. 1, 4), второе (рис. 2, 20) — на днище сосуда из кургана 53 (*Бліфельд*, 1977. С. 203. Табл. XIV, 10; *Орлов*, 1994. С. 171. Рис. 2). Оба погребения совершены не позднее начала XI в.

Не исключено, что к X в. относятся также клейма в виде простого трезубца из Новгорода (рис. 2, 21). Характеризуя эти клейма, О.И. Хижняков пишет: «Всего их 17, больше всего найдено на Неревском и Троицком раскопах. В целом они датируются X–XIV вв., но наибольшее количество приходится на XII–XIII в.» (Хижняков, 2002. С. 140). В число 17 знаков автор включает не только простые трезубцы (тип 104.1, по О.И. Хижнякову), но также знаки

в форме «птичьей лапы» (типы 102—103) и невнятно нарисованный знак в виде мачты с багровидными отрогами вправо и влево (тип 105). Судя по статистическим таблицам в статье Хижнякова, в Новгороде найдены два клейма типа 104.1, одно из которых происходит из Неревского раскопа, а другое — из Троицкого (Там же. С. 144. Табл. 1). Одно из этих клейм (какое именно — неясно) датировано X в. (Там же. С. 147. Табл. 3), а о датировке другого сведений нет⁴.

Прочие клейма, имевшие вид простого трезубца (рис. 9, 3-9), уверенно отнести к X — началу XI в. не удается (клейма из Плеснеска⁵ и Киева⁶), а в некоторых случаях находки относятся к более позднему времени (клейма из Скрябино⁷ и Усть-Шексны⁸).

Остальные знаки датируются XII–XIII вв. В соответствии с классификацией знаков, известных по памятникам сфрагистики, они разделены на пять классов (*Белецкий*, 2001a).

КЛАСС І Двузубцы

Тип I/1. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и крестовидной ножкой (рис. 3, 1−5). Такие знаки зафиксированы в клеймах из Киева (Ивакин, Степаненко, 1985. С. 89. Рис. 8; Толочко, 1981. С. 129, правая половина, нижний ряд, правый; Боровський, 1976. С. 96. Рис. 5), Плеснеска (Кучера, 1960. С. 121. Рис. 3, 12)⁹ и городища близ города Белополье, отождествляемого с древнерусским городом Вырь¹⁰. Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина, Новгорода и Городца на Волге, а также на щитке перстня из Княжей Горы

 $^{^4}$ К сожалению, в статье О. И. Хижнякова опубликованы не прорисовки клейм, а только схемы знаков.

⁵ М. П. Кучера воспроизвел в статье схематичные рисунки семи клейм с изображениями княжеских знаков и отметил: «Клейма, напоминающие знаки Рюриковичей, относятся к XI–XII в.» (*Кучера*, 1960. С. 118). Наиболее ранним из этих клейм он считал знак в виде двузубца (см. рис. 2, 1), который назвал гербом Владимира Святославича (Там же).

⁶ Клеймо, найденное на Подоле в раскопе близ перекрестка улиц Волошинской и Нижний Вал, происходит из слоя XI–XII вв. (Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 19). Из слоя того же времени происходят два клейма, хранящиеся в коллекции «Десятинная церковь» (Шовкопляс, 1964. Табл. IV, 14; Стрельник, 1996. С. 94. Рис. 3, VI-1). Клеймо, опубликованное в сборнике «Новое в археологии Киева» (Толочко, 1981. С. 296. Рис. 129, левая половина, нижний ряд, правый), к сожалению, осталось не комментированным.

 $^{^{7}}$ По сведениям Е. Андрюшина, в подъемном материале присутствует лепная и круговая керамика, а сам памятник датируется XII—XIV вв. (*Андрюшин*, 2010. С. 22)

 $^{^8}$ Комментируя это клеймо, Е. К. Кадиева отмечает: «Примерная датировка — первая половина — середина XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 134).

⁹ На прорисовке, опубликованной И.Д. Старчуком (1952. С. 392. Табл. II, 4), этот знак изображен как трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами (завершение левого зубца обломано), вертикальным центральным зубцом и крестовидной ножкой.

¹⁰ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

Гончарные клейма	Схемы
¥, ¥, ¥, ¥,	¥
$ \begin{array}{cccccccccccccccccccccccccccccccccccc$	Y

Рис. 3. Знаки XII-XIII вв. в гончарных клеймах

1 — Вырь; 2–4, 30–41 — Киев; 5 — Плеснеск; 6 — Булгар; 7–29 — Владимир; 42 — Киевщина; 43 — Кочеток; 44 — Новгород; 45 — Плес; 46 — Городец; 47 — Григоровка; 48 — Дорогобуж; 49 — Канев; 50 — Ревутово; 51 — Суздаль; 52, 53 — Тверское Поволжье; 54, 55 — неизвестно; 56 — Царино городище

(*Белецкий*, 2001а. С. 55, 58, тип I/1/1 и I/1/15). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алферова (№ 37) ^{11} .

Tun I/2. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и вертикальной ножкой (рис. 3, 6-56). Клейма с такими знаками происходят из Киева

¹¹ Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Алфёрова (Киев), предоставившего мне возможность познакомиться со своей коллекцией древнерусских пломб.

 $(Калюк, Сагайдак, 1988. С. 44. Рис. 4, <math>1-4^{12}$; Мовчан, Козловський, Иєвлев, 2005. С. 114. Рис. 4, 3, правый; Сушко, 2010. С. 248. Рис. II, 12; Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 13, 16; Шовкопляс, 1964. Табл. V, 15, 27; VIII, 8; Брайчевська, Михайлов, Сагайдак, 1993. С. 232. Рис. 12, второй сверху ряд, левый) и Киевщины¹³ (*Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 64), Новгорода¹⁴ (*Хижняков*, 2002. С. 139. Рис. 2, 98), Болгара (Полубояринова, 1993. С. 37. Рис. 11, 5), Владимира (Кадиева, 1999. Рис. 1, 16, 18; 2, 4–6, 8; 2002. С. 103, 104, 107. Рис. 1, 1, 6–8, 10, 11; 2, 7; 3, 16, 19; 2007. С. 132. Рис. 1, 3, 4, 15; Климов, 1999¹⁵. Рис. 4, 2; 7, 1–3; 8, 1–5; Курбатов, 2005. С. 66, 167, № 248, 439), Суздаля (Кадиева, 2007. Рис. 1, 7), Плеса (Травкин, Ойнас, 1990. С. 35–38. Рис. 1, 3), Городца на Волге (Медведев, 1968. С. 34. Рис. 8, 20), Григоровки (Петрашенко, 1992. С. 19. Рис. 6, 4), Дорогобужа (Прищепа, Никольченко, 1996. С. 61, 218. Рис. 84, 26), Канева¹⁶ (Рыбаков, 1940. С. 248, 249. Рис. 71), Ревутово (Петрашенко, 1999. С. 66. Рис. 5, 3), поселения Кочеток (Левченко, 2005. С. 5), городища Царино (Кравченко, 2000. С. 87. Рис. 9, 5), а также с непоименованного памятника в Тверском Поволжье 17 (Олейников, 2002. С. 47. Рис. 26, VI-7, VII-2). Происхождение двух клейм в публикации не указано (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 1, 6, 10). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина, Новгорода, Витебска, Городца на Волге, поселений Сакор-Гора, Ратминское и Оснувка (Белецкий, 2001а. С. 60, 61, 64, 65, тип I/2/1 и I/2/15). Такие же двузубцы зафиксированы на пломбах из коллекции А.А. Алфёрова (№ 12, 117, 316).

Тип I/3. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и раздвоенной ножкой (рис. 4, 1–5). Клейма с таким знаком происходят из Киева (*Каргер*, 1958. С. 445. Рис. 124, *средний ряд*, *левый*), Плеснеска (*Кучера*, 1960. С. 121. Рис. 3, 13) и из Губинского городища¹⁸ (*Вінокур та ін.*, 2004. С. 104, 187. Рис.

¹² По сведениям О.П. Калюка и М.А. Сагайдака (1988. С. 44), в исследованном комплексе найдено не менее 35 клейм, несущих изображения двузубца с отогнутыми наружу зубцами и вертикальной ножкой. Знаки, упомянутые в этой статье, но оставшиеся неопубликованными, не учитываются.

¹³ Точное место находки в публикации не указано.

¹⁴ По сведениям О. И. Хижнякова (2002. С.144. Табл. 1), в Новгороде найдены два клейма с таким знаком, и оба они происходят из Неревского раскопа.

 $^{^{15}}$ Пользуюсь случаем поблагодарить В.И.Кильдюшевского (СПб), познакомившего меня с рукописью Л.И.Климова.

¹⁶ В подрисуночной подписи в статье Б. А. Рыбакова (1940. С. 249. Рис. 71) указано, что сосуд происходит из Родни, однако в тексте статьи сказано, что сосуд из Канева (Там же. С. 248). В других работах (*Рыбаков*, 1948а. С. 493. Рис. 126, *2*; 1948б. С. 170. Рис. 111, *2*) также отмечено, что сосуд происходит из Канева.

¹⁷ В статье О. М. Олейникова опубликованы не прорисовки клейм, а только схемы знаков и, к сожалению, не указаны точные места их находок.

¹⁸ В работе об одном из знаков Губинского городища (рис. 4, 1) сказано: «... клеймо у вигляді двозубця з невысоким хрестиком над основою» (Вінокур та ін., 2004. С. 34, 38. Рис. 108, 2). В подрисуночной подписи в более поздней работе тот же знак охарактеризован как «геральдичний знак-тризуб» (Гуцал, Якубовський, Михальчишин, 2011. С. 120–122. Фото). Однако, судя по опубликованной фотографии, за крестик между

Гончарные клейма	Схемы
$\mathcal{X}_{1}$ $\mathcal{X}_{2}$ $\mathcal{X}_{3}$ $\mathcal{X}_{4}$ $\mathcal{X}_{5}$	¥
¾ ¼ ¥ → 10 ↓ 11	Ų
Y ₁₂ Y ₁₃	γ
Y ₁₄	Ψ
V ₁₅ V ₁₆ V ₁₇	ү
V ₁₈ V ₁₉ V ₂₀	γ

Рис. 4. Знаки XII–XIII вв. в гончарных клеймах 3 — Плеснеск: 4. 5 — Губинское горолише: 6—9. 12. 13. 15. 16 — Влалимир:

1, 2, 10 — Киев; 3 — Плеснеск; 4, 5 — Губинское городище; 6–9, 12, 13, 15, 16 — Владимир; 11 — Дрогичин; 14 — Яблоновка; 17, 18 — Григоровка; 19 — Тверское Поволжье; 20 — Ревутово

50, 4; 108, 2; Гуцал, Якубовський, Михальчишин, 2011. С. 120–122. Фото). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина (Белецкий, 2001а. С. 82, тип I/5/1 и I/5/5). Такие

зубцами двузубца (или за центральный зубец трезубца) приняты следы поверхности гончарного круга. Второй знак из раскопок Губинского городища (рис. 4, 2) в публикациях не комментирован. Небольшой раздвоенный выступ над основанием двузубца образовался в результате небрежного вырезания матрицы клейма на диске-подставке, клавшейся на поверхность гончарного круга (см.: *Рыбаков*, 1948а. С. 172. Рис. 33).

же двузубцы зафиксированы на пломбах из коллекции А.А. Алфёрова (№ 30, 1000, 1065).

- **Тип I/4.** Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и Тобразной ножкой (рис. 4, 6-11). Клейма с таким знаком происходят из Киева (*Стрельник*, 1996. С. 94. Рис. 3, V-5), Владимира (*Кадиева*, 1999. Рис. 1, 17; 2007. С. 132. Рис. 1, 5, 9, 14) и Дрогичина (*Musianowicz*, 1969. S. 25. Таb. V, 13). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 85, 86, тип I/7/3 и I/7/4).
- **Тип I/5.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, раздвоенной вершиной правого зубца и вертикальной ножкой (рис. 4, *12*, *13*). Оба известных клейма с таким знаком происходят из Владимира (*Курбатов*, 2003. С. 156, № 453; 2005. С. 76, № 465). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина и Чернигова (*Белецкий*, 2001а. С. 65, 70, тип I/2/17 и I/2/42). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 832).
- Тип I/6. Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, раздвоенной вершиной левого зубца и вертикальной ножкой (рис. 4, 14). Клеймо с таким знаком зафиксировано на дне сосуда из могильника Яблоновка (Орлов, Моця, Покас, 1985. С. 54. Рис. 17, нижний ряд, в центре). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбе из Городца на Волге, на печати из Новгорода, а также по оттиску печати-матрицы из Белоозера (Белецкий, 2001а. С. 69, 70, тип I/2/41). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1119).
- **Тип I/7.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, вертикальным левым зубцом и вертикальной ножкой (рис. 4, 15−17). Клейма с таким знаком происходят из Владимира (*Курбатов*, 2005. С. 76, 166, № 247, 464) и Григоровки (*Петрашенко*, 1992. С. 19. Рис. 6, 2). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбе из Дрогичина и Пскова (*Белецкий*, 2001а. С. 65, 69 тип I/2/20 и I/2/36).
- **Тип I/8.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальным правым зубцом и вертикальной ножкой (рис. 4, 18–20). Клейма с таким знаком происходят из Григоровки (Петрашенко, 1992. С. 19. Рис. 6, 1), Ревутово (Петрашенко, 1999. С. 66. Рис. 5, 2) и Тверского Поволжья (Олейников, 2002. С. 47. Рис. 26, VI-7). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина (Белецкий, 2001а. С. 64, 65, тип I/2/11 и I/2/16).
- Тип I/9. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и ножкой, отогнутой вправо (рис. 5, 1–3). Клейма с таким знаком происходят из Белгорода (Рыбаков, 1940. С. 249. Рис. 72; 1948а. С. 493. Рис. 126, 3; 19486. С. 170. Рис. 111, 3) и Киева (Каргер, 1958. С. 443. Рис. 123, нижний ряд, в центре; Шовкопляс, 1964. Табл. II, 20; Розенфельдт, 1997. С. 264. Табл. 18, 55). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина (Белецкий, 2001а. С. 73, тип I/3/1).

Гончарные клейма	Схемы
→ 1	Ų
Y ₄	У
لك يك	φ
t ₇	Ų
4 4 4 4 4 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1	Y
4 4 4 1 5 16 4 17 4 18 4 19	

Рис. 5. Знаки XII—XIII вв. в гончарных клеймах 1 — Белгород; 2, 3, 5—7, 14, 15 — Киев; 4 — Трубчевск; 8—10 — Изяславль; 11 — Донецкое городище; 12 — Вышгород; 13 — Дорогобуж; 16, 17 — Новгород; 18 — Осовик; 19 — Тверь

Тип I/10. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и ножкой, отогнутой влево (рис. 5, 4). Клеймо с таким знаком найдено в Трубчевске (Падин, 2004. С. 82, нижний рис.). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина, а также по изображению на деревянной пломбе из Новгорода (Белецкий, 2001а. С. 79, тип I/4/10). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А.А. Алфёрова (№ 1037).

¹⁹ Сообщила О. А. Щеглова (СПб).

Тип I/11. Двузубцы с раздвоенными завершениями зубцов и вертикальной ножкой (рис. 5, 5, 6). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 20^{20} ; Шовкопляс, 1964. Табл. VIII, 9). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображению на печати из Киева (Белецкий, 2001а. С. 70, тип I/2/44).

Тип I/12. Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, перекрестием на вертикальном левом зубце и ножкой, отогнутой вправо (рис. 5, 7). Клеймо с таким знаком происходит из Киева (*Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 60). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 75, 76, тип I/3/9).

Тип I/13. Двузубцы с вертикальными зубцами и вертикальной ножкой (рис. 5, 8–19). Клейма с таким знаком найдены в Изяславле (Рыбаков, 1940. С. 249. Рис. 70; Заяц, 1996. С. 147. Рис. 4, 1, 2), Киеве (Шовкопляс, 1964. Табл. IV, 13; Козловський, Иевлев, 2008. С. 253. Рис. 7, 3), Вышгороде (Довженок, 1950. С. 78. Рис. 10), Дорогобуже (Прищепа, Никольченко, 1996. С. 218. Рис. 84, 35), Новгороде (Хижняков, 2002. С. 139. Рис. 2, 96, 97), Твери (Белецкий, 20016. С. 199. Рис. 7), на Донецком городище²¹ и городище Осовик (Павлова, 1997. С. 112. Рис. 2, 6). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина, Городца на Волге и Ратминского поселения, а также по изображению на деревянной пломбе из Новгорода (Белецкий, 2001а. С. 65, 68, тип I/2/21 и I/2/31). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 737).

Тип I/14. Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, перекрестием на вертикальном левом зубце и вертикальной ножкой (рис. 6, 1). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Стрельник*, 1996. С. 94. Рис. 3, *V-4*). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображению на пломбах из Дрогичина и Новгорода (*Белецкий*, 2001а. С. 62, тип I/2/3).

Тип I/15. Двузубцы с вертикальными зубцами и раздвоенной ножкой (рис. 6, 2). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Калюк, Сагайдак*, 1988. С. 44. Рис. 4, 6). Среди памятников сфрагистики аналогичный двузубец известен по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 82, тип I/5/8).

Тип I/16. Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, раздвоенным завершением левого зубца и крестовидной ножкой (рис. 6, 3). Клеймо с таким знаком найдено в Торжке (*Малыгин*, 2011. С. 42. Рис. 17). Среди памятников сфрагистики аналогичный двузубец известен по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 58, тип I/1/16²²).

²⁰ По мнению В. М. Зоценко и О. А. Брайчевской (1993. С. 69), вертикальная ножка этого двузубца могла иметь «кольцеподобное основание».

²¹ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

 $^{^{22}}$ Раздвоение на левом зубце двузубца оттиснулось только частично (*Болсуновский*, 1894. Табл. XIX, № 903), поэтому завершение зубца было ранее принято за отгиб внутрь (*Белецкий*, 2001а. С. 58, тип I/1/16).

Гончарные клейма	Схемы	Гончарные клейма	Схемы
+	Ų	V ₁₀	٦
پ	Ã	V ₁₁	Ç
₹ 3	Ų	$\begin{array}{ c c } \hline \\ O_{12} & O_{13} \\ \hline \end{array}$	Å
\ \ \ \ \ \ \ \ \	भ	1	Å
U ₅	Ψ	1 5	Ų
→ →	Ψ	16	Ų
	Å	1	Å

Рис. 6. Знаки XII—XIII вв. в гончарных клеймах 1, 2, 10-13, 17 — Киев; 3 — Торжок; 4 — Ревутово; 5-7, 15 — Вышгород; 8 — Донецкое городище; 9 — Трубчевск; 14 — Казачий Ерик; 16 — Волковыск

Тип I/17. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и вертикальной ножкой, на левом зубце отрог внутрь (рис. 6, 4). Клеймо с таким знаком найдено в Ревутово (*Петрашенко*, 1999. С. 66. Рис. 5, 4). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на печатях из Новгорода и Ратминского поселения, на пломбах из Дрогичина, Новгорода, Ладоги, Пскова и Городца на Волге (*Белецкий*, 2001а. С. 65–68, тип. I/2/23 и I/2/27). Такой же двузубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 688).

- **Тип I/18.** Двузубцы с вертикальным левым зубцом, раздвоенным завершением правого зубца и вертикальной ножкой (рис. 6, 5). Клеймо с таким знаком найдено в Вышгороде (*Строкова*, 2000. С. 162. Рис. 5, 12). Среди памятников сфрагистики аналогичный двузубец известен по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 67, тип I/2/25).
- **Тип I/19.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, раздвоенным завершением правого зубца и вертикальной ножкой (рис. 6, 6, 7). Клейма с таким знаком найдены в Вышгороде (*Строкова*, 2000. С. 162. Рис. 5, 7, 8). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы как прямоугольных, так и колоколовидных очертаний известны по изображениям на пломбах из Дрогичина и Чернигова (*Белецкий*, 2001а. С. 65, 70, тип I/2/17 и I/2/42). Изображение такого же двузубца зафиксировано на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 832).
- **Tun I/20.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, раздвоенным завершением левого зубца и раздвоенной ножкой (рис. 6, 8, 9). Клейма с таким знаком найдены в Трубчевске²³ и на Донецком городище²⁴. Среди памятников сфрагистики изображение аналогичного двузубца зафиксировано на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1055).
- **Tun I/21.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальным правым зубцом и кольцевидной ножкой (рис. 6, 10). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Каргер*, 1958. С. 443. Рис. 123, *средний ряд*, *центральный*).
- **Тип I/22.** Двузубцы с вертикальными зубцами и кольцевидной ножкой (рис. 6, 11). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Толочко*, 1981. С. 129, *правая половина, нижний ряд, второй слева*). Подобный знак зафиксирован на деревянной пломбе из Новгорода (*Белецкий*, 2001а. С. 90, тип I/15/3).
- **Тип I/23.** Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и кольцевидной ножкой (рис. 6, *12*, *13*). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (*Каргер*, 1958. С. 443. Рис. 123, *верхний ряд*, *левый*; Зоценко, 2001. С. 172. Табл. II, нижний ряд, левое).
- **Tun I/24.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, раздвоенным завершением левого зубца и кольцевидной ножкой (рис. 6, 14). Клеймо с таким знаком найдено на поселении Казачий Ерик ($\Gamma a \partial n o$, 1964. С. 45. Рис. 19).
- **Тип I/25.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальным правым зубцом и раздвоенной ножкой (рис. 6, *15*). Клеймо с таким знаком найдено в Вышгороде²⁵ (*Рыбаков*, 1940. С. 249. Рис. 74).
- *Tun I/26.* Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, вертикальным левым зубцом и ножкой, отогнутой вправо. На правом зубце

²³ Сообщила О. А. Щеглова (СПб).

²⁴ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

²⁵ В «Истории культуры древней Руси» в подрисуночной подписи указано, что клеймо происходит из Киева (*Рыбаков*, 1948б. С. 170. Рис. 111, *5*). Однако и в статье 1940 г. (Рыбаков, 1940. С. 249. Рис. 74), и в «Ремесле древней Руси» (*Рыбаков*, 1948а. С. 493. Рис. 126, *5*) отмечено, что клеймо происходит из Вышгорода.

перекрестие (рис. 6, 16). Клеймо с этим знаком найдено в Волковыске (Πex , 1963. С. 235. Рис. 5)²⁶.

- **Тип I/27.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, раздвоенным завершением правого зубца и раздвоенной ножкой. Выступы над основанием зубцов образовались в результате небрежного вырезания в два приема ножки знака на матрице клейма (рис. 6, 17). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Шовкопляс*, 1964. Табл. III, 8). Среди памятников сфрагистики аналогичный двузубец известен по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 82, тип I/5/7). Изображение такого же двузубца зафиксировано на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова(№ 304).
- **Tun I/28.** Двузубцы с отогнутыми наружу зубцами и раздвоенной ножкой. Правая ветвь ножки осложнена перекрестием (рис. 7, 1). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Харламов*, 1996. С. 100. Рис. 6, 6).
- **Tun I/29.** Двузубцы с вертикальными зубцами, ножка отогнута влево (рис. 7, 2). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Ивакин, Степаненко*, 1985. С. 89. Рис. 8).
- **Tun I/30.** Двузубцы с вертикальным правым зубцом и отогнутым наружу завершением левого зубца. Ножка отогнута влево (рис. 7, 3). Клеймо с таким знаком найдено во Владимире (*Кадиева*, 2002. С. 107. Рис. 3, 20).
- **Тип I/31.** Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и полукруглой ножкой (рис. 7, 4, 5). Клейма с таким знаком найдены во Владимире (*Курбатов*, 2004. С. 156, № 594, 595).
- **Тип 1/32.** Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и треугольной ножкой, обращенной острием вниз (рис. 7, 6). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Каргер*, 1958. С. 443. Рис. 123, *нижний ряд*, *правое*; *Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 59).
- **Tun 1/33.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, раздвоенным завершением правого зубца и треугольной ножкой, обращенной острием вниз (рис. 7, 7). Клеймо с таким знаком найдено в Ладоге (*Белецкий* $u \partial p$., 2012. С. 229–236).
- **Тип I/34.** Двузубцы с отогнутым наружу завершением правого зубца, вертикальным левым зубцом и вертикальной ножкой. На левом зубце отрог наружу (рис. 7, 8). Клеймо с таким знаком найдено в Новгороде (*Хижняков*, 2002. С. 139. Рис. 2, 99) ^{27} .
- **Тип 1/35.** Двузубцы без ножки, с отогнутым наружу завершением правого зубца и вертикальным левым зубцом (рис. 7, 9, 10). Клейма с таким знаком найдены в Григоровке (*Петрашенко*, 1992. С. 19. Рис. 6, 29) и Онуте (*Возний*,

 $^{^{26}}$ Этот знак был повторно опубликован Я. Г. Зверуго (1975. С. 71. Рис. 25, 16), однако в этой публикации не показаны контуры обломка, поэтому знак смотрится как сохранившийся целиком и имевший вертикальные зубцы.

 $^{^{27}}$ С учетом того, что в статье О.И. Хижнякова приведены не прорисовки клейм, а их схематические рисунки, нельзя исключать, что в действительности у данного двузубца был не отрог наружу на левом зубце, а раздвоенная вершина левого зубца. В таком случае знак относится к типу I/6 — двузубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, раздвоенной вершиной правого зубца и вертикальной ножкой.

Гончарные клейма	Схемы	Гончарные клейма	Схемы
y , 1	Ϋ́	V ₉ J ₁₀	С
ل	Ų	L 111	IJ
L ,	У	12 13 14 14	U
1 1 1 1 1 1 1 1 1 1	Ϋ́	) 15	Մ
$oldsymbol{\hat{V}}_{ m e}$	Ų	16	U
$\bigvee_{\tau}^{6}$	Ϋ́	→ → → → → → → → → →	٦٢
₹.	Ψ̈́	19	Й

Рис. 7. Знаки XII—XIII вв. в гончарных клеймах 1, 2, 6, 11, 14, 17 — Киев; 3–5, 16 — Владимир; 7 — Ладога; 8, 18, 19 — Новгород; 9, 13 — Григоровка: 10 — Онут; 12 — Волковыск; 15 — Рязань

2010. С. 32. Рис. 1, 57). Среди памятников сфрагистики аналогичный двузубец известен по изображению на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 91, тип I/17/2).

Тип I/36. Двузубцы без ножки, с вертикальными зубцами, на левом зубце перекрестие (рис. 7, 11). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Брайчевська*, *Михайлов*, *Сагайдак*, 1993. С. 232. Рис. 12, *третий сверху ряд*, *левый*). Возможно, к этому же типу относится фрагментарно сохранившийся двузубец на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 91, тип I/17/4).

Тип I/37. Двузубцы без ножки, с вертикальными зубцами (рис. 7, 12–14). Клейма с таким знаком найдены в Волковыске (Зверуго, 1975. С. 71. Рис. 25, 38), Киеве (Шовкопляс, 1964. Табл. III, 6) и Григоровке (Петрашенко, 1992.

С. 19. Рис. 6, 3). Изображение такого же двузубца зафиксировано на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 991).

Tun I/38. Двузубцы без ножки с вертикальным левым зубцом и раздвоенным завершением правого зубца (рис. 7, 15). Клеймо с таким знаком найдено в Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 215. Рис. 134, в центре).

Tun 1/39. Двузубцы без ножки, с отогнутым наружу завершением левого зубца и вертикальным правым зубцом (рис. 7, 16). Клеймо с таким знаком найдено во Владимире (*Климов*, 1999. Рис. 9, 2).

Tun I/40. Двузубцы с вертикальными зубцами и П-образной ножкой (рис. 7, 17, 18). Клейма с таким знаком найдены в Новгороде (*Хижняков*, 2002. С. 139. Рис. 2, 101) и Киеве (*Стрельник*, 1996. С. 94. Рис. 3, *VIII-4*).

Гончарные клейма	Схемы
$\begin{array}{cccccccccccccccccccccccccccccccccccc$	U
~ ₂₉ 1 ₃₀ √ ₃₁ 4 ₃₂	Ų

Рис. 8. Знаки XII—XIII
вв. в гончарных клеймах
1–13 — Владимир; 14 —
Вышгород; 15–18 — Киев;
19, 21–25 — Плес; 20 —
Новгород; 26 — Рязань;
27 — Семьинское;
28, 29 — Усть-Шексна;
30 — Ярополч;
31 — Заколпский
могильник;
32 — Новоселки

Tun I/41. Двузубцы с отогнутыми наружу завершениями зубцов и Побразной ножкой (рис. 7, 19). Клеймо с таким знаком найдено в Новгороде (Хижняков, 2002. С. 139. Рис. 2, 100).

Тип I/42. Двузубцы без ножки, с отогнутыми наружу завершениями зубцов (рис. 8, 1–31). Клейма с таким знаком найдены в Новгороде (*Хижняков*, 2002. С. 139. Рис. 2, 122), Владимире (*Кадиева*, 1999. Рис. 1, 11–13, 15, 2, 1; 2002. С. 107. Рис. 3, 14; 2007. С. 132. Рис. 1, 19, 20, 26; Климов, 1999. Рис. 9, 1; Курбатов, 2003. С. 268, № 250; 2004. С. 31, 155, № 114, 593), Вышгороде (*Строкова*, 2000. С. 151. Табл. 1, гр. В, *IV-1*), Киеве (*Гончаров*, 1957. С. 133. Табл. III, верхний ряд, правый; Ивакин, Степаненко, 1985. С. 88. Рис. 7), Плесе (*Травкин, Ойнас*, 1990. С. 35–38. Рис. 1, 2, 4, 6–9), Рязани (*Монгайт*, 1955. С. 118. Рис. 80, в нижнем правом углу), Ярополче (*Седова*, 1978. С. 140. Табл. 11, 16), в Усты-Шексне (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 1, 22–24), Заколпском могильнике (*Воронин*, 1961. Рис. 222, д) и на Семьинском поселении (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 1, 25). Среди памятников сфрагистики аналогичные двузубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 90, 91, тип I/17/1 и I/17/7). Изображения такого же двузубца зафиксированы на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 880, 1044).

Тип I/43. Двузубец с отогнутым наружу правым зубцом, вертикальным левым зубцом и ножкой загнутой вправо (рис. 8, 32). Клеймо с таким знаком зафиксировано на дне сосуда из кургана 1 в могильнике Новоселки (Плавинский, Плавинский, 2002. С. 205. Рис. 6, 1).

КЛАСС II Трезубцы

Тип II/1. Трезубцы с вертикальными зубцами и крестовидной ножкой (рис. 9, 1, 2). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (*Козловський*, *Иевлев*, 2008. С. 255. Рис. 8, 8) и Ленковцах (*Возний*, 2010. С. 32. Рис. 1, 48). Среди памятников сфрагистики аналогичные трезубцы известны по изображению на печати из д. Золотуха, а также на пломбах из Дрогичина и Новгорода (*Белецкий*, 2001а. С. 91, 92 тип II/1/1). Такие же трезубцы серийно представлены на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 609, 825, 899, 951, 960, 971).

Тип II/2. Трезубцы с вертикальными зубцами и вертикальной ножкой²⁸ (рис. 9, 3–9). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (Шовкопляс, 1964. Табл. IV, 14; Толочко, 1981. С. 296. Рис. 129, левая половина, нижний ряд, правый; Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 19; Стрельник, 1996. С. 94. Рис. 3, VI-1), Плеснеске (Кучера, 1960. С. 121. Рис. 3, 14), на поселениях Скрябино (Андрюшин, 2010. С. 22. Рис. 1, 5) и Усть-Шексна (Кадиева, 2007. С. 135. Рис. 2, 1).

 $^{^{28}}$ Строго говоря, два знака типа II/2 из Киева (рис. 9, 6, 9) можно было бы отнести к классу III. Однако у знаков, объединенных в класс III, центральный зубец едва выступает над основанием (см. рис. 11, 6, 10-14), в то время как у перечисленных киевских знаков центральный зубец равен более чем половине высоты боковых зубцов. Поэтому решаюсь отнести оба названных киевских знака к классу II.

Гончарные клейма	Схемы	Гончарные клейма	Схемы
4 42	Ψ	418	Ψ
4 4 4 4 5 4 4 4 4 5 4 4 4 4 8 8	Ψ	¥20 ¥21 ¥22	Ψ
¥; 145 141 ₁₁		¥ ₂₃	Ψ
Y ₁₀ Y ₁₃	715	₩ ₂₄ ₩ ₂₅	Ψ
Y ₁₄ Y ₁₅	Ψ	L 26	Ψ
M-LH12		1 27	Щ

Рис. 9. Знаки XII—XIII вв. в гончарных клеймах 1, 6-9, 16 — Киев; 2 — Ленковцы; 3 — Скрябино; 4, 19 — Усть-Шексна; 5 — Плеснеск; 10-13, 20-22 — Владимир; 14 — Ростов; 15 — Суздаль; 17 — Путивль; 18 — Рязань; 23 — Трубчевск; 24, 25 — Вщиж; 26 — Тверь; 27 — Полтава

Среди памятников сфрагистики аналогичные трезубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина, Городца на Волге, Ратминского поселения (*Белецкий*, 2001а. С. 92, тип II/2/1). Такие же трезубцы серийно представлены на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 827, 971, 1000, 1043, 1110).

Тип II/3. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и вертикальной ножкой²⁹ (рис. 9, 10-17). Клейма с таким знаком найдены во Владимире (*Кадиева*, 1999. Рис. 1, 20, 21; 2002. С. 104. Рис. 2, 19; 2007. С. 132. Рис. 2, 3), Ростове (*Кадиева*, 2007. С. 132.

 $^{^{29}}$ Два знака из Владимира (рис. 9, 10, 11) и знак из Киева (рис. 9, 16) можно было бы отнести к типу III/4 (ср.: рис. 11, 14). Однако по тем же соображениям, что были высказаны выше (см.: примеч. 26), отношу перечисленные знаки к классу II.

Рис. 2, 8), Суздале (Там же. Рис. 2, 5), Киеве (Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 21) и Путивле³⁰. Среди памятников сфрагистики аналогичные трезубцы известны по изображениям на пломбах из Дрогичина и Сакор-Горы (Белецкий, 2001а. С. 93, тип II/2/5). Такие же трезубцы зафиксированы на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 531, 740).

Тип II/4. Трезубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца и вертикальными центральным и правым зубцами. Ножка вертикальная (рис. 9, 18, 19). Клейма с таким знаком найдены в Рязани и Усть-Шексне (Монгайт, 1955. С. 120. Рис. 81; Кадиева, 2007. С. 132, рис. 2, 10). Среди памятников сфрагистики аналогичный трезубец известен на пломбе из Дрогичина (Белецкий, 2001а. С. 93, тип II/2/6). Такой же трезубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 697).

Тип II/5. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и Т-образной ножкой (рис. 9, 20–22). Клейма с таким знаком найдены во Владимире (*Кадиева*, 1999. Рис. 2, 11, 12; 2007. С. 132. Рис. 2, 8). Среди памятников сфрагистики аналогичный трезубец известен на пломбе из Дрогичина (*Белецкий*, 2001а. С. 96, тип II/6/2).

Тип II/6. Трезубцы с вертикальными зубцами и раздвоенной ножкой (рис. 9, 23). Клеймо с таким знаком найдено в Трубчевске³¹. Среди памятников сфрагистики аналогичный трезубец известен на пломбе из Дрогичина (Белецкий, 2001а. С. 95, тип II/5/1).

Тип II/7. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и вертикальной ножкой. На центральном зубце — отрог вправо (рис. 9, 24, 25). Клейма с таким знаком найдены во Вщиже (*Рыбаков*, 19496. С. 29. Фото³²).

Tun II/8. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и ножкой, отогнутой вправо (рис. 9, 26). Клеймо с таким знаком найдено в Твери (*Хохлов*, *Нестерова*, 1996. С. 164. Рис. 7, 10).

Тип II/9. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, раздвоенным завершением центрального зубца и П-образной ножкой (рис. 9, 27). Клеймо с таким знаком найдено в Полтаве (*Супруненко*, 1998. С. 104. Рис. 104).

Тип II/10. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, раздвоенным завершением центрального зубца и вертикальной ножкой (рис. 10, 1–5). Клейма с таким знаком найдены в Звенигороде (*Воронин*, 1948. С. 66. Рис. 2, 2; *Рыбаков*, 1949а. С. 129. Рис. 3) и Киеве (*Каргер*, 1958. С. 443, 445. Рис. 123, *средний ряд*, *левый*; 124, *нижний*). Среди памятников сфрагистики такой же трезубец зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 949).

Tun II/11. Трезубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальным правым зубцом и раздвоенным центральным зубцом. Ножка

³⁰ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

³¹ Сообщила О.А.Щеглова (СПб).

³² О фотографиях из отчета Б. А. Рыбакова сообщил Н. В. Лопатин (Москва).

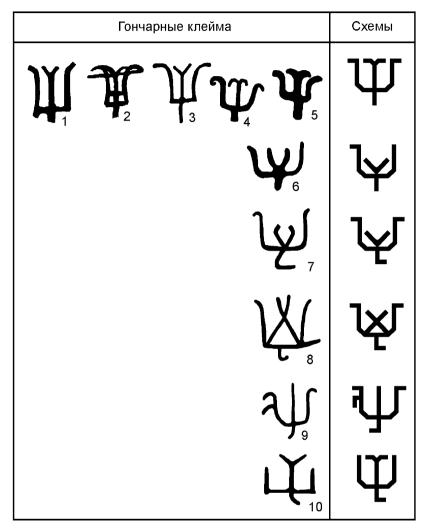

Рис. 10. Знаки XII–XIII вв. в гончарных клеймах 1–3 — Звенигород; 4–9 — Киев; 10 — Плеснеск

вертикальная (рис. 10, 6). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Брайчевська*, *Михайлов*, *Сагайдак*, 1993. С. 232. Рис. 12, *верхний ряд*, *левый*).

Тип II/12. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов и раздвоенным центральным зубцом. Ножка отогнута вправо (рис. 10, 7). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Толочко*, 1981. С. 296. Рис. 129, *левая половина*, *нижний ряд*, *второй справа*).

Тип II/13. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, раздвоенной вершиной центрального зубца и ножкой, отогнутой вправо (рис. 10, 8). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (*Толочко*, 1981. С. 297. Рис. 129, *правая половина*, *нижний ряд*, *левый*).

Тип II/14. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и ножкой, отогнутой влево. На левом зубце — отрог наружу (рис. 10: 9). Клеймо с таким знаком найдено в Киеве (Козловський, Иевлев, 2008. С. 255. Рис. 8, 1).

Tun II/15. Трезубцы с вертикальными боковыми зубцами, раздвоенным завершением центрального зубца и ножкой, отогнутой вправо (рис. 10, 10). Клеймо с таким знаком найдено в Плеснеске (*Кучера*, 1960. С. 121. Рис. 3, 16).

Tun II/16. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и ножкой, опирающейся на ромб (рис. 11, 1).

Гончарные клейма	Схемы	Гончарные клейма	Схемы
九	Ϋ́	W 1/8	Ψ
$\coprod_{2}$	ψ	W ₉	
, Т _з	Ψ	10	U
т з Д ₄	Ψ	1 11	¥
_ ბ₄	र गार	Y ₁₂	Ψ
J 5	Ψ	13	T
[ ]#	¥	7 ,14	Ψ

Рис. 11. Знаки XII-XIII вв. в гончарных клеймах

^{1, 7 —} Тверское Поволжье; 2, 4 — Рязань; 3 — Новгород; 5 — Путивль; 6 — Новиково; 8 — Ростов; 9 — Киев; 10 — Плес; 11 — Донецкое городище; 12 — Батурин; 13 — Липлява; 14 — Городец

Клеймо с таким знаком найдено в Тверском Поволжье³³ (*Олейников*, 2002. С. 64. Рис. 26, VI-8).

- **Тип II/17.** Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, раздвоенным завершением центрального зубца и ножкой, опирающейся на ромб (рис. 11, 2). Клеймо с таким знаком найдено в Рязани (*Даркевич*, *Борисевич*, 1995. С. 255. Табл. 27, 1; *Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 56).
- **Tun II/18.** Трезубцы с вертикальными боковыми зубцами, раздвоенным завершением центрального зубца и Т-образной ножкой (рис. 11, 3). Клеймо с таким знаком найдено в Новгороде (*Хижняков*, 2002. С. 139. Рис. 2, 104.2).
- **Тип II/19.** Трезубцы с вертикальными боковыми зубцами, раздвоенным завершением центрального зубца и ножкой, опирающейся на кольцо (рис. 11, 4). Клеймо с таким знаком найдено в Рязани (*Розенфельдт*, 1997. С. 264. Табл. 18, 61).
- **Tun II/20.** Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и раздвоенной ножкой (рис. 11, 5). Клеймо с таким знаком найдено в Путивле³⁴.
- **Тип II/21.** Трезубцы с вертикальными зубцами и ножкой. Основания боковых зубцов размещены ниже основания центрального зубца (рис. 11, 7–9). Клейма с таким знаком найдены в Тверском Поволжье³⁵ (*Олейников*, 2002. С. 64. Рис. 26, *VII-1*), Ростове (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 2, 11) и Киеве (*Рыба-ков*, 1940. С. 249. Рис. 75; 1948а. С. 493. Рис. 126, 6; 19486. С. 170. Рис. 111, 6).

КЛАСС III

Трезубцы с укороченным центральным зубцом

- *Tun III/1*. Трезубцы с вертикальными зубцами. Ножка раздвоенная (рис. 11, *11*). Клеймо с таким знаком найдено на Донецком городище³⁶.
- **Tun III/2.** Трезубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальными центральным и правым зубцами и Т-образной ножкой (рис. 11, 12). Клеймо с таким знаком найдено в Батурине³⁷.
- **Тип III/3.** Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и раздвоенной ножкой. На боковых зубцах отроги наружу (рис. 11, *13*). Клеймо с таким знаком найдено в Липляве³⁸ (*Рыбаков*, 1940. С. 249. Рис. 77; 1948а. С. 493, 494. Рис. 126, *9*; 127, θ ; 19486. С. 170. Рис. 111, *9*).
- **Тип III/4.** Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов, вертикальным центральным зубцом и вертикальной ножкой (рис. 11, 14). Клеймо с таким знаком найдено в Городце на Волге (*Медведев*, 1968. С. 34. Рис. 8, 21).

³³ Точное место находки в публикации не указано.

³⁴ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

³⁵ Точное место находки в публикации не указано.

³⁶ Сообщил Е. А. Шинаков (Брянск).

³⁷ Сообщил В. П. Коваленко (Чернигов). В публикации (*Коваленко, Ситий*, 2008. Рис. на с. 111, *правая половина*, № 17) знак читается как двузубец.

 $^{^{38}}$ Судя по фотографии, опубликованной Рыбаковым (1948а. С. 494. Рис. 127, θ), «отроги» на боковых зубцах, вероятно, представляют собой дефекты оттиска.

Tun III/5. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов и вертикальным центральным зубцом. Ножка отсутствует (рис. 11, 10). Клеймо с таким знаком найдено в Плесе (*Травкин*, *Ойнас*, 1990. С. 35–38. Рис. 1, 1).

Тип III/6. Трезубцы с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов и центральным зубцом, имеющим вид стрелы острием вверх. Ножка отсутствует (рис. 12, 1, 2). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (Калюк, Сагайдак, 1988. С. 44. Рис. 4, 5; Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 67. Рис. 15, 17).

Tun III/7. Трезубцы с отогнутым наружу завершением левого зубца, вертикальными центральным и правым зубцами и вертикальной ножкой. На правом зубце - перекрестие (рис. 11, 6). Клеймо с таким знаком выявлено на донце горшка домонгольского времени (XIII в.?) из раскопок селища Новиково (Липецкая обл.).39 Среди памятников сфрагистики аналогичные трезубцы известны на печатях из Киевской и Черниговской областей (Алфьоров, 2012. С. 62-64, № 19, 21) и на пломбе из коллекции А.А. Алфёро-Ba (№ 88)⁴⁰.

КЛАСС IV Удвоенные трезубцы

Tun IV/1. Боковины и мачта вертикальные (рис. 12, 3). Клеймо с таким знаком найдено в Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 134, нижний ряд, правый). Среди памятников сфрагистики аналогичный знак, стилизованный под растительный крин, зафиксирован на щитке

Гончарные клейма	Схемы
	दं ऋ ६
¥, M ₅	
n ₇ W ₈	þ
4 1 0	Щ

Рис. 12. Знаки XII—XIII вв. в гончарных клеймах 1, 2, 4, 9 — Киев; 3 — Рязань; 5 — Дорогобуж; 6, 8 — Владимир; 7 — Суздаль;

10 — Титово-Мотыка

³⁹ http://museum.elsu.ru/muzej-arxeologii/. Сообщил А.С. Фролов (Москва).

 $^{^{40}}$ Пломба и печать из Киевской обл. экспонировались на выставке «1000 років української печатки» (24 мая — 15 октября 2013 г.) в Национальном музее истории Украины (Киев).

перстня из клада 1908 г., найденного на Святом озере (Белецкий, 2001а. С. 100, тип IV/1/5).

Тип IV/2. Завершения и основания боковин отогнуты наружу, мачта вертикальная (рис. 12, 4, 5). Клейма с таким знаком найдены в Киеве (Козловський, Иєвлев, 2008. С. 255. Рис. 8, 7) и Дорогобуже (Прищепа, Никольченко, 1996. С. 218. Рис. 84, 37). Среди памятников сфрагистики подобный знак отмечен на пломбе из Дрогичина (Musianowicz, 1982. С. 136, третий ряд сверху, левая; Седых, Белецкий, 2011. С. 118. Рис. 4, 2). Как будто бы, аналогичный знак фиксируется также на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 994).

КЛАСС VI⁴¹ Знаки в форме багра

Тип VI/1. Знак в виде вертикальной мачты с отрогом влево (рис. 12, 6). Клеймо с таким знаком найдено во Владимире (*Курбатов*, 2005. С. 43, № 371). Среди памятников сфрагистики подобный знак отмечен на пломбе из Дрогичина, деревянной пломбе из Новгорода, известен также по оттиску печатного перстня из киевского клада 1928 г. (*Белецкий*, 2001а. С. 104, тип VI/2/1). Такие же знаки серийно представлены на пломбах из коллекции А. А. Алферова (№ 260, 304, 832, 986, 1040, 1044, 1065, 1067, 1081, 1089, 1105).

Тип VI/2. Знак в виде вертикальной мачты с отрогом вправо (рис. 12, 7). Клеймо с таким знаком найдено в Суздале (*Кадиева*, 2007. С. 132. Рис. 2, 29). Среди памятников сфрагистики подобный знак отмечен на пломбе из Новгорода, на печати из Городца на Волге, на щитке верительного перстня из киевского клада 1903 г. (*Белецкий*, 2001а. С. 103, тип VI/1/2). Такие же знаки представлены на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 681, 866, 1108).

Знаки «архаического типа»

Знаки в трех клеймах — двузубец и два трезубца (рис. 12, 8–10) — имеют очень архаичный облик. Зубцы двузубца и боковые зубцы трезубцев у этих знаков обозначены контуром и имеют вид треугольников, обращенных вверх острой вершиной. Прорисовка клейма из Киева (рис. 12, 9)⁴², опубликованная Б. А. Рыбаковым (1940. С. 323; 1948а. С. 493. Рис. 126, 8), вызывала недоверие до тех пор, пока не были опубликованы клейма, найденные во Владимире (Кадиева, 2007. С. 132. Рис. 2, 6) и на поселении Титово-Мотыка (Никольская, Полубояринова, 1967. С. 65. Рис. 22, 2). В настоящее время геральдический характер перечисленных знаков сомнения

 $^{^{41}}$ Знаки в форме полутрезубца, известные по памятникам сфрагистики и объединенные в класс V (*Белецкий*, 2001а. С. 101, 102), в гончарных клеймах, как будто бы, пока не фиксировались.

⁴² В подрисуночной подписи в «Истории культуры древней Руси» сказано, что клеймо происходит из Остерского Городца (*Рыбаков*, 1948б. С. 170. Рис. 111, 8).

не вызывает — об этом свидетельствуют пломбы из коллекции А. А. Алфёрова, несущие изображения знаков, аналогичных или близкородственных двузубцу из Владимира (рис. 12, 8), — двузубцы с зубцами в виде треугольников, обращенных острием вверх и с вертикальной (№ 828, 852), крестовидной (№ 948, 980) и Т-образной (№ 519, 524, 530, 825, 827, 918, 950, 960, 961, 966, 972, 976. 979) ножками, а также без ножки (№ 913). При этом двузубцы с Тобразной ножкой встречены на одних пломбах вместе с трезубцами, имевшими вертикальные зубцы и вертикальную (№ 451?) или же крестовидную (№ 517?, 825, 899?, 911?, 960) ножку, что, безусловно, указывает на одновременную деятельность владельцев знаков.

С учетом того, что двузубцы с крестовидной ножкой и зубцами в виде треугольников, обращенных острием вверх, зафиксированы на роговых кистенях из Киева (Мовчан, Боровьский, Архіпова, 1998. С. 117. Рис. 5) и Саркела (Артамонов, 1958. Вклейка между с. 76 и 77. Рис. 55, знак «А»), решусь предположить, что знаки «архаического типа» в гончарных клеймах относятся к времени перехода древнерусской геральдики от стилистики X–XI вв. к стилистике XII–XIII вв. Иными словами, эти клейма относятся, с наибольшей вероятностью, ко времени не позднее первой половины — середины XII в.

Фрагментированные знаки

Фрагментарно сохранились знаки в 44 клеймах (рис. 13, 1–44) из Владимира (Кадиева, 1999. Рис. 2, 13, 15, 19; 2002. С. 107. Рис. 3, 17, 21, 22, 23; 2007. С. 132. Рис. 1, 13; Климов, 1999. Рис. 7, 4, 8, 6; Курбатов, 2003. С. 168, 178, № 481, 510; 2004. С. 54, № 177), Киева (Каргер, 1958. С. 443, 445. Рис. 123, верхний ряд, правое, средний ряд, правое; 124, верхний ряд, правое; Шовкопляс, 1964. Табл. II, 22; IV, 15, 16, 25; Ивакин, Степаненко, 1985. С. 88. Рис. 7; Зоценко, Брайчевська, 1993. С. 66, 67. Рис. 14, 17; 15, 12, 14, 18; Зоценко, 2001. С. 172. Табл. II, второй сверху ряд, правое и левое, нижний ряд, правое, третий сверху ряд, правое и левое, верхний ряд, центральное и левое; Стрельник, 1996. С. 94. Рис. 3, V-1, VI-3), Ярополча (Седова, 1978. С. 140. Табл. 11, 1; Кадиева, 2007. С. 132. Рис. 1, 8, 2, 23), Плеса (Травкин, Ойнас, 1990. С. 35–38. Рис. 1, 5), Григоровки (Петрашенко, 1992. С. 19. Рис. 6, 30, 31), Плеснеска (Кучера, 1960. С. 121. Рис. 3, 17), Черновки (Возний, 2010. С. 32. Рис. 1, 15), Ленковцев (Там же. Рис. 1, 13), Трубчевска⁴³ (Падин, 1948. С. 90. Рис. 48, 2; 2004. С. 82, верхний рис.) и Галицы (Возний, 2010. С. 32. Рис. 1, 5).

Несхематизированные знаки

Не поддаются уверенной схематизации знаки в 9 клеймах (рис. 14, 1–9), происходящих из Волковыска (Зверуго, 1975. С. 71. Рис. 25, 14), Гомеля (Макушников, 1996. С. 187. Рис. 8, 1), Киева (Мовчан, Козловський, Иєвлев, 2005.

⁴³ Сообщила О. А. Щеглова (СПб).

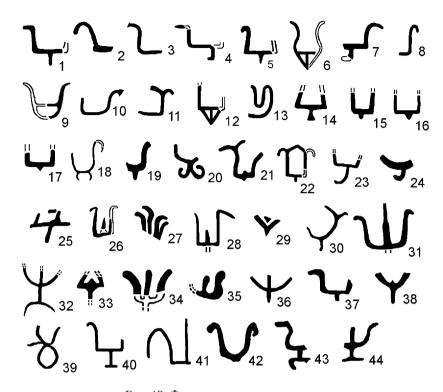

Рис. 13. Фрагментированные знаки 1, 4, 7, 14, 21, 31, 33–35, 37, 38 — Владимир; 2, 3, 6, 8, 10–12, 15, 17–20, 25–28, 32,

39–43 — Киев; 5, 16, 22 — Ярополч; 9 — Плес; 13, 29 — Григоровка; 23 — Плеснеск; 24 — Черновка; 30 — Ленковцы; 36 — Галица; 44 — Трубчевск

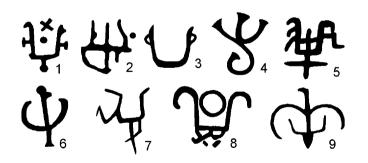

Рис. 14. Знаки, не поддающиеся схематизации

- Волковыск;
  - 2Γ омель;
- 3, 5, 7-8 Киев;
- 4 Колодяжин;
- 6 Могилев; 9 Капыстичи

С. 114. Рис. 4, 3, левый; Каргер, 1958. С. 445. Рис. 124, верхний ряд, левое; Ивакин, Степаненко, 1985. С. 88. Рис. 7; Козловський, Иєвлев, 2008. С. 244. Рис. 2, 6), Колодяжина (Розенфельдт, 1997. С. 264. Табл. 18, 63), Могилева (Марзалюк, 1998. С. 210. Рис. 26, 4) и Капыстичей⁴⁴.

⁴⁴ Сообщил С. П. Щавелёв (Курск).

Заключение

Гончарные клейма с изображениями княжеских знаков — вторая (после памятников сфрагистики) по представительности серия геральдических памятников древней Руси. Состав знаков, помещенных в клеймах, в тенденции соответствует составу знаков на памятниках сфрагистики — печатях, пломбах (в том числе деревянных) и перстнях (табл. 1): решительно преобладают двузубцы (более 73%), заметно меньше трезубцев (немногим более 20%), а знаки прочих классов составляют (округленно) от 1 до 4%.

Таблица 1
Древнерусские княжеские знаки («знаки Рюриковичей») XII–XIII вв.
на памятниках сфрагистики и в гончарных клеймах

				-			
	I	II	III	IV	V	VI	Всего
Памятники сфрагистики	608/78,8	72/9,3	31/4	6/0,8	14/1,8	41/5,3	772/100%
Клейма	163/73,7	45/20,4	8/3,6	3/1,4	_	2/0,9	221*/100%

^{*} В таблицу не включены знаки X-XI вв., т.н. «архаические» знаки, а также фрагментированные и не схематизированные знаки.

Немногим более половины разнотипных двузубцев — 26 типов из 43 — находят себе соответствия среди двузубцев, зафиксированных памятниками сфрагистики. Меньше совпадений у трезубцев — 7 типов из 21. Находят себе соответствие на памятниках сфрагистики оба типа знаков в форме багра и оба типа удвоенных трезубцев. Из семи типов трезубцев с укороченным центральным зубцом со знаками того же класса в сфрагистике совпадает по схеме только один тип.

По-видимому, формирование корпуса княжеских знаков, сохраненных, с одной стороны, памятниками сфрагистики, а с другой — гончарными клеймами, происходило по разным законам. Это и не удивительно. Памятники сфрагистики — это, прежде всего, материализованное выражение власти, так что размещение на печатях и пломбах княжеских гербов сохранило для нас драгоценные свидетельства о персональном составе лиц, обладавших не только властью, но и правом передавать часть властных полномочий своим представителям. В находках же гончарных клейм с изображениями княжеских знаков материализовались, прежде всего, экономические отношения между заказчиком и исполнителем заказа: они свидетельствуют о существовании лиц, заказывавших гончарам посуду от имени князя и оплачивавших заказ из средств князя (Розенфельдт, 1963. С. 129, 130). Конечно, факт несовпадения типологического состава знаков в клеймах со знаками в памятниках сфрагистики может объясняться, прежде всего, неполнотой имеющегося в нашем распоряжении источника. Однако не исключено, что какие-то лица, от имени которых заказывалась и оплачивалась домашняя утварь, могли в принципе не располагать «правом печати».

Литература

- Алфьоров О., 2012. Молівдовули київських князів другої половини XI— кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної коллекції О. Шереметьева // Сфрагістичний щорічник. Київ. Вип. II.
- Андрюшин Е., 2010. Древнерусские поселения на малых реках— притоках Десны в Выгоническом районе Брянской области // Середньовічні старожитності центрально-східної Європи: Мат. IX Міжнар. студ. наук. археолог. конф. (16–18 квітня 2010 р.). Чернігів.
- Артамонов М.И., 1958. Саркел Белая Вежа // МИА. № 62.
- *Белецкий С.В.*, 2000. Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилева // Σισσιτια: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.
- *Белецкий С.В.*, 2001а. Знаки Рюриковичей. Ч. 2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 3.
- Белецкий С.В., 20016. Предметы с изображениями тамгообразных знаков из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993—1997 гг.). СПб.
- *Белецкий С.В., Васильев Б.Г., Кирпичников А.Н., Чернов А.Ю.*, 2012. Гончарное клеймо из Старой Ладоги // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5.
- Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Болсуновский К.В., 1894. Дрогичинские пломбы. Киев. Ч. 1.
- Боровський Я.Е., 1976. Археологічні дослідження в «городі» Ярослава // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.
- *Брайчевська О.А., Михайлов И.С., Сагайдак М.А.*, 1993. Дослідження ділянки Подолу по вул. Спаській у 1988—1989 рр. // Стародавній Київ: Археологічні дослідження. 1984—1989. Київ.
- Вінокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П., Якубовський В.І., 2004. Літописний Губин XII—XIII ст. Болохівська земля. Вип. І: За матеріалами археологічних досліджень 1997—2003 років. До 800-річчя Губина. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів.
- Возний І.П., 2010. Типологія клейм та орнаментація горщків з території між верхнім Сіретом і спереднім Дністром (X— перша половина XIII ст.) // Археологія. № 4.
- Воронин Н.Н., 1948. Археологические заметки // КСИИМК. Вып. ХІХ.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. М. Т. 1.
- *Гадло А.В.*, 1964. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // КСИА. Вып. 99.
- Гончаров В.К., 1957. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. // Археологія. Х.
- *Горюнова В.М., Малышева Н.Н.*, 2013. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X начала XI века. СПб. (В печати.)
- *Гуцал А.Ф., Якубовський В.І., Михальчишин І.Р.,* 2011. Археологічна спадщина Хмельницької області: Довідник. Київ.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Довженок В.Й., 1950. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 гг. // Археологія. Т. III. Київ.
- Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
- Заяц Ю.А., 1994. Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчина) // Гістарычнаархеалагічны зборник. Мінск. № 3.
- Заяц Ю.А., 1996. Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.): по материалам Заславского курганного могильника // Гістарычна-археалагічны зборник. Мінск. № 8.

- Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск X-XIV вв. Минск.
- Зоценко В.М., 2001. Амфорна тара києво-подолу XII— початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї: Зб. наук. ст. Київ.
- Зоценко В.М., Брайчевська О.А., 1993. Ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ: Археологічні дослідження. 1984–1989. Київ.
- *Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.*, 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980—1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев.
- Кадиева Е.К., 1999. Керамические клейма на сосудах из усадьбы второй половины XII XIII вв. г. Владимира (предварительное сообщение) // II Тверская археологическая конференция (23–27 марта 1999 г.). Стендовый доклад.
- Кадиева Е.К., 2002. Древнерусская круговая керамика конца XII второй половины XIII вв. из усадьбы г. Владимира (по материалам раскопок 1999 г.) // ТТЗ. Вып. 4.
- *Кадиева Е.К.*, 2007. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. Вып. 221.
- *Калюк О.П., Сагайдак М.А.*, 1988. Склад керамічної продукції XII ст. з київського Подолу // Археологія. Київ. № 61.
- *Каргер М.К.*, 1958. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л. Т. 1.
- Климов Л.И., 1999. Княжеские знаки на гончарных формах второй половины XII— первой трети XIII вв. из восточной части гор. Владимира (на материалах раскопа Ю.Э. Жарнова 1999 г.): Рукопись.
- Коваленко В., Ситий Ю., 2008. Батурин, відкритий археологами. Ч. І // Батуриньска старовина: Зб. наук. праць, присвяч. 300-літтю Батуринської трагедії. Київ.
- Козловський А.О., Иєвлев М.М., 2008. Садиба першой половини XIII ст. в «місті Володимера» давнього Києва // Дьнєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ.
- *Кравченко Э.Е.*, 2000. Памятник оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 1.
- *Курбатов А.В.*, 2003. Опись индивидуальных находок. Раскоп V: Приложение 3 к Отчету о раскопках в г. Владимире в 2003 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. № 15.
- *Курбатов А.В.*, 2004. Иллюстрации к отчету о раскопках в г. Владимире в 2004 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. № 12. Л. 156. № 594.
- *Курбатов А.В.*, 2005. Рисованные описи индивидуальных находок из раскопок в г. Владимире. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. № 12.
- *Кучера М.П.*, 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИАУ. Вып. 10.
- Кучера М.П., 1961. Кераміка древнього Пліснеська // Археологія. Т. XII.
- Левченко А., 2005. Княжеская «визитка» // Вечерний Харьков. № 134 (8934) от 1 декабря.
- *Лысенко* $\Pi.\Phi.$, 1985. Берестье. Минск.
- *Макушников О.А.*, 1996. Исследования 1989 г. на южной окраине летописного Гомия // Гістарычна-археалагічны зборник. Мінск. № 8.
- *Малыгин* $\Pi \mathcal{A}$., 2011. Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999—2001 гг.). Тверь.
- Марзалюк I., 1998. Магилеу у XII–XVIII стагоддзях. Мінск.
- $Medeedee A\Phi$., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. Вып. 113.
- *Мовчан І.І., Боровський Я.Е., Архіпова Е.І.*, 1998. Нові знахідки виробів прикладного мистецтва з «Міста Володимира» // Археологія. № 2.

- Мовчан І.І., Козловський А.О., Иєвлев М.М., 2005. Локальні оборонні споруди Верхнього Києва X–XI ст. // Наукові записки з української історії: Зб. наук. ст. Переяслав-Хмельницький. Вип. 16.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
- *Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д.*, 1967. Раскопки древнерусских городищ Орловской области // КСИА. Вып. 110.
- Олейников О.М., 2002. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X— начала XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // ТТЗ. Вып. 4.
- *Орлов Р.С.*, 1994. Правда Руська і керамічне виробництво XI–XII ст. // Старожитності Русі-України. Київ.
- *Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.*, 1985. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология). Киев.
- *Павлова К.В.*, 1997. Гончарные клейма городища Осовик // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Сб. ст. памяти В. Д. Белецкого. СПб.; Псков.
- *Падин В.А.*, 1948. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска // КСИ-ИМК. Вып. ХХІІІ. М.; Л.
- Падин В.А., 2004. Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н.э. X— XII вв. н.э. по материалам археологических исследований. Брянск. (Очерки по истории археологии Брянской области. Вып. 2.)
- *Петрашенко В.А.*, 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
- Петрашенко В.О., 1999. Давньоруське село за матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // Археологія. № 2.
- *Пех Г.И.*, 1963. Раскопки в Волковыске в 1958 г. // СА. № 1.
- Плавинский А.М., Плавинский М.А., 2002. Кераміка курганнага могільніка Навасёлкі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк.
- Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.
- *Прищепа Б.А., Никольченко Ю.М.*, 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі: До історії населення Західної Волині в X–XIII століттях. Рівне.
- Розенфельдт Р.Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах // СА. № 2.
- Розенфельдт Р.Л., 1997. Керамика // Древняя Русь: Быт и культура. М. (Археология СССР.)
- *Рыбаков Б.А.*, 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // CA. VI.
- Рыбаков Б.А., 1948а. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б.А., 1948б. Ремесло // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. І.
- Рыбаков Б.А., 1949а. Раскопки в Звенигороде // МИА. № 12.
- *Рыбаков Б.А.*, 19496. Отчет о раскопках во Вщиже в 1948 и 1949 гг. // Архив ИА РАН. Д. 1680а.
- Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седых В.Н., Белецкий С.В., 2011. Новые сфрагистические находки из Тимерево // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 6.
- Старчук І.Д., 1952. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. III.
- Стрельник М., 1996. Керамічні вироби з коллекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення. Київ.
- *Строкова Л.В.*, 2000. Гончарські клейма з Вишгорода // Археологічні дослідження в Україні в 1994–1996 роках. Київ.
- *Супруненко О.Б.*, 1998. На землі Полтавській: Пам'ятки археології Полтави та околиць. Полтава.

Сушко А., 2010. Керамічні освитлювальни прилади з київського Подолу // Середньовічні старожитності центрально-східної Європи: Мат. ІХ Міжнар. студ. наук. археолог. конф. (16–18 квітня 2010 р.). Чернігів.

Травкин П.Н., Ойнас Д.Б., 1990. Гончарные клейма из Плеса // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 3.

Толочко П.П., 1981. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев.

Чайка Р., 2009. Давньоруське городище Листвин і його околиці у X–XI ст. Львів.

Харламов В.О., 1996. Нові дослідження на «Вознесеньскому узвозі» в Києві // Археологія. 2.

Хижняков О.И., 2002. Новгородские гончарные клейма // ТТЗ. Вып. 4.

Хохлов А.Н., *Нестерова М.Е.*, 1996. О постройках домонгольского времени на территории Затьмацкого посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 1.

Шовкопляс Г.М., 1964. Знаки на древньоруському посуді з Києва // Археологія. Т. 17.

Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. Wrocław; Warszawa; Krakow. T. VI.

Musianowicz K., 1982. Drohiczyn od VI do XIII wieku: Dzieje i kultura. Olsztyn; Białystok.

Миниатюры Радзивиловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса

M.A. Plavinski. Radziwill Chronicle miniatures as a source of ancient weapons history: an introduction

Abstract. The article is devoted to the miniatures of Radziwill Chronicle as a source of ancient weapons history. It is evident that in their final form miniatures do not reflect the real weapons and armor of ancient times. All the detailed samples of the weapons display the military technic realities of the time of the manuscript itself — the end of the 15th century or an earlier period. One can assume that these realities were typical for the area of active contacts between the Western and Eastern European military-technical traditions. This area was, first of all, the Grand Duchy of Lithuania, especially its «Russian» lands, and to some extent the territory of Novgorod and Pskov. It is interesting, that the artists left untouched («unedited») standard armament of most soldiers, going back to the old Russian models, and through them to the Byzantine prototypes. And that could mean that such images were not strongly discordant with the military-technical realities of the era of the creation of the manuscript.

Ключевые слова: Радзивиловская летопись, Древняя Русь, миниатюры, оружие, защитное вооружение.

Определение «к постановке вопроса» в заголовке сообщения о миниатюрах Радзивиловской летописи (далее — РЛ) может сразу вызвать у читателей недоумение и вопросы. Действительно, историография изучения миниатюр этого памятника насчитывает достаточно много работ, часть которых непосредственно касается вооружения. Однако исходя из современного уровня наших знаний по истории древнерусского оружия и разнообразия мнений, высказанных в литературе о времени создания миниатюр, постановка вопроса о новом их источниковедческом рассмотрении представляется вполне корректной.

Сегодня трудно, даже практически невозможно, представить себе какуюлибо хорошо иллюстрированную книгу по древнерусской истории или археологии, в которой не найдется хотя бы одной миниатюры из РЛ. Эти миниатюры прочно заняли свое место в качестве основного иконографического источника по истории древнерусской материальной культуры, одежды, вооружения и прочих аспектов повседневного быта.

Большинство исследователей сходится в том, что РЛ была создана в самом конце XV в., вероятнее всего, в Смоленске. Как возможные центры создания называются также Новгород, Северо-Восточная Русь, Новогрудок и т.д.

Вместе с тем, сами миниатюры остаются исследованными относительно слабо. Существует несколько основных взглядов на вопрос о том, насколько миниатюры РЛ могут быть использованы в качестве источников по истории материальной культуры древнерусского времени.

Дореволюционные исследователи, в общем, достаточно осторожно относились к возможности использования данного памятника для реконструкции древнерусского быта¹. Так, Н. П. Кондаков предполагал, что прототипом для создания миниатюр послужили византийские или южнославянские образцы, сильно упрощенные, примитивизированные и утрированные древнерусским мастером. Вместе с тем, он выделял достаточно многочисленные реалии XIII—XIV вв., характерные для быта суздальцев, которых он и считал создателями миниатюр (Кондаков, 1902. С. 124, 125). С другой стороны, он отмечал на миниатюрах значительное число западноевропейских элементов, часть которых рассматривал как реалии суздальского быта, а часть — как более поздние дорисовки. Эти дорисовки он датировал очень широко — XVI—XVIII вв. (Там же. С. 125, 126).

Значительное внимание анализу миниатюр уделил В.И. Сизов. Он считал, что над миниатюрами трудилось пять рисовальщиков. Причем один из них работал в западноевропейской манере и привнес в изображения значительное число чуждых западных новаций. Исследователь отказывал в реализме большинству изображений предметов вооружения, за исключением тех, которые считал западноевропейскими. Его итоговые выводы сводятся к тому, что миниатюры изобилуют «сильным вторжением иноземных влияний в одеждах изображенных сцен», а иллюстратор, редактировавший их, был немцем (Сизов, 1905. С. 29, 46–48).

С другой стороны, Д.В. Айналов склонен был выделять в начальной части РЛ ряд архаичных миниатюр, восходящих к древнерусским оригиналам, сработанным по византийским образцам и не содержащим «следов немецкой живописи и гравюры», характерных для последующих миниатюр. «Явственная модернизация рисунков» начинается, по мнению Д.В. Айналова, с листа 96 (Айналов, 1908. С. 307–323).

А.А. Шахматов считал, что РЛ была воспроизведена с уже иллюстрированного оригинала, вероятно, в Смоленске. Он также признавал наличие на миниатюрах многочисленных западноевропейских (немецких) реалий (*Шахматов*, 1913).

Взвешенностью и аргументированностью отличался подход к анализу миниатюр, предложенный М.И. Артамоновым. Он считал, что над миниатюрами трудились два художника, один из которых работал в архаическом стиле и был помощником второго мастера. В свою очередь, второй мастер был хорошо знаком с западноевропейскими традициями, что объясняется самим

¹ В представленном ниже кратком обзоре литературы я не ставил перед собой цель проанализировать всю имеющуюся обширнейшую историографию изучения миниатюр РЛ. Рассмотрены только наиболее важные работы по данному вопросу, в особенности те, в которых специально уделялось внимание изображениям оружия.

местом создания памятника — в Полоцке или, что более вероятно, в Смоленске. Причем оба художника, по мнению М. И. Артамонова, работали одновременно (Apmamonos, 1931. С. 3–16). В результате анализа миниатюр исследователь пришел к выводу о том, что они отражают процесс взаимопроникновения византийско-древнерусских и западноевропейских художественных традиций (Там же. С. 26, 27).

Однако наиболее известной работой, посвященной анализу миниатюр РЛ, стала монография А.В. Арциховского (1944) (первый вариант части монографии, посвященной РЛ, был опубликован ранее: Арциховский, 1932). Исследователь достаточно детально рассмотрел миниатюры РЛ и пришел к выводу о том, что они могут уверенно использоваться в качестве источника по истории материальной культуры древнерусского времени. Примечательно, что в своей книге А.В. Арциховский уделил особое внимание именно анализу предметов вооружения, чему был посвящен специальный раздел (Арциховский, 1944. С. 18–22). Общий вывод исследователя можно свести к тому, что миниатюры являются полноценным источником по истории материальной культуры древнерусского времени. В связи с этим следует отметить, что А.В. Арциховский во многих случаях пытался очень буквально трактовать и интерпретировать те или иные изображения, ища их конкретные прототипы, что, в общем, представляется достаточно сомнительным при общем схематизме миниатюр. Причем общей тенденцией в интерпретации предметов вооружения у А. В. Арциховского был поиск максимально архаичных прототипов конкретных образцов изображенного оружия.

О.И. Подобедова, которая провела тщательный анализ миниатюр РЛ, также предполагала, что они сохранили традиции древнейшего лицевого летописания. Она считала, что галицко-волынские и, в первую очередь, владимиро-суздальские прототипы были переработаны двумя тверскими или московскими мастерами, работавшими в одной мастерской между 1485 и 1495 гг. В свою очередь, их работа была отредактирована третьим мастером, трудившимся в Москве в первой четверти XVI в. Вместе с тем, О.И. Подобедова также признавала наличие многочисленных германизмов (в том числе и в вооружении) после листа 96 (Подобедова, 1961. С. 15–19; 1965. С. 49–101).

Мнение о том, что миниатюры РЛ являются полноценным источником по истории материальной культуры древнерусского времени, приобрело еще больший вес после работ Б. А. Рыбакова. Он доказывал раннее древнерусское происхождение миниатюр, наличие в них значительного числа мелких аутентичных подробностей и вообще видел в них изображения, чуть ли не близкие по точности к фотографиям (*Рыбаков*, 1946; 1984). Но даже он вынужден был признать, что ряд изображений отражают реалии, относящиеся не ранее чем к XV в. (*Рыбаков*, 1984. С. 233).

В результате, во множестве последующих публикаций, вплоть до нашего времени, мнение о том, что миниатюры РЛ адекватно воспроизводят военно-технические реалии X–XIII вв. повторялось и продолжает повторяться, в том числе и некоторыми специалистами-оружиеведами (см., напр.: *Измай-лов*, 2008. С. 29).

Однако аргументация мнения о точном воспроизведении древнерусской материальной культуры на миниатюрах РЛ представляется недостаточной. Учитывая время создания летописи — конец XV в., схематизм изображений, а также наличие на миниатюрах многочисленных очевидных военно-технических реалий, синхронных времени ее написания, вопрос о возможности ее использования как источника по истории древнерусского вооружения остается открытым.

Изображения основных видов оружия — мечей, сабель, копий, луков — в большинстве своем крайне схематичны. Защитное вооружение также достаточно однообразно, за исключением ряда очевидных позднесредневековых реалий.

Мечи на миниатюрах изображены стандартно— с прямыми перекрестьями и дисковидными навершиями. Различается только их длина, однако определенной закономерности в изображении мечей разной длины не прослеживается. Мечи могут использоваться и как рубящее, и как колющее оружие. Все эти рукояти могут быть с большей или меньшей степенью уверенности отнесены к типу VI, по А. Н. Кирпичникову (1966а. С. 55) или к навершиям от типа G до I, по типологии Р. Э. Окшотта, которые могут датироваться в крайне широких рамках — XI–XV вв. и даже позднее (*Oakeshott*, 1964. Р. 95–96).

Практически единственное индивидуальное изображение меча имеется на листе 206 (рис. 1, 1). Вероятно, на данной миниатюре показан меч с навершием типа Т или V (с вариантами: рис. 1, 2), по типологии Р. Э. Окшотта (*Oakeshott*, 1964. Р. 107–109), изогнутым перекрестьем и длинным череном рукояти. По общим пропорциям меч может быть предположительно отнесен к одному из позднесредневековых типов (рис. 1, 3), по Р.Э. Окшотту (*Oakeshott*, 1991. Р. VIII–IX).

Сабли встречаются на миниатюрах реже — на 220 мечей приходится 144 сабли, по подсчетам А.В. Арциховского (1944. С. 8). Следует отметить ряд особенностей в изображении сабель: многие из них имеют рукояти, аналогичные мечевым, — с прямым перекрестьем и дисковидным навершием, в то время как рукояти других изображены вполне реалистично. Причем оба варианта изображения сабельных рукоятей могут присутствовать на одной и той же миниатюре (рис. 2, 1). В целом ряде случаев определить, что изображено — меч или сабля, — крайне затруднительно. Очевидно, что миниатюристов либо не интересовало точное отображение клинкового оружия, либо они решали, что именно будет нарисовано, непосредственно в процессе работы. Не исключено, что на ряде миниатюр изображены корды или тесаки (рис. 2, 2), которые могли появиться в восточноевропейском комплексе вооружения не ранее XIV в. (Бохан, 2012. С. 35–36). Однако, учитывая отмеченный общий схематизм изображений, утверждать это нельзя.

Интересные результаты дает рассмотрение изображенных на миниатюрах топоров. Собственно, топоры не могут в полной мере интерпретироваться как оружие, т.к. на миниатюрах РЛ они в большинстве используются в качестве орудий труда — в ходе строительных работ или, наоборот, штурма укреплений. Топоры изображены на 21 миниатюре (всего 34 экз.). На всех миниатюрах,

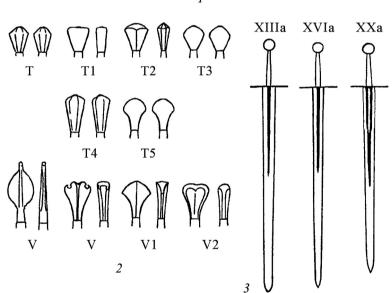

Рис. 1. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы 1- индивидуальное изображение меча (Л. 206 об.); 2- навершия мечей типов Т и V с вариантами по Р.Э. Окшотту; 3- типы позднесредневековых мечей по Р.Э. Окшотту, близкие изображенному на миниатюре

Рис. 2. Миниатюры РЛ 1 — изображения сабель (Л. 30 об.); 2 — изображение корда (?) (Л. 169 об.)

за исключением двух, — это очень схематично изображенные орудия с относительно симметричным, плавно расширяющимся лезвием разной ширины. Присутствуют как узколезвийные, так и широколезвийные топоры. Причем ширина лезвия, очевидно, не имела для иллюстраторов значения и могла изменяться в ходе работы (Л. 67 об., низ; 116, низ). В любом случае, они не находят реальных прототипов в материальной культуре XI–XIII вв., когда абсолютно преобладали бородовидные типы (Кирпичников, 19666. С. 29–46). Крайне интересно, что на 3 миниатюрах топорами копают землю (Л. 91, верх; 121 об; 236 об., низ). Вероятно, что в данном случае иллюстраторы имели в виду мотыги, но либо не смогли их правильно отразить, либо не посчитали это нужным, учитывая внешнее сходство и принцип действия обоих орудий.

Как оружие топор применяется только в двух сценах (Л. 22, верх; 103). Однако и здесь это скорее оружие экстренных условий (поход Игоря на Византию и подавление Яном Вышатичем восстания белозерских смердов во главе с волхвами).

От основной массы топоров отличаются экземпляры на обороте листа 99 (рис. 3, 1) и вверху листа 106. Один из топоров (Л. 99 об.) может быть отнесен к типу VIII или VIIIа, по М. Глосэку (рис. 3, 2), и, соответственно, датирован в рамках второй половины XIII — начала XVI в. (*Głosek*, 1996. S. 38–40). Второй топор, с хорошо прорисованной прорезью на лезвии, напоминает тип X или Xa, по М. Глосэку (рис. 3, 3), только без втулки. Датировка топоров данных типов определяется XIV — началом XVI в. (Ibid. S. 43–49).

Топор на миниатюре вверху листа 106 (рис. 4, 1) можно отнести к типу XIII, по М. Глосэку, который датируется XIV–XV вв. (Ibid. S. 53–54). На его

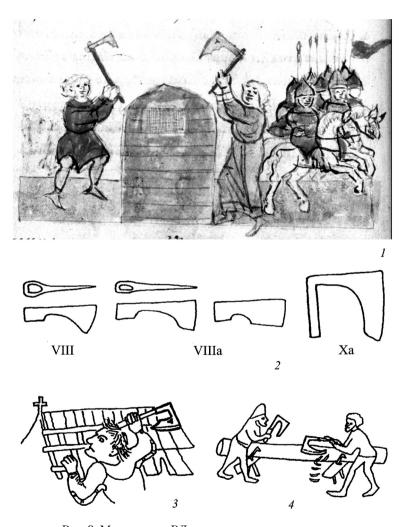

Рис. З. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы 1- изображения топоров (Л. 99 об.); 2- типы позднесредневековых топоров по М. Глосэку; 3- дьявол разрушает обитель, рисунок из Краковской легенды Яна Ялмужника, ок. 1500 г.; 4- постройка здания, Чехия, конец XIV в. (3,4- по М. Глосэку)

лезвии также четко прорисовано отверстие, что является характерным признаком позднесредневековых топоров. Хотя не исключено, что в данном случае может быть отображена алебарда с недорисованным древком. Изображение одной алебарды также имеется на обороте листа 96 (рис. 4, 2).

Совершенно очевидно, что иллюстраторы РЛ не воспринимали топор как типичное массовое оружие и не изображали его в батальных сценах. Этот факт сам по себе свидетельствует, что миниатюристы мыслили пост-древнерусскими военно-техническими категориями, когда массовое использование топоров в бою ушло в прошлое.

Что касается изображений доспехов, то они в массе своей стандартны и не могут быть сколь-нибудь определено интерпретированы. Очевидно, что в общей схеме изображения защитного вооружения имелись некие византийские прототипы, на что неоднократно указывали исследователи (Айналов, 1908.

Рис. 4. Миниатюры РЛ I — изображение топора или алебарды (Л. 106); 2 — изображение воина в пластинном доспехе с алебардой (Л. 96 об.)

С. 307—323; *Кондаков*, 1902. С. 115, 116; *Сизов*, 1905. С. 31—34). Но конкретные особенности таких изображений практически полностью утрачены.

В тех же случаях, когда мы имеем дело с какими-либо достаточно ясно читаемыми военно-техническими реалиями, все они относятся к позднесредневековому времени. Наиболее яркие из них были выделены еще В. И. Сизовым (1905. С. 36, 37) и достаточно подробно перечислены в оружиеведческих работах Ю. Н. Бохана (2012). К числу таких реалий относятся изображения полного пластинного доспеха, шлемов типов салад и шапельде-фер (рис. 5), пушек (рис. 6, 1–3) и, вероятно, ручного огнестрельного оружия (рис. 6, 4).

Вместе с тем, имеется ряд изображенных на миниатюрах элементов защитного вооружения, характерных, в первую очередь, для военной техники юговосточной части циркумбалтийского региона XIV–XV вв. К их числу следует отнести щиты-павезы небольшого размера (Плавинский, 2004), которые используются как пехотинцами, так и кавалеристами (рис. 6, 4; 7, 1, 2). К данной группе предметов защитного вооружения также принадлежат шлемы цилиндроконической формы (рис. 8, 3–4) — шатровые бацинеты (Nowakowski, 1994. P. 44. Fig. 7).

Таким образом, на основании рассмотрения миниатюр, исходя из современного уровня наших знаний по истории восточноевропейского средневекового вооружения, можно высказать ряд замечаний, пока, естественно, самых предварительных:

- 1) Сколько бы художников ни участвовало в создании миниатюр РЛ, все они отображали реалии одного и того же периода, а именно времени создания самой рукописи, т.е. конца XV в. или несколько более раннего времени.
- 2) Многие исследователи предполагали, что миниатюры в списке конца XV в. воспроизводят более ранние изображения, созданные под сильным византийским влиянием или по византийским (или) южнославянским образцам, предположительно XIII в. Но даже если первоначальная редакция миниатюр или их части относится к древнерусскому времени, очевидно, что художники конца XV в. не видели смысла в серьезной редакции внешнего облика доспехов и вооружения, внося в них только явные новации.
- 3) Очевидно, что в окончательном виде миниатюры не отображают реального вооружения и доспехов древнерусского времени. Все сколько-нибудь детально прорисованные образцы вооружения на миниатюрах передают реалии XV в., вероятно, его второй половины, характерные для зоны активных контактов между западноевропейской и восточноевропейской военно-техническими традициями. Такой зоной было, в первую очередь, Великое княжество Литовское, особенно его «русские» земли, и отчасти территория Новгородского и Псковского государств.
- 4) Это, в свою очередь, позволяет сделать достаточно перспективное предположение о самом характере вооружения данного региона. Интересно, что художники оставили нетронутым стандартное вооружение большинства воннов конические или сфероконические шлемы, круглые и миндалевидные щиты, стилизованные кольчуги или пластинчатые доспехи. А это может

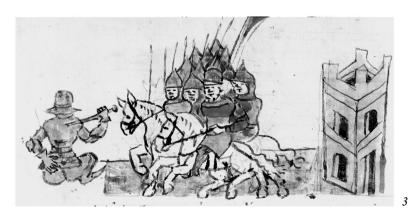

Рис. 5. Миниатюры Р.Л. Изображения воинов в полных пластинных доспехах, в шлемах типов салад и шапель-де-фер 1- Л. 9; 2- Л. 132, верх; 3- Л. 166 об., верх

Рис. 6. Миниатюры РЛ. Изображения пушек (1–3) и ручного огнестрельного оружия (?) (4) 1 — Л. 209 об.; 2 — Л. 217 об., низ; 3 — Л. 236 об., низ, 4 — Л. 234 об., верх

означать, что они не сильно диссонировали с военно-техническими реалиям эпохи создания рукописи, и свидетельствует об использовании достаточно легкого комплекса вооружения с отдельными новациями, центрально- и западноевропейскими, а также татарскими заимствованиями.

Примечательно также, что во второй половине летописи в миниатюрах проявляется все больше реалий, синхронных времени ее создания, что уже неоднократно отмечали многие исследователи (Н.П. Кондаков, В.И. Сизов, Д.В. Айналов, А.А. Шахматов, О.И. Подобедова). Можно предложить два достаточно вероятных объяснения этого явления. Либо художники постепенно «раскрепощались» в процессе работы и все дальше отступали

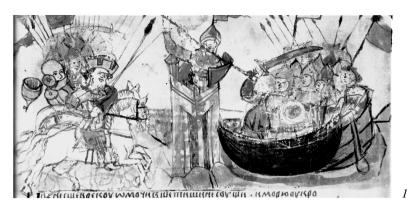
Рис. 7. Миниатюры Р.Л. Изображения всадников со щитами-павезами небольшого размера 1-Л.232; 2-Л.235

от предполагаемых византийских (византинизирующих) исходных образцов, либо же могла произойти смена заказчика или политической обстановки, в которой создавалась летопись.

Литература

Айналов Д.В., 1908. О некоторых миниатюрах Радзивилловской летописи // Изв. Отд. рус. языка и словесности Императорской академии наук. СПб. Т. ХІІІ. Кн. 2. Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С., 2005. Всадники войны: Кавалерия Европы. М.; СПб.

2

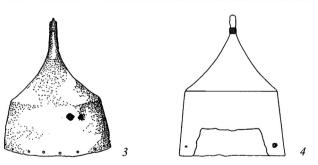

Рис. 8. Миниатюры РЛ и сравнительные материалы. Изображения шатровых бацинетов

1- Л. 9, верх; 2- Л. 156, низ; 3- шатровый бацинет 2-й пол. XIV в. из Мельно в Польше (по: *Nowakowski*, 1994. Fig. 7); 4- шатровый бацинет 2-й пол. XIV - нач. XV в. из Городца на Волге (по: *Алексинский, Жуков и др.*, 2005. С. 336)

- Артамонов М.И., 1931. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Изв. ГАИМК. Л. Т. Х. Вып. 1.
- Арциховский А.В., 1932. Миниатюры Кенигсбергской летописи // Изв. ГАИМК. Л. Т. XIV. Вып. 2.
- Арциховский А.В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.
- *Бохан Ю.М.*, 2012. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях. Мінск
- Измайлов И.Л., 2008. Защитники «Стены Искандера». Казань.
- *Кирпичников А.Н.*, 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36.
- *Кирпичников А.Н.*, 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36.
- Кондаков Н.П., 1902. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб.: Изд. Общества любителей древней письменности. CXVIII. Т. II: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи.
- Плавинский Н.А., 2004. Из истории восточноевропейских щитов XII–XIV вв. (о времени возникновения и путях развития повезы) // АИППЗ: Мат. 50 заседания (2003).
- Подобедова О.И., 1961. Миниатюры русских исторических рукописей: Из истории русского лицевого летописания XIII–XVI веков: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- *Подобедова О.И.*, 1965. Миниатюры русских исторических рукописей XIII–XVI вв.: К истории русского лицевого летописания. М.
- *Рыбаков Б.А.*, 1946. «Окна в исчезнувший мир» // Докл. и сообщ. истор. ф-та МГУ. М. Вып. 4.
- Рыбаков Б.А., 1984. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // Б.А. Рыбаков, Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М.
- *Сизов В.И.*, 1905. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) // Изв. Отд. рус. языка и словесности Императорской академии наук. СПб. Т. Х. Кн. 1.
- Шахматов А.А., 1913. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кёнигсбергского списка летописи) // Сборник в честь семидесятилетия профессора Д. Н. Анучина. М.
- Głosek M., 1996. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa; Łódź. Nowakowski A., 1994. Arms and armour in the medieval Teutonic Order's state in Prussia. Łódź
- Oakeshott R.E., 1964. The Sword in the Age of Chivalry. London.
- Oakeshott R.E., 1991. Records of the Medieval Sword. Woodbridge.

Средневековые бестиарии как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок

R. Spirģis. Medieval bestiary as a source of Liv zoomorphic pendants interpretation

Abstract. One of the most distinctive characteristics of Liv culture is the great profusion of zoomorphic pendants, which are traditionally considered as pagan symbols. However, «zoomorphic» symbols are also widely used in Christianity. In bestiaries one can find miniatures and descriptions of such animals which correspond to contemporary Liv artefacts. Especially surprising is the similarity between the image of one of the fantastic creatures and that of the «Smolensk-type» horse-pendants. The fantastic creature is leucrota.

According to the bestiaries, the leucrota lives in India and is a fast runner. It is the size of a donkey, with hind legs like those of a deer, and a breast like that of a lion. It has a horse's head, a cloven hoof and a large mouth stretching from ear to ear, with a single bone in place of teeth. The beast makes sounds similar to a human voice.

The main purpose of the medieval bestiaries was to create impressive images for preaching, and the animal world was the favourite and most easily comprehensible source for didactic comparisons. It was a rich source of imagery that could be used by missionaries. Thus, the zoomorphic Liv pendants can be linked to the arrival of a Christian mission in the East Baltic.

Ключевые слова: бестиарий, подвески, символика, христианство.

На 58-м заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» в своем докладе я пытался актуализировать вопрос проникновения христианства в низовья р. Даугава (*Спиргис*, 2013), и многие из высказанных интерпретаций подняли ряд вопросов. В том числе возражения вызвало представленное виденье символики ливских зооморфных подвесок. Традиционно они связываются с мифологией финно-угорских племен, хотя в литературе последних лет можно встретить другое мнение. Так, А. Е. Мусин в ряде случаев рассматривает их как христианские амулеты — т.е. свидетельства адаптации суеверий в рамки нового церковного мировоззрения (*Мусин*, 2002. С. 191, 192). Мною, в свою очередь, было высказано предположение, что их появление у ливов связано непосредственно с распространением на этой территории христианства. Это представление основано на двух основных предпосылках.

Во-первых, у ливов они не встречаются в языческих кремациях X в. и массово начинают распространяться только со второй половины XI в., когда кремации у ливов исчезают и появляются христианские предметы личного благочестия (*Спиргис*, 2013. С. 377).

Во-вторых, семантика изображенных на подвесках животных может восходить к христианской мифологии. Ливские подвески-птички — это изображения голубя, павлина или лебедя, т.е. образы, широко тиражируемые в средневековом христианском искусстве (Там же. С. 376, 377, 459. Рис. 12).

Что же представляют собой ливские зооморфные подвески — изображения почитаемых язычниками представителей местной фауны или пришлые символы христианского учения? Как тут разобраться? Попробуем привлечь для интерпретации данной группы находок такой источник, как средневековые бестиарии, а также близкие им средневековые и античные трактаты о фауне.

Средневековые бестиарии как источник для идентификации зооморфных подвесок

Прежде чем приступить к сопоставлению данных бестиариев с ливскими археологическими находками, необходимо вкратце охарактеризовать и оценить перспективность предлагаемого источника. Бестиарии — это трактаты о зверях и их символическом значении, своеобразные средневековые энциклопедии. Они служили раскрытию мысли о «творческом всесилии бога», давали человеку постоянную пищу для размышлений о глубокой и непостижимой связи творца и творения. В них наглядно выступили характерные черты средневекового мышления, извлекающего из всего узнанного религиозно-нравственный урок, демонстрируя средневековый способ рассуждения о вещах путем аналогий, близкий художественному мышлению образами (*Муратова*, 1984. С. 5, 11).

Основным источником средневековых бестиариев был «Физиолог», или «Нравоописатель», — трактат о животных, возникший во II-III вв. н.э. в Александрии Египетской. К середине IV в., возможно, относятся первые переводы трактата с греческого на латинский язык (*Curley*, 2009. P. XVI–XXI), позже возникли славянские списки (Муратова, 1984. С. 13). Собственно бестиарии складываются примерно в XI в. и являют собой компиляции «Физиолога» и ряда других работ античных и средневековых авторов. Первые бестиарии по объему были сопоставимы с «Физиологом» (латинская версия имела 39 глав), с той только разницей, что в него были включены и другие животные из «Этимологий» Исидора Севильского. Как только идея о возможности всестороннего дополнения «Физиолога» утвердилась, бестиарий стал впитывать в себя все новый и новый материал (Barber, 2013. Р. 13). Добавляются такие фантастические животные, как грифон, мантикора, левкрота и т.д., которые были описаны Солином, Плинием и другими популярными в средневековье авторами (Муратова, 1984. С. 17), а главное, «североафриканское» виденье животного мира «Физиолога» активно дополняется представителями северной фауны. В результате в XIII в. самые полные бестиарии превосходят «Физиолог» по объему в четыре раза (*Barber*, 2013. Р. 13).

Что особенно для нас важно, так это красочные миниатюры бестиариев незаменимый иконографический материал для определения семантики различных средневековых изображений животных. Иконография бестиариев 404 P. Cnupruc

окончательно складывается в XII в., и миниатюры представляют собой блистательные образцы романского искусства, которые, прежде всего, направлены на выражение символического содержания сцен и фигур. Каноны бестиариев часто использовались мастерами XII—XIII вв. при украшении храмов скульптурой и живописью. Таким образом, бестиарии дают ключ к свойственному средним векам символическому истолкованию животного мира (*Муратова*, 1984. С. 30–32).

Наряду с бестиариями, большое значение для интерпретации древних зооморфных образов имеют различные античные и средневековые энциклопедии по естествознанию. Согласно символическому или аллегорическому методу познания, главным источником истины для средневековых мыслителей была Библия, и особое внимание уделялось толкованию Писания. Но что делать, если возникают сложности с толкованием каких-либо фрагментов? В таком случае, принимая во внимание, что и в самой Библии упомянуты те или иные предметы, цветы, камни и другие природные объекты или явления, значение этих вещей, по мнению отцов церкви, надлежало искать в традиционном знании, и прежде всего в энциклопедиях поздней античности. Ярчайшей представительницей последних является «Естественная история» Плиния Старшего (I в.). За Плинием следует Солин (II в.), и уже в Средневековье различные энциклопедии составляются с нарастающей скоростью: до нас дошли работы Исидора Севильского (VII в.), Рабана Мавра (IX в.), Гуго Сен-Викторского (XII в.), Александра Некхама (XII в.), Варфоломея Английского (XII/XIII вв.), Фомы Кантипратанского (XIII в.), Альберта Великого (XIII в.) и др. В одном ряду с упомянутыми трудами стоят также уже упомянутые «Физиолог» и различные варианты бестиариев $(9\kappa 0, 2003, C. 84-90).$

Использование бестиария для интерпретации археологических находок в научной литературе

Если в Латвии ни бестиарий, ни другие схожие источники к интерпретации археологического материала никогда не привлекались, то в других странах Восточной Европы такие исследования имеются. Правда, используется, прежде всего, «Физиолог», который по происхождению более близок Восточной Европе, чем его западноевропейский продолжатель, и, кажется, чаще к нему обращаются все же искусствоведы, а не археологи.

Еще в 1960-х гг. в своих работах о находках изделий западноевропейских мастеров и романских элементах в древнерусском искусстве изображения животных с миниатюрами бестиариев сопоставлял В. П. Даркевич (1966. С. 13, 20; 1968). Большое значение имеет и его работа, посвященная византийским чашам, где особое внимание уделяется разборке сюжетов «Византийского бестиария» (Даркевич, 1975. С. 187–215). Привлекая «Физиолог», исследователь отмечает его ограниченное влияние на Руси, где он не был переработан, как на Западе, в бестиарий. В. П. Даркевич обращал внимание и на то, что местному изобразительному искусству остались чуждыми

и многие излюбленные на Западе герои, например, феникс, единорог, пеликан и др. В то же самое время, отмечается возможность как приезда на Русь западных ремесленников, так и использования древнерусскими зодчими западноевропейских альбомов образцовых чертежей и рисунков (Даркевич, 1968. С. 75, 83).

Такая возможность приезда иностранных мастеров все же подтверждает и вероятность попадания на Русь бестиариев, которые активно использовались в декорации памятников зодчества Западной Европы (см., напр., анализ зооморфных изображений памятников Германии: *Blankenburg*, 1975). Так, в Пскове при раскопках церкви Рождества Христова была найдена фреска с «классическим» изображением пеликана («неясыть» славянского «Физиолога»), в башне собора Антониева монастыря в Новгороде обнаружено изображение льва с человеческим лицом — мантикоры (*Сарабьянов*, 2011. С. 181. Рис. 2), целая вереница героев бестиария констатирована в башне Георгиевского собора Юрьева монастыря у Новгорода (Там же. С. 186. Рис. 10).

Хотелось бы также отметить вышедшую в 2000 г. работу Ольги Владиславовны Беловой «Славянский бестиарий», в которой собран весь спектр восточнославянских письменных произведений — Толковой Палеи, Христианской Топографии, Шестоднева и др., — которые используют схожие с традицией «Физиолога» и бестиария зоологические сюжеты (Белова, 2000). Эта публикация, на мой взгляд, наглядно показывает распространенность и важность таких мотивов в Восточной Европе, что определяет необходимость их использования для интерпретации археологических находок.

Вопрос происхождения иконографии миниатюр бестиария

В пользу того, что бестиарий, являясь, по сути, западноевропейским источником, имеет большое значение и для восточноевропейских реалий, свидетельствует вопрос происхождения иконографии миниатюр первых бестиариев. Изображения некоторых животных имеют детали, которые не сходятся или не объясняются в тексте. То есть перерисовывался определенный устоявшийся иконографический тип. Например: на некоторых миниатюрах бестиариев гиена изображается со своеобразным покрывалом или перевязью на теле (рис. 1, 1)¹. Ни у одного другого существа схожего элемента не находим. Тексты бестиариев эту особенность изображения гиены не объясняют, заостряя внимание на двуполости и склонности гиены к поеданию мертвецов. Надо думать, что интересующая нас деталь перенята из какого-то другого, более древнего источника. Ее значение уже тогда не было (или не всем было) известно, и широкое покрывало превращается в ленту-пояс (рис. 1, 2) или пропадает вовсе (рис. 1, 3).

Возможно, что упомянутое покрывало показывает баранью шкуру, которая упоминается в житии Макария Александрийского. Гиена якобы привела

¹ Рис. 1–5, 7, 8 к статье см. на вклейке.

406 Р. Спиргис

к нему своего слепого щенка. После того как святой его вылечил, в знак благодарности она принесла ему шкуру, которая впоследствии стала реликвией, — так называемый дар гиены (Дмитрий Ростовский, 1904. С. 640, 641).

Надо заметить, что изредка образ гиены появляется и на археологических находках. Например, на одной ливской подвеске (рис. 2, 1), принадлежащей к группе индивидуально оформленных зооморфных подвесок смоленского типа, видим то же самое покрывало и непропорционально большие глаза, что может указывать на гиену, которой приписывались как владение гипнозом и способность лечить глазные болезни, так и то, что в ее глазу находился камень, обладающий магическими качествами (Грефенштейн. Эл. ресурс).

Известны и более сложные композиции, на которых гиена как символ сатаны противостоит Иисусу Христу в образе грифона. Так, в Риге найден футляр зеркала из свинцово-оловянного сплава с таким мотивом (*Caune*, 2007. 528–532 lpp.). Причем в пасти зверя отчетливо видно человеческое тело (рис. 2, 3). Именно образ падальщика является самым распространенным способом изображения гиены (рис. 1). Схожий мотив противостояния грифона и гиены перед древом жизни (рис. 2, 2) изображен также на фрагменте одной найденной в Риге свинцово-оловянной ложки; утраченную часть можно реконструировать по аналогии из Италии (рис. 3). В научной литературе высказано предположение, что такие орнаментированные ложки могли быть сувенирами паломников (*Мусин*, *Степанов*, 2007. С. 107–124).

Возвращаясь к бестиариям, надо отметить, что, по мнению исследователей, миниатюры латинского «Физиолога» во многом копировали греческие иллюстрации этого трактата, которые, в свою очередь, восходят к временам еще до иконоборчества (*Barber*, 2013. Р. 11). Влияние византийского искусства в миниатюрах западноевропейских бестиариев прослеживается и в эпоху крестовых походов (*Муратова*, 1984. С. 40).

Таким образом, примером для прорисовки изображений гиены и других животных служили какие-то иллюстрированные, скорее всего византийские и до нас не дошедшие произведения, которые могли быть прямым образцом для ряда восточноевропейских зооморфных изображений и в обход бестиария. Но так как эти манускрипты до наших дней не сохранились, первоисточником для интерпретации и толкования средневековых изображений животных остаются западноевропейские бестиарии.

Сюжеты бестиария на ливских зооморфных подвесках

Так или иначе, на страницах бестиариев и в других посвященных животному миру древних текстах мы находим миниатюры и описания существ, которые схожи с животными на ливских подвесках. Кроме павлинов или лебедей, на которых я заострял внимание уже в прошлом году (Спиргис, 2013. С. 376, 377), надо отметить объемных птичек, которых обычно считают изображениями голубя (Там же. С. 376, 459. Рис. 12, 2). В то же время, в письменных источниках есть описание более близкого творения. Птица

на подвесках всегда изображена без ног (рис. 4, 1, 2), обычно без крыльев (рис. 4, 1), но неизменно с большим, пышным хвостом. Именно так описывается райская птица парадизея или гамаюн (также известна под названиями: апус, еме, манкория, манцкодис) — птица величиной с воробья, не имеющая ног, а в большинстве описаний и крыльев. Она постоянно парит в воздухе при помощи одного только хвоста (Белова, 2000. С. 84, 173, 202). Постоянное стремление райской птицы ввысь символизировало полет души и силу духа истинного христианина, а способность летать без крыльев, которые необходимы другим птицам, позволила ей стать символом Иисуса Христа, которому в силу его божественности крылья тоже были не нужны (Charbonneau-Lassay, 1994. Р. 602–606).

Привлекают внимание также две найденные на Даугмальском городище накладки (А 9964: 7345, А 12600: 87); еще одна происходит из могильника Лудзас Одукалнс в Латгалии (Спицын, 1893. Табл. XIII, 12). На накладках присутствует изображение животного на круге (рис. 4, 4), которое перекликается с рассказом бестиария (Перепёлкина, 1984. С. 118; Barber, 2013. Р. 29), о том, как укравший тигренка охотник отвлекает тигрицу, бросив ей зеркало (рис. 5).

Подвески смоленского типа — конь или левкрота?

Но особенно поразительно сходство животного, изображенного на зооморфных подвесках «смоленского» типа (рис. 4, 3), и одного фантастического существа из бестиария.

Важность этих подвесок для понимания древних верований обуславливается тем, что у ливов после подвесок-птичек этот тип является наиболее многочисленным (на территории Латвии найдено 70 подвесок, большая часть которых происходит из низовьев Даугавы; более подробно о латвийских находках см.: *Спиргис*, 2012). Общая карта находок этих подвесок впечатляет (рис. 6): они известны по всей территории Восточной Европы, от Херсонеса у Черного моря до Пустозерска в Арктике (Ясински, Овсянников, 2002. С. 72. Рис. 14), с двумя основными центрами распространения — на Смоленщине и в низовьях Даугавы. На территории Древней Руси — это единственный широко распространенный зооморфный амулет с территории проживания именно восточных славян, а не финно-угров (*Рябинин*, 1981. С. 29). Так что же за существо изображено на рассматриваемых подвесках?

Образ животного неоднозначен. В XIX в. подвески интерпретировали как фигурки собаки или льва. Позже в них уже видят коней, и такое толкование укрепляется. Надо отметить, что в пользу этой интерпретации говорят единственно только четко сформированные копыта животного. Остальные детали изображения не позволяют видеть в этих подвесках коней. Задние ноги длиннее передних, что вкупе с тонким, поднятым вверх длинным хвостом напоминает теленка. Не в пользу образа коня говорит как отсутствие конской гривы, так и форма самой головы с большим оскаленным ртом. Б. А. Рыбаков, отмечая явно «не-конский» обратный сгиб передних

408 P. Cnupruc

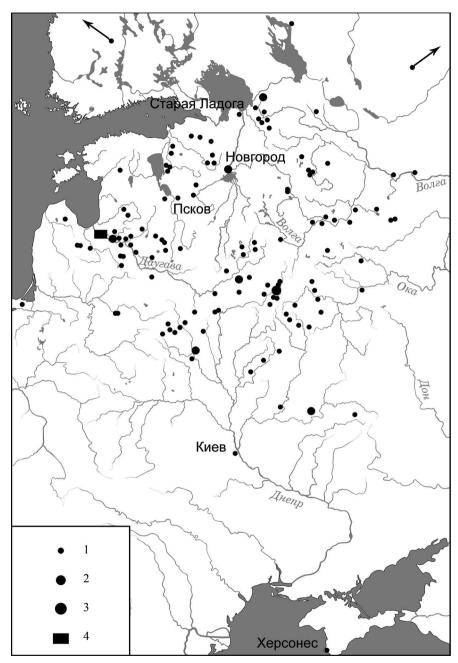

Рис. 6. Распространение подвесок смоленского типа в Восточной Европе 1- место находки одной подвески; 2-3-5 подвесок; 3-7 подвесок; 4- низовья Даугавы с 36 находками

ног и хищный оскал изображенного существа, полагал, что здесь изображена рысь (*Рыбаков*, 1971. С. 21, 23). Но такой интерпретации препятствует короткий хвост рыси — у изображенного на подвесках зверя длинный хвост поднят над спиной, конец его свернут в кольцо (которое использовалось для подвешивания подвески).

Таким образом, сопоставление образа подвесок смоленского типа с реальными животными не дает положительного результата. В свою очередь, если обратиться к средневековым манускриптам, в которых рядом с реальными существами соседствует множество вымышленных персонажей, то на страницах бестиариев можно встретить мифическое животное, образ которого полностью соответствует существу на интересующих нас подвесках (рис. 7). Зовется этот зверь — левкрота!

Согласно бестиариям, левкрота живет в Индии и отличается быстрым бегом. Она размером с осла, задние ноги — как у оленя, грудь — как у льва. У нее голова лошади, раздвоенные копыта и большая пасть от уха до уха, в которой вместо зубов — одна сплошная кость. Левкрота издает звуки, напоминающие человеческий голос (Перепёлкина, 1984. С. 137; Barber, 2013. Р. 61).

Описание левкроты объясняет все «странности» подвесок смоленского типа: и копыта, и приподнятую заднюю часть животного, и большую, всегда четко обозначенную пасть зверя, которая начинается буквально от шеи. В свою очередь поднятый над спиной хвост, конец которого образует петлю, — характерная черта для средневековых изображений хищников, в том числе и левкроты (рис. 7, 2). Таким образом, зооморфные подвески смоленского типа — это не «сильно стилизированные» фигурки коней, а реалистично выполненные изображения левкроты!

Левкрота известна по сочинениям античных писателей. В отличие от текста бестиариев, согласно которым у левкроты голова лошади, в описании Плиния — этот автор описывает это существо дважды: один раз под именем «левкокрота» (лат. leucocrotta), другой раз — «корокотта» (лат. corocotta) — у нее голова барсука и костяная пасть, закрывающаяся наподобие ящика (Pliny, 1967. Р. 55, 77). Именно такой левкрота изображена на подвесках. То есть, и здесь использовался какой-то более древний, возможно восходящий к античной традиции, иконографический образец. Надо отметить, что почти у всех латвийских подвесок, за исключением полуфабриката и совсем поздних отливок, пасть проработана особенно четко (рис. 8).

Символика левкроты и назначение подвесок

Чем привлекал образ этого собранного из частей и кусков животного? Само животное, несомненно, принадлежит к злым существам. Но использование изображений дьявольских существ, согласно средневековым представлениям, позволяло приобрести власть над ним (Николаева, Чернецов, 1991. С. 24).

В этой связи важно самое древнее упоминание о левкроте, которое принадлежит греческому лекарю Ктесию Книдскому, жившему в IV в. до н.э.

410 P. Cnupruc

В трактате «Индика» упомянуто животное удивительной силы, которое зовется крокотта. Оно подражает человеческому голосу, ночью зовет мужчин по имени и пожирает тех, кто приближается. Оно столь же храбро, как лев, столь же быстро, как лошадь, и столь же сильно, как бык. Его нельзя поразить стальным оружием (Ctesias of Cnidus. Эл. ресурс). То есть, как следует из описания этого животного, левкрота — это воплощение силы, ловкости и неуязвимости, и подвески в виде такого существа могли служить сильным оберегом.

Как в таком случае подобный амулет мог сочетаться с христианством? Вероятно, здесь прежде всего важна сама страна обитания левкроты — Индия (упоминания о том, что левкрота или корокота живет в Эфиопии, не должны нас смущать, т.к. с точки зрения средневековой географии обе страны находятся по соседству). Индия в представлении средневекового человека стала страной чудес, в которой благодаря ее благодатному климату было возможно все, что только можно помыслить, — это мир богатства, изобилия, средоточие грез и вытесненных желаний. Индийскими диковинами полны и бестиарии. Не случайно именно в пределах Индии христианская мечта размещает рай на земле (Ле Гофф, 2002. С. 172, 175–177). В таком случае левкрота — это страж и одно из опаснейших препятствий на пути к раю земному, своего рода Цербер, который, кстати, тоже был «скомпонован» из льва, волка и собаки.

Принимая во внимание средневековую метафизическую схему «образ — первообраз», когда земля и все сущее на ней воспринималось как грубая и искаженная проекция более совершенного небесного мира, подвески в виде стража рая — левкроты — могли быть особенно актуальны в качестве именно «загробного» амулета, который должен был помочь душам умерших преодолеть все препятствия на пути к раю на небе.

Левкрота-сентотроха в древнерусских письменных источниках и происхождение подвесок

Интересующее нас существо известно и по древнерусским источникам XVII–XVIII вв. Оно появляется здесь под названием сентотроха, описание которой полностью совпадает с левкротой бестиариев: сентотроха — это обитающее в Индии животное величиной с осла, с чертами коня, оленя, вола и огромной пастью, где вместо зубов сплошная кость и которое издает звуки, напоминающие человеческую речь (*Белова*, 2000. С. 224). Единственное в описании отличие сентотрохи от левкроты бестиария — это воловьи рога.

Сентотроха появляется, прежде всего, в ряде списков «Луцидариуса» (т.е. «Просветителя») — трактата, который восходит к богословскому сочинению «Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae». Другим важным источником «Луцидариуса» была «Ітадо Минді» Гонория Августодунского (Буланина. Эл. ресурс), где как раз имеется соответствующее описание левкроты (на этот раз она названа левкокрокой) с раздвоенным рогом (Ле Гофф, 2002. С. 176).

Появившийся в конце XII в. немецкий «Луцидариус» содержит много сведений об устройстве мира, о странах Земли, людях и животных. Он написан в катехизической форме и представляет собой диалог, где ученик задает различные вопросы о мироздании и получает ответы учителя. Благодаря доступной форме изложения и интересному содержанию к XVI в. он превращается в подлинно народную энциклопедию «Der deuttsche Lucidarius», которая и стала объектом русского перевода. Хотя русские списки до XVII в. не сохранились, о переводе этого трактата известно по относящемуся к первой половине XVI в. посланию Максима Грека, где «Луцидариус» был строго осужден (Белова, 2000. С. 19; Буланина. Эл. ресурс).

Таким образом, связать происхождение подвесок-левкрот со значительно позднее переведенными «Луцидариусами» не представляется возможным. В этой связи надо вернуться к работе Ктесия Книдского. Дело в том, что труд Ктесия не сохранился, и о нем известно из сочинения константинопольского патриарха (857–867 и 877–886 гг.) Фотия І. В послании своему брату Тарасию Фотий I составил описание 279 прочитанных им книг, в том числе и «Индики» Ктесия Книдского. Эта работа впоследствии стала известна как «Мириобиблион» или «Библиотека». Причем считается, что фрагмент о крокотте является более поздней вставкой, и его не было в работе Ктесия. В любом случае важно, что во времена патриарха Фотия I в Византии это существо было известно. Кроме того, надо отметить, что именно Фотию I принадлежат первые теоретические работы о миссионерской деятельности среди варваров-язычников. В результате чего на государственном уровне проходит изменение отношения к этому вопросу, и до сих пор достаточно пассивные в деле распространения своей религии византийцы начинают кампании по христианизации Болгарии и Руси (Иванов, 2003. С. 143–146). На фоне этих процессов можно предположить, что упомянутая патриархом Фотием I левкрота-крокотта могла в дальнейшем стать одним из образов, официально используемых при «работе» с неофитами, вначале греческими миссионерами на Смоленщине, а затем уже и древнерусскими проповедниками у ливов и других финно-угорских и балтских народов.

Выводы

Уже краткое сравнение миниатюр западноевропейских бестиариев с образами на ливских подвесках позволило выдвинуть ряд новых интерпретаций, что указывает на несомненную перспективность использования этого источника. Главным назначением бестиариев было создание образов для проповеди. Привлекая понятный пастве, богатый, интересный, иногда интригующий экзотичностью, мир животных образов, миссионеры проводили нравоучительные сравнения, что делало бестиарии, «Физиолога» и другие произведения о животных настоящим кладезем образов для проповедей (Карнеев, 1890. С. 17–21; Муратова, 1984. С. 23). В результате местное население приобщалось к коренившемуся еще в античных традициях общепринятому в Средиземноморских государствах виденью мира.

412 P. Cnupruc

Таким образом, традиционное стремление видеть во всех зооморфных изображениях проявления язычества требует переоценки. Связь семантики зооморфных подвесок с христианством позволяет совсем по-другому взглянуть на многочисленные находки и расценивать распространение зооморфных сюжетов в низовьях Даугавы как результат проникновения сюда христианства.

Литература

Белова О.В., 2000. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.

Буланина Т.В. Луцидариус (или Златой бисер) // [Электронный ресурс] Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) PAH: www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2947

Грефенитейн А. Гиена // [Электронный pecypc] Peter Greif's Simbolarium: Краткая энциклопедия символов: www.symbolarium.ru/index.php/%D0%93%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D0%B0.

Даркевич В.П., 1966. Произведения Западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). САИ. Вып. Е1-57.

Даркевич В.П., 1968. Романские элементы в Древнерусском искусстве и их переработка // СА. № 3.

Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.

Дмитрий Ростовский, 1904. Четьи минеи (жития святых). М. Т. 5.

 $\it Uванов C.A.$, 2003. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.

 $\it Ле$ $\it Гофф$ $\it Ж.$, 2002. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург.

Муратова К., 1984. Средневековый бестиарий // Г. Перепёлкина (ред.). Средневековый бестиарий. М.

Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб.

Мусин А.Е., Степанов А.М., 2007. Ложка или лжица? Находка 2005 года на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции // ННЗ. Вып. 21.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Перепёлкина Г. (ред.), 1984. Средневековый бестиарий. М.

Рыбаков Б.А., 1971. Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. САИ. Вып. Е1-60. Сарабьянов В.Д., 2011. К вопросу о функциональном назначении палаток на хорах Спасо-Преображенского Мирожского монастыря // Древности Пскова: Археология, история, архитектура. Псков. Вып. 2.

Спиргис Р., 2012. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum plus. Кишинев. № 5.

Спиргис Р., 2013. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // АИППЗ: Мат. 58 заседания (2012).

Спицын А.А., 1893. Люцинский могильник // МАР. № 14.

Эко У., 2003. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.

Arthur P., 1996. «Masseria Quattro Macine» — a deserted medieval village and its territory in southern Apulia: An interim report on field survey, excavation and document analysis // Papers of the British School at Rome. London. Vol. LXIV.

- Barber R., 2013. Introduction // Bestiary: Being an English Version of the Bodleian Library, Oxford, MS Bodley 764 / Translated by R. Barber. New York, 2013.
- Bestiary: Being an English Version of the Bodleian Library, Oxford, MS Bodley 764 / Translated by R. Barber. New York, 2013.
- Blankenburg W., von, 1975. Heilige und dämonische Tiere. Köln.
- Caune A., 2007. Viduslaiku stikla spoguļu un spoguļu ietvaru atradumi Rīgā // Caune A. Pētījumi Rīgas arheoloģijā: Rakstu izlase. Rīga.
- Charbonneau-Lassay L., 1994. Il Bestiario del Cristo: La misteriosa emblematica di Gesù Cristo. Rome. Vol. 1.
- Ctesias of Cnidus. History of India // Photius. Bibliotheca or Myriobiblon. § 72 // [Электронный ресурс]: www.tertullian.org/fathers/photius 03bibliotheca.htm
- Curley M.J., 2009. Introduction // Physiologus / Translated by M.J. Curley. Chikago; London.
- Leucrota // [Электронный ресурс] The Aberdeen Bestiary: www.abdn.ac.uk/bestiary/comment/15v.hti
- Pliny, 1967. The Natural History. Cambrige; London. Vol. III (libri VIII–XI).

О новом способе фиксации археологического дерева

I. G. Sokolova. On a new method of archaeological wood fixation

Abstract. A new way of archaeological wood fixation is presented. A transparent adhesive glue «Droplet» (a LRO «Henkel Rus» Branch is used for fixation). Its use allows to make anatomical sections and define species composition of the wood. The photos of the fixed archaeological wood cuts are also provided.

Ключевые слова: археологическая древесина, фиксация срезов.

Значение определения видовой принадлежности археологической древесины общеизвестно (изменение растительного покрова, использование растительных ресурсов, предпочтения в выборе древесины для тех или иных нужд и т.п.).

Археологическая древесина обладает разной степенью сохранности, что зависит от условий, в которых она находилась. Чем больше степень разрушения погребенной древесины, тем меньше возможностей определить ее видовую принадлежность анатомическим методом: древесина мнется, а не режется при выполнении среза, необходимого для анализа.

Цель работы: зафиксировать археологическую древесину с тем, чтобы проводить определение ее видовой принадлежности анатомическим методом.

Для фиксации подбирали прозрачный клей для склеивания дерева, обладающий небольшой вязкостью, способный растворяться в каком-либо растворителе. Выбор пал на клей «Капелька» (филиал ООО «Хенкель Рус») — универсальный, водостойкий, прозрачный, предназначенный для склеивания дерева. Клей содержит в своем составе полиуретан, этилацетат, ацетон и хорошо растворяется в ацетоне.

Подготовка клея: капельку клея растворяли в стеклянной посуде ацетоном до текучего состояния.

Подготовка образца — кусочка гнилой древесины — к фиксации: предварительно древесину помещали в полиэтиленгликоль для удаления влаги, а взятый образец обрабатывали ацетоном, нанося пипеткой 1–2 капли с торцевой поверхности. Затем наносили кисточкой раствор клея в ацетоне. Поскольку ацетон быстро испаряется с поверхности образца, то на образце образуется пленка клея. Чтобы исключить ее образование, на поверхность торцевой части образца наносили ацетон несколько раз кистью. Клей контактный, быстро схватывается и может сохранять пластичность еще несколько часов, до полного испарения растворителя. Через сутки отверждение происходит полностью, и образец становится плотным.

Для выполнения среза лезвием безопасной бритвы следует после нанесения раствора клея подождать около 40 минут. Если срез делали через сутки после фиксации клеем, то для изготовления среза бритвой на образец наносили ацетон. При этом образец размягчается и хорошо режется лезвием бритвы.

Твердый образец можно хранить не менее полугода, что позволяет провести проверку правильности определения вида древесного растения.

С использованием указанного метода нам удалось провести определение видового состава археологической древесины сосны (рис. 1), дуба (рис. 2) и вяза (рис. 3; 4).

Рис. 1. Поперечный срез через образец фиксированной археологической древесины сосны

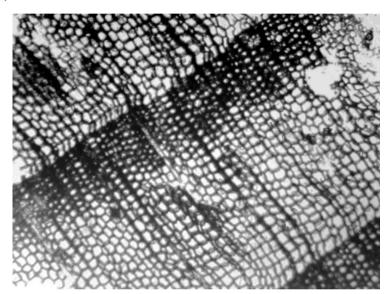
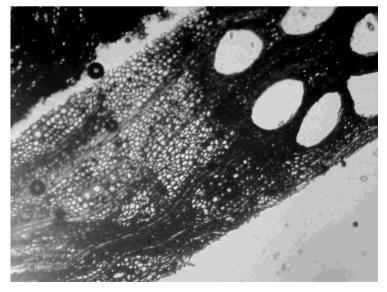

Рис. 2. Поперечный срез через образец фиксированной археологической древесины дуба

416 И.Г. Соколова

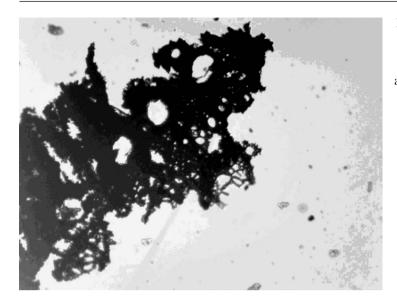

Рис. 3. Поперечный срез через образец нефиксированной археологической древесины вяза

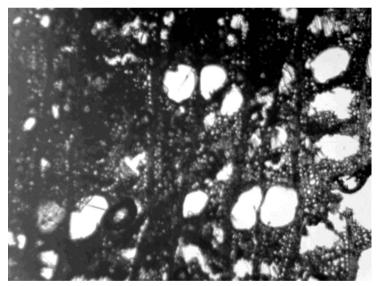

Рис. 4. Поперечный срез через образец фиксированной археологической древесины вяза

ИСТОРИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.В. Круглова

Первый опыт научного хранения Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1908–1917 гг.)

T.V. Kruglova. The Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery First Scientific Preservation Experience (1908–1917)

Abstract. The article deals with the first experience of scientific preservation of the Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky monastery with a unique ensemble of fresco painting of the second quarter of the XIIth century. This experience is related to the activities of Peter Petrovich Pokryshkina (1870–1922) — an architect, restorer , academician of architecture, a member of the Imperial Archaeological Commission. On the basis of experience gained by the previous generation, and personal observations, he developed rules for airing the unheated stone churches. These rules, rather successfully and under his immediate participation have been applied in the Holy Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery since 1908.

Ключевые слова: Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, реставрация и сохранение памятников архитектуры

В 1886—1889 гг. академик архитектуры Императорской Академии художеств (далее — ИАХ) В. В. Суслов осуществил раскрытие фресок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря от стенной побелки. Ему же принадлежат первый опыт изучения архитектурного памятника и его интерьеров, первый проект научной реставрации. В 1898—1902 гг. раскрытые Сусловым фрески были поновлены масляной живописью артелью крупного подрядчика Н. М. Сафонова. Большой вклад в сохранение древнего памятника архитектуры и монументальной живописи внес Петр Петрович Покрышкин (1870—1922) — архитектор, реставратор, академик архитектуры (с 1909 г.), член Императорской Археологической комиссии (с 1902 г.). Он стоял у истоков научного подхода к реставрации и сохранению памятников древнерусской архитектуры.

Вопросы сохранности фресок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря впервые были подняты в начале XX в. Периодические затопления собора во время весенних паводков, постоянная сырость внутри здания летом и после зимнего периода катастрофически сказывались на состоянии стенной живописи. Значительную роль в решении этих вопросов сыграла

Императорская Археологическая комиссия (далее - ИАК), в ведении которой находились строительные и ремонтные работы в этом памятнике.

Первым забил тревогу архиепископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий). В начале марта 1908 г. он обратил внимание на то, что в древнем памятнике «была замечена порча фресков, особенно нижнего яруса» (ГАПО. № 5786. Л. 1). Псковская Духовная консистория (далее — ПДК) предложила настоятелю Спасо-Мирожского монастыря Амвросию пригласить архитектора, чтобы получить заключение по вопросу: «не может ли угрожающая порча фресков быть предотвращена осущением Мирожского храма... через устройство печей железных с выводом дымовых труб внутри стен храма» (Там же). Таким образом, в 1908 г. впервые был поставлен вопрос о возможности подогрева памятника и просушки его интерьеров в холодное время.

Настоятель Спасо-Мирожского монастыря в своем рапорте указал на то, что «храм находится в земле на два аршина ниже поверхности», т. е. мощность культурного слоя составляла около 142 см. Он отметил, что после открытия «Мирожские фрески (XII в.) находятся в ведении Императорского Археологического общества... без разрешения которого невозможно принятие таких мер, как постановки печей в храме» (ГАПО. № 5786. Л. 1). ПДК обратилась с официальным письмом в ИАК, в котором сообщалось о плачевном состоянии фресок в Мирожском монастыре «и необходимости их ремонта с принятием надлежащих мер по устранению сырости» (Там же. Л. 7). В ответ ИАК летом того же года командировала в Псков «для осмотра состояния древних фресок» профессора М.Т. Преображенского и художника-архитектора П.П. Покрышкина» (Там же. Л. 5).

22 июля 1908 г. начала работу комиссия в составе представителей ИАК, Псковского Археологического общества (далее — ПАО) и Мирожского монастыря. Был составлен акт технического состояния, где содержались сведения «о степени порчи фресок и о способе устранения сырости» (ГАПО. № 5786. Л.10, 17 об.). Комиссия «признала необходимым устройство дренажа со стоком дренажных труб по направлению к реке Великой, с южной стороны собора, по монастырскому кладбищу, на глубине, насколько позволит скалистый грунт земли, а также и устройство отлива для устранения затека воды... в точках сопряжения со стенами главного храма крыш малых апсид и в месте соприкосновения ограды с апсидой, с устройством при том в окнах купола и храма клапанов и приспособлением открывать и закрывать их снизу» (Там же). Следовательно, в целях защиты и устранения сырости предлагалось провести комплекс работ, включавший мероприятия по отведению паводковых вод (гидроизоляции памятника), установке водоотливных труб на кровле в восточной части четверика и водосточных труб на малых апсидах, а также установке окон с клапанами для проветривания в барабане и четверике. Тогда же по рекомендации Покрышкина в Спасо-Преображенском соборе был впервые применен метод проветривания.

Переписка между ПДК и ИАК по поводу устройства дренажа затянулась на несколько месяцев, работы так и не начались. В мае 1909 г. ИАК вновь

направила в Псков академика П. П. Покрышкина, который посетил Спасо-Мирожский монастырь и проверил состояние влажности в соборе. В ходе осмотра он «не нашел в нем сырости и никаких новых, сравнительно с прошлым годом, повреждений во фресках» (ГАПО. № 5786. Л. 24). Стабильное состояние памятника Покрышкин объяснил «проветриванием храма и, отчасти, исключительно сухою весною сего года» (Там же. Л. 24–24об.). Академик архитектуры сообщил в Псковскую консисторию, что он «будет продолжать свои наблюдения над храмом и весной 1910 г.». В соответствии с его заключением ИАК постановила: «повременить с устройством дренажа до окончательного выяснения причин сырости в соборе» (Там же). Таким образом, по рекомендации П. П. Покрышкина в Спасо-Преображенском соборе была введена практика проветривания, которая дала определенные результаты.

В 1910 г. была опубликована статья П.П. Покрышкина, где специалист подвел итоги своим наблюдениям за памятниками древнерусской архитектуры (Покрышкин, 1910. С. 85–87). Автор отметил, что проветривание в таких зданиях необходимо, это защитит их от порчи. Но гораздо опаснее, по его мнению, «неумелое проветривание, особенно при оттепелях и при наступлении весны», которое также сопровождается гибелью и утратой памятников (Там же. С. 85). Это происходит от образования конденсата («осаждение влаги из воздуха на стенах, более холодных, чем он» или, словами человека XVII в., «отпот от воздушной теплоты»). Последняя фраза является цитатой из текста любопытного источника, на который обратил внимание Петр Петрович. Это «Иконописный подлинник чернеца Никодима», опубликованный в томе CLXI «Памятников древней письменности и искусства». В этом произведении монаха XVII в. излагались основные правила весенней просушки каменных и деревянных храмов, икон, ризниц, книгохранилищ, которые были закрыты на зимнее время. В статье отмечается, что «чем больше разница между температурами: наружною и внутреннею, тем окапливание воды обильнее, оно наблюдается и в виде инея, если температура стен ниже нуля», «от этого окапливания разрушается стенопись Спасо-Мирожского монастыря» (Покрышкин, 1910. С. 86). Таким образом, по мнению П. П. Покрышкина, образование конденсата стало одной из причин ухудшения состояния стенной живописи в Мирожском храме.

На основании «мудрых советов» Никодима архитектор сформулировал основные правила проветривания: «надлежит устраивать сквозняки в сухие, но не жаркие, солнечные дни, начиная с трех часов по восходе солнца и прекращая за два часа до заката; в дождливое же время отнюдь не следует держать открытыми окна и двери» (Там же. С. 87). Он особо отметил вред жаркого воздуха, степень которого прямо пропорциональна разнице наружной и внутренней температур (т.е. чем больше разница, тем больше вреда). В заключение он заметил, что в повседневной жизни сложно найти человека, «добросовестного и разумного», готового строго исполнять эти правила. Но, «когда заведующие зданиями будут убеждены в важности столь простого ухода за ними», то более внимательно и аккуратно станут следить за исполнением этих правил (Там же).

В 1910 г. произошли изменения в замещении владычного стола: Арсений (Стадницкий) был назначен архиепископом Новгородским и Старорусским. Новым епископом Псковским и Порховским стал Алексей (Молчанов), который не интересовался состоянием древнего храма. Практика ежегодных осмотров и наблюдений, видимо, прекратилась. 4 июля 1912 г. ИАК направила в ПДК правила проветривания храма, разработанные П.П. Покрышкиным. Вместо рекомендованных комиссией мероприятий по гидроизоляции, вдоль северной и южной стен собора были устроены водоотводные каналы с асфальтовым покрытием. Сильно деструктированные каналы сохранились до сих пор.

420

В 1915 г. вновь встал вопрос о сырости в Спасо-Преображенском храме. Настоятель Спасо-Мирожского монастыря иеромонах о. Александр в июле сообщил в ПДК: «в Спасо-Преображенском соборе вверенного мне монастыря бывает сырость ежегодно в начале весны и просыхает только к июню месяцу. Ныне же, вследствие частых дождей, замечается сырость, хотя и не в больших размерах, в июле месяце» (ГАПО. № 5786. Л. 25).

О состоянии храма ПДК в свою очередь проинформировала ИАК и П. П. Покрышкина. Археологическая комиссия обратилась к псковским церковным властям с просьбой сообщить, «производится ли проветривание собора в Спасо-Мирожском монастыре с точным соблюдением правил, препровожденных» в 1912 г., «содержатся ли в должном порядке отмостки вокруг собора, а также приведены ли в порядок крыша над алтарями его» (ГАПО. № 5786. Л. 27). К этому письму были вновь приложены «правила для проветривания холодных зданий», которые необходимо было передать настоятелю Спасо-Мирожского монастыря.

Осенью 1915 г. «для ежегодного наблюдения за состоянием собора Спасо-Мирожского монастыря во Пскове назначаются со стороны Комиссии члены ее академик архитектуры П.П. Покрышкин и архитектор К.К. Романов» (Там же. Л. 29). 3 апреля 1916 г. они осмотрели собор и «нашли пол в алтаре его покрытым водою на глубину до 2 вершков (8,8 см), а в других частях — ледяная корка и лужи воды. При наружном осмотре собора оказалось, что снег от него остается неубранным, асфальтовые же отмостки все еще с прошлого года не исправлены, так что и снаружи стены сильно пропитываются сыростью благодаря единственно недосмотру лиц, коим вверено здание собора» (Там же. Л. 30). ИАК вновь обратилась в Псковскую консисторию с письмом, в котором сообщается, что в результате осмотра собора П.П. Покрышкиным и К. К. Романовым замечено переувлажнение стен из-за недосмотра тех, кому поручено наблюдение за сохранностью фресок. Комиссия обратилась с просьбой к местному епископу: «В виду того, что такое скопление воды, остающейся в соборе и снаружи у стен его, очень вредно отзывается на сохранности стенописи... не отказать сделать распоряжение о незамедлительном удалении из собора льда и воды и подтвердить начальству монастыря о необходимости неукоснительного исполнения ранее данных указаний о надлежащем проветривании собора» (Там же).

В 1915 г. в 57-м томе Известий Археологической комиссии и отдельным изданием в Пскове была издана брошюра П.П. Покрышкина с описанием

кратких советов по вопросам ремонта памятников старины, в которой был учтен предшествующий опыт сохранения культурного наследия России. В этой работе автор вновь обращает внимание на значение человеческого фактора: «Чаще всего памятники разрушаются от невнимания к ним со стороны лиц, коим вверено их сохранение. Бдительный присмотр и своевременный недорогой ремонт избавил бы от больших затрат, которые требуются на ремонт запущенных памятников» (Покрышкин, 1915).

Вновь он обращает внимание читателей на необходимость организации правильного проветривания неотапливаемых помещений: «сырость, обычная в холодных зданиях, устраняется при помощи простого проветривания, которое должно производиться на основании принципа: не допускать соприкосновения влажного воздуха со стенами, более его холодными, ибо при таком соприкосновении на холодной стене осаждается влага из воздуха, и тем обильнее, чем больше разница в температурах стен и воздуха. Опытами установлено, что холодные здания следует проветривать устройством в них сквозняков днем в сухую погоду и когда наружный воздух немного теплее внутреннего» (Покрышкин, 1915). При этом автор обращает внимание на здания, где «хранятся стенописи, иконы и картины, то проветривать их нужно с такою же щепетильностью, с какою проветриваются погреба, хранящие порох: ведь известно, что порох очень чувствителен к сырости. Очень простым прибором для определения допустимой при проветривании разницы в температурах может служить стеклянная бутылка, сохраняющаяся в здании. Если бутылка, будучи вынесена на воздух, отпотеет, то проветривать нельзя» (Там же).

12 мая 1916 г. собор осматривал председатель Церковного Историко-археологического комитета, священник Александр Сергеевич Ляпустин (1878—1938), который изложил свои наблюдения по результатам обследования недочетов в просушке собора в рапорте на имя епископа Псковского и Порховского Евсевия (Дроздова). Этот документ чрезвычайно интересен, поэтому приведу его здесь целиком:

«Появление воды в Спасо-Мирожском соборе весною сего года стояло в зависимости от высокого уровня воды в р. Великой во время половодья. В нынешнем году вода стояла на $1\frac{1}{2}$ четверти (26,65 см. - T. K.). В некоторые же годы, когда уровень воды в р. Великой во время разлива особенно высок, (напр. в 1886, 1900 гг.), вода наполняет собор почти на сажень (213,36 см. — Т.К.). Думается, что при таких условиях обезопасить собор совершенно от весенней воды едва ли представляется возможным без огромных затрат. Попадающая весною в собор вода должна выходить оттуда, стекая по оцементированной канавке, идущей из водосточных труб, и направляться в р. Великую. Цемент, которым обложена канавка, в значительной степени потрескался, вследствие чего вода, по-видимому, не вся стекает в реку Великую, а часть через трещины попадает в почву, способствуя сырости фундамента собора. При осмотре собора внутри оказалось следующее: верхние и средние яруса фресок находятся в очень хорошем состоянии, что же касается нижних, то они портятся от сырости во многих местах, преимущественно же на западной стене храма и особенно на алтарной абсиде; последнее обстоятельство, думается мне, стоит в зависимости от того, что алтарная абсида, выходя на берег р. Великой (высокий и открытый), в большей степени подвергается воздействию различных атмосферных влияний (дождя, снега и проч.), чем другие стены собора, покрытые фресками. Наиболее ценные указания и разъяснения в данном случае мог бы дать лишь вполне сведущий архитектор.

При осмотре существующей в соборе вентиляции оказалось, что дубовые рамы в окнах собора в достаточном количестве снабжены форточками и находятся в исправности (хотя некоторые из них разбухли и потому с трудом открываются и закрываются). Самая же система открытия и закрытия форточек с помощью шнурков, по-видимому, не вполне исправна. День для осмотра мною был выбран с переменною погодою, а во время самого осмотра шел сильный дождь, форточки же собора были открыты (чего по правилам не нужно делать), когда же я попробовал закрыть форточку в алтаре при помощи шнурков, то, закрывши, не мог уже снова открыть ее. Все это, конечно, мелочи, но на деле неудобство пользования форточками сильно затрудняет просушку храма, так как в некоторые дни, сообразно с погодою, заведующему просушкою храма приходится, может быть, не один раз открывать и закрывать форточки...

Так как при правильном проветривании храма весьма важно знать температуру внутри... сравнительно с температурою уличного воздуха, то отсутствие термометров для измерения температуры внутри и вне собора, по-моему, большое неудобство.

Таким образом, если в силу неблагоприятных обстоятельств, древний Спасо-Мирожский собор с его замечательными фресками нельзя совершенно спасти от сырости, то необходимо принять все меры к его правильному проветриванию, а посему беру на себя смелость высказать некоторые предположения относительно того, каким образом могло бы быть обеспечено правильное проветривание древнего собора без каких-либо особых материальных затрат:

Исправить недочеты вентиляции и трещины для стока воды.

Точно определить, отчего портятся фрески на алтарной абсиде и принять соответствующие меры.

Заботу о просушке храма поручить кому-либо их важных и непременных его обязанностей.

Надзор за правильным и аккуратным проветриванием храма можно было бы возложить на Псковский Церковно-Археологический Комитет.

«Правила» просушки древних храмов вывесить на одной из наружных стен собора, к общему сведению.

Внутри Спасо-Мирожского собора и на одной из наружных стен его установить хорошо проверенные термометры.

В случае недостатка средств на осуществление всех вышеуказанных мероприятий, возбудить соответствующее ходатайство перед Императорской Археологической Комиссией» (ГАПО. № 5786. Л. 31–32 об.).

Документ чрезвычайно интересен. Он показывает не только состояние стенной живописи начала XX в. (поновления), но и понимание отдельными представителями местного общества необходимости сохранения уникального объекта. Благодаря этому документу стало известно, что в окнах нижнего

света были установлены форточки со шнурками для открытия. Вероятно, подобный вариант был предложен П.П. Покрышкиным. Но материал для изготовления рам не был просушен должным образом, поэтому форточки открывались и закрывались с трудом. Замечательно, что А.С. Ляпустин обратил внимание на необходимость оснащения памятника термометрами для более точного измерения наружной и внутренней температуры и определения возможности для проветривания. Было высказано предложение познакомить прихожан и посетителей с правилами проветривания, сделать эти мероприятия понятными окружающим.

Весной 1916 г. ПДК дала соответствующие указания и. о. должности настоятеля о. Серафиму, который поручил проветривание иеромонаху Василию. Дело по исправлению недочетов технического характера было передано подрядчику, господину Горюшкину (ГАПО. № 5786. Л. 36). В сентябре того же года ПДК сообщила ИАК, «что... проветривание Преображенского собора онаго монастыря, производится с точным соблюдением правил, полученных от Археологической Комиссии: окна и двери храма в сухие солнечные дни открываются; в дождливое же время держатся закрытыми, отмостки вокруг собора, а также и крыша над алтарем содержатся в должном порядке» (Там же. Л. 33).

Так в начале XX в. Спасо-Преображенский собор стал одним из первых архитектурных памятников, где была введена и научно обоснована практика проветривания помещений с монументальной живописью. Большую роль в этом следует отвести П. П. Покрышкину. Опыт, накопленный им в ходе ежегодных поездок в Псков, результаты сотрудничества с монастырем способствовали появлению двух его работ, не потерявших ценность и в наши дни.

Литература

ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 5786.

Покрышкин П.П., 1910. Проветривание зданий, особенно холодных // Изв. ИАК. СПб. Вып. 34. (Вопросы реставрации. Вып. 5.)

Покрышкин П.П., 1915. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Изв. ИАК. Вып. 57. Пг. С. 178–190. Отд. изд. Псков.

Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской Археологической комиссии. Случайные находки

M. V. Medvedeva. Materials on archaeology of the Gdov region of St. Petersburg Province from the collection of the Imperial Archaeological Commission. Incidental findings

Abstract. The article deals with manuscripts and photographs from the collection of the Imperial Archaeological Commission housed in the Scientific Archive of the IHMC. The materials related to a random archaeological finds discovered in the second half of the 19th — the early 20th century on the territory of the Gdov region of St. Petersburg Province is presented. Most of the finds are burial-mound antiquities and coin hoards of the 10th — 17th cc. On the basis of archival sources the history of the finds' way to the Imperial Archaeological Commission and further distribution to the Russian museums are analyzed in detail.

Ключевые слова: Императорская Археологическая комиссия, Гдовский уезд, случайные находки, клады, архивные документы.

В Научном архиве ИИМК РАН хранится богатая коллекция архивных материалов, характеризующих дореволюционный этап археологического изучения Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, потерявшего свое территориальное единство в советское время в результате нового административного деления. Отдельную группу архивных материалов второй половины XIX — начала XX в. по Гдовскому уезду составляют документы, посвященные так называемым случайно сделанным находкам. Документация Императорской Археологической комиссии дает возможность составить цельное представление о найденных комплексах, помогает понять, как и почему они попадали в определенные музейные коллекции, прояснить причины и обстоятельства их обнаружения, а также проследить особенности их дальнейшего распределения по музейным хранилищам.

Сведения о случайно найденных археологических предметах из всех регионов Российской империи ежегодно стекались в Императорскую Археологическую комиссию, о чем свидетельствуют многостраничные архивные дела. После поступления информации о случайных находках в ИАК начиналась стандартная процедура их обработки. Для профессиональной экспертизы и определения археологической ценности найденные древности передавали в Эрмитаж. Одновременно специалисты Эрмитажа отбирали наиболее уникальные из них для хранения в коллекции главного музейного хранилища России. В таком случае находчику выплачивали сумму не только по весу металла находки, но и с учетом исторической ценности артефактов. В случае,

когда находки возвращались в Комиссию обратно после эрмитажной экспертизы, существовало несколько вариантов дальнейшего развития событий. Клад могли вернуть находчику в его собственное распоряжение. Обычно так происходило с медными монетами. Вещи из драгметаллов выкупали у находчика, но только по весу металла, после чего их предлагали в ГИМ для пополнения коллекций. В случае отказа до 80-х гг. XIX в. их часто переплавляли на Монетном дворе Санкт-Петербурга. В более поздний период древности стали передавать на хранение в музеи научных обществ и институтов, как столичных, так и местных.

Обратимся непосредственно к архивным документам о случайных находках из Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания ИАК. В 1889 г. гдовский землевладелец, действительный статский советник Л.Н. Модзалевский, сообщил, что крестьянин д. Узьмино И. Яковлев «при запахивании навоза на старинном "вековечном" поле, которое обрабатывается с незапамятных времен», нашел клад. Крестьянин «запустил соху поглубже обыкновенного и вытащил кольцо, а затем около него еще три, всего на 2 фунта весом» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 85. Л. 1) (рис. 1); никаких монет или костей при этом не найдено, несмотря на то что вблизи поля были известны курганы. Л.Н. Модзалевский представил эти серебряные гривны в Комиссию. Они были приняты на хранение, находчику выплатили 60 рублей (Там же. Л. 2 об.). Впоследствии коллекцию разделили. Согласно материалам дела, в 1891 г. 3 экземпляра были отосланы в ГИМ, одна гривна поступила в Эрмитаж (Там же. Л. 5–8).

В 1892 г. в Комиссию поступил клад от земского начальника 6 участка Гдовского уезда Д.С. Лихардова, состоявший из мелких серебряных монет XVI–XVII вв. общим весом 2 фунта 35 золотников, помещенных в деревянный сосуд. По определению ИАК, монеты относились ко времени Иоанна Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Федоровича, Дмитрия Иоанновича, Василия Иоанновича и Владислава Сигизмундовича. Клад обнаружил крестьянин В. Трофимов на общественных землях в д. Лугатино Гдовского уезда. Монеты были переданы в Археологический институт, а находчику выплачено 68 рублей 32 копейки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Д. 48. Л. 1–7).

Аналогичное дело о находке клада мелких серебряных русских монет XVII в. весом 5 фунтов 35 золотников датируется 1894 г. Клад был найден в деревне острова Желачка и представлен в ИАК по ходатайству земского начальника 6 участка Гдовского уезда В.Н. Глазова. В Эрмитаже отказались брать монеты, и они были переплавлены на Монетном Дворе, а находчикам-крестьянам выплатили более 90 рублей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 139. Л. 1–13).

В 1895 г. в ИАК поступил клад из д. Савина Гдовского уезда от Санкт-Петербургского вице-губернатора, которому прислало его Гдовское уездное полицейское управление. Клад состоял из 20 медных и 1 серебряной монет шведских королей, ливонских магистров, рижских и дерптских епископов XVI в. Определение производилось специалистами Эрмитажа, подробное описание приводится в архивном деле (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 261. Л. 4–4

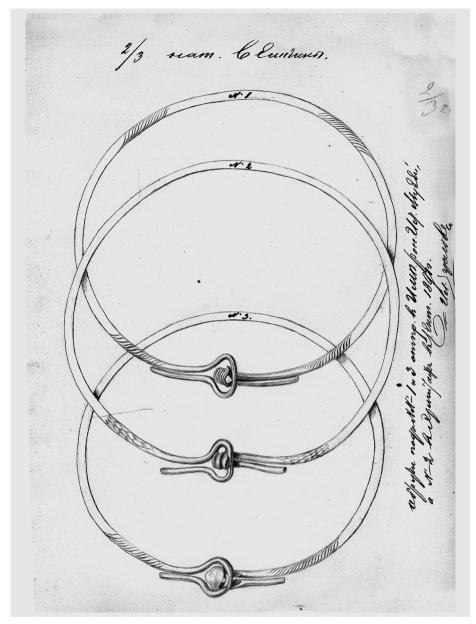

Рис. 1. Серебряные гривны, найденные у д. Узьмино в 1889 г.

об.). В Эрмитаж их на хранение не взяли. Клад пополнил собрание Музея Русского Археологического общества, за что члены РАО на общем собрании Общества постановили выразить «свою искреннюю благодарность» ИАК (Там же. Л. 1–12). Нашедшему его крестьянину заплатили 2 рубля, заметив, что ценность металла, составившего этот монетный клад, намного меньше.

В 1896 г. крестьянские дети на берегу Чудского озера в Гдовском уезде нашли клад из 250 русских серебряных копеек XVII в. Монеты были отправлены в Эрмитаж и определены как копейки Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В Эрмитаже коллекцию признали не особо ценной и вернули в ИАК. Комиссия в свою очередь пожертвовала клад в Археологический институт. Находчикам заплатили 5 с небольшим рублей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 162. Л. 1–8).

4 марта 1899 г. датируется письмо в ИАК от В.Н. Глазова (земского начальника 1 участка Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии) следующего содержания: «Согласно приговора моего от 16 января с. г. по делу № 69/98 г., вступившего в законную силу, крестьяне с. Рудна Андрей Ефимов, Дмитрий Савельев и др. присуждены к штрафу за кладоискательство и самовольное разрытие древних могил при дер. Малых Рожках, а найденные вещи определено представить на распоряжение Императорской Археологической Комиссии на основании циркуляра МВД от 31 мая 1884 г. за № 11. В виду вышеуказанного имею честь при сем препроводить на распоряжение Комиссии отобранные от обвиняемых вещи: серебряную монетку и сломанное медное колечко от серьги или подвески, найденные при костяках, в одной из грунтовых могил с большими камнями в головах и ногах погребения» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 49. Л. 1–1 об.). В Императорской Археологической комиссии постановили выразить благодарность В.Н. Глазову за спасение археологически важных предметов. Монету интерпретировали как серебряную копейку Ивана III, обломки медного колечка — как фрагменты серьги. Вещи были переданы в Археологический институт (Там же. Л. 2-4).

В этом же году в Археологическую комиссию поступила коллекция археологических предметов от Генерал-Майора Свиты его Величества Сперанского, раскопанных его сыном в 1898 г. в с. Скородумка Гдовского уезда (рис. 2). В нее вошли два серебряных многобусинных височных кольца, три бронзовых браслета и низка стеклянных бус (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 63. Л. 1). А.А. Спицын отнес эти вещи к кругу русских древностей XII–XIII вв. (Там же. Л. 2). Коллекция была передана в Императорское Русское Археологическое общество. Контекст находки неизвестен (Там же. Л. 3–4).

В 1901 г. в Комиссию пришло письмо от крестьянина М. Дмитриева из д. Бельковка Язвинской волости Гдовского уезда с приложенными к нему 7 серебряными монетами. В письме сообщалось, что монеты были найдены во время обработки поля работником-эстонцем. Крестьянин М. Дмитриев их выкупил и переслал в ИАК для оценки. Монеты оказались дирхемами. Сотрудники Эрмитажа датировали их 960–980 гг. и сообщили, что для Императорского Эрмитажа они не требуются (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 34. Л. 1–4). Дирхемы пополнили собрание музея РАО (Там же. Л. 8). Крестьянин Дмитриев, получив за них 3 рубля, попросил прислать ему подробное описание монет и сообщить, «в какие времена» и «какими народами» они использовались и как «они могли попасть в нашу местность» (Там же. Л. 5–5 об.). Среди подобных дел крайне редко можно встретить проявленный находчиком интерес к истории монет, а не только к их стоимости. В ответ ИАК «уведомила», что

Рис. 2. Случайные находки из с. Скородумка, 1898 г.

«уступленные Комиссии арабские монеты X в. нередко встречаются на севере России, куда проникали путем торговых сношений по Волге» (Там же. Л. 6).

Еще одна находка 1901 г. снова связана с именем В.Н. Глазова. Из его письма: «Препровождая при сем древнюю саблю, найденную крестьянами Гдовского уезда острова Желачка на Чудском озере, при ловле рыбы неводом,

приблизительно в 7 верстах от Лифляндского берега [...], имею честь покорнейше просить Археологическую Комиссию не найдет ли она возможным оценить эти вещи и приобрести для одного из музеев, если они представляют какой-нибудь интерес в научном отношении» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 275. Л. 1). В деле приведена оценка эрмитажного эксперта Э. Ленца: «Сабля представляет интересное смешение восточного с западным началами конструкции. [...] Это плохое подражание особого чина итальянских сабельных полос XVII в., которые впоследствии в большом количестве подделывались в Германии [...] и вывозились в пределы Турции под названием "франкских" мечей» (Там же. Л. 1). Крестьянину, нашедшему саблю, было выплачено 10 рублей, а сабля поступила в музей Псковского Археологического общества.

Весной 1902 г. В.Н. Глазов обратился в Археологическую комиссию с просьбой выдать ему Открытый лист для проведения археологических работ в Гдовском и Ямбургском уездах, где предполагал продолжить по заданию РАО раскопки курганов, начатые Л.К. Ивановским (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1902. Д. 68. Л. 1–1 об.) Ему были выданы лист, дневник и перечневая опись для занесения возможных находок. Однако раскопки В. Н. Глазов в этом году не производил «за недостатком свободного времени и ввиду холодного и дождливого лета, крайне неблагоприятствовавшего земляным работам». Он вернул неиспользованный открытый лист в ИАК и вместе с ним передал в распоряжение Комиссии железную секиру XV–XVII вв., найденную на пахотном поле у оврага крестьянами деревни Гверездно (Там же. Л. 5–6). В рукописном деле о дальнейшей судьбе секиры сведений нет, но по данным из печатных Отчетов ИАК, она была передана в Музей Русского археологического общества (ОАК, 1904. С. 170).

В 1903 г. В.Н. Глазов прислал в Археологическую комиссию тринадцать старинных серебряных западноевропейских монет с просьбой сообщить, «не найдет ли Комиссия возможным приобрести эти монеты для одного из музеев, если они представляют из себя какую-либо археологическую ценность и значение» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Д. 230. Л. 1–1 об.). Клад был найден в 1897 г. при «копании песку близ деревни Куклина Гора» мещанином И. Елисеевым. Монеты были переданы в Эрмитаж на определение (рис. 3). В клад вошли 8 англосаксонских, одна венгерская и одна датская монеты X—первой половины XI в. На постоянное хранение в Эрмитаж их не взяли. Монеты передали в музей РАО. Находчик получил 3 рубля соответственно оценке веса металла (Там же. Л. 4–11).

В этом же году Э.Г. Кууз, садовник в имении М.П. Кашкарова в Малых Щепицах Гдовского уезда, предложил сотрудникам Императорской Археологической комиссии для приобретения курганные древности, выкопанные в саду при усадьбе и в «окрестных полях», с условием, что «желал бы получить 25 рублей» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Д. 240. Л. 1). По определению А.А. Спицына, комплекс находок состоял из цепочки бус, ажурной подвески, 4 перстней, 11 браслетов, бубенчика, пряжки, 2 поясных колец (рис. 4). В 1906 г. предметы попали в собрание Музея Русского Археологического общества (Там же. Л. 2–3).

М.В. Медведева

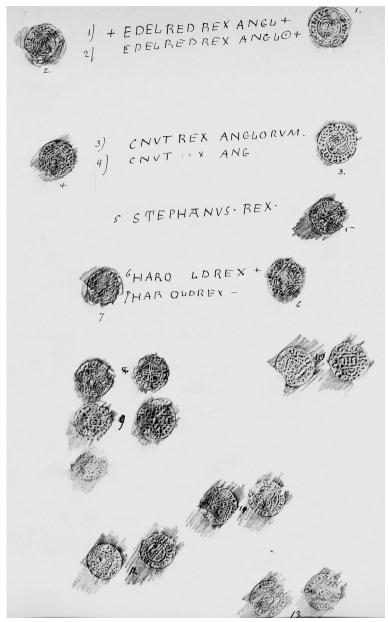

Рис. З. Монеты из клада у д. Куклина Гора, 1897 г. Протирка

В архивном деле «О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Комиссии» за 1904 г. сохранилась заметка на бланке ИАК, сделанная рукой А.А. Спицына. «В.Н. Глазов в 1904 г. доставил в Императорскую Археологическую Комиссию два картона с вещами из случайных раскопок курганов близ д. Городища недалеко от города Гдова. Вещи он просит передать

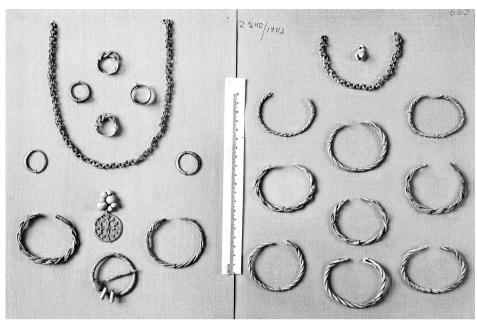

Рис. 4. Курганные древности, обнаруженные у д. Малые Щепицы в 1903 г.

в Императорское Русское Археологическое Общество» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1904. Д. 3. Л. 145). По просьбе В.Н. Глазова, коллекция предметов древнерусского времени (рис. 5) пополнила Музей РАО.

Следующие два архивных дела об обнаружении случайных находок связаны с именем исследователя гдовских древностей К.Д. Трофимова.

В начале октября 1910 г. в ИАК от него пришла телеграмма: «Найден клад 330 серебряных монет. Жду распоряжения. Трофимов» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910. Д. 237. Л. 1). Выяснилось, что к нему «явился крестьянин деревни Ручьи, который при распашивании нового поля нашел клад серебряных монет 330 штук». Монеты, по словам находчика, «были завернуты в тряпку и покрыты берестой, и видом своим они напоминали только что отчеканенные» (Там же. Л. 2). Он показал К.Д. Трофимову 30 штук, тот отобрал одну из них и отправил в ИАК для примера, с вопросом, как поступить и что сделать, чтобы клад не пропал, а сделался достоянием Комиссии.

А.А. Спицын попросил переслать монеты в Комиссию, после чего они были направлены, как обычно, в Эрмитаж на экспертизу и отбор для хранения в эрмитажной коллекции. В сопроводительном письме содержалась просьба к сотруднику Эрмитажа А.К. Маркову посвятить этому кладу заметку в Известиях Археологической Комиссии.

В клад вошли западноевропейские монеты X–XI вв., в основном немецкой чеканки. В Эрмитаж было отобрано 18 из них. Остальная часть клада была передана в музей древностей Санкт-Петербургского университета (Там же. Л. 6–15). А.К. Марков опубликовал определение монет клада (*Марков*, 1911). В статье он заметил, что почти на всех монетах присутствовали следы

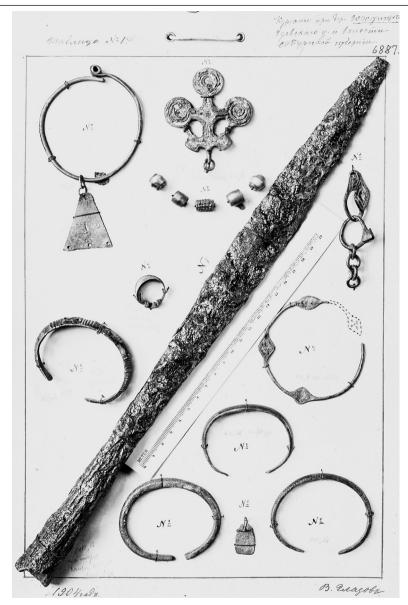

Рис. 5. Находки из «случайных» раскопок курганов у д. Городище, 1904 г.

зубов, что указывало на то, что они попали в Гдовский уезд через Польшу, т. к. обычай таким образом проверять пробу серебра был распространен именно в Польше в XI в. (Там же. С. 238).

В 1914 г. К. Д. Трофимов сообщил в ИАК, что во время его поездки в центральные губернии для производства раскопок со слушателями Императорского Московского Археологического института 16-летний сын крестьянина д. Забельско при вспашке поля вырыл сохою глиняный горшок с кладом,

состоявшим из «серебряных монет и разных серебряных и других вещей» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1914. Д. 236. Л. 1). На рассмотрение сотрудников ИАК поступила только небольшая часть из этого клада (рис. 6). Из письма К.Д. Трофимова следует, что древностей было больше: «согласно показаниям лиц, владевших этим кладом, там были: черепаха желтого металла с глазками и ножками, несколько цепей серебряных и серебряный же шарик с шишечками и круглыми отверстиями, по-видимому, булава или что-нибудь в этом роде» (Там же. Л. 2). В момент обнаружения клада рядом присутствовали крестьяне самой д. Забельско, соседних деревень, а также неместные приказчики по сплаву леса, проживавшие в то время в Забельско. Выяснилось, что они и разобрали основную часть клада. Остатки же находчик собирался отослать в Петербург своему родственнику для продажи.

Требовалось срочно что-то предпринять, чтобы сохранить для науки археологические древности, найденные в д. Забельско. Сначала при помощи местных властей были изъяты остатки клада у находчика. Затем А.А. Спицын направил гдовскому исправнику запрос с указанием найти остальные вещи из клада и препроводить в Комиссию. Полицейские урядники провели несколько дознаний в Гдовском уезде и во Пскове. Судя по информации из протоколов об изъятии, удалось обнаружить, к сожалению, немного — около 4 десятков монет и несколько вещей (Там же. Л. 8—12).

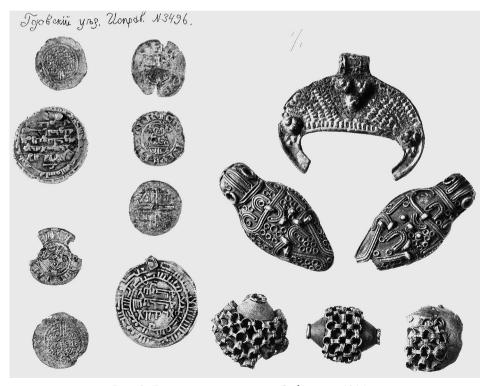

Рис. 6. Древности из клада у д. Забельско, 1914 г.

Дальнейшая история клада не очень ясна из документов дела, но монеты и вещи из него продолжали поступать в ИАК до октября 1917 г. В 1915 г. Эрмитаж приобрел из него 43 монеты. В том же году лакей Зимнего дворца — родственник нашедшего клад крестьянина — представил на продажу в Комиссию еще 65 целых и 12 обломков серебряных монет и две серебряные поделки. Весной 1917 г. сотрудники ИАК передали в Эрмитаж на определение еще 115 монет, найденных близ д. Забельско в 1914 г., после чего монеты был отправлены обратно в ИАК «за ненадобностью». Тем не менее, уже в октябре 1917 г. клад все же был принят на хранение в Эрмитаж и состоял на тот момент, по документам НА ИИМК РАН, из двух серебряных подвесок в виде головок, серебряной лунницы, 2 серебряных бус, 124 арабских и западных монет XI в. (Там же. Л. 21).

В 1916 г. зафиксированы еще два обращения в ИАК по поводу случайных находок. В д. Велетово крестьянин во время обработки земли обнаружил клад из 531 пятака второй половины XVIII в. на 30 фунтов весом, а также при строительно-земляных работах на Наровской позиции две крестьянки нашли клад из 419 монет XVIII в. Оба клада были возвращены находчикам как не представляющие археологической ценности (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1916. Д. 72; 103).

В результате анализа материалов по распределению случайных находок из Гдовского уезда из собрания ИАК в Научном Архиве ИИМК РАН можно проследить следующие особенности. Большая часть перечисленных дел связана с именами двух исследователей Гдовского уезда — В. Н. Глазова и К. Д. Трофимова, много сделавших для развития археологического изучения края. Случайные археологические находки из Гдовского уезда в конце XIX — начале XX в. зачастую попадали в Императорскую Археологическую комиссию, а затем в музейные коллекции, именно благодаря усилиям этих двух людей.

Распределение и комплектование музейных коллекций в дореволюционный период имело свои специфические черты, отчасти продиктованные общими тенденциями развития археологической науки в то время. В формировании коллекций Эрмитажа, главного музейного хранилища страны, наибольшее значение придавалось закупке предметов более ранних исторических периодов, например, античных древностей. Из средневековых кладов и находок выбирались только уникальные вещи; довольно часто монетные клады подвергались переплавке на монетном дворе «за ненадобностью». К счастью, большая часть случайных находок из Гдовского уезда, которые не были приняты на хранение в Эрмитаж, все же пополнили собрания музеев ГИМ, РАО, ПАО или Археологического института. В советское время ряд этих коллекций в итоге все равно оказался в хранении Эрмитажа.

Согласно документам Научного Архива ИИМК РАН, некоторые комплексы древностей Гдовского уезда оказались разрознены. Публикация архивных материалов из фонда ИАК, возможно, облегчит их поиск по различным хранениям, поможет уточнению их атрибуции и восстановлению цельности коллекций.

Литература

- Марков А.К., 1911. Клад немецких пфеннигов XI в., найденный в Гдовском уезде // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. СПб.
- ОАК, 1904. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 г. СПб.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 85. О древних серебряных шейных кольцах, найденных в д. Узьмино, Гдовский уезд, Санкт-Петербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Д. 48. О русских серебряных монетах, найденных в дер. Лугатино, Гдовского у., СПб губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 139. О старинных русских серебряных монетах, найденных в дер. Остров-Желачка, Гдовского у. СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 261. О старинных монетах, найденных в Гдовском у. Санкт-Петербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 162. О русских серебряных монетах, найденных на берегу Чудского озера, в Гдовском уезде.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 49. О древностях, найденных при самовольной раскопке крестьянами могил при д. Малых Рожках, Гдовского у. Санкт-Петербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 63. О древностях, доставленных в Комиссию на рассмотрение Генерал-Майором Сперанским.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 34. О находке серебряных восточных монет в дер. Бельковка Гдовского у., СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 275. О древностях, представленных в Комиссию на рассмотрение В.Н. Глазовым.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1902. Д. 68. О раскопках В. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах, СПб губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Д. 230. О находке старинных серебряных монет близ дер. Куклиной горы Гдовского уезда, СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Д. 240. О находке древностей в имении Малые Щепицы Гдовского у., СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1904. Д. 3. О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Комиссии.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910. Д. 237. О находке старинных серебряных монет на поле при дер. Ручьи Гдовского уезда, СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1914. Д. 236. О находке клада старинных монет и вещей близ дер. Забельско, Гдовского у. СПетербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1916. Д. 72. О находке клада старинных пятаков в дер. Велетово Гдовского уезда Петербургской губ.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1916. Д. 103. О находке клада старинных русских медных монет на III уч. Наровской позиции Северного фронта в Гдовском у. Петроградской губ.

Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда

V.Yu. Sobolev. Boris Koishevsky and Eugeny Ispolatov: to the biography of the Gdov region researchers

Abstract. This article analyzes the correspondence that had passed between a prominent Pskov scientist — botanist, phenologist, local historian — E.I. Ispolatov, and B.A. Koishevski, the then History of Material Culture State Academy trainee, a member of the Paleoetnological expedition, engaged in collection and systematization of information about archaeological sites of the North-West of RFSRS, found in the archives of History of Material Culture Institute of RAS. In his letters E. I. Ispolatov tells about his excavations of the ancient burial mounds near the village Seltso of Gdov region (St. Petersburg Province) and about previously unknown sites of the Gdov and the Opochetsk regions. The letters also contain interesting information about the scientist's life in exile.

The Appendixes reproduce the letters of E. I. Ispolatov and the excavations register.

Ключевые слова: Гдовский уезд, Палеоэтнологическая экспедиция, Е.И. Исполатов, Б.А. Коишевский, древнерусские курганы.

Рретья четверть XIX в. и первые десятилетия XX в. в России характеризу-🗘 ются подъемом археологической науки в целом и возросшим интересом к древнерусской истории и славяно-русской археологии в том числе. Именно в это время ставятся и начинают решаться с помощью археологических раскопок вопросы о «первых русских насельниках» Северо-Запада, времени их появления, характере расселения, взаимоотношениях с местными племенами и многие другие. Это время — первый этап научного изучения археологических памятников, полулюбительский, связанный в значительной степени с близостью столицы и дачным освоением ее ближних и дальних окрестностей. Он характеризуется повышенным вниманием «раскопщиков» к истории и археологии окрестностей тех населенных пунктов (деревень, мыз и усадебных имений), где они жили детьми или отдыхали летом с семьей, или местностей, с которыми они были связаны по долгу службы. Иногда такой интерес перерастал в целые «научные программы» по изучению окружающей территории, инициаторами которых были, например, преподаватель и воспитатель 3-й Санкт-Петербургской гимназии, статский советник Николай Федорович Арепьев, проводивший в летние месяцы археологические исследования в районе ст. Белая (ныне п. Струги Красные), или учитель Л.А. Васильев, преподававший в школе д. Логовеще. В отдельных случаях «раскопщик-интересант»

вырастал в «профессионального» археолога (примером может служить К.Д. Трофимов, начинавший археологические работы под руководством В.Н. Глазова, а впоследствии прослушавший курс Московского археологического института). Этот период является самым представительным по количеству раскопанных древнерусских погребальных памятников и по количеству «добытых раскопкой» находок.

Подъем археологической науки, как, впрочем, и большинства других сфер научной, общественной и деловой жизни России, был прерван событиями 1917 г., ввергнувшими страну в хаос, сломавшими разумный и законный порядок вещей, искалечившими человеческие судьбы.

Жизнеописание Бориса Андреевича Коишевского — одного из героев моей статьи — недавно было опубликовано Т.В. Седаковой (2011), судьбе второго — Евгения Ивановича Исполатова — в последние годы было посвящено несколько работ (*Левин*. Эл. ресурс; Филимонов, 2007; *Левин*, 2010; *Левин*, Филимонов. Эл. ресурс), подробно осветивших как происхождение его рода, так и трагическую судьбу и самого Евгения Ивановича, и его близких. И все же осталась область, почти ускользнувшая от внимания исследователей, — археологические штудии Е.И. Исполатова и его контакты с сотрудниками ГАИМК во второй половине 1920-х гг.

Считается, что в 1906 г. Е.И. Исполатов раскопал один (*Филимонов*, 2007. С. 69, 70; *Левин*, *Филимонов*. Эл. ресурс; Исполатов... Эл. ресурс) или несколько (*Александров*, 1991. С. 149) курганов у д. Сельцо в южной части Гдовского уезда, а позднее собирал сведения об археологических памятниках в Опочецком уезде; присланные им поправки и информация о неизвестных ранее памятниках были включены Н.Ф. Окулич-Казариным в «Дополнения и поправки к "Материалам для археологической карты Псковской губернии"» (*Окулич-Казарин*, 1914; *Левин*, 2010. С. 60). Вновь выявленные архивные материалы позволяют существенно уточнить и дополнить вклад Е.И. Исполатова в изучение археологических памятников Северо-Запада.

Итак, в 1926 г. для учета, регистрации и первичного обследования археологических памятников Северо-Запада РСФСР был организован Палеоэтнологический отряд под руководством П.П. Ефименко (Белова, 1985. С. 138). Летом того же года были проведены первые полевые исследования. Работа велась в нескольких основных направлениях: сбор и систематизация накопленных сведений, работа с музеями и краеведческими организациями, полевые разведочные обследования, составление картотеки и каталога памятников, популяризаторская и просветительская деятельность. Сотрудниками отряда стали Л.С. Генералова, Г.П. Гроздилов, Г.Ф. Дебец, В.И. Равдоникас, П.Н. Третьяков, аспиранты ГАИМК: М.И. Артамонов, П.Н. Шульц, Н.Н. Чернягин, А.А. Иессен, практикант ГАИМК Б.А. Коишевский.

Уже через год работы Палеоэтнологического отряда охватили всю Ленинградскую область в ее предвоенных границах. Опубликованные ранее и хранящиеся архивные данные об археологических памятниках и проведенных раскопках, информация из полевых выездов сотрудников и присылаемые

сведения, — все доступные данные систематизировались, велась активная переписка с краеведческими организациями, составлялись каталог памятников и картотека рисунков вещей, в том числе находившихся в Псковском музее и в музее Археологического института (*Белова*, 1985. С. 139).

В Научном архиве ИИМК РАН хранится несколько дел, в состав которых вошли черновики различных справок, докладов и докладных записок, смет и другой документации Палеоэтнологической экспедиции. В одно из них (Исследование... 1929) попали письма Е.И. Исполатова, написанные Б.А. Коншевскому из Вологды. Всего в деле находятся четыре письма и дневник раскопок. Письма написаны в конце 1928 — начале 1929 г., первое датировано 22 ноября, последнее — 30 января, в основном речь идет о раскопках древнерусских курганов, проведенных Е.И. Исполатовым в Гдовском уезде в середине 1900-х гг., и об известных ему археологических памятниках Гдовского и Опочецкого уездов. Кроме этого письма содержат ряд важных и интересных бытовых подробностей жизни Е.И. Исполатова в вологодский период его жизни. Начало переписки отсутствует, равно как и ее конец; возможно, в будущем удастся найти недостающую часть.

Сосланный в Вологодскую губернию, по его собственному выражению, «вероятно, за убийство Папы римского» (Исследование... 1929. Л. 76 об.), Е.И. Исполатов сумел взять с собой только некоторые дневники и записные книжки, часть его рабочих материалов осталась в Пскове, в фамильном доме № 39 по Великолуцкой ул., у сестры и дочерей, а небольшая часть уже была к этому времени передана в Псковский музей (Там же. Л. 77). Дома остались также и находки, «добытые раскопкой» и полученные от крестьян Гдовского уезда, за исключением материалов из одного кургана, раскопанного в 1906 г., находки из которого также были переданы в музей ПАО в 1907 или 1908 г. (Там же. Л. 43) и опубликованы (Путеводитель... 1908. С. 49)¹.

Условия жизни Исполатовых в ссылке без преувеличения можно назвать стесненными — «жилище (квартирой назвать не решаюсь)» с единственным небольшим «письменным» столом, на который «приходится... записываться в очередь» (Исследование... 1929. Л. 43) (рис. 1); материальное положение семьи также оставляло желать лучшего — так, при цене почтовой открытки в 5 коп. Е.И. Исполатов дважды в своих письмах спрашивает Б. А. Коишевского, нет ли оснований для бесплатной посылки корреспонденции, подчеркивая тем самым важность этого вопроса (Там же. Л. 72, 79 об.). По всей вероятности, не только любимая работа в богатом лесами крае и исследовательская деятельность, но и сложности с поисками нового места для ссыльного, политически неблагонадежного и классово чуждого ученого заставили Исполатовых прожить на Вологодчине еще более двух лет после амнистии. Не удивительно, что в письмах Евгения Ивановича то и дело звучит тема смерти: «Хорошо, что вы не опоздали затребовать от меня сведения,

 $^{^1}$ По всей вероятности, именно эта публикация и является источником информации о том, что Е.И. Исполатов исследовал лишь один курган у д. Сельцо Гдовского уезда.

Bosorda 22 no dofet 199 Oflej Chenus Ubanobusa Uenonajobn de sampor o ero paenounus 6 Nessberais y. Gofue Andfreebour . 8. Il frocmeme, zno ne mor chary ombemund base, De es 6 mon ruo 6 moen muneye (shapunpan man Bout ne femoral) Dech 1/2 xb. cucupa. The, yba, u mo cockenera yreence refusedunch nosmory game calamber & orefred. Mienefil donidanch bears refuelens Besselve en or word my 1966 rost.

Рис. 1. Фрагмент письма Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому от 22.11.28 г. (Исследование... 1929. Л. 43)

так как они пока целы, а за дальнейшее ручаться не могу» (Там же. Л. 45), «Если потребуется что-нибудь спросить, — пишите; с удовольствием сообщу, пока жив» (Там же. Л. 45 об.), «...после моей смерти (жду ее с нетерпением)...» (Там же. Л. 43 об.).

В ссылке Е.И. Исполатов продолжает работать над интересующими его вопросами ботаники, фенологии, орнитологии, собирает этнографический и фольклорный материал (Исследование... 1929. Л. 77-77 об.), пишет, но сталкивается с неожиданными трудностями: автор многих научных работ, получивших признание современников и печатавшихся в таких уважаемых изданиях, как «Труды Ботанического сада Юрьевского университета», «Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей», журналах «Естествознание и география» и «Ботанический журнал» (краткий список основных публикаций Е.И. Исполатова опубликован на сайте Псковской областной универсальной научной библиотеки², полный список его работ насчитывает более 80 названий: Левин, Филимонов. Эл. ресурс. Ссылка 28), он вынужден просить Б.А. Коишевского — молодого человека, состоящего на скромной должности практиканта, — составить протекцию в публикации статьи: «Без протекции теперь ничего нельзя напечатать» (Исследование... 1929. Л. 79). Сама прилагавшаяся к письму статья в архивном деле отсутствует. Остается надеяться, что Б.А. Коишевскому удалось выполнить просьбу Евгения Ивановича.

Сведения об археологических памятниках Опочецкого уезда, сообщенные в сохранившихся письмах и открытках Е.И. Исполатовым Б.А. Коишевскому, довольно отрывочны, возможно, приведены по памяти и включают всего 10 пунктов с курганными группами или отдельными насыпями. Кроме этого, Е.И. Исполатов упоминает о двух городищах — одном вблизи д. Ледово и располагавшемся в 2 верстах к западу от д. Гривки (Исследование... 1929. Л. 52 об., 54–54 об.). Впрочем, по словам самого Евгения Ивановича, «В Опочецком уезде я раскопок почти не делал, но присутствовал при раскопках В.В. Гольмстен» (Там же. Л. 55). С ней он, по всей видимости, поддерживал переписку. В коллекции находок дома в Пскове хранились несколько предметов из Опочецкого уезда — «неполный горшочек грубой работы (ручной) из кургана около погоста Воскресенский и грузило от невода (?) — овальная пластинка из сланца с отверстием, найденная на вершине кургана в Комаровском бору» (Там же. Л. 55–55 об.). Впрочем, сам Е.И. Исполатов не был уверен в интерпретации данного предмета.

Напротив, описывая по просьбе Б.А. Коишевского известные ему археологические памятники Гдовского уезда, Е.И. Исполатов обращает особое внимание на городища, которых в окрестностях с. Спасовщина, где находилась его «штаб-квартира», насчитывалось четыре: у д. Царевщины (или Заозерья), на берегу р. Лочкиной (Лудвы) на одну версту выше д. Люботеж, около д. Городни и около д. Грядище (Исследование... 1929. Л. 51 об., 52). Владелец располагавшегося неподалеку от городища у д. Люботеж хутора, крестьянин

² Исполатов Евгений Иванович: http://pskovlib.ru/about/struct/kray/ispolatov.php

Пшицкий, передал Евгению Ивановичу найденную около дома вещь, оказавшуюся, по атрибуции В.В. Гольмстен, редкой арбалетовидной фибулой (Там же. Л. 77 об., 78) (рис. 2).

Кроме указанных городищ Е.И. Исполатов упоминает и непонятный ему рукотворный холм: «Верстах в 8–10 к юго-западу от ст. Новоселье в Жуковской каз. даче, на берегу р. Псковицы, в урочище "Городец" я видел в 1899 г. (в день юбилея Пушкина!!!) нечто, не знаю, как назвать. Для городища мало, для кургана велико. Это был холм, очевидно, насыпной, такой формы и размеров (пишу по памяти)» (Исследование... 1929. Л. 52, 52 об.) (рис. 3).

Отвечая на вопрос о погребальных памятниках, Е.И. Исполатов писал: «Списков гдовских курганов у меня не имеется, но они, пожалуй, излишни, так как в какой деревне вам не случится побывать, везде вы найдете курганы или жальники» (Там же. Л. 51 об.).

Кроме украшений и бытовых предметов, найденных Е.И. Исполатовым при раскопках курганов у д. Сельцо в 1906 г., в его коллекции хранилось несколько «англо-саксонских монет из окрестностей погоста Гвоздно» (Там же. Л. 78 об.), возможно попавших к нему из найденного крестьянами клада, и некоторые другие вещи.

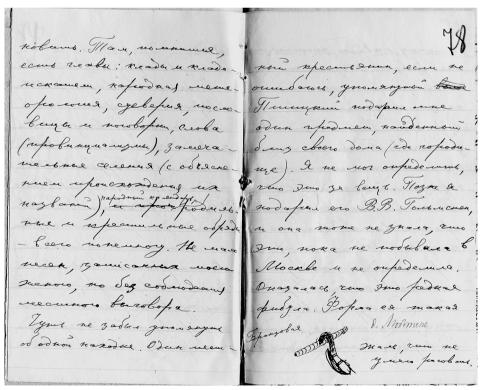

Рис. 2. Фрагмент письма Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому от 09.12.28 г. (Исследование... 1929. Л. 52об.)

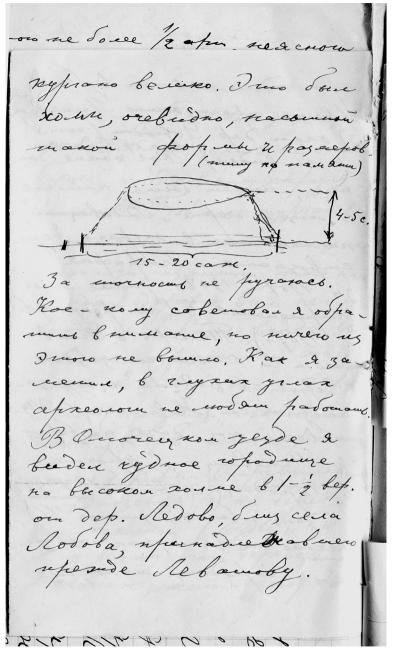

Рис. 3. Фрагмент письма Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому от 30.01.29 г. (Исследование... 1929. Л. 77 об., 78)

Б.А. Коишевский зимой 1928/29 г. ездил в Псков и видел оставленные в псковском доме находки из исследованных древнерусских курганов, которые Е.И. Исполатов, как он сам подчеркивает, торжественно обещал передать в Псковский музей (Исследование... 1929. Л. 44). После научной обработки нашитые на планшеты вещи и керамические сосуды Борис Андреевич вернул в дом на Великолуцкой ул., откуда, по завещанию автора раскопок, они должны были поступить в Поганкины палаты. Завещанию, к которому так ревностно относился Евгений Иванович, не суждено было исполниться в полной мере — началась Вторая мировая война. Е.И. Исполатов умер в блокадном Ленинграде, а его супруга Ольга Антоновна — в эвакуации. Археологические коллекции вместе со многими другими музейными предметами были вывезены из Пскова немцами и вернулись в музей депаспортизованными, значительная часть учетной документации погибла в оккупированном Пскове, сохранился лишь дневник раскопок, публикуемый как приложение к настоящей статье.

Литература

- Александров А.А., 1991. Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.
- *Белова Н.А.*,1985. Из работ ГАИМК по изучению археологических памятников Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Исполатов Евгений Иванович (11 апреля 1876, Псков, февраль 1942, Ленинград), лесовод, флорист, ботаник, фенолог, орнитолог, краевед // Псковская областная универсальная научная библиотека [Электронный ресурс] URL: http://pskovlib.ru/about/struct/kray/ispolatov.php (дата обращения 12.02.2014).
- Исследование Ленинградской области: Переписка и планы // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121.
- Левин Н.Ф. Опочка в жизни и краеведческой деятельности Е.И. Исполатова // [Электронный ресурс] Опочка [Офиц. сайт] URL: http://opochka.ru/article/n-f-levin-opochka-v-zhizni-i-kraevedcheskoy-deyatelnosti-ei-ispolatova (дата обращения 12.02.2014).
- *Левин Н.Ф.*, 2010. Е. И. Исполатов и его предки // Псков: Науч.-практ., историко-краевед. ж-л. Псков. № 32.
- Левин Н.Ф., Филимонов А.В. Евгений Иванович Исполатов (1876−1942), лесничий, ботаник, орнитолог и краевед // [Электронный ресурс] Центральная библиотечная система г. Пскова [Офиц. сайт] URL:http://www.bibliopskov.ru/ispolatov.htm (дата обращения 12.02.2014).
- Окулич-Казарин Н.Ф., 1914. Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губернии» // Тр. ПАО. Псков. Вып. 10.
- Путеводитель по музею Псковского археологического общества. Псков, 1908.
- Седакова Т.В., 2011. Борис Андреевич Коишевский (1902—1945) археолог, поэт, потомок известных дворянских родов // Земля Псковская, древняя и современная: Мат. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию Псковского музея. Псков.
- *Филимонов А.В.*, 2007. Краевед Е.И. Исполатов // Псков: Науч.-практ., историко-краевед. ж-л. Псков. № 26.

Приложение 1.

Письма Е. И. Исполатова Б. А. Коишевскому (Исследование... 1929.)

Л. 43. Письмо Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому³. Вологда 22 ноября 1928.

<На письме на штампе ГАИМК дата 3.XII.1928. № 342. Другим почерком:</p>
Ответ Евгения Ивановича Исполатова на запрос о его раскопках в Псковской губ. (Гдовском у). П.Е. — т.е. П.П. Ефименко>

Многоуважаемый Борис Андреевич!

Простите, что не мог сразу ответить Вам. Дело в том, что в моем жилище (квартирой назвать не решаюсь) один «письменный» стол в ½ кв. метра. Но, увы, и этот столик постоянно занят: то жена работает, то сынишка учится; приходится поэтому записываться в очередь. Теперь дождался благоприятного момента < на нижнем поле листа, вверх ногами приписка рукой Е.И.И.: Вещи из одного кургана подарены в музей в 1907 или 1908 году> **Л. 43 об.** и думаю Вам написать. Все предметы, выкопанные мною из древних курганов Гдовского уезда, находятся во Пскове. При этом металлические украшения висят на стене, а горшочки где-то спрятаны, и вам без меня их не найти. Должен вам сказать, что все эти древности принадлежат мне лишь наполовину, так как я дал Псковскому музею завещание (письменное), по которому после моей смерти (жду ее с нетерпением) все эти сокро- Л. 44. вища передаются Пск. музею. Если будете во Пскове, то узнайте в Поганкиных палатах, согласны ли они уступить Вам коллекцию. Для изучения-то, я думаю, вы имеете право взять; этим не будет нарушено мое торжественное обещание передать результаты моих раскопок моим землякам, которые меня старались со свету сжить. Посылаю вам выписку из записной книжки «дневник раскопок». Вы, вероятно, ужас- **Л. 44 об.** нетесь его безграмотности и бестолковому производству раскопок. Однако я считаю себя не более согрешившим бестолковыми раскопками, чем те люди (не русский оборот речи), которые не желают извлечь на дневную поверхность археологические богатства, таящиеся в недрах курганов Гдовского уезда и постоянно пропадающие для науки вследствие исчезновения с лица земли курганов. Имеется у меня немало сведений о курганах Опочецкого уезда, но сведения о них пришлю **Л. 45.** несколько позже. Хорошо, что вы не опоздали затребовать от меня сведения, так как они пока целы, а за дальнейшее ручаться не могу.

Среди предметов, найденных в курганах Гдовского уезда, есть одна шейная гривна, несколько браслетов, височные кольца, подвески, перстни, серьги, огниво и кремни, различные бусы, оправа гребня, ножи, наконечники стрел; несколько горшочков — как новые!!!

³ Дневник раскопок и письма публикуются в авторской редакции, с максимальным сохранением всех особенностей текста, его орфографии и пунктуации. В угловые скобки заключены слова и фрагменты текста, прочтение которых затруднено или предположительно. Полужирным курсивом выделены пометки и/или пояснения автора публикации, курсивом — авторский текст Е.И. Исполатова, вписанный между строк или на полях.

Л. 45 об. Самые размеры и формы курганов имеют громадный научный интерес, если удастся их разгадать. Мне удалось выяснить, что длинные курганы суть могилы богатырей; их длина, по преданию, соответствует росту богатыря.

 $\dot{\text{Если}}$ потребуется что-нибудь спросить, — пишите; с удовольствием сообщу, пока жив.

Если будете во Пскове, зайдите к моей сестре (Советская улица, д. № 39). Она вам покажет.

Преданный вам

Е. Исполатов.

< на правом поле листа приписка рукой Е.И.И., зачеркнута: К сожалению, всего не успел написать; <...> потом напомните>.

Л. 51. Письмо Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому.

Вологда 9 декабря 1928 г.

Многоуважаемый

Борис Андреевич!

Ваше письмо меня смутило. К стыду моему должен признаться (простите за плохой почерк: мальчишка учится, пишу на уголке, хочу попробовать на полу), что у меня нет ни чертежей, ни подробных описаний. Впрочем, курганы отчасти уже описаны. Как видите из посланного, они небольших размеров лепешкообразные. Л. 51 об. А какое богатство в южной части Гдовского уезда, причисленной, если я не ошибаюсь, к Псковскому округу. Списков гдовских курганов у меня не имеется, но они, пожалуй, излишни, так как в какой деревне вам не случится побывать, везде вы найдете курганы или жальники. Есть немало городищ (кажется, «дьяковского» типа). Так, есть городища 1) около деревни Царевщины (или Заозерья), 2) на берегу р. Лочкиной (Лудвы) на одну версту выше деревни Люботеж, около хуторка, Л. 52. принадлежавшего в былое время крестьянину Пшицкому. 3) около деревни Городни (хотя я не видел). 4). Около дер. Грядище. Кое-какие данные, может быть, найдете в моем очерке «Вдовщина» (так в оригинале — B.C.), помещенном в журнале «Естествознание и География» за 1907 и 1908 г. (после моего переселения в Самарскую губ. в 1907 г). Теперь о Псковском и Опочецком уездах. Верстах в 8-10 к юго-западу от ст. Новоселье в Жуковской каз. даче, на берегу р. Псковицы, в урочище «Городец» я видел в 1899 г. (в день юбилея Пушкина!!!) нечто, не знаю, как назвать. Для городища мало, для кургана велико. Это был холм, очевидно, насыпной, такой формы и размеров (пишу по памяти). < Рисунок усеченной пирамиды, размерами: основание — 15-20 саж, высота 4-5 с, диаметр верхней площадки не указан.> За точность не ручаюсь. Кое-кому советовал я обратить внимание, но ничего из этого не вышло. Как я заметил, в глухих углах археологи не любят работать.

В Опочецком уезде я видел чудное городище на высоком холме в 1–1 ½ вер. от дер. Ледово, близ села Лобова, принадлежавшего прежде Левашову.

Л. 54. Продолжение письма Е.И.Исполатова Б.А. Коишевскому.

Курганы Опочецкого уезда.

- 1). Около дер. Сергеевой (близ пог. Теребени) несколько куполообразных курганов.
- 2). Около дер. Сапронова (близ Крулихина) много курганов. Некоторые раскопаны помещиком Львовым.
  - 3). Около дер. Федькина
  - 4). Около дер. Калистова
- <n.n. 3) и 4) справа объединены фигурной скобкой, правее которой помечено: 10-3 угол 10-3 уг
- 5). Около Крушинина близ шоссе недалеко от границы б. Витебской губ. Копаны В. В. Гольмстен.
- 6). На восточном берегу оз. Чертино (к югу близ Опочки) в лесу есть 4 кургана. Один имеет форму лепешки, высотою около $1\frac{1}{2}$ арш, диаметр 10 саж. Другой высотою больше 1 саж., а диаметром менее первого. **Л. 54 об.** Два остальные имеют еще меньшие размеры. Курганы разбросаны на расстоянии 30-40 саженей один от другого.
- 7). Близ дер. Кудинковой (недалеко от с. Высокого) на пустыре из-под соснового бора несколько курганов с широким основанием (7–8 с), но небольшой высоты не более $1\frac{1}{2}$ арш.
- 8). В Борисовской даче около оз. Коропенец несколько курганов (от Опочки верст 17 к юго-востоку; к востоку от шоссе).
- 9). На краю дер. Балахонцево (там же, но около шоссе и южнее) есть большой курган.

В прежнее время один старик видывал, как из кургана выходила пестрая корова. Бросятся ее ловить, а она вдруг куда-то пропадает. Думают — клад. $\boldsymbol{J}$. **55.** Еще есть нечто вроде городища (или кладбища) к западу верстах в 2 от дер. Гривки, неподалеку от границы Латвии.

В Опочецком уезде я раскопок почти не делал, но присутствовал при раскопках В.В. Гольмстен (она теперь в Самарском музее; можете достать у нее сведения). Имеется у меня из Опочецкого уезда неполный горшочек грубой работы (ручной) из кургана около пог. Воскресенского и грузило от невода (?) — пластинка из сланца такой формы *рисунок* — вытянутый овал с отверстием Л. 55 об. Последнее было найдено в Комаровском бору (к западу от Опочки) на вершине небольшого, невысокого кургана, на 1½—2 вершка от поверхности.

Вот пока и все. Еще пороюсь в имеющихся у меня записных книжках; чтонибудь прибавлю к письму. Есть у меня местонахождения Опочецких курганов. По этому поводу может вам доставить сведения также Василий Васильевич Ячин (Опочка, Набережная ??). К сожалению, точного адреса что-то не найти. Пишите или наугад, или попросите передать мою дочь Веру (Первомайская ул. д. № 22); она заведующая центр. библиотекой.

Пока до свидания!

Искренне преданный вам Е. Исполатов.

Л. 72. Открытка Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому, отправлена из Вологды 27.01.1929.

Многоуважаемый

Борис Андреевич!

Спешу уведомить вас, что других дневников, к сожалению, у меня не имеется: они во Пскове. Да, мне кажется, это уж не такой большой убыток. Курганы около Сельца все одного типа (лепешки), все вместе на пространстве 200—300 кв. саж., принадлежат, по-видимому, одному племени.

Что касается курганов в Гористицкой даче, то ведь они, если я не ошибаюсь, описаны в конце посланной вам выписки. Если удастся побывать во Пскове, то я пришлю вам все, что есть. По окончании обработки пошлите в Поганкины палаты. Раз я дал завещание, то совесть не позволяет мне нарушить его. Только пусть там поместят все в одном месте, как нечто целое. Сообщите, можно ли вам посылать корреспонденцию бесплатно и на каком основании. Это для меня важно. Вскоре я вам еще напишу и попрошу вас об одном деле.

Преданный вам Е. Исполатов.

Л. 76. Письмо Е.И. Исполатова Б.А. Коишевскому.

Вологда 30 января 1929 г.

Многоуважаемый

Борис Андреевич!

Послал вам открытку, а теперь пишу подробнее. Все «ископаемые» придется потом отправить во Псков, в музей. Хотя моя родина для меня не мать, а мачеха, но я уже дал завещание музею и от своего слова не могу отказаться, хотя псковские буржуи меня со света сживали, не давая средств к существованию и **Л. 76 об.** в конце концов отправили в Вологду в тот момент, когда мне обещали дать место лесничего в северной Карелии. За что выслали, точно не знаю; вероятно, за убийство Папы римского. Хочу сообщить вам еще коекакие сведения о Гдовском уезде. За 4 года я там собрал немало материала естественно-исторического, этнографического и по фольклору (хотя последние два понятия я не ясно различаю).

Л. 77. Описание природы было помещено в журнале «Естествознание и География» за 1913 г., а прочие материалы Псковский археолог Окулич-Казарин очень хвалил и обещал напечатать в Трудах в 1916 г.; но дело, понятно, сорвалось. Теперь рукописи в Псковском музее, одной тетрадки не хватает. Я предлагаю Ленинградским Краеведам. Если не возьмут, то предложу вам; быть может, понравится. Утерянную тетрадку можно восста- **Л. 77 об.** новить. Там, помнится, есть главы: клады и кладоискатели, народная метеорология, суеверия, пословицы и поговорки, слова (провинциализмы), замечательные селения (с объяснениями происхождения их названий), народный календарь, родильные и крестильные обряды — всего понемногу. Немало песен, записанных моею женою, но без соблюдения местного выговора.

Чуть не забыл упомянуть об одной находке. Один мест- **Л. 78** ный крестьянин, если не ошибаюсь, упомянутый выше Пшицкий, подарил мне один предмет, найденный близ своего дома (где городище). Я не мог определить, что

это за вещь. Позже я подарил его В.В.Гольмстен, и она тоже не знала, что это, пока не побывала в Москве и не определила. Оказалось, что это редкая фибула. Форма ее такая. **Рисунок арбалетовидной фибулы, сбоку рукой Е.И.И.** написано «бронзовая», другой рукой и карандашом: «д. Люботеж».> Жаль, что не умею рисовать. Л. 78 об. Спицыну, очевидно, знакомы такие фибулы. Я думаю, эта находка может послужить дополнением к археологической характеристике Гдовского уезда. Есть у меня во Пскове еще несколько англосаксонских монет из окрестностей погоста Гвоздно.

В конце концов разрешите просить вас об одном маленьком деле. Нельзя ли пристроить приложенную статью в какой-нибудь подходящий журнал. Мне кажется, эта статья не лишена интереса. Часто слышишь се- Л. 79. тования на то, что такой-то уезд, такая-то губерния остаются неисследованными в том или ином отношении. А если пошлешь куда-нибудь результаты исследования, — тут им и крышка. Без протекции теперь ничего нельзя напечатать. Поэтому составьте мне протекцию. Я думаю, статья вам понравится.

Название я ей дал как бы антирелигиозное; может быть, удачнее будет «Красногородская поговорка»?

Л. 79 об. Будучи уверен, что вы не откажете моей просьбе, приношу заранее свою благодарность.

А горшочки не все вам попали. Верно, некоторые были спрятаны в шкапу. У вас ли хорошенький, маленький горшочек?

Преданный вам

Е. Исполатов.

Нет ли основания для бесплатной посылки корреспонденции?

Приложение 2.

Дневник раскопок (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121: Исследование Ленинградской области. Переписка и планы)

Л. 41. Дневник раскопок в Гдовском уезде в 1906 г. около дер. Сельцо между Маслогостицами и Спасовщиной.

21 и 22 мая три кургана высотою немного более ½ арш, диаметр около 5арш. Под почвенным слоем толщиною в ¼ арш был слой золы толщиною около 3/4 арш, а под ним (на глубине 1 арш от поверхности) находились целые костяки, лежавшие на спине, головою на северо-запад. 1). На правой руке простое цилиндрическое кольцо, а на поясе пряжка простая, круглая. В ногах был совершенно целый горшочек, на поверхности которого, кроме простого линейного рисунка, в верхней части еще был рисунок из зигзагообразной линии. 2). Такое же кольцо на правой руке и кусок кремня. 3). На голове с обеих сторон по 3 височных кольца ^{4*}) из тонкой проволоки, на шее плоская гривна (сломанная) с замком, имеющим вид 2х кубиков. На гривне прилипло много черных (вероятно, потерявших <... ....да> волос. Вместе с гривной найден зеленый

 $^{^{4}}$ $^{*)}$ Не оттуда ли слово «висок» — место, на котором висят кольца.

и желтый бисер и несколько крупных стеклянных бус. Все они, по-видимому, были нанизаны на железную проволоку, остатки которой найдены здесь же. На руках браслеты с рисунком, состоящим из зигзагообразных и переплетенных линий. На пальцах 3 перстня: 2 с точечными линиями по краям, а на третьем рисунок из ромбов, уменьшающихся от середины перстня на обе стороны соответственно уменьшению ширины перстня. Самый широкий перстень обмотан шерстяными нитками, вероятно, для уменьшения ширины. Сохранился небольшой кусочек шерстяной материи — трико и кусочек дерева (гроба?). Есть и другие вещи.

Л. 41 об. 5 июня. 1). Высота не более ½ арш, диаметр 1½ саж. круглой формы. Под слоем золы на глубине 1 арш. от поверхности найдены гнилые кости и разбитый горшочек с волнообразным рисунком по краям. 2). Высота ½ арш. Форма продолговатая, вытянут с С-3 на Ю-В. Слой золы и угля толщиною около 1 арш. Под ним скелет на левом боку, головою на С-3, лицом к северу. На голове тонкие височные кольца по 2 с каждой стороны. Кольца сильно погнулись и 2 из них разломаны. Около головы много бус, около пояса железное острие. На пальцах простые плоские кольца. На левой руке простой браслет. В ногах горшочек с оббитыми краями, с простым линейным рисунком. В горшочке черная земля (вероятно, пища?). 3). Курган продолговатый высотой ½ арш. Под слоем золы толщиною около 1 арш остатки скелета длиною около 1¼ арш (ребенка?). Около головы (на шее) много бус, на ушах привески из треугольных пластинок, укрепленных на кольцах, из которых одно своеобразной формы. На одном пальце колечко (не медное). Труп положен головою на запад, лицом вверх.

6 июня. 1). Курган высотою менее ½ арш. Форму кургана определить нельзя. Под слоем почвы и золы с углями на глубине 1½ арш встречен слой пережженных костей диаметром около ¾ арш и толщиною около 4 вершков. В этом слое найден заржавленный железный наконечник. 2). Такой же низкий и неясный курган. Сверху слой почвы и золы толщиною в 1½ арш. Скелет лежал не в центре кургана, а в его южной части, головой на запад на левом боку. На голове по 3 височных медных кольца, тонких и плохих, которые перержавели и сделались хрупкими. Из них 4 кольца крупных и 2 меньше. На шее ожерелье из Л. 42. бус мелких (бисера?) и крупных, одной медной полулунной подвески, трех диргем (серебряных?) с ушками (на монетах прежде были дырочки) и одной серебряной полой бусы. Около правой руки железный наконечник и железный крючок (вероятно, рыболовный). На правой руке медный^{5*}) браслет с плетеным рисунком. Бусы были нанизаны на шнурок из конского волоса.

3). Такой же низкий и неясный курган. У скелета в ногах горшочек.

12 июня. Раскопаны 4 кургана. Все они высотою не более ½ арш, круглой формы, хотя очертания неясно. Сверху слой золы (или почвы?). 1). На глубине около 1½ арш лежал скелет лицом вверх, головою на запад-северо-запад. Вокруг костяка много гнилой коры (вероятно, еловой? или сосновой).

 $^{^{5}}$ Везде вместо слова медный должно быть, вернее, бронзовый.

У правого бедра железный стержень, у пояса бронзовая пряжка. В ногах цельный горшочек с простым линейным рисунком. 2). На глубине 1 аршина кости, занимающие слой не более 1 арш в диаметре (детская могила?). Заметны остатки черепа и одной руки. На руке кольцо из перевитой проволоки. Около черепа различные бусы: крупные и мелкие; из них несколько сердоликовых. Два треугольничка, каждый на особом кольце (серьги?), бубенчик; браслет из двух перевитых проволок, маленькие височные кольца и перстень. Все вещи миниатюрных размеров. 3). Костяк на глубине 1¼ арш, на левом боку, головою к СЗ. Около головы по 2 височных кольца — большое и малое, грубо сделанные из тонкой проволоки. На шее ожерелье из крупных и мелких бус (на льняном шнурке), двух диргем (с ушком и с дырочкой) и лунообразной медной подвески. Около головы же подвеска из трех медных треугольников (четвертый, видимо, потерян). На руке перстень, не то оловянный, не то серебряный (видимо, оловянный).

Л. 42 об. 24 июня. 2 кургана высотой не более ½ арш, неясного очертания. В обоих скелеты на глубине 1 арш, на правом боку, головами на С-З. 1). Бронзовая лировидная пряжка, кремень, огниво и железный стержень (вероятно, нож). 2). Ножик в деревянной рукоятке, обломанной у места скрепления медной проволокой.

10 июля. Круглый курган высотой в ¼ арш. На глубине около 1¼ арш от поверхности слой угля и пережженных костей диаметром около 1½ арш, толщиною около 3-4 верш. В этом слое в беспорядке найдены: разбитый глиняный горшочек, диргем, наконечник стрелы (или копья) и другой железный наконечник (нож?) с медным кольцом в месте скрепления с деревом. Найден также остаток медной треугольной пластинки.

20 июля. Могила, почти незаметная на поверхности земли. На глубине около 1 арш скелет на спине, головою на СЗ. В ногах горшочек. На пальце правой руки медный перстень, около левого бока ржавое кольцо, охваченное медным кольцом.

2 сентября. Курган высотой около $^{3}\!\!/_{4}$ арш. На глубине $1^{1}\!\!/_{2}$ арш скелет лицом кверху, головою на запад. На левой руке перстень, на правой витой железный браслет, около пояса железный наконечник, 2 кремня и 2 медные пряжки. В ногах цельный горшочек.

6 июня кв. 16 Гористицкой дачи около деревни Акатьева

Два кургана, оба круглые, куполообразные, диаметром около $1\frac{1}{2}$ саж, высотою около $\frac{1}{2}$ арш. Под слоем почвы был слой угля и золы толщиною более 1 арш. В этом слое в кургане № 1 на глубине более 1 арш найдены разбросанные кости, далеко не составлявшие полного скелета (несколько костей от головы, от ног и несколько ребер), а в кургане № 2 и костей не найдено. Находки: в кургане № 1 — пряжка, стеклянная буса, кусочки медной пластинки и кусочки железа; в кургане № 2 — два кремня и огниво (<...>).

Е. Исполатов.

Курганная группа Гатчина 1. Новые архивно-картографические данные

I.A. Fedorov. Kurgan group Gatchina 1. New archival cartographic data

Abstract. The article is devoted to the mound cemetery Gatchina 1, located in the eastern part of the Izhora plateau, in the heart of the present city Gatchina in Leningrad region. The depictions of two of the six ancient Russian burial mounds, fixed in 1932 by V. Ravdonikas, was found by the author of the article on the plan of the Gatchina Park of the late 18th century. The publication of the cartographic source is important, because the burial mounds have not survived by now.

Ключевые слова: Гатчина, Ижорское плато, древнерусские курганы, «Кушелевские альбомы».

Могильник на берегу Черного озера в г. Гатчина Ленинградской обл. На восточных склонах Ижорского плато известен с 1932 г. Тогда при разработке песчаного карьера рабочими были обнаружены костяки и отдельные предметы погребального инвентаря. Частичные раскопки памятника были произведены в первой половине августа того же года под руководством В.И. Равдоникаса. Всего были вскрыты 22 грунтовых погребения по обряду трупоположения, ориентированные головой на запад и совершенные в неглубоких могильных ямах. Сопровождающий инвентарь погребений включал бронзовые браслеты (витые проволочные и пластинчатые), железные ножи, бубенчики, перстни, серьги. По совокупности погребального инвентаря могильник датируется рубежом XIII и XIV — XV в. (Равдоникас, 1932. С. 24–31). В.И. Равдоникас связал могильник с прибалтийско-финским племенем ижора, населявшим в средние века территорию к югу от Невы (Там же. С. 28–29).

Тогда же были зафиксированы 6 курганных насыпей, расположенных по южному склону возвышенности в сторону берега Черного озера (рис. 1; 2).

Анализ погребального инвентаря, произведенный Е.А. Рябининым, позволил ему сделать вывод: «Грунтовый могильник, синхронный селу в Хотчине — это позднесредневековое кладбище, оставленное потомками древнерусских колонистов, осваивавших верховья р. Ижора и принесших с собой первоначально курганный обряд погребения» (*Рябинин*, 1997. С.170, 171).

Осмотр могильника производился в 1984 г. В. А. Лапшиным. Было отмечено, что курганные насыпи не сохранились. Памятник включен в археологическую карту Ленинградской обл. как могильники Гатчина 1 (курганный) и Гатчина 2 (грунтовый) (*Лапшин*, 1990. С. 73. № 534, 535).

Могильник осматривался в 2007 г. И.В. Стасюком. Установлено, что за время, прошедшее с работ В.И. Равдоникаса, территория памятника неоднократно

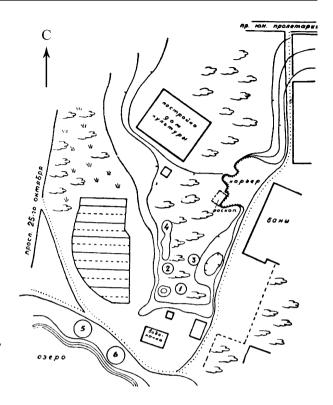

Рис. 1. Глазомерный план, выполненный в 1932 г. В.И. Равдоникасом (1932. С. 26)

Рис. 2. Фотография 1932 г. одного из курганов (Равдоникас, 1932. С. 26)

подвергалась антропогенному воздействию — застройке, рекультивации. Первоначальный ландшафт сильно изменен, поэтому анализ современного состояния памятника без проведения полноценных раскопочных работ невозможен (*Стасюк*, 2007).

В связи с планировавшейся постройкой на берегу озера областного драматического театра весной 2008 г. сотрудниками Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ было произведено разведочное обследование территории могильника. В ходе работ были частично вскрыты два погребения, ориентированные на запад, предположительно относящиеся к грунтовому могильнику, а также развал валунов — возможно, остатки каменной обкладки одного из курганов (Федоров, Мурзенков, 2010. С. 76–80).

В настоящее время существует единственный план гатчинского могильника — это глазомерный план, снятый в 1932 г. В. И. Равдоникасом. На плане обозначено место раскопок, а также 6 (и одна под вопросом) курганных насыпей: 4 в роще на склоне холма и 2 крупные насыпи ($\mathbb{N}$ 5 и 6) на берегу Черного озера ($Pas \partial o hukac$, 1932. С. 26) (рис. 1).

Насыпи, обозначенные В.И. Равдоникасом как № 5 и № 6, недавно обнаружены нами на плане Гатчинского парка, датируемом 1798 г. (Генеральный план... 1798)¹. План выполнен в акварели и входит в состав первого из двух атласов, составленных в конце 1790-х гг., хранящихся в фонде графики ГМЗ «Гатчина» и известных в литературе как «Кушелевские альбомы». На чертеже отчетливо видно изображение двух округлых в плане холмиков на северном берегу Черного озера, восточнее Коннетабльского моста, вплотную к урезу воды. Холмики огибает дорожка, ведущая вдоль озера к недавно возведенному Приоратскому дворцу, севернее обозначена роща (рис. 3 на вклейке).

Масштаб чертежа дан в саженях. Напрямую расстояние от Приоратского дворца до курганов составляет около 190 саженей, т.е. в пересчете на метры (если сажень = 2,13 м) 404 м к северо-западу. От Коннетабльского моста к востоку — около 25 саженей, т.е. 53 м.

Диаметр курганов в пересчете на метры составляет около 13–15 м. Такие достаточно внушительные для древнерусских курганов размеры вполне соответствуют тем, что приведены на плане 1932 г. Несмотря на то, что масштаб на плане отсутствует, можно сопоставить размеры курганов с расположенными поблизости и дошедшими до наших дней зданиями.

Вполне возможно, живописные курганы у воды оказались естественным образом включены в ландшафт английского пейзажного парка. Большая часть курганной группы скрыта рощей, а две наиболее эффектные насыпи, возможно, были очищены от деревьев и кустарника и превращены в своеобразные парковые объекты, что обусловило их фиксацию на чертеже. Таким образом, мы имеем дело с достаточно редким для данного вида археологических памятников картографическим источником.

 $^{^1}$ Выражаю благодарность сотруднику ГМЗ «Гатчина» О.В. Петровой за помощь в ознакомлении с картографическим материалом.

Литература

- Генеральный план гатчинских парков из Атласа Гатчинскому дворцу с садами, зверинцами и всеми в них имеющимися строениями. Равно города и полей. 1798 г. // ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ−11–XI.
- *Лапшин В.А.*, 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.
- Равдоникас В.И., 1932. Ижорский могильник в Красногвардейске // Сообщения ГА-ИМК. Л. № 11–12.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Стасюк И.В., 2007. «Ижорский могильник» в Красногвардейске— Гатчине: современное состояние // http://nwae.spb.ru/?0-902 от 01.05.2013.
- Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., 2010. Обследование грунтового и курганного могильников в г. Гатчина // Исследование погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб.

Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг. 1

E. V. Toropova. The first steps in conservation of archaeological heritage of the Novgorod region in the end of 1920-ies

Abstract. In 1927 a Commission was established for registration and protection of paleo-ethnological sites of Leningrad region, the main goal of which was registration of information about archaeological sites and development of forms and methods of their conservation.

In the result of its work a card index of the sites of Novgorod and partly Borovichi district (the present-day Novgorod region) was made, expeditions with the sites study and description in view were organized, basic causes of archaeological sites destruction were identified and methods of conservation were proposed.

Ключевые слова: археология, консервация памятников, комиссия, ГАИМК, Северо-Запад, наследие.

Уже в первых декретах советской власти было заявлено о необходимости регистрации, приема на учет и охраны памятников искусства и старины (декрет от 5 октября 1918 г.) (Охрана памятников, 1968. С. 9, 10). В основном речь шла о древностях, как движимых, так и недвижимых, обладающих, прежде всего, материальной ценностью. Стремление молодой власти взять под контроль именно эти категории памятников вполне понятно.

Вопрос о мерах по охране памятников археологии, раскопках только на основании открытых листов, обязательной передаче находок, кладов и отельных предметов археологического значения в государственные музеи впервые был поставлен только в декрете от 7 января 1924 г. (Там же. С. 24–26). При этом отмечено, что нарушители данного декрета будут привлекаться к уголовной ответственности. Через полгода была утверждена Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы, в которой значительное место отведено мерам по сохранению археологических памятников (Там же. С. 31–33), что позволило Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) начать работу по их обследованию.

В 1927 г. при ГАИМК была создана Комиссия по учету и охране археологических (палеоэтнологических) памятников Ленинградской обл. (напомню, что в ее состав в этот период входила и значительная часть территорий современных Новгородской, Псковской, Мурманской и Вологодской областей).

¹ Текст доклада печатается здесь повторно, поскольку в сборнике материалов 58-го заседания опубликован с серьезными опечатками.

Как отмечено в докладной записке председателя Комиссии, Петра Петровича Ефименко, от 31 мая 1930 г., необходимость ее создания была вызвана «катастрофическим положением полевых археологических памятников, которыми Ленинградская область чрезвычайно богата и которые, как показали уже первые археологические рекогносцировки, находятся в состоянии абсолютной беспризорности» (Комиссия, 1930. Л. 50).

Идея организации комиссии была всемерно поддержана, как особо отмечает П.П. Ефименко, Председателем ГАИМК Н.Я. Марром, русско-финской секцией КИПС АН СССР. Средства для организации экспедиционных работ были предоставлены Наркомпросом.

Перед Комиссией стояли задачи учета сведений об археологических памятниках, их полевое обследование, учет находок, как полученных в результате раскопок, так и случайных, разработка форм и методов охраны археологических памятников области, налаживания тесной связи с краеведческими и музейными организациями на местах для повышения эффективности сохранения культурного наследия и «широкая популяризация среди населения сведений о памятниках области и их значении, как источников изучения прошлого» (Там же).

За три года, с 1927 по 1929, была проведена огромная работа по учету памятников археологии Ленинградского, Лужского, Псковского, Новгородского, части Лодейнопольского, Боровичского, Череповецкого и Великолукского округов, составлены подробные каталоги. Параллельно велась серьезная работа по обработке «фундаментальных коллекций» бывшего Русского археологического общества из раскопок Л.К. Ивановского, В.Н. Глазова, Н.Е. Бранденбурга. Особое внимание было обращено на собрание древностей Псковского музея (Ефименко, 1931. С. 26).

Для проведения полевых обследований были задействованы, прежде всего, молодые научные сотрудники ГАИМК М.И. Артамонов и В.И. Равдоникас, аспиранты ГАИМК П.Н. Шульц, А.А. Иессен и практиканты Г.П. Гроздилов, Н.Н. Чернягин, Г.Ф. Дебец, Б.А. Койшевский и Л.С. Генералова, а также сотрудник Русского музея В.С. Адрианов (Ефименко, 1929. С. 215). Для обследования и выявления памятников каменного века в районе озер Пирос, Бологое, Кафтино и др. в так называемом озерном крае Новгородской губернии был приглашен Н.В. Сибилев. Идея привлечения известного украинского археолога для проведения работ на Северо-Западе России, по всей видимости, принадлежит П.П. Ефименко, в экспедиции которого тот работал в 1924–1925 гг. на Изюмщине. Н. В. Сибилев констатировал, что большинство стоянок каменного века в настоящее время недоступно для исследования из-за значительного поднятия уровня воды в шлюзовых озерах. Кроме того, он отметил, что неолитические стоянки на этой территории располагаются не только вблизи озер, но и на берегах рек, на что ранее не обращалось внимания (Там же. С. 216).

Активное участие в полевых обследованиях на местах принимали краеведы и музейные сотрудники — Н.В. Иванов (Гдов), В.В. Ячин (Опочка), В.И. Рассказов (Тихвин), С.Н. Поршняков (Боровичи), Е.Н. Корсаков

(Любытино), а также заведующий Холмским музеем «т. Холмский» и студент геофака ЛГУ Н. Я. Баранов (*Ефименко*, 1931. С. 26).

За три года, как отмечено в докладной записке П.П. Ефименко, были проведены 22 командировки, в ходе которых зарегистрировано 1020 пунктов с археологическими памятниками (более 16000 отдельных объектов). Регистрация памятников включала в себя научное описание, нанесение на план, зарисовку, фотографирование и обмеры (Комиссия, 1930. Л. 50; см. *Приложение*).

Параллельно велась работа по сбору сведений о причинах разрушения археологических памятников. По результатам уже первого года работы были сделаны неутешительные выводы: «разрушение памятников в обследованных районах приобретает такие размеры, что дело их охраны приобретает значение первоочередной задачи. Стало совершенно очевидно, что силами одной Академии без участия широкой краеведческой общественности и поддержки административных органов дело организации учета и охраны памятников поставить совершенно невозможно» (Ефименко, 1931. С. 26).

Основными причинами разрушения памятников П.П. Ефименко назвал хозяйственную деятельность, любительские и кладоискательские раскопки, а также экологические факторы (размывание водой, выдувание ветром). Наиболее серьезную угрозу для памятников археологии области представляла хозяйственная деятельность, особенно в связи с реализацией пятилетнего плана развития народного хозяйства Ленинградской обл., который предусматривал увеличение посевных площадей на 25-40% (это достигалось за счет отводов земельными комиссиями в наделы крестьянских хозяйств мест, занятых курганами, которые ранее оставлялись под пустошью). Значительный рост дорожной сети также приводил к разрушению памятников археологии, т. к. курганы часто в таких случаях использовались в качестве карьеров для выборки гравия, камня и песка. Любительские и кладоискательские раскопки приняли, как особо отметил П.П. Ефименко, в некоторых округах массовый характер. Например, в районе Луги студентом-любителем уничтожено несколько сотен курганов и жальничных погребений. Если безотлагательно не будут приняты меры к охране памятников, то, по мнению археологов, «к концу пятилетки... мы можем стать перед фактом массового уничтожения памятников старины, драгоценных для знания прошлой истории края» (Там же. С. 27).

Сотрудники ГАИМК, члены комиссии, предпринимали ряд попыток, чтобы упорядочить систему сохранения памятников археологии. Это участие в разного рода краеведческих и музейных конференциях, просветительская деятельность, лекции для местного населения. Например, в отчете сотрудника этнографического отдела Русского музея В.С. Адрианова, обследовавшего Боровичский округ, отмечено, что «несмотря на хорошо поставленную в некоторых районах краеведческую работу (как например Бельский район), интерес к памятникам старины очень незначительный и ведя по пути разъяснительную работу о значении тех или иных памятников старины среди крестьян и, главным образом, среди учителей (в 15 школах), приходилось в громадном большинстве случаев сталкиваться с полным незнанием окружающих памятников старины и незаинтересованностью в их судьбе, в значительной степени из-за незнания» ($A\partial puanos$, 1928. Л. 42).

В 1930 г. работа Комиссии была приостановлена по причине отсутствия финансирования и определения ее четкого статуса в ГАИМК. А после принятия решения о создании Ленинградского комитета по охране памятников всех категорий финансирование деятельности Комиссии было прекращено, что привело к свертыванию ее работ на территории области.

Приложение

Комиссия по учету и охране археологических (палеоэтнологических) памятников Ленинградской области при ГАИМК // РО НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 122.

Комиссия по учету и охране палеоэтнологических памятников Ленинградской Области возникла осенью 1929 г. в качестве рабочей группы, возглавляемой П.П. Ефименко и состоящей главным образом из молодежи, как академической, так и университетской. Необходимость ее возникновения была вызвана тем катастрофическим положением полевых археологических памятников, которыми Ленинградская Область чрезвычайно богата и которые, как это показали уже первые археологические рекогносцировки, проведенные ГАИМК совместно с Русско-Финнской Секцией КИПС'а Академии Наук СССР, находятся в состоянии абсолютной беспризорности.

Образовавшаяся внутри ГАИМК по почину П.П. Ефименко, всемерно поддержанная Председателем Академии Н.Я. Марром и признанная желательной и необходимой Советом I Отделения на его заседании от 12 января 1928 г., Комиссия поставила своей задачей следующие вопросы:

- 1. Учет сведений об археологических памятниках области.
- 2. Массовый учет полевых археологических памятников (стоянок, городищ, курганных групп, жальничных и иных могильников и т.д.) путем командировок на места работников Комиссии или привлеченных к этой работе местных краеведов и музейных работников.
- 3. Учет вещественного материала из раскопок и случайных находок на территории Ленинградской области, хранящихся в музеях Области.
- 4. Разработка форм и методов охраны археологических памятников Области.
- 5. Налаживание тесной связи с краеведными и музейными организациями мест, без участия которых дело охраны не может быть осуществлено.
- 6. Широкая популяризация среди населения сведений о памятниках Области и их значении, как источников изучения прошлого.
  - В течении трех лет с 1927 1929 г. рабочая группа проделала следующее:
- 1. Учтен весь литературный материал и составлен карточный каталог памятников по округам Ленинградскому, Лужскому, Псковскому. Великолуцкому и Новгородскому и частично по округам Боровичскому и Лодейнопольскому.

- 2. В порядке массового учета полевых памятников проведены 22 командировки на места сотрудников группы и местных работников, коими зарегистрировано 1020 археологических пунктов с более чем 16000 отдельных памятников. Регистрация сопровождалась подробным научным описанием, нанесением на план, зарисовкой, фотографированием и обмерами памятников и охватила округа: Ленинградский, Лужский, Псковский, Великолуцкий, Боровичский, Череповецкий и отчасти Новгородский и Лодейнопольский. Накопленный материал оформлен по разработанной группой системе и имеет назначением служить базой для проведения конкретных мероприятий по охране полевых памятников.
- 3. Производился учет вещественных материалов, при чем полный учет осуществлен по округам Ленинградскому, Лужскому, Псковскому и Великолуцкому и частичный по Новгородскому и Лодейнопольскому.
- 4. В порядке разработки вопроса о формах и методах охраны памятников Ленинградской Области Комиссией по докладу В.И. Равдоникаса разработаны мероприятия по охране, как по линии административной, так и по линии политико-просветительной; доклад этот предположено издать в виде отдельной книжки и вместе с соответствующими инструкциями разослать на места, но за отсутствием средств издать их не удалось.
- 5. Работа Комиссии в значительной мере базировалась на местных силах путем вовлечения в ее деятельность местных краеведческих и музейных организаций (Луга, Гдов, Псков, Опочка, Старая Русса, Боровичи, Тихвин и т.д.); связь поддерживалась также командировками на места членов Комиссии и участием в краеведческих и музейных и конференциях (Луга, Псков, Гдов, Ленинград).
- 6. Популяризационная деятельность Комиссии не могла быть развернута в достаточной мере из-за отсутствия средств. Заслушанные на заседаниях Комиссии отчеты обследователей предположено было издавать в местных краеведческих изданиях, но напечатать пока удалось лишь отчёт Б.А. Коишевского по работе в Псковском округе.

Главными тормозами в работе образовавшей Комиссию рабочей группы явились, с одной стороны, отсутствие ее оформления внутри Академии и, с другой стороны, отсутствие какого-либо определенного бюджета. П.П. Ефименко неоднократно велись об этом переговоры с членами Президиума ГА-ИМК, при чем им указывалось, как на важность, выполняемой работы, так и на невозможность ее продолжения без вполне определенных материальных ресурсов и без легализованного положения внутри Академии. Однако до сего времени вопрос о легализации Комиссии по учету и охране археологических памятников Области остался не разрешенным, так как он осложнился предположением о создании Ленинградского Комитета по охране памятников всех категорий, и траты Комиссии, в частности полевое обследование, инструкторские поездки и командировки на места работников Комиссии и вообще ее экспедиционные расходы не включены в бюджет Академии. Это ставит Комиссию перед неизбежностью свертывания работы по области.

Председатель Комиссии: П. Ефименко (подпись) 31 мая 1930 г.

Литература

- Адрианов В.С., 1928. Отчет о палеонтологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном сотрудниками этнографического отдела Русского музея В.С. Адриановым в 1928 г.: Дневники и карты // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1928. Д. 107.
- *Ефименко П.П.*, 1929. Палеоэтнологические работы в Северо-Западной области в 1927 г. // СГАИМК. Т. 2.
- *Ефименко П.П.*, 1931. Обследование памятников Ленинградской области в 1928–1929 гг. // СГАИМК. № 6.
- Комиссия по учету и охране археологических (палеоэтнологических) памятников Ленинградской области при ГАИМК // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930. Д. 122. Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. М., 1968.

Слово о друге

S. V. Beletsky. The word about the friend

Abstract. The article is dedicated to the memory of Jury Mikhailovich Lesman who passed away in 2013.

Очень трудно говорить о Юрии Михайловиче Лесмане в прошедшем времени. Кажется, только вчера я звонил ему в конце рабочего дня, и мы встречались на Дворцовой набережной, или на Зимней канавке. И шли пешком до Невского, и потом по Невскому до Казанского собора, а потом по Екатерининскому каналу (ныне — канал Грибоедова) до Сенной. Или я звонил ему в час ночи, чтобы прочитать по телефону несколько строчек из только что дописанной статьи (прямо как в письме Пушкина Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал: ай да Пушкин! ай да сукин сын!»). Или он звонил в шесть утра и просил посмотреть страницу в сборнике, который у него, конечно, тоже есть и где-то стоит на полке, вот только непонятно, на какой именно. Или

мы встречались в библиотеке ИИМКа на выставке новых поступлений. Или — на заседании отдела славянофинской археологии. Или — на чьейто защите. Или пили кофе «У террориста» на Большой Конюшенной, или в «Бочке» на Миллионной, или в «Подвале Бродячей собаки» на Итальянской... Или сутки, а то и двое, подряд сидели у меня дома за столом, заваленным книгами и бумагами, и дописывали совместную статью...

Но сейчас все это уже plus quam perfectum. В ночь на 23 февраля 2013 г. Ю.М. Лесман ушел из этой жизни. Он вернулся вечером с работы домой, поужинал, прилег. И— не проснулся. Остановилось сердце. Ему только-только исполнилось 59 лет.

Юрий Михайлович Лесман (друзья и коллеги обычно называли

Ю.М. Лесман (1954-2013)

462 С.В. Белецкий

Археологическая разведка в Калининской (ныне Тверской) обл. Слева направо: Григорий Зубкин, Юрий Лесман, Игорь Портнягин. Фото 1974 г.

его просто «Лесман») родился 17 января 1954 года в Ленинграде. Интерес к археологии проявился рано: в 1960-е гг. Юра занимался в школьном кружке при кафедре археологии ЛГУ, читал научную литературу в библиотеке ЛОИА (ныне — ИИМК РАН), прогуливал уроки в школе ради участия в археологических конференциях, ездил в экспедиции, посещал Славяно-варяжский семинар кафедры. Сам он так вспоминает об этом времени:

«Впервые я пришел на заседание Славяно-варяжского семинара осенью 1968 г. Собственно, сначала я, ученик 8-го класса, пришел на занятия школьного археологического кружка, который тогда еще вел Л. С. Клейн... Л. С. посоветовал мне прийти на семинар... С этого дня все субботы были заняты, семинар быстро оттеснил школьный кружок на второй план (хотя и кружок оставался) — как-никак здесь собирались взрослые и не просто учились — они делали археологию... Я, совсем маленький неуч, сначала не решался задавать вопросы публично (мучал старших в перерывах или после семинара), но уже через год-полтора (к концу 9-го и в 10-м классах) позволял себе иногда спрашивать наряду со всеми. Как ни странно это может показаться теперь, но на мои наивные вопросы серьезно отвечали, кажется, видя во мне не просто не в меру настырного ребенка, а младшего коллегу» (Лесман, 2009. С. 279, 280).

Уже в те годы проявилась ярко выраженная способность к научному творчеству. Первые учителя Лесмана — студенты Володя Назаренко и Глеб Лебедев — всерьез предлагали восьмикласснику определиться с научной темой:

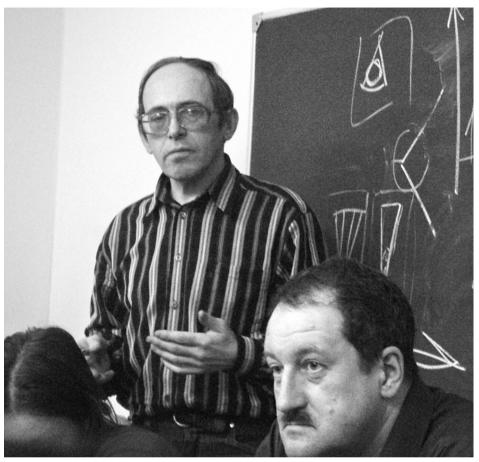
«Предложения были в духе тогдашнего размаха. Назаренко предлагал подпереть его Приладожье с юга, скромно ограничившись территорией до Верхней Волги включительно. План Глеба, которому Володя меня перекинул... был еще обширнее: он предложил разобраться с трапециевидными и близкими им подвесками на территории Восточной Европы, хронологически ограничившись "всего лишь" железным веком и средневековьем (включение находок эпохи бронзы, а также анализ материалов Центральной, Северной и Западной Европы, Средиземноморья и азиатских регионов было желательно, но на первом этапе не обязательно)» (Лесман, 2003. С. 51).

Кстати говоря, в конце 1960-х, еще школьником, Юра составил картотеку древнерусских курганов Верхневолжья, и не только написал по материалам этой картотеки одну из своих первых статей (*Лесман*, 1977. С. 106–112), но в дальнейшем пользовался картотекой на протяжении десятилетий, постоянно пополняя ее сведениями о вновь раскопанных погребениях.

С археологами Еленой Михайловой и Кириллом Шмелевым на раскопках Новой Голландии в Санкт-Петербурге. Фото 2006 г.

464 С.В. Белецкий

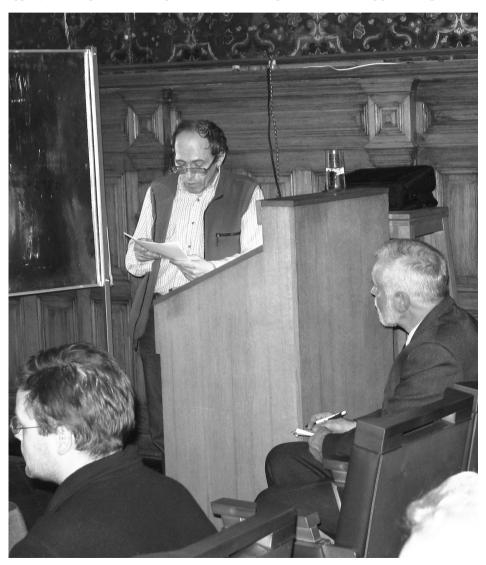
С археологом Михаилом Казанским на заседании в Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ. Фото 2007 г.

Очевидно, что после окончания школы прямой путь был на кафедру археологии. Но приснопамятный *пятый пункт* закрывал дорогу на «идеологический» исторический факультет ЛГУ. Лесман подал документы в Ленинградский Государственный политехнический институт. Однако все годы учебы в Политехе он полулегально посещал занятия на кафедре археологии, так что к моменту получения диплома был неофициально прослушан также полный курс истфака.

Именно тогда, в годы учебы на кафедре, мы с Лесманом и познакомились. Вместе слушали лекции, вместе ходили на заседания славяно-варяжского семинара. Юра вспоминал об этом:

«Лебедев руководил семинаром года до 1972. Затем он передал его окончившему аспирантуру В.А. Булкину... Сначала все шло по-старому, но вскоре семинар выпал из учебных планов (возможно, сказывалась смерть М.И. Артамонова). В.А. Булкин держался и по нашей просьбе, хотя и неофициально (о чем мы узнали позже), семинар сохранил, однако заседания стремительно теряли свою регулярность.

А мы, студенты, заставшие семинар еще полноценно работавшим, пытались его сохранить. Наверное, не столько из чувства долга или понимания его значимости для дальнейшего развития археологии (это пришло позже), сколько потому, что были убеждены в его необходимости для нас самих. Как-то, обсуждая втроем (я, студент Политехнического института, полулегально слушавший лекции на кафедре, С.В. Белецкий, студент 3-го курса, и М.М. Казанский, студент 4-го курса) наши проблемы, мы решили, что надо брать дело в свои руки. Мы решили,

Выступление на защите докторской диссертации Александра Саксы. Фото 2007 г.

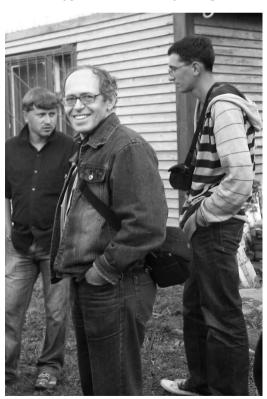
С.В. Белецкий

что будем проводить заседания семинара независимо от присутствия руководителя... Семинар удалось возобновить, хотя от отсутствия четкого руководства он что-то и потерял. С другой стороны, для нас троих (да, думаю, и не только для нас) это был очень полезный опыт самостоятельности. Мы учились вести заседания и вести себя на заседании, учились абстрагироваться от собственных пристрастий, учились говорить и как рядовые участники, и как врио руководителя (в частности, подводить итоги обсуждений), учились торопить слишком заговорившихся докладчиков и остужать слишком оживленные споры.

Если семинар проводился, то под конец он обычно переходил в пешую прогулку по Невскому до Московского вокзала, а иногда и дальше. Такая прогулка была продолжением заседания, но уже неформальным, однако никогда или почти никогда не переходившим в застолье» (Лесман, 2009. С. 282, 283).

В эти же годы у Лесмана сформировался интерес к материальной культуре средневековой Руси и проблемам хронологии древнерусских вещей (прежде всего украшений) — тем самым темам, которые в дальнейшем станут основными в научном творчестве Лесмана.

После окончания Политехнического института (1977) Лесман несколько лет работал по распределению в вычислительном центре Центрального котлотурбинного института. При этом он продолжал активно заниматься

В Старой Ладоге. Фото 2008 г.

археологией: проводил разведки и раскопки в Ленинградской и Калининской (ныне — Тверской) областях, участвовал в конференциях, публиковал первые статьи. Помню, как одну из наших совместных публикаций мы дописывали у него на работе — в комнате, заставленной гудящими шкафами-ЭВМ. При этом Юра периодически отвлекался от статьи и обсуждал с коллегами по вычислительному центру что-то, связанное с перфокартами.

Новый этап наступил в 1981 г., когда Лесман пришел в Эрмитаж. Вначале это был Отдел музейной информатики, а с 1997 г. — отдел архитектурной археологии. И уже первые эрмитажные годы стали в научном отношении очень плодотворными. Конечно, работа над созданием музейной базы данных Эрмитажа отвлекала от собственно

археологии. Но — не так сильно, как котлы и турбины. Теперь удавалось совмещать служебные обязанности с систематическим изучением археологических коллекций, благо многие из этих коллекций хранились в помещениях Эрмитажа, и до них не надо было добираться через весь город. Наконец, появилась возможность вплотную заняться любимой темой — древнерусской хронологией. Именно в начале 1980-х вышли первые статьи Лесмана, посвященные проблемам хронологии.

В середине 1980-х гг. Лесман был принят в соискатели на кафедру археологии Ленинградского университета. Но истфаковское руководство фактически не допустило его к кандидатским экзаменам, открытым текстом указав на неподходящую фамилию. В сложившейся ситуации Юру поддержали коллеги из Новгородской экспедиции. В 1986 г. он стал соискателем на кафедре ар-Московского универхеологии (научный руководитель ситета В.Л. Янин) и в 1988 г. блестяще защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Погребальпамятники северо-запада ные Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)». К этому времени многие археологи-русисты уже приняли «хронологию Лесмана», а статья «Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации)» (Лесман, 1984) надолго стала одной из самых цитируемых работ в отечественной археологической медиевистике.

С археологом Иваном Еремеевым на заседании в ИИМК РАН. Фото 2010 г.

На выставке новых поступлений в библиотеке ИИМК РАН. Фото 2012 г.

468 С.В. Белецкий

В девяностые и нулевые годы научная деятельность Лесмана достигает своего пика. Появилась возможность ездить в научные командировки — в Москву, Новгород, Псков, на Украину и в Белоруссию, в Швецию, Германию и Англию. Он — постоянный участник представительных конференций, семинаров и коллоквиумов. Из печати одна за другой выходят статьи, посвященные как традиционным для отечественной науки темам (славянский этногенез; хозяйство, расселение и погребальный обряд славян и их соседей; информативные возможности культурного слоя; североевропейские традиции в материальной культуре древней Руси), так и проблемам экзотическим (средневековая эротика). Но центральной темой остается хронология древностей средневековой Руси, прежде всего — украшений. Лесман продолжает совершенствовать методику датирования предметов и комплексов, применяет полученные результаты для проверки хронологии новооткрытых и хрестоматийных памятников. На протяжении четверти века он является ведущим специалистом в изучении древнерусской хронологии: многочисленные ссылки на «устные консультации Ю.М. Лесмана» в работах коллег говорят сами за себя. Все ждут от Лесмана докторской защиты и издания монографии, посвященной хронологии ювелирных изделий средневекового Новгорода. Однако и защита, и завершение книги все время откладываются. Лесман не признает формулу «лучшее враг хорошего»: он продолжает постоянно совершенствовать рукопись и никак не может

С женой, историком Ириной Левинской, и другом детства, актером Алексеем Заливаловым (†2012), в «Подвале бродячей собаки» в Петербурге. Фото 2010 г.

Слово о друге 469

поставить точку. Кроме того, много времени отнимают проблемы, напрямую с докторской не связанные, — раскопки памятников Нового времени в Петербурге, градозащитная и общественно-политическая деятельность, преподавание на кафедре музееведения философского факультета СПбГУ и на кафедре урбанистики и городской среды СПбГАСУ.

Интерес к археологическому изучению памятников Нового времени появился у Лесмана, на самом деле, еще в студенческие годы, когда на заседаниях славяно-варяжского семинара мы неоднократно обсуждали так называемую «проблему 1700 года». Дело в том, что в 1970-е гг. памятники XVIII-XIX вв. археологическими «не считались». Верхней хронологической границей археологии признавался 1700 г. (как постановили в середине XIX в. путем голосования члены Русского археологического общества), и большинство археологов, проводивших раскопки в средневековых русских городах, сдирали слои Нового и Новейшего времени при помощи землеройной техники (единичные опыты изучения культурного слоя XVIII в., вроде раскопок А. Д. Грача в Ленинграде, вос-

На 58-м заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Фото 2012 г.

принимались археологическим истеблишментом как своего рода экзотика). Нас же, тогда совсем мальчишек, это решительно не устраивало — культурный слой петровского или пушкинского времени представлялся нам не менее информативным, чем слои времен Киевской Руси или Смутного времени.

Явочным порядком изучение отложений XVIII—XIX вв. началось только в конце 1970-х и в 1980-е гг. при проведении спасательных раскопок в Пскове (и то — не на всех раскопах). Лесман в те годы неоднократно приезжал на выходные в Псков, принимал активное участие в обсуждении методики исследований и первых результатов раскопок. Но в систематическом изучении памятников XVIII—XIX вв. сам он принял участие только в нулевые годы, когда во дворах Эрмитажа и на Дворцовой площади Санкт-Петербурга проводились работы по прокладке новых коммуникаций. Результатом этих работ стало не только открытие следов застройки берега Невы в XVIII в., но и новые данные по истории строительства Зимнего дворца и Нового Эрмитажа.

470 С.В. Белецкий

В те же годы началась и активная градозащитная деятельность Лесмана. Он был среди тех, кто требовал пересмотреть проект магазина «Стокманн» на углу Невского и Знаменской (ныне ул. Восстания), защищал остров Новая Голландия, в раскопках которого принимал участие, боролся против строительства на Охте газпромовской башни и за сохранение остатков крепостей XIII—XVII вв. на Охтинском мысу. При этом деятельность Лесмана не сводилась к участию в митингах протеста и подписанию коллективных писем в защиту памятников. Вместе с коллегами он принимал участие в составлении экспертных заключений для судебных процессов, проводил тщательное текстологическое изучение так называемых «экспертиз», составлявшихся нанятыми Газпромом «экспертами», и блистательно демонстрировал их полную несостоятельность.

На раскопках Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Фото 2012 г.

Cлово о ∂py ге 471

С археологом Олегом Иоаннисяном в Полоцке. Фото 2012 г.

Еще больше времени в девяностые и нулевые годы занимала активная общественно-политическая деятельность. Сколько я знал Лесмана, он всегда был очень политизированным. Помню, как в 1989-м мы вместе с друзьями и коллегами принимали участие в агиткампании Г.С. Лебедева, баллотировавшегося в Ленсовет, как вместе ходили на митинги. В дни путча в августе 91-го Лесман вместе с женой, И.А.Левинской, дежурили у стен Мариинского дворца, на защиту которого умчались тогда из Пскова почти все участники моей экспедиции (через несколько дней, когда путч провалился, вернулись докапывать). А начиная с рубежа 1980–1990-х гг., когда среди прочих политических партий и движений резко активизировались разного толка национал-экстремисты, Лесман начал методично фиксировать процесс зарождения в Питере фашизма: он бывал на митингах националистов, практически ежедневно просматривал националистические газеты и брошюры на лотках вдоль заклеенного агитматериалами деревянного забора у Гостиного двора (в Питерской микротопонимике 1990-х — «стена плача»), регулярно обходил центр Санкт-Петербурга и отклеивал со стен и водосточных труб самодельные листовки. В результате за десятилетие целенаправленных поисков был собран уникальный архив, насчитывавший несколько тысяч единиц хранения (в начале нулевых передан в Музей политической истории России). Другим результатом

472 С.В. Белецкий

стали статьи в антифашистском журнале «Барьер» (который в 1990-е гг. Лесман издавал вместе с друзьями), а также неоднократное проведение экспертиз в рамках уголовных дел в отношении национал-экстремистских группировок (к экспертной деятельности Лесман и Левинская активно подключились после убийства в 2004 г. членами неонацистской банды Боровикова-Воеводина этнографа, антифашиста и правозащитника Н. М. Гиренко). А на последних президентских выборах в 2012 г. Лесман и Левинская были наблюдателями на одном из участков в Московском районе Санкт-Петербурга, где зафиксировали фальсификации при подсчете голосов и по этим фактам написали заявления в Следственный комитет и прокуратуру.

Лесман был человеком яркого критичного ума, редкой доброты и большого мужества. В полном смысле слова, chevalier sans peur et sans reproche. «Культовый герой», как сказала одна из коллег, работавшая бок о бок с Лесманом на раскопках. После него остались не только полторы сотни опубликованных работ, два десятка статей, в разной степени подготовленных к печати, и практически завершенная монография. Осталась любимая и любящая жена, остались друзья и ученики. Осталась память об удивительно добром человеке, талантливом ученом, несгибаемым борце с подлостью и несправедливостью.

Литература

Лесман Ю.М., 1977. Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л.

Лесман Ю.М., 2003. Гражданин Касталии, ученый, романтик, викинг // Санкт-Петер-бургской университет. № 28–29.

Лесман Ю.М., 2009. В семинаре с юных лет // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.

Сведения об авторах

Белецкий Сергей Васильевич, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Бессуднова Марина Борисовна, Липецк, Липецкий государственный педагогический университет

Валк Хейки, Тарту, Тартуский университет

Васильев Михаил Анатольевич, Псков, Археологический центр Псковской области

Гиппиус Алексей Алексеевич, Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дорофеева Татьяна Семеновна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Егорейченко Алнесандр Андреевич, Минск, Белорусский государственный университет

Йонайтис Ритис, Вильнюс, Институт истории Литвы

Каплунайте Ирма, Вильнюс, Институт истории Литвы

Колосницын Павел Павлович, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Колпакова Юлия Вячеславовна, Псков, Псковский государственный университет

Королёва Эльвира Валерьевна, Псков, Псковский государственный музей-заповедник

Короткевич Борис Сергеевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.

Круглова Таисия Викторовна, Псков, Псковский государственный музей-заповедник

Кулакова Марина Ильинична, Псков, Археологический центр Псковской области

Лопатин Николай Владимирович, Москва, Институт археологии РАН

Медведева Мария Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Михайлов Александр Валерьевич, Псков, Археологический центр Псковской области Михайлов Андрей Александрович, Санкт-Петербург, Институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Михайлова Елена Робертовна, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Новосёлов Николай Валентинович, Санкт-Петербург, Государственный Русский музей Олейников Олег Михайлович, Москва, Институт археологии РАН

Петров Михаил Иванович, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований

Плавинский Владимир Александрович, Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь

Плавинский Николай Александрович, Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь

Подгорная Розалия Геннадиевна, Псков, Археологический центр Псковской области Потравнов Александр Леонидович, Санкт-Петербург, Историко-культурный проект «Регионавтика Северо-Запад»

Рожнятовский Всеволод Михайлович, Санкт-Петербург, Институт телевидения, бизнеса и дизайна, кафедра истории искусств

Саблин Михаил Валерьевич, Санкт-Петербург, Зоологический институт РАН

Салимов Алексей Маратович, Тверь, Тверской филиал Государственной академии славянской культуры

Салмин Сергей Анатольевич, Псков, Псковский археологический центр

Салмина Елена Вячеславовна, Псков, Археологический центр Псковской области

Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Соколова Ирина Георгиевна, Псков, Псковский государственный университет

Сорокин Петр Егорович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Спиргис Роберт, Рига, Институт истории Латвии при Латвийском университете

Стеблин-Каменская Софья Ивановна, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

Степанов Сергей Владимирович, Псков, Псковский археологический центр

Тарабардина Ольга Альбертовна, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований

Торопова Елена Владимировна, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Федоров Илья Андреевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Харлашов Борис Николаевич, Псков, Псковский археологический центр

Хмельник Татьяна Юрьевна, Санкт-Петербург, газета «Невское время»

Юшкова Мария Андреевна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

Яворская Лилия Вячеславовна, Москва, Институт археологии РАН

Яковлев Алексей Владмирович, Псков, Псковский археологический центр

Яковлева Елена Александровна, Псков, Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия

Список сокращений

АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы семинара (с 2005 г. — имени академика В. В. Седова). М.; Псков.

АНО — Автономная некоммерческая организация.

АО — Археологические открытия. М.

AC — Археологический съезд.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.

АЦПО — Археологический центр Псковской области.

БСВ — Балтийская система высот.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.

ГАПО — Государственный архив Псковской области.

ГБУК — Государственное бюджетное учреждение культуры.

ГДМ — Гатчинский дворец-музей.

ГИМ — Государственный Исторический музей. М.

ГМЗ — Государственный музей-заповедник.

ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.

ДАИ — Дополнение к актам историческим, собранные и опубликованные Археографической комиссией. СПб.

ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.

ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. М.

ИАК — Императорская Археологическая комиссия.

ИАНЭ — Известия Академии наук Эстонской ССР. Сер. обществ. наук. Таллин.

 ${
m U\Gamma EM\ PAH- U}$ нститут геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии PAH. М.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.

КСИА — Краткие сообщения ИА РАН. М.

КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украины. Киев.

КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (прежнее название КСИА — до 1960 г.)

МАБ — Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск.

МАР — Материалы по археологии России.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция.

HГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

НИАМ — Новгородский историко-архитектурный музей.

ННЗ — Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы научной конференции. Великий Новгород.

НЦМД — Новгородский центр музыкальных древностей.

ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии.

ОАН — объект археологического наследия.

ОДЦП — областная долгосрочная целевая программа.

 $OKH \Phi 3$ — объект культурного наследия федерального значения.

ПАО — Псковское археологическое общество.

ПГОИАХМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РА — Российская археология. М.

РАО — Русское Археологическое общество.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. М.

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.

 ${
m PИБ}-{
m Русская}$ историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.

СА — Советская археология. М.

САИ — Свод археологических источников. М.; Л.

СМАМЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции. М.

 ${
m TT3-Tверь},\ {
m Tверская}\ {
m земля}\ {
m u}\ {
m conредельные}\ {
m Tерритории}\ {
m в}\ {
m эпоху}\ {
m средневековья}.$ ${
m Tверь}.$

 $\Phi \Gamma \Psi \Pi - \Phi$ едеральное государственное унитарное предприятие.

ФЦП — федеральная целевая программа.

AE — Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2012 г.

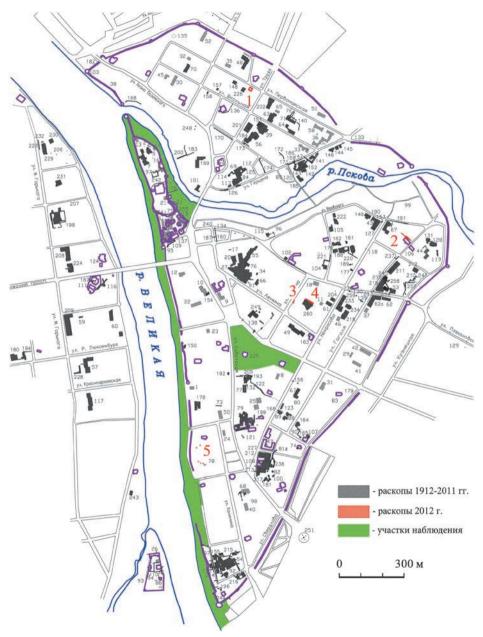

Рис. 1. Схема расположения раскопов в г. Пскове (a- раскопы 1912—2011 гг.; b- раскопы 2012 г.; b- участки наблюдений) Цифрами красного цвета обозначены: t- Образский раскоп; 2- Никольский IV раскоп у Солодёжни; 3, 4- Лужские раскопы; 5- Георгиевский раскоп.

478 Е.А. Яковлева

Рис. 2. Схема расположения археологических раскопов в Изборской крепости и на Труворовом городище в 2012 г. Γ 1–4 — шурфы на Труворовом городище; Π 1–5 — шурфы на посаде; P 52–58a — раскопы в крепости

Рис. 4. Находки из Образского III раскопа: a — вислая свинцовая печать (аверс и реверс); δ — энколпион

Рис. 8. Изборская крепость. Находки: a — наконечник стрелы; δ — накладка; ϵ — фрагмент кресала; ϵ — перстень; δ — створка креста-энколпиона; ϵ — фрагмент браслета; ϵ — изделие (ϵ — железо; ϵ — кость; ϵ — камень; ϵ , ϵ , ϵ , ϵ — цветной металл)

С.В. Степанов. Исследования прибрежной части средневекового Полонища Пскова (по материалам Георгиевского II раскопа 2012 г.)

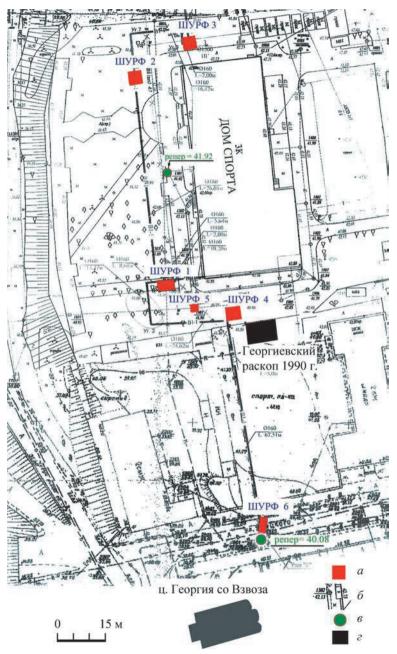

Рис. 1. Ситуационный план расположения шурфов Георгиевского II раскопа. Условные обозначения: a — шурф; δ — контуры зданий и линии коммуникаций; s — репер; ϵ — раскоп 1990 г.

А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг.

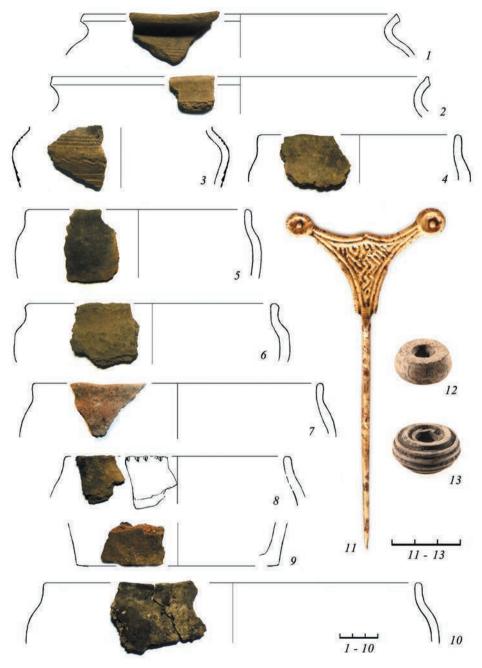

Рис. 2. Городище. Находки из шурфа 2. 1-3 — Круговая керамика из лицевой кладки внутреннего фасада стены; 4-6, 12, 13 — темно-серый слой под стеной; 7-11 — серый слой. 4-10 — лепная керамика; 11 — бронза; 12, 13 — известняк.

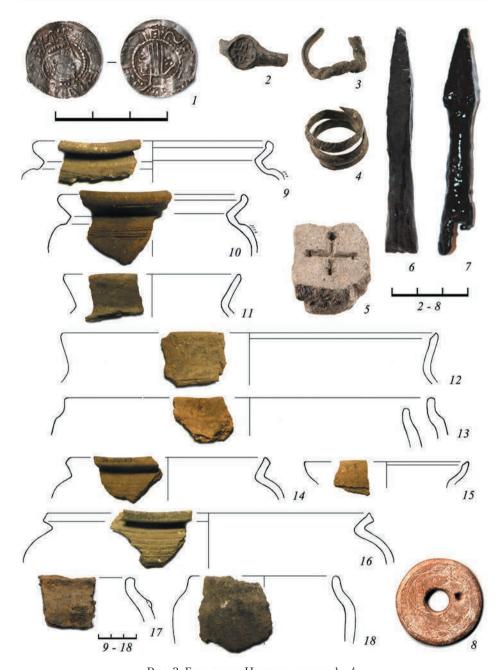

Рис. 3. Городище. Находки из шурфа 4. 1 — Серебряный денарий из пестрого слоя; 2 — 7, 9 — 12 — из слоя кладбища; 13 — лепная (13) и круговая керамика из пестрого слоя; 8, 16 — известняковое пряслице и круговая керамика из темно-серого слоя; 17, 18 — лепная керамика из материковой ямы.

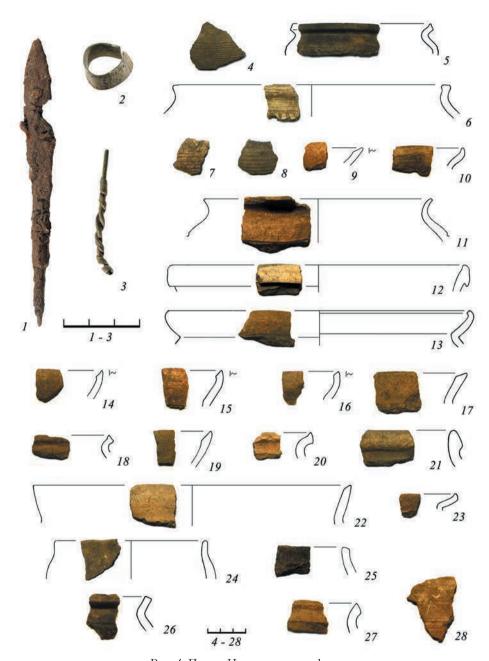

Рис. 4. Посад. Находки из шурфов. 1—3 — шурф 1, культурный слой; 4—8 — шурф 1, частокольная канава; 9, 10 — шурф 2; 11—25 — шурф 3 (11, 12, 25 — под дерном; 13—19 — пласт 1; 20—24 — пласт 2); 26 — шурф 4; 27, 28 — шурф 5.

Б.С. Короткевич, Б.Н. Харлашов. Итоги исследования городища Борохново

Рис. 1. Городище Борохново. Вид с юга

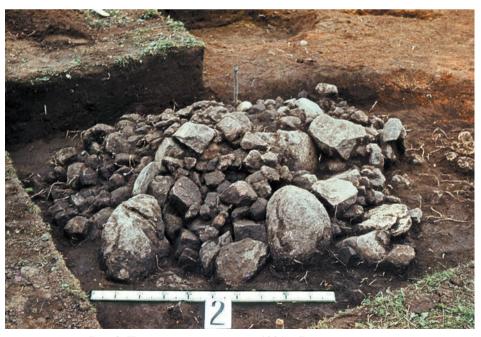

Рис. 3. Печь-каменка в раскопе 1981 г. Вид с юго-запада

Рис. 4. Остатки верхнего горизонта сгоревших деревянных конструкций в раскопе 1981 г. Вид с юго-запада

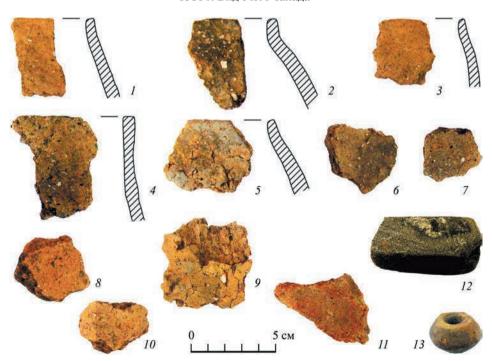

Рис. 7. Археологические находки при разборке печи-каменки

Рис. 9. Поверхность прокаленной глины. Вид с юго-востока

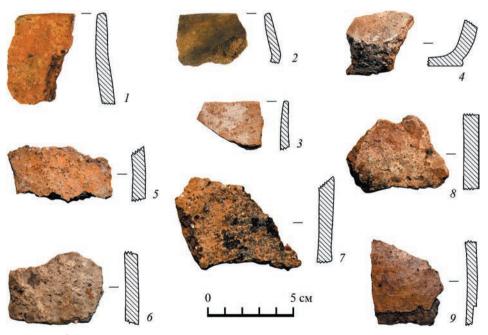

Рис. 11. Фрагменты лепных сосудов из верхнего горизонта сгоревших деревянных конструкций

Рис. 12. Нижний горизонт сгоревших деревянных конструкций. Вид с севера

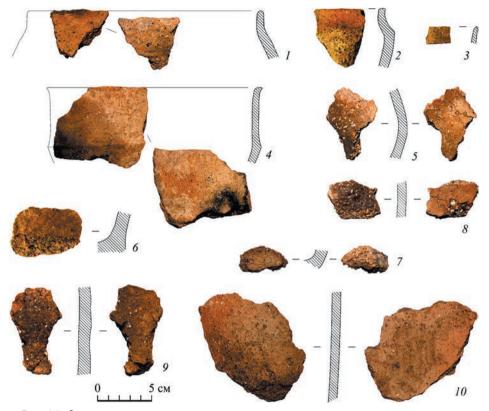

Рис. 14. Фрагменты лепных сосудов из нижнего горизонта сгоревших деревянных конструкций

Рис. 15. Выбранный ров с неразобранными исследовательскими бровками

М.И. Кулакова, А.В. Михайлов, Е.В. Салмина, Е.А. Яковлева. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.

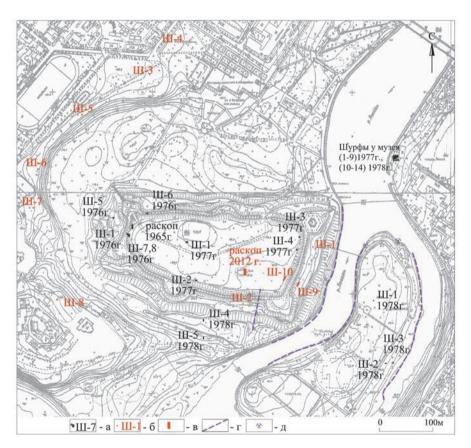

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов на территории Великолукской крепости

Условные обозначения: a — раскопы прошлых лет; δ — шурфы 2012 г.; s — раскоп 2012 г.; ϵ — участки сбора подъемного материала; δ — места зачистки берега о. Дятлинка.

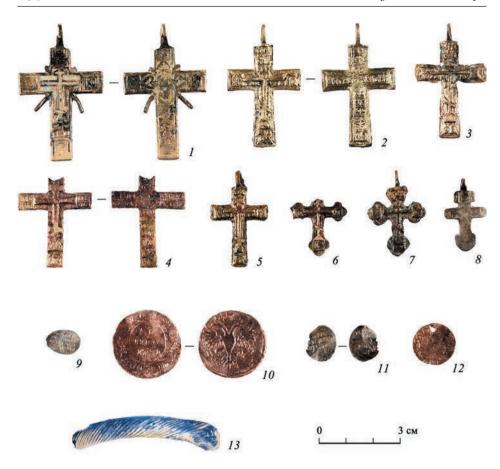

Рис. 2. Находки из раскопок в Великих Луках в 2012 г.: 1-8- нательные кресты из погребений некрополя Воскресенского собора XVII в.; 9-12- монетные находки из раскопа у алтаря Воскресенского собора; 13- фрагмент стеклянного браслета (шурф 10).

Э.В. Королёва, Е.А. Яковлева. Концепция музеефикации Великолукской крепости

Рис. 1. Великолукская крепость, вид сверху. Красной линией обозначены границы территории музеефикации a — вид на равелин и танк Т-34 — памятник в честь воинов-танкистов, установленный на северозападном бастионе; δ — вид на Обелиск Славы — памятник воинам, павшим в боях за город Великие Луки в декабре 1942 — январе 1943 г., установленный на северо-восточном бастионе

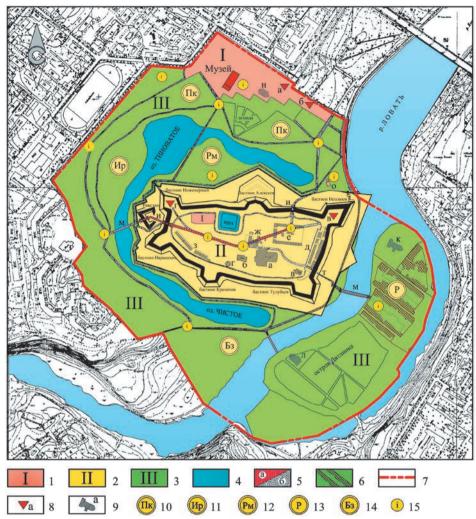

Рис. 2. Схема музеефикации территории Великолукской крепости. Масштаб 1: 5000 1 — функциональная зона I — мемориальная и информационно-административная; 2 — функциональная зона II— зона музеефикации (экспозиция под открытым небом); 3— функциональная зона III — ландшафтно-рекреационная; 4 — восстановление средневековых защитных рвов, озер Чистого и Тинноватого, Комендантского пруда в крепости; 5 — дорожно-тропиночная сеть (а существующая историческая дорога в крепости; δ — существующие и проектируемые дороги и тропы); 6- объекты регенерации на о. Дятлинка; 7- граница территории музеефикации; 8- существующие мемориальные объекты (a — могила Героя Советского Союза А.М. Матросова; δ — Вечный огонь; e — Обелиск Славы; e — Мемориальный комплекс в память о воинах-танкистах); 9 — архитектурно-археологические объекты и комплексы (a- ц. Воскресения, 1692 г.; b- ц. Рождества Богородицы, XVII в.; s-ц. Николая Чудотворца, 1626 г.; z- гауптвахта; $\partial-$ укрепления восточной стены крепости; e- комендантский двор; $\varkappa-$ провиантские магазины; z- артиллерийские цейхгаузы, пороховой погреб; u — ворота в крепость; κ — ц. Спаса Преображения на о. Дятлинка, 1646 г.; n- ц. Знамения Богородицы на о. Дятлинка, 1696 г.; m- мосты; n- ц. Покрова Богородицы, 1671 г.; o- аустерия; m- тайник в восточной стене крепости); 10- «Питомник Д.Г. Карчевского»; 11 — территория исторических реконструкций, концертов и т. п.; 12 — площадка для реконструктивного моделирования; 13 — территория регенерации на о. Дятлинка; 14 — территория лагеря реконструкторов (т. н. «бытовая зона»); 15 — информационные площадки

О.М. Олейников. Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланьский)

Рис. 5. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланьский. Предметы из слоев XII— начала XIII в.

1 — крест-энколпион (Досл-11-18); 2 — фрагмент наперсной односторонней иконки (Досл-1-146); 3 — иконка-вставка (Досл-1-25); 4 — печать вислая малая (Досл-1-87);
5 — бусина (Досл-1-116); 6 — фрагмент браслета крученого темно-коричневого с желтой перевитью непрозрачного (Досл-1-49); 7 — фрагмент подвески-амулета «топорик» (Досл-1-41);
8 — фрагмент бусины шаровидной желтой полупрозрачной (Досл-13-6); 9 — бусина шаровидная светло-зеленая прозрачная (Досл-13-9); 10 — бусина сферическая усеченная дважды (Досл-1-42); 11 — бусина 14-гранная (Досл-3-1); 12 — бусина цилиндрическая спиралевидная синяя (Досл-13-15). (1-3, 7 — бронза; 4 — свинец; 5 — белый металл; 6, 8, 9, 12 — стекло; 10 — янтарь; 11 — сердолик)

494 О.М. Олейников

Рис. 7. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланьский. Находки из слоев XIV–XV вв. 1,2— вислые печати (Досл-2-39; Досл-7-1); 3— иконка-вставка (Досл-тр-3); 4— иконка нательная односторонняя (Досл-12-20); 5— наперсная иконка (Досл-2-100); 6–8— накладки (застежки?) книжные (Досл-1-86; Досл-10-3; Досл-1-168); 9— фрагмент креста наперсного (Досл- 2-56); 10–13— кресты нательные (Досл-2-21; Досл-3-124; Досл-2-14; Досл-2-5); 14— фрагмент матрицы (Досл-3-70). (1,2— свинец; 3–14— бронза)

А.М. Салимов, В.В. Данилов. Михаило-Архангельский собор Старицы по материалам последних исследований

Рис. 4. Старица. Михайловский собор. Общий вид с СВ. Фото 2013 г.

Рис. 5. Старица. Михайловский собор. Алтарная преграда и остатки белокаменного пола храма-предшественника. Вид с ЮЗ. Фото 2013 г.

Р. Йонайтис. Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе в 2012 г. (Не)ожиданные открытия

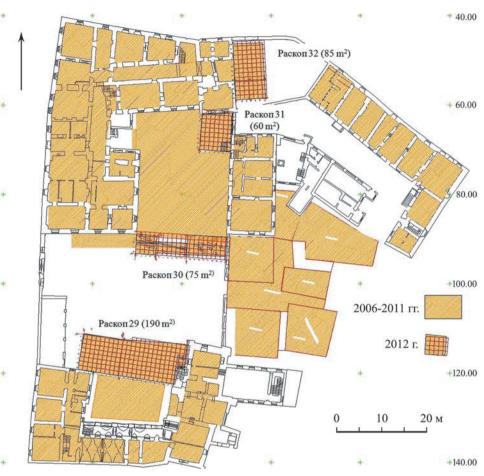

Рис. 1. Ситуационный план раскопок

Рис. 2. Раскоп 30. Восточный участок. Погребение 423

Рис. 3. Раскоп 30. Восточный участок. Погребение 428. Фрагмент

498 Р. Йонайтис

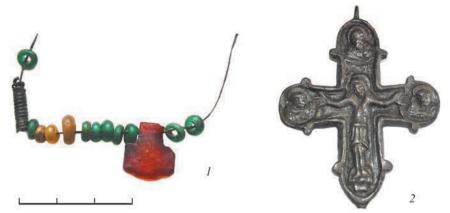

Рис. 4. Ожерелье из погребения 404 (1) и древнерусский энколпион из раскопа 32 (2)

Рис. 5. Общий план могильника (выделены погребения, образцы из которых взяты для датировки по $^{14}\mathrm{C}$)

Р. Спиргис. Средневековые бестиарии как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок

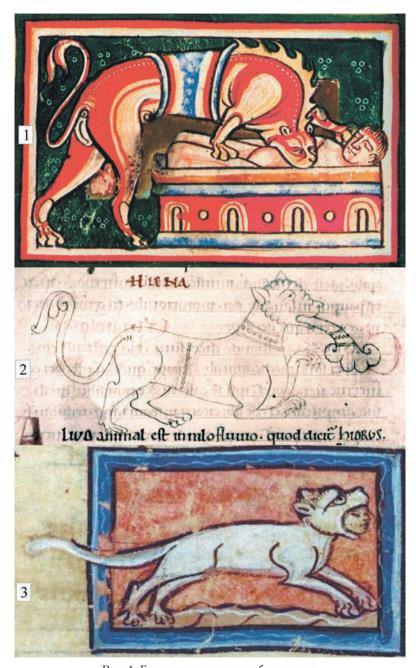

Рис. 1. Гиена средневековых бестиариев
1 — миниатюра рукописи английского бестиария конца XII в. (по: Перепёлкина, 1984. Л. 9);
2 — миниатюра рукописи английского бестиария второй половины XII в. (по: http://bodley30.
bodley.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/view/search?q==»MS.%20Laud%20Misc.%20247»);
3 — миниатюра рукописи французского бестиария второй половины XIII в.
(по: http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=COMP-2&I=24&M=imageseule)

500 P. Cnupruc

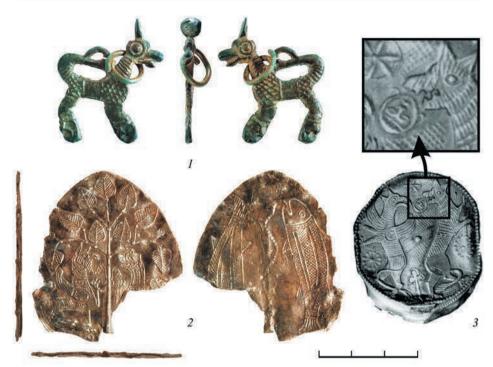

Рис. 2. Изображение гиены на археологических находках

- 1 бронзовая подвеска-гиена (А 13327: 5), поселение Саласпилс Лаукскола, случайная находка; 2 фрагмент свинцово-оловянной ложки (RVKM 185163: 5), Рига, раскопки на ул. Миесниеку, 4;
- 3 свинцово-оловянный футляр зеркальца (VI 166/400), Рига, раскопки на ул. Лиела Пилс 8/10

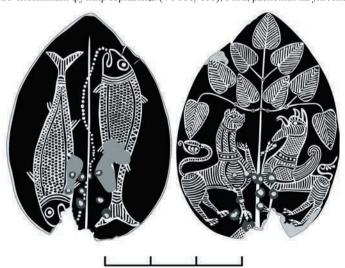

Рис. 3. Фрагмент свинцово-оловянной ложки. Базилика в поселении Кватро Мачине (Quattro Macine), Южная Италия (пропись по: *Arthur*, 1996. P. 211. Fig. 26)

Рис. 4. Зооморфные образы на бронзовых ливских подвесках и оковке 1—подвеска-гамаюн (А 12695: 358а), Даугмальское городище; 2— подвеска-парадизея (А 11970: 1018), п. 125 могильника Саласпилс Лаукскола; 3— подвеска «смоленского» типа (АМ А 174: 1), городище Ступели, случайная находка; 4— оковка в виде тигрицы (А 9964: 7345), Даугмальское городище

Рис. 5. Тигрица с зеркалом на миниатюре рукописи английского бестиария второй четверти XIII в. (по: Bestiary MS Bodley 764, 1999. Р. 28)

502 P. Cnupruc

Рис. 7. Левкрота средневековых бестиариев 1— миниатюра рукописи английского бестиария конца XII в. (по: *Перепёлкина*, 1984. Л. 46 об.); 2— миниатюра рукописи английского бестиария конца XII в. (по: Leucrota. Эл. ресурс)

Рис. 8. Сравнение голов подвесок смоленского типа (1–4, 6–9) и левкроты бестиария (5)

1 — окрестности Екабпилса (частная коллекция); 2 — Даугмальское городище (А 9964: 2);
3 — п. 40 могильника Долес Рауши (VI 146: 256); 4 — п. 9 могильника Икшкилес Кабелес (RDM I 2203n); 5 — миниатюра рукописи английского бестиария конца XII в. (по: Перепёлкина 1984. Л. 46 об.); 6 —могильник Пилдас Брадайжи (RDM IV 93); 7 — п. 32 могильника Икшкилес Кабелес (RDM I 2225a); 8 — п. 32 могильника Икшкилес Кабелес (RDM I 2225a);
9 — п. 480 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 6931)

И.А. Федоров. Курганная группа Гатчина 1: Новые архивно-картографические данные

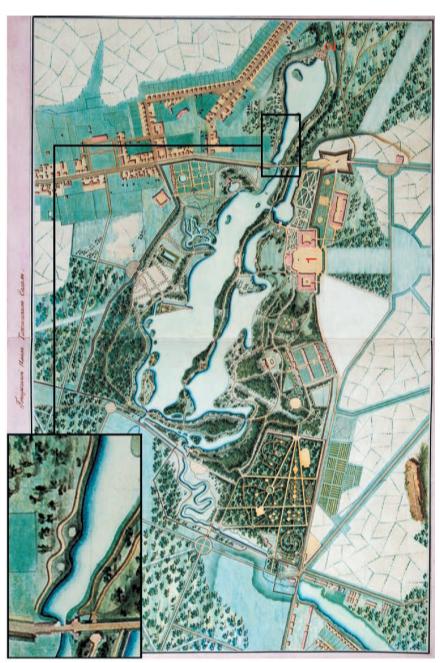

Рис. З. Генеральный план гатчинских парков из Атласа Гатчинскому дворцу с садами, зверинцами и всеми в них имеющимися строениями. Равно города и полей. 1798 г.
 1- Гатчинский дворец; 2- Приоратский дворец